

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Джек Уильямсон

Фредерик Пол

РИФЫ КОСМОСА

**Сборник фантастики,
дополненный иллюстрациями,
из первых журнальных публикаций**

выпуск 8

**серия
«НИГДЕ НЕ КУПИШЬ»
2020 год**

Публикации и иллюстрации:

If, July - November 1963

The Reefs of Space •

interior artwork by Ed Emshwiller

If, January - March 1965

Starchild •

interior artwork by Gray Morrow

If, June - August 1968

Rogue Star •

interior artwork by Jack Gaughan

Ознакомительный тираж: 1 экземпляр.

Перевод: Переводчик не указан.

**Работа с текстом и иллюстрациями: by formally,
расстановке иллюстраций в тексте: by Cityman.**

РИФЫ КОСМОСА

Глава I

— Зарегистрироваться, живо! — отрывисто скомандовал майор. — Эй, опы, вы там что, заснули?

Антенны радара делали его похожим на сонного молодого дьявола с расслабленной нижней челюстью, но очень, очень опасного.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Стив Райленд, осматриваясь. Вот он, Рейкьявик. Совершенно новый мир.

Райленд только что прибыл из лагеря максимально строгого режима безопасности за Полярным Кругом. Жмурясь от яркого света, он не мог отвести взгляда от тысячефутовых высотных зданий, от реактивных лайнеров и ракет, усеявших поле аэропорта.

Невысокий мужчина, стоящий рядом, чихнул и подтолкнул его.

— Порядок, — сказал ему Райленд и прошел в пустую комнатку Службы Безопасности.

Как и в любой другой комнате, в углу стоял телетайп.

— «Информация», — простучал Стив на его клавишах. —

«Стивен Райленд, оп. АВС-38440, О.Б.Опорто, оп. ХУЗ-99942, прибыли на... — быстрый взгляд на табличку с кодом, прикрепленную к корпусу телетайпа, — станцию 3, радиус 4-261, Рейкьявик, Исландия. Запрос. Какие следуют указания?».

Через мгновение от Планирующей Машины пришел ответ — всего одна буква: «П». Это означало, что Машина приняла сообщение, поняла его и ввела в банк памяти. Приказы последуют.

Дверь открылась, в комнату заглянула девица-общительница. Губы, сложенные в профессиональную улыбку, сжались в прямую линию — она заметила

железные воротники-кольца на шеях Райленда и Опорто. Опасники. Девица кивнула майору и закрыла дверь.

Зазвенел сигнал телетайпа. Райленд прочел сообщение: «Действия. Проследовать к поезду 667, путь 6, купе 93».

Майор, заглянув через его плечо, усмехнулся:

— Прямой билет в орган-банк, могу поспорить.

— Да, сэр, — тихо отозвался Райленд.

Он не собирался спорить. Опу бесполезно вступать в спор с майором, шлем которого украшают радарные антенны.

— Тогда шевелитесь, — проворчал майор. — И еще, Райленд...

— Слушаю, сэр?

— Спасибо за шахматы, — подмигнул майор. — Надеюсь еще увидеть вас, хотя бы по частям. — Довольный собственной шуткой, он загоготал им вслед. — Только без глупостей, я вас предупредил!

— Я не забуду, — ответил Стив, тронув железное кольцо на шее.

Опорто опять чихнул.

— Пойдем, — позвал он.

— Ладно. Какой там был номер?

Коротышка усмехнулся.

— Поезд 667, путь 6, купе 93. Запомнить нетрудно... апчхи! Проклятье! — пожаловался он. — Я простужусь! Давай скорее убираться с этого сквозняка!

Райленд направился к выходу. Они пересекли тротуар, подошли к стоящим в ряд такси и сели в свободную машину. Прохожие — туристы, работники служб аэропорта и другие — бросали на них мимолетный взгляд, замечали железные воротники, и тут же на их лица словно опускалась непроницаемая завеса.

Райленд набрал на пульте машины код места назначения, и такси помчалось по широким бульварам к огромному мраморному зданию на другом конце города.

Над входом в грандиозное здание были высечены слова: «План Человека. Станция субпоезда».

Они пересекли просторный зал ожидания, полный пассажиров. Но чувствовали себя одинокими. Райленд грустно улыбнулся. Без глупостей, помни! Еще бы. Человеку с железными ошейником не стоит уклоняться от предначертанного маршрута. А если он все же так сделает, всем остальным в этот момент лучше находиться где-нибудь подальше. Так будет полезней для их здоровья.

— Нам нужен шестой путь, так?

— Да. Поезд 667, купе 93. Память у тебя дырявая, что ли? — проворчал Опорто.

— Шестой путь — это сюда.

Райленд быстро пошел вперед.

Нужный им путь оказался грузовой платформой. Спустившись по выключенному эскалатору, они оказались у дорожного полотна субпоезда.

С тех пор, как подземные линии субпоезда опоясали планету, стало невозможно определить, куда именно отправляется тот или иной поезд. Из Исландии они могли идти в Канаду, Бразилию, даже в Южную Африку. Чудовищные атомные буры Плана Человека прогрызали идеально прямые туннели в любой породе. В их безвоздушном пространстве проносились субпоезда, подстегиваемые электростатическими силами кольцевых ускорителей. Поскольку трение практически отсутствовало, скорость путешествия была сравнима со скоростями межпланетных полетов.

— Где же наш поезд? — недовольным тоном спросил Опорто, оглядываясь.

Яркий резкий свет заливал неуютную грузовую платформу, сверкая на боках гигантских алюминиевых емкостей, покоящихся в гнездах своих люлек, пока еще по эту сторону вакуум-створов. Бригада рабочих загружала с помощью кранов и грузовиков транспортные емкости на соседней платформе. В сотне ярдов от них у выхода с эскалатора появилась небольшая группа пассажиров.

— Шесть против пяти, что следующий поезд — наш, — предложил Опорто.

— Я — пас, — ответил Райленд, отклоняя пари.

Но он надеялся, что коротышка прав.

На платформе было холодно. Вызывающий зябкую дрожь холодный воздух гудел в раструбах вентиляторов. Опорто опять чихнул и начал шмыгать носом. Райленд поеживался в легкой лагерной форме.

Когда в лагерь пришло указание об их отправке, они, как того требовали правила, были подвергнуты тщательному медосмотру. В осмотр входил горячий душ. Довольный охранник отпустил зловещую шутку относительно того, что в орган-банке мясо должно быть чистеньким, но Райленд не стал обращать на это внимания. Такой роскоши он себе позволить не мог.

Человеку с железным кольцом на шее присущ очень узкий взгляд на будущее. Он может думать только о моменте, когда избавится от кольца. И больше ни о чем.

Из шахты туннеля донесся вопль предупреждающей сирены. На вакуум-створах шестого пути замигали красные огни. Завздыхали воздушные насосы. Створы медленно разошлись и появился тягач, медленно тянущий тележку-люльку с вагоном.

— Ты бы проиграл, — сказал Опорто.

Райленд кивнул в ответ. Конечно, он бы проиграл.

Вагон остановился. Зафыркали клапана, выравнивая давление, высокие двери подались вперед и вниз, образуя входные рампы, легли на платформу. Вдоль рамп побежали ленты эскалаторов.

— Смотри, Стив! Мне это совсем не нравится! — крикнул коротышка, показывая на двух человек в форме, выскочивших из вагона.

А те даже и не взглянули на Райленда и его товарища, торопливо пробегая мимо. У каждого из них была толстая кожаная сумка курьера, такого же цвета, как и форма.

Ярко-голубого цвета!

Особая охрана...

Не веря глазам, Райленд поднял голову.

Под потолком, среди паутины трубопроводов и кабелей, вспыхнул ослепительный свет. В сорока футах над платформой, на сфере вагона, засияла голубая звезда. С замирающим сердцем Стив прочел под ней четыре легендарных слова: «План Человека. Кабинет Планирующего».

Спецвагон, которого они ждали, оказался личным вагоном самого Планирующего!

Первой мыслью, промелькнувшей в голове Райленда, было: теперь, наконец, смогу представить свое дело самому Планирующему! Но вторая мысль перечеркнула первую. Планирующий, как и любой другой человек на Земле и планетах Солнечной Системы, является только орудием Планирующей Машины. И, если Райленд когда-нибудь все же будет освобожден, если с него снимут железный воротник, то только по соответствующему приказу Планирующей Машины. Человеческие аргументы на нее не действуют.

Собрав всю волю, Стив выбросил надежду из головы. И все же маленький шанс оставался. Ведь они почти наверняка отправляются не в орган-банк!

— Какое у нас купе? — хриплым голосом поинтересовался он у приятеля.

— Девяносто третье, — вздохнул Опорто. — Интересно, ты способен запомнить хоть что-нибудь? Поезд 667 — это произведение двух простых чисел, 23 и 29. Пусть 6 — их разность. А номер купе — обратный порядок последних цифр. Так просто!

Райленд не прислушивался. Те особые отношения, которые имелись у Опорто со всем, что касалось чисел и операций с ними, были для него не новостью. Сейчас его мысли были заняты более насущными вещами. Махнув рукой товарищу, он направился к эскалатору. Коротышка последовал за ним.

Поднявшись в вагон, они сразу же наткнулись на женщину в голубой форме охраны. Прежде, чем Райленд успел

обратиться к ней, женщина заметила их воротники, нахмурилась и торопливо прошла мимо, даже не сочтя нужным узнать, что делают два опя в личном поезде самого Планирующего. Впрочем, причин волноваться у нее не было: один шаг не в ту сторону — и железные кольца сделают его последним шагом вообще.

По этой же причине двигаться наугад было опасно. Райленд остановился и дождался другого охранника.

— Простите, сэр, — обратился он к седовласому, строгой выправки мужчине с серебряными грибками полковника Технического Корпуса на голубой форме охранника. — Сэр!

— В чем дело? — последовал холодный вопрос.

— Нам приказано явиться в купе 93.

Полковник задумчиво посмотрел на него.

— Имя, — коротко потребовал он.

— Райленд Стивен. И Опорто.

— Понятно, — сказал полковник и вздохнул. — Ну ладно, не стоит пачкать вагон Планирующего. Осторожность не помешает.

Он провел их в крохотную комнатку и подтолкнул вовнутрь.

— Смотрите, — повернул он ручку двери. — Замка нет. Но должен предупредить — все коридоры перекрыты радарами. Вы поняли? — Они поняли. Полковник помолчал. — Отлично. Кстати, меня зовут Лескьюри, полковник Паскаль Лескьюри. Мы еще встретимся.

И вышел, затворив за собой дверь.

Райленд окинул купе быстрым взглядом. Но интересовал его не комфорт, не великолепие обстановки. Найдя теле-тайп, он зарегистрировал себя и Опорто. Через некоторое время пришел ответ:

«П. Действия. Ждать дальнейших указаний».

Опорто уже не мог сдерживать дрожи. Лицо его горело.

— Всегда так, — сказал он в нос. — Я простужаюсь, а если не полечусь, то слягу на неделю. У меня уже жар!

— Нет, — покачал головой Райленд. — Жара у тебя нет. Мы уже едем.

Человек за пультом управления субпоезда знал, чей вагон он ведет; громадная сфера тронулась с места плавно и совершенно бесшумно — толчка они не почувствовали, просто ощутили необыкновенную легкость.

Такова была особенность путешествия субпоездом. Вагон мчался по хорде. На дальних маршрутах глубина туннеля доходила до тысячи миль от поверхности. После первоначального ускорения первая половина пути напоминала падение в кабине сверхскоростного лифта.

Рассеянно протянув руку, Райленд придержал за плечо покачнувшегося Опорто; нахмурившись, подумал, что кольцевые поля, опоясавшие стенки туннелей, в известной степени обязаны своей стабильности ему, Райленду.

Три года назад, в тот вечер, когда полиция Плана ворвалась в его кабинет, он как раз завершил диктовку описания новой силовой катушки, в которой потери на гистерезис были уменьшены наполовину, а срок службы, по сравнению со старыми катушками, удлинялся самое меньшее в два раза.

Это было единственное, что Райленд помнил.

Неужели с его мозгом что-то сделали? В тысячный раз он задавал себе этот вопрос. Стив мог воспроизвести в памяти уравнения своей собственной теории геликальных полей, пришедшей на смену теории примитивных «магнитных бутылоч», которые ранее предохраняли стены туннелей от раскаленного камня и лавы — подобно тому, как на заре ядерной энергетики физики изолировали водородную плазму.

Но ему не удавалось вспомнить ход работы, которая привела к этим уравнениям. Конструкция ионных ускорителей для двигателей атомных ракет была для него понятна, но автор конструкции — он сам — оставался загадкой. Что за человек был тот ученый? Чего он достиг, что совершил?

— Стив, — простонал Опорто. — Ты не принесешь мне чего-нибудь выпить?

Возвращаясь в реальность, Райленд повернулся к нему. Выпить? Опорто явно бредит!

— Я спрошу Машину, — сказал он.

— Спроси, Стив. Я очень болен.

Райленд колебался. Что делать?

Пока он раздумывал, Опорто нетвердым шагом направился к телетайпу.

— Я сам спрошу, — проворчал он и дрожащими пальцами потянулся к клавишам, повернув недовольное лицо в сторону Райленда.

Это было ошибкой — ему не стоило сейчас отвлекаться. И без того нетвердо державшийся на ногах, он покачнулся, не удержал равновесия и тяжело повалился на телетайп.

Аппарат с грохотом повалился на пол, заискрил, по купе прокатился волной едкий запах горелой изоляции.

Райленд хотел выругаться, но только стиснул зубы. Какой смысл? Опорто сделал это неумышленно.

— Проклятье! — снова застонал коротышка. — Стив, куда ушел тот полковник? Может, он принес бы мне какую-нибудь таблетку.

— Не волнуйся, — рассеянно сказал Райленд, думая о сломанном телетайпе.

Почти всю свою жизнь, начиная с первых послешкольных дней, он не совершил ни одного поступка, не проконсультировавшись с Машинкой. Даже в лагере максимальной охраны в углу голого барака стоял телетайп. И испытывал теперь странное чувство — отсутствия необходимой жизненной опоры.

— Стив, — хрипло прошептал Опорто. — Дай мне хотя бы воды...

По крайней мере, это Райленд мог сделать. На столике стоял графин и маленькие хрустальные стаканчики с золотой инкрустацией. Коротышка выпил воды и без сил

откинулся в массивном кресле с роскошной обивкой, закрыв глаза.

Райленд принялся мерить тесное купе шагами. Ничем другим он не мог сейчас заняться — полковник предупредил о радарных ловушках в коридоре. Нечего было и думать о том, чтобы выйти — ведь они были опасниками, то есть носили в железных кольцах по восемь грамм мощной взрывчатки. Один шаг в запретную для опасника зону (а по всей планете таких зон было полно) — и радарный луч воспламенит взрыватель. Райленду пришлось однажды быть свидетелем такого случая. И он не хотел, чтобы это случилось с ним.

Весь мир — тюрьма. Но это купе было частью личного вагона Планирующего. Райленд пощупал портьеры на фальшивом окне, погладил зеркальную столешницу из полированного дерева.

Три года назад он жил в подобной комнате. Не такой роскошный, конечно, но принадлежала она только ему. Там была мебель, которой пользовался только он, место, чтобы хранить одежду, книги и другие вещи. В той жизни Стивен Райленд был благонадежным, имел свое место в Плане Человека и соответствующую этому месту долю материальных богатств общества. Та жизнь кончилась три года назад, в фатальный вечер пятницы.

Даже теперь, после бесконечных сеансов того, что называлось «восстанавливающей терапией», он не понимал, что с ним произошло. Невнятно сформулированное обвинение звучало как «незапланированное мышление», но безжалостные терапевты тщетно старались заставить его припомнить хотя бы одну нелояльную к Плану мысль.

Единственной уликой была библиотечка книг о космосе — несколько пожелтевших трудов Лея, Гамова, Хойла и Эйнштейна, которые он спас из отцовской библиотеки.

Конечно, Райленд знал, что книги эти не входят в список дозволенных Планом, но не видел в своем увлечении ничего подрывного. Наоборот, как он много раз объяснял

терапевтам, специальные уравнения геликального поля тесно связаны с процессами во всей Вселенной, с непрерывным воспроизводством в ней вещества. Не зная уравнений, описывающих расширение Вселенной, ученый вряд ли смог бы усовершенствовать силовые катушки для туннелей субпоезда.

Обвинение ставило Райленда в тупик, но терапевсты отказывались сформулировать его точнее. У человека в системе Плана нет прав, только функции. И они не обязаны были снабжать его информацией, но обязаны были извлечь информацию из него. К сожалению, сеансы оказались бесплодными — он так ничего и не вспомнил.

Ничего...

— Стив, позови врача...

— Не могу! — с горечью воскликнул Райленд. — Если Плану нужно, чтобы ты болел, ты будешь болеть!

Опорто стал еще бледнее.

— Заткнись! Вдруг кто-то подслушивает!

— А я ничего такого не сказал. Но в коридор выходить нельзя, ты же знаешь.

— Райленд...

Не договорив, коротышка закашлялся. Кашель становился все сильнее и сильнее. Очевидно, организм Опорто относился к разряду особо чувствительных, аллергических, и после трех лет пребывания в стерильной атмосфере полярного лагеря он был беззащитен перед инфекцией. Утопая в роскошном кресле, маленький человечек тяжело дышал, лоб его, который Райленд пощупал ладонью, был очень горячим.

— Потерпи, приятель. Осталось совсем немного, каких-нибудь два часа.

— За два часа я помру, — прохрипел Опорто. — Отдам концы. Ты не можешь вызвать врача?

Райленд не знал, что делать. Коротышка во многом был прав. План заботился о дополнительной иммунизации тех,

кто жил в подверженных инфекциям районах, но сверхаллергический тип мог потерять иммунитет.

— Ладно, — произнес он устало. — Сделаю, что смогу. Пошли.

Стив ясно осознавал опасность этого мероприятия, но, так или иначе, речь шла о жизни и смерти.

Дверь открылась свободно.

Поддерживая товарища, Райленд выглянул в коридор.

Пусто.

Если бы прошел кто-нибудь из охраны!

— Что ты делаешь? — испуганно забормотал Опорто. — Оставь меня! Нам нельзя выходить! Полковник предупреждал!

— Тебя нужно отвести к доктору, понимаешь?

Райленд внимательно осмотрел коридор. Там, где его пересекали переходы, были установлены непонятные устройства, напоминающие навесы паланкинов восточных владык. Наверное, в них и спрятаны радарные ловушки. Правда, в том направлении, откуда они пришли, тоже имелось подобное устройство, а ловушки в нем не было...

Стоп. Надо все тщательно обдумать.

Тот факт, что они благополучно добрались до купе, еще ничего не значит. Вполне возможно, что ловушки выключили специально, чтобы пропустить их. И вообще, рассуждая логически, один маршрут был для них сейчас наверняка запрещен — назад, к выходу из вагона.

— Видишь эти двери, Опорто? Я думаю, можно попробовать пройти в одну из них.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что ничего другого нам не остается.

И он потащил Опорто за собой. Кольцо на шее, казалось, потяжелело. Вот бы стать суперменом, как Донвуд, чье полузабытое имя удержалось в памяти, и чья судьба каким-то образом была связана с его собственной...

Кто он, этот Донвуд? Терапевты так настойчиво интересовались этим человеком, что на то должна быть серьезная

причина. Действительно ли Райленд знал этого Донвуда? Когда он видел его в последний раз? Когда получил от него сообщение? Что в нем говорилось?

Донвуд был сыном космического исследователя, ставшего впоследствии торговцем, который сколотил состояние, исследуя пояс астероидов и луны внешних планет. Он создал коммерческую империю, независимую от Плана Человека. Рон Донвуд прилетел на Землю изучать космическую медицину в колледже, где математику преподавал отец Райленда. В это время План аннексировал последние независимые астероиды и луны. Отец Рона был разбит в космической схватке, сопротивляясь захвату своих владений. Сам же Донвуд попал в опы из-за участия в студенческой демонстрации. И потом вдруг исчез. Ходили легенды, будто бы ему удалось каким-то образом избавиться от кольца и бежать в космос за пределы досягаемости Плана.

Райленд помнил лишь одну встречу с Роном Донвудом. Это было в кабинете отца. Стиву было тогда лет восемь, а Донвуд был уже взрослым человеком, студентом-выпускником, романтической и загадочной личностью, но разве этим можно объяснить непрерывные допросы терапевтов? Все попытки уверить их, что он не получал никакого сообщения от Рона, были безуспешными.

Во всяком случае, кем бы там ни был Донвуд, Райленд не сможет никогда последовать его примеру, и металлический воротник останется на месте до тех пор, пока Машина не даст его замку сигнал открыться.

Интересно, успеет ли он услышать тихий щелчок реле, прежде чем воспламенится обезглавливающий заряд? Почувствует ли дыхание смерти?

Найти ответ можно только одним способом — толкнуть дверь и войти в чужое купе.

Райленд наугад толкнул одну из полудесятки дверей в коридоре. Опорто с неожиданной силой вырвался и отбежал на несколько шагов.

«Ожил», — без особой радости подумал Стив и без колебаний шагнул в купе.

Ничего не произошло.

Сзади подошел смущенный Опорто.

— На первый раз нас пронесло, правда, Стив?

Райленд кивнул, не открывая рта, потому что на языке у него вертелось несколько малоприятных слов для человека, который сначала подталкивал его на риск, а потом попытался удрать в кусты.

Первым делом он огляделся.

Комната примерно такого же размера, что и купе 93. Обставлена скромно: узкая кровать, столик с несколькими цветами в вазе, большое зеркало, несколько шкафчиков. Райленд подумал, что здесь живет девушка. И что она явно не принадлежит к высшему слою этого субпоезда. Скорее всего — секретарша или горничная.

Из комнаты на небольшую лестницу вела еще одна дверь. На этот раз он не стал ждать Опорто. Набрав побольше воздуха в легкие, задержал дыхание и шагнул через порог.

И снова ничего не произошло, только во рту появился кисло-соленый вкус крови — наверное, он слишком сильно прикусил губу.

Ступеньки оказались довольно крутые, но помочь Опорто преодолеть их не составило труда — летящий по туннелю поезд уменьшил вес до нескольких фунтов. Они оказались в другой комнате, тоже небольшой и безлюдной.

Но меблирована она была с роскошью — выдержана в белых и золотых тонах, на небольшом туалетном столике перед овальным зеркалом в золотой раме лежали эбеново-черные гребни и щетки для волос. Райленд догадался, что по той лестнице должна была входить личная служанка владелица комнаты.

И вдруг он услышал чье-то пение.

Замерев на секунду, Стив позвал:

— Эй, кто-нибудь! Вы слышите меня? Я ищу врача!

Ответа не последовало, но пение продолжалось. Голос был девичий, чистый и приятный. Девушка пела для собственного удовольствия. Время от времени она повторяла строчку, делала паузу, снова начинала петь. Сквозь ее пение, как аккомпанемент, слышалось мелодичное воркование.

WORLDS OF
if **SCIENCE FICTION** JULY 1963 • 40c
IN THE ARENA
by
BRIAN W. ALDISS

THE REEFS OF SPACE
Thrilling Novel of the Future
by **JACK WILLIAMSON** and **FREDERIK POHL**

Райленд взглянул на Опорто, пожал плечами и без колебаний толкнул дверь.

Перед ними, как в волшебном сне, возникла изумрудно-серебряная комната.

По стенам медленноплыли мягкие зеленые огни. В центре размещалась серебряная ванна шести футов в диаметре, частично утопленная в пол. Из пастей хрустальных дельфинов били тонкие струйки ароматной теплой воды, падая в радужную пену, над которой виднелись голова, руки и колена самой прекрасной девушки, которую Райленд видел в жизни.

— П-прошу п-прощения... — смущенно и обеспокоенно пробормотал он.

Девушка повернула голову и посмотрела на него, на ее белых влажных плечах сидели две... птицы. Нет. Внешне они напоминали птиц, но были сделаны из металла — перья из тончайших чешуек серебра, рубиновые глаза... Металлические создания тревожно зашевелились, заворковали тихо, но угрожающе.

Выглядывающий из-за плеча Райленда Опорто издал сдавленное восклицание и упал на колени.

— Это... это же... дочь Планирующего... — Он ухватился за ногу Стива, но сразу отпустил и пополз в сторону ванны. — Пожалуйста! — молил он. — О, прошу вас, не сердитесь, мы не хотели вас беспокоить!

Должно быть, это встревожило девушку. Но не очень, наверное, потому что она не повысила голоса, а лишь прервала песню и тихо произнесла:

— Охрана!

Видимо, где-то рядом имелся микрофон, потому что снаружи сразу же слышался шум. Более того, металлические голуби, слетев с ее плеч, набросились на лежащего ничком Опорто. Их острые клювы рвали его одежду, концы крыльев били, как лезвия ножей. Почти в тот же момент распахнулась вторая дверь, и в комнату ворвались четыре высокие женщины в голубой форме охраны Планирующего.

Глава II

Последние три года смерть постоянно таилась где-то рядом со Стивеном Райлендом. Сначала она была облачена в опрятный белый халат доктора Трейла — толстого лысого человека, главного терапевта, шептала его тихим астматическим голосом, тысячи раз грозя отправкой в орган-банк, если он не припомнит содержание сообщения от Рона Донвуда, если не даст правильные ответы на вопросы с бессмысленным набором слов, ничего для Стива не означавших: пространственник, рифы космоса, нереактивная тяга...

Потом она начала принимать другие обличья: замаскированный спуск радарной ловушки, угрожающие рога радарных антенн офицерского шлема... Все эти личины Райленд знал и научился жить с ними бок о бок.

Но эти женщины были вооружены пулевым оружием.

Очень странно. Это означало, что опасность для дочери Планирующего могла явиться не только со стороны какого-нибудь опа, него самого. Неужели же обычные, благонадежные граждане могли представлять угрозу для Плана?

Ответа на этот вопрос не было.

Атакуемый серебряными голубями, истошно вопил Опорто, женщины-охранницы приближались, направив на Стива свое оружие.

— Подождите!

Одного слова девушки было достаточно, чтобы и женщины, и птицы замерли. Она отерла с лица пену, чтобы лучше видеть, и ее серо-зеленые спокойные глаза остановились на лице Райленда. Он, казалось, перестал дышать.

В лагере полной изоляции не было женщин, даже журналов с их изображениями. И вдруг оказаться рядом с красивейшей девушкой, да еще в обстановке ее ванной комнаты!

А она сделала еще один произвольный жест рукой, обнажив алебастровой белизны шею. Стив прерывисто вздохнул.

Едва ли девушка могла не заметить громоподобный эффект, произведенный ею на неожиданного гостя. Но, как бы там ни было, она явно чувствовала себя совершенно свободно и спросила больше из вежливости, чем из любопытства:

— Что вам угодно?

Райленд прочистил горло.

— Гм... Этому человеку необходим врач, — хрипло произнес он, найдя, наконец, в себе силы отвернуться.

Первая из четырех охранниц засмеялась. Это была высокая брюнетка с мощной фигурой, которая могла бы быть весьма хорошенькой, если бы ее уменьшили процентов на десять во всех трех измерениях. Голос этой женщины чуть-чуть не попадал в диапазон баритона.

— Пойдем-ка, оп, — позвала она. — Мы позаботимся о тебе и твоём друге.

Девушка в ванне лениво шевельнулась, взбила рукой пену и, наблюдая, как разбегаются радужные волны, произнесла:

— Больного отведите к врачу, сержант. Второго оставьте здесь.

— Но, госпожа...

— Сержант, — повторил нежный голосок, не повысив тона ни на йоту.

Охранница заметно побледнела. Указав подчиненным на Опорто, она стала у двери и вышла последней, когда корытшку выволокли из ванной. Из-за закрывшейся двери сержант метнула в Райленда взгляд, полный откровенной ненависти и презрения.

Голуби, описывавшие под потолком геометрически точные окружности, вернулись на плечи девушки. Их рубиновые глаза ни на миг не выпускали Стива из виду, но некоторое время спустя они опять начали ворковать.

— Вы — один из людей с железными воротниками, да? — спросила внезапно девушка, прервав повисшее молчание.

Райленд кивнул, стараясь не смотреть на нее.

— Да. Я — опасник.

— Я никогда прежде не разговаривала с человеком, носящим железный воротник, — задумчиво сказала она. — Вы не будете против, если мы поговорим?

Стив покачал головой.

— Меня зовут Донна Криири. Мой отец — Планирующий.

— Я знаю.

Райленд вдруг остро почувствовал, что на нем мятая роба и что он ворвался в ванную девушки.

Она продолжала молча смотреть на него.

— Может быть, ваш отец... — выдавил из себя Стив, — я хочу сказать... что я не против... но...

— Отлично. — Она переменяла позу, чтобы лучше его видеть. Зашипели, лопааясь, пенные пузырьки. — Я боялась, что вы откажетесь. Как вас зовут?

Райленд задрал подбородок и оттянул вниз воротник рубашки, открывая полосу металла.

— Стивен Райленд, — прищурившись, прочитала девушка алые буквы. — Послушайте, я где-то уже встречала ваше имя. Вы врач, нет? Пилот?

— Я математик, мисс Криири.

— Конечно же! — воскликнула она. — Ваша папка лежала на столе отца. Я видела ее утром, когда мы уезжали из Копенгагена.

От внезапно нахлынувшего волнения Райленду стало даже трудно дышать.

Три года пытался он выяснить, какие же выдвигаются против него обвинения. Терапевсты ему таких сведений не дали, более того, их вопросы были сформулированы таким образом, чтобы ничего не подсказать. Стив вспомнил, как они тысячу раз спрашивали, что означает слово «пространственник», и наказывали, если он предполагал, — естественно, — что это — обитатель пространства.

— А было ли там сказано, — решился Райленд задать вопрос, — какие именно обвинения выдвигаются против меня?

Серо-зеленые глаза спокойно изучали его лицо.

— Вы проявляли незапланированный научный интерес.

— Что? Что это значит?

— Держали у себя тайное собрание книг и рукописей, запрещенных Машиной.

— Неправда! Это ужасная ошибка, какая-то...

— Планирующая Машина не ошибается, — строго напомнила девушка. — В деле были указаны названия книг. Авторы-ученые из Доплановой эпохи: Эйнштейн, Гамов, Хойл...

— Но это лишь книги моего отца, — вздохнул он. — Те немногие, что я сохранил. Понимаете, в детстве я мечтал о полетах в космос. Встретился однажды с Роном Довудом... Хотел стать пилотом космического корабля, исследовать новые планеты... Но Машина убила мою мечту. Она перевела меня из Технокорпуса в исследователи-математики. Я получил направление в какую-то подземную лабораторию. Не знаю, где она находилась. Мы даже предположить не могли, что лежит над нами: суша, полярные льды, а может — океанское дно... Не помню даже, были ли у меня на этот счет свои предположения... Память... В моей памяти сейчас много пробелов... Помню, у меня было два помощника — девушка-телетайпист и человек по имени Опорто — что-то вроде живого компьютера. Машина выдавала нам проблемы для работы. Например, проблему гистерезисной потери в катушках туннелей субпоезда. Как я понимаю, это были задачи, на которые Машина сама не могла найти ответа. Даже она не знает всего. А мы находили решения.

Девушка опять пошевелилась, и опять до него донеслось шипение пены.

— Конечно, у меня не было необходимости в справочниках и любых других книгах для работы — Машина могла бы выдать любой необходимый фактический материал. Но для большей производительности она позволила мне держать у

себя несколько книг, и среди них были книги из отцовской библиотеки.

Он с надеждой улыбнулся девушке.

— Вы ведь понимаете, что для человека, с детства мечтавшего о космических путешествиях, жизнь в подземелье не кажется очень привлекательной. И чтение этих книг стало для меня чем-то вроде хобби. В них описывались устаревшие теории о природе Вселенной. Используя современную математику, я вывел несколько систем уравнений, описывающих расширение Вселенной и непрерывное воссоздание вещества в межгалактическом пространстве.

Девушка нахмурилась. Это его остановило. Да, тема была не самая подходящая для беседы с молодой женщиной в ванной комнате.

— Но это совсем не был незапланированный научный интерес! — с отчаянием заключил Райленд. — Просто безобидное увлечение. Более того, это было даже полезно для Плана! Уравнения, которые я вывел для описания работы новых кадушек туннелей субпоезда, вытекали из описания процесса непрерывного воспроизводства вещества в пространстве.

— И поэтому вы стали опасником? — задумчиво спросила она, все еще хмурясь. — На вид вы совсем не опасны.

Что он мог ответить?

Стив ждал, а девушки тем временем чуть взмахнула рукой. Один из голубей подлетел к хрустальному дельфину и клюнул в плавник-рычаг. Струйка ароматизированной воды послушно иссякла. Райленд смотрел на серебряного голубя, вдыхал запах сирени, любовался собеседницей. В ванной комнате было тепло, но не душно. Очевидно, скрытые вентиляторы поглощали избыток влаги.

— А на самом деле вы опасны? — спросила вдруг она.

— Нет, мисс Криири, — покачал головой Стив, не зная, как объяснить все этому ребенку. — Воротник — не наказание, а мера предосторожности.

— Предосторожности?

— У Машины есть основания подозревать, что в определенных условиях я мог бы представлять опасность для Плана Человека, — ровным голосом сказал Райленд. — Ничего преступного я не совершал, понимаете? Но Машина не хочет рисковать, и вот... воротник.

— Создается впечатление, что вы это одобряете, — с некоторым удивлением произнесла девушка.

— Я лоялен по отношению к Плану Человека!

Она долго обдумывала его слова.

— Но ведь мы все лояльны, верно? И не носим воротников!

Райленд покачал головой.

— Я никогда не совершал ничего такого, что угрожало бы безопасности Плана.

— Но, может, вы что-то сделали, и это было не совсем...?

Он улыбнулся. Удивительно легко было с ней разговаривать. Ему уже давно не приходилось по-настоящему улыбаться.

— Да, — признался он. — Я действительно совершил что-то «не совсем». Там была одна девушка...

— Стивен, Стивен, — с насмешливой угрозой покачала головой Донна Криири. — Девушка... Я думала, так бывает только в романах.

— В жизни тоже, мисс Криири.

Райленд почти полностью расслабился.

И вдруг в настроении дочери Планирующего произошла резкая перемена.

— В вашем деле сказано нечто иное, — ледяным тоном отчеканила она. — Вы обвиняетесь в сокрытии информации о некоем устройстве, представляющем угрозу безопасности Плана Человека.

— Это не так! — отчаянно запротестовал он. — Кто-то допустил ошибку, несмотря на точность Машины. Меня три года обрабатывали терапевты в лагере повышенной изоляции, пытаясь вытащить сведения, которых у меня никогда не было!

Ее глаза чуть расширились, выдавая интерес.

— Какие именно сведения?

— Сам не знаю. — Он задрожал, — на миг вернулись воспоминания о пережитом. — Они старательно избегали намеков и наказывали меня за попытки догадаться. Меня привязывали, цепляли электроды, записывали реакции на набор определенных слов: «пространственник», «риффы космоса», «фузорит», «пиропод», «нереактивная тяга». Там еще были два имени: Рон Донвуд и Дэниел Хоррок. Собрав в одно целое все эти слова и имена, я понял, что терапевсты уверены, будто бы этот Хоррок доставил мне некое сообщение от Донвуда. Весть из космического пространства, что-то обо всех этих рифах космоса, пироподах, фузоритах и, что самое главное, о нереактивной тяге. Это-то они и пытались у меня узнать — как построить нереактивный двигатель.

Она нахмурилась.

— А что это такое — нереактивная тяга?

— То, чего не существует. Двигательная система, не основанная на противодействии. Сумасшедшие изобретатели триста лет пытаются соорудить этот двигатель, но каждому ясно, что такая система будет нарушать Третий закон движения. Невозможно толкать вперед лодку, не отталкивая назад воду.

— Понимаю, — серьезно кивнула Донна. — Так же невозможно, как соорудить новые атомы и новый космос.

Он пристально посмотрел на нее.

— Но я никак не мог получить сообщение от Хоррока или кого-нибудь еще. Во веком случае, не в тот момент, когда, как они считают, это произошло. В ту пятницу Опорто и телетайпистка провели со мной весь день. Мы работали допоздна, заканчивая документацию для новой силовой катушки. Опорто я разрешил уйти часов в шесть вечера — у него разболелась голова. Телетайпистка вышла вместе с ним, чтобы принести кофе и бутербродов. Не прошло и получаса, как кто-то постучал в дверь. Я думал, это вернулась девушка, но за дверью оказалась Полиция Плана.

— Только случилось все это не в пятницу. — В глазах Донны появилось какое-то странное отсутствующее выражение. — Судя по записям в вашем деле, вы были доставлены в камеру предварительной изоляции в понедельник, в шесть часов вечера. Таким образом, три дня выпадают из вашего рассказа.

Райленд с трудом сглотнул.

— Не может быть! Оporto и девушка только-только вышли и...

— Я довольно тщательно изучила ваше дело, — перебила она его. — И точно знаю, что арестовали вас в понедельник.

Почему Донна взялась за изучение дела Райленда, она не сочла нужным сообщить.

Райленд, несмотря на потрясение, испытал легкий укол радостного возбуждения. Это было даже больше, чем он надеялся узнать о своем деле.

— Что ж, быть может... — пробормотал он. — Сначала я находился в одном месте, которое по ошибке называли центром отдыха, где-то под землей. Терапевсты работали круглые сутки, и я не знал ни времени, ни даты. — Он помолчал немного. — И все же я до сих пор не имею ни малейшего понятия о нереактивной двигательной системе. И по-прежнему уверен, что Машина допустила ошибку.

Донна Криири укоризненно покачала головой.

Райленд замолчал, чувствуя, как туго обхватывает шею железное кольцо. Он сошел с ума! Так разговаривать с дочерью Планирующего!

— Мисс Криири, я вам мешаю и должен уйти, — почти прохрипел Стив.

Она засмеялась — словно вдали заиграла неуловимая музыка.

— Я вас не гоню.

— Но... вы принимаете ванну...

— А я всегда предпочитаю проводить поездки в воде, — очень мягко прервала она его. — Так удобней, когда начнется вторая половина. — Взгляд ее на мгновение

сверкнул лукавством. — И не волнуйтесь о том, что скажет отец. Он правит миром, но не властен надо мной.

Она снова обольстительно улыбнулась.

Райленд тоже улыбнулся, но печально. Девушке нет и двадцати, а она уже использует силу своих женских чар. Потом перевел взгляд на серебряных птиц.

— Не бойтесь моих голубей Мира, — тихо произнесла Донна. — Мне очень жаль, что они поранили вашего товарища, но он сам виноват — они решили, что мне грозит опасность. Как видите, я постоянно нахожусь под защитой.

Она взмахнула рукой. Комнату заполнила тихая музыка из невидимых динамиков.

— А та девушка... какая она была?

— Красивая, — кратко ответил Стив.

— И опасная!

Он кивнул, чувствуя холодок на затылке, возле тяжелого железного воротника.

Опасная?

Но эта девушка куда опаснее для него. Не нужно было заходить сюда! Машина этого так не оставит.

— Расскажите о ней. Она была очень красивая?

— Наверное, да. По крайней мере, мне так казалось. У нее были длинные русые волосы. И зеленые глаза, как у вас. И еще она работала в тайной полиции. Правда, я этого не знал до самого дня ареста.

Донна рассмеялась. Металлические голуби беспокойно зашевелились.

— Она предала вас, Стивен. Вы боитесь, что я сделаю то же самое? Не бойтесь. Я обещаю не делать этого.

Райленд пожал плечами.

— В прошлый раз мне повезло — я попал в лагерь. А ведь мог прямым ходом отправиться в орган-банк.

Она тряхнула головой — в волосах на мгновение появился красноватый оттенок.

— В любом случае вы стали опасником — носите железное кольцо. От него можно избавиться?

Райленд только хрипло рассмеялся. Донна внимательно посмотрел на него.

— Да, нельзя. Вы правы. Но я на вашем месте, думаю, нашла бы способ. Будь я математиком, это стало бы лишь новой задачей, для которой необходимо найти решение.

— Воротник изобрел полковник Земфиреску, — пояснил Райленд. — А он был лучшим инженером Технокорпуса... до того, как сам попал в утилизацию.

— Но это лишь полоска металла, Стивен!

— Самая прочная бронева сталь в мире! А внутри — обезглавливающий снаряд, подключенный к водородной ячейке. Энергии хватит лет на сто. Но я не могу столько ждать. Кроме того, воротник предохранен от попыток повредить его или вскрыть. Стоит лишь попытаться перепилить его... или хотя бы открыть замок... да даже если я достану ключ, но поверну его не в ту сторону — заряд прикончит меня на месте. Вы видели, как он срабатывает, мисс Криири? Я видел.

Донна вздрогнула.

— На вашем месте я бы убежала.

— Далеко бы вы не ушли. К тому же волны радара бегут быстрее. Да даже если бы вам и удалось удрать куда-нибудь к Ледяным Мирам или на орбитальную станцию Меркурия... На этот случай в воротнике есть реле времени. Периодически его нужно переключать специальным устройством, когда наступает крайний срок. Но случается это не позже, чем через год.

— Тогда его нужно снять, — мудро заметила Донна.

Он расхохотался.

— Не смейтесь, Стивен. В конце концов, Рону Донвуду это удалось.

— Донвуд? Что вы знаете о нем?

— О, совсем немного. Я видела его, когда была еще совсем ребенком... Помню кольцо на шее, а потом... увидела снова, но уже без кольца.

Он смотрел на нее, не отрываясь.

— Так вы видели Донвуда...

Вдруг в дверь постучали. Райленд вздрогнул от неожиданности.

— Мисс Криири! Планирующий послал за этим опом!

— Вам нужно идти, Стивен, — мягко сказала девушка.

Она что-то прошептала, и один из металлических голубей взлетел с ее плеча, описал круг, не спуская рубиновых глаз с Райленда, тронул на лету дверь, которая тут же беззвучно отворилась.

— Будьте осторожны, — негромко посоветовала Донна. — И не особенно огорчайтесь из-за Анжелы.

— Хорошо, — пробормотал Райленд, направляясь к двери, где офицер, ошетилившийся рогами антенн, уже поджидал его со злорадным выражением на гранитной физиономии. Лишь когда за ним затворилась дверь, он вспомнил, что ни разу не упоминал имени предавшей его девушки — Анжелы Цвик.

Райленд привык всю жизнь находиться под наблюдением Планирующего. Мужественное, доброжелательное лицо смотрело на него со стереоплакатов в комнатах родительского дома, в казармах Технокорпуса, в школьных классах, на любом перекрестке, в любой лаборатории, любом здании, где ему приходилось работать. Он знал это лицо лучше, чем лицо собственного отца. Как, впрочем, и любой другой житель Земли и планет.

И вот Планирующий сидит перед ним за массивным письменным столом в кресле из воздушных подушек, погруженный в чтение разложенных на столе бумаг.

Испытывая крайнюю неловкость и смущение, Райленд терпеливо ждал.

Сходства между Планирующим и его дочерью заметно не было. Она — черноволосая, привлекательная, с лицом невинного ребенка. Он — угловатый, с львиными чертами лица и седыми волосами, коротко остриженными на манер шлема. На спинке громадного кресла застыл серо-стальной ястреб. Это не было украшением — металлические веки

медленно приподнялись, горящие гранатовые глаза уперлись в Райленда.

Наконец, Планирующий поднял голову и улыбнулся.

— Сынок, ты не привык регистрироваться?

Голос у него был бархатным, но Стив вздрогнул.

— Простите, сэр, — пробормотал он и поспешил к облицованному золотыми пластинками телетайпу.

Кодовая дощечка на панели аппарата гласила: «Номер один».

Планирующий снова улыбнулся.

— Итак, ты — Стивен Райленд. Мы встречались с тобой, но ты этого не помнишь.

Райленд остолбенел.

— Простите, сэр?

— Это было очень давно, сынок, — задумчиво сказал Планирующий. — Я пришел к вам домой. Ты был совсем ребенком. Не удивляйся. Понимаешь, я был знаком с твоим отцом.

Райленд покачнулся — громадная сфера вагона достигла максимум скорости. Но голова его закружилась не поэтому, и даже не потому, что он не ел целый день. Причиной были слова седого человека.

— Сэр, родители никогда не упоминали о чем-либо подобном. Наверняка, они были бы горды...

Планирующий громко рассмеялся.

— Как видишь, сынок, ты многого не знаешь о родителях! Они вовсе не гордились знакомством со мной. Наоборот — им было стыдно. Видишь ли, твой отец ненавидел меня, очень ненавидел... — Улыбка с его лица медленно испарилась, голос приобрел скрежещающий оттенок. — Твой отец был врагом Плана!

Пол снова покачнулся под ногами Райленда.

— Сэр, мне ничего не известно об отце, он исчез, когда я был маленьким. И мать ничего не рассказывала об этом.

— Еще бы, — свирепо процедил Планирующий. — Она была очень опасная женщина. И очень неглупая. Нужно

признать, твои родители были умными людьми. Что же случилось с тобой, а?

— Сэр?

Райленд не знал, что сказать. Он совсем запутался.

— Как ты попал в опасники? — проскрежетал Планирующий. — Не стоило тебе пытаться перехитрить План!

Ты совершил глупость!

Райленд глубоко вздохнул. А вдруг...

— Сэр, позвольте объяснить. — начал он. — У меня и в мыслях не было идти против Плана. По доносу одной девушки Машина классифицировала меня как опасника, но я думаю, что это было ошибкой...

— Ты сомневаешься в правильности решений Машины?

— Вы не поняли, сэр. Не Машины, а информации, которая...

— Перестань! — взорвался Планирующий. — Не усугубляй своего положения. Ты — сын своего отца. И должен помнить, что все, что ты делаешь, попадает под подозрение уже только поэтому.

Повисло тягостное молчание. Вагон, чуть покачиваясь, неся вперед, началась вторая половина пути — уже против силы тяготения.

— Сэр, правильно ли я вас понял? — возмутился вдруг Райленд. — Машина посчитала меня опасником только потому, что мой отец еще до моего рождения совершил нечто против Плана? Так, по-вашему? Но это несправедливо! Это...

— Несправедливо? — проревел Планирующий. Ястреб приоткрыл глаза, тревожно завертелся на своем насесте, — Что это за слово? Справедливость, свобода, демократия... Эти слова часто повторял твой отец, они впитались в твою кровь. Но они ничего не значат! Какое отношение имеет справедливость к 750 калориям в день?

Райленд молчал.

— Справедливость изжила себя, ей крышка! Ее больше нет! Ты знаешь, чем занимались твои благородные предки, сынок? Они добывали эти самые справедливость и

демократию из природных запасов мира. Выискивали, истощали, как фермер истощал свое поле: двадцать колосьев пшеницы — и нет фута почвы. Чернозема больше не существует! И вместе с ним исчезли справедливость и демократия. Мир стал замкнутой системой. У нас мало что осталось, сынок!

Этот взрыв эмоций совершенно ошеломил Райленда.

— Но... но, сэр... — пробормотал он, — ведь дальние планеты наверняка открывают новые горизонты, новые источники ресурсов...

— Молчать! — гаркнул Планирующий.

Его угловатая львиная голова качнулась вперед, как молот. Серо-стальной ястреб многозначительный пошевелил крыльями. Планирующий сверлил Райленда горящим взглядом. Кресло его немного откинулось назад, компенсируя усилившуюся тяжесть второй части пути.

— Ты совсем как твой отец, — нарушил наконец молчание Планирующий. Он так и не понял, что новых горизонтов нет. Но ты должен это понять. План Человека основан на постоянном урезании твоих пагубных личных свобод, которые когда-то едва не разрушили мир. Войны! Пылевые бури! Наводнения! Ураганы! Лесные пожары! — Каждое слово, будто ругательство, он выплевывал в лицо Райленду. — Нам приходится платить по счету за таких, как твой отец и ты. Никогда не забывай этого, сынок.

Райленд молчал. Эту властность и самоуверенность мог бы поколебать ствол пистолета, но человеческие аргументы были тут бессильны. Оставалось только соглашаться.

— Я этого не забывал никогда. И не забуду, — сказал он, закончив про себя: «пока у меня на шее железный воротник».

— Тебя беспокоит кольцо, — неожиданно тихо произнес Планирующий, словно читая мысли Райленда. Впрочем, это было не так уж сложно. — Но мы все носим свои воротники, сынок. Все — от меня и до отверженных, ждущих очереди в орган-банк, — должны отчитываться перед Машиной за

каждый час прожитого дня. Каждый влачит невидимые кандалы Машины. Они неосязаемы, и я согласен, что это не совсем то же самое, что железные кольца, сынок.

Райленд невольно улыбнулся. Нет, в этом человеке была не только способность повелевать. Он еще обладал обаянием — таким, что оно действовало даже на опасника.

— И если ты предпочитаешь их, небрежно добавил Планирующий, — то, думаю, можешь избавить свою шею от железного ошейника.

На мгновение Райленд не поверил собственным ушам.

— Избавиться от воротника, сэр?

Планирующий величественно кивнул. Потом тронул специальную кнопку, и кресло мягко наклонилось немного назад. Ястреб взмахнул крыльями, взмыл на воздух, а подголовник кресла выдвинулся из спинки и удобно обхватил голову сидящего человека.

Субпоезд начал основной этап торможения. Даже сквозь звукоизоляцию доносился слабый визг — свидетельство силы, толкающей вагон через кольца невидимой электростатической силы. Визг вызывало не трение, а гетеродинные колебания генератора, мчащих вагон. Райленд пошатнулся — его вес начал увеличиваться.

— Все мы тем или иным образом связаны с Планом, — снова заговорил Планирующий. — Я должен попытаться найти неразрывную связь, которая соединила бы тебя с Планом, заменив, таким образом, железный воротник. Или ты найдешь ее сам. Тогда кольцо будет снято.

— Наверняка моя работа доказывает мою лояльность! — в отчаянии воскликнул Райленд.

— Наверняка не доказывает, — передразнил его планирующий, качая головой. — Дело не в том, что ты уже успел сделать, — пояснил он, — а в том, что ты будешь делать теперь. Возможно, твоя работа была талантливой, но несколько выходила за рамки Плана. Помни об этом всегда. Каждую минуту. Планирующая Машина даст тебе задание. Если ты его исполнишь...

Не договорив, он тяжело вздохнул.

Райленду тоже было тяжело дышать. Тело превратилось в тяжкую ношу — субпоезд все дальше уносился от расплавленного ядра Земли по туннелю из раскаленного камня. Только силовые кольца не позволяли стенам сомкнуться. Вертикальная составляющая скорости быстро поднималась до 150 миль в час.

Поговорить бы с Планирующим. Может, раскроется секрет трех неизвестно куда канувших дней. Но тело напрягаться не хотело. Даже голос Планирующего, несмотря на противоперегрузочное кресло, стал хриплым.

— Можешь идти, Райленд, — медленно проговорил он. — Но, может, ты хочешь знать, в чем заключается задание?

Стив вздрогнул. Глаза его с немым вопросом были устремлены на Планирующего.

— Машина считает, что ты справишься. «Впрочем, — глубокомысленно заметил он, — у каждого из нас своя роль, и я не обязан понимать все, что говорит Машина». Поэтому передаю приказ дословно. Твоя задача — изобрести нереактивную тягу.

Райленд едва не упал, но ухватился за край стола.

— Не... нереактивную тягу?

Планирующий, кажется, был доволен.

— Видимо, в твою роль также не входит обязанность понимать слова Машины? тем не менее, она требует именно этого.

— Вы имеете в виду... Вы говорите о нереактивной двигательной системе?

— Именно.

— А знаете ли вы, что ваши мастера пыток три года пытались выудить у меня секрет нереактивного двигателя? Они почему-то были уверены, что я знаю способ его построения.

— Это мне известно, — величественно кивнул человек в кресле. — И известно, что ничего не вышло. Но Машина получила информацию, что ты сконструировал такой

двигатель. Возможно, она была ложной. Три прошедших года сделали такой двигатель необходимым для Плана. И... еще более опасным, если он попадет в руки врагов. Поэтому Машина должна иметь нереактивную тягу в своем распоряжении. Информация о твоих достижениях и возможностях сказала ей, что ты годен для такой работы. И сейчас я говорю не о том, является ли твоя амнезия естественной или искусственной, если ты желаешь снять воротник и остаться в живых, то создашь работающий нереактивный двигатель. А теперь, — устало завершил Планирующий, — ты должен идти.

Он слабо шевельнул узловатой ладонью в сторону выхода. Ястреб заволновался, рассекая воздух крыльями.

Дверь открылась, в комнату вошел офицер охраны. Это был настоящий великан, но и он шагал осторожно под давлением взбирающейся к поверхности сферы поезда.

— Райленд, — прошептал Планирующий.

Стив обернулся, опираясь на офицера в голубой форме.

— Моя дочь... — Визг перешел в рев, почти заглушая слова. — У Донны мягкое сердце, которое она унаследовала от матери. Но мозг — мой. Не придавай особого значения тому, что она позволила тебе беседовать с ней в ванной.

После этого Планирующий закрыл глаза, голова его медленно погрузилась в спинку кресла.

Глава III

— Вам понравится у нас, Райленд, — мягко сказал оператор-майор Чаттерджи...

— Да, сэр, — согласился Стив, оглядываясь.

Они находились в небольшой комнате. На стальных стенах он увидел знак Службы Безопасности. Но в каком месте он мог сейчас находиться — на поверхности или же под землей, — Райленд не имел ни малейшего представления.

— Не волнуйтесь из-за пустяков, — тараторил майор. — Главное — работа.

Он был по-юношески подвижен и легок, антенный шлем носил небрежно, как часть маскарадного костюма. Перехватив взгляд Райленда, улыбнулся.

— А, это... Чертовски неудобная штука. Но вы — опасник, и приказом Машины...

— Я привык к этому.

— Здесь еще есть опасники, — поспешно добавил Чаттерджи. — Бог мой, кое-кто из наших лучших работников тоже...

— Прошу простить меня, майор, — перебил его Райленд, склонившись к телетайпу, чтобы отстучать имя и код. Машина ответила без промедления:

«П. Информация. Оператор-майор Чаттерджи уполномочен переквалифицировать ваш статус. Действия. Затребовать необходимое оборудование для расширения систем уравнений общего силового поля и равновесного состояния».

Райленд нахмурился.

— Уже задание, Стив! — воскликнул майор, заглянув ему через плечо. — О, у нас все быстро делается. У меня есть шестирегистровый калькулятор и комната, куда можно его установить, пока вы переоденетесь. Гарантирую вам мешок долларов!

— Я не понимаю, — сказал Райленд. — Общая теория и равновесное состояние — что это значит?

Но в данной области майор оказался жизнерадостным невеждой. Его дело — администрирование. А все остальное Стив узнает в свое время, не так ли?

Райленд пожал плечами.

— Ладно. Пока есть Опорто, калькулятор мне не нужен.

— Второй опасник? О, понимаю, вы всегда держитесь вместе. Я откомандирую его к вам.

Райленд не слушал его, глядя на телетайп.

По-настоящему важная часть приказа требовала размышления. «Оператор-майор Чаттерджи уполномочен переквалифицировать ваш статус». Вот этот человек с блестящими, подвижными, как ртуть, глазами, — этот человек и должен будет повернуть ключ, открывая воротник?

Или он неточно толкует сообщение? Машина всегда выражается точно. Лишь человеческие существа не всегда правильно понимают то, что она говорит. Например, имеется в виду, что Чаттерджи освободит Райленда. Или, может быть, изменит его статус... до статуса сырого мяса в орган-банке?

Последняя мысль отрезвила Райленда.

— Зачем Машине нереактивная тяга? — спросил он майора натужно. — Ионные корабли вполне способны достигать любой планеты, а План Человека, кажется, все глубже зарывается в недра, покидая космические колонии.

— Прекратите! — одернул его Чаттерджи. — Такие мысли не входят в наши функции!

— Кажется, Машина опасается, что нереактивный двигатель попадет в руки врагов Плана? — настаивал Райленд. — Чьи же это могут быть руки? Какие такие враги? План покорил все планеты, в него включено все человечество, кроме нескольких беглецов вроде Донвуда...

— Не надо об этом! — Майор, казалось, был потрясен. — Нам хватает забот и без того, чтобы допустить незапланированные разговоры.

Райленд, пожав плечами, оставил бесплодные попытки, и к Чаттерджи сразу вернулась прежняя жизнерадостность.

— Вас нужно устроить, разместить, — заулыбался он, поблескивая золотой оправой очков. — Вера, девочка! Войди!

В комнату важно вплыла высокая блондинка, одетая в алые брюки и такого же цвета короткий жакет. Два века назад она могла бы быть мажореткой в оркестре, но в эру Плана выполняла куда более важную функцию.

— Знакомьтесь, Стив, это Вера — одна из наших общительниц. Она поможет вам освоиться. Гарантирую!

Общительница тренированно улыбнулась.

— Знай в совершенстве свои функции, только свои, — пропела она. — Таков наш лозунг, мистер Райленд.

— И превосходный лозунг! — сияя, поддержал ее майор. — Можете приступать, Вера. И не забудьте — сегодня в семь вечера общение.

Конечно, сейчас мысли Райленда вертелись вокруг приказа Машины, нереактивной тяги, гипотезы равновесного состояния, трех исчезнувших дней, фразы «Майор Чаттерджи уполномочен вас переквалифицировать», вокруг того факта, что Планирующий знал о его беседе с Донной. Но и то, что говорила общительница, имело немалое значение. Он постарался на время отключиться от основных мыслей и прислушался.

— Вам здесь понравится, Стивен, — кукольным высоким голоском пообещала Вера и взяла его под руку.

Они пошли вдоль туннеля с серыми бетонными стенами. Окон не было.

— Это называется «пункт Черный Круг», — сообщила девушка. — Странно, правда? Но ты привыкнешь. Я тебя научу!

Пункт «Черный Круг» являлся штаб-квартирой, где майор Чаттерджи переживал по поводу снабжения и работы персонала — так понял его назначение Райленд.

— А это — пункт «Серый Треугольник», — прощепетала Вера, указывая на перекресток впереди. — Медицинский сектор — проверки, недомогания, травмы, а также... — игриво хихикнула она, — отправка в орган-банк.

Райленд вздохнул.

— О, не стоит волноваться, Стив. Можешь доверять майору Чаттерджи. Ты делай свое дело, он будет делать свое. Это и есть работа Сообща.

— Да, понимаю, — пробормотал он. — Просто... У меня уже был шанс оказаться в орган-банке. Целых три года. Признаться, перспектива оказаться в мясорубке меня не восхищает.

Шокированная общительница застыла на месте, сердито выгнув бровки.

— Мясорубка? Что за неплановое слово?

— Я имел в виду...

— Плановый термин, — твердо сказала она, — звучит так: утилизация. Ты не можешь отрицать логику Машины, верно? — И, не ожидая ответа, увлеклась хорошо заученной речью: — Орган-банк обеспечивает проблемную группу необходимым стимулом, который гарантирует максимальную продуктивность работы. Если усилия приведут к успеху, группе опасаться нечего, если же их ждет неудача... — Пожав очаровательными плечиками, общительница вздохнула. — В таком случае, благосостояние Плана Человека требует от них иной лепты в Работе Сообща. Их анатомические органы будут участвовать в улучшении здоровья других граждан. Такова Работа Сообща!

— Благодарю! — раздраженно ответил Райленд.

В лагере максимальной изоляции за Полярным кругом, подумал он грустно, было тяжело и тоскливо, не было никаких удобств, но там, по крайней мере, он не обязан был выслушивать лекции от девчонок, у которых еще молоко на губах не обсохло.

Названия пунктов — «Серый Треугольник», «Черный Круг» и так далее, — были изобретением Службы Безопасности. Все заведение называлось Группа-центром. Оно могло находиться, где угодно — даже под Индийским океаном.

В пункте «Серый Треугольник» он прошел тестирование, повидался с Опорто. Тот казался вполне здоровым, но несколько удрученным. Они поприветствовали друг друга взмахом ладони, но поговорить возможности не было. По крайней мере, с облегчением вздохнул Райленд, коротышку еще не утилизировали.

Последовавшие за этой встречей пять часов скрупулезных тестов заставили его забыть о судьбе Опорто. Сотрудники «Серого Треугольника» измеряли его функциональные показатели и коэффициенты лояльности, применяя все виды тестирования, каким он уже подвергался ранее, и в

придачу новые. Лаборанты крепили электроды, привязывали испытуемого к креслам аппаратов, допрашивающие требовали мельчайших деталей, вплоть до точного указания, какие игрушки подарила Райленду мать в день рождения на третьем году жизни.

Тесты снова вернули его в те горькие дни, когда он проходил сеанс за сеансом в «центре отдыха» — дням, которые казались веками. Когда он опять и опять подвергался наказанию лишь за то, что не в состоянии был понять смысл безумных вопросов, которыми его бомбардировали терапевсты.

Райленд чувствовал, как все внутри сжимается от страха — вдруг этот кошмар повторится? Вдруг они заинтересуются всеми этими пироподами и прочим?

Но все обошлось. Вопросы были стандартными. Их уже не раз задавали прежде, и каждый ответ давно был записан на барабанах памяти Планирующей Машины. Но допрос продолжался, как положено. Реакции Райленда то наблюдались при адском слепящем свете, то фотографировались в инфракрасном излучении. Целые залпы инъекций то стимулировали, то успокаивали его, один раз погрузили в короткий сон — бог знает, какие зонды и щупы проверяли в этот момент напряжение внутренних органов.

Наконец, последние анализы были сданы, и все закончилось.

Райленд облачился в новенькие хрустящие брюки и куртку алого цвета, после чего был выставлен в коридор, где его уже ждала Вера. На губах ее застыла лакированная улыбка, глаза сияли удовольствием.

— Ты прошел все благополучно! — восхитилась она. — Я знала, что все будет хорошо. Теперь ты — полноценный член Группы. Я покажу твою комнату, — щебетала общительница. — Очень симпатичная комната, Стив! А потом... О, потом у нас много дел. Тебе понравится наша Общая Столовая! У тебя будут замечательные условия для работы! И это справедливо, правда? От тебя так много ждут и от всей группы

тоже, верно? Вы должны оправдать это ожидание! Такова Работа Сообща!

Заливаясь соловьем, она водила его по коридорам Центра около часа, после чего завела в столовую. Там было пусто — они опоздали к обеду из-за проверки в Сером Треугольнике. Пища оказалась обычной — стандартный рацион для служащих общего профиля разряда «А». Примерно так же его кормили в лагере полной изоляции. После обеда Вера выполнила свое обещание относительно комнаты.

Жилище оказалось довольно удобным. Кровать — неожиданно мягкой, книжный шкаф — битком набитым справочниками и таблицами. Имелся также просторный ящик для хранения личных вещей, которых у Райленда давно уже не было.

— Какая прелесть, правда? — с энтузиазмом воскликнула Вера. — Но нам нужно спешить, Стив. Уже почти семь часов!

Общая Столовая находилась над уровнем лабиринта, которым являлся Группа-центр. Ее серые бетонные стены были довольно легкомысленно оживлены пестрой краской.

Райленд осмотрелся.

Здесь было светло и шумно от разговоров множества людей. Около двадцати общительниц, таких же стандартно симпатичных, как и Вера, танцевали со смеющимися офицерами Технокорпуса, сидели за столиками, пели вокруг фортепиано. По залу сновали торопливые официантки, тоже довольно хорошенькие, разнося напитки и легкие закуски. Были здесь и новые коллеги Райленда, одетые в такую же алую униформу. Сердце его забилося сильнее — по крайней мере у троих он заметил железные кольца. Но, что самое удивительное — они смеялись! Один танцевал с высокой рыжеволосой девушкой, двое играли в карты. Казалось, железные воротники не слишком тяготят их.

Стив облегченно вздохнул — кажется, именно о таком месте он мечтал последние три года.

За огромных окном, футов двадцати в высоту, садящееся солнце заливало оранжевым светом древние утесы. Под

порывами неслышного ветра качались вершины сосен, дальний склон был покрыт вечнозелеными елями и начавшими желтеть осинами.

— Я... я до сих пор не знал, где мы находимся.

— Но ты и сейчас не знаешь, — засмеялась она. — Идем, я представляю тебя Руководителю Группы.

Генерал Флимер оказался обладателем больших, навыкате, глаз и тесной униформы, которые делали его похожим на большую самодовольную жабу.

— Так, значит, вы и есть Райленд? — генерал тряс его руку, сияя дружелюбием. — Рад, что вы присоединились к нам, Стивен! — Усмехнувшись, он щелкнул ногтем по металлу кольца. — О, мы с тебя эту штуку вмиг снимем! Главное — давай результаты. И благонадежность тебе обеспечена! Что может быть справедливее?

Подхватив Райленда за свободный локоть, он потащил его вперед.

— Хочу познакомить вас с другими сотрудниками, — добродушно гудел генерал. — Ага! Паскаль! на минутку. Стив, позвольте представить...

— Я уже знаком с полковником Лескьюри, — сказал Райленд, узнав офицера Технокорпуса, который показал им с Опорто купе в вагоне Планирующего.

Полковник кивнул ему. Пока генерал собирал остальных членов Группы, они отошли в сторону.

— Я не хотел ничего говорить вам тогда, хотя уже знал о вашем направлении. Ваше э-э... собеседование... оно прошло успешно?

Райленд прекрасно понимал, что полковник мог отнестись к нему не столь благосклонно, если бы собеседование прошло неудачно, но решил не придавать этому значения.

— Да, — сказал он. — Планирующий был настроен...

Полковник шутливо ткнул его в бок и подмигнул.

— Я о другом собеседовании, парень! Ничего себе девица, а?

Райленду начало казаться, что едва ли найдется гражданин Плана, которому неизвестно, что он три четверти часа провел в ванной комнате Донны Криири.

— Эй! — призывно замахал рукой генерал. — И вы тоже, Отто!

Полковник Отто Готтлинг, обладатель каменного лица и тяжелой поступи, оказался экспертом по ракетным камерам сгорания. Камеры его конструкции применялись на всех кораблях последних двенадцати экспедиций к внешним планетам.

Как выяснил Райленд, каждый сотрудник Группы специализировался в какой-нибудь области, но он с трудом представлял, каким образом эти разделы знания сочетаются здесь. Например, полковник Лескьюри был специалистом по биологии, директором отдела Космической Биологии Плана. Майор Ланггрен — астрофизиком. Были еще два математика: специалист по теории чисел, имя которого показалось Стиву смутно знакомым, и еще один, занимающийся стандартными циклами. Совпадение или нет, но оба носили на шее железные кольца. Третьим опом был химик, специалист по пищевым продуктам — полный веселый человек, обладающий неистощимым запасом каламбуров и смешных стишков.

Когда все собравшиеся успели немного захмелеть, генерал Флимер вскарабкался на стол и, стуча каблуками, потребовал общего внимания.

— Тост! — проревел он. — За Работу Сообща и за План Человека!

Раздались одобрительные возгласы. Флимер осушил бокал и вдруг стал серьезным.

— Кое-кто здесь, — гаркнул он, — может, не понимает, на что нацелена наша Группа. Что ж, скоро вы поймете! Но ради новых наших товарищей позвольте мне в общих чертах обрисовать философию Групповой Атаки вообще. Это — наисущественнейший инструмент нашего научного прогресса.

— Ура Групповой Атаке! — взревел один из математиков-опов.

Девиды-общительницы захихикали, генерал благодушно улыбнулся ретивцу и продолжил:

— В давние-давние времена, как мне объяснил один групповой историк, наукой занимались одиночки. Кто-то из вас, может быть, думает, что так продолжается до сих пор. — Флимер послал Райленду ледяную усмешку. — Эти времена давно прошли! Поворотным пунктом была Группа Эйнштейна, собравшаяся в городе Хиросима, чтобы атаковать фундаментальные проблемы деления атомов. Но, к сожалению, — он протянул свой бокал, чтобы его наполнили, — вес пионеры атомной науки погибли в результате неожиданно удачного опыта по делению урана. А принцип группового штурма выжил! С тех пор План Человека усовершенствовал эти принципы, отшлифовал приемы Групповой Атаки. Когда Плану Человека требуется новое научное открытие, для его создания образуется Группа. Необходимость в этом созрела именно сейчас, и эта Группа — вы! вы — моя Группа, Вы все!

Продолжительные аплодисменты, крики, возгласы прервали его речь. Флимер улыбнулся, зловеще и ядовито, что несколько не сочеталось с приторностью его рыхлого лица.

— Я уверен, что вы понимаете, — кивок в сторону Райленда и других кольценосителей, — почему от вас ждут успеха. Добившись его, вы поймете, что принцип Группы работает в обоих направлениях. Но если этого не произойдет, тогда... — Не окончив фразу, генерал мрачно и многозначительно посмотрел на опасников еще раз. Потом широко улыбнулся и коротким толстым пальцем провел по месту, где у нормальной полноты людей находится шея. — Ж-ж-ж-ж! И в орган-банк!

Аудитория взорвалась смехом. Оператор-майор Чаттерджи вскочил на стол, сверкая очками.

— Троекратное «ура» генералу Флимеру и Плану Человека! Гип-гип...

— Ура-а!

Возглас получился громкий, но недружный.

— Гип-гип...

— Ура-а!

На этот раз кричали все.

— Гип-гип...

— Ура-а!

Райленд обнаружил, что кричит вместе со всеми.

Он был рожден в системе Плана Человека. И не мог сомневаться в его правильности. Это лишило бы смысла жизнь, так же как дарованный Планом воротник почти лишил надежды.

Когда аплодисменты начали стихать, генерал Флимер, улыбаясь, поднял руку.

— На этот раз Машине необходим движитель на новом физическом принципе. — Он пожал плечами, насколько вообще был на такое способен при своей комплекции. — Я не ученый, и не знаю, насколько сложным является это задание. Вероятно, некоторые из вас считают его слишком сложным. Что же. Все остальные просто должны будут убедить их в обратном!

И он шутливо ткнул себя пальцем в шею.

Как Райленд ни старался, узнать что-либо из разговоров с остальными сотрудниками было практически невозможно. Не потому, что они не хотели говорить, а потому, что он все должен был узнать в свое время. Машина даст ему детальное задание, заверяли его. А пока — как насчет еще одного стаканчика?

Спустя час Вера предложила показать самый короткий путь к его комнате. Взявшись за руки, они отправились в путешествие по серым коридорам.

— А вот сектор, где ты еще не был, — показала она. — Видишь? Это Узел. Центр связи.

— Отличный центр связи, — согласился Райленд.

Он чувствовал себя прекрасно. Даже кольцо на шее не казалось уже таким твердым и холодным. Какая она милая

девушка... Конечно, общительницы отбираются специально, их обучают, едва ли не разводят, как особую породу. Но она напоминала ему Потерянную Любимую, Анжелу, о которой дочь Планирующего знала больше, чем ей следовало. Но она, конечно, могла прочесть о ней в его личном деле, и...

— «Пункт Зеленый Полукруг», — пропела девушка, указывая на новую эмблему, украшающую стену.

— Превосходно, — машинально ответил Райленд, потом присмотрелся повнимательнее. — Что это там происходит?

Девушка заколебалась, затем потащила его в сторону.

— Знаешь, что, Стив, этот короткий путь — не совсем то, что нам нужно. На старом пути есть...

— Нет, ты смотри, — настаивал он, упираясь.

Несмотря на поздний час, два охранника в алой форме Группы отпирали массивную оцинкованную дверь. Внутри виднелась громадная шахта, пол ее освещался ярким прожектором откуда-то сверху.

Райленд понял, что это — посадочная шахта для ракеты. Мощные фермы порталного крана, огромные трубопроводы пламегасителей, черные раструбы в бетоне пола... Какой-то частью сознания он автоматически отметил все детали. Когда-то ракеты, должно быть, садились здесь довольно часто. Там, наверху, скрытые слепящим светом, должны находиться громадные створки входа, закрывающие небо.

Но сейчас в шахте не было ракет.

Там была что-то другое, находящееся внутри массивной железной клетки.

— Что это? — теребил девушку Райленд.

Существо напоминало морское животное-котика или тюленя, которых он встречал на скалах возле лагеря полной изоляции. Но было цвета металлического золота, когда его освещает заходящее солнце. Только сейчас его заливал немилосердный свет прожекторов.

Ничего подобного в своей жизни Райленд не видел.

Существо было живым, но, по-видимому, раненым. Оно лежало на полу в бессильной позе. Золотой мех покрывали кровавые пятна, возле головы чернела рваная рана. Несколько прутьев клетки были погнуты и окровавлены.

— Уйдем отсюда, Стив, — жалобно просила общительница. — Пожалуйста! Майор Чаттерджи не велел показывать пространственника, пока... — Она запнулась, смутилась. — Пожалуйста, забудь мои слова. Я вообще не должна была вести тебя в эту сторону. Но... О, прошу тебя, Стив, пойдем!

Он с неохотой позволил себя увести. Все равно охранники, войдя в шахту, задвинули тяжелую дверь. Смотреть больше было не на что.

Но что же это было?

Глава IV

В семь часов утра на следующий день звонок телетайпа вырвал его из глубокого сна. Не успев как следует протереть глаза, он подскочил к Машине, чтобы ответить. Его ждал запрос:

«Запрос. Присутствует ли Стивен Райленд, оп. ABC-38440?».

Побледнев, Стив выступал подтверждение. Человеческий инстинкт поведения требовал добавить извинение, но Машину извинения не интересовали.

Рычаги литер немедленно простучали в ответ:

«Информация. Гипотеза равновесного состояния основана на теории Фреда Хойла, английского астронома и физика XX века, утверждающей, что облака водорода постоянно формируются в межзвездном пространстве, восстанавливая, таким образом, убыток вещества, потерянного при синтезе внутри звезд. Действия. Найти математическое обоснование теории, указать, в каких условиях процесс

возможен. Дать оценку возможности математического подтверждения реальности нейтрализации и реверсии процесса формирования водорода».

Райленд тупо смотрел на бумажную ленту.

В дверь тихо постучали, и в комнату, пританцовывая, вплыла общительница, держа на руке поднос с чаем, тостами и стаканом розоватого сока.

— Доброе утро, Стивен! Проснись и пей!

Взмахом руки он приказал ей замолчать. Телетайп издал серию щелчков и выдал новое сообщение:

«Информация. Существуют экспериментальные подтверждения возможности существования механизма, не подчиняющегося Третьему закону Ньютона. Информация. Вышеупомянутый механизм в дальнейшем именуется нереактивной тягой. Действия. Разработать необходимое математическое обоснование возможности воспроизведения нереактивной тяги в двигателях кораблей Плана. Действия. Познакомиться с работой полковника Готтлинга по общей теории силового поля в качестве необходимого первого шага».

Едва телетайп умолк, Райленд оторвал ленту и сел. Было совершенно ясно, что кто-то сообщил Машине сведения из его старинных запретных книг.

Вера нежно потянула ленту из его пальцев.

— Завтракать! — укоризненно напомнила она. — И душ! Сначала надо как следует проснуться, тогда и думать будет легче.

Двигаясь, как во сне, Стивен позволил отвести себя в ванную. В сознании его бешеным вихрем крутились облака межзвездного водорода и неньютоновские силовые поля.

Обжигающий душ привел его в себя. К тому времени, когда он оделся и сел завтракать вместе с общительницей, сознание его было совершенно ясным.

— Нереактивная тяга, — повторил он задумчиво. — Но это невозможно! Это противоречит закону Ньютона!

— Пей чай, Стив, — спокойно сказала Вера. — Разве Машина дала бы это задание, если бы оно было неразрешимым?

— Но я не... Хорошо, где экспериментальные подтверждения? Я пока ничего не видел.

Девушка украдкой взглянула на часы.

— Полковник Лескьюри ждет, Стив. Допивай чай.

Полковник казался очень официальным в алой униформе и белоснежном халате поверх нее.

— Я вижу, вы взволнованы, Райленд. «Успокойтесь», — сказал он.

Стив многозначительно коснулся железного воротника. Полковник улыбнулся.

— Естественно. Но вы ведь стремитесь от него избавиться, да? И наилучший способ сейчас — просто успокоиться, потому что для начала вы должны внимательно меня выслушать. Я расскажу вам о Рифах космоса.

Рифы космоса!

Райленд судорожно сглотнул. Вокруг словно сгустился туман жгучей памяти о годах в лагере изоляции. Он снова лежал, привязанный к кушетке в комнате терапевта, в лицо бил ослепительный свет. Над ним склонился доктор Трейл, толстый, вежливый, и раз за разом тихим хриловатым голосом повторял слова: «пространственник», «пиропод», «нереактивная тяга», «рифы космоса» ...

— Успокойтесь, Райленд, — донесся откуда-то издалека голос полковника. — К этой проблеме нужно подходить постепенно. На первом этапе я представлю вам информацию, с которой вы должны ознакомиться.

— Да, конечно, — выдохнул Стивен. — Я понимаю.

Но напрасно старался он успокоиться. Ведь в рассказе полковника, возможно, откроется загадка трех потерянных дней.

— Давайте для начала немного выпьем, — предложил полковник. — Жажда — плохой помощник в разговоре.

Райленд заколебался. Алкоголь всегда был под запретом — и в Академии, и в лагере.

— Присоединяйтесь, — подмигнув, пригласил полковник. — Небольшая трансфузия не повредит.

Он открыл шкафчик, извлек из него стаканы и маленькую коробочку. Райленд нетерпеливо вернулся к теме разговора:

— Рифы космоса — это что? Наверное, метеоритные облака?

Паскаль Лескьюри захохотал:

— Нет, это примерно то же самое, что и коралловые рифы. Прошу! — Он поднял свой стакан. — Ну вот, теперь другое дело, — отметил полковник, пригубив, и открыл коробочку.

На стол высыпалась коллекция фантастических существ, изготовленных в миниатюре из пластика. Райленд бросил на них взгляд, почти не замечая. Он думал над словами Лескьюри. Ведь коралл — это продукт деятельности живых организмов.

Как бы прочитав его мысли, полковник кивнул.

— Рифы космоса тоже построены живыми существами, только на создание их ушло гораздо больше времени.

Райленд резко поставил нетронутый стакан на стол, расплескав содержимое.

— Но какие организмы могут жить в космосе?

— Как какие? — очень серьезно спросил полковник, постукивая пальцем по пластиковым игрушкам. — Примерно такие. Это — уменьшенные копии реально существующих организмов. Кроме того, есть и сами создатели Рифов — простые одноклеточные организмы, существующие повсюду.

Усилием волн Райленд заставил себя говорить медленно и рассудительно:

— Сегодня утром я получил приказ Машины — заняться гипотезой равновесного процесса... И с этого момента постоянно думаю о теории Хойла и некоторых других его предположениях. О том, что жизнь появилась еще до образования

планет, что она возникла под воздействием ультрафиолетовых лучей в остывающих облаках газа и пыли вокруг звезд. Но как могла эта жизнь уцелеть? Облака исчезают, когда начинается формирование планет.

— Жизнь умеет приспосабливаться, — веско сказал полковник, поигрывая пластиковыми «драконами», потом отложил игрушки и сделал еще глоток. — Если оставить в стороне непознанные аспекты, — тоном лектора продолжил он, — то жизнь есть сочетание материи и энергии. Эффект Хойла снабжает ее материей в виде облаков водорода, которые постоянно возрождаются в межзвездном пространстве. А энергию жизнь добывает сама.

— Каким образом?

— Синтезируя на основе водорода более тяжелые элементы, — торжественно заключил полковник.

Он щелкнул выключателем. С потолка скользнул экран. На нем появилось изображение: дротикообразные тела, сверкая, проносились в поле зрения. Это было бы похоже на обычную картину микрожизни в пруду, если бы существа не светились сами по себе.

— Фузориты, — мрачно сказал полковник. — Ужасно выносливые малютки. Они производят термоядерный синтез водорода и генерируют энергию. Живут в открытом космосе.

Фузориты!

Тело Райленда снова напряглось, как под ударом тока. Он знал, что полковник наблюдает за его реакцией, и попытался расслабиться, но Лескьюри еще секунду глубокомысленно разглядывал его.

— Не удивляюсь, что вы поражены, — произнес он, сочувственно подмигнув. — Идея непростая. Из нее следует, что планеты — не уникальные одинокие оазисы в мертвых пространствах космоса, а лишь острова в бесконечном океане жизни, о которой мы никогда не подозревали.

— Но почему ни одно из них не побывало на Земле?

Райленда раздражала неторопливость полковника. Для него это было вопросом жизни и смерти, а для Лескьюри — всего лишь скучной лекцией, весьма скучной. Тот пожал плечами.

— Наверное, они тонут в воздухе. Подозреваю, что более тяжелые элементы — это отходы их жизнедеятельности, а

потому ядовиты для них. Возможно, именно такие существа построили Землю, — задумчиво продолжал он, взяв стакан и отпив глоток. — Это объясняет содержание тяжелых элементов лучше, чем теории космогонистов. Но, в сущности, это значения не имеет. То есть не имеет для Плана.

Райленд нахмурился. В тоне полковника сквозило что-то нелояльное. Он решил переменить тему.

— А эти существа, — тронул Стив пластиковые фигурки, — это и есть фузориты?

— Нет. Это пироподы. Они живут в Рифах.

Полковник шевельнул рукой, и экран опять засветился. Райленд подался вперед.

— Сказочная страна! — только и смог выдохнуть он.

Лескьюри хрипло засмеялся.

На экране переплетались светящиеся ветви и лианы, среди которых сновали какие-то феерические существа, похожие на разноцветных птиц.

— Называйте, как хотите. Я, будучи там, выражался несколько иначе. Понимаете, во Вселенной действительно постоянно рождается новое вещество, формируются водородные облака. Я сам видел это несколько лет назад. — Он нервно отпил. — Пироподы уже были замечены, но поймать не удавалось ни одного. Планирующий приказал снарядить охотничью экспедицию.

Райленд нахмурился.

— Охотничью? Но ведь План Человека не располагает такими излишками энергии! Каждая калория должна расходоваться продуктивно!

— Ты — старательный ученик, — кисло усмехнулся полковник. — И все же, таково было решение Машины. Во всяком случае, так утверждал Планирующий. И мы отправились искать новую планету за орбитой Плутона. Имелась ли такая? Приходилось предполагать, что имелась, иначе откуда бы брались пироподы? Мы знали, что в пределах орбиты Плутона они не живут. — Полковник откинулся в кресле, полузакрыв глаза. — Это был долгий полет. Ты ведь

знаешь, почему невозможно путешествие к звездам? Энергии достаточно, но где взять рабочую массу, которая будет толкать корабль вперед? Когда пересекаешь орбиту Плутона, эта проблема встает в полный рост. Мы шли на старом «Кристобале Колоне» с водородными двигателями. Рабочим телом служила вода. Весь запас едва ли посадил бы нас на предполагаемой планете. Перезаправиться мы должны были там. Если бы нашли воду, конечно, — сухо рассмеялся он. — Но планет мы не нашли.

— Тогда... Как же вы вернулись? — удивился Райленд.

— Мы с чем-то столкнулись. И назвали это образование Границей. Это были еще не Рифы — до них оставались миллионы миль. Граница принадлежит Солнечной системе. Это разреженный пояс небольших астероидов, снежных и ледяных осколков. В основном — метановый и аммиачный снег. Но и воды мы нашли достаточно, чтобы наполнить баки. И отправились дальше — выполнять задание Машины. — Лескьюри зябко поежился, допил стакан. — Мы все дальше и дальше уходили от Солнца за пределы Границы, пока оно не превратилось в не очень яркую звезду. И уже готовы были повернуть назад, когда... увидели первый Риф! — Полковник махнул рукой, и экран снова ожил. — Поначалу он выглядел не слишком впечатляюще. Какая-то крапчатая масса неправильной формы, но она светилась!

Райленд обнаружил, что незаметно для себя поглотил содержимое своего стакана, и молча протянул его полковнику. Тот немедленно наполнил его, не забыв составить коктейль и для себя.

— Поистине сказочная страна. Мы совершили посадку в настоящем лесу хрупких коралловых образований. Тонкие шипы сверкающих кристаллических зарослей ломались о скафандры. Экипаж бродил по этим джунглям, грозившим ловушками из живой проволоки, ударами острейших лезвий. Но это еще что! Там были громадные прекрасные цветы, сияющие всеми оттенками и распространяющие вокруг себя смертельные гамма-лучи. Золотистые лозы

отвечали на прикосновение высоковольтным ударом. То тут, то там блестели лужицы радиоактивных изотопов, в некоторых местах эти изотопы били гейзерами. Это был кошмар! Дезактивируясь и залечивая царапины, мы знакомились с природой Рифа. Это было скопление живых существ — колония фузоритов! Ученые насчитали до сотни видов. Очевидно, развились они из нескольких спор, плавающих в межзвездном водороде. Росли очень медленно — наверное, несколько дюймов за миллион лет. Но фузоритам спешить некуда. — Полковник залпом осушил стакан и надолго замолчал, глядя на него. Потом поднял голову. — И тут мы сели и уставились друг на друга. Было совершенно ясно, что нами открыто нечто большее, чем то, за чем нас послали — новый рубеж для человечества. Новое жизненное пространство.

Райленд, подчинившись внезапному всплеску эмоций, вскочил со стула.

— Новый рубеж! Там... Там могут жить люди?

— А почему бы и нет? Все необходимое есть — водород для добычи энергии, металл для машин, сырье для синтеза пищи... Мы привезли с собой целое богатство — загрузили корабль образцами всего, что смогли найти: невероятные алмазные сталактиты; кристаллические массы практически чистого железа; живые призмы, светящиеся собственным светом радиоактивного процесса; губчатые грибоподобные конгломераты, в которых, как показал анализ, девяносто процентов урана-235. Попадались куски в сотню фунтов — гораздо больше критической массы! Но они не взрывались, пока были живыми. Один «гриб» все же рванул, когда мы забросили его в открытое пространство. После этого пришлось тщательно разделять массы на мелкие части во избежание неприятностей.

— Так вот зачем Машине нереактивная тяга... — В сером тумане запутанных фактов, не выпускавшем Райленда с момента освобождения из лагеря, блеснул луч понимания. —

Чтобы достичь Рифов, ведь они за пределами досягаемости наших космических ракет.

— Скорее всего, — кивнул Лескьюри. — Хотя подобные рассуждения несколько выходят за рамки наших функций.

— Но зачем Машине Рифы космоса? — нахмурился Райленд. — Неужели что-то среди них угрожает безопасности Плана?

— А вот это — не наше дело, — предупредил полковник. — Думаю, планеты хорошо защищены от космической жизни своими атмосферами и поясами Ван-Аллена. Конечно, пиропод нас протаранил...

— Пиропод?

На мгновение Райленд опять оказался на кушетке в комнате терапии, почувствовал на теле холодные электроды, услышал хриплый голос доктора Трейла...

Глаза Лескьюри сузились.

— Райленд, вы слишком волнуетесь. Это ни к чему. Я не совсем понимаю вашу реакцию... разве что вы раньше уже слышали о Рифах.

— Нет.

Это было правдой. Точнее, он слышал, но не понимал, о чем речь.

Еще несколько секунд полковник с неприятной подозрительностью наблюдал за собеседником.

— Тогда успокойтесь, — улыбнулся он наконец. — Прошу прощения. Просто один член нашей команды бежал с корабля после посадки, прихватив несколько образцов и описание жизни в космосе. Потом он, конечно же, был схвачен и отправлен в орган-банк. Словом, неприятный инцидент. — Глаза Лескьюри сверлили Райленда, и он непроизвольно напрягся. — Не помню вот, как его звали... Херрик? Хорлик? Хоррокс?

Райленд окаменел.

Небрежным жестом полковник отправил экран обратно в потолок, потом спросил:

— Еще выпьете?

Стивен молча покачал головой.

Лескьюри вздохнул и пошевелил пальцем пластиковые фигурки на столе.

— Вот, — сказал он вдруг.

Райленд взял протянутую двухдюймовую игрушку из черного и серебряного пластика со зловещего вида лезвиеобразным носом.

— Вот такая штука на нас напала.

— Такая маленькая?

Полковник рассмеялся.

— Она была футов девяносто в длину. — Забрав фигурку, он нежно погладил ее. — Злобное создание. — В его голосе сквозило невольное восхищение. — Злобными их сделала эволюция. Вечность до совершенства выковала эти живые боевые ракеты. Но им тоже нужна рабочая масса. Нам удалось отловить около десятка этих созданий. В сущности, они не отличаются от петарды... И оттого такие прожорливые. Они нападают на что угодно с такой голодной яростью, что вы себе и не вообразите. Вещество не так часто встречается в глубоком космосе, и они вынуждены потреблять все, что встречается у них на пути. — Рассказывая, Лескьюри медленно сгребал модельки в коробку. — Такая штука и протаранила нас. Двенадцать человек были ранены. Все произошло слишком быстро. Ее скорость превосходила нашу. Но потом кто-то сумел добраться до торпедной установки, и мы выиграли этот бой. — Он надолго задумался. — Но даже пиропод не обладает нереактивной тягой,

— Если она вообще возможна, — негромко сказал Райленд.

Полковник усмехнулся, внимательно посмотрел ему прямо в глаза.

— Вы думаете, что Групповая Атака провалится?

— Я сделаю все, что смогу, — сухо ответил Стивен. — Но третий закон Ньютона...

Лескьюри прервал его смехом.

— Да. Кто знает? Может, и провалится. Может, неактивной тяги действительно не существует.

Чем-то очень довольный — Райленд не понимал, чем, — он сунул коробку с фигурками обратно в ящик.

— Спокойной ночи, уродцы.

— Вы говорите о них так, словно они вам нравятся, — заметил Стив.

— А почему бы и нет? Если они не напали на Землю за прошедшие несколько миллионов лет, то едва ли уже нападут. Эволюция не приспособила их к жизни в атмосфере или при сильном солнечном свете. Лишь несколько пироподов, самых сильных, рискнули залететь за орбиту Плутона, где их и засекли перед нашей экспедицией. Дальше орбиты Сатурна они не встречаются, а тот, что был замечен там, я думаю, просто уже умирал.

Райленд был озадачен.

— Но вы говорили об опасности?

— Да, в Рифах таится ужасная опасность!

— Но если это не пироподы, то что же?

— Свобода.

Глава V

— Полковник Лескьюри такой милый, правда? — тараторила Вера, ведя Райленда на следующее собеседование. — Очень милый! Если бы от него зависело, рифокрыса не пострадала бы...

Она замолчала на полуслове.

Райленд пристально посмотрел ей в глаза.

— Что это такое — рифокрыса?

Общительница отвела взгляд.

— А вот и кабинет майора Чаттерджи, — нервно сказала она и почти втокнула его в дверь.

Оператор-майор поднялся навстречу, жизнерадостно улыбаясь и размахивая копией приказа Райленду от Машины.

— Вы готовы? Мы — да. Слово за вами.

— Мне потребуется мой компьютер, — ответил Стивен. — И пусть кто-нибудь ознакомится со всеми работами по гипотезе Хойла, переварит их как следует и выдаст мне основные сведения.

— Вы получите трех помощников из секции полковника Лескьюри, а я уже выделил двоичный компьютер.

— Вы не поняли, — сказал нетерпеливо Райленд. — Мне нужен мой компьютер. Мой. Им является Опорто.

Золотые дужки очков тревожно сверкнули.

— Опасник? Ну, в самом деле, Райленд!

— Он необходим мне для работы, — упрямо повторил Стив. — В приказе Машины все сказано предельно ясно.

Чаттерджи сдался.

— Хорошо. Но нам потребуется еще одобрение генерала Флимера. Пойдемте.

Вера ненавязчиво последовала за ними. Они сначала поднялись лифтом наверх, потом спустились в другое помещение. Чаттерджи тихо постучал в дверь.

— Минуту, — проворчал голос из динамика.

Через некоторое время дверь распахнулась. Райленд увидел комнату с серебряными стенами и инкрустированной серебром мебелью. Из спальни, запахивая полы серебряного халата, им навстречу выбрался генерал.

— Слушаю.

Майор откашлялся.

— Сэр, Райленду для работы нужен второй оп, Опорто, приписанный к нему ранее.

— Для проведения расчетов, — вставил Стив. — Он — феноменальный счетчик. Чудо природы.

Глубоко посаженные глазки генерала встретились с его глазами.

— Это поможет вам разработать нереактивную тягу?

— Понимаете, — начал Райленд, — я еще не приступил к этой проблеме. Сначала мы займемся гипотезой Хойла. Приказ Машины...

— Мне известен приказ Машины, — проворчал генерал и задумчиво почесал нос. — Ладно, дайте ему этого человека. Но помните, Райленд, главное в вашей работе — нереактивная тяга.

— Но, сэр... Машина не указывала на приоритет именно этой проблемы!

— Зато я указываю, — внятно произнес генерал. — За работу, парень. Вперед.

Когда они вышли в коридор, майор сразу поспешил в свой кабинет.

— Генерал Флимер — очень приятный человек, правда? — восхитилась Вера, идя под руку с Райлендом к лифту.

Он глубоко вздохнул.

— Тут что-то не так. Генерал живет в невероятной роскоши. И все берет на себя, даже истолкование приказов Машины... Это всегда так?

Девушка медлила с ответом. Только подведя его к двери другой комнаты, она снова заговорила:

— Генерал Флимер — очень приятный человек! Он тебе понравится, вот увидишь! И полковник Готтлинг тоже понравится, я не сомневаюсь!

Выпалив все это, Вера, толкнула дверь и ушла.

Как оказалось, возгореться симпатией к Готтлингу было нелегко.

Плотный, массивного сложения человек с похожим на череп лицом, над которым топорщились антенны радарного шлема, сердито водил пальцем по спусковой кнопке, пока Райленд докладывал Машине о прибытии. Когда Стив закончил, полковник вывел его в коридор.

— Ты будешь следующим, — раздраженно говорил он по пути. — Лескьюри уже бился с этой тварью, но ничего не вышло. А мне они не разрешают заняться ею! Так что теперь это твоя забота.

— С какой тварью?

— С пространственником! Его еще называют рифокрысой. С тварью, передвигающейся посредством нереактивной, тяги!

— Полковник, я не понимаю, о чем вы говорите, — вежливо сказал Райленд.

Готтлинг обратил глаза к потолку.

— Великий План, что такое?! Что за дебилов начали по-составлять в Группы высшей степени важности? Ты хочешь сказать, что никогда не слышал о рифокрысе?

— Слово это мне знакомо, — признался Стив. — Но вы, кажется, употребили термин «пространственник»?

— Это одно и то же! — Полковник остановился, указывая на ряд картотечных ящиков. — Здесь собрано все, что мы о них знаем, — от веса в состоянии покоя до химического состава жидкости, заменяющей у них кровь. И не знаем только одного — как они летают. Но я бы и это выяснил, если бы мне разрешили поработать с этой тварью!

— Но...

— Болван! Оставь свое идиотское «но»! — гаркнул Готтлинг. — Смотри сюда!

Он распахнул дверь. За ней оказалась большая комната — ремонтная мастерская, наспех переделанная в лабораторию, разделенную на отсеки некрашеными перегородками. По стенам бежала открытая электропроводка, на узких лабораторных столах сгрудились банки с реактивами, стеклянная химическая посуда. Тут же стояли трансформаторы, генераторы рентгеновских лучей, какие-то массивные устройства, похожие на центрифуги, и прочее, Бог знает для чего предназначенное оборудование.

В лаборатории кипела работа.

Возле столов и приборов суетились не менее десятка мужчин и женщин в алой униформе. Они лишь вскользь глянули на вошедших и снова вернулись к работе, не говоря ни слова. Очевидно, оптимистическое настроение высших чинов не распространялось на нижние уровни Группы.

Полковник, на которого вдруг снизошло хорошее настроение, закурил длинную зеленоватую сигарету и взмахом руки обвел комнату.

— Теперь все это в вашем распоряжении, — сказал он. — На время.

— На время?

— Или навсегда, — усмехнулся Готтлинг. — Это если вы откроете нам секрет полетов пространственника. Но, по-моему, у вас ничего не выйдет. Вы — слишком мягкотелый человек. Воротник не закалил вас. И все же... Рассказать вам о пространственнике?

— Да, будьте так любезны, — с нетерпением попросил Райленд.

— Ладно, почему бы и нет. Существо это довольнообразительное, что-то на уровне наших приматов. Млекопитающее, теплокровное; дышит кислородом... Что вы на меня уставились?

Райленд закрыл рот.

— Я просто думал, что оно живет в космосе, в открытом пространстве...

— И правильно думали, — расхохотался полковник. — Там оно и живет! Дышит кислородом и живет в открытом пространстве. Занятно, не так ли? Но у него есть одно исключительное свойство.

— Какое?

Но полковнику уже явно наскучил разговор.

— Вам нужно было все узнать от Лескьюри. Я занимаюсь двигателями. Впрочем, ладно. Во-первых, нереактивная тяга. Во-вторых, какое-то силовое поле, которое удерживает воздушное облако вокруг существа в межзвездном вакууме.

— Не связаны ли эти два факта между собой? — задумчиво спросил Райленд.

— Конечно, могут быть связаны, идиот! Но так ли это на самом деле? Я, например, не знаю. — Общение с этим ненормальным развеселило Готтлинга, и он снисходительно хмыкнул: — Гм, это вполне возможно. Если рифокрыса

способна ускоряться без реактивного взаимодействия, то она может воздействовать и на молекулы газа. Как знать? Но... Но давайте я покажу вам пространственника. Так нам будет легче говорить.

Пройдя через всю лабораторию, они вышли через дверь в противоположном конце. Следующая дверь, к которой полковник подвел Райленда, напоминала вход в воздушный шлюз. Внутри у стен стояли неуклюжие защитные костюмы, выкрашенное в красный цвет аварийное оборудование. На внутренней двери шлюза пылало табло: «Опасность! Посадочная шахта! Ждите дезактивации!»

— Сейчас там безопасно, — заверил Готтлинг. — Шахту дезактивировали несколько месяцев назад, когда посадили туда пространственника.

Он потянул рычаг. Заворчали моторы. Внутренняя дверь, массивная, обитая листами свинца, отягощенная стальной арматурой и огнеупорным кирпичом, дюйм за дюймом начала отползать в сторону. Похожий на викинга в рогатом шлеме, полковник ступил в шахту, Райленд последовал за ним.

Громадная шахта была круглой в сечении. На почерневший бетон лились потоки прожекторного света. Даже дезактивирующая команда при помощи пеноструй и пескоструев не смогла избавить бетон от черной памяти о выхлопах ракетных дюз.

Райленд сразу узнал это место — ту самую шахту, в которую он случайно заглянул прошлой ночью. Он инстинктивно поднял глаза, опасаясь увидеть голубое небо и опускающуюся ракету, но армированные бетонные стены уходили в туманную невидимость над головой. Фермы кранов казались призрачными силуэтами. Ни один луч света не проникал сквозь громадные створки наверху, в сотне футов над головой, за которыми, наверное, голубело сейчас небо.

Готтлинг тронул Райленда за руку, жестом направляя его внимание вперед.

На почерневшем бетоне стояла клетка размером с комнату. Внутри нее светилось странное зеленоватое облачко. В центре облачка неподвижно лежал...

— Пространственник, — гордо сказал Готтлинг.

Это существо явно не раз пыталось вырваться на свободу. Подойдя ближе, Райленд понял, какой яростной была борьба.

Стальные прутья клетки толщиной превосходили человеческое запястье, но, тем не менее, некоторые из них были погнуты. На прутьях и золотистом мехе существа запеклась кровь.

— Что-то он лентяйничает. Сейчас мы его подстегнем, — хвастливо заявил полковник.

— Подождите! — остановил его Райленд. — Пространственник ранен. Клянусь небом, вы...

— Что? — вспыхнул Готтлинг. — Что???

Палец его многозначительно коснулся кнопки радара. Череповидное лицо стало еще страшнее от явно читавшейся на нем ненависти.

— Я...

— Идиот, ты смеешь мне указывать? Может, желаешь, чтобы я расширил поле радара? Одно движение пальца — и от тебя ничего не останется даже на утилизацию в органбанке!

Сглотнув, Райленд шагнул назад. Рука невольно потянулась к железному воротнику, заключающему в себе восемь грамм взрывчатки.

— Так-то лучше, — прорычал полковник и позвал, хлопнув в ладоши: — Сержант! Вы что, заснули? Пощекочите его!

К клетке подошел сержант в алой форме, держа в руках шест с острым лезвием на конце. Черный провод от лезвия шел к аккумуляторной коробке на его плече.

Пространственник медленно повернул разбитую голову.

И тогда Райленд увидел его глаза — большие, темные, прозрачные, застывшие от ужаса перед болью. По гладким

бокам существа пробежала дрожь, отозвавшаяся во всех членах человека с железным воротником на шее.

— Пощекочи ей брюхо! — приказал Готтлинг. — Мистер Райленд желает увидеть трюки нашей крошки!

Пространственник вскрикнул.

— Не надо! — выдохнул Стив.

Полковник зашелся от смеха. Выкатившиеся из кабаньих глазок две слезы оросили костистые скулы.

— Конечно, почему бы и нет? Я уже говорил — теперь ваша очередь. И если вы уверены, что поймете, как эта тварь летает, даже не глядя...

Судорожно вздрагивая, словно уже ощущая электрощуп, пространственник опять закричал.

— Пусть сержант уберет эту штуку, — хрипло попросил Райленд.

— Как вам будет угодно, — съехидничал Готтлинг. — Сержант, возвращайтесь на место. А вас, Райленд, я оставляю наедине с новым другом. Может быть, если я не буду подслушивать, он прошепчет вам на ушко свой сектор!

Довольный своей шуткой, полковник величественно удалился из шахты.

Час спустя Райленд уже представлял в общих чертах, с какой трудной проблемой его поставили лицом к лицу. Для этого ему пришлось вернуться в комнату с картотекой, взять с собой материалы и читать их в шахте, одновременно наблюдая за существом, стараясь, чтобы оно привыкло к его присутствию. Пространственник почти не шевелился, следя за каждым движением человека широко раскрытыми испуганными глазами.

История его была трагична. Он был пойман во время второй экспедиции к Рифам. Часть отчета, где говорилось непосредственно о поимке, отсутствовала. Рассказ начинался с момента помещения пространственника в поспешно оборудованную ракетную шахту. Сначала он сидел на цепи, и первые исследователи подходили к нему свободно, без опаски. Потом цепь убрали, и почти сразу полдесятка сотрудников

были серьезно ранены — их с неимоверной силой бросило на прутья. Нет, пространственник не нападал на них. Он просто хотел освободиться, а они случайно оказались на его пути. Тем не менее, с тех пор наблюдения велись преимущественно снаружи. А в последнее время, когда делом занялся полковник Готтлинг, — с помощью электрического «стимулятора».

В отчете содержались результаты анализа крови и образцов тканей. Райленд отложил их в сторону — они ничего не значили для него. Рентгеноскопия и исследования радиологов тоже в данный момент не представляли никакой ценности — это было поле деятельности полковника Лескьюри.

Далее следовали данные физических экспериментов. Динамометры замеряли силу натяжения цепей. Телеметрические датчики вычерчивали графики изменений в работе важнейших внутренних органов существа в разных состояниях: в покое, в «полете» или «под воздействием особых стимулов», как скромно формулировалось в рапорте.

Следов какого-либо излучения обнаружено не было. Кто-то предложил окружить пространственника чувствительными маятниками на предмет определения возможной боковой отдачи, но ни один из маятников не шелохнулся. Никакой отдачи!

Значит, вся небывальщина о нереактивной тяге — вовсе не чепуха, черт возьми! И пространственник является самым что ни на есть нереактивным двигателем!

Райленд изумленно уставился на существо, обессиленно растянувшееся на полу клетки и тревожно следящее за ним большими тюленьими глазами.

Нереактивная тяга!

Здесь, в этом существе, таится сила, которая разрушит третий закон Ньютона, изменит облик Солнечной системы, расширит влияние Плана Человека до бесконечности... Миновав бесполезные ледяные метановые миры-гиганты, План шагнет к звездам!

И вдруг Райленд понял, что ему совсем не хочется, чтобы План достиг звезд. Полковник Лескьюри говорил о свободе... Свобода!

В системе Планета ей места не находилось. Он затряс головой, приводу мысли в порядок. И вдруг откуда-то сверху грянул раскат далекого грома. Райленд вскочил, пространственник тревожно замяукал. Темноту над головой пробил луч света, полоска голубого неба становилась все шире.

Позади застучали подошвы бегущих людей, раздался голос сержанта:

— Мистер Райленд, мистер Райленд! Уходите! Какой-то ненормальный идет на посадку!

Стив кинулся к клетке и начал лихорадочно откручивать крепежные болты, чтобы сдвинуть ее в сторону, но в раскрывшиеся створки люка уже хлынул огненный водопад. Миниатюрная ракета, тормозясь, опустилась в шахту.

Будь эта машина помощнее, она бы убила и пространственника, и его. Но одноместный кораблик, созданный для прогулок и развлечений, спокойно приземлился, не причинив вреда находящимся в шахте, в сотне ярдов от клетки. Он лишь слабо дохнул зноем, но сквозь раструбы вентиляторов в помещение ворвался искусственный вихрь, мгновенно понизивший температуру и убравший остатки выхлопного дыма.

С кораблика спустился трап, на бетон пола легко сбежал человек в белом комбинезоне. Над ним кругами вились странно знакомые Райленду серебристые птицы.

— Стойте! — очнувшись, закричал он. — Не подходите к клетке!

Прибывший игнорировал его приказ. Бросившись к незнакомцу, Райленд дернул его за руку, развернул и... ахнул от удивления. Серебристые голуби свирепо клевали его лицо и руки.

— Руки прочь!

Зеленые глаза негодуя сверкали, голос дрожал от возмущения.

— Я...

Только теперь Райленд заметил, что комбинезон не скрывает признаков пола. Махнув рукой, девушка отогнала голубей Мира, одновременно сбросив пальцы Стива со своего локтя.

— Может быть вы все же объясните мне, в чем дело?

Райленд судорожно вздохнул

— Я... Я не знал, что это вы! Но что вам здесь нужно?

— Что мне нужно? — гневно переспросила дочь Планирующего. — Нет, это вы мне скажите, что делаете здесь? И зачем мучаете моего пространственника?

Глава VI

Девушка огненным взором пронизывала оробевшего Райленда. В ней почти нельзя было узнать красавицу из круглой ванны. Детская невинность исчезла с ее лица, от ребенка не осталось и воспоминания.

Он вздохнул. Дочь Планирующего или нет, но она стояла у него на пути — единственный способ избавиться от железного кольца сидел в железной клетке.

— Уходите, мисс Криири, — резко сказал он. — Пространственник умирает, его нельзя беспокоить.

— Что???

Голуби Мира тревожно заворковали.

— Вам туда нельзя, — упрямо повторил Райленд. — Пожалуйста, уходите!

Ни слова не говоря, Донна отвернулась и подошла к клетке.

— Не бойся, маленькая, — прошептала она золотистому существу. — Твоя Донна с тобой.

Пространственник поднял голову, глядя на нее большими прозрачными глазами.

— Мисс Крири! — недовольно сказал Райленд. — Я же просил вас уйти!

Девушка даже не обернулась.

— Хорошая моя, хорошая, — ласково приговаривала она. — Где же эта гадкая дверь?

Райленд разозлился.

— Туда нельзя! — крикнул он, схватил ее за руку.

С таким же успехом можно было попытаться поймать за хвост тигра. Другой рукой, так быстро, что он не успел отреагировать, она хлестнула его по лицу и, пока Стив приходил в себя, нашла задвижку и вошла в клетку.

Пространственник, хныча, пополз ей навстречу, переваливаясь, как морской котик.

Райленд понял, что попал в трудное положение.

Если с девушкой что-то случится, отвечать придется ему. Готтлинг об этом позаботится. И тогда — прощай свобода. Впрочем, куда вероятней — прощай голова.

Зло выругавшись, он схватил кусок тяжелой цепи, характерные пятна на которой ясно говорили о ее прошлом применении. Голуби Мира, тревожно попискивая, кружились над его головой.

— Стой! — спокойно приказала Донна. — Или я напущу птиц.

— Тогда выходите! — потребовал он.

Пол внутри клетки был скользким, покрытым вонючей слизью. Частью это была кровь пространственника, частью — какие-то разлагающиеся крохотные существа, принесенные сюда, видимо, вместе с пространственником. Запах вызывал легкое головокружение и тошноту, но Райленд стоически не обращал на него внимания. Если дочь Планирующего, изнеженное существо, привыкшее к аромату сирени, выдерживает его, то и он должен выдержать!

Девушка, склонившись над существом, ласково поглаживала золотистый мех.

— Брось цепь, — приказала она через плечо. — Ты пугаешь ее.

Сначала существо дрожало и уклонялось от прикосновений, потом успокоилась. Длинный черный язык коснулся щеки Донны. Клетку наполнило басовитое рокотание — довольное мурлыканье громадной кошки.

Внезапно снаружи раздался какой-то шум, и мгновение спустя в шахту ворвался полковник Готтлинг, наклонив рогатую голову. Маленькие глазки яростно сверкали из впадин черепообразного лица. За ним спешили несколько сотрудников в алых формах Технокорпуса.

— Убирайся отсюда, болван, — взревел полковник, замахнувшись в сторону Райленда электрическим щупом.

Мурлыканье пространственника прекратилось. Существо опять пронзила крупная дрожь.

— Стойте, — сориентировался Райленд. — Вы его напугаете! Он может напасть на мисс Криири!

Но дочери Планирующего не требовалась помощь. Она опустилась на колени прямо я кровавистую слизь рядом с пространственником, подняла взгляд от разбитой, в пятнах запекшейся крови головы существа, и глаза ее гневно блеснули.

— Полковник Гоплит! — Голос был подобен лезвию. — Я должна с вами поговорить.

Рот полковника беззвучно открылся и снова закрылся. Но отступать он явно не собирался.

— Вы должны выйти из клетки, мисс! Это опасное животное! Несколько человек уже получили травмы!

— А что они с ним делали? — спросила ледяным тоном девушка, невозмутимо продолжая успокаивать пространственника. — Какая здесь грязь! Немедленно наведите порядок!

Поднявшись с колен, она жестом велела Райленду покинуть клетку и вышла следом сама.

— Я требую сбора Группы, — холодно сообщила Донна, закрывая дверь. — И сейчас же! А ваши люди, Готтлинг, пусть пока вычистят клетку. И если я поймаю кого-нибудь с электрощупом, он испытает его действие на себе.

Готтлинг побагровел.

— Это больше не моя обязанность, мисс Криири. Теперь этим занимается мистер Райленд.

— А я возвращаю вас на старое место. Для мистера Райленда найдется другая работа.

— Но приказ Машины... — запротестовал Райленд.

— О Машине я позабочусь, — спокойно ответила она. — Эй, там! Принимайтесь за уборку! И не забывайте, что странственнику необходимы его симбиоты, а они быстро умирают.

— Я... — попытался было заговорить Стив, но Донна жестом остановила его.

— Идем на собрание. «Нужно решить некоторые вопросы», — серьезно произнесла она.

Вернувшись в пункт Зеленый Треугольник, они застали всю Группу в сборе.

Председательствовала на собрании Донна Крири. Что-то жизнерадостно лепетал майор Чаттерджи, полдесятка речей о пользе Групповой Работы Сообща произнес генерал Флимер, багровел от бессильного бешенства полковник Готтлинг, пытался возражать полковник Лескьюри... Но никто не смог взять верх над девушкой.

— Если животное умрет, — ледяным тоном сообщила она, — большинство из вас отправится за ним. Должна вам сообщить, что в орган-банке образовалась большая нехватка материала. — Аудитория поежилась под ее пронизывающим взглядом. — Кое-кто из вас очень хорошо функционировал бы в качестве запасных частей. Я понятно высказываюсь?

— Вполне понятно, — смиренно подтвердил генерал Флимер. — Но, мисс Крири, цель нашей Группы...

— Помолчите-ка, — ласково прервала Донна. — Да, что там?

— Вас ждет сообщение на телетайпе, — с величайшим почтением в голосе произнес майор Чаттерджи.

— Подождет. — По комнате пронесся явственный вздох изумления, но она не обратила на это внимания. — С этого момента за Группу отвечает мистер Райленд.

— Но, мисс Крири, — прошипел полковник Готтлинг, — опасник не может...

— Может, — отрезала дочь Планирующего. — Хорошо, чтобы не было недоразумений, я выдам приказ.

Подойдя к телетайпу, она спокойно нажала клавишу «сбой» (по комнате пронесся новый вздох) и начала печатать. Через секунду Машина прострекотала ответ: «Действия. Группа Флимера подчиняется указаниям Донны Криири».

— Вас что-либо еще беспокоит? — требовательно поинтересовалась девушка.

Присутствующие опустили глаза.

— Отлично. Все остальные могут разойтись. А с вами, Райленд, я хотела бы побеседовать.

Перешептываясь, но очень тихо, сотрудники Группы потянулись к выходу. Донна зевнула.

— Так-то лучше, — сонно произнесла она.

Райленд кашлянул.

— Мисс Криири...

— Что там такое?

— Сообщение для вас, мисс Криири.

— Опять... — вздохнула она и, небрежно положив руку ему на плечо, встала рядом с телетайпом.

«Информация. Планирующий Криири находится в пути из Момбасы в Кейптаун. Информация. Личная ракета Донны Криири заправлена и готова к взлету. Информация. Лондонское филармоническое общество подтверждает получение инструкций к открытию сезона. Действия. Укажите исполнителя концерта Бетховена для фортепиано с оркестром. Информация. Лунная колония „Альфа-6“ просит Донну Криири присутствовать на праздновании 25-й годовщины. Информация...»

— Рутина, — опять зевнула девушка. — Это подождет. Здесь ужасно мрачно, Стив. У вас есть своя комната? Пойдемте к вам.

Не дожидаясь ответа Райленда, она поманила его за собой.

Он не очень удивился, что Донна хорошо знает расположение помещений Центра. Похоже, этой девушке мало что неизвестно!

Но события явно выходят из-под контроля.

Она отдает приказы целой исследовательской Группе. Это совсем не ее дело! Всем известно, что в системе Плана Человека приказы отдает Машина, и все люди, даже дочь Планирующего, должны с максимальным прилежанием выполнять свою работу. И только свою. Такова логика планирования, логика Плана.

Он в замешательстве застыл у двери. Донна с интересом разглядывала обстановку.

— О, прикройте дверь, — нетерпеливо сказала она. — Разве мои голуби Мира недостаточно надежно меня охраняют?

Райленд продолжал стоять столбом. Заглянув ему в лицо, девушка расхохоталась, хлопнулась на койку, растянулась во весь рост и закурила сигарету. Изгнанные с привычного места голуби нашли себе новый насест на железной спинке койки.

Райленд, скрепя сердце, затворил дверь. Потом кивнул в сторону телетайпа.

— Вы не хотите зарегистрироваться?

— Машина сама найдет меня, — весело ответила она. — Смотрите!

И в самом деле, едва прозвучали ее слова, как сразу зашелкали литеры телетайпа.

«Информация. Планирующий Совет просит Донну Крири назначить ежегодные Премии Плана. Информация. Журнал „Лайф“ просит разрешения использовать фотографию Донны Крири для обложки номера „Женщина года“. Информация...»

— Кто-нибудь всегда окажет услугу, сообщив Машине, куда я направилась, — уже без улыбки сказала Донна. — Да

даже если нет... Машина всегда способна угадать, где меня можно найти.

Райленд подумал, что она относится к Машине, словно к старому приятелю. Но девушка не дала ему возможности дальше развить эту мысль, сказав вдруг:

— Ты не слишком хорош, Стив, но лучше остальных. Ты сохранишь моего пространственника?

— Вашего?

Она засмеялась.

— Да, моего, потому что я его люблю. А все, что я люблю — мое. Такое у меня правило. — Задумавшись, девушка вдруг посерьезнела. — Но я еще не решила, как относиться к тебе.

Холодок коснулся затылка Райленда.

— У меня есть обязанности, мисс Кири, — твердо сказал он. — И я намерен их исполнять! Надеюсь, что неудобств для животного это не повлечет, но если будет необходимо... Вы вот это видите?

— Что?

Райленд поднял руку к воротнику.

— Я хочу от него избавиться! И если мне для этого придется выпотрошить миллион пространственников, моя рука не дрогнет!

Девушка лениво ткнула в его сторону сигаретой.

— Готтлингу вы говорили другое, — заметила она.

— Откуда вы знаете, что я говорил?

— О, я много чего знаю. Почему бы и нет? Машина вездесуща, и мой отец — практически часть ее. Кроме того, мне Машина нравится, а все, что мне нравится...

Она грациозно повела плечами.

Райленд внимательно смотрел на девушку.

Она его дразнит, это ясно.

— Мисс Крири, я не одобряю подобных замечаний в отношении Машины, — сдержанно сказал он. — Я верю в План Человека!

— Ужасно мило с вашей стороны, — восхитилась Донна.

— Черт бы вас побрал! — вспыхнул Райленд, потеряв терпение. — Хватит делать из меня клоуна! Плану Человека необходим нереактивный двигатель! Вы понимаете, глупая юбка? И если для этого пространственник должен умереть, он умрет!

Легко поднявшись с койки, девушка подошла вплотную к Райленду и несколько секунд спокойно и дружелюбно смотрела на опасника.

— Ты все еще любишь Анжелу? — неожиданно спросила она.

Вопрос застал Райленда врасплах.

— Какую? Какую Анжелу?

— Анжелу Цвик, — терпеливо объяснила Донна. — Дочь Стефана Цвика, блондинку двадцати лет, ростом пять футов четыре дюйма с четвертью, с зелеными глазами. Однажды вечером она была назначена твоим телетайпистом и в тот же вечер заставила тебя себя поцеловать. Ты все еще любишь ту, что донесла на тебя?

Глаза Райленда расширились от удивления.

— Я знал, что у вас особые источники информации, — выдавил он, — но не подозревал, что...

— Отвечай на поставленный вопрос, — нетерпеливо потребовала она.

Райленд глубоко вздохнул и задумался.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Наверное, да.

Дочь Планирующего кивнула.

— Я так и знала. Хорошо, Стив. Просто мне казалось... Нет, ничего не выйдет, правда? Но я восхищена силой твоего духа.

Он опять глубоко вздохнул. Да, у нее просто талант ставить людей в неловкое положение. Соревноваться с ней бесполезно, и единственная возможность сохранить лицо — это придерживаться основных жизненных фактов.

— Если речь идет о Плане Человека, никакой особой силы духа не нужно. Плану необходимо секрет нереактивной тяги — значит, такова моя функция в его системе. Вот и все.

Кивнув, Донна села на кровать. Голуби Мира устроились на ее плечах.

— Скажи, Стив, а ты знаешь, зачем Плану это секрет?

— Точно не знаю. Но предполагаю...

— Без предположений. Он нужен для освоения Рифов космоса, тебе известно, что ищет План среди Рифов?

— Нет.

— Плану нужен Рон Донвуд, Стив.

Он нахмурился.

— Донвуд?

— Да. Тот самый человек, который сумел избавиться от железного кольца, — кивнула она утвердительно. — Человек, с которым ты не без пользы для себя мог бы познакомиться. Он сумел-таки избавиться от воротника, оснащенного всеми видами ловушек, и остаться при этом в живых. Так вот. Машина очень хотела бы побеседовать с Донвудом на эту тему. Очень.

Райленд напряженно смотрел на нее.

Она снова кивнула.

— Да, Донвуд гам, в Рифах. Поэтому Машина должна что-то сделать. Может быть, она просто уничтожит Рифы. Я знаю, что над подобным проектом уже идет работа... Но, если это не получится, туда будет послан человек, чтобы найти и убить Донвуда. Для этого-то Машине и нужен нереактивный двигатель!

Глава VII

Новое положение Райленда как руководителя Групповой Атаки не заставило, тем не менее, коллег проникнуться к нему особой симпатией.

Впрочем, это его не волновало. Он был полностью поглощен работой, в которой немаловажную роль играл Опорто. Дар молниеносных вычислений, которым обладал

коротышка, сберегал много времени. Конечно, по скорости он не превосходил компьютер, но имел значительное преимущество — отпадала необходимость кодировать и декодировать задания.

Сама проблема была крепким орешком. Райленд не находил ни малейшей зацепки, которая дала бы направление работе. Расчетов требовалось не так уж много, но Опорто доказал свою полезность и в другом отношении. У него был безусловный нюх на сплетни и новости, и он держал Райленда в курсе всех событий внутри Группы.

— Флимер в дурном настроении, — сообщил как-то коротышка. — Заперся, никуда не выходит.

— Понятно, — рассеянно ответил Райленд. — Слушай, куда подевались «Физические константы для уравнений равновесных состояний»?

— Они под индексом 603.811, — терпеливо ответил Опорто. — Ходят слухи, что Флимер затеял спор с Машиной. Сообщения идут туда и обратно без передышки.

— Что? — Райленд уставился на него, мгновенно забыв о заказе на книгу. — С Машиной никто не может спорить!

Опорто пожал плечами.

— Тогда не знаю, как это назвать.

— Генерал Флимер подает рапорты, — объяснил Райленд, поманив пальцем скучающую в углу Веру.

Общительница охотно подошла, увидела заказ, поскучнела, но послушно отправилась за книгой.

— Не сомневаюсь, — ответил Опорто. — Слушай, ты что-нибудь получал от Донны Криири?

— Нет.

— Я слышал, что она находится сейчас в Порт-Канаверал.

— Это ее дело, — отрезал Райленд. — У дочери Планирующего множество причин отправиться в космос, можешь не сомневаться.

— А я и не сомневаюсь, — согласился Опорто. — Но...

— Можешь заниматься своим делом, — сказал Райленд, тем самым прекращая дискуссию.

Обиженная Вера принесла книгу, он проверил несколько цифр и передал лист с расчетами Опорто:

— Вот. Чтобы ты не скучал.

Потом встал, рассеянно оглядел комнату.

Это была А-секция, занимающаяся теорией Хойла, здесь трудилась целая Подгруппа. Все равно, подумал Стив, все это — лишь пустая трата времени.

— Запросто! — жизнерадостно сказал Опорто и занялся уравнениями.

Несколько секунд спустя Райленд уже получил листок с готовыми расчетами, просмотрел и положил на стол одного из помощников. Задачи были рутинными, и он мог поручить их другим. Вот почему все было напрасной тратой времени. Проблемы рассмотрены, остались чисто математические расчеты. Потом он сможет ответить на вопрос Машины.

Собственно, ответ он уже знал.

При каких условиях возможен рост количества водорода в межзвездном пространстве? Очень просто. Большую часть ответов дает фундаментальная теория, анализ данных экспедиции Лескьюри указывает путь к остальным.

Есть ли возможность задержать или редуцировать процесс? Тоже просто. Люди едва ли могут влиять на процессы, формирующие звезды. В конечное время, с конечным оборудованием вероятность успеха равна нулю.

Но о чем говорит сам факт появления такого вопроса? Уж не об отчаянии ли Машины? Хотя вряд ли к ней можно применить это слово...

— Пойдем, Опорто, — позвал Райленд приятеля. — Пойдем посмотрим пространственника.

Существо находилось в секции «В». Там дела шли из рук вон плохо.

Нереактивная тяга!

Создать такой двигатель было невозможно, вот и все. Если бы только Райленд не имел перед глазами живого, реально существующего пространственника, он мог бы поклясться, что Ньютон был и остается прав.

Каждое действие, как вывел это ученый несколько столетий назад, вызывает противодействие, равное по силе, но противоположное по направлению. Этот закон движения распространялся на всякое существо, передвигавшееся по Земле. Микроскопическая инфузория в пруду перемещается, отбрасывая ресничками назад пропорциональную массу воды. То же самое делает пропеллер в воздухе, винт корабля в море. Реактивная отдача толкает вперед ракету — масса раскаленных молекул из дюз летит в одну сторону, масса корпуса — в другую.

Действие и противодействие!

Закон легко изображался в виде уравнения: масса, умноженная на ускорение, равна массе-прим, умноженной на ускорение-прим. Как можно сомневаться в этой истине?

И все же испуганное животное из открытого космоса опровергало этот, казалось бы, незыблемый закон. Оно умело висеть в воздухе, ни от чего не отталкиваясь, обвиняя тем самым величайшего гения человечества в непроходимой глупости.

Пространственник перемещался без всякого реактивного взаимодействия вообще!

То, что позволяло ему парить в воздухе (Райленд назвал это «фактором Х»), не вызывало возмущения воздушной среды: не раскачивало чувствительные маятники, не регистрировалось на фотоэмульсии, не разряжало электроскопа, не воздействовало на магнитную стрелку, не порождало доступных измерению электронных полей, не увеличивало вес клетки, не генерировало звуковых колебаний, не оказывало влияния на основной метаболизм самой животной), не оставляло следов в пузырьковых камерах для регистрации элементарных частиц...

С другой стороны, кое в чем «фактор Х» себя все же проявлял. Он оказывал влияние на работу «мозга» пространственника — в его энцефалограмме в этот момент происходили определенные изменения. Он, этот фактор, тревожил других млекопитающих. Это было замечено случайно, когда

в ракетную шахту забрел кот. Едва пространственник взлетел, как кот стрелой выскочил из шахты, выгнув дугой спину, вздыбив шерсть и сверкая глазами.

И, кроме того, «фактор Х» давал нереактивную тягу. Что бы это ни было, но оно поднимало пространственника со дна клетки.

Однажды его замотали в цепи весом более шести сотен фунтов. Словно развлекаясь, существо взлетело с цепями так же легко, как и без них, и парило около часа, что-то мурлыча про себя.

Такая загадка способна была свести с ума любого исследователя.

И все же, пусть это и было небольшим утешением, самому пространственнику в последнее время стало лучше. Раны его затягивались. Крохотные существа-симбиоты частично выжили. Животное стало более подвижным, более энергичным.

Донна Криир будет довольна.

Но из присутствующих никто, кажется, довольным Райлендом не был. Генерал Флимер преимущественно сидел в своих комнатах и выбирался наружу только для того, чтобы отпускать ядовитые замечания и путаться под ногами. Другие высшие офицеры Группы не могли ретироваться по примеру своего экс-начальника, поскольку имели непосредственные обязанности, но и они постарались в полной мере выразить Райленду свою неприязнь.

Дружелюбно держался лишь майор Чаттерджи, но таковой была его природа. Являясь каждый час с рапортом, он не доставлял хлопот — если Райленд был занят, майор незаметно ждал за его спиной. Если же свободен, Чаттерджи задавал минимум необходимых вопросов и уходил, причем Стивен был уверен, что все сведения тут же поступят в Машину, а после этого попадут к генералу Флимеру, но не видел причины, чтобы вмешиваться.

Он был занят.

Однажды Опорто сказал ему,

— Слушай, тут есть кое-что про твою подружку.

Райленд поднял глаза от листа бумаги.

— Про кого? — Он в самом деле не мог сообразить, потом вспомнил предыдущие замечания Опорто. — А-а, ты говоришь о мисс Криири?

— Ну да. Она вместе с папочкой отправилась на Луну.

— Прекрасно.

Он очень старался не выдать себя голосом.

Обманивал? Но кого?

Старательно скрывая свой интерес от Опорто, Райленд не мог скрыть его от себя. Что-то внутри него вздрагивало при упоминании о Донне Криири.

Опорто лениво облокотился на стол.

— Не уверен, что это прекрасно, Стив, — обеспокоенно произнес он. — Лучше бы они остались дома и присматривали за делами. Ты слышал о катастрофе в парижском туннеле субпоезда?

— О чем?

Райленд устало отложил в сторону пачку докладов и, моргая, посмотрел на товарища. Глаза горели от переутомления. Мне необходимо выспаться, подумал он. Нет, лучше не стоит. И так за двое суток на сон угроблено восемь часов. Выбросив мысль об отдыхе из головы, Стив переспросил:

— Черт побери, о чем речь?

— Парижский субпоезд по пути в Финляндию попал в катастрофу. Обвалился туннель. Более сотни человек пропали без вести. То есть, ясное дело, погибли. Туннель обвалился на глубине в сто миль. Понятно, что это за «пропажа».

Райленд был потрясен.

— Не может быть! Туннели могут обваливаться, но не сразу — уж кому, как не мне. об этом знать! Часа за три до аварии начинается ослабление кольцевого поля, и поезд всегда можно успеть задержать!

— Сто погибших пассажиров были бы рады это услышать, — пожал плечами коротышка.

Секунду Райленд молчал.

— Может быть, ты и прав, — устало сказал он. — Наверное, Планирующему следовало бы лично следить за подобными вещами... Здравствуйте, майор.

В комнату, улыбаясь и дружелюбно поглядывая сквозь линзы очков, вошел Чаттерджи.

— Нет ли у вас новостей, мистер Райленд?

Пока Стив перебирал бумаги, Оporto сообщил:

— Мы как раз говорили о катастрофе под Парижем, майор.

Карие глаза Чаттерджи стали непроницаемыми. Повисла неловкая тишина.

Райленд вдруг понял, что майор очень интересуется аварией субпоезда. Странно, подумал он, а какое Чаттерджи имеет к ней отношение? Но мозг слишком устал, чтобы дальше развивать эту мысль. Стив нашел нужный листок и протянул заявку.

Майор просмотрел бумагу, сначала бегло, потом внимательнее. Его подстриженные ежиком волосы, казалось, встали дыбом.

— Но, мой дорогой Райленд, — запротестовал он. — Это оборудование...

— Я сверился с Машиной, — устало махнул рукой в сторону телетайпа Стив.

Чаттерджи подскочил к аппарату.

«Действия. Запрос одобрен. Действия. Связаться с майором Чаттерджи. Информация. Источник энергии пункта „Черный Круг“ не удовлетворяет запросу».

— Но, мой милый Райленд! — повторил майоре выражением мученика. — Дело не только в источнике энергии! Примите во внимание другие соображения!

— Все, что требуется Плану, План должен получить, — процитировал Райленд, почувствовав вдруг, что настроение улучшается.

— Конечно, конечно. Но... — Чаттерджи еще раз просмотрел листок. — У вас сейчас и без того электронного

оборудования на университетскую лабораторию хватит. А вы просите еще! Часть из этих устройств небезопасна. Вы должны понять, что после инцидента, о котором упомянул мистер Опорто, мы не можем позволить себе рисковать!

— А какое это имеет отношение к работе Группы? — уставился на майора Райленд.

— План не терпит случайных аварий. Заказанное вами оборудование угрожает радиоактивным облучением, кроме все прочего, а в пунктах «Черный Круг», «Серый Треугольник», «Зеленый Полукруг» и «Серебряный Квадрат» трудятся восемь тысяч человек. Мы не можем рисковать их безопасностью!

Райленд многозначительно постучал по телетайпу.

— Ох, — вздохнул майор. — Если Машина одобряет... — Он на мгновение задумался и вдруг повеселел. — Придумал! Нужна ракета на орбите!

— Что? — не сразу понял Райленд.

— Нужно вывести на орбиту ракету, поместить туда установку, все ваше оборудование, — горячо объяснил Чаттерджи. — Почему бы и нет? И управлять на расстоянии! Ракету я могу вам выделить сразу. И можете заполнять ее любыми, хоть самыми опасными аппаратами и приборами. Какое нам дело до какого-нибудь заблудшего пространственника, а? — захихикал он, подмигнув.

— Ладно, — с сомнением согласился Райленд. — Можно и так.

— Конечно, можно! Мы обеспечим телеконтроль с дистанционным управлением. Вы спокойно себе работаете в лаборатории, а оборудование летает в космосе! Можно устраивать любые эксперименты. А если вдруг случится взрыв, — майор широко улыбнулся, — то пострадает только ракета.

Обуреваемый жадой деятельности, он выскочил прочь.

Поразительно, но План Человека способен на чудеса — ракета была подготовлена и запущена в сорок восемь часов.

Райленд ее не видел. Он проверил приборы на борту через экран монитора, дал одобрение и увидел в телевизор, как прыгнула в небо с пусковой установки огнехвостая птица. И тут же принялся за работу.

Единственным определенным фактом, установленным относительно пространственника и его нереактивной тяги, был факт нерегистрируемости этой тяги. Исследования Группы также обнаружили другое явление — высокопродуктивную ядерную реакцию, дающую больше энергии, чем затрачено на нее. Это было вполне возможно и, более того, подтверждало предположение, что недостающая энергия не пропала, а не поддается регистрации.

Так же, как и энергия пространственника...

Райленд намеревался смоделировать ядерные реакции, имеющие отношение к проблеме.

Но однажды утром общительница разбудила его неожиданной новостью:

— Проснись и пой, Стив! — прошептала она, как обычно, внося завтрак. — Угадай, что я тебе расскажу? Генерал Флимер будет сегодня присутствовать на собрании Группы!

Стив с трудом поднялся с кровати.

— Большая честь, — хриплоотреагировал он на эту «радость».

Вера была, как всегда, свежей, привлекательной, сияющей молодостью и радостью, хотя полночи исполняла поручения Райленда.

— Ты что, никогда не устаешь? — поинтересовался он.

— Нет, Стив, нет! Завтракай! — Присев на краешек стула, девушка посерьезнела. — Мы здесь не для того, чтобы отдыхать. У нас важная работа! Общительницы — провода, соединяющие разрозненные элементы Плана.

Райленд удивленно уставился на нее, но нет — Вера выглядела сосредоточенной.

— Да-да, — кивнула она. — Мы служим цельности Плана Человека, и он нуждается в нас, как в транзисторах и сопровтивлениях, роль которых исполняешь ты и другие чины.

Важна каждая часть! Не забывай: «Каждому — его дело, и только его дело»!

— Не забуду, — пробормотал он, вяло допивая свой лимонный сок.

У Веры что-то на уме, это ясно. Она ждет возможности заговорить опять.

— Ну? Что случилось?

Девушка казалась смущенной.

— Понимаешь, Стив... мои подруги спрашивают... они хотели бы знать...

Она никак не могла окончить фразу, и Райленд решил помочь ей.

— Ради Бога, в чем дело?

— Мы просто подумали... Правда ли, что наша Группа... связана... с авариями в туннелях?

Он моргнул, потер глаза.

Ничего не изменилось — девушка сидела на том же месте, опустив смущенное лицо.

— О чем ты, Вера?

— Об аварии на линии Париж—Финляндия. О взрыве энергостанции в Бомбее. О катастрофе грузового самолета в Неваде, — выпалила она. — Ты понимаешь, о чем речь?

— Нет, не понимаю. И слышу впервые о половине этих случаев. Наверное, Опорто начал бить баклуши.

— Стив, девушки говорят... Я только волновалась, а вдруг это правда... Они говорят, что аварии вызывает работа нашей Группы... И что ты, Стив...

— Я?

— Это не может быть правдой, это нелепо! Генерал Флимер, во всяком случае, говорит, что это вряд ли так... Что вряд ли ты связан с авариями. Но ты конструировал для субпоезда... они говорят...

— Они говорят чушь! — рыкнул Райленд. — Извини, я буду одеваться.

Но от мыслей об услышанном он избавиться никак не мог. Что за нелепость? И как только возникают подобные слухи?

Дневное собрание Группы и в самом деле почтил своим присутствием генерал Флимер. Райленд, хмурясь, задумчиво смотрел на него, вспоминая утренний разговор с Верой.

— Прежде, чем мы начнем, — требовательно сказал он, — объясните мне, пожалуйста, что за сплетни о нашем отношении к авариям ходят последнее время?

Дюжина непроницаемых лиц стоически выдержала его взгляд. Потом руководитель компьютерной группы кашлянул и нерешительно сказал:

— В общем, есть такие разговоры, мистер Райленд.

— А именно?

Компьютерщик пожал плечами.

— Да так, разговоры. Кодировщик услышал от двоюродного брата, а тот — еще от кого-то... Вы же знаете, как это бывает. Суть в том, что якобы наша работа нарушает настройку контуров радиоконтроля. Бог знает, как это может быть, конечно...

— Что за чушь! — взорвался Райленд. — И что они этим хотят сказать, черт бы их побрал? — Пытаясь взять себя в руки, он подумал, что электронщик ни в чем не виноват. — Ладно. Но если кто-нибудь из вас услышит подобные разговоры, пусть немедленно доложит мне.

Присутствующие, кроме генерала, послушно закивали головами.

— Райленд, — послышался из глубины комнаты его раздраженный голос. — Мы пришли сюда сплетни разводить или обсудить задание Группы?

Стив погасил злость. Несмотря на то, что Донна Крийри поставил его во главе Группы, с генералом не стоило связываться.

— Приступим к делу, — открыл он собрание. — Я видел ваш доклад, Лескьюри. Желаете сделать сообщение?

Полковник прокашлялся.

— По предложению мистера Райленда мы провели новую серию исследований пространственника, используя рентген. Методом тонограммы внутренних органов и способом дистанционной хроматографии удалось обнаружить некую кристаллическую массу, которая концентрируется на пересечении основных нервных каналов животного. Примерно то же самое предвидел мистер Райленд.

— И что это значит? — хрипло осведомился Флимер.

— Это значит, что работа продвигается, — не отказал себе в удовольствии съязвить Райленд. — У пространственника должно быть какое-то образование, управляющее нереактивной тягой. После вчерашней обработки данных на компьютере и подготовки опыта я попросил полковника провести этот эксперимент. И он выполнил просьбу, причем, как видите, в неурочное время.

— И еще это означает, — продолжил лекторским голосом полковник, — что мы нашли место, где генерируется нереактивная тяга. Из вчерашних расчетов стало ясно, что вероятность электромагнитной или гравитационной природы этой силы равна нулю. Вот мой доклад, готовый к передаче Машине.

Генерал Флимер, глядя на Райленда, медленно кивнул и спросил:

— И это объясняет то, что случилось вчера на рудниках Антарктиды?

— Не понимаю... — озадаченно начал Стив, но генерал перебил его резким окриком:

— Что не понимаете? Я имею в виду взрыв реактора, случившийся прошлой ночью и уничтоживший все рудники — колоссальный убыток для Плана Человека! И это не единственная потеря, Райленд. Из-за аварии в кольцевых полях ускорителя пропал корабль. То же самое вызвало аварию реактора и все остальные катастрофы! Кольцевое поле, которое помогали создавать вы!

— Конструкция здесь ни при чем, — запротестовал Райленд, пытаясь взять себя в руки. — Причиной аварий может быть механическая поломка, ошибка человека, да намеренный саботаж, в конце концов!

— Именно это я и имею в виду!

— Но как я могу отвечать за аварию в Антарктиде?

— Именно это и хочет узнать Машина.

— Это нелепое совпадение, — лихорадочно искал выход Райленд. — Аварии и раньше случались целыми сериями...

— Когда именно?

— Я не помню... не могу сейчас припомнить...

Запнувшись, он судорожно вздохнул. Туманная пелена, скрывавшая до сих пор прошлое, стала еще гуще. Четко помнилась работа, научные факты, все же остальное стало вихрем невероятного и противоречивого свойства.

Наедине с собой, запершись в комнате. Райленд опять вернулся к загадке трех дней.

Что подозревали терапевсты?

Что он мог натворить за это время?

Почему они считали, что им получено от Дэна Хоррока сообщение о пироподах, пространственниках, фузоритах и нереактивной тяге?

Кое-что удалось понять из рассказа Лескьюри, но ясности эти детали не прибавили. Хоррок покинул борт «Кристобалья Колона», унеся материалы и образцы с Рифов космоса. Неужели Машина подозревает, что он успел связаться с Райлендом до того, как был пойман и отправлен в орган-банк?

Он вертел эту головоломку так и сяк, но не увидел ни намека на отгадку.

Если верить словам Донны, между стуком в его дверь и появлением полиции Плана прошло

три дня. Неужели же в дверь стучал Хоррок?

Если это так, почему память об этом молчит?

Он тщетно пытался пробиться сквозь стену серого тумана, блокировавшего память. Каким мог быть Хоррок? Наверное, одетым в перепачканную, забрызганную кровью форму, тяжело дышащим от усталости, принесшим черный полетный саквояж с украденными образцами и записями...

Картина стала зримой до реальности.

А может, это только игра воображения?

Был ли он знаком с Хорроком? Знал ли о нереактивной тяге?

Наконец Райленд заснул, погрузившись в кошмар, где они с Хорроком спасались бегством от полиции Плана.

На следующее утро он решил навестить пространственника. И, войдя в шахту, застыл на пороге.

Истекая кровью, существо неподвижно лежало на дне клетки.

Трясущимися от бешенства руками Райленд открыл дверь. Пространственник не испугался — он уже успел привыкнуть к Стиву. Но гаснущие глаза его вспыхнули гневом, существо медленно поднялось в воздух. Поняв, что сейчас произойдет, Райленд спиной вперед выскочил за дверь и захлопнул ее. Пространственник опоздал на долю секунды, ударившись о прутья. Клетка качнулась, цепи крепления скрипнули. По железу заструилась кровь. Жалобно мяукая, животное упало на пол.

Первый раз за все прошедшие годы Райленд чувствовал настоящую ярость.

— Готтлинг! — рывкнул он. — Дьявол вас заберет, Готтлинг, что вы наделали?

— Здравствуйте, мистер Райленд, — ядовито приветствовал его появившийся в поле зрения полковник.

Усилием воли Стив приказал себе успокоиться.

Сегодня лицо Готтлинга более, чем обычно, напоминало череп, а рога радарных антенн, придающие жестокое выражение лицу, были не просто украшением, они живо

напоминали, что, являясь Групповым Руководителем, Райленд продолжает оставаться опасником.

Углы рта полковника тронула холодная усмешка.

Это было уже слишком.

— Вы опять мучили несчастное создание! — взорвался Стивен.

— Очевидно, да, — спокойно согласился Готтлинг.

— Черт подери! Я приказывал...

— Заткнись, оп! — Улыбка испарилась с лица полковника.

— Прочти сначала вот это!

Райленд поднял брошенную к его ногам бумажную ленту.

«Информация. Настоящий темп работы признается замедленным. Связь между методом исследований и авариями должна быть изучена на предмет вероятности. Информация. Возможно, Райленд связан напрямую с саботажем в туннелях, реакторах, ионных двигателях. Действия. Руководство Группой вернуть генералу Флимеру. Дополнительные действия производить полковнику Готтлингу по его усмотрению».

Райленд изумленно уставился на листок.

Машина опять изменила решение!

Честно говоря, не собственное положение волновало его сейчас.

— Дополнительные действия! — проревел он. — Послушайте, вы же убьете его!

Готтлинг пожал плечами, рассматривая животное.

— Да, возможно, я не стану ждать, пока эта рифокрыса сдохнет сама, — задумчиво сказал он. — Паскаль против висекции, но вряд ли он сможет отказать, если получит приказ от Машины. Все вы из одного теста: ты, дочка Планирующего, Лескьюри... Бойтесь вида крови. Но боль — не заразная болезнь. Не надо бояться боли других, на вас она не перейдет. Наоборот, на чужих страданиях можно многому научиться, — развеселился под конец Готтлинг.

— Я доложу об этом Донне Криири, — тихо сказал Райленд.

— Да что вы говорите! — в голосе полковника зазвучала откровенная насмешка. — Доченька Планирующего? Ничего у тебя не выйдет! Мисс Криири сейчас на Луне. Теперь ты понял, оп? Судьба этой твари зависит только от меня!

Глава VIII

Рывком распахнув дверь своей комнаты, Райленд направился прямо к телетайпу, игнорируя поднявшихся при его появлении Опорто и Веру. Кажется, он помешал. Но чем они были заняты? Неважно.

— Опорто! — рявкнул он. — Какой номер вызова у Донны Криири?

Коротышка кашлянул.

— Ну же, Стив, не знаю. Три? Пятнадцать?

— Не тяни, — с угрозой попросил Райленд.

— Три.

«Запрос. Прошу разрешения на прямой канал с Донной Криири, станция номер 3».

Ответ пришел почти моментально:

«Информация. Отказ».

— Вот видишь, — пояснил Опорто. — Ничего не вышло. Ты думал, Машина станет связывать свои контуры с...

— Молчи!

Райленд снова ударил по клавишам:

«Требую связи с Планирующим».

«Информация. Отказ».

— Видишь, Стив? Это бессмысленно. Ну чего ты разбушевался?

Райленд в общих чертах объяснил.

— О, как плохо... — пробормотала общительница. — Бедная рифо-крыса.

— Да, тяжело, — поддержал Опорто. — Ну и что ты думаешь делать? Мы — всего лишь опасники, и не нам ссориться с Готтлингом и всей компанией. — Он громко чихнул. — Вот, Стив. Совсем ты меня расстроил. Держу пари, я опять простудился.

Райленд невидяще взглянул на него. Он не услышал слов Опорто, едва ли сознавая, что в комнате, кроме него, еще кто-то есть.

Что же делать?

Изолированный от Планирующего и его дочери, он не мог предотвратить убийство пространственника. Это был конец работы Группы. Если то, что рассказывал Планирующий — правда, то под угрозой окажется весь План, для существования которого очень важно знать способ, которым передвигается пространственник. И все же Машина не позволила...

Райленд потряс головой. Комната опять обрела четкость очертаний.

— Планирующая Машина!

— О чем ты, Стив? — простонал Опорто. — Что ты задумал?

Не отвечая, Райленд сел за клавиатуру и твердой рукой напечатал сообщение обо всем, что произошло: полковник Готтлинг предумышленно противостоит приказам Донны Криири и самой Машины; пространственник в опасности. Опасность угрожает самому Плану!

Закончив, он ждал ответа. Опорто и девушка перешептывались за его спиной. Невероятно, что Машине требуется так много времени на ответ. Возможно ли, что провода перерезаны? Или, может, она слишком загружена, чтобы принять сообщение? Он нагнулся, чтобы посмотреть, вставлен ли штепсель в розетку. Но тут зажужжал телетайп.

Пораженный Райленд вскочил на ноги.

Сообщение было невероятно кратким. Оно состояло из одной буквы:

«П».

— Принято и понято, — дружелюбным тоном перевел Опорто. — Нам не положено спорить с Машиной, Стив. Эй, ты куда?

Не отвечая, Райленд выскочил за дверь и поспешил к генералу Флимеру. Жаль, много времени потрачено зря. Уже довольно поздно, и генерала явно придется поднять с постели. Он постучал в дверь, потом забарабанил в нее кулаком.

— Минутку, минутку, — недовольно бурчали изнутри.

Потом дверь распахнулась.

Флимер был уже в пижаме — пурпурной куртке и полосатых алопурпурных штанах, украшенных витыми серебряными шнурами. Комната позади него утопала в серебристом свете. Серебряные стены, посеребренная мебель на серебристом ковре — эффект был ошеломляющим.

— Райленд? — раздраженно спросил Флимер. — Какого дьявола?

— Мне необходимо поговорить с вами, генерал.

Не дожидаясь приглашения, он проскользнул в щель между Флимером и дверью. И увидел нечто такое, что застыл на месте, забыв на несколько секунд о цели своего визита.

У камина стояла статуя, сверкающая серебром статуя девушки. Но она двигалась! Металлические губы шевельнулись:

— А это кто?

— Иди в другую комнату! — рыкнул генерал.

Статуя пожала плечами и вышла. Райленд перевел дух — это была живая девушка, покрытая серебристой пудрой. Веселая же личная жизнь у Флимера! Впрочем, дела это не касаются.

— Сэр, — должен заявить, что полковник Готтлинг намерен уничтожить пространственника, — четко доложил он. — Опасаюсь, что он преднамеренно саботирует проект.

Лицо генерала преобразилось, приобретая каменную твердость.

— Продолжайте.

— Это все, сэр. Разве недостаточно? Если полковник не прекратит вивисекцию, животное погибнет. А в этом отношении, насколько я помню, оставила недвусмысленный приказ...

Генерал жестом заставил его замолчать, подошел к столу и нажал кнопку селектора:

— Готтлинг! Немедленно зайдите ко мне! Здесь Райленд!

Из динамика направленного действия раздалось неразборчивое бормотание.

— Быстрее! — пролаял генерал, прекращая дискуссию, опустился в кресло и прикрыл глаза рукой.

В дверь постучали. Вошел полковник Готтлинг. Он казался совершенно спокойным. Улыбаясь и кивая, за ним семенил майор Чаттерджи.

— Какая прелестная комната, генерал! Только истинно утонченный вкус способен преобразить наши унылые бараки в...

— Заткнись!

Флимер резко поднялся с кресла. Райленд ждал, что Готтлинг начнет оправдываться и приготовился подтвердить свои обвинения фактами.

Но генерал не спешил начать разбирательство. Он вообще не смотрел на Готтлинга, и адресовал первый вопрос Чаттерджи:

— Итак, вы получили приказ?

— Да, генерал, конечно! Вот, пожалуйста. Я догадался, что он вам понадобится, и...

Флимер шевельнул рукой, и майор поспешно умолк. Генерал взял из протянутой руки майора листок бумаги и передал Райленду.

Сначала он ничего не понял. Потом внутри у него что-то вспыхнуло, как будто в тело вошел нож.

В приказе говорилось:

«Информация. Стивен Райленд, опасник, подлежит одобренному изменению в классификации. Действия.

Означенный оп должен быть доставлен в резерв НЖК без промедления».

— Резерв НЖК? — повторил вслух Райленд. — Но... здесь какая-то ошибка... Послушайте, ведь резерв НЖК — это «Небеса»! Я хочу сказать...

— Ты хочешь сказать — орган-банк? — Генерал кивнул. — Верно. И именно туда ты и отправишься. Насчет Готтлинга все правильно. Твоя догадка верна. Он саботирует проект. Но единственное, чего ты не понял — это то, что он действует не один!

Глава IX

Орган-банк «Небеса» находился на Кубе.

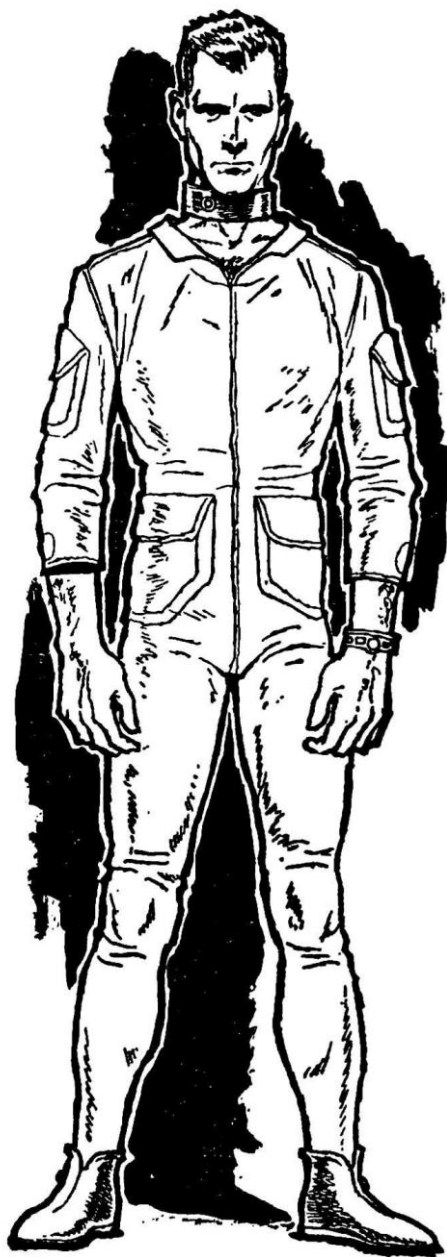
Субпоезду понадобился почти час, чтобы добраться туда. Но Райленд едва ли сознавал течение времени.

Они мчались внутри серого стального шара, куда менее роскошного, чем вагон Планирующего. Когда же он остановился, Райленд, все еще не вполне пришедший в себя после пережитого потрясения, выбрался наружу и, моргая, увидел массивную бетонную арку над стальными воротами.

Буквы на бетоне гласили: «Воскреснешь в лице Плана!»

Стены станции угрюмо серели голым бетоном. Раструбы вентиляторов обдавали холодным влажным воздухом.

Встречал их охранник в белой форме. На куртке его было вышито красное сердце. Майор, конвоировавший двадцать два свеженьких живых трупа для орган-банка, с радостью передал их под ответственность охранника и вернулся в вагон, даже не оглянувшись. Он не любил конвоировать. Никто не любил. Это напоминало о том, что смерть — участь всеобщая. Даже машин-майор был способен сознавать, что одна промашка в работе гарантирует ему путевку на «Небеса».

— Пошли! — рявкнул охранник, и двадцать два ходячих комплекта запчастей вяло последовали за ним.

Узкий коридор. Потом — длинная прямоугольная комната с деревянными скамьями. Они сели и принялись ждать. Когда подошла очередь Райленда, он прошел в соседнюю комнату, где девушка в белом сунула его руку в поток ультрафиолета. Под невидимыми лучами татуировка на руке призрачно засветилась, девушка прочла его имя и номер.

— Стивен Райленд, пройдя через эти ворота, ты оставил позади жизнь, — скороговоркой выпалила она. — Как индивид, ты не оправдал своего места в системе Плана, но ткани твоего тела будут ему служить... — Зевнув, замолчала на несколько секунд. — Прошу прощения, где я остановилась? Ах, да.

Хочешь ли ты что-нибудь сказать, прежде чем войдешь в эту дверь?

— Сказать? Что тут можно сказать?

— Тогда вперед.

Дверь за ним закрылась. Это было необратимо — как если бы на его гроб положили крышку.

Сначала были тесты.

Райленда раздели, вымыли, взвесили, обмерили, просветили рентгеном, взяли анализы крови, тканей, прощупали и простучали — разве что не обнюхали и не попробовали на вкус.

Кусочек его ткани был отторгнут и быстро перенесен на лабораторный стол, где целая бригада девушек пропустила его через серию операций. В результате была составлена генетическая карта хромосом, где каждая аллель и алломорф находились точно на своем месте. Потом карту закодировали двоичными символами, которые оттиснули на его воротнике.

Это было даже интересно.

В том случае, если донор и получатель слишком разнятся по своим генетическим структурам, пересадка органов невозможна, даже если применять вещества, подавляющие сопротивление организма. Начинают формироваться антитела, и пересаженная ткань подвергается атаке нового окружения, в результате чего погибает. Вслед за ней, как правило, отправляется на тот свет и пациент.

Чем сложнее участвующий в операции орган, тем больше должны совпадать генные карты. Конечно, роговую оболочку легко пересадить из одного глаза в другой — ткани ее грубы и примитивны; можно переливать кровь от одного человека другому — эта ткань не более сложна, чем роговица. Но более специализированные части тела могут быть пересажены без применения подавителей антител лишь у близнецов. Подавители, функционирующие приблизительно как антиаллергические препараты, расширяют совместимость тканей, но даже в этом случае генетические

структуры должны соответствовать друг другу как можно больше.

Размышления на эту тему на некоторое время заслонили мысли о будущем. А в будущем его ожидала, пусть анестезированная и смягченная, Смерть от Тысячи Ран.

По окончании всех этих процедур Райленд был оставлен в покое. Это несколько удивило его — он считал, что будет отправлен в тюремную камеру. Но вместо этого оказался в парке отдыха для миллионеров.

Под ногами лежал сплошной ковер травы, с неба светило теплое карибское солнце, клонящееся к закату. Под деревьями парка примостились уютного вида домики.

Не веря своим глазам, Райленд сделал шаг навстречу всему этому великолепию, но, опомнившись, оглянулся на охранника.

— Что я теперь должен делать? К кому обратиться, чтобы зарегистрироваться?

— Ни к кому, — тихо ответил охранник, закрывая дверь.
— Больше регистрироваться тебе не придется.

Ошарашенный этими словами, Райленд пошел к воде, сверкающей в конце широкой зеленой аллеи. Это направление было не хуже любого другого.

Никогда еще в своей жизни ему не приходилось оказываться в таком положении — без приказов и регистрации. И это беспокоило его не меньше, чем перспектива быть разобраным на составные части. Новое ощущение настолько завладело им, что он едва слышал обращенную к себе реплику.

— Эй! Эй, новенький! Вернись!

Райленд обернулся.

Человеку, который звал его, было лет пятьдесят — самый, так сказать, расцвет. Это был крепкий, загорелый мужчина с густой шевелюрой. Если подходить с позиций статистики, его ждало впереди еще около сорока приятных лет.

Собственно, этот образ возник в мозгу Райленда за долю секунды до того, как он увидел действительного обладателя этого сочного голоса.

Спотыкаясь, в его направлении передвигался совершенно лысый человек, опираясь на высокую, почти до плеча, трость — едва ли не костыль, ибо ноги ему заменяли протезы. Через мгновение, когда сквозь ветви деревьев блеснул солнечный луч, Райленд понял, что кожа на голове у догоняющего заменена пластиковым покрытием. Кроме того, на месте одного глаза у него была заплата, другой косил — новый кусок пластмассы закрывал место, где раньше было ухо.

— Слушайте! Вы только что прибыли?

Странно было слышать из уст этого человеческого обрубка глубокий, резонирующий голос.

— Да, только что, — ответил Райленд, с некоторым трудом сохраняя нормальную интонацию. — Меня зовут Стивен Райленд.

— Вы в бридж играете?

Он на секунду потерял контроль за выражением лица, но тут же опять овладел положением.

— Боюсь, что нет.

— Проклятье! — Когда мужчина нахмурился, стало заметно, что у него нет еще и бровей. — А в шахматы?

— Да, немного.

— Говорите, пожалуйста, громче, — повернулся мужчина в сторону Райленда уцелевшим ухом.

— Я сказал «да»!

— Уже кое-что, — заявил мужчина с недовольным, все же, видом. — А может, научитесь в бридж? У нас хорошая компания. Без грубостей, чужого не берут. И без «обрубков». Я — староста в нашем домике, — похвастался он. — Посмотрите на меня. Много еще чего осталось, верно? А ведь я здесь дольше всех.

— Вы хотите сказать, что я могу выбирать, в каком до-
мике поселиться? — медленно спросил Райленд. — Но мне
неизвестны здешние правила.

— А никаких правил нет. Впрочем, — вздохнул мужчина,
— запрещено драться с повреждением органов. Никаких
опасных игр, иначе утилизируют целиком, понимаете? Ведь
ваше тело вам уже не принадлежит — оно стало собственно-
стью Плана, и вы должны заботиться о нем. — Он сделал шаг
вперед, налегая на трость-костыль. — Ну, так как? Послу-
шайте совета, пойдемте со мной. И не слушайте тех, из дру-
гих домов. Будут хвастаться настольным теннисом, а какой
от него прок, если завтра вы уже не сможете, например, дер-
жать ракетку? — Мужчина усмехнулся, обнажив два ряда ис-
кусственных зубов. — Будем знакомы. Меня зовут Уайтхарт.

Уступая напористости одноглазого, Райленд последовал
за ним. И не прогадал. Некоторые домики имели вид запу-
щенный, неприглядный, обитатели их слонялись вокруг с
угрюмым видом. Дом же Уайтхарта был, по крайней мере,
оживленным.

Удивительно, но «Небеса» показались Райленду до-
вольно приятным местом. Еду здесь давали отличную. Про-
дукты были только натуральными — ткани тела нужно дер-
жать в хорошем состоянии, плюс масса свободного времени
— пациент должен быть в хорошей форме... Здесь была даже
свобода. Так, во всяком случае, выразился Уайтхарт. Потом,
правда, смутился. Райленд понял — «Небеса» были тюрь-
мой, но стены ее проходили вне поля зрения. И, потом, оби-
татели этого места были лишены страха совершения фа-
тальной ошибки — более фатального, чем орган-банк, уже
не существовало. Да и пейзаж не располагал к особенной
тоске: домики, разбросанные по зеленому густому травя-
ному ковру; зеленые холмы, украшенные пальмами; озеро с
настоящей рыбой, окруженное дубами и кедрами; голубое
тропическое небо...

Обитатели коттеджа, в котором поселился Райленд,
называли себя «Президентами Дикси». Никто уже не

помнил, какой обреченный на утилизацию выбрал такое название. Согласно уговору в нем жили только мужчины. Но в целом на «Небесах» не придерживались монашеских правил: существовали и смешанные коттеджи, откуда по вечерам исторгались жуткие вопли и смех. Это тоже было правом обитателей.

Прислушиваясь вечером к разговорам жильцов своего домика, Райленд обнаружил несколько вещей, сильно его удививших. Например, жилище напротив занимала целая семья. Странно. Какое преступление могло совершить это семейство Минтонов?

Что-то здесь было не так.

Райленд хорошо знал принцип, лежащий в основе орган-банка. Ему подробно объяснили его во время транспортировки в субпоезде. Как будто бы в системе Плана мог найтись хоть один человек, не знакомый с этим принципом с детства!

Каждый индивидуум в системе обязан вносить свою лепту в общее дело на благо всего человечества. Если же неумение или нежелание не дают ему исполнить заданную работу, тогда свою долю он должен внести иным способом — его конечности, органы и прочие ткани пойдут на лечение более ценных граждан Плана.

Конечно, этот процесс был намного привлекательнее для реципиента, чем для донора. Но в нем заключалась и своего рода суровая справедливость, утешение, помогающее перенести то, что должно было случиться. Благо всего мира важнее, чем мелкое благополучие индивидуума!

И все же...

Райленда беспокоила одна мысль.

Он слышал и знал о многих людях, утилизированных в орган-банке, но что-то не припоминал ни одного человека, получившего новые органы.

Но теперь об этом думать было поздно, и Райленд мог вернуться к загадке трех пропавших дней. Его по-настоящему мучило опасение, что когда-то он действительно

обладал секретом, способным преобразить весь План Человека.

В тот вечер, посмотрев немного, как остальные играют в карты, Райленд прилег на койку и напряг память.

Неужели же в дверь его стучали дважды? Первый раз — в пятницу, второй — в понедельник. Если Хоррок в самом деле приходил, то какое сообщение он мог принести? И даже если нереактивную тягу можно было бы изобрести, какую опасность она могла представить для Плана? Кто еще, кроме Дондерево, был свободен от власти Машины?

Ответов он найти не мог. Туман в памяти становился все гуще. Даже пухлое лицо доктора Трепла успело немного затуманиться. И Райленд больше не вздрагивал, припоминая, как прикасались к телу холодные электроды. Оставив бесплодные попытки, он заснул и увидел во сне, что изобрел нереактивный двигатель.

С виду это было обыкновенное помело. Сидя на нем верхом, Райленд летел сквозь джунгли мишурных пятиконечных звезд, а по пятам следовал генерал Флимер на пространственнике. Флимер пришпоривал и терзал животное, оно жутко вскрикивало.

— Подъем! Подъем! Всем вставать!

Райленд пробкой вылетел из сна. Ему как раз снилось, что он находится в орган-банке, и вдруг оказалось, что это и в самом деле так.

Он сел, протирая глаза. Кровать напротив больше напоминала склад хирургических принадлежностей, чем обычную постель. На колесном кресле с автономным питанием и мотором было смонтировано около десяти фунтов стальных, медных, резиновых и пластиковых заменителей. Большая часть товарища по комнате находилась не в постели, а в этом кресле.

Комнату с Райлендом делил некогда полный человек с розовым лицом — это было видно по тем местам, которые еще уцелели, — и с пренеприятным характером. Звали его Алден.

— Давай, Райленд, — проскрипел он тонким шепотом недавно оглохшего человека. — Ты знаешь порядок. Помоги мне.

— Хорошо.

Времени до утренней поверки и завтрака было предостаточно — иначе старожилы коттеджей не успели бы подсоединить искусственные руки, ноги и прочее. Как новичок и свеженький образец, нетронутый пока утилизацией, Райленд имел кое-какие обязанности — младшие жители органбанка заботились о старших. Естественно, старшими здесь считались не по возрасту, а по времени нахождения на «Небесах». Система была справедливой и, как объяснили Райленду, укреплялась еще и заботой о собственной выгоде.

— Еще увидишь, — мрачно предрек Уайтхарт, — когда от тебя отрежут пару кусочков.

Утренние разговоры были куда менее дружелюбными, чем вечерние. «Странно, — подумал Райленд, прислушиваясь. — Очевидно, обычная раздражительность, свойственная всем людям после пробуждения. Тем не менее, даже несчастные человеческие обрубки — „корзинки“, как их тут называли, — громко рассуждали в соседней комнате о планах, тщательно выверяя расписание патрульного облета территории вертолетами охраны».

Алден уже минут двадцать бормотал о том, что можно было бы уплыть за линию прибрежных рифов, где мог бы ждать верный друг на резиновой лодке — если бы такой друг имелся. Слушать это было и смешно, и грустно — от него осталось так мало, что едва ли стоило бы возиться с побегом. Но ведь еще вчера вечером в его тоне сквозило полное смирение!

— Пойми, сынок, — говорил тогда Алден. — Все мы оказались здесь не зря. Сами заслужили.

Да, как-то одно не сочеталось с другим.

Тут Райленд вспомнил, что ночью что-то здорово мешало ему спать, упираясь в ребра. И, как только Алден выехал на своем мотокресле, он поднял матрас, под которым

обнаружилась плоская алюминиевая коробка. Нетерпеливо сняв крышку, Райленд вытряхнул наружу содержимое: куски сахара, листки с планами местности и жалкими подделками путевых приказов Машины. И еще там была тетрадь — дневник предыдущего обитателя комнаты, обозначившего себя только инициалами: Д.У.Х.

Хозяин дневника, судя по датам, провел на «Небесах» три года. Первая запись содержала трезвую, суровую оценку положения.

«16 июня.

Сегодня утром нас привезли на „Небеса“. Выбраться отсюда я не могу. А если бы и мог, бежать все равно некуда. Но если оставить надежду спастись, это будет равносильно смерти сразу же, сейчас. Поэтому попытаюсь бежать. Долго здесь маяться я не намерен».

Последняя запись, сделанная явно полупарализованной рукой, была менее трезвой и менее решительной.

«Май, кажется, 9-е.

Одна мин. прд. поверкой. Каж. я нашел! Нкто нкгда не след. за „свалкой“ остатков трупов. Я знал дргих, кто выглядел полчше меня — и у-у-уп! — вниз по трбе и прямо на баржу. Поэтому сегдня ночью. Главное — еще одна пверка. У меня еще много всего остлось. Наружн. рли не игр. Если т-ко... Звон. Остальн. потом».

Но остальные листы были чистыми.

Сунув дневник под матрас, Райленд отправился завтракать.

Уайтхарт не обманул относительно еды! Нормированного рациона здесь вообще не было. Вволю сахара. Кофе. Настоящие густые сливки. Ветчина под красным соусом, фрукты, горячие бисквиты... Райленд ел, пока не набил живот до отказа. Теперь он чувствовал себя гораздо лучше. Мир казался более спокойным и ярким. Соседи перестали ворчать и строить немыслимые планы побега. Откуда-то уже слышался смех.

Райленд, вспомнив о дневнике, завел с Уайтхартом разговор о бывшем обитателе комнаты.

— А, старина Дэнни, — сказал одноглазый. — Пробыл здесь целую вечность. Видно, какой-то очень редкий и нужный тип организма — с него столько всего посрезали! Под конец он держался только на механическом сердце и искусственной почке. Забавный был парень — набирал неплохо, но когда играл...

— Что с ним случилось?

Уайтхарт нахмурился.

— Взяли сразу оба легких. Жаль, да. Но он до самого конца был с обеими руками — от плеч до кончиков пальцев. И тут раздался звонок.

Проверки проводились три раза в день. Каждый обязан был присутствовать. Иначе — немедленная полная утилизация. По крайней мере, так утверждал одноглазый.

Вдоль нестройных рядов сновали охранники в белом с красными сердцами эмблем на груди, сверяя татуировки с номерами в списках.

— Гатник, Феаведер, Бриин, Морчанд, — пропел охранник, отвечающий за «Президентов Дикси». — Для вас сегодня ничего нет, парни. Алден, Хенсли... Хенсли? Что такое? Как он сюда попал? Его ведь еще на той неделе разобрали? — Полдюжины голосов подтвердило, и он вычеркнул имя из списка. — Паршиво работает администратор... Так, а ты кто? Ага, Стивен Райленд. Добро пожаловать. Для тебя пока ничего нет, свободен... Уайтхарт... Так, Уайтхарт, пойдем. Сегодня твоя очередь.

Райленд поторопился уйти. Все вокруг смеялись, чувствовали себя свободно, но при виде одноглазого, которого уводил охранник, Стив почувствовал, как легкое тепло, распространившееся по телу после завтрака, куда-то исчезло.

Не сегодня, так завтра его имя окажется в списке, и тогда... Нужно было что-нибудь немедленно делать.

Он снова извлек дневник из-под матраса, выскользнул через черный ход и отыскал солнечное укромное местечко

на вершине холма. Облокотившись на каменную ограду, открыл тетрадь.

В ней ничего не говорилось о прошлом покойного Д.У.Х. Но, кем бы он ни был, ума ему было не занимать. Этот человек начал с систематического изучения места, в которое его загнала судьба.

Из записей за первые месяцы Райленд извлек кое-какие полезные цифры.

На «Небесах» в тот момент обитали 327 человек, включая 12 детей в возрасте до 18 лет (и что они могли совершить, чтобы попасть сюда?)

«Небеса» не были единственными в своем роде. Имелось еще несколько аналогичных заведений, поскольку партии людей дважды отправлялись в неизвестные места — скорее всего, пополнять запасы материала в других банках.

Внутри стен банка охраны не было.

На проверки выходило до 12 охранников, а однажды Д.У.Х. насчитал 15 человек еще и наружной охраны.

Территория «Небес» занимала сто акров, в дневнике была карта, много раз исправленная. Пометки на ней предупреждали, что стены вверху защищены электричеством и перебраться через них невозможно, а в глубину они уходят самое меньшее на пятьдесят ярдов.

Видимо, кто-то пытался совершить подкоп до такой глубины!

Морская сторона огораживалась стальной сеткой, выбираться за которую смысла не имело — акулы.

Стену нарушало только здание, через которое пропускали прибывших, и сопутствующие ему строения: клиника, дом администрации, силовая станция. И еще санитарное отделение. Именно там и находилась «свалка», которая привлекала внимание Д.У.Х.

Находилась она недалеко от берега, трубопровод с нее вел на баржу, которую потом буксировали в море и освобождали там от останков обитателей «Небес» вместе со всеми

остальными отходами этого небольшого сообщества в несколько сотен жителей.

Райленд задумчиво склонился над картой.

Обещающе выглядела только «свалка». Однако хозяин дневника подумал о ней не сразу, догадка пришла через несколько месяцев, когда, судя по записям, трезвость мышления начала уже покидать его. И все же...

Подумать над этим, конечно же, стоило. Возможно, этим путем удастся бежать.

Но вот куда?

Отбросив на время мысль о побеге, Райленд начал внимательно перечитывать дневник. И читал до тех пор, пока шум, донесшийся от коттеджей, не сказал ему, что подошло время полуденной поверки.

Глава X

Никого из обитателей «Президентов Дикси» не вызвали. И лишь когда им позволили разойтись, Райленд осознал, что почти все время стоял, не дыша. Гатник, наблюдавший за ним, подмигнул:

— Поначалу всегда так. Потом становится все равно.

— Что это? — потрясенно спросил Стив, глядя ему через плечо.

Гатник обернулся.

Вдоль гравиевой дорожки два охранника торжественно катили кресло на колесиках и тележку с аппаратами, которые были присоединены к хозяину кресла. От ездока осталось очень мало. Голова была закутана бинтами, только на месте рта виднелось отверстие. На тележке высилось внушительное сооружение из помп, трубок, цилиндров, нержавеющей стали и электрических проводов.

— Э, да это... — Гатник не мог помахать, поскольку обе его руки понадобились кому-то в другом месте, поэтому только

наклонился всем туловищем и крикнул: — Привет, Алек! Что на этот раз?

Забинтованная голова чуть кивнула, невидимые губы выдохнули:

— Ты, Гатник? Я думаю, всего лишь вторую почку.

— У тебя еще по горло всего осталось, — жизнерадостно сказал Гатник.

Проводив взглядом удаляющееся кресло, они пошли на ленч.

Райленда все не оставляла картина встречи с живой «корзинкой».

— Я не знал, что в нас поддерживают жизнь, даже когда почти ничего не остается, почти ничего.

— Я так думаю, что Алек — случай особый. Он старше всех на «Небесах». — В голосе Гатника слышалось неподдельное уважение. — Живет здесь уже почти шесть лет.

Особого аппетита у Райленда не было, к тому же, едва он успел сделать пару глотков, как пришлось заняться питанием товарища. Но потом он как-то приободрился. Прохаживаясь после ленча по аллее, Райленд думал о том, что отличная еда улучшает настроение. А это доказывает... да нет же, это доказывает, что даже обреченное существо, такое, как Райленд, способно утопить свои страхи в приливе физического удовольствия. Он решил сейчас же вернуться в дом, взять дневник...

Но тут его кто-то позвал.

Райленд повернулся и увидел, что к нему мчится Опорто.

— Ух ты! Неужели?

Он поймал себя на том, что осматривает коротышку на предмет выявления недостающих частей. Как быстро это вошло в привычку!

— Кажется, у тебя все на месте.

— Да, я здесь всего пару дней. Попал в партию прямо перед тобой, видел, как ты входил... Эх, лучше бы я остался в Исландии. Тебя я ни в чем не виню, — мрачно закончил Опорто.

— Извини.

— Ничего. Ну, как ты живешь теперь?

— У «Президентов Дикси».

— Ха! С этими старыми развалинами? Слушай, переходи в нашу компанию! У нас как раз два свободных места. А среди ребят есть отличные парни. Знаешь, как бывает? Потеряешь то да это, остается голова. Приходится искать занятие умственное. Мой сосед нашел «Лилавату» — сборник древних индийских задач. В основном диофантовые уравнения, но, если подойти к сути...

— Меня сейчас другая проблема интересует, — мягко перебил его Райленд.

— Какая?

— Я хочу отсюда выбраться.

— Ну, Стив, не сходи с ума! У такого парня, как ты, впереди годы! Неужели ты хочешь...

— Да, хочу, — жестко сказал Райленд. — Хочу отсюда выбраться. И это вопрос не только жизни... Хотя и она меня, признаться, тоже очень волнует.

— И что же еще? А-а, можешь не говорить. Девушка!

— Нет, не девушка. Не совсем. Хотя в какой-то степени и она тоже. Главное другое. Я должен остановить то, что происходит с пространственником и полковником Готтлингом.

— Ну, Стив, — мрачно сказал Опорто, — эти разговоры ни к чему. Во всяком случае...

Он замолчал, но Райленд слишком хорошо знал коротышку, чтобы не рассчитывать на добровольное продолжение.

— Что «во всяком случае»? — подсказал он.

— Во всяком случае, — нерешительно продолжил Опорто, — я не понимаю, зачем тебе та девушка. По-моему, тебе важнее другая. Ну, помнишь, 837552... Я забыл, как ее звали.

Для Райленда это было равносильно удару между глаз. Номер... Он не обладал феноменальной памятью Опорто, но это явно была...

— Анжела Цвик, — прошептал он, вспоминая русые волосы, голубые глаза и губы, вкус которых опять почувствовал на своих губах, стоило лишь произнести имя...

— Точно, Анжела! Ага, ты ее не забыл! — наслаждался эффектом коротышка. — Почему бы тебе не пойти к ней в гости? Она тоже здесь — вон в том коттедже, возле озера.

— Здесь? Но ведь она работала для полиции Плана!

Райленд был изумлен. Неужели План начала утилизировать собственных тайных агентов?

— Да, — рассудительно сказал Опорто. — Я бы сказал, что она здесь. Во всяком случае, преимущественно. Собственно, ты сам увидишь.

Сначала Райленд испытывал потрясение и смущение. Неловко переступая онемевшими вдруг ногами, он подошел к девушке в кресле на колесах и хрипло, нарочито грубо произнес ее имя. Потом встретил ее взгляд и больше уже ничего не говорил.

Анжела?

У нее не было рук и, судя по складкам халата, ног тоже. Только лицо оставалось нетронутым — зелено-голубые глаза, высокий лоб, обрамленный золотистыми волосами... И тот же голос — сильный, грудной.

— Стив! Как я рада тебя видеть! — Она не смутилась ни на секунду, только приятно удивилась. — Не смотри так. Я знаю, что ты чувствуешь. Но я провела здесь уже двадцать один месяц.

Чувствуя себя все еще не в своей тарелке, Райленд присел на траву рядом с креслом.

Коттедж Анжелы стоял посреди небольшой рощицы, вокруг него пестрели ухоженные клумбы. Цветы! Он не видел прежде, чтобы дома окружали цветы.

— Я мечтала иногда о встрече с тобой, — тихо сказала Анжела. — После всего, что случилось...

— Что случилось? — хрипло переспросил ее Райленд.

Она вскинула подбородок — зажужжал маленький мотор. Очевидно, в бархатном подголовнике находился пульт

управления креслом. И, развернувшись лицом к Райленду, спросила в упор:

— Ты не винишь меня, правда?

— Ты всего лишь исполняла свою работу, — пробормотал он.

— Мудрая мысль... Ах, Стив! Я так рада тебя снова видеть! Нам о многом нужно поговорить. Отвези меня к озеру.

Почти три года Райленд готовился к возможной встрече с Анжелой. Но теперь забыл все горькие слова, которые приходили ему на ум по ночам в лагере строгой изоляции. Оказавшись с девушкой лицом к лицу, болтал о пустяках, они смеялись, и ему было приятно... Приятно! Но ведь это она надела железное кольцо на его шею!

— Когда работаешь для Плана, всегда чувствуешь себя правым, — заметила она, словно прочитав его мысли.

Они остановились на берегу озера.

— Я уже не обращаю внимания на воротник, — подавляя зевок, пробормотал Райленд.

— Конечно, Стив.

Он оперся спиной о ствол пальмы.

— Никогда не думал, что смогу. Когда-то один человек в лагере говорил мне, что я привыкну, а я...

Он замолчал, нахмурился.

— Что ты ему ответил, Стив? — Я ответил, — медленно произнес Райленд, — что никогда не перестану ненавидеть железное кольцо, разве что умру или наглотаюсь наркотиков.

Анжела улыбнулась с безмятежностью китайского мандарина.

Вернувшись в свой коттедж, Райленд лихорадочно перелистал дневник бывшего владельца койки. Там была одна запись, которую ему вдруг захотелось перечитать.

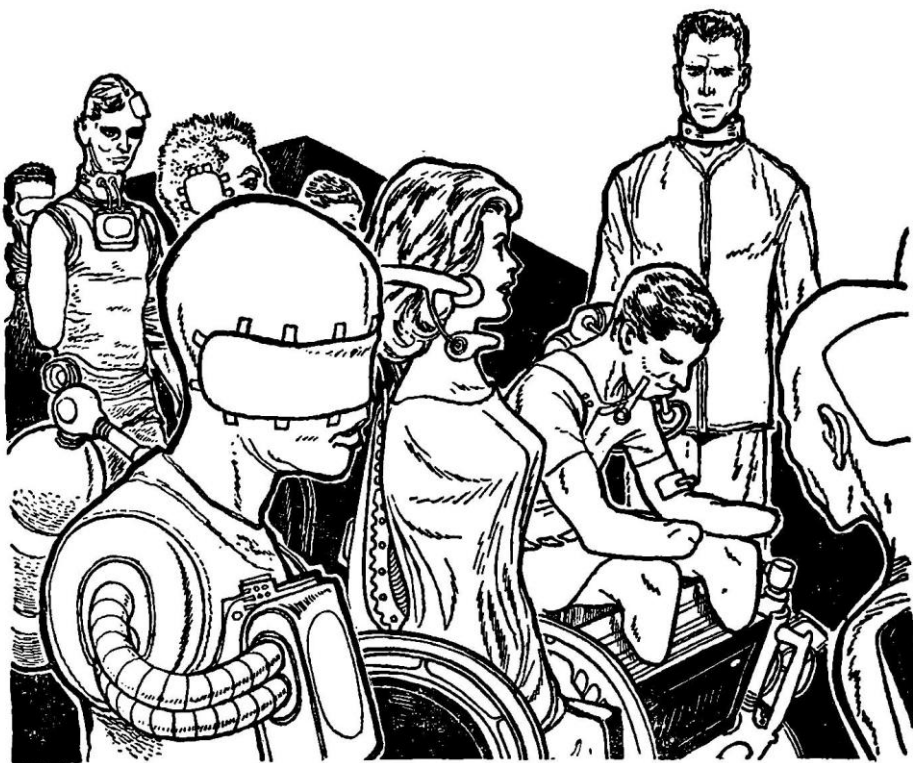
«Это коварное место. Атмосфера такая покойная — Бог знает, почему! Так и тянет расслабиться. Пусть все идет, как идет. Каллен вернулся из клиники Хихикает. Сестра

рассказала ему анекдот. И это при том, что он вернулся без
обоих глаз!»

Два дня спустя:

«Вчера потерял вторую ногу. Больно, но помогают
уколы. Странно, почему я так равнодушно к этому отно-
шусь? Вспоминаю Каллена».

Нахмурившись, Райленд закрыл тетрадь и отправился на
вечернюю поверку. Остальные «Президенты Дикси» были
уже там и поприветствовали его без особой радости. Он по-
нимал, в чем дело — им не нравилось игнорирование но-
веньким общественной жизни коттеджа. Но сейчас его не

волновали даже охранники с алыми эмблемами на куртках, которые шли вдоль шеренг, монотонно читая списки.

Ум Райленда был занят кое-чем гораздо более важным.

Он был совершенно уверен, что сознание его так же ясно, как и прежде, но, тем не менее, он почему-то перестал обращать внимание на воротник. Это первое положение силлогизма. Второе вытекало из записи в дневнике.

Каково заключение?

— Пойдем, я сказал!

Раздраженный тон охранника привел Райленда в чувство.

— Я? Вы меня вызывали?

— Именно тебя! Пошли в банк тканей!

Глава XI

Группа вызванных на утилизацию ждала у лифта.

Человек, стоящий рядом с Райлендом, что-то лихорадочно и неслышно шептал, глаза его неотрывно глядели на двери лифта, словно это были врата преисподней. Заметив взгляд Райленда, он криво усмехнулся.

— Первый раз? Я тоже. Думаю, на первый раз много не возьмут, правда?

— Давай, давай, — начал подталкивать их к раскрывшимся дверям охранник. — Давай, проходи!

Лифт стремительно полетел вниз и высадил всех в подземном зале. На стенах помаргивали асептические светильники, гудел воздух в вентиляторах очистителей.

Охранники приказали садиться. Здесь стояла дюжина длинных деревянных скамей. «Зал ожидания» казался достаточно просторным, хотя в нем слонялось почти два десятка «живых трупов». Райленд принялся рассматривать их. У некоторых все части тела были на месте, но большинство носило признаки прошлых операций. Некоторые из них были так запротезированы, что оставалось только удивляться, что хирурги с них еще что-то собираются снимать.

Нервного вида мужчина пересел к Райленду и горячо зашептал ему в ухо:

— Понимаете, на первый раз они много не возьмут... я так понимаю... Зачем? Например, у вас тело может плохо пересаживаться. Тогда сначала нужно сделать пару опытов и посмотреть, как пойдет дело... и только потом начинать основную операцию... я в этом положительно уверен...

Он замолчал, потому что дверь открылась. Глаза у него были, как у тонущего котенка. Но вошла всего лишь медсестра, не обратившая на них никакого внимания. Райленд поспешил отвлечься от собственных забот, чтобы успокоить этого перепуганного человека.

— Совершенно верно, — сказал он. — Так оно и должно быть.

Конечно, на самом деле так не было. План уже знал все, что нужно, о тканях их организмов. Но нервный мужчина ухватился за это предположение, как утопающий за соломинку.

— Да, сейчас нам нечего опасаться, — бормотал он. — Наверное, какой-нибудь неуклюжий болван отрезал себе пару пальцев. Ну, они возьмут пару пальцев... — Он удивленно посмотрел на ладонь. — Два пальца... Ну и что? Можно обойтись и без них. А может, понадобится нога? Но в первый раз они ничего серьезного не берут, потому что...

Дверь отворилась.

Вошел молодой, стройный охранник. Он явно скучал и во взгляде, брошенном на ожидающих, ничего особенно человеческого не светилось.

— Экрот! — вызвал он, заглянув в список.

Мужчина рядом с Райлендом вскочил.

— Я!

— Пошли!

Бедняга судорожно вздохнул, в отчаянье посмотрел на Райленда и вышел.

Райленд сидел и ждал.

Одного за другим «живых трупов» вызывали в операционные, чтобы План мог получить то, что ему полагалось по Плану. Райленд смотрел, как они уходят — легче было думать о других, чем о себе, о том, что сейчас случится. Ушел ветеран с ярко-голубыми глазами, сипящий трубками дыхательного аппарата, заменявшего ему легкие. Ушла молодая девушка со странно плоской правой стороной тела...

Райленда вызвали почти самым последним.

Сестра поманила его, он встал, ощущая внутри необычную пустоту. Где-то на окраинах нервной системы возникло странное щекочущее ощущение, будто там рождалась боль, еще не нашедшая себе определенного места в теле.

Что с ним сделают?

Нога?

Рука?

А может, внутренние органы?

— Быстрее, — поторопила Райленда медсестра.

Это была симпатичная рыжеволосая девушка. На ее пальце блестело обручальное кольцо. Где-то есть планопо-слушный парень, он смотрит на нее с любовью и теплотой. А здесь она становится воплощением чего-то, что очень скоро намерено лишить Стивена Райленда части его тела.

Обреченно шагая за медсестрой, он не мог ни о чем думать. В ушах грохотал пульс. Краски казались очень яркими, в воздухе висел резкий папах антисептиков. Потом голубой стерильный свет ламп стал нестерпимо ярким.

Они находились в маленькой операционной. Основное пространство занимал сверкающий хромированный хирургический стол в центре.

Райленд пропел языком по пересохшим губам.

Медсестра вдруг захихикала.

— Боже! Какие нервные все! Ты разве еще не понял, зачем находишься здесь?

Он с трудом кивнул. Конечно, понял.

Но почему не видно блестящих хирургических инструментов?

— А вот и не понял, — весело сказала девушка. — Сегодня, друг, у тебя возьмут только кровь. Всего пятьсот граммов красной крови. Конечно, в другой раз может оказаться по-другому.

Райленд лег на спину, она укрыла его стерильной простыней, пристегнула руку ремнем. Он лежал и смотрел, как течет в литровый сосуд его кровь. Боли не было. Но и ничего приятного в происходящем Райленд тоже не усматривал. Что-то неприятно пульсировало в руке, как предупреждение о настоящей боли. Трубка время от времени противно сипела, словно сифон, всасывающий воздух.

Сестра ушла, оставив его одного. Поразительно, как все вокруг замерло...

И как удивительно четко вдруг заработало мышление Райленда!

Он был совершенно спокоен.

Более того — понимал, что спокоен.

И начал сознавать, что до сих пор невозможным, глупейшим образом все время был спокоен — с самого прибытия в орган-банк! Так же спокоен, как и все остальные! Вот чем объясняется жизнерадостность ветеранов ампутации в комнатах «Президентов Дикси» — успокоение! Но чувство это не может быть естественным. Значит, оно вызвано наркотиками.

Райленд лежал, глядя на капли крови, стекающие в сосуд, и удивлялся, почему же он всего этого до сих пор не замечал, хотя и подходил к разгадке вплотную.

Наркотики!

План Человека понимал, что некоторая часть мозга человека не подчиняется здравому смыслу. Стремление к самосохранению! Может ли Машина рисковать внезапным взрывом инстинктов? Она должна быть уверена, что при любом настроении винтиков Плана, направленных в орган-банк, угроза расчленения не вызовет взрыва.

Поэтому Машина предприняла меры. Самое очевидное средство — накачать «живые трупы» транквилизаторами. И как только этого еще никто не заметил?

Вошла сестра. Напевая что-то про себя, отсоединила трубки, проворно вытащила иглу из вены, прижала к месту укола ватку, смоченную в спирте.

— Сognите руку!

Райленд подчинился.

Транквилизаторы!

Это все объясняет. Вот почему тщательно продуманные планы Д.У.Х. ни к чему не привели. Пока они созревали, исчезло возбуждение, способное реализовать их. Да и сам Райленд немало времени потерял зря. Но вот что удивительно — как же ему удалось найти разгадку?

Сестра разогнула его руку, выбросила ватку.

— Вы свободны.

Райленд послушно отправился к двери, но вдруг остановился.

Вдоль коридора медбрат вез электроносилки, на которых, закрыв глаза, лежал тот самый нервный мужчина, который сидел рядом с ним в «зале ожидания». Казалось, он спал. Что же ему удалили? Руки были на месте, ноги отчетливо проступали сквозь простыню, на лице тоже не было заметно следов операции...

— Простите, — обратился Райленд к медсестре. — Что сделали с этим парнем?

Она смотрела куда-то мимо.

— А, с этим... — Глаза ее потемнели. — Большая операция. Вы его знали?

— Да.

— Понимаю. — Помолчав секунду, она сказала быстро: — Нам нужен был целый позвоночник. Все остальное не имело смысла утилизировать.

Спотыкаясь, Райленд вышел в коридор, следуя за трупом нервного мужчины, который навсегда обрел покой. Посмотрев через плечо, попрощался.

— До встречи, — ответила сестра.

Где-то за границей стен «Небес» тринадцать миллиардов людей работали, учились, любили, ссорились, исполняли свои обязанности в системе Плана Человека.

В Саскачеване инженер повернул рубильник, и половина горы поднялась в воздух, открыв жилу бедной урановой руды — одно из последних нетронутых месторождений.

В городе Фиесоле (Италия) полковник Технокорпуса производил инспекцию нового водохранилища. Уровень воды со времени последнего рапорта поднялся на добрых девятнадцать дюймов. Стоя на плоском днище суденышка, полковник отметил, что хаотического вида сооружение, которое он видел здесь раньше, уже почти полностью погрузилось под воду. Это был дворец Питти, но офицер ничего о нем не слышал. Понте Веччио уже находился в двадцати футах под водой.

Обвалился туннель субпоезда под Гондурасом — тысяча восемьсот мигрирующих сельскохозяйственных рабочих были мгновенно поглощены магмой.

Планирующий, вернувшись с Луны, подписал приказ, исполнение которого должно было привести к понижению уровня Средиземного моря на девяносто футов, в результате чего обнажатся тысячи миль новой земли на новых берегах и будет построена гигантская электростанция в проливе Гибралтар.

Но на Кубу не доносилось даже эха этих событий. Здесь царила безмятежность. И Стив Райленд мучительно размышлял, как с ней бороться. Он серьезно поссорился со всеми «Президентами Дикси». Главный старожил был шокирован, обижен и подавлен, потерпев поражение на 880 очков в вечерней партии бриджа. Райленд был очень доволен. Ссора повышает содержание адреналина в крови. И он отправился наружу — поискать новый предмет для ссоры.

Рассуждая логически, самым подходящим кандидатом являлась Анжела. Он нашел ее на старом месте — девушка загорала перед своим коттеджем.

— Стив, дорогой, — томно прошептала она.

Но Райленд решил не поддаваться обаянию.

— Только что сделал первый взнос в орган-банк, — нарочито грубо объявил он. — Угадай, какой? — Анжела окинула его тревожным взглядом. — Ничего особенного, только кровь. Повезло, да?

— Конечно, Стив, это большая удача. Но почему мы говорим только об этом? Давай снова сходим к озеру. Сегодня тепло, у фонтана должен быть ветерок.

— И это все, что тебя заботит, не так ли?

— Стив!

— Еда и уют. Это все, что тебя интересует?

— Ты сегодня в дурном настроении, — раздраженно сказала она. — Если не хочешь пройтись со мной, я пойду одна.

— А тебе не все равно?

Она хотела что-то сказать, но промолчала.

Райленд видел, что раздражает девушку. Но не особенно. Она старалась восстановить душевное равновесие, поспешно удаляясь.

Он оставался стоять неподвижно.

Одно дело — не подозревать, что у тебя в крови транквилизаторы, и совсем другое — знать об этом. Можно было бы поддерживать боевой уровень адреналина, ссорясь с обитателями орган-банка, но это утомляло. Нужно вывести наркотики из крови.

Это достаточно просто — перестать пить и есть.

Систему он разработал тщательно. Что-то есть нужно, чтобы не умереть с голоду. Поэтому Райленд остановил выбор на сахаре. И в тот же день после полуденной проверки унес поднос в угол столовой, набил карманы кусками сахара и, не притронувшись к еде, вышел. Собственно, сахар тоже попадал под подозрение, но вряд ли Машина, даже при всей ее педантичности, станет возиться со шпигованием сахара наркотиками.

Вода, конечно же, тоже была под запретом. Он начал обдумывать план дистиллятора. Но это привлечет внимание, а пить хотелось уже сейчас.

Чтобы отвлечься от жажды, Райленд отправился повидать Анжелу. Они немного погуляли. Он поражался, как удобно чувствует себя девушка в поразительно маневренном кресле. Наконец, они остановились у озера.

Райленд казался ей сегодня крайне мрачным. Он с вождением уставился на воду.

Вода! Такая чистая, притягивающая, сладкая! Но озеро было источником всей питьевой воды на «Небесах», и было бы глупо из него пить.

Разговор у него получался какой-то узконаправленный. В основном он говорил о плавании, о том, как позванивает лед в стакане с водой, как разбегаются волны у носа лодки...

Наконец Анжела, придя в легкое раздражение, прервала его разглагольствования:

— Тогда иди поплавай. Обо мне не беспокойся, — Нежная улыбка — я, пожалуй, воздержусь по некоторым причинам. А ты поплавай. Тебе ведь очень хочется искупаться, не правда ли?

Сначала он горячо отказывался, но потом в голову пришла неожиданная мысль: а почему бы и нет?

Райленд отправился не поиски пары обломков древесных стволов. Этот фокус придумали матросы несколько столетий назад — если просто лежать в воде, расслабившись, это поможет утихомирить жажду. Немного, но поможет. По

крайней мере, можно будет продержаться, пока мозг полностью не освободится от воздействия наркотиков.

Лежа на мелководье, Райленд играл в особую игру, ставкой в которой была жизнь. Он позволял воде подойти к самому подбородку, коснуться губ, даже брал в рот несколько капель...

Как легко было бы утихомирить жажду — просто сделать глоток! Конечно же, один маленький глоток не играет роли, убеждал он себя, перекатывая воду от щеки к щеке, наслаждаясь этим ощущением...

Выплюнув предательскую влагу, Райленд поспешил выйти на берег.

Соблазн едва не победил. Но кое-что он успел понять: жажда играла такую же роль, что и раздражение. Стив уже замечал и чувствовал многие вещи, на которые вчера не обращал внимания. Саднила ранка на внутреннем сгибе локтя, куда сестра неловко вставила иглу; тесная одежда натерла бедро. И какая радость все это чувствовать!

Анжела смотрела на него с подозрением.

— Что это с тобой? — требовательно спросила она.

— Да ничего.

— Ты так себя ведешь... Я просто не знаю... Может, Машина дала приказ перевести тебя отсюда? Или же тебе скоро снимут воротник?

Что ж, подумал Райленд. Вполне возможно. Нужно еще немного продержаться — и будет шанс. Он насухо вытерся полотенцем и задумчиво сказал:

— Почему бы и нет? У Донвуда это получилось.

— Стив, это антиплановые мысли! — предупреждающим тоном одернула Анжела. — Я в тебе разочаровываюсь. Никто не сможет бежать способом Донвуда! И даже если бы тебе предоставилась такая возможность, твой долг перед Планом...

— Стой! — прервал ее Райленд. — Что ты сказала? Тебе что-то известно о Донвуде?

— Я знаю, каким образом он бежал. В конце концов, побег был совершен отсюда.

К ногам Райленда упали половинки разорванного полотенца.

— Каким образом?

Анжела развернула кресло, чтобы оказаться в тени. Нахмурилась, взвешивая ситуацию, потом решила:

— Думаю, вреда не будет. У тебя все равно ничего не выйдет, даже если бы ты решил повторить побег. Никто больше не способен на это.

— Анжела! Как он это сделал?

Райленд откуда-то издалека слышал собственный голос и с трудом узнавал его.

— Ты бы никогда не догадался, Стив, — дразняще улыбнулась она. — Он соблазнил неплановыми мыслями группу врачей этой клиники — рассказывал о космосе за пределами Плана, обещал свободу и богатство в Рифах космоса... Донвуд лишился кольца с помощью операции.

— Как?

— Все было спланировано. Предатели-хирурги подделали бумаги. Однажды утром Донвуда вызвали на операцию. На хирургическом столе его разобрали. Полностью. Включая позвоночник.

— Что? — выдохнул Райленд.

Она наслаждалась произведенным эффектом.

— Да. Разобрали. А потом перевезли все это в соседнюю операционную и собрали. Но уже без кольца на шее.

— Значит...

— Не радуйся, — предупредила девушка. — Заговор был раскрыт, участники его попали в утилизацию. Донвуд же, к сожалению, успел бежать.

— Но каким образом?

— Это самое важное. Понимаешь, хирурги пошли на хитрость, чтобы замести следы. Из отходов утилизации они собрали человека и поместили его внутрь воротника

Дондерево. Этот «макет» и занял место беглеца. А потом преследовать было уже поздно.

Райленд зябко поежился. Способ побега казался довольно устрашающим. Да и возможности применить его не предвиделось.

— Давай займемся чем-нибудь поинтереснее, — предложила Анжела.

Райленд внимательно смотрел на нее.

— А как ты все это узнала?

Она потянулась. Грациозно, медленно, лениво, как змея.

— Наверное, тебе я могу сказать. Ты и так знаешь, что я работала для Полиции Плана. И попала сюда по делу. Именно по делу Донвуда. Его не могли раскрыть до тех пор, пока я не уговорила одного из тех врачей помочь мне бежать тем же способом.

Райленд смотрел на девушку во все глаза. Она снова потянулась, потом зевнула, удовлетворенно, по-кошачьи.

— Но если ты попала сюда как агент, почему же...

Он замолчал.

— Почему я до сих пор здесь? Не стесняйся задать этот вопрос, Стив. Просто к завершению дела у меня уже мало что осталось. Разумеется, только ради своего агента План не мог пойти на возвращение утилизованного материала... И меня переквалифицировали. Не буду скрывать, сначала я была обеспокоена. Но потом привыкла. — Она чарующе улыбнулась. — И ты привыкнешь, Стив. У тебя нет выбора.

Глава XII

Но Райленд не мог смириться с судьбой, как бы ни было велико искушение.

Разбудил его ночной дождь. Перебудив соседей, он выбежал из коттеджа, припал к водосточной трубе и пил, пил...

Это вернуло ему силы. Утром результат был налицо. Вытянутая вперед рука дрожала — он нервничал!

И еще хотелось есть.

Конечно, с водой теперь было все в порядке — целый кувшин живой влаги, отдающей цинком и смолой, но свободной, к счастью, от наркотиков.

Но голод...

Завтракать Райленд не стал.

В столовой к нему подсел Опорто. Его быстрые глазки ничего не пропустили:

— Нет аппетита, да?

Райленд отодвинул в сторону нетронутый поднос с соблазнительной ветчиной и ароматным кофе.

— Да, что-то не хочется.

Коротышка увязался за ним в домик «Президентов Дикси».

— Что это? — спросил он, указывая на кувшин.

— Вода. На всякий случай — вдруг захочется пить.

Он позволил себе маленький глоток. Смуглое лицо Опорто стало задумчивым.

Райленд каждой клеточкой чувствовал, как неотвратимо навис над ним рок. Страх высушил рот, нарушил пищеварение, и без того расстроенное неправильным питанием. Но он только радовался этому. Наслаждаясь дрожью ужаса между лопатками, наблюдал за остальными жителями «Небес», этой толпой зомби — еще живых, но уже мертвых жертв асфоделиков. Они смеялись, улыбались, прогуливались (если было на чем), но уже были мертвецами. Все, кроме Райленда. Только он, единственный, был жив, то есть охвачен паникой.

И еще он был страшно голоден.

Ему все же удалось сбежать от прилипчивого Опорто и выкроить время перед утренней поверкой, чтобы перечитать несколько страниц из дневника.

«16 октября.

„Свалку“ осматривают только с обзорной галереи в северной клинике. Иногда там никого нет. Почему — не знаю».

«5 ноября.

Сегодня был в северной клинике, на пятом этаже, где дежурит охранник. И, кажется, понял, почему он иногда отсутствует. Его дважды вызывали помочь перенести пациента. Очевидно, это входит в обязанности охраны. Я был привязан к столу и не мог видеть, но, кажется, всякий раз, когда его вызывают, он остается внутри по крайней мере с полминуты. Чаще всего вызывают, когда график операций плотный. Следовательно, самое удобное время — три часа после каждой поверки. Но утренняя и полуденная отпадают — во-первых, не удастся скрываться на „свалке“ более двух часов, во-вторых, „мусор“ сбрасывают только к ночи. Значит, ночь. К сожалению, операций в это время делают мало... Сегодня у меня взяли левую ногу, включая бедро».

«3 декабря.

На утренней поверке вызвали необычно много народу. Ходят слухи, что в Бадже (Калифорния) взорвался завод реакторов и потребуется много запасных частей. Когда же? Сегодня ночью?».

Райленд перевернул страницу с последней записью. Он уже знал, что найдет там.

Д.У.Х. близко подошел к отгадке, но не нашел ее.

Голод начинал серьезно мучить Райленда. Организм уже отказывался принимать сахар.

Опорто уже явно начал что-то подозревать. Он ни на минуту не оставлял Стива. Облокотившись на валун у озера, наблюдал, как Райленд швыряет камни в кокосовые орехи. Сбить хоть один ему не удалось, но, на счастье, он обнаружил в рощице упавшую пальму.

— Ты, видно, очень любишь кокосовое молоко, — хмуро заметил коротышка.

— Обожаю.

На самом деле орех перезрел и вкус у молока был отвратительный.

— Хорошо идет с чесноком, а?

Опорто намекал на растения, которые Райленд откопал незадолго перед этим. Их стрелообразные зеленые листья высывались из травы, а под землей скрывались маленькие узловатые корешки с сильным запахом.

— Оставь меня одного, пожалуйста, — попросил Райленд.
— Я... я что-то неважно себя чувствую.

— Ничего удивительного, — вздохнул Опорто.

Но, не вступая в дальнейшие разглагольствования, куда-то побрел.

Райленд сразу о нем забыл. Он был очень истощен и слаб. Но старался уговорить себя, что это просто самовнушение — ведь потерпевшие кораблекрушение моряки выдерживали на той же диете месяцы и годы. Хотя они конечно, не подвергались трижды в день искушению полным столом вкусной еды!

Имелись и другие соображения. Райленд с вожделием посмотрел на рыб, плавающих в прозрачной озерной воде. Можно было бы поймать одну и зажарить на костре.

Но нет. Он и так привлек к себе внимание. Больше рисковать не стоит. Охранники «Небес» наверняка знают, как поступить с обитателем, раскусившим тайну транквилизаторов. Обнаружив такого, они вольтуют ему непосредственно в кровь еще более сильный наркотик, и тогда уже не поможет никакая сила воли. А соседи уже сейчас на него косо поглядывали, не говоря уже об Анжеле и Опорто, который открыто подозревал Райленда в мыслях о побеге. Поэтому уже на следующее утро Стив скрылся от остальных обитателей и обошел «Небеса» по периферии. Стены были непроницаемы. Оставалась только «свалка».

Останки утилизированных жителей орган-банка сначала скапливались в сборнике из нержавеющей стали рядом с серверной клиникой. Сейчас там было пусто — тонну

человеческих останков уже переправили на баржу. Стальные стены блестели под солнечными лучами Резервуар окружала колючая проволока, скрытая массой цветущих кустов. Райленд подумал, что проволока, скорее всего, под током. А может, и нет...

Тянуть с побегом не стоит. Чем раньше, тем больше шансов сохранить тело в целости.

На крыше северной клиники виднелся охранник, окруженный устройствами, похожими на мощные прожектора. Райленд нахмурился. Если «свалку» будут освещать, его задача усложнится. Хотя прожекторы какие-то странные — с рефлекторами, но без линз, и размерами довольно скромные... Он сложил пальцы крестом — на счастье. Может, у этих аппаратов другое назначение? Оставалось только надеяться.

— Стив! Стив Райленд!

Это был Опорто.

Райленд не стал спешить ему навстречу. Откуда коротышка узнал, что он здесь? И почему он так возбужден?

Опорто тяжело сопел, едва не дрожал.

— Вот кошмар, Стив! Ты уже слышал?

— О чем?

— Еще один туннель обвалился! На этот раз погибло тысяча восемьсот человек. Знаешь, что я думаю? Это саботаж.

Райленд покачал головой. Его не покидала настороженность. Откуда коротышка знает об этом, если они здесь полностью отрезаны от мира?

— Саботаж? Но кто?

— Антиплановые элементы, — жизнерадостно объяснил Опорто. — Повсюду аварии! Убиты тысячи человек! Повреждены пути сообщения! — Он бросил взгляд через плечо, улыбнулся и громко сказал: — Или ты так не думаешь, Стивен Райленд?

Райленд явственно чувствовал запах опасности и, посмотрев в ту сторону, куда оглядывался Опорто, увидел эту

опасность, олицетворенную тремя мощного телосложения охранниками. Коротышка ничуть не смутился.

— Правильно, Стив. Мое второе имя — Иуда Искарот.

Охранники, кажется, готовились встретить сопротивление, но Райленд не стал драться и позволил отвести себя в клинику, где в его руку вонзилась игла. Он смотрел на нее бесстрастно — транквилизаторы снова проникли в кровь. Но на этот раз они почти ничего не значили.

— И чтоб больше таких глупостей не было, — проворчал охранник, выводя Райленда из клиники.

Тело прореагировало на укол мгновенно, и он смирился — уютная обволакивающая теплота не была теперь угрозой жизни. Самое время было расхохотаться.

Можно есть!

Во время ленча у стола «Президентов Дикси» возвышался мрачный охранник. Не обращая на него внимания, Райленд наслаждался жареной свининой с картофелем. Допивая третью чашку кофе, думал, что больше не будет доверять Опорто.

Все было ужасно вкусно. Почему бы и нет? Ведь транквилизаторы не заглушают мыслей, они только снимают уровень эмоций, которые служат для пробуждения мышления! А страх и беспокойство уже сыграли свою благотворную роль — план побега готов. Он приведет его в исполнение сегодня ночью, если удастся, или следующей. Теперь, когда охране известно, что Райленд избегал пищи, оставаться на голодной диете не имеет смысла, к тому же калории укрепят его тело и сыграют немаловажную роль в побеге.

Он с нетерпением ждал сумерек, тем более что время не ждало — в тот день вызвали очень многих. Сосед по комнате попал в список на полуденной поверке и до сих пор не вернулся. И уже не вернется, говорили опытные обитатели орган-банка, ибо, если человек не возвращается к следующей поверке, то не возвращается никогда.

Днем вызвали пятерых. После ужина — семерых. Ого, подумал Райленд сквозь мягкий туман мепробомата, в коттедже осталось только трое. Судьба явно благоволит к нему.

После вечерней поверки он последний раз прошелся по дорожкам парка и отправился испытывать удачу.

Самое время!

Едва сгущающиеся сумерки поглотили его фигуру, к коттеджу подошел охранник. До Райленда донеслись обрывки фразы — «Райленд» и «клиника». Один из жителей коттеджа ответил что-то басовитым голосом. Охранник заговорил снова, но разобрать можно было только «она подойдет».

Райленд затаился, провожая взглядом неторопливо удаляющегося охранника. Он не знал, чего от него хотят, но был уверен, что время его истекает.

Но кто же эта «она»? Анжела?

Вряд ли. И все же, почему бы не повидать ее? Если Анжела уговорила охранника взять на себя миссию мальчика-рассыльного, почему бы не выяснить причину? А если это не она... все равно. Чем дальше он будет от «Президентов Дикси», тем лучше для него.

Посылала за ним не Анжела. Она совершенно не имела понятия, почему охранник его искал, и совершенно этим не интересовалась.

Настороженно оглядываясь, Райленд присел рядом с ее креслом. Темная тропическая ночь была ласковой и теплой. Больше для того, чтобы проверить ее реакцию, а не затем, чтобы облегчить душу, он рассказал о доносе Опорто и полученной новой дозе транквилизатора.

— Он поступил правильно, Стив. Ты не должен совершать антиплановые поступки!

Райленд покачал головой.

— Я тебя не понимаю, — заметил он. — Одно дело — работать для Плана. Это понятно. Это обязанность. И совсем другое — выдать товарища...

Анжела рассмеялась.

— Ты ошибаешься, Стив. Помнишь, чем я занималась, когда мы встретились?

— Работала с компьютером.

— Правильно! Мы задавали ему задачи. О, сложные задачи. Я так любила эту работу, Стив! И компьютер решал задачи одну за другой, раз-два, щелк-щелк! Он не ошибался, он был частью Плана, понимаешь? Одной из частиц всеобщего Плана Человека, которым управляет Машина. Знаешь, почему он не ошибался?

— Почему?

Его раздражало ее спокойствие.

— Потому что мы его постоянно проверяли! — торжествующе воскликнула девушка. — Там имелся специальный тестирующий контур. После каждой задачи мы посылали проверяющий сигнал, в пять раз превышающий по напряжению обычный, через каждую лампу, каждый транзистор, каждое реле. Если какая-то деталь была ненадежной, она сейчас же выходила из строя, и мы заменяли ее. И... Стив, я — такой же проверяющий заряд.

Подавшись вперед, она оперлась на поручень, не дававший ее безрукому туловищу выпасть из кресла.

— Но...

— Такие, как ты, не имеют права нарушать План! — крикнула Анжела. — Вас нужно выявлять и заменять. У нас с Опорто была такая функция в системе Плана — сообщать о ненадежных деталях системы. Ты был плохой деталью, признай это, Стивен — ты мог подвести. И действительно подвел! Машина куда лучше будет справляться с Планом без тебя!

Райленд кругами ходил вокруг кресла. Девушка смотрела на него с торжеством и состраданием. Наконец он с неохотой спросил:

— И ты все еще стремишься служить Машине? Даже теперь, когда она отобрала твои руки и ноги?

— Да, стремлюсь.

— Тогда ты ненормальнее Опорто, — проревел он. — Машина — это чудовище. А План Человека — надувательство!

Анжела сохраняла каменное спокойствие.

— План Человека позволяет жить тринадцати миллиардам людей на планете, — напомнила она.

— Отличный способ держать в рабстве тринадцать миллиардов!

— А ты знаешь другой?

Он нахмурился.

— Не знаю. Но, возможно... в Рифах космоса...

— Рифы космоса больше не имеют для тебя значения, дорогой. О Роне Донвуде можешь забыть. О, это был настоящий мужчина... И Рифы, может быть, в самом деле существуют... Не знаю. Но какая нам разница? — Она шевельнула головой, и кресло переехало ближе к Райленду. — Разве это так плохо — быть рабами? Я знаю, у тебя свои идеалы. И уважаю за это, честное слово! Но ведь речь идет о жизни и смерти человечества! Разве не справедливо, что для каждого Планом Человека предусмотрена доля счастья?

Он коротко рассмеялся.

— Это счастье попадает в нас вместе с водой из стакана.

— Только ли? — Она лениво откинулась на спинку кресла, глядя на Райленда огромными искренними глазами. — Ты забыл обо мне, Стив. Разве ты не хочешь меня?

Вопрос застал его врасплох, он вспыхнул.

— Я... я не знаю, что...

— Ведь я здесь, милый, — вкрадчиво и нежно продолжала Анжела. — Если ты хочешь меня — я рядом, беспомощная...

Он глотнул.

— Ты... ты можешь закричать. Прибежит охрана... Проклятье! — закричал Райленд, одним прыжком отскочив в сторону. — Я тебе никогда не прощу этого! Ты заставила меня пасть до собственного уровня, так? Но второй раз этот фокус не пройдет.

— Не знаю, о чем ты, дорогой.

В голосе ее слышалось искреннее сожаление, и мгновение спустя Райленд понял, что она говорит правду. Эта девушка принадлежала ему, и, если он захочет, она не оттолкнет его.

— Ты и в самом деле высоковольтный проверяющий контур, Анжела, — грубо сказал он. — Но однажды я уже с тобой перегорел. Второго раза не будет.

Больше Райленд не сомневался. Он окружен стенами? Что ж! У стен две стороны, и его путь лежит на ту сторону! Возможно, к тому времени он будет только человеческим обрубком, но выберется, выберется!

Потому что по ту сторону стены — Рифы космоса, свобода. А там есть человек, который знает, как убраться с шеи кольцо.

И еще там Донна Криири.

Встревоженный мыслью о дочери Планирующего и не желая продолжать размышления в этом опасном направлении, Райленд резко повернулся к Анжеле.

— Я... я не хотел...

— Не извиняйся, Стив. Из всех людей ты...

Почему она замолчала на середине предложения?

— Что ты хочешь сказать?

— О, ничего... ничего особенного. Просто...

Он рассердился.

— Ты всегда от меня что-то скрывала, Анжела. Пожалуй-ста, перестань. Хотя бы здесь. Продолжай. Чем я отличаюсь от других?

Красивые безмятежные глаза в упор смотрели на Райленда.

— А ты не знаешь, кем являешься?

Райленду стало немного не по себе. По коже побежали противные мурашки.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве тебе не приходилось замечать, что ты не такой, как все?

Он уже собирался отрицательно покачать головой, но вспомнил внезапно о загадке трех дней. И вдруг ему показалось, что он уже слышал голос Анжелы, идущий из темноты, окружающей кушетку терапевта...

— Ты давно должен был заметить, что отличаешься от других людей, Стив, — насмешливо продолжала девушка нежным голоском. — И понять, почему.

Ему захотелось ударить ее. Железное кольцо стало вдруг тесным, в висках застучало. Задыхаясь, он опустил на траву.

— Ты считал себя человеком? — Голос ее был полон презрения. — А мог бы и догадаться, когда я рассказывала о Донвуде. Ты — «подсадная утка».

— Подсадная... что?

Волосы на затылке Райленда шевельнулись.

— Объясняю. Это существо, которое предатели-хирурги собрали из ненужных органов, чтобы скрыть побег Донвуда. Подсадная утка для охраны.

Он сидел неподвижно, осторожно дыша сквозь мертвую хватку воротника. В сгустившихся сумерках глаза Анжелы горели кошачьим огнем.

— Ты обладаешь привлекательной внешностью, Стив. Это произошло потому, что хирурги старались придать тебе сходство с Донвудом, а он был красивым мужчиной. И если ты ненавидишь План, то только потому, что органы твои принадлежали прежде наиболее неблагонадежным гражданам, выдающимся, так сказать, врагам Плана. А твои изобретения в области геликальных полей говорят только о том, что лобные доли взяты у человека, который эту теорию разработал. Остальная же часть твоей памяти расплывчата и противоречива потому, что мозг твой собран из разрозненных остатков тканей!

— Нет! — хрипло выдохнул он. — Это невозможно!

Девушка посмотрела на него с жалостью.

— Что невозможно?

Райленд ослабел от жуткой мысли, что все это может оказаться правдой.

— Если бы я был здесь раньше, — в отчаянии возразил он, — то запомнил бы это место!

Анжела медленно улыбнулась.

— Всего лишь еще одно доказательство. Люди, собравшие тебя, были врагами Плана и использовали мозговые ткани, стараясь улучшить созданное природой. И в результате появился опасный для Плана ментальный тип.

Почти не прислушиваясь к ее словам, он мотнул головой:

— Нет!

— Доказательств достаточно, даже если ты не веришь моим словам, — сказала она. — Вспомни свои попытки диверсий — туннели субпоезда, реакторы, ионные ускорители в ракетах, которые были уничтожены твоими «усовершенствованными катушками» ...

Райленда била дрожь.

— Я не помню...

— Еще одно преимущество твоего мозга заключается в том, — спокойно объясняла Анжела, — что хирурги оснастили его контуром самостиранья памяти, чтобы предохранить «подсадную утку» от соблазна выдать секреты под пыткой. Неужели же ты не замечал пробелов в своем прошлом?

Он нашел в себе силы кивнуть:

— Да, замечал.

— Вот и все.

Ленивая угроза поблескивала в ее улыбке.

— Что... все?

— Все особое внимание, которое уделяли тебе эти три года, только еще раз доказывает, что действовал «макет» великолепно. Но теперь все кончено. Стивен Райленд станет беспрецедентным случаем — его органы будут использованы повторно. Не задирай нос, Стив. Собственно, ты — всего лишь шестьдесят фунтов подкормки для акул, украденной хирургами.

Корм для акул! Если это правда, то там ему и место!

Райленд нырнул в заросли кустов, окружающих сталь-ной сборник для отходов, наблюдая за часовым на крыше клиники.

Уже полностью стемнело, в разрывах между тучами появились звезды, но аппараты, которые он окрестил прожекторами, еще не включали.

Райленд старался не думать о провале. Одной тревогой меньше.

Охранник со скучающим видом смотрел в сторону океана. То же, что лежало перед Райлендом, являло собой зрелище ужасное.

Странно, что План сохранил это зримое напоминание о человеческом ужасе здесь — в мире, закутанном в предохраняющую от шока изоляцию. Его следовало бы понадежнее спрятать от обитателей «Небес».

В сборнике отходов лежало несколько тонн человеческого мяса — ампутированные конечности, части тел и целые тела. У этого побелевшего мертвого вещества отобрали самую малость — жизнь. Осталась лишь превосходная органика. И это тоже странно. Отходы могли бы стать отличным кормом для животных, гектары истощенной почвы могли бы восстановиться с помощью протеина и фосфатов, заключенных в этих трупах.

Но План решил использовать их иначе. Каждую ночь накопившиеся отходы по трубопроводу переправляются на баржу. Плоть достается крабам, рыбам, медузам... Почему бы и нет? Потом эту рыбу съедят люди...

Райленд беспокойно заерзал в своем убежище, переключив мысли на другой предмет. Если Анжела говорила правду, то его тело составлено из таких вот отходов...

Со стороны коттеджей донеслось бормотание динамиков общего оповещения, но слов разобрать было нельзя. Что

случилось? Так поздно их никогда еще не включали. Потом пришли в действие и другие громкоговорители, расположенные ближе, и он разобрал свое имя.

Так. Райленд беззвучно выругался. Его уже ищут.

Ближайший часовой стоял непоколебимо, как сама Машина, глядя в сторону территории «Небес». Неужели же он не может на секунду посмотреть на звезды, зевнуть, почесаться, потянуться — сделать хоть что-нибудь?

Снова ожили динамики. В тоне говорившего слышалось раздражение, как будто его поторапливало более высокое начальство, и он переключил свое недовольство на несчастных обитателей «Небес». Потом заговорили динамики, развешанные совсем близко, и Стив ясно услышал свое имя. «Райленд!» — эхом отдавалось по цепочке громкоговорителей. — «Райленд! Райленд! Райленд...»

Он не удивился — этого следовало ожидать. «Вам... приказано... явиться... в клинику... немедленно...». В стороне озера появились мелькающие огоньки ручных фонарей.

Райленд глубоко вздохнул. Придется испытать судьбу, даже если охранник не отвернется...

Он напрягся, замер. Словно услышав мольбу, часовой на крыше вдруг повернул голову и кивнул кому-то внутри здания, потом стремительно, так быстро, что Райленд мог и не заметить, если бы его взгляд не был прикован к фигуре в белом, исчез внутри коридора верхнего этажа.

Райленд бросился вперед, перелетел через загородку, разодрав одежду, тут лее сбросил ее, спрятал под кучей мертвых тел и сам зарылся туда же, содрогаясь от ледяных прикосновений.

Это был настоящий ужас, в лучших традициях старинных рассказов о заживо погребенных. Он чувствовал себя солдатом, получившим в бою смертельную рану, очнувшись в общей могиле, чтобы умереть среди десятков убитых... Райленд поблагодарил Бога за то, что тот создал мепробомат.

Едкий, кислый запах вызывал тошноту. От стен исходили холодные волны. Он тихо выругался — ему и в голову не приходило, что резервуар-сборник будет охлаждаться.

Медленно текло время. Райленд лежал, не осмеливаясь поднять голову, не осмеливаясь глубоко вздохнуть. Он вполне отдавал себе отчет в том, что отходы из сборника будут переправлены на баржу не ранее, чем через несколько часов, и приготовился терпеливо ждать.

И вдруг вспыхнул яркий свет. Послышались далекие голоса. Видимо, время смены часовых. Это хорошо — время бежит быстро. Свет... Что же, не страшно. Обычный осмотр...

Загорелся еще один прожектор. И еще один.

Теперь металлический резервуар тонул в ослепительных лучах. Над головой зашумели винты вертолета, его прожекторы были направлены вниз.

Все было напрасно. Послышалась команда, и по металлическим ступеням лестницы в сборник спустились охранники. Их было четверо. Без колебаний они направились прямо к Райленду, шагая по бледному месиву человеческих останков.

— Неплохо придумано, — ухмыльнулся один из них. И добавил, уже с угрозой: — Только не вздумай попробовать еще раз.

Не дав ему откопать одежду, охранники повели его к лестнице. Теперь, когда все было кончено, Райленда била дрожь.

— Как... как вы меня нашли?

Охранник, подставив локоть, помог ему подняться на крышу клиники, и там, проявляя некоторую гуманность, показал на ряд устройств, который Райленд принимал за прожектора.

— Это инфракрасные детекторы. Они-то и учуяли тепло твоего тела. Вообще-то их можно обмануть, надев одежду, чтобы скрыть тепловое излучение, но одежда и так сразу бы выдала тебя, — сказал он сочувственно. — Не расстраивайся. У тебя не было ни одного шанса.

Открыв дверь, охранник подтолкнул его вовнутрь, в холл клиники.

— Иди. Там тебя кто-то требует. Кто-то очень важный.

Глава XIV

Райленда быстро повели по коридорам, втолкнули в какую-то комнату, сунули комбинезон, дали в обрез времени, чтобы его натянуть, не обращая внимания на тот факт, что размер был раза в четыре меньше, чем требовалось.

— Пошли! — поторапливал охранник в белом. — Скорее! Он втолкнул его в другую комнату и ушел.

Сквозь приоткрытую дверь Райленд увидел операционную.

Хорошо, что есть на свете транквилизаторы, — подумал он относительно спокойно. Он чувствовал, что прибыл в конечный пункт своего пути.

Над двойным столом пылали асептические бестеневые лампы. Члены хирургической бригады копошились за прозрачной стерильной перегородкой. На столе лежал человек, рядом с ним шипел трубками и шлангами сложный аппарат. Искусственные легкие. Значит, это г. человек должен получить новые, и Райленд уже догадывался, от кого...

А может, нет? Второй-то стол уже занят каким-то обитателем «Небес»!

Странно.

Впрочем, радоваться рано. Видимо, ему предстоит стать донором в следующей операции. План Человека не может заботиться об эмоциях «живых трупов», поэтому ему позволили стать свидетелем операции. Через некоторое время он опять заглянул в зал операционной, где хирург рассекал кожу и мышцы, проламывал кости...

За спиной открылась дверь. Открылась бесшумно, но напряженные нервы уловили колебание воздуха, и Райленд резко обернулся.

Донна Криири!

Она взглянула на него мельком, словно он был частью мебели.

— Долго же вы искали, — недовольно сказала дочь Планирующего сопровождающему ее человеку. Судя по знакам отличия, это был главный хирург клиники. — Ни о чем не беспокойтесь. У меня есть радарный пистолет, и этот оп не станет сопротивляться.

— Но это против всяких правил, — засомневался хирург.

— Вам мало этого? — промурлыкала Донна, махнув у него перед носом куском телетайпной ленты. — Приказ Машины...

— Да, конечно, — поспешно согласился хирург, — конечно, мисс Криири. Вы ведь знаете,

я не стал бы... Но, тем не менее, это совершенно против правил...

Холодно кивнув, девушка поманила Райленда рукой.

— Машина имеет право изменять правила, — произнесла она. — Теперь покажите, как нам пройти к ракете.

Они вышли из клиники и пошли к посадочной площадке. Там, припав на хвост стабилизаторов, стояла скоростная яхта Донны.

— Чикита! — тихо позвала девушка.

— Минуту, мисс Криири, — решительно сказал очухавшийся Райленд. — Куда вы собираетесь меня везти?

Она задумчиво смотрела на ракету.

— У меня приказ Машины. В нем говорится, что Стивена Райленда необходимо доставить в другой орган-банк, где его органы понадобились для лечения важного члена Планирующей комиссии.

— Звучит довольно странно, — заметил он.

— Да, очень. Чикита! — крикнула Донна, сердито топнув ногой.

Внутри люка яхты сверкнуло золото, засветилась бледная голубоватая дымка...

Пространственник!

Оранжево-коричневые глаза с обожанием смотрели на девушку. С кошачьей грацией пространственник выгнулся, завертелся в воздухе, радостно приветствуя ее. Потом замер, неподвижно повиснув перед хозяйкой.

Райленд, обретший, наконец, дар речи, хотел что-то сказать, но девушка приложила палец к губам:

— Молчите! Спорить нет времени. Нужно удирать отсюда, пока за вами не вернулись.

— Но почему за мной должны вернуться? Дорожное указание Машины...

— Подделано. —
Она хладнокровно
встретила его
изумленный
взгляд. — Да.
Это я подде-
лала его, по-
этому мо-
жете мне
поверить.

Хирург кинется за вами, как только подаст обычное сообщение о выполнении приказа. А это произойдет... ну, минут через пять.

— Я не понимаю...

— И не нужно! — взорвалась девушка. — Времени нет! Я стараюсь спасти вашу жизнь. Кроме того, есть еще одна причина... Если уж быть до конца правдивой... Словом, вы нужны моему отцу.

— Планирующему? Но... зачем ему подделывать приказы Машины?

— Я не могу сейчас все объяснить, — быстро проговорила девушка, тревожно оглядываясь. — Помогите вам Бог! Я не смогу спрятать вас в ракете. Там негде укрыться, а на яхту они наведаются сразу. Меня, думаю, не тронут. Но вас...

— Что же я должен делать?

— Как что? Залезайте на спину Чиките! Зачем же, по-вашему, я ее привез та? Она знает, куда лететь.

Райленд летел на пространственнике.

Наверняка это был самый необыкновенный скакун, на котором приходилось ездить человеку. Стройное обтекаемое туловище, мех цвета золота, становящийся у хвоста черным...

Там, на посадочной площадке, когда он взобрался на спину пространственника, Донна отдала короткую команду, существо едва слышно замурлыкало, мускулы его спины пронизала дрожь, и, внезапно подпрыгнув, оно поднялось на сотню футов.

Райленд не почувствовал ни толчка, ни удара перегрузки — просто они вдруг оказались в небе. Далеко внизу он видел ракету и дочь Планирующего, входящую в люк — она не собиралась ждать неприятностей. Потом Райленд услышал рев двигателей. Ракета Донны, похожая на черную точку внутри огненного цветка двигателей, прилепилась, казалось, к бетону площадки. Только то, что она не уменьшилась в размерах, свидетельствовало, что яхта поднимается за ними следом.

А они поднялись уже примерно на тысячу футов. Райленд, припавший к спине пространственника, не чувствовал встречного ветра. А с северо-востока на них надвигались грозовые тучи. Перистые облака предостерегающей завесой закрыли звезды. Черные кучевые вздымались черными башнями, дождевые шквалы уже накрыли горный район Кубы.

Райленд посмотрел вниз. Ракеты Донны не было видно. Пространственник плавно разворачивался в сторону грозы.

— Нет! — крикнул Райленд. — Не надо туда!

Но существо или не понимало его, или не хотело слушаться. Ошв громко мурлыкало, как котенок, и продолжало стремительно лететь навстречу грозовым тучам.

Райленд по-прежнему не ощущал движения.

Поле пространственника, какова бы ни была его природа, ускоряло каждый атом его тела, передвигая одновременно и своеобразный воздушный карман, заключенный в светящийся голубоватый ореол вокруг животного. Полет был почти беззвучен, хотя неслись они со скоростью звука.

Невероятно!

Математический ум Райленда мгновенно оценил факты. Очевидно, существо создает вокруг себя силовую капсулу, форма которой зависит от встречного сопротивления. Сначала сформировалась тупоносая обтекаемая капля, а при достижении звукового барьера капля «перелилась» в иглу.

Пронизывая облака над океаном, они мчались прямо навстречу клубящемуся фронту грозы, и через несколько секунд ледяной дождь мгновенно промочил Райленда насквозь. Интересно, подумал он. Дождь проникает сквозь капсулу, которая не пропускает воздушный поток! Пространственник жалобно замяукал — ему тоже не понравилась холодная вода. Но продолжал стремиться вперед.

Райленд уже перестал понимать, где они находятся. Со всех сторон клубились тучи, яркие вспышки молний ослепляли... Наконец, пробуравив верхнюю кромку облачного фронта, они вышли в чистое воздушное пространство,

залитое ослепительным светом солнца, показавшегося из-за западного горизонта.

Значит, они уже так высоко! И продолжают подниматься выше!

Райленда вдруг охватила невыразимая эйфория.

Он совершил невозможное! И не был больше нумерованным кандидатом в холодное местечко в сборнике отходов. Снова стал человеком!

Донна...

Он так ей обязан... Что же она хотела сказать насчет своего отца? Райленд отбросил эту мысль, растворившись в чуде парения в бесконечном небе. Оно уже стало черным — настолько разреженным был воздух на такой высоте. Но пространственник упрямо продолжал подниматься, пока громадное пространство океана не обрело отчетливо выпуклый характер...

И вдруг Райленду стало тяжело дышать. В чем дело? Поле пространственника должно надежно удерживать воздух! Но мурлыканье существа перешло в сухой кашель, полет его становился все более и более неуверенным...

Очевидно, виноваты раны пространственника-пытки не прошли бесследно. Часть симбиотов погибла, а ведь именно фузориты давали теплокровному существу возможность жить в открытом пространстве. Воздух, удерживаемый ими вокруг тела хозяина, еще наполнял горящие легкие Райленда, предохранял от выкипания крови в вакууме, хоть немного защищал от пронизывающего холода и смертоносной ультрафиолетовой радиации немилосердного светила... Воздух еще был. Но хватит ли его надолго?

— Это я скоро узнаю, — хрипло прошептал он, мрачно усмехнувшись.

Но не сумел уловить момента потери сознания, просто почувствовал, что это сейчас произойдет.

Медленно приходя в себя, Райленд искренне удивился, что еще жив. Потом над ним склонилось прекрасное лицо Донны Криири, и он удивился еще больше.

— Мы добрались? — прошептали непослушные губы.

— Пока что все в порядке, — серьезно ответила девушка.

— Но не радуйтесь раньше времени, Райленд. Мы еще в опасности.

Он попытался встать, но поплыл по кабине, пока Донна не подтолкнула его обратно в противоперегрузочное ложе.

— Но мне нужно заре... — начал было Райленд, но замолчал на полуслове.

— Не нужно, Стив, — мягко улыбнулась она. — Уже не нужно... Как ты находишь свой корабль?

— Мой? — поразился он.

— Твой. Помнишь? Ракета была оборудована для опытов и управлялась из пункта «Серый Треугольник». Это она и есть. Только я убрала все приборы дистанционного управления. Во всем остальном это отличный межпланетный корабль. Он вращался по орбите, достижимой для Чикиты. Только...

Ее лицо погрузнело.

— Что случилось?

— Да нет, ничего. Я просто удивляюсь, что с нами до сих пор нет отца.

Райленд потряс головой.

— Простите, но я не понимаю. Почему Планирующий должен быть здесь? Зачем я ему нужен?

— Наверное, мне самой придется ввести тебя в курс дела. Знаешь ли ты, что за последние два месяца произошло более сотни сильных подземных толчков, и все под основными населенными центрами? Отец думает, что вызывает их Машина.

— Машина?

Райленд не верил своим ушам.

— Я понимаю, тебе тяжело это представить. Но отец обнаружил, что генерал Флимер что-то сделал с Машиной! Он — слишком хороший человек, и не может этого понять. А я могу. Флимер рвется к контролю над Машиной, хочет власти над Планом Человека. Подземные толчки, аварии

субпоездов, взрывы реакторов — все это части ею чудовищного плана. В него входит и уничтожение нереактивного двигателя. О, Стив, как тщательно все было продумано! Ведь Машина — всего лишь совокупность транзисторов и реле, она знает лишь то, что в нее вкладывают люди. Флимеру удалось изменить ее входные контуры, и теперь Машина почти открыто противостоит отцу... Сердцевина всех неприятностей — нереактивная тяга. Машина уверена, что такой двигатель уничтожит План Человека. Поэтому отцу пришлось пойти на хитрость и подделку. Он позволил мне спасти тебя... Но, боюсь, уже слишком поздно. — Она обеспокоенно заглянула и иллюминатор. — Пока, кажется, нас не преследуют... Пока.

Райленд только сейчас почувствовал, что дрожит от холода. Не потому, что в корабле пониженная температура, а потому, что его короткий тесный комбинезон насквозь мокрый.

— Кто? — спросил он, стараясь не клацать зубами.

— Полиция Плана. Флимеру нужна Чикита. Он организует погоню, даже не зная, что ты со мной. Но рассчитывать на это не стоит. Машина сообщит ему о твоём бегстве. Вот видишь, он хотел убить тебя — я помешала, хотел замучить Чикиту — но я украла ее... Она моя! И единственное безопасное для нее место — Рифы. Да и для тебя тоже.

— Ты уговариваешь меня бежать? — возмутился Райленд.
— Стать преступником, отверженным?

— А сейчас ты кто? Забыл про «Небеса»? Я спасла твою жизнь... мы с Чикитой. Между прочим, она могла и не выпрыгнуть за пределы атмосферы, так что радуйся. Удивляюсь, как у нее хватило сил.

— Я тоже.

Она улыбнулась, превратившись на секунду в немного капризную, шаловливую девчонку, которая разговаривала с ним в ванной. Но быстро помрачнела.

— Если бы отец успел... Чикита не выживет, если не вернется в Рифы, не пополнит запас фузоритов. Я взорвала свою

яхту. Она сгорела в атмосфере. Может быть, они подумают, что мы погибли? Вряд ли, Машина глупостей не делает. Я бы сказала, что положение наше очень... неустойчивое. Но мы с отцом тщательно все обсудили. Он хорошо знает Машину и считает, что у нас есть часов двенадцать.

— А что потом?

— Потом Машина взорвет твой воротник.

Пальцы Райленда невольно потянулись к кольцу на шее.

Он понимал, что девушка права. Машина так и поступит. Двенадцать часов? Возможно, Планирующий не ошибся. Тогда за это время нужно выйти за пределы действия радаров Машины.

— Мы сможем выйти за пределы радарного луча за двенадцать часов?

— Не знаю, Стив. Но, думаю, успеем. Машина может не знать, что ты в космосе. — Она снова беспокойно всмотрелась в черноту космоса. — Но отца все нет. Как долго мы можем ждать? Не знаю. Конечно, добравшись до Рифов, ты избавишься от воротника.

Посмотрев на удивленное лицо Райленда, девушка улыбнулась.

— Избавлюсь?

— Ты забыл о Донвуде. Он в Рифах. И наверняка поможет тебе.

Райленд потрогал кольцо.

— Пожалуйста, расскажи, что ты знаешь об этом человеке?

О человеке, подумал он, для замены которого было собрано мое тело.

— Ты уже сам знаешь все. Или почти все. Когда-то он был другом отца, несмотря на их разногласия во взглядах на будущее Плана Человека. Именно Донвуд рассказал отцу о Рифах, пространственниках, уговорил попробовать создать не реактивный двигатель. Но, к сожалению, когда План присоединил его владения, Донвуд принял участие в антиплановой деятельности и был классифицирован как опасник. И, в

конце концов, попал на «Небеса». Отец знал о его плане побега, но не стал мешать. Кстати, этот факт Флимер тоже использовал, настраивая Машину против отца. Теперь Донвуд может помочь отцу в борьбе с Флимером, подробнее рассказав о Рифах. Ведь Машине известны только рапорты Лескьюри, соответствующим образом отредактированные Флимером. Поэтому мы и отправляемся в Рифы на поиски Донвуда!

Райленд не стал рассказывать Донне, как отчаянно необходим ему самому Донвуду. Ведь он может не только снять воротник, но и рассеять туман, застилающий прошлое. А может и не снять, если выяснится, что необходимое оборудование есть только в орган-банке. И может подтвердить рассказ Анжелы...

Если Донна Криири узнает эту ужасную правду о Райленде... Он не вынесет этого. Дочь Планирующего и несколько десятков фунтов утилизованного человеческого мяса! Тогда пропасть, появившаяся между ними, будет слишком широка, чтобы ее могла пересечь ниточка живого чувства.

Девушка вздохнула.

— Не знаю, почему отца до сих пор нет. Но мы не можем больше ждать. Я пошлю ему сообщение, и отправимся в путь. Сейчас до нас добраться сможет даже обычный радарный луч. Нужно убраться отсюда подальше. — Она улыбнулась. — Не думай, что только ради тебя. Если заряд взорвется внутри этого корабля...

Глава XV

Райленду снилась золотоволосая девушка, у которой не было ни рук, ни ног. Потом над ним нависло улыбающееся лицо Опорто, в руках коротышка сжимал ультразвуковую пилу. Земля под ногами задрожала...

И он проснулся.

Несколько секунд потребовалось, чтобы разогреть затекшее тело. Ничего странного — сон, который помогает преодолеть межпланетные расстояния, не так-то просто стряхнуть. Перелет должен был длиться сто пятьдесят дней. Подошел ли он к концу?

Лицо Донны выражало тревогу. Из грузового отсека доносилось громкое недовольное мяуканье пространственника. Райленд застонал — при каждом движении казалось, что все суставы забиты песком. Слава богу, минимальное ускорение экономичных траекторий типа хохмановских предохраняло тело от пролежней и синяков, неизбежных на Земле. И то хорошо,

— Стивен! — затрясла его девушка.

— Извини, — пробормотал он, встряхнувшись, и, наконец, окончательно проснулся. — Что случилось?

— Чикита сошла с ума!

Райленд тяжело вздохнул и взобрался к иллюминатору грузового отсека. Отчаянно мяукая, пространственник метался, как кот, упустивший мышь.

— Мы на месте?

— Нет, Стив. Просто Чикита мяукала так громко, что включилась аварийная система и разбудила меня. А путь еще далек.

— Ладно. Посмотрим, что ее беспокоит.

— Непонятно. Мы находимся в глубоком космосе, за орбитой Плутона, до Рифов еще далеко. Что же могло ее испугать?

Она замолчала, прислушиваясь.

Снаружи донесся стук по обшивке корпуса.

Райленд и Донна посмотрели друг на друга.

Нетерпеливое постукивание стало громче.

— Ну-ка, посмотрим, — мрачно сказал Райленд.

В иллюминаторе ничего видно не было. Тогда он прошел к наружной двери воздушного люка. В ней было проделано

окошко со шторкой от радиации. Стив снял задвижку и отодвинул шторку.

На него с выражением нетерпения смотрело человеческое лицо.

Человек!

Он оглянулся на Донну.

Этого не могло быть!

Скафандра на человеке не было. Кутаясь в ветхое одеяло, он стучал по люку ручкой длинного ножа.

— Стивен! — воскликнула вдруг девушка. — Я знаю его! Это Куивера! Это он привез на Землю Чикиту, чтобы спасти Донвуда! Открой люк!

— Что?

— Открой люк! — повторила она решительно.

— Но воздух...

— Можешь не волноваться, — нетерпеливо перебила его Донна. — Смотри!

Сначала Райленд посмотрел на мужчину. Он был худым, невысоким, лицо наполовину скрывала рыжая борода, но все же было заметно, что пришелец из космоса довольно немолод. За его спиной колебался какой-то силуэт плавных очертаний, голубовато отсвечивая.

— Пространственник?

— Конечно. Неудивительно, что Чикита так волновалась — она наверняка почувствовала приближение собрата. Открывай люк!

Райленд колебался. Воображение слишком ярко рисовало всасывание воздуха космическим вакуумом, и открывать люк как-то не хотелось.

— Но...

— Да у них собственная воздушная оболочка! Как бы, потвоему, они выжили?

Усилием воли он заставил себя повернуть ключ клапана.

Раздался лязг металла, клапан зашипел, выравнивая давление. Воздух начала отдавать каким-то странным, но довольно приятным химическим ароматом.

В шлюз быстро влетел человек, за ним следовал пространственник. Он был покрупнее Чикиты и несколько темнее. На тюленьей морде светился и пульсировал красный нос. Оглядывая камеру большими темными глазами, существо довольно урчало.

— Стой! — приказал рыжеволосый.

Пространственник терпеливо ждал, пока человек закрутит клапан наружной двери. Закончив, Куивера разрешил:

— Ладно, Адам, беги встречать друга.

Два золотистых существа закружились в тесноте грузового отсека, мурлыча на два голоса: один — густым баритоном, второй — высоким сопрано.

— Как дети, — улыбнулся Куивера. — Так рады встрече! — Он поклонился, сняв с головы нечто (кажется, когда-то это была шляпа). — Дамы и господа, я — Квинатоно Куивера, ваш покорный слуга.

— Здравствуйте, Куивера, — с полупоклоном ответила Донна.

— О, дочь Планирующего! — с неподдельным удовольствием узнал гость девушку. — Рад вас видеть. И вас, сэр... Не знаю пока что вашего имени.

— Стивен Райленд.

Он протянул руку, и они скрепили знакомство крепким рукопожатием.

— Мы тоже рады вас видеть, Куивера. Но...

— Но что я делаю здесь? — закончил за него вопрос Квинатоно. — Все очень просто. Адам почуял присутствие Чикиты. — Существа, неподвижно висящие в воздухе, прижавшись друг к другу, оглянулись на него. — И мы поспешили присоединиться к вам. Но есть и вторая причина. — Улыбка исчезла с лица Куиверы. — Мы с Адамом давно поджидаем вас. Он обладает способностью хорошо видеть в космической темноте и заметил кое-что. С его помощью увидел и я.

— Что вы увидели?

— Что вас преследует крейсер Плана.

Пальцы Райленда невольно потянулись к воротнику. Лицо Донны стало бледным, как мел.

Должно быть, Флимер перехватил их сообщение Планирующему.

Уравнения военных действий в космосе допускали только одно решение — более быстрый корабль навязывает бой менее скоростному. Радарный запал в воротнике Райленда не оставлял сомнений в исходе такого боя. Попытаться бежать? Но крейсер быстро нагонит их. Если попробовать спрятаться, выключив двигатели, на крейсере легко рассчитают их положение, исходя из последних зарегистрированных координат. А не выключить... Тогда яркое пламя дюз будет прекрасной мишенью, видимой за миллионы миль в специальные сканеры. И любая попытка бегства сейчас же вызовет всплеск сигнала на инфракрасных экранах крейсера.

А потом импульс радара детонирует воротник...

Все эти мысли вихрем пронесли в мозг Райленда.

— На корабле есть оружие? — хрипло спросил он.

На иссеченном морщинами лице Куиверы появилось удивление:

— Сражаться против Плана? О нет, мой юный друг. Об этом забудьте. Не будем перенимать их методы. Мы пойдем своим путем — просто убежим. Вот и все. Конечно, расстояние до Рифов довольно приличное — несколько миллионов миль. Но в конце нас ждет свобода. И, возможно, — посмотрел он на пальцы Райленда, сжимающие металл кольца, — там вам удастся освободиться от этой штуки.

— Но у нас нет шлюпки!

Куивера поджал губы и кивнул в сторону разомлевших пространственников:

— А это?

Нереактивная тяга! Как он не догадался сразу? Конечно, приборы крейсера не смогут засечь их!

— Но самка ранена. В прошлый раз она едва не погибла за несколько минут полета в открытом космосе. Смотрите!

Раздвинув руками золотистый мех, Райленд обнажил шрамы — память о знакомстве существа с полковником Готтлингом.

— Они уже зажили, Стив, — вмешалась Донна. — Мы лежали четыре месяца! Не забывай об этом.

Но Куивера вдруг забеспокоился. Не обращая внимания на слова девушки, он подошел к пространственнику. Никита резко кувыркнулась и повисла перед ним, весело мурлыкая.

Когда космический гость опять повернулся к ним, голос его зазвучал глухо.

— Это были опасные раны, мисс Криири. Не думал, что вы так обойдетесь с ней.

— Но это не я!

Куивера покачал головой.

— Очень опасные, — повторил он, — И я не уверен, что они когда-нибудь заживут полностью.

— Значит, мы не сможем бежать? — упавшим голосом спросил Райленд.

— Мой Адам перевезет всех. Я обещаю. Но необходимо поспешить.

— Нет, — твердо сказал Райленд.

Девушка и Куивера замерли.

— Что?

— Поймите, — поторопился объяснить он, — ракета оборудована для меня. Для исследований нереактивной тяги. Мне необходимы эти приборы. Ведь нам необходимо овладеть секретом нереактивного двигателя! Придется взять их с собой... Не возражайте. Я и без вас знаю, что это трудно. И еще...

Куивера, наконец, улыбнулся.

— Хорошо. Если вы желаете ползти, как улитки... Что еще?

— Я хочу поставить запал на топливный бак корабля. Чтобы они не обыскивали его.

За десять минут они отобрали целую гору электронных и компьютерных устройств, источников питания и

множество другого оборудования. Еще пять минут ушло на установку контактов реле времени на запале, который Райленд поместил в топливный отсек. После этого можно было отправляться в путь.

Ступить за борт корабля оказалось не легче, чем спрыгнуть с крыши небоскреба. Райленд и Донна застыли в открытом люке шлюза. Снаружи мерцала бескрайняя Вселенная. Они чувствовали себя такими крошечными и беспомощными! Как может человек выжить в этой холодной пустыне, пронизанной светом далеких солнц?

Понимая их колебания, Куивера заверил, что поле пространственного удерживает воздух даже сквозь обшивку корпуса. Так оно и было — не совсем еще привыкшие к черноте космоса глаза уже начали различать голубоватое свечение.

Взявшись за руки, Райленд и Донна шагнули в мир пространственников.

Движения они не ощущали. Золотистые существа парили рядом, не обращая на них, казалось, никакого внимания. Но поле нереактивной тяги уплывало по касательной к курсу ракеты. Через минуту или две оно оторвалось от стенок корабля, сконцентрировалось. Дышать стало легче.

А вокруг уже призрачно мерцал волшебный мир.

Когда некие частицы заняли подобающее им обычное положение внутри светящегося облака, такого яркого, что сквозь него едва просматривались звезды, люди оказались в окружении ветвей с невероятного вида листьями, которые несли на себе невиданные плоды. В их переплетении порхали существа, похожие на птиц и рыб одно временно.

Люди находились в центре воздушного пузыря, где плотность воздуха достигала земной и невидимые крошечные создания, дающие свет и жизнь, были сконцентрированы наиболее плотно. Передвигаться они могли совершенно свободно. Райленд сновал во всех направлениях по небольшому пространству облака, почти забыв, что от открытого космоса его отделяет всего несколько ярдов. Время от времени он

задавал старожилу Рифов быстрые вопросы. Ответов у Куиверы было немного, но факты сами говорили за себя.

— Невероятно! — бормотал Райленд. — Фантастика!

Уцепившись за виток лозы всего в восемнадцать дюймах от призрачной границы свечения, обозначившей границы обитаемого пространства, он смотрел на звезды, но не мог найти ни одного знакомого созвездия.

Орион и могучий Южный Крест остались на своих местах, но утонули в тысяче более слабых звездных огоньков, которые с Земли не видны. Через некоторое время «нашелся» Сириус. Он тоже казался более ярким, чем с Земли, смотреть на него было почти больно.

— Что это, Стивен? — раздался сзади нежный голосок Донны.

Райленд подплыл к девушке.

— Потрясающе! Кажется, я начинаю понимать... Поле пространственников удерживает вокруг нас воздушное облако. Оно улавливает из космоса пыль и атомы водорода. В этих лозах и лианах находятся клетки фузоритов, которые синтезируют из водорода кислород и другие необходимые элементы — в частности, углерод. Они же излучают свет и тепло. «Подозреваю, — задумчиво сказал он, — что в этих растениях содержится изрядная доля тяжелых элементов». Консервация энергии... Реакция термоядерного синтеза высвобождает слишком много ее. Если бы энергия переводилась только в легкие элементы, свет и тепло, мы бы погибли мгновенно. Но синтез элементов тяжелее серебра уже требует энергии... — Райленд покачал головой. — Извини, не могу оторваться от всего этого. Понимаете, перед нами — настоящий маленький мир со своим собственным совершенным кругооборотом веществ.

— А что мы будем есть? — поинтересовалась Донна.

— Сейчас покажу, — ответил Куивера и поплыл сквозь зеленое свечение облака, как пловец под водой, где вместо водорослей таинственно светились лозы фузоритов. Набрав полные руки странных ярких плодов, быстро вернулся

назад. — Попробуйте! Это вкусно. Как вы думаете, что это? Платина? Золото? Я ничего не понимаю в тяжелых металлах, мистер Райленд, но вкусное от невкусного отличить могу с большой долей достоверности.

— Смотрите! — вскричала вдруг Донна, указывая назад.

Там, в той точке, откуда они начали путь, беззвучно распустился ослепительный цветок пламени.

— Наша ракета... Я надеюсь, нам понравится в Рифах, Донна. «Тем более что ничего иного не остается», — ободряюще сказал Райленд девушке и, взяв ее за руку, подтолкнул поближе к границе воздушного облака. — Так будет лучше видно.

— Не подходите к границе! — предостерегающе поднял руку Куивера. — Вы можете нарушить ее цельность, и тогда облако разорвет.

Какое-то мгновение Райленд непонимающе смотрел на него, потом кивнул.

— Конечно! Все, что превышает размерами молекулу, поле не отражает. И если нарушить границу, внутреннее давление облака...

Не решаясь подходить к границе, они наблюдали за погибшим кораблем сквозь зеленоватое свечение.

Взрыв уже погас, но пламя за несколько секунд раскалило металл корпуса добела, поэтому в темноте четко просматривался остывающий оранжевый скелет ракеты. Вблизи светящихся останков помигивали световые точки.

— Крейсер Плана, — пояснил Куивера. — Эти точки — вспышки дюз корректирующих двигателей. Из-за путаницы лиан и лоз доносилось жалобное похныкивание пространственников. Он что-то ласково произнес вполголоса, погладил блестящую шерсть. — Они видят крейсер. Корабль излучает яркий инфракрасный свет.

— Близко? — спросил Райленд.

— Конечно. План не настолько глуп.

— Но они должны думать, что мы погибли! И у них нет способа засечь нереактивную тягу пространственников!

— Конечно, — согласился Куивера. — Видимо, они считают, что мы ушли на спасательной шлюпке. А единственное место, куда нам имело бы смысл отправиться — Рифы. Где они находятся, Плану известно.

Пространственники хныкали все громче.

— Что с ними? — спросила Донна, тревожно оглядываясь.

— Устали. Это понятно. Даже вдвоем им тяжело тащить такой груз. Поэтому они попробуют куда-нибудь спрятаться.

— Куда? Куда здесь можно спрятаться?

Куивера показал направление, но Райленд ничего не увидел — мешало свечение. Очень осторожно оттолкнувшись, он переплыл на другую сторону воздушного облака и повис, всматриваясь. Рядом уцепился за лиану Куивера.

— Вон там, возле трех голубых звезд, лежит скопление рифовых образований, — ткнул он пальцем в черноту космоса, но глаза Райленда не справились с задачей.

Среди ярких светящихся листьев неподвижно зависли Чикита и Адам, устремив большие грустные глаза в усыпанную звездной пылью пустоту. Райленд показал головой.

— Я ничего не вижу.

— Я тоже ничего не видел, пока они не показали мне, — признался Куивера.

— Даже если это не Риф, — с сомнением проговорил Райленд, — и даже если мы доберемся до него, то почему за нами не может последовать крейсер Плана?

Куивер пожал плечами.

— Может, конечно. Но Рифы окружает гораздо более плотное облако, рои фузоритов создают помехи для поисковых экранов. Большие куски Рифа замедлят ход крейсера. И, если они не будут предельно осторожны, может даже произойти авария. Но, честно говоря, я не думаю, что это их остановит.

— И что тогда?

— Райленд, у нас нет выбора. Рифы — единственный шанс, и ничего другого не остается, как только испытать его.

Летели они долго. Сколько именно, сказать трудно — часов у Райленда не было. И цель, и преследователи были невидимы, единственными точками отсчета являлись звезды, но гигантское расстояние до них было несоизмеримо с ничтожной скоростью пространственников. Адам и Чикита, казалось, совсем не торопились-кувыркались, играли, грациозно скользя между лианами. Райленд начал было нервничать по этому поводу, но Куивера заверил его, что в скорости они не уступают крейсеру, несмотря на следующий за облаком хвост из приборов.

— Кстати, мы уже почти на месте, — неожиданно сказал он.

Райленд снова всмотрелся в космос в поисках этого «места». Успех оказался тем же. Он висел у самой границы воздушного пузыря и видел только голубые гиганты, красные карлики, скопления туманностей...

И вдруг впереди возник Риф.

Глава XVI

Сначала это было просто туманное пятнышко, потом оно выросло в величественно плывущий в пространстве мяч, инкрустированный самоцветами.

Они подошли к нему совсем близко и замедлили полет. Райленд видел шипастые деревья кристаллического углерода — алмазы! — переливающиеся собственным внутренним светом. Странные пузыристые массы, формой напоминающие человеческий мозг, излучали голубой и фиолетовый свет на прогалинах призрачно-белого песка посреди замершего леса с яркими металлическими листьями.

Для Райленда и Донны это была волшебная, сказочная страна, но Куивера смотрел вперед цепким оком профессионала. Через некоторое время он покачал головой.

— Не очень-то подходящее место для укрытия. Хотя твердое ядро может и пригодиться. Рифы большей частью почти пустые внутри — там они уже умерли.

Райленд понимающе кивнул.

— Очевидно, организмы наружного слоя поглощают весь попадающийся свободный водород, а оставшиеся в глубине умирают от голода.

— А вот и подходящая пещера! — радостно воскликнул Куивера. — И свободная! Хотя это еще неизвестно... Видите ли, у этих Рифов не слишком сильное поле, воздух здесь нужно удерживать искусственным

путем, как это делают пространственники и микроскопические живые клетки самих Рифов. Но каждый Риф — особый живой мир, и я не знаю, что именно мы можем здесь встретить... Кстати, воздух может держать третья сила, весьма и весьма неприятная. — Он поднял руку. — Стоп. Нужно посмотреть.

Шар из драгоценных светящихся камней был уже совсем близко.

— Видите? — Чикита входит в атмосферу Рифа. Сейчас нас тянет Адам, а она следит за воздухом.

Чикита устремилась вперед. Адам повис неподвижно.

— Я уже задумывался над этим, — сказал Райленд. — Когда две сферы встречаются, давление воздуха должно отталкивать их друг от друга.

Куивера кивнул.

— Смотрите. Она «шлюзует» нас.

Райленд внимательно наблюдал за происходящим.

Воздушное облако сближалось с Рифом. Маленькие существа, полуптицы-полурыбы, начали суетиться, беспокоиться, и он понял, что диаметр оболочки воздушного пузыря сокращается. Но увеличения давления не чувствовал.

— Я понял! Она создает новую оболочку, достаточно большую для нас и Рифа. Потом продырявит нашу «внутреннюю», и выходящий воздух уравнивает давление!

Как бы в ответ на слова Райленда возникла слабая вибрация — словно до них докатилась волна дальнего взрыва, отозвавшись в барабанных перепонках. Внутренняя оболочка полностью исчезла.

Все его внимание было поглощено открывшимся новым миром.

Непрерывный световой дождь мириад звезд, проникающий сквозь туманное свечение Рифа, являл картину волшебной страны. Яркое солнце рождало желтоватые отблески на кристаллических ветвях... «деревьях»? А можно ли называть эти образования растениями? Но Куивера не дал времени насладиться сказочной картиной.

— Пришла наша очередь, Райленд.

Пространственники висели на некотором расстоянии от темной пасти пещеры, жалобно похныкивая. По бокам Чикиты, покрытым шрамами, волнами пробегала дрожь.

— Что мы должны делать?

— У пространственников есть враги — грубые, бронированные бандиты, — объяснил Куивера. — Двигаются они медленнее и в космосе не представляют опасности, но подстерегают наших друзей вот в таких местах. Так что сначала в нору придется лезть нам, мистер Райленд, если вы окажете мне честь, присоединившись. — Легко оттолкнувшись, он подлетел к входу, заглянул в пещеру и пожал плечами. — Что ж, посмотрим.

Спокойно размотав тряпичный узелок, Куивера извлек на всеобщее обозрение довольно древний полицейский пистолет. Обращался он с оружием не очень-то ловко — долго не мог открыть магазин, чтобы проверить заряды. Райленд заметил, что их осталось всего четыре. У Куиверы явно были трудности с пополнением боеприпасов. Наконец он защелкнул магазин и поудобнее взялся за рукоятку. Потом ударом каблука сломал у основания зеленоватый кристаллический сталагмит. Райленд ошибся было в его предназначении, приняв сначала обломок за импровизированный меч, но почти сразу же догадался, что кристалл послужит хорошим факелом благодаря заключенным в него фузоритам.

Не оглянувшись на Донну, он шагнул в пещеру следом за Куиверой.

Внутри их ждало странное переплетение извилистых коридоров. Стенки их были удивительно ровными, словно отшлифованными частыми прикосновениями громоздкого существа. Райленд забеспокоился было, но, прикинув возраст Рифа, подумал, что края входа могли истереться миллион лет назад. Эти погруженные во тьму коридоры, гладкие стены, составленные из телец умерших фузоритов, были, наверное, мертвы еще до того, как Земля успела сконденсироваться и остыть.

Представления о глубине и длине коридоров у Райленда не было — это напоминало лабиринт, какие встречаются среди земных морских кораллов, внутри которых крабы поджидают добычу — какую-нибудь заблудившуюся мелкую рыбешку.

У развилки Куивера задержался. Коридор здесь разделялся на два рукава, которые, в свою очередь, так же разделялись всего в нескольких ярдах впереди. Он пристально смотрел на стену. Райленд присмотрелся и понял, что именно привлекло его внимание.

На гладкой стене были отчетливо видны длинные глубокие царапины, похожие на след клыков какого-то невероятного чудовища.

— Кажется, они пользуются этим проходом, — весело сказал Куивера. — Если бы мы только знали, когда именно... Ладно. Если вы не против, охраняйте это место. Если пиропод появится, пока меня не будет, то...

Он сделал мрачное лицо, развел руками и исчез.

Райленд ждал, уцепившись за выступ счалы.

Пиропод...

Тихий голос доктора Трейла, кушетка терапевта в «центре отдыха», безжалостный психологический щуп, продирающийся в потерянную память...

Он поежился, вспоминая страшную силу, старавшуюся вырвать потерянный секрет, которого он никогда не знал...

Или... или знал? Знал, как построить нереактивный двигатель? Призрачный туман неразрешимых проблем прошлого хлынул в его сознание. Откуда-то раздался тихий насмешливый голос Анжелы, дразнящий возможным ответом: «подсадная утка». Искусственный человек, созданный для диверсий против Плана, лишенный памяти о несуществующем прошлом...

Да уж, неплохого товарища нашла себе дочь Планирующего. Он еще раз дал себе слово ничего не рассказывать Донне о своем происхождении. Теперь, когда они так

одинок, когда в ее мире осталось только три живых человека, сможет ли она пережить такое потрясение?

Райленд нетерпеливо повел плечами, словно этот жест был в состоянии развеять окутавший память туман и объяснить истинную сущность его происхождения. Но этой загадке придется подождать решения, очевидно, до момента, пока не сработает механизм воротника, который детонирует заряд и навсегда лишит хозяина кольца необходимости разгадывать ее.

В глубине пещеры было тепло, хотя основное тепло и свет фюзориты производили на поверхности Рифа. Но Райленда била дрожь.

Пиропод...

Легче было сохранить самообладание, не вспоминая, что ему известно об этих обитателях волшебного мира. Но в памяти настойчиво всплывала рука, ласково поглаживающая фигурку из пластика...

Время шло.

Темно... тихо... пусто...

Иногда Райленду начинало казаться, что стены медленно сжимаются. Липкими от пота ладонями он ощупывал их, убеждался, что они на месте и не собираются расплющить его. Усмехался невольно — подумать только, приступ клаустрофобии! За миллионы миль от Земли, внутри плывущей в пустоте пылинки!

Через некоторое время, показавшееся ему вечностью, в дальнем проходе появился ответ «факела».

Настроение у Куиверы было отличное.

— Это тупик. Никого нет. Очень хорошо. А остальные коридоры... — Он подтянулся ближе ко второму проходу, осветил его и добавил с некоторым сомнением: — Думаю, мы оставим их пока в покое. Похоже, они пустые, а обследовать их — потерять целую неделю. Считай, что нам повезло, дружище. Мы еще не познакомились с пироподом.

По его призыву пространственники проплыли по коридору вниз. Красные носы помигивали — они посылали в

глубину лабиринта импульсы инфракрасных локаторов. За ними нерешительно следовала Донна, глядя по сторонам со смесью детского любопытства и страха.

— Здесь безопасно? — спросила она.

— Пока с нами воротник Райленда, мы все время в опасности, — спокойно ответил Куивера. — Что до пироподов, то я не уверен на все сто. Взрослых особей здесь точно нет, но какой-нибудь щенок может бродить поблизости. Но это мы скоро обнаружим, а пока главное — поудобнее устроиться.

Три дня они работали без передышки. Пространственности все время беспокойно мяукали — где-то в окрестностях Рифа находился крейсер Плана. Но поскольку ничего с этим они поделать не могли, то ничего и не делали, занимаясь только своим новым домом.

Работы оказалось предостаточно. В каверны и переходы нужно было внести лозы и лианы выделяющих кислород фузоритов, обустроить «комнаты» для еды, отдыха и сна. Каждое помещение окутывалось лианами, на которых устанавливались светящиеся кристаллы рубинов и топазов для обогрева и освещения.

Это было настолько завораживающе красиво, что Донна не могла удержаться от восхищенных восклицаний.

Кроме того, под руководством Куиверы Райленд научился сплетать сети и канаты из волокон лиан. Поверхность Рифа снабжала их кристаллами и кусками металла — чистого железа, меди, алюминия, серебра. Из них были выкованы примитивные инструменты. Маскировочная сеть, сплетенная Райлендом, закрыла вход в пещеру.

Куивера хозяйским глазом оценил работу.

— Ладно, — заявил он с некоторым сомнением. — Сойдет. Хотя сеть могла бы быть потолще... Будем надеяться, что крейсер вас не заметит.

— Нас? А вы?

— Я отправлюсь на основной Риф. — На высохшем морщинистом лице Куиверы появилась радостная улыбка. — Возьму там в помощь новых пространственников и Донвуда!

Райленду и Донне жаль было расставаться со своим спасителем, но их печаль не шла в сравнение с печалью прощающихся пространствен гаков. Адам должен был нести на себе Куиверу, Чикита же оставалась на Рифе, чтобы поддерживать атмосферу и попытаться спастись бегством, если крейсер Плана окажется слишком настойчивым.

Они, все трое, молча смотрели вслед удаляющемуся Куивере. На миг Райленду показалось, что он заметил красную искру — это был нос Адама, повернувшегося, чтобы послать последний привет Чиките... и вот уже осталась только пустота. Он всматривался, пока на глаза не навернулись слезы, но напрасно.

Донна тронула его за руку.

— Здесь так... одиноко, — прошептала она. — Пойдем вниз.

— Обратно в пещеру? — насмешливо спросил он. — Снова в каменный век? Подходящая ли обстановка для принцессы Плана?

Она отшатнулась и через секунду исчезла за маскировочной сетью, сопровождаемая Чикитой. Райленд отправился бродить по Рифу, стараясь унять бурю, поднявшуюся внезапно внутри.

Но успокоение не приходило. Оно было невозможно, пока он не избавится от кольца на шее, душащего кольца; пока не удастся проложить мостик через пропасть, отделяющую его от собственного прошлого, затянутого завесой противоречивых фактов и забвения.

Или пока взрыв кольца не одарит вечным покоем могилы.

Время шло.

Райленд и Донна чувствовали странную скованность в присутствии друг друга, девушка даже начала избегать его.

Он едва узнавал в ней самоуверенную дочь Планирующего с неизменными голубями Мира на плечах и охраной, готовой прийти на помощь по первому зову. Она стала спокойнее и, казалось, моложе. Часто вспоминала отца, и

впервые в жизни Райленд начал думать об этой полуолимпийской фигуре как об обыкновенном человеке.

— Но ведь мы не могли ждать его, Стив! — снова и снова повторяла девушка. — И все-таки... лучше бы мы подождали...

Он спрашивал, почему Планирующему пришлось скрываться от Машины, но получал тот же ответ, что и раньше — то есть никакого ответа. Она и сама ничего не понимала, только была уверена, что ключ ко всему — нереактивный двигатель.

Это, само собой, заставляло Райленда возвращаться к прерванной работе, к той грудке аппаратуры, которую они притащили с собой. Но только мысленно. Для работы нужен был порядок и пространство, а на маленьком Рифе не было ни того, ни другого.

Они жили на своем необитаемом острове, вылавливая сетью маленьких летающих существ, наслаждаясь плодами лиан. Райленд ужасался при мысли о радиации, которую приходилось поглощать, но желудок его ликовал. Кроме того, думал он, не мы первые питаемся ими. Возможно, радиация носит чисто световой характер или является разновидностью биолюминисценции, сходной с фосфорическим свечением светлячка.

Райленд снова расспрашивал девушку о том, каким образом Флимеру и его сторонникам удалось взять власть над Машиной, и снова получал тот же ответ, что и раньше — то есть никакого ответа.

— Не знаю, Стив. Но все это как-то связано с нереактивной тягой. Отец говорил, что создание двигателя для межзвездных перелетов было одобрено им как часть первоначального Плана, встроенного в Машину. Узнав о пространственниках, он начал прилагать усилия к изучению этого феномена и сразу же наткнулся на фанатичное сопротивление людей вроде генерала Флимера. Я не знаю причин этой оппозиции. Это нечто большее, чем просто желание захватить место моего отца. Каким-то образом они научились

манипулировать Машиной, взяли ее под свой контроль... Но я верю, что мы сможем спасти и отца, и Машину, и План Человека... если узнаем секрет передвижения пространственников.

Райленд все же заставил себя взяться за сборку и настройку компьютера, привезенного с ракеты. Но туман в памяти стал еще гуще. Он часами сидел, уставясь на панель управления, но не мог придумать подхода к проблеме, кроме того, который был им уже испытан под началом генерала Флимера. И не был уверен, что провал Групповой Атаки имел причиной исключительно саботаж генерала.

К тому же мало что можно было сделать, сидя на крошечном Рифе. Даже если бы у него были чертежи нереактивного двигателя, как собрать его без инструментов, мастерских?

И он оставил попытки, видя их бесплодность.

Проходили дни и недели. Чикита, все еще взволнованная, плавала по крошечному шарiku их маленького мира. Они не обладали способностью Куиверы понимать все оттенки реакции пространственников, но беспокойство ее было очевидным. Но что его вызывало? Крейсер Плана? Или какая-то другая близкая угроза?

Донна становилась все грустнее, потом они поссорились из-за какого-то пустяка, и она разразилась рыданиями. Райленд пытался ее утешить, а она, прижавшись к нему, шептала:

— Извини. Это потому, что я привыкла к удобствам. Слуги, чистая одежда, готовая еда... и власть тоже... А теперь...

Девушка подняла к его лицу свое, залитое слезами, но он резко отстранил ее. Внутри него бушевали чувства, которых он не мог объяснить и с которыми не был в состоянии справиться. Теперь настала его очередь хмуриться и раздражаться. Стивен Райленд, сам того не сознавая, стал ареной битвы между двумя побуждениями: здравым смыслом с одной стороны и растущей любовью к дочери Планирующего — с другой.

Даже сон его стал беспокойным.

Ему снилось, что он сидит в своем кабинете. Том самом кабинете, который находился в нескольких милях под поверхностью земли, в недрах лабиринта из туннелей с кондиционированным воздухом, в котором работали обслуживающие Машину операторы. Услышав стук в дверь, открыл, чтобы впустить Анжелу...

Но это была не она, а Донна Криири, одетая в белый халат с эмблемой орган-банка. Руки ее были заняты подносом с кофе и бутербродами. Увидев Стива, девушка бросила поднос и закричала:

— Донвуда! Это Донвуда!

Он хотел сказать ей, что она ошибается, что его имя Стивен Райленд, но вдруг оказался привязанным к кушетке терапевта. Донна, все в том же белом халате, стояла перед ним с тонким изогнутым скальпелем в руке.

— Скажите нам, — шептала она астматическим голосом доктора Трейла, — скажите нам, как построить нереактивный двигатель!

Он знал, он хотел сказать, но железное кольцо душило, не давало произнести ни слова. Но Донна и не позволила бы ему говорить...

Теперь ее голову украшал рогатый радарный шлем, и она насмешливо произнесла голосом генерала Флимера:

— Одно прикосновение, Райленд! Одно прикосновение к кнопке детонатора, и твой драгоценный секрет умрет вместе с тобой!

Из-под шлема волной струились золотистые волосы Анжелы... Кольцо на шее вспухло...

И он проснулся, жадно ловя ртом воздух.

— Какой ужасный сон!

Рука невольно потянулась к кольцу.

Нет, не сон.

Воротник наверняка должен был вот-вот взорваться. Воображение заставляло Райленда буквально физически ощущать, как он пульсирует, сдавливая все больше и больше

пересохшее горло. Ему даже показалось, что изнутри его доносится ровное тиканье.

— Нет! — закричал он, выскакивая из сплетенного гнезда лиан. — Нет!

К нему подскочили Донна, и ужас, написанный на ее лице, тут же заставил его забыть о собственном воображаемом кошмаре.

— Что случилось? — сурово спросил он.

— Стив... Чикита... Она забралась в нижние коридоры, куда мы никогда не ходили, и...

Она замолчала, не в состоянии договорить. Позади нее жалобно мяукал пространственник.

Бок Чикиты представлял ужасное зрелище. Рваная плоть, покрытая золотистой слизью — след огромного острого клыка.

Глава XVII

В пистолете было четыре патрона. Райленд еще раз проверил магазин, возблагодарил Куиверу, который не забыл оставить оружие, и направился вдоль коридора, ничего не говоря Донне. Он просто не знал, что нужно сказать.

Значит, где-то внутри Рифа притаился пиропод...

В горле было сухо.

Обитатель открытого космоса, напоминающий, как смутно помнил Райленд, обычную земную петарду. Да. Куивера оказался прав. А раны Никиты превратили его предположение в нечто реальное и очень серьезное.

Он остановился в конце коридора, который они успели исследовать, поднял обломок зеленого кристалла, брошенный Куиверой, и двинулся по одному из ответвлений.

В конце туннель резко сужался, так что Райленд едва мог протиснуться. Свисающие с потолка мелкие кусочки

вещества Рифа свидетельствовали, что здесь уже давно никто не появлялся.

Он отправился назад, к развилке, и пошел по другому туннелю, который, будучи гораздо длиннее, тоже заканчивался тупиком. Передвигаться в невесомости было трудно, узкое сечение коридора затрудняло прыжки.

Выйдя к началу нового разветвления, Райленд остановился.

Впереди лежали два туннеля — громадные, темные, безмолвные. В воздухе появился неприятный кислый запах — что-то вроде запаха горелого пороха.

Вход одного из туннелей был отмечен длинной царапиной.

Не раздумывая, Райленд двинулся вперед.

И почти сразу же оказался в небольшом зале. Зависнув у входа, всмотрелся в темноту, которую едва рассеивал свет кристалла.

Зал был сферическим, дальнюю сторону разглядеть оказалось довольно трудно. Но там была ниша, а в ней что-то лежало.

Очень осторожно Райленд приблизился.

Это было похоже на мусорную кучу. Но кучу страшную. Ее составляли кости и клыки неведомых животных. Некоторое время он рассматривал останки, потом сделал еще несколько осторожных шагов...

Тишина. Неподвижность.

Белые, словно отполированные кости отразили свет «факеда». Тихо. Только кровь пульсирует в висках.

У космоса собственные временные мерки. Куча костей и след клыка на стене останутся такими же и через миллион лет. Пещера, несомненно, давно покинута.

Он повернулся, чтобы уйти.

И сразу же за его спиной раздался дикий рев.

От мгновенной смерти Райленда спасло то, что размеры пещеры не сравнимы с межпланетными пространствами. У живой ракеты не было возможности как следует

разогнаться. Разметав грудю костей, пиропод предстал перед ним во всей своей жуткой красе.

Он был очень крупный — больше лошади. Червеобразное извивающееся тело, покрытое блестящей чешуей,

оканчивалось смертоносным клыком, над которым, как большое зеркало, выдвигался на тонком отростке единственный глаз.

С ревом взлетающей ракеты монстр атаковал Райленда. Ни на секунду не потеряв самообладания, Стив выстрелил и, сильно оттолкнувшись, отлетел к стене. Даже сквозь рев живого ракетного двигателя он услышал звон и визг от ricochetившей пули.

Пиропод не стал разворачиваться для новой атаки.

Хвост!

Еще более страшное оружие, бьющее белым пламенем — тем самым пламенем, которое помогало хищнику преодолевать космические расстояния и могло испепелить противника мгновенно. Но Райленд успел отклониться и почувствовал только ужасную боль в ноге. Он врезался в стену, перевернулся, как пловец в бассейне, и выстрелил — раз, два, три!

Теперь обойма была пуста.

Но одна из пуль попала в цель. Она перебила ножку-отросток, и пузырь глаза чудовища взорвался. Ослепленное, оно носилось по пещере, как взбесившаяся ракета, врезаясь в стены, отскакивая, снова устремляясь вперед. Пламя лизнуло стену в опасной близости от Райленда...

И вдруг рев двигателя послышался уже в коридоре, начал слабеть, удаляться... Тише, тише, еще тише...

Оглушенный ударом о стену, Райленд пытался отдышаться. Нестерпимо болела обожженная нога, ныл каждый мускул. Но медлить было нельзя. Наверху оставалась Донна!

Выпрыгнув в коридор, он полетел по темным коридорам, пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть в темноте, закрывая голову от ударов о стены. Хорошо все-таки, что туннель был узким. Через несколько минут, показавшихся ему вечностью, вдалеке появился свет.

Повернув еще раз, он увидел Донну. Жива!

В руке девушка держала кусок лианы со светящимися фузоритами.

— Стивен! Слава Богу!

Она бросила ему конец лианы, он ухватился за него и подтянулся ближе.

— Пиропод! Где он?

— Улетел. Пронесся мимо.

Райленд почувствовал страшную усталость.

— Он прятался в куче костей. Я, кажется, попал ему в глаз.

— По крайней мере, он вел себя как слепой... Стивен...

Глаза ее были полны слез.

Он не сразу понял, в чем дело, и постарался приободрить девушку:

— Не волнуйся. Он не вернется, ты ведь сама сказала...

— Стивен... Кажется, Чикита умирает...

Она расплакалась, Райленд неловко притронулся к ее плечу.

— Бедняга... Но мы за нее отомстили.

— О чем ты говоришь? Ты забыл, что, если она умрет, мы тоже погибнем без воздуха! Что будем с нами, Стив?

Чикита неподвижно лежала в небольшой пещере, оплетенной лианами. Время от времени она беспокойно вздрагивала, словно от сильной боли. мех потерял блеск. Нос перестал светиться, стал черным, холодным. Райленд потрогал бок существа. Очень горячий. Может, у нее жар? Чикита слабо шевельнула черным языком — единственное усилие, на которое она была теперь способна.

— Наверное, мы ничем не сможем помочь, — медленно сказал Райленд.

— Кажется, ее беспокоит свет, — все еще всхлипывая, предположила Донна.

— Хорошо. Это, по крайней мере, в наших силах.

Но затенить пещеру в этом сверкающем мире оказалось непросто. После долгих поисков они нашли какие-то растения, которые почти не светились, и работали, пока помещение не превратилось в полутемную нору. В глазах Чикиты

читалась слабая благодарность. Но вид у нее был очень плохой — какой-то осевший.

Они оставили пространственника одного и вышли на поверхность.

Полная беспомощность буквально сводила с ума. Райленд уцепился за выступ у входа и уставился на звезды.

Где-то там, невидимые, но реальные, были Рифы. Настоящие Рифы, где удалось выжить бежавшим из-под власти Плана. Где жил Донвуд — человек, родившийся в космосе; человек, бывший пленником на Земле, носивший такой же воротник, который сейчас душил Райленда, и сумевший от него избавиться...

Но... был ли он сверхчеловеком?

И сможет ли он снять кольцо с Райленда здесь, в Рифах, без сложного хирургического оборудования, имевшегося в орган-банке? Сможет ли заполнить пропасть в тумане прошлого? Или подтвердит рассказ Анжелы?

Куивера давно уже должен был добраться до него. Может быть, они уже на обратном пути и через пару дней найдут его и Донну?

Скорее всего, найдут их трупы...

Время шло.

Чикита все еще была жива, хотя слабела с каждым днем. Собственно, «день» на Рифе — понятие относительное. Часов у Райленда не было. Отыскав с большим трудом Алголь, он попытался было нести вахту звездочета (период изменения яркости звезды должен был стать его часами), но однажды Донна сказала:

— Это не поможет. Ты ведь все равно не знаешь, когда должен сработать воротник.

Девушка читала даже те его мысли, о которых он сам не подозревал. Да, подсознательно Райленд считал убегающие мгновения года — того года, что был максимальным сроком его жизни, опущенным кольцом на шее.

Чикита может выжить, крейсер Плана может пройти мимо, но кольцо-убийца все равно настигнет свою жертву.

Можно убежать от радаров крейсера, можно добраться до Рифов и укрыться там от сверхмощного импульса, который пошлет через всю систему Машина. Но невозможно остановить часовое устройство, безжалостное, неумолимое...

Основываясь на тщательном восстановлении в памяти предыдущих событий и на наблюдениях Алголя, Райленд предполагал, что шесть месяцев из этого срока он уже использовал.

Чиките стало совсем плохо.

Рана от клыка пиропода начала зарастать, но жар не спадал. Казалось, ее мучает жажда, но пить она отказывалась. Видимо, ей не давала покоя боль, но она едва шевелилась. Лишь тихое жалобное мяуканье доносилось изредка из полутемного укрытия.

Наконец, Райленд принял решение и отправился наверх исполнять его. Всего несколько секунд спустя Донна последовала за ним.

— Что ты делаешь? — резко спросила она.

Он замер над грудой аппаратуры, которую пространственники притащили из ракеты и которую он предполагал использовать для совсем другой цели.

— Как там Чикита? — не ответив на ее вопрос и не поднимая головы, поинтересовался Райленд.

— Я спрашиваю, что ты делаешь?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Хочу собрать передатчик. И, если получится, связаться с Куиверой...

— Ты хотел сказать — с крейсером Плана, — перебила его девушка.

— Почему бы и нет? — В его голосе звучала решимость. — План Человека достаточно благоразумен. Если я сдамся, они возьмут нас на борт. Это не хуже, чем ожидание смерти в космическом вакууме.

— Я не пущу тебя обратно!

— Какого черта ты мне приказываешь? — закричал он в приступе холодного гнева.

Она приложила палец к губам.

— Не надо. Не кричи на меня. Я все равно не пущу тебя.

К тому же, кажется, уже поздно...

Потребовалась секунда, чтобы он понял.

— Чикита!

Оставив девушку, Райленд стремительно полетел к умирающему пространственнику.

Чикита уже не реагировала на окружающее. Живот у нее раздулся, словно от голодания, если только такое случается с космическими существами. Все остальное тело стало еще более сморщенным, опавшим. Она стала похожа на голодных детей из рассказов о древних засухах в странах Востока. Живот едва заметно приподнимался и опускался в такт слабому дыханию.

Чувствуя, как в горле собирается комок, Райленд с минуту стоял над неподвижным существом. Потом протянул к Чиките руку...

И опустил ее.

Все было кончено. Пространственник перестал дышать.

Он машинально погладил тускнеющий золотой мех на холодной шее. Да, она умерла. Какие бы секреты ни таил метаболизм иной жизни, в этом не было сомнений.

И теперь... Как долго продержится поле, дающее им воздух?

У Райленда не было об этом ни малейшего понятия. Например, биолюминесценция светлячков наблюдается в течение нескольких часов после смерти организма. Схожи ли между собой эти два эффекта? Вероятно, нет. Непонятная сила, позволяющая пространственнику передвигаться, едва ли имеет связь с зеленоватым свечением поля. Она может исчезнуть в любое мгновение, и тогда они погибнут во взрыве вырвавшегося в пустоту воздуха.

— Давай поднимаемся наверх, Стив, — попросила неслышно подошедшая Донна. — Там видны звезды...

Маленький, пустой внутри Риф теперь медленно вращался, очевидно, благодаря какой-то предсмертной

внутренней судороге пространственника. Из входа в пещеру им открылось все звездное великолепие Вселенной. Даже Солнце — далекая желтая звезда — показалось сквозь сеть лиан.

— Солнце... — прошептал Райленд. — Мы еще не так далеко ушли...

Потом он различил все главные созвездия, выглядевшие немного непривычно в дополнительном ореоле звездной пыли: могучий Орион, туманное скопление Плеяд, обширный серебристый рукав Галактики. Вот она, с горечью подумал Райленд, — новая империя, которую я хотел помочь завоевать для Человека. И проиграл.

Как это ни странно, он испытывал какую-то умиротворенность. Они все еще были живы. И одно только это казалось неизмеримым богатством. Лишившая беглецов последней надежды смерть пространственника сделала драгоценностью каждую секунду. Эти мгновения жизни были теперь наслаждением.

Райленд висел, держась за рубиновый выступ космического коралла. В другой руке невесомым грузом покоилась девушка. Она негромко что-то спрашивала, он отвечал... И наоборот. Каждому хотелось что-нибудь рассказать.

Они обходили молчанием только одну тему — висящую на волоске собственную жизнь.

— Отец, наверное, еще на Земле, — шепотом говорила Донна. — Он не получил моего сообщения. Иначе бы догнал нас. Он всегда был очень занят, Стив, и я не любила его за это, но... Ах, Стив, как же я теперь об этом жалею!

— Ты, наверное, не помнишь... Ты была в ванной, я случайно попал туда и очень смутился. И ты, наверное, тоже... Нет, ты совсем не смутилась. У тебя были голуби Мира, они едва не заклевали... Как его звали? Ах, да! Опорто.

Он подумал, что это удивительно — забыть имя человека, который когда-то был одним из самых близких среди всех знакомых людей.

— Голуби Мира... Это название придумал отец... Он говорил, что если ненавидишь черное, то назови его белым — и сразу полюбишь. Поэтому и назвал смертельную машину голубем Мира. Он всегда любил хвастаться, что является первым правителем на Земле, который не нуждается в телохранителях. Но как же еще называть эти штуки? Моих голубей и его ястребов?

— Если бы ты знала, что я пережил, увидев тебя около пространственника... Правда, в скафандре трудно отличить женщину от мужчины, и я повел себя несколько грубо... Даже твои знаменитые голуби Мира не помогли мне тогда сразу узнать тебя. А твое неожиданное появление в органбанке, когда я совсем уже потерял надежду! Ты спасла меня...

— Ах, Стив...

Она взяла его за руку, но он внезапно отстранился и вскрикнул во внезапном приступе изумления:

— Донна! Мы до сих пор живы!

Глава XVIII

Они удивленно посмотрели друг на друга, потому что это было невероятно. Окружающий их маленький мир Рифа оставался цел и невредим.

— Но Чикита давно умерла!

— Нет сомнений. Я ничего не понимаю!

Райленд с тревогой осмотрелся. Донна схватила его за руку,

— Смотри! Там! Что это?

На краю Рифа произошел небольшой беззвучный взрыв. Паффф! Взлетело облачко тумана, колония полурыб-полуптиц, кружевное сплетение лоз фузоритов, целое скопление цветов, горящих жидким золотом — все это было отброшено в сторону, после чего восстановился прежний покой.

Очертания воздушного пузыря изменились. Край их мира потерял воздух. На какую-то тягостную секунду Райленду показалось, что это конец — непонятные силы, до сих пор удерживающие воздух вокруг Рифа, начали терять хватку.

Девушка в ужасе прижалась к нему.

— Подожди, Донна, здесь что-то не так, — прошептал он.
— Если поле должно пропасть, оно пропадет сразу и полностью.

— Но что же это?

— Посмотрим.

Взявшись за руки, они стремительно понеслись к телу пространственника.

Быстрее! Быстрее! В мозгу Райленда вертелось какое-то кошмарное видение: их мир гибнет, все миры гибнут, вся Вселенная, и все потому, что он не смог изобрести нереактивный двигатель...

Они замерли, схватившись за бледно светящиеся лозы.

В зеленоватом полумраке укрытия лежала мертвая Чикита. Мех ее совсем потемнел. Да, ошибки быть не могло — она умерла.

Но рядом с ней...

Рядом с ней что-то двигалось! Вздрагивало, поднималось в воздух! И полетело прямо к ним — маленькое, суцкая игрушка рядом с мертвой Чикитой.

Это был маленький пространственник!

Детеныш!

Его красный нос помигивал, яркие, влажные глаза дружелюбно смотрели на людей.

— Ой, маленький! — пискнула девушка и протянула руку, которую малыш тут же лизнул длинным черным языком.

— Смотри! — прохрипел пораженный почти до немоты Райленд,

Еще одно маленькое тюленеобразное создание, еще и еще... Казалось, их целый десяток. Они танцевали в воздухе вокруг Райленда и Донны, тыкались в них носами, которые

смешно пульсировали красным, розовым, пурпурным и оранжевым.

Пересчитать юркие, как ртуть, фигурки было нелегко. Их оказалось восемь. Восемь маленьких пространственников, веселых, как котята.

Были они рождены уже после смерти матери, благодаря какой-то загадке ее организма? Или родились раньше? Это оставалось невыясненным. Но Райленд и не собирался сейчас ничего выяснять.

— Слава Богу, — прошептала Донна, когда он вынес одного детеныша на свет, чтобы получше рассмотреть его.

— Слава, слава, — пробормотал Райленд. — Смотри, они совсем, как взрослые. И родились полностью сформировавшимися. Значит, в состоянии поддерживать атмосферное поле, создавать нереактивную тягу. К счастью для нас. Хотя... — Он вспомнил маленький взрыв на краю Рифа, — им придется немного потренироваться.

И вдруг замолчал, расширившимися глазами глядя через плечо девушки. Она обернулась.

За воздушной границей что-то двигалось, помаргивало.

— Ракета Плана! — в ужасе закричала Донна.

— Нет! — крикнул Райленд, подпрыгивая и зависая в воздухе. — Разве ты не видишь? Оно слишком маленькое! И слишком близко! Это пространственник! Куивера вернулся! С ним кто-то еще... Донвуд!

Донвуд!

Гигант шести футов и восьми дюймов роста, с черным от загара лицом и сияющими голубыми глазами!

Пространственник ловко вплыл в воздушный пузырь Рифа, Донвуд одним прыжком соскочил с его спины.

— Донна! — воскликнул он, хватая девушку за руку.

— Рон!

Весело болтая ногами, она повисла на шее легендарного героя, прижалась щекой к его бронзовой щеке.

— Рон, а это — Стивен Райленд, мой друг.

— Я помню вас, — прошептал Райленд. — Я был кадетом Технокорпуса, мне было всего восемь лет. А вы были студентом-медиком, носили кольцо, потому что ваши люди не покорились Плану...

Гигант со смехом пожал ему руку. Потертая кожаная куртка распахнулась на шее, на которой виднелся тонкий шрам, но не было кольца.

— И я тебя помню, — пророкотал Донвуд. — Я всегда восхищался твоим отцом. Он был не только математиком, но и историком, философом. И именно он стал тем человеком, который помог мне понять истинное значение освоения космоса.

— А воротник? — перебил его Райленд. — Вы действительно смогли его снять?

— Да. Я избавился и от воротника, и от уютного места в заведении, именуемом «Небеса», — кивнул Донвуд. — Мне повезло больше, чем твоему отцу.

— Я не знаю, что с ним случилось.

Райленд перевел дыхание и собрался задать следующий вопрос, но горло вдруг пересохло. Он хотел спросить у гиганта, каким образом тот избавился от кольца, но испугался возможного ответа. Испугался, что Донвуд подтвердит рассказ Анжелы Цвик, будто Райленд — не человек, а «подсадная утка», которую хирурги склеили под его кольцо.

Вместо него этот вопрос задала Донна.

— Рон... — Голос ее немного дрожал от волнения. — Ты сможешь снять кольцо со Стива?

— Только не тем способом, которым сняли мое, — покачал головой Донвуд. — Меня избавили от него в хирургическом центре орган-банка. Работало полдюжину хирургов, используя лучшее оборудование...

— А что сделали с вашим воротником? — замирая, решился все же спросить Райленд.

— Об этом я обещал не рассказывать.

— В этом кольце, — запинаясь, заговорил Стив, — был собран новый человек... «подсадная утка» ... что-то вроде

живой мумии, которая должна была отвлекать внимание, пока вас не увезет пространственник.

— Да, это так, — небрежно кивнул Донвуд. — Но теперь это не имеет значения.

Для Райленда это имело очень большое значение. По коже побежали мурашки... Наверное, такой вот холодной и противной она была до того, как его тело было собрано... В желудке возникло отвратительное сосущее ощущение.

— Что с тобой, Стив? — испугалась Донна. — Ты так побледнел!

Что он мог ответить ей?

— Я надеялся, что вы сможете снять мой воротник... Вы изучали медицину... Может, вам удалось бы самому сделать операцию?

По лицу Донвуда было видно, что он собирается отказаться, но взгляд его остановился на лице Райленда, перешел на Донну... Бронзовая кожа лица дрогнула и посерела.

— Наверное, попробовать можно... — сказал он через несколько томительных секунд. — Но вы должны понимать, что мне недостает опыта и оборудования орган-банка. При операции в таких условиях — без ассистентов, с походными инструментами, — обещаю только один шанс из четырех, что вы останетесь в живых, и один из пяти, что сможете ходить, если выживете.

Чтобы не упасть, Райленд схватился за большую кристаллическую ветвь. Радужные птицерыбы взлетели с нее и, мерцая, поплыли прочь.

— Я...

— Однако, — сочувственно добавил Донвуд, — ты прав, Стивен. Другого выхода нет. План может убить тебя в любую секунду. Крейсер всего в трех милях отсюда. Одно нажатие на кнопку — и ты мертвец. А также я, старый Куивера и Донна, — признался он чистосердечно. — Поэтому ты совершенно прав. Мы должны спасти тебя или погибнуть все вместе.

— Расскажите, как это будет, — бесцветным голосом попросил Райленд. — Я хочу знать.

Поколебавшись, Донвуд принялся объяснять. Глубокий басовитый голос напоминал ворчание тигра, но руки его были миниатюрными, почти девичьими — руками хирурга.

На Земле, в орган-банке, имелось то, чего нельзя раздобыть здесь — медсестры и ассистенты-хирурги, необходимые медикаменты и оборудование. Если что-либо из того, что он привез с собой, выйдет из строя (кровенной насос, например), то заменить его будет нечем. Кроме того, в орган-банке в распоряжении хирургов имелся неограниченный выбор органов и частей тела. Здесь же их всего четверо, и лишних органов ни у кого не наблюдается.

Сначала, — пояснял Донвуд, — нужно будет создать асептическое пространство вокруг Райленда, которого перед этим подвергнут анестезии. Это будет довольно просто, учитывая почти полное отсутствие гравитации и тот факт, что только люди могли занести сюда какой-нибудь микроб. Для этой цели можно будет использовать распылитель универсального полибиотического аэрозоля. Затем наступит очередь скальпелей, зажимов, ретракторов, нитей для швов. Стерильные с момента изготовления, враждебные для какой бы то ни было микрожизни, эти принадлежности были извлечены из блестящих контейнеров.

Донна побледнела, но продолжала внимательно слушать. Лишь на миг ей не удалось удержать равновесия — когда Донвуд живописно повествовал, как скальпель проведет первую красную линию по шее Райленда.

Похолодевший Райленд слушал, как ткани эпидермиса и лежащие под ними мышцы будут рассечены и оттянуты назад, словно чулок. Большие трапецевидные мышцы также придется рассечь, зажать и держать — важно, чтобы они оставались в напряжении. Малый кровеносный сосуд шеи придется перевязать, большие сосуды (сонную артерию, яремную вену, сосуды спинного мозга) — перерезать и подсоединить к двухкамерному механическому сердцу.

Запас крови в его камерах поможет сердцу Райленда справиться с неизбежной кровопотерей.

Потом настанет очередь нервов. Они будут осторожно препарированы, рассечены и присоединены к пломбам из органического серебра, которые только и делают пересадку органов возможной. Нервные ткани плохо восстанавливаются у высших позвоночных, если не оказать им помощи, не стимулировать. Органическое серебро — тот «припой», который позволяет нервам сохранять проводимость. Иначе после рассечения основных шейных ганглий участки оперируемого тела начнут конвульсивно сокращаться.

Затем настанет черед костей. Ультразвуковая пила вопьется в третий шейный позвонок. Спинной мозг будет раскрыт, запломбирован, «запаян». Внутримозговая жидкость...

— Достаточно, — выдохнул Райленд. — Я все понял. Дальше объяснять не нужно.

Его глаза встретились с глазами Донны. Девушка хотела что-то сказать, но не смогла.

— Начинайте! — твердо сказал он. — Начинайте операцию!

Решительно шагнув вперед, Райленд лег на импровизированный операционный стол и дал Куивере крепко привязать себя. Донвуд кивнул Донне, она подошла к столу с гибкой анестезионной маской в руках.

Лицо девушки вздрагивало, она с трудом сдерживала слезы.

— Прощай, моя единственная, — прошептал он. — Но не навсегда.

Маска мягко легла на лицо.

Сначала не возникло никаких необычных ощущений.

Потом кристаллические деревья медленно поплыли на него, маленький Риф сложился, как бутон, а сам он оказался в сердцевине этого бутона, в жидком золоте...

Глава XIX

Он потерял сознание.

Но где-то в глубине мозг продолжал лихорадочно работать.

Ему снился сон.

Напряженное тело болит от впившихся ремней. Над Райлендом склоняются доктор Трейл и генерал Флимер.

— Признайтесь же, Райленд! — хрипи настойчивый голос генерала. — Мы знаем, что в дверь вам постучали, вы оставили бумаги на столе и пошли открывать. Кто там стоял?

И вдруг он вспомнил.

Невероятным, сказочным образом анестезия рассеяла липкий туман в памяти.

Это была не Анжела Цвик. И не полиция Плана — они действительно пришли за ним только в понедельник.

За дверью стоял худой мужчина в испачканной кровью униформе, сгибаясь под тяжестью плотно набитого саквояжа — стандартного полетного саквояжа космонавта.

— Хоррок!

— Т-с-с...

Райленд быстро пропустил его в комнату и запер дверь. Бросив саквояж, Хоррок тяжело оперся на стол. На губах его выступила розовая пена, брызги сукровицы падали на желтую телетайпную бумагу.

— Вы ранены, — сказал Райленд. — Я вызову врача.

— Это может подождать, — прошептал Хоррок, вытирая губы. — У меня для вас сообщение, очень срочное. От вашего старого друга...

Осторожно усадив раненого в кресло, Райленд выслушал сообщение. Хоррок задыхался, тяжело, мучительно кашлял.

Старым другом оказался Рон Донвуд. Хоррок виделся с ним в маленькой колонии на незарегистрированном астероиде, где корабль полковника Лескьюри сделал остановку для пополнения запасов реактивной массы. В сообщении

говорилось о Рифах космоса и особой форме жизни — фузоритах, которые эти Рифы построили. Самыми основными в сообщении были сведения о пространственниках и способе их передвижения.

— Донвуд хочет, чтобы вы знали — в открытом космосе есть жизнь, — хрипел Хоррок. — Это — новый край для освоения, живой и бесконечный. Но с помощью ракет его не освоить. Нам необходим нереактивный двигатель...

Райленд попытался объяснить, что это невозможно, поскольку противоречит третьему закону Ньютона.

— Но пространственники летают... Донвуд велел сказать... чтобы вы знали... И еще. Ваш отец ему объяснил... эффект открытого края... — Он снова закашлялся, брызгая красноватой слюной. — Простите... Это означает, что замкнутое пространство освоения — это замкнутое общество, как в системе Плана. Открытые границы, открытый край — это Рифы. А Рифы — это свобода. Свобода навсегда!

Райленд начал понимать, что произошло с его отцом.

План существовал для управления замкнутым обществом, дошедшим в своем расширении до границ дальности полета ионных ракет. Отец видел бесконечные возможности в освоении межзвездного пространства. Но даже мечта об этом была предательством в замкнутом мире Плана.

— Донвуд знает Планирующего Криири... — закончил свой рассказ Хоррок. — Думает, этому человеку можно верить... Он сможет понять, что человек важнее Плана... Если только дать ему работающий нереактивный двигатель... Но Донвуд предупредил... больше никому не доверять...

Отказавшись от помощи врача, он только позволил сделать укол эвабиотика из набора первой помощи, который предусмотрительно утащил с «Кристобаля Колона», и спрятался в комнате отдыха, опередив Анжелу, вернувшуюся с подносом бутербродов и кофе. Когда Райленд избавился от девушки, Хоррока уже не было.

Окровавленный саквояж рассеял недоверчивость ученого. Он содержал большие светящиеся восьмигранники-

кристаллы из углеродного коралла, потрясающие стереоснимки Рифов космоса, пироподов и пространственников и, самое главное, тетрадку с наблюдениями Рона Донвуда, доказывающими, что пространственники в самом деле не используют реакцию противодействия.

Мозг, доверяющий только очевидным фактам, сразу заработал.

Будучи математиком, Райленд понимал, что части уравнения должны равняться друг другу. Как физик, знал, что физически уравнивающее количество может быть неуловимым (например, нейтрино, необходимое для уравнивания ядерных реакций). В его собственных уравнениях, описывающих создание нового вещества и расширение Вселенной, новая масса «Х» появляющегося вещества была еще неуловимее, чем нейтрино, потому что он даже не мог определить ее природу.

Теперь Райленд понял все. Истина, заключенная в простом факте полета пространственников, была так же проста, как дважды два — четыре. Неизвестное прежде количество, равнявшееся новой массе в его уравнениях, было, наконец, идентифицировано.

Кинетическая энергия!

Момент движения, заключенный в разбегающихся Галактиках, которые неизбежно расталкивала расширяющаяся Вселенная!

С удовлетворением профессионала Райленд отметил, что третий закон движения вовсе не нарушается. Он просто трансформируется. Кинетическая энергия летящего пространственника точно уравнивается эквивалентной энергией новой массы. Реакция описывается классическим уравнением зависимости энергии и массы:

$$E = MC^2$$

Последний множитель (квадрат скорости света) означает, что ничтожная масса эквивалентна гигантской кинетической энергии. Вот почему он так долго не мог

определить фактор «Х»! Даже самый долгий полет пространственника создаст неощутимо малое количество атомов водорода, которые прибавятся к облачку, созданному жизнедеятельностью самого существа.

Запершись в кабинете, Райленд взялся за работу. Прилив возбуждения смел всякую усталость и даже страх, который доставил визит Хоррока.

Простое замещение моментом движения неизвестного множителя в уравнениях позволило ему теперь развить целую теорию. Простое преобразование описывало поле, необходимое для создания новой массы и эквивалентного момента движения. Вопросы материалов и конструкции оказались более сложными, но к полудню в воскресенье Райленд уже составил полное описание нереактивной тяговой системы с эффективным усилием в полмиллиона тонн.

Почувствовав внезапно навалившуюся усталость и голод, он побрел в безмолвную темноту туннеля, чтобы умыться в лаборатории. Раковина до сих пор была испачкана кровью Хоррока. Райленд доел засохший бутерброд, допил остатки горького дрожжевого кофе и заснул в кресле, вяло подумав напоследок, что трудно будет добраться до Планирующего Криири, не доверяя более никому.

Проснулся он рано утром в понедельник. Шея затекла, в мозгу маячило воспоминание о ночном кошмаре: они с Хорроком спасаются бегством от полиции Плана.

Спрятав полетный саквояж за ящиком картотеки и сунув испачканные кровью бумаги в люк мусоросжигателя, Райленд упаковал свои записи и стереоснимки Рифов в чемоданчик. До прихода Анжелы и Опорто оставалось еще два часа.

Никому больше не доверяй...

В туннелях, соединяющих сектор компьютеров Планирующей Машины с рабочими помещениями людей Планирующего, царил полумрак и пустота. Прохладный воздух с тихим гулом вырывался из раструбов вентиляторов. Утренний час пик, когда клерки ринутся на рабочие места, еще не

начался. Время от времени на глаза Райленду попадались только техники в серых комбинезонах. Как странно было это напоминание о милях камня над головой, в то время как в его чемоданчике лежал ключ к звездам!

Райленду никогда не приходилось еще бывать в приемной Планирующего, но дорогу туда он знал. Охранник, осмотревший его после выхода из лифта, взмахом руки разрешил идти дальше. На стене рядом с ним висел плакат: «Ограниченный доступ! Вход для опасников только под охраной!».

Но Райленда это не касалось.

Перед входом в помещение Планирующего новый охранник еще раз изучил его значок, выбил номер на телетайпе. Райленд затаил дыхание, ожидая ответа Машины. Но охранник поднял от стучащего телетайпа взгляд, полный невольного уважения.

— Проходите, сэр.

Девушка за телетайпом в приемной потребовала назвать причину визита. Он объяснил, что сообщение секретное. Тогда она попросила указать его характер. Райленд отказался, настаивая на особой секретности. Подумав, девушка отпратила его к первому помощнику Планирующего.

Первый помощник оказался громадным толстым человеком с выпученными лягушачьими глазами на синеватом лице. Полированная дощечка на столе сообщала, что зовут его Флимер.

В жабьих глазах генерала читалось цепкое любопытство по поводу секретного донесения.

Планирующий Криири? К сожалению, он еще не вернулся из недельной поездки с семьей. Несомненно, в конце недели они будут на месте, но вряд ли ему удастся выкроить минутку — слишком напряженное рабочее расписание. Конечно, Планирующий знает о заслугах автора новых геликальных катушек, но обязанности его так обширны, что приходится перекладывать часть дел на подчиненных...

В конце беседы генерал мягко намекнул, что посетители, выражающие недоверие помощникам, редко имеют возможность лично встретиться с ним самим.

Райленду ничего не оставалось, как оставить свое сообщение, указав, что речь в нем идет о Роне Донвуде и новом двигателе для ракет. Флимер угрюмо пообещал сообщить, когда Планирующий решит принять автора.

Когда он вернулся в свой рабочий кабинет, стрелки часов миновали полдень. Следов Оporto и телетайпистки не обнаружилось — словно они вообще не приходили на работу. Саквоаж Хоррока по-прежнему лежал за ящиком картотеки. Из телетайпа на пол свешивалась набежавшая бумажная лента. Райленд запер дверь и начал искать место, чтобы спрятать описание нереактивного двигателя.

На полке, среди справочников? Глупо. Щель между ящиком и стеной и так вызывает подозрения. Стол лишен тумбочек. Практически, мельком подумал он, Планом не предусмотрены места для личных секретных бумаг.

Прятать описание было некуда. Кроме, пожалуй, собственной памяти.

Когда Райленд бросал листы чертежей в люк мусоросжигателя, в дверь громко и требовательно постучали...

«Центр отдыха». Камера пыток, глубоко спрятанная под землей, находящаяся в некотором несоответствии со своим официальным названием.

Помещения слева и справа от камеры Райленда были заняты неблагонадежными хирургами, уличенными в каком-то антиплановом деле. Терапевтический кабинет дальше по коридору занимало странное существо, созданное этими хирургами из отходов тканей в орган-банке. Существо бешено металось в привязных ремнях, пока не умерло.

Потом было покончено и с хирургами. Оставался только Хоррок в соседней камере и Оporto в камере напротив. Райленд видел их редко — основное время его держали в терапевтической.

Там его пристегивали к кушетке, накладывали электроды на дрожащее тело. Безжалостный свет бил в лицо, шею сдавливал железный воротник. Толстый терапевт, склонившись над ним, хриплым голосом задавал вопросы.

Какое сообщение передал ему Рон Донвуд через Хоррока?

Где обитают пироподы, фузориты, пространственники?

Как построить нереактивный двигатель?

Сначала он мог бы еще отвечать, но кольцо раскаленным обручем сжимало горло, не давая вымолвить ни слова. Даже когда дух его сломился, когда он уже готов был с радостью доверить любому все, что знал, они не позволяли ему произнести ни одного слова.

— Донвуд?

— Рифы космоса?

— Фузориты?

— Пространственники?

— Пироподы?

— Нереактивная тяга?

Хриплый настойчивый голос не умолкал. Агония продолжалась, пока прошлое не исчезло в тумане боли и безумия...

Воротник перестал душить Райленда — он больше не пытался что-либо сказать.

И даже не пытался думать на эту тему.

Память его была стерта.

Глава XX

Яркий свет ударил по глазам.

Над Райлендом склонился человек в белом.

Он не сразу понял, что это не доктор Трейл, а Донвуд. Еще больше времени ушло на то, чтобы вспомнить, где и почему он находится.

Постепенно приходя в себя, Райленд пошевелился — ремни были уже отстегнуты. Ну да. Вот стоит Донвуд, а эта девушка, повернувшаяся спиной — Донна Криири...

И вдруг он вскочил, широко открыв глаза.

Третьим в импровизированной операционной был не Куивера. С хладнокровием кобры, приготовившейся к прыжку, за ним наблюдал офицер Технокорпуса.

Рука Райленда метнулась к шее...

И коснулась привычного холодного закругления воротника.

Кольцо было на месте.

— Что... — выдохнул он, — что случилось?

— Мы не успели, — сочувственно сказал Донвуд. — Как только началась операция, крейсер пробил воздушный пузырь Рифа. Едва залатал тебе надрезы, мы снова попали под опеку Плана Человека. — Он машинально потрогал шрам на шее. — Мне очень жаль, что ты остался с воротником, Райленд. Да и я, если не ошибаюсь, скоро надену свой.

Девушка повернулась, и Райленд получил третий удар.

Это была не Донна.

— Где мисс Криири? — закричал он.

— Она в безопасности, — пророкотал гигант. — Насколько вообще человек может быть в безопасности под властью Плана. Здесь ее отец, она пошла к нему.

Райленд сглотнул — память об агонии сдавила горло.

— Могу ли я... Могу ли я их видеть?

— Пойду скажу, что ты пришел в себя, — согласился Донвуд. — Но должен предупредить — от Криири получить помощь не рассчитывай. Он, собственно, уже не Планирующий, а опасник.

Закутавшись в простыню, Райленд ждал, сидя на краю складного стола. Через несколько минут в пещеру влетели Донна и ее отец. Лицо бывшего Планирующего посерело, под ним поблескивало хромированное кольцо воротника, отражая фантастический свет кристаллов. Сопровождали их два офицера — полноватый полковник в рогатом радарном

шлеме и сержант-связист с футляром портативного теле-тайпа.

Донна взволнованно повторила рассказ Донвуда.

— Я надеялась, — грустно закончила она, — что отец поможет тебе снять воротник, а теперь...

— А теперь мне не избавиться от собственного, — натянуто улыбнулся Планирующий. — Положение, как видите, изменилось. Мои обязанности теперь выполняет наш старый друг генерал Флимер. Меня же переквалифицировали и отправили в эту опасную экспедицию.

Он с неловким видом оглянулся на полковника.

Лицо Донны дрогнуло.

— Что это за экспедиция, отец?

— Она связана с развитием Плана Человека. Когда Машина получила доказательство бесконечных возможностей развития при освоении Рифов космоса, она подготовила проект второй ступени Плана, на которой избыток природных ресурсов Рифов покончит с жестоким нормированием благ. Но, к сожалению, этот этап не начнется, пока новый край не будет открыт для большинства людей, а для этого необходима нереактивная тяга.

Бывший Планирующий сделал паузу. Его измученные глаза пронизательно взглянули на Донвуда, с сожалением — на Райленда, без всякого выражения — на полковника Технокорпуса.

— Генералу Флимеру удалось убедить Машину в моей некомпетентности, — продолжал он, переводя потухший взгляд на Райленда. — Вы ведь знаете о многочисленных авариях ваших силовых катушек? Так вот. Флимер свалил ответственность за катастрофы на меня, в результате чего я и был смещен. Но сумел настоять на еще одной попытке разгадать секрет нереактивной тяги — Флимер помешать не смог. И теперь это — мое задание. Я собственными глазами видел, как пространственники вылетели навстречу крейсеру. И должен узнать, каким образом они передвигаются.

Но надежды в его голосе не было.

— Если даже Райленд не смог найти ответа, то я сомневаюсь, что он вообще существует, — сказал Донвуд.

— Но... Я нашел его!

Воротник вдруг стал очень тесным. На мгновение горло Райленда парализовало. В сознании начал сгущаться прежний туман. Он в панике оглянулся на девушку, и ее улыбка пронзила туман солнечным лучом.

Райленд вспомнил.

И мог говорить.

Он быстро описал в общих чертах свою теорию эквивалентности момента движения и новой массы, которая соотносила полет пространственника с расширением Вселенной. Описал двигатель, схема которого четко вырисовывалась в мозгу.

Полковник скептически наблюдал, как они обсуждают детали конструкции и диктуют сообщение сержанту-связисту. Потом наступило время ожидания.

Сначала информацию обрабатывала специальная секция Машины на борту крейсера.

Потом радиоволны понесли сообщение на Землю.

Время шло.

Райленд смотрел на взволнованное лицо Донны и вспоминал забинтованного «сборного» человека, который бешено рвался и бушевал в привязных ремнях.

Значит, сам он не был «подсадной уткой»!

Значит, рассказ Анжелы был злостной ложью!

Внезапно защелкал телетайп.

Райленд, бывший Планирующий, Донвуд и Донна сгруппировались вокруг сержанта, чтобы прочесть ленту, но полковник начальственным жестом велел всем отойти в сторону.

Через несколько секунд рука его потянулась к кнопке управления радаром...

Но выражение лица изменилось.

— Я знал, мистер Планирующий, я знал, что Флимер — не более чем предатель, которому повезло! — В голосе полковника звучала искренняя радость. — Теперь он получит по

заслугам! Любой человек с частицей здравого смысла в голове понимал, что нереактивная тяга должна быть создана! — Он крепко пожал руку Планирующему. — И я рад первым поздравить вас, сэр. И вас, мистер Райленд. Специальная секция Машины на борту крейсера завершила предварительную оценку вашего изобретения и передала сообщение основному комплексу на Земле, предупреждая о необходимости подготовить переход Плана на вторую ступень, на которой свобода и богатство космического пространства делают нынешние строгие меры безопасности ненужными и невозможными. И, как первый шаг претворения этого дела в жизнь, она транслирует радарный импульс...

Райленд услышал, как в кольце что-то щелкнуло.

Воротник раскрылся.

Словно под воздействием того же импульса, девушка сделала шаг вперед и оказалась в его объятиях.

Прижавшись друг к другу, они выплыли из пещеры в волшебное мерцание маленького Рифа. Над ними нависал громадный серый корпус крейсера Плана, который больше не был врагом.

За ним сияли звезды.

Звезды. Бесконечный, непочатый край для освоения людьми. Солнца, в пространстве между которыми постоянно рождается новый водород, подобно тому, как жажда свободы постоянно возрождается в человеческом сердце.

— Миллионы, миллионы новых миров... — прошептал Райленд.

— Которые увидят наши дети! — громко и уверенно закончила Донна.

ДИТЯ ЗВЕЗД

Глава I

Это был день, час, мгновение весеннего равноденствия на Земле... и вдруг ближайшие звезды на мгновение погасли.

Целая их дюжина мигнула одновременно. Сверкающий Сириус и его сверхплотный спутник-карлик. Ярко-желтые близнецы Альфы Центавра. Тусклая красная точка Проксимы... далекие огоньки Эты Эридана и 70-А Змееносца... и само яркое Солнце.

Могучие космические моторы объявили о перерыве в своем вращении: в синтезе более крупных ядер из мелких, трансформации избытка массы в энергию, просачивании этой энергии сквозь слой будущего газа, излучении энергии ядер в пространство.

На берегах земных океанов, в кратерах Луны, в песчаных пустынях Марса, на спутниках Сатурна и за космической завесой на самих Рифах все миллиардоголовое человечество вздрогнуло, зашевелилось и познало страх. По всей Галактике пронесся фотонный шепот, летя со скоростью света:

— ДИТЯ ЗВЕЗД!

Так все началось.

Мигание ближайших звезд продолжалось всего несколько секунд, и сначала его заметили на Рифах, ближайших к данной звезде. Потом медлительный Плутон поймал подмигивание 70-А Змееносца. Тем временем Нептун, не спеша крутившийся по своей погруженной во мрак орбите по другую сторону, первым заметил потускнение белого накала Сириуса. На Землю, где старый растолстевший Планирующий сидел, хихикая, в своем золотом кресле, все пульсации тьмы прибыли одновременно. Планирующий

перестал хихикать. Его обрюзгшее лицо помрачнело. Когда астрономы доложили о случившемся, он взорвался гневом.

Первые доклады пришли из подземной обсерватории в зоне терминатора на плане! е Меркурий, где на дне кратера с зазубренными краями медленно раздвинулись бетонные плиты, открывая ствол шахты.

Из шахты неспешно выдвинулся в блеск близкого Солнца серебряный купол. Из-под громадной полусферы выползли стволы дюжины оптических и радиотелескопов, пирометров, телекамер. Над ними сияли бронзовые литеры:

НАИМОГУЩЕСТВЕННЕЙШИЙ НАГРАЖДАЕТ НАИВЕРНЕЙШИХ

Внутри бронированной, охлаждаемой, термоизолированной обсерватории три астронома напряженно следили за сотней индикаторов и циферблатов. Они ждали.

Потому что были предупреждены.

Старший вахтенный офицер поднял глаза от циферблата хронометра и проворчал:

— Пять минут!

Двое остальных молча следили за своими приборами. Поседевший капитан Технокорпуса взглянул на них в бледном свете экрана, который заглушал отсветы шкал и индикаторов. На экране плавало изображение Солнца, золотого, распухшего, медленно протягивающего толстые щупальца свехраскаленного газа. Солнце висело над ощерившимся пиками скал горизонтом Меркурия.

— Ну же, — проворчал он наполовину сам себе. — Мы готовы.

Самым младшим членом вахты был худощавый молодой тех-кадет, честолубивый юноша, уже познавший на опыте тяжелую реальность службы и продвижения в Технокорпусе. Он осмелился заметить:

— Готовы — но к чему? По-моему, это идиотский блеф.

Старший офицер повел в его сторону желтоватым взглядом, но ничего не сказал.

— Разве? — проворчал третий астроном. Это был невысокий полноватый тех-лейтенант, недавно повышенный в звании и поэтому склонный к оптимистическому взгляду на мир. — Значит, задание Машины — тоже идиотское?

— Нет, постой! Я не имел в виду...

— Понятно. Но ты забыл и подумать заодно. Машина следит за всем Планом, мы исполняем только частные задания. Если Машина уделяет внимание этому забавному существу, называемому Дитя Звезд, то мы не можем подвергать сомнениям ее мотивы.

Тех-кадет показал на огромный солнечный шар и сердито воскликнул:

— Посмотри! Что может погасить его?

Тех-лейтенант пожал плечами, а старший офицер сказал только:

— Осталось четыре минуты.

Военная дисциплина кадета успела обветшать за время долгой вахты. Серdito нахмурившись, он взглянул на показатели телеметрических пирометров.

— И с места не двигаться! Мы здесь уже три недели, и ничего не увидели.

— Мы останемся еще на три года, если прикажет Машина, — пророкотал капитан. — Машина не совершает ошибок. Она была построена, чтобы управлять Планом, и предохранена от человеческих оплошностей.

— О, да, сэр. Но мы ведь совсем ничего не обнаружили! — воскликнул кадет. — Никаких детей звезд. Никаких крупных пятен — или что мы там должны были увидеть.

— Развивай терпение, — посоветовал ему толстый капитан. — Или тебе придется послужить Плану более непосредственным образом. В орган-банке всегда нужны запасные органы. Осталось три минуты.

Кадет немедленно умолк. Все трое сидели, пристегнувшись, в креслах наблюдателей, следя за большим золотистым изображением Солнца. Закутанное в красные потоки короны, испещренное в средних широтах оспинами мелких

черных пятен, оно висело над темным горизонтом, словно глаз бога. Приборы в кабине пощелкивали и попискивали.

— Я видел, — сказал наконец тех-лейтенант, как бы про себя, — Солнце неотличимое от других звезд. Даже не ярче Веги.

— Вы были там, в Рифах? — возбужденно воскликнул кадет.

— Две минуты, — проворчал капитан, но взгляд его был обращен к молодому лейтенанту.

Тот кивнул.

— Искал... дружка моей сестры. Или жениха? Его звали Бойс Ганн. А он искал Дитя Звезд. И мы не нашли ни первого, ни второго.

— Я никогда не видел Рифов, — только и сказал кадет.

— Очень красиво там, — сказал лейтенант. — Шипастые силиконовые растения, сверкающие собственным светом. Как драгоценные камни, и такие острые, что запросто проткнут скафандр. Еще встречается растение, у него такие наросты из чистого серебра, напоминают по форме мозг. Попадаютя платиновые и золотые черенки, а еще штуки вроде цветов — они из чистого алмаза.

Дыхание кадета вдруг стало шумным, и седой капитан обернулся, посмотрев на него. Недавнее презрение исчезло, уступив место тоске — и некоторому страху.

— Займись своим делом, парень, — проворчал он отрывисто. — Рифы — опасная тема!

— Да, сэр, — с серьезным видом согласился тех-лейтенант. — Там опасно. Я видел громадного монстра величиной с лошадь, с туловищем скорпиона...

— Молчи, болван! Рифы опасны для Плана Человека. Мы однажды уже едва не погибли из-за этих Рифов. Если Дитя Звезд настоит на своем...

Тут он прервал себя и сказал только:

— Одна минута!

Тех-лейтенант покраснел.

— Прошу прощения, сэр. Я совсем не хотел начинать непланированный разговор. Я даже не предполагал представить эти орды дикарей, скитающихся за Космическим Заслоном, как что-то стоящее внимания, даже если они верят, будто Дитя Звезд — сверхчеловек...

— Следы за приборами. — Капитан подал пример, отвернувшись от товарищей и уставясь на экран, на ряды циферблатов и указателей на панели перед собой. Какая-то заблудившаяся мысль вдруг заставила его вспомнить о светлотоволосой девушке-общительнице, которая первая прошептала ему эти два слова: «Дитя Звезд». Что случилось с ней потом? Попала в орган-банк?

Но времени на воспоминания не оставалось. До срока всего тридцать секунд.

Несмотря на работу рефрижераторов и идеальную изоляцию купола, в кабине вдруг стало душно. Капитан почувствовал, как по спине стекают струйки пота.

— Двадцать секунд!

Глаза капитана прикипели к бегущей черной стрелке хронометра, догонявшей красную. Когда черная соединится с неподвижной красной, наступит момент весеннего равноденствия на Земле. И угроза Звездного Дитя окажется пустым блефом... или не окажется.

— Десять секунд!

Скрытые в полу лампы погасли. Теперь только свет циферблатов соперничал с фосфорическим сиянием изображения Солнца на экране.

— Пять секунд... четыре... Три!..

Двадцать катушек с лентой закрутились в темноте. Дыхание со всхлипом вырывалось из легких людей, словно всхлипы.

— Две... Одна!..

— НОЛЬ!

Капитан сглотнул и протер глаза.

Изображение Солнца гасло. Потом были убраны фильтры, вспышка яркости — и темнота.

Свет вдруг погас. Полностью. Изображение Солнца на экране словно смахнуло рукой. Он услышал, как кто-то из его людей громко вздохнул, потом закричал:

— Дитя Звезд! Это он!

— Мы ослепли! — всхлипнул второй.

И это было только началом. Но это еще не все.

Круги по воде от брошенного в тихий пруд камня — волна тьмы разошлась от Солнца во все стороны. Три минуты спустя после момента весеннего равноденствия она достигла щелкающей в куполе на Меркурии камеры, невидимая для потерявших способность видеть глаз.

Спустя немногим менее трех минут волна поразила наблюдателей на орбитальных станциях вокруг вечно раскаленной, закутанной в облако Венеры. Тень ужаса накрыла их, они побледнели, но продолжали видеть свет приборов и не были, казалось, ослеплены последней вспышкой яркости Солнца, как люди на Меркурии.

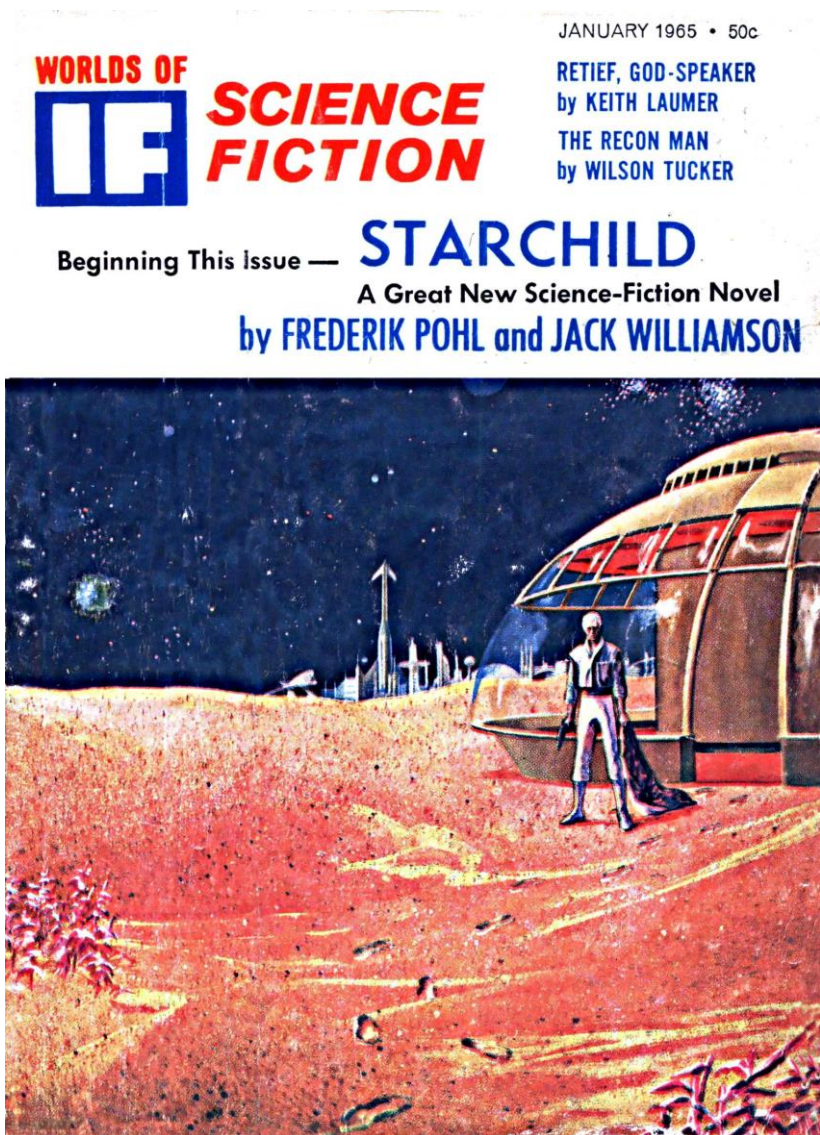
Пройдя путь в восемь минут, волна темноты омыла Землю. На всей солнечной стороне планеты внезапно наступила кромешная тьма. В ошеломлении люди застывали на месте, пока спустя несколько секунд не оживали городские огни. Ужас пронизывал тех, кто слышал об угрозе Звездного Дитя. На ночной стороне Земли и на Луне астрономы заметили, как погасли на мгновение знакомые звезды-соседи, и многие побледнели. Кое-кто слышал о Звездном Дитя и о Требовании Освобождения. Остальные просто увидели вдруг, что в узоре световых пятнышек, отраженном от огромных вакуумных зеркал или преломленном линзами, глядевшими в небо на высочайших горах Земли, вдруг пропали так хорошо знакомые световые точки.

Потом они снова возникли...

Но Солнце не загорелось. Пока. Пока не прошло полчаса и даже больше. Тем временем началась паника. Новость достигла Планирующего, восседавшего в золотом кресле, и он позабыл о своем вчерашнем приятном расположении духа. Его дряблое толстое лицо побелело от страха.

О том, что происходит, человек по имени Бойс Ганн узнал косвенным путем — он услышал, как охрана камеры в недрах Машины, где он был заключен, начала перешептываться:

— ДИТЯ ЗВЕЗД!

К девушке с отрешенным взглядом, разговаривавшей с бусинками-сонарами перед консолью Машины, эта весть до-неслась в словах языка, изобретенного не человеком, языка, который мало кто мог бы понять. Имя девушки было Дельта Четыре, и она не испытывала страха. Ей было все равно...

Таким образом это началось для них всех, а потом волна темноты унеслась дальше, в бесконечное пространство.

Через двенадцать минут она нахлынула на Марс, приостановив новый грандиозный проект извлечения кислорода и воды из мертвой коры планеты. Заместитель Планирующего на Марсе, плохо спланированный человек, который своими глазами видел Требование Освобождения, выхватил у охранника лазерный пистолет и застрелился.

В течение следующей четверти часа тень омыла астероиды, напугав нескольких, оставив остальных равнодушными — те просто не знали о происходящем, погрузившись в шахты, прорытые в богатых драгоценными ископаемыми недрах крохотных планет, или же были настолько утомлены и отуплены непрерывной тяжелой борьбой за жизнь и трудом, что испугать их уже ничто не могло.

Мчащаяся вперед волна темноты достигла разбросанных по спутникам Юпитера станций Плана. Она заставила погаснуть кольца Сатурна, поглотила спутники Урана и Нептуна. Она упала на Командный комплекс Космического Занавеса, расположенный на далеком Плутоне, где ее заметили только те, чьи глаза случайно обратились к Солнцу — но и они испугались.

Волна затопила и сам Космический Заслон — скорее сеть, чем стену, сеть разбросанных с большими промежутками станций, лазерные излучатели и патрульные корабли которых следили за малоисследованными бесконечными пространствами вне пределов Системы, готовые защитить План Человека от пришельцев из Рифов или от таких врагов, как Дитя Звезд.

Волна неожиданного страха заставила команды тысячи медленно вращающихся космических фортов послать

аварийные вызовы патрульным кораблям, на которых взвыли десять тысяч аварийных сирен. Замигали лазерные лучи, передавая миллионы сигналов, несущих замешательство и ужас.

Через сутки пути, за орбитой Плутона, волна достигла границ Солнечной Системы, снежноледяных пропланет из твердого метана и аммиака. На столь далеком расстоянии от Солнца его гравитационные руки не смогли собрать их в настоящие планеты.

И наконец, спустя дни после прохождения последнего погруженного в панику форпоста Плана, волна начала заливать Рифы Космоса.

Но там, на Рифах, на этих живых астероидах, выросших за века работы микроскопических организмов, фузоритов, поглощавших разреженные моря межзвездного водорода, эта волна темноты не означала ничего ужасного. Она стала еще одним событием в жизни, полной опасностей и чудес.

На одном из маленьких рифов одинокий старатель с раздражением взглянул в ту сторону, где только что было Солнце. Потом он порылся в рюкзаке, отыскал светящийся кристалл фузоритного алмаза и снова принялся сверлить породу.

На другом Рифе проповедник Церкви Звезды посмотрел на часы, потом на небо. Он не испугался, увидев, что Солнце исчезло. Он ждал этого.

Он повернул лицо к голубому сверкающему Денебу; опустился на колени, прошептал несколько слов благодарности и мольбы. Потом он вернулся к работе, заканчивая космосапог, потому что по профессии был сапожником.

Тень прошла над могилой, но ее никто не увидел, там никого не было, даже трупа — могила была пуста.

Волна тени легко пронеслась над городом решительных закаленных беглецов из мира Плана Человека — большим скоплением Рифов, где строилась великая космическая армада из фузоритной стали. Девушка по имени Карла Сноу

смотрела, как гаснет Солнце, и в глазах ее ярко отблескивали слезы.

На другой живой скале пастух внимательно охранял принесшего детенышей пространственника из своего стада от нападения хищного пиропода. Притаившись за выступом органического железа, посматривая время от времени на разрешающегося от бремени пространственника, он искал среди звезд бронированных убийц, стараясь отпугнуть их короткими вспышками из лазерного пистолета. И он не заметил, что Солнце вдруг погасло.

Вот как это началось для всех — для всех живущих мужчин, женщин и детей.

И тридцать девять минут спустя Солнце снова принялось изливать мощный поток света и тепла, но волна сияния, прокатившаяся по Солнечной Системе, увидела уже изменившийся мир.

Атомные моторы Солнца снова вращались. Водород синтезировался в гелий через углеродный цикл. Энергия просачивалась к поверхности Солнца. Радиация устремлялась в пространство.

Три минуты спустя волна излучения ударила в термоизолированный купол на Меркурии. Это зарегистрировала щелкающая камера, данные проанализировали тысячи автоматических приборов. Всхлипывая от радости — или ужаса — ослепленные астрономы послали на Землю сигнал лазерным лучом: «Солнце ожило!»

Но свет самого Солнца достиг Земли раньше сообщения.

Первые лучи возродившегося Солнца коснулись горы, где сидел в золотом кресле Планирующий. На плече его устроился серый металлический сокол, бросавший по сторонам сердитые взгляды красных светящихся глаз, шелестя стальными крыльями. Планирующий глядел на лист пергамента кремового цвета, в заголовке которого значилось:

ТРЕБОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Пергамент был доставлен Планирующему одним из личных охранников, который обнаружил свиток у дверей кабинета. В документе говорилось:

«Дитя Звезд требует освобождения всех своих последователей, которые удерживаются на службе Плана с помощью воротников безопасности.

Дитя Звезд требует, чтобы все его последователи, направленные в орган-банк, были приведены в первоначальный вид и также освобождены.

Наконец, Дитя Звезд требует, чтобы препятствие, называемое Космической Завесой, было демонтировано и был разрешен свободный доступ к Рифам Космоса и от Рифов Космоса к планетам Системы.

Дитя Звезд сознает, что План Человека мнит себя неуязвимым, и поэтому подготовил предупреждающую демонстрацию своих возможностей. В момент весеннего равноденствия на Земле Солнце будет погашено.

Двенадцать ближайших звезд мигнут.

Если Планирующий откажется пойти навстречу требованиям Дитя Звезд после этой демонстрации, то будут приняты дальнейшие меры. Следствием окажется уничтожение Плана Человека».

— Непланированная чушь! — застонал Планирующий. — Наглость! Предательство!

Высокий полковник Технокорпуса натужно произнес:

— Сэр, мы должны принять меры...

— Меры... — проворчал Планирующий, а его стальной сокол тем временем со звоном ударил крылом о крыло. — Что говорит Машина?

— Нет данных, сэр, — ответила девушка в халате с капюшоном. Голос ее звучал, как далекая музыка, выражение лица было безмятежным.

— Нет данных! Найдите мне данные! Узнайте, кто такой Дитя Звезд! Объясните, как он это проделал... и как мне помешать ему сотворить то же самое еще раз!

Тех-полковник кашлянул.

— Сэр, уже несколько лет мы получаем донесения о Церкви Звезды. Это новая религия, возникшая, по всей видимости, в Рифах...

— Опять Рифы! Их нужно было уничтожить двадцать лет назад!

— Да, сэр. Но мы этого не сделали. И колонисты, то есть, сэр, бродяги, живущие среди Рифов, изобрели новое суеверие. Они поклоняются, кажется, звезде Денеб. Она же Альфа Лебеда, верхняя оконечность Северного Креста. Они воображают, что на ее планетах находится рай. Они желают переселиться туда, по крайней мере, некоторые из них желают, хотя при максимуме возможностей современного космолета, — продолжал полковник серьезным голосом, — способного развить одну сотую скорости света, учитывая четверста световых лет расстояния до Денеба, путешествие займет не менее сорока тысяч...

— Ближе к делу! — раздраженно окрикнул Планирующий. — Что такое этот Дитя Звезд?

— Э-э, сэр, исследуя этот новый культ, мы наткнулись на слухи о такой личности. Несколько лет назад мы решили послать, гм, особого уполномоченного, чтобы провести расследование по этому делу. Имя уполномоченного было Бойс Ганн, сэр, и...

— Приведите его ко мне! Он здесь, на Земле?

— Да, сэр. Но... видите ли, сэр, он вернулся неожиданным образом. Фактически... — лицо полковника представляло полную картину замешательства, — я должен признаться, сэр, что не знаю точно, каким образом он к нам вернулся.

— Болван! — закричал Планирующий. — Приведите его ко мне! Мало ли чего вы не знаете! Доставьте мне Бойса Ганна!

И это тоже было начало. Но практически многое началось еще раньше.

Для Бойса Ганна все началось за много месяцев до того, как он стал шпионом.

Глава II

Для Бойса все началось на станции Поларис — большом металлическом обруче, плавающем в ледяном пространстве за Плутонем, который служил одним из звеньев завесы, отделявшей планеты Плана Человека от Рифов.

Бойсу Ганну было всего двадцать шесть лет, и он был уже оператор-майором.

Он имел шесть футов росту, каштановые волосы, голубые глаза. Он был широк в плечах и строен в талии. Он двигался с грацией веселого кота. У него был вид человека, умеющего за себя постоять, и таким он был на самом деле.

Он прибыл на борт станции Поларис с веселой улыбкой и обезоруживающим взглядом ярко-голубых глаз.

— Докладывает Бойс Ганн, сэр, — обратился он к вахтенному офицеру. — Тех-кадет Ганн прибыл в ваше распоряжение.

Это была жизнерадостная ложь. Он не был кадетом, но в шпионской школе на Плутоне офицеры-инструкторы решили дать ему это новое звание, чтобы облегчить выполнение задачи. Оператор-майор — важная персона. За ним будут наблюдать. А кадет мог ходить, где угодно и видеть все, что угодно.

Вахтенный офицер выдал ему предписание на место в каюте, помог расположить вещи в багажном отсеке, пожал руку, приветствуя нового члена команды, и приказал явиться к коменданту станции машин-полковнику Мохамеду Зафару.

В задание Ганна входило расследование по поводу слухов о странной анти-Плановой деятельности на станции Поларис. Ганн был солдатом Плана и едва ли мог вообразить анти-Плановость иначе, как нечто прогнившее насквозь, мерзкое, злобное и вредное. Прибыв на станцию, он ожидал увидеть беспорядок и развал, встретить экипаж, превратившийся в угрюмых оппозиционеров.

Но дисциплина оказалась в порядке. Люди выглядели вполне опрятно. По пути через пластиковые коридоры кольца станции, высоко подпрыгивая в слабом поле тяготения, он отметил, что все металлические части ярко начищены. Но у него была задача, и он знал, как с ней справиться.

Он постучал в дверь кабинета коменданта и получил разрешение войти. Вытянувшись по стойке «смирно», Ганн отдал честь по всем правилам.

— Тех-кадет явился по предписанию, сэр!

Машин-полковник, как и положено, отдал честь. Это тоже слегка удивило Ганна, но он не позволил удивлению проступить из-под военной выправки и симпатичной улыбки. Машин-полковник Зафар оказался невысоким смуглым человеком в тщательно выглаженной белоснежной форме. Вид он имел столь же прочный и непоколебимый, как сам План.

— Добро пожаловать на борт, кадет, — сказал он. — Передайте мне ваше предписание, пожалуйста.

— Есть, сэр! — Предписание Ганна тоже было подделкой. В соответствии с ним он являлся оператором лазерных устройств, только что прибывшим с Земли. В документе не упоминалось его настоящее звание, так же, как и интенсивная подготовка на Плутоне. Комендант внимательно прочел предписание, потом кивнул.

— Кадет Ганн, — сказал он тихим голосом, твердо выговаривая слова, — мы рады вашему прибытию на станцию Поларис. Как вам известно, эта станция является важным звеном Завесы. Нашей первейшей обязанностью является обнаружение и предотвращение незаконной коммуникации между Планом Человека и районами за Плутоном, так называемыми Рифами Космоса. Вторая наша обязанность — следить по мере возможности за активностью в самих Рифах. Радарные, лазерные и оптические системы — сердце этих двух задач. Поэтому, кадет Ганн, вы исполняете наиболее ответственную часть нашей работы. Не подведите нас.

— Сэр! — торжественно сказал Ганн. — Я не подведу! Я служу Плану Человека без сомнений и отдыха.

Он отдал честь и вышел.

Но, прежде чем выйти, он уронил свои документы и тут же подобрал их, сверкнув в сторону полковника извиняющейся улыбкой.

Он вышел с высоко поднятой головой. Потому что в тот момент, когда он поднимал предписание и находился вне поля зрения коменданта, он прикрепил подслушивающее устройство — «жучка» к нижней поверхности стола машин-полковника Зафара.

В течение следующего часа Ганну на шею был надет воротник безопасности.

Он ждал этого. В таком уязвимом и важном устройстве, как станция, каждый член команды носил железные воротники. Таким образом он мог быть уничтожен в любой момент и в любом месте. Иного пути не было. Сошедший с ума космонавт, предатель, пробравшийся к запасам топлива, пьяный оружейник у пульта мощных ракет станции — любой из них мог нанести столько вреда, что необходимо было иметь постоянный контроль за каждым человеком на борту.

И все же чувство было неприятное. Ганн притронулся к кольцу, и улыбка покинула его жизнерадостное лицо. Было трудно сохранять спокойствие, зная, что кто-то или что-то — Машина на далекой Земле, или один из ее ближайших спутников-трансляторов, или офицер безопасности на Плутоне, или комендант станции Поларис — могут одним радарным импульсом включить взрыватель, и тогда заряд мгновенно обезглавит Ганна.

Соседом Ганна по каюте оказался высокий худощавый нигериец, тех-кадет по имени М'Буна. Прогуливаясь у двери в отсек Службы Безопасности, поджидая Ганна, он увидел невольный жест последнего и засмеялся. Когда они оба направились к своему служебному посту, М'Буна сказал:

— Щекочет нервы, а? Ты не волнуйся, если он вдруг срывается, ты об этом даже не узнаешь!

Ганн усмехнулся. Ему понравился М'Буна. Уже при первой встрече он понял, что найдет в нем внимательного и умного товарища. Но сразу поспешил ответить:

— А кому нравится воротник? К тому же... — он сделал паузу, оглянулся по сторонам. — Я слышал, что имеются в одном месте люди, которые умеют избавляться от них. Там, в Рифах. Они знают секрет — как снять воротник.

— Я такими вещами не интересуюсь, — напряженным голосом сказал М'Буна. — Вот наш отсек.

Ганн кивнул и продолжать разговора не стал. Но четко отметил один факт, очень важный факт, которого не заметил М'Буна. В намеке Ганна имелся призыв к анти-Плановому поступку, предательству Плана. Обязанности М'Буны были очевидны: он должен был оборвать Ганна на месте, потребовать немедленных объяснений — на что он намекал? — и потом немедленно доложить о словах Ганна.

Огромная, как океанский лайнер, хрупкая, как воздушный змей-дракон, станция Поларис представляла собой большое колесо из пластика. Вращение создавало центробежную силу, достаточную, чтобы обеденный суп команды не вылетел из тарелки, а тарелка держалась на столе. Ступица же колеса была неподвижна. На одном ее конце находился купол радарно-лазерной следящей системы, на другом — воздушные шлюзы.

Станция была запущена в этот район более четверти века назад, чтобы исследовать скопление Рифов непосредственно к северу — в галактических координатах — от Солнца. Скопление аммиачного снега, снабдившего старые ядерные ракеты реактивной массой, по-прежнему находилось в поле зрения радаров, вращаясь в сотне миль от станции по их общей орбите. Теперь в реактивной массе не было необходимости, но снеговое скопление могло еще послужить. Оно превратилось в космическую помойку, сборник отходов станции, которые доставлялись на его поверхность после каждой вахты, чтобы частицы мусора, вращаясь по

свободным орбитам, не мешали следящим системам станции и не вызывали ложных тревог.

За сорок восемь, часов своего пребывания на станции оператор-майор Бойс Ганн установил «жучков» в кабинетах коменданта, старшего помощника, интенданта и начальника Службы Безопасности. Каждый такой миниатюрный приборчик передавал на тайной волне любое слово, произнесенное в этих святая святых. Ганн лично прослушивал передачи, когда время позволяло. В остальное время сигналы записывались специальными устройствами на Плутоне, затем передавались на Землю, непосредственно в подземную цитадель Планирующей Машины.

Но «жучки» ничего не помогли ему выяснить.

Ганну был дан более чем ясный приказ: ИСКАТЬ И ВЫЯВИТЬ ВРАГОВ ПЛАНА. Все остальное относилось к категории слухов. Какие-то крупномасштабные контрабандные операции, перевозка ценных стратегических материалов с внутренних планет Плана в Рифы. Какой-то странный новый культ — грозящий объединением всех Рифов против внутренних планет. Предводитель его, призывающий к бегству в Рифы... Утечка информации в системе безопасности... Но была ли здесь доля истины — если вообще могла быть — этого Ганну не сказали. Не в правилах Безопасности было разъяснять детально агентам, что они должны искать. Считалось, что время свое они используют наиболее продуктивным способом, идя по собственному следу — или несколькими следам.

Но здесь вообще не было следов — никаких.

Во всяком случае, действительных следов. Несколько неосторожных реплик за столом. Какие-то запасные части к лазерным батареям исчезли без достаточно убедительного объяснения. Даже за меньшие промахи люди попадали в орган-банк. Это были анти-Плановые беспорядки. И со станции Поларис кое-кто тоже отправился на утилизацию, потому что Ганн аккуратно зафиксировал имена и данные. Но

он был уверен, что должен искать нечто гораздо более серьезное и опасное, чем ошибку небрежного офицера.

За неделю Ганн убедился, к своему удовольствию, что, если и существует крупное анти-Плановое подполье, то не на станции Поларис.

Искать нужно было в другом месте.

Но в каком?

Он успел побывать там дважды, пока сообразил, где может находиться это «другое места».

Как член младшего персонала, Ганн вносил свою лепту в КВ — камбузную вахту, а также в команду по уборке, избавлению от отходов и так далее. Как правило, такая работа была не из обременительных. Высококачественные духовки и киберуборщики исполняли почти всю работу. Людям оставалось только убедиться, что все автоматы работают как, следует. И даже короткий рейс со станции на снеговую полойку был приятным разнообразием в рутинной жизни.

Он отправился в мусорный рейс вместе с М'Бунной, и они коротали время за отрывочными разговорами у пульта «шаланды» — нереактивного космического тягача — пока контейнеры с мусором самостоятельно опорожнялись и возвращались на место. М'Буна никогда не вспоминал о давней реплике Ганна — насчет воротников безопасности. И Ганну тоже не удавалось навести его на разговор на неплановую тему, он даже оставил попытки. Они разговаривали о доме. Обсуждали проблемы продвижения по службе. А также достоинства девушек.

У Ганна была одна девушка. Ее звали Джули Мартин.

— Маленькая такая, — серьезным голосом говорил Ганн, — и с такими красивыми черными глазами. Она меня ждет. Когда я вернусь...

— Правильно, — сказал М'Буна. — Так вот, та девушка, которая была у меня в Лагосе...

— Ты говоришь о той девушке, — сказал Ганн, — а Джули была не та, она была моя девушка. Единственная, все остальные не в счет.

— Отчего же ты никогда не получаешь от нее писем? — спросил М'Буна.

Ганн замер.

— Она не любит писать письма, — сказал он после секундной паузы, ругая себя. Какой глупейший промах! Он не получал писем от Джули Мартин по одной весьма существенной причине — письма эти накапливались на Плутоне, ожидая его. Он был в этом уверен — сюда их не могли переслать. Слишком велик был риск, что кто-нибудь прочтет одно из писем и по косвенным замечаниям догадается, что Ганн — не тот простой техник-лазерщик, каким кажется.

При первой же возможности Ганн сменил тему разговора.

— Слушай, — сказал он, — что это на экране?

На экране радара маленькая искорка сигнала опускалась с легкостью перышка на поверхность снежной протопланеты. Какой-то мусор, несомненно. Ничего больше. Ничего необычного не было в том, что часть партии отходов вырвалась из непрочных оков и принялась кружить в пространстве, чтобы через минуты или часы все-таки осесть на поверхность.

Но М'Буна, мельком взглянув на экран радара, сказал как бы между прочим:

— Наверное, это комендант. Он время от времени проверяет, все ли здесь в порядке.

Тщательно стараясь скрыть охватившее его возбуждение, Ганн сказал:

— Интересно, что он тут делает.

М'Буна пожал плечами, протянул руку и повернул выключатель. Контейнер опорожнился и вернулся в корабль.

— Знаешь, что, — сказал Ганн, — давай поглядим, что там такое.

Он не стал ждать ответа. Контейнер вернулся в гнездо, «шаланда» была в готовности — ничто не могло помешать ему. Он включил корректирующие курсовые ракеты. «Шаланда» двинулась вперед.

— Нет! Брось, Ганн. Старик вовсе не обрадуется, если заметит, что мы за ним подсматриваем, — с напряжением в голосе сказал М'Буна.

Но Ганн не слушал его. Он был целиком поглощен наблюдением за экранами.

Если машин-полковник Зафар совершает тайные визиты на планетоид, то должна иметься на то причина. И он должен выяснить, что это за причина. Он дал на экран максимальное увеличение, и навстречу ему прыгнула поверхность маленькой протопланеты, состоявшей из замерзших газов.

Планетоид был в восемь или десять миль толщиной, формой напоминая более контейнер для золы, чем шар. Для дальних протопланет из метана и водорода он был необычно плотным — подходя поближе к Солнцу, он бы превратился в крупную комету. Его зеленоватая кора из твердых газов выглядел на экране медленно крутящейся метелью. Потревоженный толчком выброшенного мусора, весь планетоид вибрировал, покрывавший его газовый снег медленно вздымался и опадал волнами.

И больше ничего не было видно.

Но даже небольшой планетоид имеет солидную площадь поверхности — по человеческим меркам. Где-то здесь находился полковник Зафар. Ганн снова протянул руку к пульту двигателя, чтобы пустить корабль в облет протопланеты.

Какой-то шум отвлек его.

Он обернулся и увидел, что М'Буна подался в его сторону, на лице его было странное выражение ненависти и жалости, смешавшихся вместе. В руке он держал блестящий металлический карандаш, направив его в сторону Ганна.

В оставшуюся у него долю секунды Ганн успел лихорадочно подумать: «Если бы я только мог послать сообщение... Здесь происходит что-то анти-Плановое...»

И эта мысль была последней. Он услышал шипение и едва успел понять, что в шею его ужалила нейропуля, выпущенная из контрабандного пистолета М'Буной. Потом все погасло. Темнота и холод сомкнулись вокруг него.

Нейропуля мгновенно выключает всякую нервную деятельность. Но это еще не все.

Ее действие не ослабевает со временем само по себе. Жертва нейропули не возвращается в сознание, откуда не будет введен нейтрализующий препарат.

Когда Ганн пришел в себя, он не имел понятия, как долго пробыл под воздействием пули. Но одно он знал наверняка — он больше не находился в рубке управления «шаланды»-мусоровоза.

Обстановка была вообще совершенно незнакомой.

Он лежал на неровном скалистом выступе, на подстилке из чего-то мягкого, теплого, напоминающего лишайник или мох, растущего толстыми ступенчатыми слоями. Мох слабо, но ровно светился. На ближайших скалах свет был зеленоватым, на более дальних казался красным и пурпурным.

И небо над скалами было бархатно-черным, с одной-единственной сверкающей звездой.

Бойс Ганн с трудом поднялся на ноги — и воспарил в воздух. Опустившись, наконец, обратно на землю, он осмотрелся вокруг. Если он не смотрел на яркую звезду над головой и на светящиеся скалы, то глаза привыкали к темноте, и он мог разглядеть остальные звезды. Знакомые созвездия... И тут он все понял.

Яркая звезда была Солнцем.

Он находился на одном из Рифов Космоса.

Ганн никогда не узнал, как он попал сюда. Знал об этом наверняка один М'Буна, а с ним Ганн никогда больше не встречался. Но одно было ясно — пока он находился под воздействием нейропули, его перевезли и выбросили на этом осколке рифа. Без радиопередатчика, инструментов, корабля, скафандра — он мог уцелеть на этом осколке, но все равно рано или поздно должен был умереть. Потому что никогда не сможет его покинуть.

Да, это был отличный способ избавиться от лишнего человека, даже более простой, чем убийство, поскольку не оставалось тела, которое нужно было еще спрятать.

Ему было холодно, он чувствовал скованность в суставах. Кисти рук распухли, лодыжки онемели. Судя по всему, его похитители не доверяли нейропуле и — как следует связали его. Но путы уже исчезли, а вместе с ними и всякие намеки на личность субъекта, доставившего его на этот риф. Голова болела. Во рту пересохло, и хотелось есть.

Сначала нужно было найти воду и еду, но он не мог устоять перед соблазном прежде всего осмотреть чудесную местность. Металлические листья папоротников позвякивали, как ветровые гонги. Откуда-то доносился далекий звук, похожий на хлопанье крыльев целой стаи птиц. Откуда здесь птицы, подумал Ганн, это невозможно. Но здесь могла быть какая-то жизнь. Рифы Космоса были сотворены живыми организмами, подобно кораллам в океанах Земли. Здесь должна была быть жизнь.

Но эта жизнь не всегда была совместима с человеческой — и даже не очень часто. Потому что Рифы были сформированы скоплениями фузоритов, питающихся межзвездным водородом, в соответствии с законами неохойловской гипотезы, превращая атомы водорода во все более и более тяжелые элементы. В Рифах имелась и углеродная, дышащая кислородом, теплокровная жизнь. Но в большинстве Рифы населяли металлические и кристаллические формы. В лучшем случае они не годились в пищу, в худшем — представляли смертельную опасность.

Солнце, выглядевшее, как яркая звезда, находилось у южного полюса небесной сферы, как успел обнаружить Ганн. Соответственно сам он находился к галактическому северу от Солнца, на одной прямой со станцией Поларис. Но насколько далеко от нее? Способа узнать у него не было, не считая того, что, по предположению, основные скопления Рифов находились в двухстах астрономических единицах от Солнца. То есть, примерно в двадцати миллиардах миль.

Ганн перевел взгляд со звезд на окружающую местность. Перед ним был мир, который нужно было исследовать. Конечно, он может не достигать и сотни ярдов по самой длинной оси, но другого у него сейчас не было.

Он потер саднящие запястья и лодыжки и отправился в разведку. Он осторожно выбрался из маленькой, светящейся зеленоватой лощины, потому что знал о подстерегавшей на небольшом рифе опасности. Фузориты-симбиоты создавали и удерживали атмосферу вокруг осколка. Но она напоминала мыльный пузырь — если Ганн неосторожно подпрыгнет слишком высоко, он может очутиться в вакууме космического пространства, и его настигнет жуткая смерть, когда кровь выкипает словно взорвавшись, и лопаются стенки клеток тела.

Взобравшись на гребень лощины, он приостановился и огляделся.

Впереди лежала лощина, на этот раз заполненная какими-то блестящими кустами. Растения доходили в высоту человеку до плеча, их узкие соцветия напоминали плюмажи, усыпанные светящимися точками — видимо, отдельными клетками фузоритов. Каждый лист у черенка был зеленым, ближе к краю цвет переходил в черный. Кроме того, на каждом листе имелась ярко-красная ягода.

Невероятно, но кусты росли рядами.

Больше всего это напоминало ферму в одной из плодородных долин на Земле. Ганн мгновенно почувствовал, как желудок сжала спазма голода. Ягоды казались такими привлекательными и съедобными! Волоча ноги, он затрусил к кустам...

И откуда-то из-за его спины послышался голос:

— Молодец! Наконец-то ты проснулся. И сразу решил подкрепиться, а?

Майор Бойс Ганн был подготовлен к любой неожиданности. Полученный на тренировках рефлекс остановил его на полупрыжке, заставил повернуться и приземлиться на мшистую светящуюся поверхность рифа, уже в оборонительной

стойке на полусогнутых ногах. Но фигура человека, приближавшегося к нему, имела вид совершенно не воинственный. Это был невысокий коренастый мужчина с толстым животом и грязной желтоватой бородой. Одежда его была

соткана из каких-то грубых волокон. Она была грязной, полурастегнутой и полной прорех.

Прижимаясь к загорелой лысой голове мужчины, на плече его сидело существо размерами с обезьянку-капуцина, с зеленой чешуей, красными глазами и черными клыками. Оно походило на игрушечного дракона. Из-под острых, как лезвие ножа, краев чешуи сочились тонкие струйки дыма.

— Привет, — осторожно сказал Бойс Ганн.

— Ну-ну, привет, — добродушно ответил человек. — Ты спал. Я и подумал — пусть лучше спит. Добро пожаловать — я не надеялся обзавестись компанией.

— Я сам не ожидал, что окажусь именно здесь.

Мужчина кивнул и протянул грязную мозолистую ладонь.

— Я так и подумал. Какие-то двое оставили тебя здесь пять—шесть часов назад. Похоже было, что они не слишком ласково с тобой обошлись, поэтому я решил тебя не беспокоить.

Существо на его плече завертелось, когда мужчина повернулся, и уставилось на Ганна красными горящими глазами.

Ганн пожал руку, протянутую ему, и сказал:

— Мне нужна вода. И немного еды.

— Сейчас устроим. Пошли...

Мужчина кивнул ему, — существо закачалось, сохраняя равновесие, — потом повернулся и повел Ганна вдоль возделанного поля к крохотному черному озеру.

— Омер не любит незнакомых, — возвестил он через плечо. — Но ты его не бойся. Просто не делай резких внезапных движений. Омер — из пироподов. Детеныш, конечно, но и они бывают опасны.

Ганн внутренне согласился. У маленького существа был достаточно зловещий вид, который усиливали струйки дыма и огненные глаза. Пробираясь сквозь мерцающие ряды растений фермы, они добрались до берега озера, а

скорее всего, лишь пруда, не более пятидесяти ярдов в поперечнике. Поверхность его волновали медленные высокие волны, характерные для слабого притяжения. На дальнем берегу поднимался обрывистый утес, усеянный сверкающими выходами металлических жил. Местами его силуэт смягчали светящиеся мхи и прочие растения, а у подножия виднелся металлический навес, скрывавший вход в пещеру.

— Вот мы и дома, — жизнерадостно сказал мужчина. — Добро пожаловать. Входи и отдыхай.

— Благодарю, — сказал Ганн. — Кстати, мы так и не познакомились.

— Разве? «И то верно», — сказал мужчина. — Меня зовут Гарри Хиксон. А ты... — Ганн открыл было рот, но Хиксон не сделал паузы. — Ты ведь, как это называется, оператор-майор Бойс Ганн из шпионской школы на Плутоне.

Уже сутки Ганн отдыхал в пещере отшельника Гарри Хиксона, и мысли его были мрачны. Каким образом Хиксон узнал его имя? Более того, откуда он мог знать, что Ганн — не техник-лазерист, а выпускник шпионской школы?

Ответ на ум не приходил, поэтому Ганн оставил догадки и занялся восстановлением физической формы и исследованием окружающей обстановки.

Очевидно, он пробыл на выбросившем его здесь корабле более долгое время, чем предполагал, потому что успел потерять в весе и силе мышц, а на подбородке выросла щетинистая борода. Но Хиксон кормил его и заботился о нем. Он устроил Ганну постель — всего лишь, правда, кучу вонючих одеял, но не хуже, чем его собственная — и делил с ним содержимое горшка, в котором варил себе что-то вроде слишком жирного жаркого. Пища была грубой, но обильной, ее разнообразили плоды и корни растений, произраставших на утесе. Красные ягоды, по вкусу похожие на очень кислый лимон, оказались хорошим источником всех необходимых витаминов, как настойчиво объяснял ему Гарри, а один из лишайников давал протеин.

Вопрос питания Ганна не волновал. Хиксон прожил на этой диете несколько лет и был здоров. Значит, Ганн тоже продержится достаточно долго, чтобы вырваться с этого рифа.

Это не должно было занять много времени. Потому что, как он узнал от Хиксона, существовал способ сообщения, позволяющий в случае необходимости позвать на помощь.

— У меня такой нужды не было, — сказал Хиксон, вылавливая из жаркого длинный стебель похожего на ревень овоща и облизывая пальцы, — но приятно чувствовать, что в тылу все надежно... Слушай. Бойс, тебя беспокоит воротник?

Рука Ганна замерла, он вдруг заметил, что бессознательно трогает воротник на шее.

— Не совсем, — тихо сказал он.

— Могу снять, если хочешь, — доброжелательно предложил Хиксон. — Плевое дело. Я уже сто раз такие снимал.

Ганн уставился на него.

— Ради Плана, о чем ты говоришь? — сердито сказал он. — Ты что, не знаешь, что это такое? В эти штуки встроен автоматический контур-взрыватель вместе с дистанционным запалом. Если ты только попробуешь снять его... — Он сделал кончиками пальцев веерообразное движение в стороны и вверх от кольца, изображая действие обезглавливающего заряда.

— Да нет, ясное дело, об этом я все знаю, — сказал Хиксон. — Сиди тихо. Да нет, не ты, Ганн. Это я Омеру. Омер! Не ерзай, ты меня раздражаешь.

Он поднялся от неуклюжего стола из досок, где сидел на корточках за едой, обошел его и остановился за спиной Ганна.

— Ты только сиди на месте, Бойс, — сказал он. — Можешь шевелиться, но только не смотри на меня... Омер! Черт бы тебя побрал! Убери когти! Я его вывел из яйца, этого дьяволенка, прямо вот тут, в пещере. Но он начинает нервничать каждый раз, когда я... Ага, вот и все.

Что-то коснулось шеи Ганна. Он не видел, что делает Хиксон, но был уверен, что у отшельника нет в руках никаких инструментов. Но вдруг горло что-то сжало...

Он услышал, как щелкнул замок...

Кольцо упало на пол пещеры. Ганн рывком вскочил на ноги, побледнев, ожидая, что сейчас произойдет взрыв. Но взрыва не было.

— Успокойся же, Бойс, — проговорил отшельник. — Ты до смерти перепугаешь Омера. Эта штука больше никогда не взорвется.

Он небрежно подобрал кольцо и поднял к глазам, чтобы рассмотреть получше в свете никогда не гаснущего алмазного кристалла, который на Земле стоил бы миллионы.

— Отличная работа, — сказал он с восхищением. — Сколько деталек-то! Жалко, что больше они ни на что не годятся. — И он швырнул кольцо в дальний угол пещеры. — Ну, так что? — спросил он. — Ты готов двигаться дальше?

— Двигаться куда? — сказал Ганн, после секундной паузы, глядя на Хиксона.

— Ну, ну, Бойс, не волнуйся. Я знаю, о чем ты думаешь. Ты думаешь, что меня нужно доставить к Планирующей Машине на предмет исследования, ты не понимаешь, как я это делаю, но ты уверен, что это анти-Плановое свойство. Что ж, ты прав. Я весь полностью анти-Плановый. И я не буду тебе мешать. То есть можешь взять лазерный пистолет и вызвать сигналом помощь. Но я с тобой не полечу, Бойс Ганн. Это ты запомни хорошенько.

— Ну, хорошо, — сказал Ганн, сдаваясь. Но внутренне он вовсе не собирался складывать оружия.

Хиксон выразил намерения Ганна в очень мягких выражениях. Ганн не просто думал, он намеревался доставить Хиксона в лабораторию Плана для исследования. Честно говоря, он еще никогда в жизни не желал чего-то столь сильно. Даже продвинуться на службе Машине. Даже обрести счастье в любви Джули Мартин.

Этот человек, Гарри Хиксон, был катастрофой Плана в процессе развития.

Кем бы он ни был, как бы он ни делал то, что делал, он был страшной угрозой Плану Человека. В ушах Ганна едва ли не наяву звучали инструкции старшего офицера на Плутоне, которые он мог бы получить, если бы доложил о Хиксоне и старший офицер отдал бы приказ:

«Подлежащий исследованию Хиксон является отрицательным фактором. Его неизвестные свойства должны быть рассмотрены и сохранены для блага Плана. Затем каждый орган его тела должен быть уничтожен...»

Но как доставить Хиксона в руки Плана?

Нужно было найти способ. Он должен был существовать. Оператор-майор Бойс Ганн был в этом уверен. Главное — сохранить спокойствие и выждать — и, когда представится случай, не упустить его.

— Тогда давай пошлем сигнал прямо сейчас, — сказал Ганн. — Я готов двигаться дальше.

Хрипло дыша и отдуваясь, Гарри Хиксон вывел Ганна на вершину скалы из красноватой породы. Пиропод, взобравшийся на его лысый скальп, ерзал и вертелся, не спуская горящих красных глаз с Бойса Ганна.

— Видишь, вой там? — спросил Хиксон через плечо. — Вон ту яркую звезду рядом с Вегой?

Бойс Ганн проследил за указательным пальцем Хиксона.

— Ты имеешь в виду Тету Лиры?

Отшельник обернулся, поглядев на Ганна с легким удивлением.

— Верно, Бойс. Вас там кое-чему учат, в шпионской школе. Вот только не... Ладно, неважно. Я имею в виду вон ту, прямо под Тетой Лиры. Тусклая красная звезда. Не помню, как называется. В той стороне лежит Свободное Небо.

Ганн почувствовал, как в висках застучала кровь.

— Свободное Небо? Я слышал об этом. Кажется, это колонии рифокрыс?

— Ай-ай, Бойс, так говорить нельзя. Они просто свободные люди. Это самый большой Риф — Свободное Небо, значит. Вроде как бы город, только это целое скопление мелких рифов, почти в сотню тысяч миль в длину. До него где-то полмиллиона миль.

— Понятно, — сказал Ганн, чувствуя гордость и воодушевление. «С каким подарком я вернусь на Плутон! Целый город будет возвращен Плану, снова войдет в братство Машины!» Он уже почти видел, как светящиеся следы двигателей крейсеров Плана сходятся в этом секторе, направляясь в одну точку — в скопление рифов...

— Не возносись особенно в мечтах, — Бойс, — сухо сказал Хиксон. — Ты еще туда не добрался. А если доберешься, то по телефону Машину тоже не вызовешь оттуда. А теперь погоди, пока я вызову за тобой...

Он поднял старинный неуклюжий лазерный пистолет, который хранился в куче промасленного тряпья в пещере, проверил индикаторы настройки, аккуратно прицелился в далекую красную искру, служившую маяком прямого курса на Свободное Небо. Он трижды потянул за спуск, потом опустил пистолет и повернулся к Ганну.

— Вот и все. Теперь подождем, пока они сюда доберутся. Можно спокойно вернуться в пещеру.

Он помолчал, косо глянул на Ганна, словно чем-то немного смущенный. Потом, видимо, принял решение.

Он снова повернулся лицом к звездам, опустил пистолет и протянул вперед руки. Губы его двигались, но Ганн не мог разобрать ни звука. Пиропод, взобравшийся на лысую макушку Хиксона, шипел и то и дело соскальзывал. Казалось, отшельник всем телом устремился куда-то. Но куда?

Ганн не мог понять. Очевидно, к Свободному Небу. К слабой красной звездочке, определяющей его положение... или, может, к Тете Лиры... или к ярчайшим гигантам Летнего

Треугольника, доминировавшего в той части неба — к Веге, Альтаиру и Денебу...

Потом Гарри Хиксон успокоился. Пиропод скатился с лысины ему на плечо, в то время как сам отшельник поднял руку и сделал сложное веерообразное движение. Словно змея извивается, подумал Ганн. Или изгибается шея лебеда...

Лебеда? Что-то неясное зашевелилось в памяти Ганна. Что-то, касающееся лебеда... и звезды...

Но вспомнить ничего определенного не удалось, и он последовал за Гарри Хиксоном обратно в пещеру.

Маленький риф Гарри Хиксона был всего лишь островком в расширяющейся бесконечности материи и пространства. Неохойловская гипотеза говорила ясно: Вселенная бесконечна во времени и пространстве, и материя в ней тоже бесконечна. Новое вещество постоянно формируется в виде новосотворенных атомов водорода, пока старые скопления вещества — звезды, планеты, пылевые облака и галактики — медленно разбегаются во все стороны.

Риф Хиксона был младенцем среди мира организованной материи — возраст его составлял всего несколько миллионов лет, размеры — сущая пылинка... Но в этом он был схож со всей остальной Вселенной, поскольку вещество в ней преимущественно было молодым. Причиной тому был спиральный рост темпа появления нового вещества. Некоторые галактики и даже некоторые рифы в пространстве между ними были так стары, что возраст их не поддавался исчислению, — находящаяся в состоянии динамического равновесия Вселенная не имела ни начала, ни конца. И жизнь была самым древним феноменом. Более древним, чем самые древние звезды — и одновременно оставалась молодой, в то время как звезды уже погасли и превратились в мертвые тела.

Жизнь в пространстве в буквальном смысле не имела конца.

Формы ее принимали самые разнообразные обличья, эволюция шла самыми невообразимыми путями.

Наблюдая, как Гарри Хиксон играет с ручным пироподом, Бойс Ганн подумал, что человек — самая странная из всех форм жизни, какие он знал. Потому что перед ним был коренастый облысевший отшельник, анти-Плановый и грозящий смертельной опасностью по всем меркам Планирующей Машины — и он со всей серьезностью пытался научить летать своего пиропода.

Он снял маленькое чудовище с головы и осторожно усадил на высоком выступе. Потом отошел в сторону. Шипя и плюясь дымом. сверкая огненными глазами, испуская сквозь чешую дым от внутреннего пламени реактивного двигателя, пиропод тонко завыл, призывая хозяина вернуться за ним. Потом, отчаявшись, он взлетел в воздух, промахнулся мимо Хиксона на несколько ярдов и врезался в скальную стену в дальней части пещеры, где и остался лежать, вздрагивая и шипя, пока Хиксон не сжалился и не поднял его.

— Как бы он себе башку не расшиб, — пробормотал Ганн, когда существо в пятый раз врезалось в камень стенки.

— Да, надо бы поосторожней, — мягко согласился Хиксон. — Однако она у него совсем, должно быть, пустая. Неуклюжее создание этот пиропод, верно, Омер? — И он с искренней привязанностью погладил маленькое чудовище, потом вздохнул и опустил его на пол.

Он аккуратно накрыл его перевернутой корзиной, потом положил на корзину кусок светящегося фюзоритного коралла. Пиропод взвизгивал и шипел, но Хиксон не обращал на него внимания.

— Думал, что успею научить его, — сказал он с сожалением. — Бойс, за тобой должны прибыть через час. Любопытно тебе узнать, как выгладит пилот? — Он извлек старомодное двухмерное цветное изображение из кармана своей изношенной до лохмотьев куртки. На снимке была совсем молодая симпатичная девушка, одну руку она положила на

голову похожего на морского котика существа. Позади нее светилась серебром и пурпуром масса Рифа.

— Ее зовут Карла, — с любовью сказал старик. — Карла Сноу. Она дочь моего старого друга. Он меня вылечил несколько лет назад. Он доктор, мой друг, и хороший доктор. Мало, правда, понимал, что со мной случилось...

Тут отшельник заметил, что начал разговаривать сам с собой, и сразу замолчал.

— Думаю, что это все, — сказал он немного спустя со смущенной улыбкой. — Дай Лебедь тебе счастья, Бойс. Передай привет Карле.

И едва Ганн понял, что собирается делать, старик повернулся, отодвинул в сторону металлический лист, прикрывающий вход в пещеру, и вышел наружу.

Ганн покачал головой наполовину с сочувственным любопытством, наполовину с удивлением.

— Эй! — позвал он. — Хиксон! Ты куда? Подожди! — И он поспешил к выходу из пещеры, выскочив прямо на газон, который с таким тщанием оберегал старый отшельник.

Старика нигде не было.

Следы его остались, они были ясно видны на покрытой мхом поверхности.

Но сам Гарри Хиксон как сквозь землю провалился.

Ганн обыскал всю поверхность рифа, потратив несколько часов. Никто не отозвался на его крики, и найти ему тоже никого не удалось.

Старый отшельник просто исчез.

Глава IV

Вернувшись в пещеру, оператор-майор Ганн отыскал там старинный лазерный пистолет старика — допотопную технико-корпусовскую модель. Должно быть, ее контрабандой провезли в Рифы еще до создания Завесы. Сознание, что он

вооружен, придавало Ганну немного уверенности, хотя врагов видно не было.

Но ему необходима была уверенность.

Человек не может быть одинок. Каждый имеет свое место в системе Плана Человека, под благотворным руководством Машины. Каждый служит Плану, и таким образом План служит всем...

Такова была доктрина, и Бойс Ганн вдруг обнаружил, что, как глупец, повторяет эти слова, взбираясь на вершину скалы, откуда Хиксон послал сигнал на Свободное Небо. Это ему мало чем помогало.

Человек не должен быть одинок... Но Бойс Ганн чувствовал себя и в самом деле ужасно одиноким, заброшенным на маленьком рифе, летящем в пространстве среди миллиардов сверкающих звезд.

Особого смысла взбираться именно на вершину скалы не имелось. Он мог с таким же успехом ожидать и в любой другой точке рифа. Не было причины вообще надеяться на помощь. Потому что все, что говорил полусумасшедший отшельник Гарри Хиксон, казалось не слишком достойным доверия...

Но он продолжал часами ждать на вершине скалы. Прислонившись к камню, он взглядом прочесывал небо. Но находил там лишь блеск недружелюбных звезд. Он присел, облокотясь о камень, и погрузился в дремоту. Царило полное безмолвие и неподвижность. И вдруг...

Вдруг в низком черном небе сверкнуло что-то зеленоватое и туманное. Это что-то двигалось на самом пределе возможностей человеческих глаз.

Ганн прыжком вскочил на ноги, уставясь в бесконечную пустоту над головой. Зеленоватое мерцание было таким слабым, что он совсем не был уверен, видел ли он его на самом деле. И все же... что-то там наверняка было, и за этим непонятным объектом еще тянулся хвост красноватых искр...

Ганн поднял пистолет, проверил индикатор мощности, чтобы не выстрелить разрушительным разрядом в небо,

потом три раза потянул за спуск, как это делал Хиксон, направив пистолет в сторону зеленоватого мерцания.

Секунду спустя... зеленоватое свечение приблизилось к нему.

Это была помощь — он был в этом уверен. Но что это за красные искры? Пока он смотрел, далекие мерцающие огоньки тоже изменили движение, следуя за зеленым свечением. Они быстро приближались...

Потом одна из красных искр вырвалась вперед, оставляя за собой голубой светящийся хвост. Она походила на зловещую комету, нырнувшую в зеленоватое облако.

В уши Ганна вдруг ударил рев — словно работали двигатели старинной ракеты.

Непонятные объекты вошли, наконец, в мелкую атмосферу рифа, с визгом раздирая сопротивляющийся воздух. И кто-то еще кричал.

Красная искра с грохотом промчалась над ним, пронизав зеленое облако, и помчалась к Ганну, как старинный ракетный снаряд, ведомый сигналами радара. В последний момент, в дюжине ярдов над его головой, оно вышло из пикирующего полета, и Ганну удалось мельком рассмотреть его. Это было чудовище из ночного кошмара.

Металлическая чешуя сверкала, как осколки зеркала. Чудовищные когти, с которых на грунт сыпались дождем какие-то золотистые капли. Красная искра превратилась в две — в два красных, огромных мигающих глаза. Зеркальная голова наводила на мысли о взбесившемся драконе. А хвостом чудовища служило ревущее голубое пламя.

— Пиропод! — выдохнул Ганн, окаменев от страха.

Он никогда раньше не видел взрослую особь, до него доходили лишь неясные слухи, наподобие рассказов о привидениях, которые в доплановые времена родители рассказывали детям. Общество маленького ручного пиропода, который был у Гарри Хиксона, не подготовило его к встрече с реальным, громадным и грозным существом, которое с

оглушительным визгом пронеслось над его головой. Пораженный, он стоял, не шевелясь.

Пиропод представляет собой живую ракету, и он смертельно опасен. Химические процессы в его теле коренным образом отличаются от тех, что происходят в кислородных организмах. Эволюция пиропода имела своим источником ту же неуглеродную жизнь, что и развитие фузоритов. С помощью своих плазменных двигателей, питаемых энергией фузоритов-симбиотов, пиропод может обогнать крейсер Плана, а по свирепости в погоне за добычей ему нет равных среди хищников на Земле. Добычей же для пиропода служит все, что движется. Их двигателям требуется огромное количество реактивной массы. Их аппетит никогда не насыщается. Стервятники космоса, они нападают на все, что угодно.

К счастью для существующей на внутренних планетах жизни, атмосфера действует на пироподов как медленный яд, а притяжение замедляет рефлексy. Их дом — межзвездные пространства, где самые крупные монстры достигают размеров космической яхты, и даже на пороге зрелости они не уступают величиной пещерному медведю. Не в силах сдвинуться с места, Бойс Ганн смотрел, как пульсирующие красные глаза, окруженные телескопическими зеркалами, делали петлю и разворачивались, а в его воображении черные когти рвали металл или камень, словно хлеб...

И почти слишком поздно он сообразил, что сам является мишенью для гигантских когтей.

Рефлекторно он вскинул пистолет и выстрелил.

Заряд был установлен на минимум только для того, чтобы посылать сигналы, но пиропод почувствовал удар луча, завопил и метнулся в сторону. Ганн бросился под прикрытие скального выступа. В небе медленно растворялось продырявленное облако зеленоватого свечения. Струи тумана истощались и исчезали. И на том месте, где висело облако, стало видно, что скрывалось внутри него.

Пространственник. Одно из теплокровных, похожих на морских котиков существ, скитающихся в пространстве меж звезд, являясь природной жертвой пироподов, но другом

людей. Это он принес с собой облако, потому что в способности пространственников входило умение удерживать вокруг себя атмосферу — с помощью поля, основанного на эффекте Райленда — что и позволило этим существам, дышащим кислородом, жить в открытом космосе.

Пространственник был тяжело ранен. Даже издалека Ганн увидел, что вдоль всего гладкого золотистого тела животного протянулась ужасная рваная рана. На спине его кто-то прижался к золотому меху. Наездник? Ганн не мог разобрат, но в одном он был уверен — конец пространственника и сидящего на его спине был совсем близок.

Пиропод, атаковавший его, развернулся и мчался теперь на раненое существо. В его вое утонул вопль пространственника. Чудовище показалось из темноты над гребнем пурпурной скалы, огненные глаза его пульсировали, страшные когти тянулись к жертве.

Ганн прореагировал быстрее, чем успел подумать. Он повернул регулятор кристалла своего старого лазера на максимальную интенсивность, оперся трубкой ствола о камень и выстрелил прямо в сверкающие глаза пиропода. Глаза взорвались.

Пиропод заревел в агонии. Он остался без глаз — или подобных глазам органов. Как было известно Ганну, эти структуры по функции скорее напоминали лазерные прицелы. Но что бы они собой ни представляли, сейчас они превратились в мельчайшие осколки, подобные корпусу субпоезда, когда исчезает поле туннеля и его сплющивает расплавленный камень. Слепой пиропод помчался вверх, издавая жуткие вопли, пока звук этот резко не прекратился, словно отрезанный закрывшейся дверью.

Чудовище покинуло атмосферу рифа, выскочив в пространство. Ослепленное, раненое, оно уже не вернется, подумал Ганн. И к счастью, потому что на пистолете мигал оранжевый индикатор, предупреждая, что батареи полностью истощились.

Но там, за пределами атмосферы, оставались другие пироподы. Ганн видел красноватые точки их глаз, сопровождаемые голубыми хвостами выхлопа огненного чрева. Они все разом повернули и метнулись вслед за удаляющимся кометным хвостом раненого пиропода. Вздудось голубоватое облачко раскаленных газов...

Ганн смутно осознал, что сотоварищи уничтожили раненого собрата, разорвали его на куски и теперь крутились и сплетались в драке за свою долю добычи. Но у него не было времени наблюдать за ними. Пространственник рухнул на грунт, и Ганн, спотыкаясь, поспешил к этому месту.

Животное упало на самом краю маленькой плантации Гарри Хиксона. Его голубая кровь заливала зеленый мох. Над страшной раной склонился наездник, пытаясь остановить кровь обеими руками.

Наездником была девушка. Хиксон не ошибся. Это была та самая девушка с фотографии, которую он показывал Ганну.

Пространственник стонал и вздрагивал. Когда Ганн подошел ближе, существо издало неясный звук, похожий на всхлип. Девушка тоже всхлипывала.

— Могу я вам помочь? — спросил Ганн.

Девушка, Карла Сноу, быстро повернулась. Она смотрела на Ганна, словно это был пиропод или какое-то не менее ужасное существо из легенд. В глазах ее был страх и, как это ни странно, подумал Ганн, почти облегчение, словно она ждала чего-то похуже. С таким выражением человек встречает один на один волка, в то время как ожидал встретить тигра.

— Вы кто? — спросила девушка. Голосом она вполне владела. Она была высокая и сильная, хотя и очень молодая.

— Я Бойс Ганн, — сказал он. — А вы Карла Сноу. Гарри Хиксон предупредил, что вы прилетите.

Рука девушки метнулась к губам. Глаза расширились от ужаса. На мгновение Ганну показалось, что она сейчас бросится бежать. Потом она с жалостью тряхнула головой и повернулась к пространственному.

Кровь больше не текла, животное больше не вздрагивало. Стоны его затихли.

— Султана умерла, — тихо сказала девушка, словно самой себе.

— Мне очень жаль, — сказал Бойс Ганн, понимая, что это очень слабое утешение. Он бросил взгляд вверх — пироподы полностью исчезли — потом снова посмотрел на девушку. Лицо Карлы Сноу, покрытое умеренным загаром, по цвету почти соответствовало медовым волосам. Они были почти такого же цвета, как ее пространственный. На белом комбинезоне виднелись пятна крови, с пальцев капала золотистая слизь. И все же она казалась очень красивой.

На секунду глубоко погребенные чувства вновь ожили внутри Ганна. Он вспомнил Джули Мартин и вкус соли на ее губах, когда он поцеловал ее на прощанье на морском берегу в маленьком мексиканском курортном городке Плайя Бланка. Эта девушка совсем не напоминала Джули. Она была светловолосой, а у Джули волосы были черны, как ночь. Она была высокого роста, а Джули — миниатюрна. У нее было крупное доброе лицо, и даже в минуту горя оно выдавало любовь к жизни, в то время как Джули Мартин была девушкой, склонной к печали. Но и в первой, и во второй было нечто, волновавшее Ганна.

— Эти звери могут вернуться, — поспешно сказал он. — Нам нужно уходить отсюда.

Слезы на щеках девушки высыхали, она немного успокоилась. Она посмотрела на бесполезный пистолет в руках Ганна и чуть улыбнулась.

— От него пользы мало. Он пустой.

— Я знаю. Нужно вернуться в пещеру Хиксона. Он мог оставить запасные заряды.

— Оставить? Но вы, кажется, сказали, что он здесь! — лицо ее снова омрачилось, в ярких глазах виднелся страх.

— Он был здесь, но теперь его уже нет. Исчез. Не знаю, куда и как.

Девушка механически кивнула, словно засыпая, не в силах воспринять слова Ганна. Она опустилась на колени рядом с мертвым пространственным и погладила его золотистый мех.

— Бедная Султана. Я этого себе никогда не прошу. Когда я получила ваш сигнал, я... я испугалась. Я не знала, что делать. Папа улетел по вызову Он взял наш корабль, и я решила отправиться на Султана, сама.

Она плотно сжала на секунду побелевшие губы.

— Я не подумала об опасности. Здесь редко встречаются пироподы — их вывели несколько лет назад, хотя они постоянно снова плодятся. Но раньше я столько раз убегала от них на Султана. Я забыла о том, что она... стареет.

Она легко встала и тронула Ганна за руку, стараясь придать ему уверенность.

— Но вы не волнуйтесь. Мы не потеряемся. Папа за нами прилетит, как только вернется домой. Я оставила сообщение.

Ганн кивнул.

— Он, наверное, подождет немного, — сказал он, раздумывая, — а потом, если вы не вернетесь, через день—два отправится искать вас.

Но Карла Сноу покачала головой, тряхнув золотистыми волосами.

— Нет. Он не станет ждать. Ни одной минуты. Я сообщила в записке, что получила старый аварийный сигнал Гарри Хиксона Он отправится на самой полной скорости, какую только способен развить корабль, чтобы узнать, кто послал сигнал Гарри.

Ганн уставился на нее.

— Как кто? Гарри и послал. Гарри Хиксон. Я же вам сказал.

— Я помню, — сказала девушка спокойно, но в голосе ее чувствовался отголосок удивления и страха. — Но, понимаете, это не мог быть Гарри. Я... Нет, подождите, я вам покажу.

Она повела его прочь от возделанного поля обратно к красной скале, где лазерным пистолетом Ганн опирался о каменную пирамиду, стреляя в пиропода.

— Видите? — сказала она, касаясь пирамиды.

Он нагнулся, всматриваясь, и на самом нижнем камне, на полуровной лицевой стороне валуна разобрал слабо видимые буквы, выжженные линия за линией лучом пистолета. Их невозможно было заметить, если человек не знал, куда смотреть. Надпись гласила:

ГАРРИ ХИГСОН

Умер от фузоритной инфекции

Да светит ему в пути Денеб

— Видите? — сказала девушка. — Гарри не мог послать сигнала. Он умер три года назад.

Глава V

Все это произошло за много месяцев до появления Требования Освобождения. Старый Планирующий на Земле пребывал в радостном единении с Планирующей Машиной. В пространстве Системы сновали между планетами и лунами крейсера Плана, достигая самых дальних постов Космического Заслона, привозя оружие и приказы Машины в самые дальние форпосты территории, контролируемые Планом Человека. В орган-банке на острове Куба бывший служащий Технокорпуса, нигериец, отдал последние жизненные органы в пользу какого-то более полезного слуги Плана и умер. Когда-то его звали М'Буна, он был пойман и осужден трибуналом за дезертирство. Девушка по имени Джули

Мартин сидела в спальне общежития глубоко под перуанскими Андами. Она сжимала в руке стило, раздумывая, что написать — письмо человеку, «которого любила», но уже давно не получала от него известий, или просьбу о приеме ее на специальную службу Планирующей Машине.

И в далеких Рифах, в растянувшемся на сотню орбит сообществе, называемом Свободное Небо, оператор-майор Бойс Ганн пришел к выводу, что величайшая в его жизни возможность сослужить службу Плану — и получить величайшее вознаграждение! — преподнесена ему на серебряном блюде.

Потому что он находился на Свободном Небе, в самом сердце Рифов Космоса — и был полностью свободен. И он знал — или считал, что знает, — способ вернуться к мирам Плана.

Само собой, далеко не все было ясно и понятно. Некоторые вопросы даже вызывали — почти — неприятную дрожь.

Чего надеялась достигнуть Карла Сноу, делая вид, будто Гарри Хиксон давно умер? Что же тогда, по ее мнению, видел Ганн на рифе? Привидение? Значит, это привидение кормило его, лечило, сняло с его шеи кольцо?

И он начинал подозревать, что с самого начала он попал на риф Хиксона совсем не по чистой случайности.

Доказательств не было, конечно. Но он был уверен, что М'Буна, а возможно, и полковник Зафар имели отношение к Хиксону и к анти-Плановой деятельности, которая кипела в этом опасном, упадочном, неплановом месте — Рифах Космоса. У него имелись косвенные данные. Неосторожное слово, взгляд, замечание, оборванное на полуслове — всего этого было достаточно, чтобы Ганн понял, что существуют какие-то связи между Рифами и мирами Плана. Эти связи захватывали даже Технический корпус, даже жизненно важные центры самого Космического Занавеса.

Если бы ему удалось вернуться... Нет! Когда он вернется вместе с уликами и доказательствами, которые немедленно отправят конспираторов в орган-банки, тогда самая великая

награда из тех, что во власти Машины, не окажется для него чрезмерной. А Джули Мартин ждет его...

Ганн не решался делать записи или добывать фотографии и магнитные ленты, но он не упускал возможности побывать во всех частях невероятного сообщества Свободного Неба. Даже название было какое-то странное, приводящее в смущение. Свободное Небо.

Как будто «свобода» так важна!

Однако Бойс Ганн не мог не заметить, что обитавшие на Свободном Небе толпы упадочников, никем не управляемых и анти-Плановых, казались даже более крепкими, счастливыми и процветающими, чем миллиарды живущих под всемогущей и благотворной властью Планирующей Машины.

Этот факт сбивал с толку.

Но задача была ясна. Ганн погрузился в изучение всего, что мог изучить.

Свободное Небо представляло собой сообщество примерно двух тысяч человек, разбросанных по сотне фузоритных рифов на пространстве в сотни тысяч миль. Многие рифы были трансформированы в пригодные для обитания с помощью специального лишайника, выделяющего кислород — с ним Ганн познакомился еще на рифе Гарри Хиксона. Большинство не имело атмосферы, но все они снабжали развивающуюся экономику Свободного Неба необходимыми металлами и минералами.

Ганн не совсем представлял, что ожидал увидеть здесь — возможно, покрытых татуировкой дикарей, пляшущих под разнузданные звуки тамтама — но наверняка он совершенно не был готов встретиться с современной деловитой колонией. Здесь имелись фермы и стада — не только пространственников, но даже коров молочной гернзийской породы — шестьдесят голов, каким-то образом выкраденные на крохотный астероид, удаленный от Солнца на двадцать миллиардов миль. На одном безвоздушном рифе, состоявшем преимущественно из фузоритного железа, находился сталеплавильный завод — одно из компактных ядерных устройств,

сконструированных инженерами Технокорпуса для использования в поясе астероидов, чтобы не доставлять металл с Земли, Ганн был просто поражен всем, что видел. Однажды он сказал об этом Карле Сноу и ее отцу, у которых он жил в качестве гостя — или пленника, он так и не выяснил, кого именно. Они как раз обедали — Ганн наслаждался отличной отбивной и вином, не уступающим по букету французскому.

— Дело не только в еде, молодой человек, — прогремел в ответ доктор Сноу, — здесь сама жизнь прекрасна! Она имеет вкус, о котором никогда не узнают на мирах Плана.

Ганн улыбнулся как можно дружелюбнее.

— Возможно, вы правы. Я... видите ли, я прошу меня извинить, но ведь я никогда ничего не видел, кроме планет Плана.

Отец Карлы энергично кивнул.

— Естественно. Так же, как и все мы, пока не добрались сюда. Не считая, конечно, Карлы и еще нескольких, родившихся уже здесь. Они были свободны с самого рождения.

— Но я не совсем понимаю, — сказал Ганн с необходимой ноткой сомнений, — как работает ваша система. Кто указывает вам, что вы должны делать?

— Никто! На то и свобода! Мы бежали сюда, потому что не хотели жить в ошейниках Машины. Мы работаем вместе и, как ты видишь, работаем неплохо. Процветание и счастье! Вот что мы выстроили почти что из ничего, подобно фузоритам, которые построили для нас наши миры из газа и энергии. Я помню, когда мы с Гарри Хиксоном сюда прилетели... — Он вдруг замолчал и потер подбородок, хмуро глядя на Ганна.

— И что же? — спросил Ганн. — Вы и Хиксон?..

— Тогда все было по-другому, — коротко ответил доктор Сноу. — Парень, ты до сих пор уверен, что мы поверили в эту историю о Хиксоне? Я сам помогал хоронить его.

— Видите ли, сэр, — осторожно сказал Ганн, понимая, что задевает небезопасную тему, — я ничего не знаю о Гарри Хиксоне, но все, что я рассказал, — чистая правда. Человек,

пославший сигнал Карле, сказал, что его зовут Гарри Хиксон, и у меня не было никаких оснований не верить ему.

Снег мрачно кивнул и больше ничего не сказал. Но Ганн заметил, что доктор продолжал обедать без прежнего удовольствия.

Ганн решил отложить эту проблему в сторону. Его занимало нечто более серьезное и значительное. Он думал о том, как отблагодарит его Машина после возвращения, когда он сбежит на одном из пространственников Карлы — она как раз учила его обращаться с животными — и принесет сведения о мире Свободного Неба, отличный урожай из нескольких тысяч прекрасных кандидатов в орган-банки!

Он поднялся из-за стола и вместе с Карлой вышел наружу. Ручной пиропод Гарри Хиксона, который был спасен вместе с ними по настоянию Карлы, шипел и метался за дверью, насколько позволяла ему цепь.

Ганн взял ее руку в свою, они оба смотрели сквозь зеленые вьющиеся лозы на дальний маяк, означавший положение главного центра Свободного Неба.

— Ты обещала мне, что покатаешься на одном из своих пространственников, — сказал он, сжимая ее руку и улыбаясь. — Если мне суждено стать постоянным местным жителем, то чем раньше я получу полезный навык, тем лучше.

Она задумчиво посмотрела на него, потом улыбнулась. По контрасту с медово-золотистыми волосами ее глаза казались ярко-голубыми.

— Почему бы и нет? — сказала она. — Но не дальше границ атмосферы, Бойс. Не все сразу.

— Я думал, что пространственники несут с собой необходимый воздух.

Она кивнула, но твердо повторила:

— Не дальше атмосферы. Во-первых, могут напасть пироподы.

— Здесь, так близко к Свободному Небу? — спросил он недоверчиво.

Она заколебалась.

— Видишь ли... — начала она, но ответить ей так и не пришлось. Бледно-голубое зарево осветило небо над их головами.

Они оба повернулись. На посадку шел корабль, двигатели работали на полную мощность, тормозя его стремительное движение. Кто бы им ни управлял, он явно очень торопился. Всего несколько секунд спустя корабль уже стоял на мшистой лужайке перед клиникой доктора Сноу, люк его открылся, наружу выпрыгнул человек. Он увидел Ганна и Карлу, крикнул: «Срочная помощь!» и повернулся к люку, откуда ему уже что-то передавали.

— Я позову отца! — крикнула Карла. — Бойс, помоги им!

Ганн уже спешил по мху лужайки, хотя тем двоим, что прибыли на ракете, особой помощи не требовалось. Сквозь люк они вытаскивали носилки, на которых лежал третий человек, завернутый в белые простыни. В слабом поле притяжения рифа они легко справлялись с ношей сами. И все же Ганн взялся за одну из ручек.

— Какой-то больной, — пропыхтел один из мужчин. — Я его не знаю, нашел без сознания у себя в загоне для странственников. Я и подумал, вдруг это что-то опасное...

Ганн кивнул, помогая поднять носилки, на которых больной что-то бормотал в бреду...

И едва не выронил ручку, несмотря на слабое притяжение.

Челюсть его отвисла, глаза расширились. Хотя лицо человека было мокрым от испарины, глаза блуждали, хотя он и метался из стороны в сторону в безумии бреда, все равно лицо этого человека было очень знакомо Бойсу Ганну. Это был машин-полковник Мохаммед Зафар.

Наступил момент, когда Ганну понадобились все знания и навыки, полученные в шпионской школе на Плутоне. Рифокрыса, которая привезла сюда Зафара, назвала его «опасным». Для Ганна он был не просто опасен, он означал близкую возможность полного провала, потому что, если — как был почти уверен Ганн — М'Буна и Зафар принадлежали к

одному анти-Плановому подполью, то Зафар наверняка знает, что Ганн — совсем не простой тех-кадет.

Он опасался, что Зафар в любой момент придет в себя и узнает его. Но верность Плану требовала использовать всякий шанс узнать как можно больше о Зафаре, а это можно было сделать, прислушиваясь к отрывистому бреду полковника.

Доктор Сноу, сам того не зная, помог ему выйти из трудного положения.

— Ганн и Карла, — проворчал он, — держитесь подальше от него. Вдруг это какая-нибудь инфекция... Но будьте поблизости, если я вас позову помочь, — добавил он, склоняясь над пациентом.

Карла и Бойс остались стоять в дверях приемной срочных вызовов. Не замечая того, Бойс сжимал руку Карлы.

— Он очень плох, Бойс, — прошептала она. — Я не знаю, что это такое. Ничего подобного не случалось с тех пор, как Гарри... — она замолчала, потом уже другим тоном обратилась к двоим, которые привезли Зафара:

— Вы лучше не подходите близко, пока его не осмотрит отец. Вы можете заразиться.

Доктор Сноу вытащил изо рта Зафара датчик термометра. Ганн напряг слух, пытаясь разобрать, что говорит бредящий, но до него доносились лишь обрывки, вроде: «...ловушка сознания... живая пыль... лживые мечты...»

Доктор Сноу нахмурился.

— Высокая, — пробормотал он, потом посмотрел в сторону группы у дверей. — Карла! — позвал он. — Составь для меня инъекцию. Стандартный набор антибиотиков, афибриллий, анальгетиков. Его вес — примерно девяносто килограммов. Максимальную дозу.

Карла кивнула и поспешила в комнату, где хранились медикаменты, доктор снова склонился над больным. Даже на расстоянии Ганн видел, что лицо бывшего машин-майора искажено, словно в агонии. В диком бреду Зафара

чувствовалось нечто большее, чем болезнь, в нем ощущался ужас. Он вдруг сел прямо, уставясь в пустоту и закричал:

— Кладбище Галактики! Дитя Звезд! Бойтесь ловушки! Бойтесь тайных желаний!

В этот момент вернулась Карла с пневматическим шприцем. Отец взял у нее шприц, вытолкнул дочь из комнаты и быстро сделал инъекцию.

Зафар тяжело опустился на кушетку, глаза его закрылись, он продолжал что-то неразборчиво бормотать.

Доктор секунду смотрел на него, потом подошел к столпившимся у двери.

— Он заснет сейчас, — сказал он. — Больше мы пока ничего не можем сделать. Нужно посмотреть, как он реагирует на лекарство.

Мужчина, который привез Зафара, спросил:

— Доктор, что это? А мы все не?..

Доктор Сноу покачал головой.

— Я ничего не могу сказать, — ответил он. — Я не знаю, что с ним. Но не думаю, чтобы нам грозила опасность. С подобным случаем я сталкивался всего раз, три года назад. И я, моя дочь и еще несколько других людей — мы общались с больным, но не заболели.

Он помолчал, взглянул на Ганна. Потом резко добавил:

— Это был Гарри Хиксон, мистер Ганн. Он умер.

Бойс Ганн открыл было рот, потом кивнул.

— Я понимаю.

— Понимаете? — в голосе Сноу слышалась мрачная ирония. — А я не понимаю! Я совершенно ничего не понимаю. Позвольте кое-что показать вам. Потом, если вы поймете, то объясните мне!

Он сделал шаг в сторону, протянул руку и выключил свет в приемной.

— Смотрите! — воскликнул он. — Вы понимаете, что это такое?

Четверо стоявших в дверях одновременно громко вздохнули.

— Отец! — закричала Карла, мужчины тихо выругались. Теперь, в полумраке, кожа Мохаммеда Зафара потеряла естественный цвет. Подобно крови пространственника, который погиб на глазах Ганна, она светилась золотистым светом! Лицо больного сияло, как солнце, на которое смотрят через темное стекло. Высунувшаяся из-под простыней рука мерцала желтоватым неверным светом, словно скопление миллионов фузоритов.

— Отец, это... совсем как у Гарри! — сдавленно воскликнула Карла.

Доктор мрачно кивнул.

— И конец будет тот же самый. Если не произойдет чуда, этот человек через час будет мертв.

Он вздохнул и протянул руку, чтобы включить свет. Внезапно что-то зашипело и со свистом пронеслось в дверь над их головами.

— Что за черт! — воскликнул доктор Сноу и включил свет.

На голове умирающего сидело какое-то существо. Оно ерзало из стороны в сторону и сверкало в направлении стоявших красными огненными глазами, похожими на раскаленные кнопки ботинок.

— Отец! Это Гарри... то есть это пиропод! Тот, которого привезли мы с Бойсом! — крикнула Карла.

— Смотрите, — с усилием сказал Ганн. — Он порвал цепь. — Потом он неуверенно засмеялся. — Гарри был бы доволен, — сказал он нетвердым голосом. — По крайней мере, это создание научилось летать.

Машин-полковник Зафар прожил более одного часа, который оставил ему доктор Сноу, но было ясно, что дополнительный срок не будет слишком долгим. Он умирал. Были минуты, когда, казалось, он уже почти не дышал, потом вдруг жизнь вспыхивала в нем достаточно сильно, чтобы полковник мог пробормотать одну из не имеющих смысла фраз вроде: «Дитя Звезд! Но Лебедь не поможет ему...»

Сноу работал с лабораторным оборудованием в углу комнаты, отрываясь от своего занятия каждые несколько

минут, чтобы проверить дыхание больного и покачать головой. Он подозвал к себе Карлу и Ганна и молча показал на микроскоп.

— Я хочу вам кое-что показать, — сказал он с мрачным и задумчивым выражением. — Смотрите, — и он отошел в сторону.

Карла заглянула в хромированные окуляры микроскопа, потом подняла голову, вопросительно глядя на отца.

— Понимаешь? Теперь вы, мистер Ганн, взгляните.

Бойс Ганн медленно встал на место Карлы.

— Ведь я не ученый, доктор, — запротестовал он. — Я не знаю, что искать.

Но в этот момент он заглянул в окуляры и замолчал. В научной подготовке не было нужды. Хотя то, что происходило перед его глазами в трехмерном поле зрения микроскопа, выходило за рамки всего, что он когда-либо видел.

Соломенного цвета эритроциты и бледные эозинофилы плавали среди колоний полезных микроорганизмов, живущих в теле каждого человека. Очертания этих бактерий, похожих на палочки, на звездочки или вообще бесформенных, были смутно знакомы Ганну.

Но не все.

Потому что доминировали над пространством изображения неизвестные шарообразные организмы, темные и на первый взгляд ничем не примечательные. Но прямо на глазах они испускали яркий золотистый свет. Подобно планктону в теплых морях Земли, они вспыхивали, потом угасали, потом снова вспыхивали и так далее. Как будто крохотные лампочки подавали сигналы бедствия из недр организма. Их было много, сотни, может быть, тысячи, и все пространство зрения микроскопа сияло золотым светом.

— Великий План! — прошептал Бойс Ганн. — И от этого он умирает?

— То же самое я видел в крови Гарри Хиксона, — медленно сказал доктор Сноу. — Перед самой его смертью.

Он занял свое рабочее место у стереоокуляров микроскопа, с секунду рассматривал крохотные золотистые шарики.

— Фузориты, — сказал он. — Я потратил месяц на хромотографию и масс-спектрометрию, но установил точно, что это они присутствовали в крови Гарри. Колонии фузоритов, которые начали бешено размножаться. Они его убивают.

Невидящим взглядом он снова взглянул в микроскоп, потом поспешил к больному. Машин-полковник Зафар с трудом вдыхал воздух, глаза его расширились, уставясь в одну точку на потолке, пальцы блуждали, кожа заливалась золотым светом фузоритов.

— Карла! — приказал доктор. — Загерметизируй комнату! Мы повысим давление, пустим чистый кислород. Но это его не спасет, — добавил он устало, — только продлит мучения — на несколько минут, всего лишь.

Девушка поспешно закрывала дверь, снабженную герметичными прокладками, отец тем временем поворачивал клапаны на мед-консоли. Ганн услышал, как зашипел газ, почувствовал давление на барабанные перепонки. Он сглотнул и услышал далекий, странно далекий голос Карлы:

— Папа! Он пытается встать!

Машин-полковник Зафар сидел на кушетке. Глаза его стали более осмысленными, дыхание выровнялось в гипобарической атмосфере комнаты. Но золотистое сияние стало даже более ярким, по лбу стекали капли пота.

Глаза его сверлили Бойса Ганна.

— Ты! — крикнул Зафар. — Лебедь унесет тебя! Возвращайся к Машине, предатель! — и он сделал руками непонятный петлеобразный жест, какой делал и Гарри Хиксон.

И в этот момент Ганн вспомнил, какая звезда горела в сердце созвездия Лебеда.

— Альфа Лебеда! — воскликнул он. — Денеб! В созвездии Лебеда!

Зафар полуоблокотился на локоть, свирепо глядя на Ганна.

— Не пачкай святое слово своим грязным ртом, — прошипел он. — Дитя Звезд покарает тебя. Там, в сердце цитадели Планирующего, в чреве самой Машины, которая играет со своими игрушками-людьми, там Дитя Звезд отыщет и уничтожит врагов!

Глаза его закрылись, он задохнулся. Ганн взглянул на Карлу и ее отца, но на их лицах было такое же ошеломленное выражение, как и на его собственном.

— Дитя Звезд?.. — прошептала девушка. — Отец, о чем...

— Нет, Карла, я ничего не знаю, — пророкотал доктор. — Только слухи. Существует миф о Звездном Дитя, которое перенесет всех последователей Церкви Звезды на планеты Денеба — когда настанет срок.

— Это не слухи! — крикнул золотой человек, потом замолчал, закашлявшись. — Дитя Звезд существует! Я видел его в центре Вихря! Он коснулся меня сияющей рукой!

Но доктор Снег уже стоял рядом с ним, стараясь успокоить и уложить обратно на кушетку.

— Нет! — дико завопил Зафар. — Не мешайте слову Дитя Звезд! Смотрите!

Он судорожно сунул руку в сумку на поясе балахона, в который он был облачен, и вытащил оттуда кусок плотного, кремового цвета пергамента.

— Это Требование Освобождения! — крикнул он. — Дитя Звезд препоручил его мне, чтобы я послал на землю. И я посылаю его!

Пиропод, принадлежавший Гарри Хиксону, метался по комнате. Его глаза еще ярче пылали в богатой кислородом атмосфере. Он шипел и топорщил чешую. И глаза Зафара тоже стали почти оранжевыми, пылая энергией крохотных танцующих золотых атомов. Они казались слепыми — или, быть может, их взгляд был устремлен на что-то более далекое, чем стены клиники доктора.

Бойс Ганн почувствовал толчок, словно пол в комнате задрожал. На самом деле он оставался неподвижным.

Он зашатался и выбросил руку, чтобы сохранить равновесие, хотя комната оставалась в неподвижности.

— На Землю! — воскликнул умирающий и отбросил кусок пергамента. — Лебедь, неси его! Дитя Звезд, направляй его! На Землю... — Он замолчал.

Доктор снова попытался успокоить его, но больной оттолкнул его в сторону.

— На Землю! — крикнул он. — И ты, шпион, раб Машины! Лебедь унесет тебя!..

Ганн открыл рот, чтобы сказать что-то — что угодно — но слова замерли на его губах. Комната снова накренилась, теперь гораздо резче. Голова пошла кругом. Остальные, казалось, ничего не замечали. Еще один толчок. Ганн споткнулся и едва не упал, выровнялся и рефлекторно протянул руку за брошенным пергаментом.

Пергамент ускользнул... и пропал. Только что он был здесь. В следующий момент его уже не было. На его месте Ганн увидел странное движение воздуха, ставшего вдруг подобным мутному стеклу. Воздух скручивался в спираль.

Вихрь становился все больше и больше. Он вырос и приблизился к Ганну, и комната снова содрогнулась. Ганн в отчаянии попытался отпрыгнуть в сторону, чтобы спастись, но вдруг полетел, полетел в вихрь, в водоворот... Он падал... падал... падал...

Казалось, он падал тысячу лет. Комната покрылась мраком и исчезла. Обеспокоенное лицо Карлы, изумленные глаза доктора, пылающее ненавистью лицо умирающего — все исчезло, вокруг он различал смутные точки, огни звезд, очертания планет, галактик, пылевых облаков, они светились, вращались...

Он падал долго, сквозь миллиарды миллиардов миль безвоздушной пустоты.

Как и было на самом деле.

Потому что, когда падение закончилось и Ганн, дрожа, как в лихорадке, поднялся на ноги, он тут же рухнул

ничком, разбив лицо, расквасив нос о серый, мягко освещенный металлический пол.

Он находился в земном поле тяготения!

Он больше не был среди Рифов. Это была планета. И во все стороны расходились пустые коридоры с металлическими стенами, где мигали огни и вращались магнитные ленты. Оператор-майор Бойс Ганн наконец добрался домой. Он находился в подземных лабиринтах, где помещались всемогущие электронные внутренности Планирующей Машины.

Глава VI

Вот как все это началось для Бойса Ганна — падением глубиной в двадцать миллиардов миль, после чего он приземлился в самом недоступном месте — в сердце Машины.

Между металлическими стенами узкого коридора дул теплый ветер. Доносился равномерный далекий гул, его перекрывал свист и жужжание вращающихся магнитных дисков, шум работы далеких могучих механизмов. Ганн с трудом поднялся, борясь с собственным полным весом — почти сто килограммов. Все прошедшие месяцы ему приходилось иметь дело только с его частью или вообще обходиться без веса. Сквозь туман в глазах он огляделся.

Он стоял в длинном коридоре. В конце его, в нескольких сотнях ярдов, виднелся более яркий свет. Похоже, там была комната.

Он поплелся в ту сторону, прижимая обратную сторону запястья к разбитому носу, из которого сочилась струйка крови. Он кашлял, чувствуя соленый привкус крови во рту и в горле.

Яркий свет, казалось, исходил из большого и круглого помещения. Потолок представлял собой бетонный купол. На обширном пространстве пола островками размешались

консоли и контрольные панели. За ними никою не было. Почти полную окружность стены пронизывали двадцать четыре туннеля. Из одного такого туннеля и вышел Ганн,

Он на секунду прислонился к косяку двери, ожидая, когда пройдет головокружение. Потом, собрав последние силы, он закричал:

— Кто-нибудь! Помогите! Есть тут кто-нибудь?!

Ответом ему было лишь гулкое эхо, отразившееся от купола, и далекое жужжание вращающихся лент.

На контрольных постах никого не было, коридоры были пусты. Но Ганн вдруг ощутил, что в этом пустынном месте существует своя особая жизнь. Когда отголоски эха затихли, он начал различать более слабые шумы — приглушенный механический гул, гудение и жужжание. Все коридоры были так же пусты, как и тот, из которого он вышел. Он заглянул в каждый по очереди и ничего не обнаружил, кроме бесконечных рядов вычислительного оборудования и путаницы толстых кабелей под потолком.

Почти на цыпочках, оробев перед тяжестью огромного пустого пространства вокруг, Ганн пробрался к круглому островку пультов в середине зала. Каждый пульт, усыпанный светящимися циферблатами и кнопками, был обращен панелью к одному из туннелей, радиально уходивших из зала. Ганн стоял, как зачарованный, следя за стремительным бегом огоньков на индикаторах пультов.

Он никогда не бывал в этом месте наяву, но оно было более чем знакомо ему, описания его сотни раз повторялись в учебниках, он видел десятки видеофильмов на лекциях в Академии Технокорпуса. Он находился в самом центре Планирующей Машины — самом секретном, самом защищенном месте всех девяти планет системы. В мозговом центре Плана Человека.

И Планирующая Машина даже не знала, что он здесь! Именно этот факт потряс Ганна, приведя его почти в ужас. Но боялся он не только за свою жизнь — хотя понимал, что попал в опасный переплет, так как людей отправляли в

орган-банки за куда меньшие проступки. Нет, он боялся за существование Плана. Как возможно было такое?

При всех своих объемах памяти, хранивших факты о каждом поступке каждого индивида в системе Плана, при всех запасах сведений, относившихся к любой области знания, любому научному открытию, любому закону — при всем этом Планирующая Машина не могла, казалось, заметить, что в самом ее сердце совершенно свободно расхаживает проникший туда без позволения человек.

Ганн вдруг заметил, что всхлипывает. Голова его закружилась, он в отчаянии оперся о край ближайшего пульта и попытался разобраться в незнакомых циферблатах и бегущих огоньках. Вот он, куб связи! На мгновение в нем вспыхнула надежда. Но ведь связь-кубы Машины были рассчитаны только на посвященных, на тех, кто носил имплантированную в череп пластинку металла, дававшую Машине доступ к их мозговым центрам. Неужели он осмелится воспользоваться связь-кубом?

Но что оставалось делать? У Ганна мелькнула безумная мысль нажать первую попавшуюся кнопку, повернуть любой тумблер наугад, сдвинуть какой-нибудь циферблат. Самая незначительная перемена встревожит Машину. Через несколько секунд сюда придут обслуживающие роботы или техники-люди.

Потом на глаза ему попала маленькая красная пластинка, на которой имелась одна-единственная ярко светящаяся кнопка. Под кнопкой виднелось одно-единственное слово. Пластинка находилась на верхушке ближайшей к Ганну консоли. Единственное слово гласило: «СТОП».

Ганн смотрел на кнопку несколько бесконечных секунд, затаив дыхание. Если назначение кнопки соответствовало ясной, недвусмысленной надписи на пластинке, то в его власти было... было...

Остановить Машину.

Оператор-майор Бойс Ганн, выпускник Академии Технокорпуса, ветеран шпионской школы на Плутоне, обученный

борьбе со страшнейшими опасностями Солнечной Системы, оказался вдруг на грани истерики. Остановить Машину!!! Этой мысли он не мог вынести.

Он бросился на связь-куб, нащупал выключатель, закричал, зарыдал, забормотал что-то в прибор. Он не знал языка механо, который разработала для связных Машина, а если бы и знал, то в этот момент позабыл бы. Он был в буквальном смысле приведен в ужас, как никогда за всю свою жизнь.

Когда отделение План-Гвардии ворвалось в зал, потоком серых форм вырвавшихся из кабин лифтов, промчавшихся по коридорам с оружием наготове, оно обнаружило Ганна растянувшимся на полу в обмороке.

В этот момент Бойс Ганн вполне мог бы умереть, получив два десятка пуль, но тех-лейтенант, командовавший отделением, отдал отрывистую команду. Он удивлением присмотрелся к распростертому телу Ганна, подумал секунду, потом потряхнул головой.

— Не стреляйте в него, — проворчал он. — Он должен говорить. Доставьте его в отделение Безопасности, и побыстрее.

Четыре дня Ганна допрашивали круглые сутки самые мускулистые специалисты из арсенала Технокорпусовских умельцев, и они не слишком церемонились.

Он отвечал на все вопросы, рассказывая чистую правду, за что расплачивался ударами дубинки по почкам и пинками по ребрам. Десятки раз он терял сознание от ударов и всякий раз оживал снова, чувствуя, как санитар с каменным лицом выдергивает из него шприц. Ганн был снова готов к продолжению допроса.

Наконец, они позволили ему заснуть. Не потому, что ответы их удовлетворили, а потому, что врачи опасались, как бы Ганн не умер.

Когда он проснулся, каждая клетка тела невыносимо болела. Он был привязан к операционному столу. Орган-банк, подумал он в первом приступе паники. Но это был не орган-

банк, это была тюрьма. Очевидно, над Ганном только что потрудились врачи. Хотя тело болело, но он мог двигаться. Пальцы сгибались и разгибались, слушая сигналы мозга. Глаза открывались, и он мог поворачивать их в любую сторону.

Только с шеей не все было в порядке — он чувствовал на чей что-то холодное, твердое, тесное.

Воротник безопасности, с такой легкостью снятый Гарри Хиксоном, был возвращен на место.

Вокруг Ганна сновали санитары, отстегивая ремни, помогая ему подняться на ноги.

— Эй, оп, — проворчал какой-то сержант в радарном шлеме. Его подбородок казался синеватым от щетины. — Поднимайся! Ты будешь говорить с генералом.

Подгоняя Ганна, он повел его по серым коридорам к лифту. Лифт был скоростной, от легкой перегрузки голова у Ганна пошла кругом. Потом лифт резко остановился. Ганн едва не упал, но один из охранников рывком поставил его ноги.

— Вперед, оп! Пошевеливайся!

Спотыкаясь, он вышел из лифта. Новые коридоры, потом пустая серая комната, где он, вытянувшись по стойке «смирно», долго стоял и ждал.

Потом без сигнала — видимо, он был передан через радарный шлем — охранник рывкнул: «Вперед!» и толкнул его через дверь.

Ганн оказался в комнате побольше и посветлее. Мебель была превосходная, на пьедестале золотом сиял бюст улыбающегося Планирующего, на столе доминировал золотой связь-куб Машины. На столе же имелась именная табличка:

МАШИН-ГЕНЕРАЛ АВЕЛЬ ВИЛЕР.

За столом сидел генерал собственной персоной.

Довольно долго он рассматривал Бойса Ганна. Машин-генерал Вилер сам казался наполовину машиной. Это был

крупный, плечистый, с порывистыми движениями мужчины. Тело его казалось металлическим: загорелая кожа цвета бронзы, глаза цвета стали, волосы — как медная проволока. Он в упор рассматривал Ганна, потом, в полном молчании, перевел глаза на что-то, лежавшее перед ним на столе.

Бойс Ганн почувствовал, как душит его ледяной металлический воротник. Ныли бесчисленные синяки, он был весь покрыт потом, но строго сохранял положение по стойке «смирно». В Академии Технокорпуса он изучил искусство сохранять такое положение как угодно Долго. Неуловимое перемещение веса и перераспределение напряжения мышц уберегали от губельного крена вперед. Он старался думать только о том, что должен стоять, как положено. Только это имело значение.

Хмурые глаза генерала были обращены к встроенным в стол экранам связи, которых Ганн не видел. Секунду спустя он нажал бесшумные клавиши, связываясь, как догадался Ганн, с Машиной. Почему же он не воспользовался связь-кубом? Ганну не пришло в голову, что генерал, быть может, опасался делать это в присутствии Ганна. Человек, который необъяснимым образом оказался в самом сердце Машины, мог равно необъяснимым способом изучить механо.

Генерал ждал, что-то читая на экране. Лоб его покрыли морщины. Вдруг он рывком поднял голову и снова взглянул на Ганна.

Экраны погасли. Плоское бронзовое лицо генерала было абсолютно лишено выражения. Оно походило на маску из мускулов, словно какой-то неумелый хирург в центре пересадки забыл подключить к мышцам нервы, которые должны были придать им жизнь.

— Оператор-майор Бойс Ганн! — резко скомандовал генерал Вилер. Ганн подпрыгнул — он ничего не мог поделать, голос напоминал металлический скрежет.

— Вольно!

Ганн позволил плечам слегка опуститься, глубоко вздохнул, переступил с ноги на ногу. Но настоящего облегчения он не почувствовал. Глаза генерала следили за ним, стальные, холодные и безжалостные, словно они были зондами хирурга, проникающими в мозг Ганна.

— Машина требует от вас сведений, — резко объявил он.

— Я знаю, сэр, — с трудом выговорил Ганн. — Меня уже допрашивали. Раз сто, по-моему.

— Если надо, допросят тысячу! Вас будут допрашивать снова и снова. Машине нужна правда, и срочно. — Голова генерала выдвинулась вперед, словно поршень. — Дитя Звезд! Кто он такой?

Ганн почувствовал в горле сухой спазм. Он сглотнул и упрямо сказал:

— Я не знаю, сэр. Я рассказал все, что мне известно.

— Требование Освобождения! Кто написал это?

Ганн покачал головой.

— Как вы проникли в штаб-квартиру Планирующего?

Ганн продолжал качать головой, безнадежно, но упрямо.

— Как этот документ попал на Землю? Кто такая Карла Сноу? Зачем вы убили майора Зафара и сочинили эту смехотворную ложь?

— Нет, сэр! — крикнул Ганн. — Я не убивал! Полковник Зафар был врагом Плана!

Широкий рот генерала затвердел. Бесцветные губы сомкнулись, как пасть капкана. Голос принял глухой, злоеущий оттенок.

— Обстоятельства заставляют предположить, что вы не говорите правды, — сказал он. — Вы можете доказать свою правоту или нет?

— Нет, сэр. Но...

— Оператор-майор Бойс Ганн! Дитя Звезд — это вы?

— Нет, сэр! — с искренним негодованием ответил Ганн, — Я...

— Оператор-майор Бойс Ганн! Известно ли вам, что произошло с «Сообщностью»?

— С чем? — воскликнул потерявший надежду Ганн. — Генерал, я даже никогда не слышал о... что это такое? Сообщенность? Я не понимаю, о чем вы говорите.

С размеренностью пульсирующего лазерного локатора генерал отчеканил:

— «Сообщенность» отправилась в космос сорок лет назад. Больше о ней ничего не слышали. Майор Ганн, что вам об этом известно?

— Ничего, сэр! Ведь я тогда еще даже не родился!

На мгновение в маске образовалась щель, и лицо генерала приобрело почти человеческое выражение. Озабоченное. Даже немного растерянное. Секунду спустя он сказал:

— Да. Это так. Но...

Потом лицо вновь отвердело, генерал качнулся вперед всем корпусом. Его стальные глаза сузились.

— Благонадежный ли вы член Плана Человека? — тихо спросил он.

— Да, сэр!

Генерал кивнул.

— Надеюсь, — сказал он бесцветным голосом. — Так будет лучше для Плана и для вас, потому что сейчас я вам скажу нечто такое, во что вы никогда не сможете поверить. Стоит вам прошептать лишь слово, оператор-майор Бойс Ганн, и смерть ваша не задержится ни на секунду. Ни на секунду.

Дело в том, что Планирующая Машина не является единственной в своем роде. Существует еще одна.

Глаза Ганна расширились.

— Еще одна... — он замолчал. Ведь это все равно, как если бы сказали, что существует два Христа. — Еще одна Планирующая Машина, сэр? Где она?

Генерал покачал головой.

— Не известно, — мрачно сказал он. — Еще одна Машина — такая же могучая, как та, что управляет Планом Человека. И мы не знаем, где она находится.

И что делает.

Когда-то жил человек по имени Райленд, рассказал Ганну генерал. Великий математик. Выдающийся ученый. Муж дочери тогдашнего Планирующего, человек, близкий к влиятельной группе, окружавшей Машину. И несколько десятилетий тому назад он отправился в космос, подобно Ганну, и побывал в сердце Рифов, и вернулся назад с рассказом о бесчисленных тысячах людей, живущих своей жизнью на фузоритных астероидах, вне сферы влияния Плана.

— Все, что он рассказывал, — сурово проскрежетал генерал Вилер, — было ложью! Но Машина мудро решила проверить его рассказ! Планирующая Машина не делает скоропалительных выводов! Она взвешивает все обстоятельства, изучает все факты... составляет план!

— Да, сэр! — сказал Бойс Ганн. — Я слышал об этом Райленде. Кажется, он до сих пор считается одним из выдающихся ученых.

Генерал кивнул.

— Сегодня, — загадочно пояснил он, — Райленд исправил ошибку. Отказался от своих заблуждений, как благонадежный слуга Плана. Так же, как, и бывший Планирующий Крири... он тоже понял, что заблуждался. Но тогда... — генерал вздохнул, словно вакуумный насос.

Тогда, он рассказал Ганну, что оба они пали жертвой обмана, своими действиями заставили Машину совершить... нет, не ошибку, конечно, это невозможно — но заставили ее провести эксперимент, который провалился.

Эксперимент предполагал вынос Плана Человека в Рифы.

Машина дала указание построить грандиозный космический корабль, названный «Сообщность», Самый большой из когда-либо выходивших в пространство звездолетов, являющийся по сути подвижной космической крепостью, он был собран на верфях Деймоса. Двигателями его служили шесть отделяемых нереактивных тяговых установок, которые сами по себе являлись самостоятельными мощными крейсерами. И более половины гигантского корпуса корабли

занимал Двойник Планирующей Машины — единое целое компьютеров и банков памяти, такое же сложное и могучее, как и сама Машина. Ему не хватало лишь коммуникационной сети и прочих дополнительных устройств, созданных Машиной при участии рода человеческого.

«Сообщность» была построена, запущена, испытана, подготовлена к полету. Был отобран экипаж, который прибыл на борт. Было погружено все необходимое для десятилетнего полета. Машина-серв приняла на себя управление... «Сообщность» миновала орбиту Плутона и исчезла.

Несколько дней спустя по лазерной релейной сети пришло сообщение. Все шло нормально. «Сообщность» вышла к основному скоплению Рифов.

Больше сообщений с корабля не поступало.

Машин-генерал Вилер замолчал, не спуская с Ганна серостальных глаз.

— Больше сообщений не было, — повторил он. — Больше мы ничего не знаем о судьбе корабля. Поисковые корабли, пытавшиеся найти следы «Сообщности», возвращались назад ни с чем. Или вообще не возвращались. Или возвращались с полпути, атакованные и поврежденные пироподами или чем-то еще хуже.

Такова история «Сообщности», майор Ганн. Кроме последнего факта: скопление Рифов, о котором говорилось в последнем сообщении «Сообщности», находилось точно в том же месте, что и названное вами Свободное Небо. И вы побывали там, майор. Что вы узнали?

В изумлении Ганн покачал головой.

— Ничего, сэр. Поверьте мне. И никаких следов, даже слухов.

Генерал долго смотрел на него. Потом кивнул.

— Ганн, — сказал он мрачно, — я скажу вам еще вот что. — Он вдруг резко перекинул три выключателя на пульте стола, посмотрел на экран монитора, кивнул. — Теперь мы отрезаны, — объявил он. — Сейчас нас не видит даже

Планирующая Машина. То, что я вам скажу, предназначается лишь для ваших ушей.

Понимаете, Ганн, дело не только в процветании Плана. У меня есть особый интерес, заставляющий искать ответ на эту загадку. Я должен узнать ответ.

Потому что, майор Ганн, я намерен стать следующим Планирующим.

Бойс Ганн плыл в опасных водах и понимал это. До него доходили слухи о борьбе за власть среди предводителей-людей, искавших выгодного положения рядом с Машиной. По всей Академии Технокорпуса ходили лукавые шутки, на этот счет, а после отбоя иногда разгорались споры. Некоторые расценивали политическую борьбу как род предательства (хотя храбрости у них хватало лишь шептать свое мнение украдкой). Другие расценивали эти разговоры как шутки, третьи воспринимали как естественный закон человеческих взаимоотношений, которому предлагали следовать ради собственного блага. Ганн помнил брата той девушки, с которой они расстались в Плайя Бланка, ярого идеалиста, помнил одного из преподавателей, циника с чувством юмора. От его шуток, казавшихся наполовину серьезными, вся аудитория приходила в волнение, смешанное с чем-то, напоминающим боязнь. В один прекрасный день преподаватель исчез. Юный кадет, брат Джули Мартин, стал примерным студентом Академии. Он даже поступил в шпионскую школу на Плутоне как раз в тот момент, когда Ганн ее покидал.

Но каким бы ни было отношение к вопросу, проблема политического маневрирования казалась отдаленной. Все это имело место где-то очень далеко и высоко... и не затрагивало жизнь Бойса Ганна.

До сих пор.

Машин-генерал подался вперед и проскрежетал:

— Я должен знать правду. Вам известно, кто послал Требование Освобождения?

Ганн покачал головой.

— Нет, сэр. Я никогда не видел документа. Я не знаю, что в нем говорится.

— Он полон глупых угроз, майор Ганн! Безумное обещание погасить Солнце! Требование к Планирующему и Машине дать свободу всем желающим — каково! И все же, — глаза генерала стали еще холоднее, в них появилось отсутствующее выражение, словно он рассматривал что-то на большом расстоянии, — возникает чувство, что за этими угрозами что-то кроется. Потому что Солнце действительно погашено.

Он замолчал. Бойс Ганн не мог поверить ушам.

— Погашено? Солнце? Сэр, я не понимаю...

— Я тоже не понимаю, — проскрипел генерал, — но это не имеет значения. Значение имеет безопасность Машины. Это в особенности касается меня, поскольку мне доверена ее охрана. Требование Освобождения угрожает нам. Я должен защищать Машину. Если мне это удастся, я получу... соответствующую награду. Тех, кто поможет мне... — он обвел взглядом непроницаемую для подслушивания комнату, наклонился вперед еще больше, едва слышно произнося слова: — Их я тоже сумею наградить, майор Ганн.

Его стальные глаза беспокойно заметались по комнате, потом остановились на Ганне.

— Майор, — сказал он, — вы мне нужны. Как друг.

Ганн все еще не мог оправиться от слов генерала о погашенном Солнце... Значит, Солнце больше не сияет в небе? В это невозможно было поверить. Он постарался оставить пока в стороне жгущие мозг вопросы и сказал с неловкостью:

— Надеюсь стать вашим другом, генерал. И все же мне ничего не известно о том, кто такой Дитя Звезд.

Голова генерала кивнула, как стрелка метронома.

— Вас снова будут допрашивать, — проскрипел он. — На этот раз вами непосредственно займется Машина, через одного из своих связных — человека, приобщившегося к Машине, умеющего разговаривать с ней непосредственно.

Возможно, это поможет вам кое-что при помнить. Быть может, даже вопросы, заданные служителем, наведут вас на некоторые мысли... может, вы даже сумеете догадаться о сведениях в банках памяти Машины, — сказал генерал, и лицо его превратилось в бронзовую маску, — мне будет интересно услышать о них. Выбирайте сами. Или мой друг — или мои неприятель. И даже сейчас, — добавил он, его бронзовая челюсть отвердела, — я имею достаточную власть, чтобы наказать моего врага.

Он снова повернул выключатели, бросил взгляд на экраны связи. кивнул, выслушал ответ и снова посмотрел на Ганна.

— Сейчас вы отправитесь к Сестре Дельта Четыре, — приказал он. — Там начнется ваш непосредственный допрос самой Машиной. Посмотрите сюда, майор!

Генерал вдруг вскинул правый кулак. Словно на дистанционном манипуляторе, пальцы сжались в бронзовый молот.

— Это рука, — мрачно протянул генерал, — когда-то принадлежала другому человеку, врагу Плана, бросившему бомбу в Планирующего. Он промахнулся, Планирующий уцелел, но взрыв раздробил мою руку. Хирурги не могли починить ее, поэтому пришлось сделать замену. Используя руку неудавшегося убийцы. — Бронзовый кулак опустился на панель. — Помните об этом, Ганн! Если вы не сможете служить Машине так, как от вас того потребуют, то послушайте по-другому — не иначе, как в орган-банке.

Глава VII

За дверью его ждал охранник в радарном шлеме.

— Пошли, опасник! — проворчал сержант, и Бойс Ганн еще раз поплелся по бесконечным серым коридорам, потом

его втолкнули в лифт, потом вытолкнули, потом он оказался в серой комнате, где его оставили ждать.

Но лишь на мгновение. Потом охрана вернулась, лицо у сержанта было сердитое и растерянное, он снова проворчал:

— Пошли, оп.

Похоже, иных слов он не знал и не подозревал об иных формах обращения. Ганна снова потащили по коридорам.

В дверном проеме стояла девушка. Она перебирала четки-сонары, склоняв голову. На ней был белый халат с капюшоном, которые носили служители Машины — связные, изучившие механо, которым предпочитала пользоваться Машина, и чьи мозговые центры были доступны электродам Машины. Проходя мимо, она обратилась к одному из охранников.

— Приказ изменен! — грубо ответил он. — Идите с нами, если хотите. Я веду его к Планирующему!

Ганн задержался, пытаясь обернуться и посмотреть на девушку, но охранник подтолкнул его вперед. Голос у девушки был необыкновенно мелодичный, она не говорила, а скорее выпевала слова механо, перебирая свои звуковые четки.

Это была — как сказал генерал Вилер? — сестра Дельта Четыре. Она должна была допрашивать его.

Но вместо этого его вели к самому Планирующему!

За всю свою жизнь Бойс Ганн никогда не видел Планирующего во плоти. Мало кто видел его вообще. В этом не было необходимости, средства информации имели доступ в каждый дом, в любую комнату — а Планирующий был чем-то большим, чем просто человеком, он не снисходил даже до малого общения с обществом, как это делали императоры.

Ганн слегка вздрогнул. Его поведение приобретало черты, характерные для любого осужденного в любой стране и в любую эпоху. Всякая перемена вызывала в нем страх. Он боялся неизвестности. А Планирующий олицетворял весьма значительную неизвестность.

Снова туннели, снова скоростное падение лифта, снова Ганна втолкнули в тесную комнатку и оставили ждать.

Он был где-то глубоко под землей. Вслушиваясь, он мог различить только смутное урчание воздуха в вентиляционной системе над головой. Стены были неприятного желтовато-серого цвета. Краска потеряла чистый оттенок помещений Технокорпуса, приобретя долю золота, символизирующего Планирующего. Сделано ли это специально, подумал Ганн, или, может, эта камера настолько стара, что ее обитатели уделяют уходу за ней минимум внимания, и покрытие стен пожелтело от времени. В комнате имелись металлический стол и голый металлический стул.

Воротник безопасности крепко сжимал горло.

Ганн сел за стол, склонив голову. Синяки снова стали ныть. В голове крутился вихрь.

Перемешавшиеся образы заполнили его сознание. Генерал Вилер и его зловещие намеки на награду. Пространственники Карлы Сноу. Пироподы. Джули Мартин. Голубое небо с невероятным образом исчезнувшим солнцем... золотистые солнечные фузориты в крови полковника Зафара... снова Джули Мартин, потом Карла Сноу.

Он снова переживал бесконечное жуткое падение, которое завершилось посадкой в чреве планеты Земля, среди магнитных хранилищ памяти Машины. Перед глазами его опять вставляли стерильные ледяные равнины Плутона, огромное, медленно вращающееся колесо станции Поларис. Он вспомнил о Требовании Освобождения и об удивительной любви к свободе среди анти-Плановых обитателей Рифов... любовь к свободе... любовь к свободе...

Он снова подумал о Джули Мартин. Он погрузился в воспоминания о курорте-сообществе в Плайя Бланка, о миниатюрной черноволосой девушке, чье пение он слышал и с которой они встречали на песчаном берегу золотую зарю. На ее губах была морская соль. Он видел ее лицо так ясно, словно она была вместо с ним в этой комнате.

— Джули... — прошептал он нежно, и она что-то хотела ответить ему...

— Пошли, оп! — грубо сказала она. — Вставай! Вперед!

Сержант с рогами радарных антенн на шлеме сердито тряс его за плечо.

— Опасник! Проснись!

Ганн встряхнулся. Он незаметно для себя заснул. Руки, на которые опиралась голова, затекли.

Он еще не совсем пришел в себя, когда охранник вытащил его в соседнюю комнату — большую, ярко освещенную, роскошно убранную. Комната утопала в золоте. Золотые gobelены на стенах изображали миры Плана Человека. Золотые светильники. Золотые подносы на золотых столах. Золотой ковер на полу, мебель, обитая золотистая тканью.

Сжимая руки Ганна, с каждой стороны стояли охранники. Они вывели его на середину комнаты и остановились, ожидая, пока сержант подойдет к двери в виде золотой арки и что-то скажет офицеру Технокорпуса в форме охраны Планирующего, который там стоял. Офицер нетерпеливо кивнул и поднял руку.

Сержант в шлеме повернулся и сделал знак своим людям. Ждать!

Бойс Ганн был совершенно уверен, что за дверью находился сам Планирующий.

В комнате они были не одни. Повернув голову — хватка охранников не давала ему возможности повернуться всем телом — он увидел, что в комнату вошла девушка-служительница, Дельта Четыре. Она опустилась на колени на золотую подушечку и шептала молитвы в четки-сонары. Она была невысокая и стройная. Лицо почти полностью было скрыто мягким капюшоном, но можно было сказать, что оно имеет правильную овальную форму, бледно и серьезно. Свободный халат служительницы широкими складками лежал вокруг подушечки. Пелерину украшала светящаяся эмблема тех, что вошел в сообщество с Машиной — переплетенные символические эллипсы электронных орбит.

Охранники заставили его отвернуться. Один прошептал другому:

— Гляди! Она сейчас войдет в сообщество.

Даже находясь в столь ненадежном положении, Ганн не мог подавить соблазна увидеть, что происходит. Он никогда не видел служителя в момент связи с Машиной. Это было нечто желанное — и страшное.

Если кольцо вокруг шеи Ганна было бичом, который Машина придумала для подстегивания неверных слуг Плана, то связь в черепе служителей была пряником, которым награждали за верную службу.

Ганн знал, как она выглядит. Кажется, ему даже удалось мельком заметить сияющий металлический диск, вращенный в кожу на лбу сестры Дельта Четыре. На диске чернел узор отверстий, в которые входили электроды связного разъема.

Он знал, что сообщество считается высшим переживанием. Связь-пластина была только внешним ее символом. Самые тонкие изменения были произведены нейрохирургами Машины в самом мозгу. Через электроды Машина награждала своих верных слуг электронным удовольствием. Сигналы шли прямо в центр наслаждения.

Ощущение было бесподобным — потому что следы реальности не портили его чистоты. Оно не вызывало усталости, оно было бесплотным. Это была квинтэссенция удовольствия. Полностью лишенная визуальных, осязательных, обаятельных посредников, это была та великая радость, к которой всю жизнь стремятся люди, находя ее в виде несовершенного побочного эффекта еды, питья, холодного воздуха на горной вершине рано утром, общения с представителями противоположного пола. Это было первое, второе и третье одновременно, дистиллированное, усиленное, поданное непосредственно через сияющий металлический диск.

Это так хорошо, подумал Ганн, что в этом чувствуется что-то неправильное...

— Она готовится! — прошептал охранник, и Ганн осмелился еще раз повернуть голову.

Это ему удалось — всего на секунду, но удалось. Охранники тоже смотрели и потому слегка ослабили хватку.

Сестра Дельта Четыре откинула капюшон, обнажив лоб. На белой гладкой коже он увидел сияющий металлический диск — потом отвернулся, снова взглянул и увидел то, чему отказывался поверить его разум.

Он увидел лицо сестры Дельта Четыре.

От дверей послышался хриплый шепот:

— Пошли!

Охранники двинулись вперед, толчком заставив Ганна повернуться лицом к сержанту в радарном шлеме. С разгневанным лицом он яростно махал им рукой, подавая знак, что Планирующий ждет их.

Но Бойс Ганн, словно дикарь, вырвался из рук охранников.

GRAY MORROW

— Нет! — закричал он. — Подождите!

Он отбивался от изумленных охранников, пытавшихся оттащить его в сторону от девушки, которая с безмятежным лицом поднимала ко лбу соединительный разъем Машины.

Ганн едва чувствовал удары охранников. Он вырвался из объятий одного, тяжело столкнулся со вторым, они оба упали на пол, на толстый золотой ковер. Первый охранник прыжком подскочил к ним. Но когда они падали, Ганн снова увидел лицо девушки.

Он не ошибся. Сомнений не было. Сестрой Дельта Четыре была Джули Мартин.

Девушка, которую он любил, больше не существовала как полноценный человек. Она стала придатком Машины, полностью завися от нее каждую секунду жизни, словно какая-то далекая подводная автоматическая шахта... Она больше не принадлежала к роду человеческому.

Джули Мартин стала частью Машины.

Глава VIII

Если катакомбы Машины были мозговым центром Плана Человека, то Государственный Зал был его сердцем. Огромный, как ангар космического корабля, изукрашенный, словно могила фараона, он служил кабинетом самого могущественного властелина в человеческой истории, и стоил того. Стены были выложены золотыми панелями. Тиманы в виде полумесяца были украшены фресками, изображающими пейзажи девяти планет и тысячи более мелких миров, где правил План Человека.

В Зале ждали приказаний Планирующего его приближенные: лечащий врач, три связных служителя в черных балахонах, со связью-кубами и тональными бусами, дюжина охранников. Здесь же находился вице-планирующий Венеры, подвижный маленький инженер, нос и уши которого

казались непропорционально большими. По всей видимости, они достались ему от какого-то донора-великана. Тут же находился и генерал Вилер, немедленно взявший Ганна на прицел своих стальных глаз.

Все молчали.

Поддавляя всех присутствующих в огромном зале, вознесясь на громадном золотом кресле, сидел сам Планирующий. Погруженный в раздумья, он рассматривал какие-то металлические и хрустальные фигурки, стоявшие перед ним на кварцевом столе.

Ганн оказался в полном одиночестве посреди вымощенного золочеными плитками пола. Охранники замерли позади. Ганн ждал, когда Планирующий заметит его.

Но глаза Планирующего были прикованы к игрушкам. Он вздыхал и время от времени протягивал руку, переставляя фигурки. Он был полностью поглощен этим занятием, словно пятилетний мальчик, играющий с солдатиками. Он выстраивал их в колонны и отправлял маршировать по сверкающей глади кварцевого стекла.

Фигурки представляли собой драконов — чудовищ из старинных сказок, а также таких существ, каких не могло быть ни в одной сказке. Некоторые сверкали, как зеркало, другие были черными. Многие фигурки были расцвечены в пышные тона. У них не было ни ног, ни крыльев. У них были головы монстров — некоторые с длинными, как кинжалы, клыками, иные вытянутые забавным образом, словно у кротов.

Бойс Ганн никогда не видел Планирующего на таком близком расстоянии. Он был несколько разочарован. Планирующий оказался обыкновенным человеком! Старый, толстый, обрюзгший и, добавил про себя Ганн, немного чудаковатый.

И все же это был Планирующий, это был рупор самой Машины. Машина не могла ошибаться в выводах, избранный ею человек не мог быть несовершенным. Конечно, он слышал о некоторых предшественниках этого Планирующего, о

Криири, например, который совершил фатальную ошибку, пытаясь позволить Рифам Космоса войти в систему Плана Человека на своих собственных условиях... Ганн быстро погасил эту мысль. В таком месте невозможно думать о предательстве!

Он снова почувствовал пронизывающую боль, охватившую его в приемной Зала, когда он узнал, что его любимая девушка Джули Мартин превратилась в жрицу Машины, в сестру Дельту Четыре. Как это могло произойти? ПОЧЕМУ ЭТО ПРОИЗОШЛО?

Планирующий поднял большую круглую голову и посмотрел на Бойса Ганна.

— Ты, — проскрежетал он, — знаешь ли ты, что это такое? Ганн сглотнул.

— Да, сэр, — выговорил он, заикаясь, — то есть, кажется, я знаю Некоторые из них похожи на пироподов. Это существа, которые нападают на все живое в Рифах, сэр...

Но Планирующий уже кивал своей большой, с обрюзгшими щеками, головой.

— Да, пироподы! — почти прокричал он. Внезапно он одним движением смахнул тонко вырезанные фигурки со стола на пол. — Если бы у меня была тысяча пироподов! Миллион! Если бы я мог послать их в Рифы! Чтобы они уничтожили там все живое! Какое безумие — эти рифокрысы осмеливаются толковать мне о свободе!

Он замолчал и свирепо уставился на Ганна, который стоял, замерев, потеряв дар речи.

— Мне нужна правда, — сказал Планирующий. — Что управляет Рифами, Ганн? Ты должен рассказать мне, ты побывал там. Мало им романтических бредней! — заревел он снова. — Будто бы человека можно улучшить, будто в тупых органических существах зреет дух добродетели, который может прорасти и развиваться! Какое безумие! И теперь они угрожают мне в моем собственном Зале... гасят мне Солнце... похваляются еще более ужасными возможностями!

Он оперся пухлыми руками о золотые подлокотники кресла, наполовину привстал, подался вперед, к стоящему Ганну, и завопил:

— Кто такой Дитя Звезд, Ганн?! Это ты?!!

Словно пронзенный ударом тока, Ганн задушенно пробормотал:

— Нет, сэр! Это не я!!! Я его никогда не видел! Я о нем ничего не знаю... кроме того, что слышал здесь, когда меня допрашивали люди генерала Вилера. И какие-то слухи. Но я не Дитя Звезд!!!

— Слухи? Какие слухи, Ганн? Я должен знать!

Ганн беспомощно оглянулся вокруг. Все присутствующие в зале бесстрастно наблюдали за ним хладнокровными глазами. Он был предоставлен самому себе, помощи ждать было неоткуда.

— Сэр, — сказал он в отчаянии, — я рассказывал все, что знаю, тысячу раз. Я расскажу все еще раз. Все, что мне известно. Но дело в том, что мне почти ничего не известно о Дитя Звезд!

— В этом дело, — во все горло проорал Планирующий, — или не в этом — решаю я! Продолжай! Говори!

Ганн послушно начал всю историю с самого начала.

— Сэр, я был направлен на расследование некоторых беспорядков на станции Поларис.

Когда он заново пересказывал так хорошо знакомую ему историю, в зале царила мертвая тишина. Планирующий бесстрастно слушал, облокотившись на один подлокотник своего громадного золотого кресла, остальные следовали его примеру. Голос Ганна разносился по пространству зала, словно крик, брошенный в колодезь. Ему отвечало одно эхо; лишь движение зрачка, легкая перемена положения тела указывали на то, что слушатели его понимают. Он закончил на своем аресте в катакомбах Машины и стоял теперь неподвижно, молча.

Планирующий проговорил задумчиво:

— Ты упоминал о знаке, знак Лебеда.

— Да, сэр, — Бойс Ганн, насколько это было в его силах, продемонстрировал плавный жест, движение руки у предплечья, которые он наблюдал у Гарри Хиксона и

умирающего полковника Зафара. — Мне кажется, он имеет отношение к созвездию Лебеда, где главной звездой является Денеб, нечто вроде предмета поклонения так называемой Церкви Звезды...

Планирующий повернул свою массивную голову в сторону трех служителей-связных, облаченных в черные балахоны.

— Денеб! — рявкнул он. — Показать!

Один из служителей что-то сказал мелодичным голосом в свой связь-куб. Свет в зале мгновенно померк, и на сводчатом потолке ожила звездная панорама. Планирующий вытянул шею, вскинул голову, вглядываясь в потолок. Глаза присутствующих последовали за его взглядом.

Ощущение было такое, словно тысячи ярдов камня и земли над их головами вдруг были сдвинуты в сторону. Перед ними открылась космическая бездна, видимая словно в безлунную ясную ночь поздней осенью, решил Ганн, оценив положение созвездий. Время — около полуночи. Над головой сияли крупные звезды Летнего Треугольника — Альтаир на юге, Денеб и Вега на севере. Млечный путь опоясывал свод потолка могучей лентой звездной пыли. Низко над западным горизонтом пылал красный Антарес, на востоке сиял Фомальгаут...

Внезапно поле зрения начало сокращаться. Они словно помчались вперед, прямо к созвездию Лебеда. Исчезли из виду Фомальгаут и Антарес, созвездие Орла с Альтаиром, Полярная звезда и Цефей под ней. Остался один Лебедь, созвездие Лебеда. Оно повисло над их головами, как сверкающий гобелен.

Послышался приятный мелодичный голос:

— Созвездие Лебеда. Звезды: Альфа Лебеда, другое название — Денеб, бело-голубая звезда первой величины; Бета Лебеда, другое название — Альбирео, двойная звезда, компоненты: ярко-голубая и оранжевая звезды; Гамма Лебеда...

Планирующий проскрежетал:

— Мне нужен только Денеб, идиот!

Мелодичный голос продолжал без запинки:

— Денеб. Дистанция — четыреста световых лет. Температура поверхности одиннадцать тысяч градусов. Сверхгигант. Данные спектрографии: водород, кальций...

— Планеты! — завопил Планирующий раздраженно.

— Существование планет — не обнаружены, — пропел невидимый голос. Ганн вытянул шею — голос принадлежал одному из служителей в балахонах, но их лица были спрятаны под капюшонами, и он не мог сказать, кому именно.

Планирующий долго молчал, глядя вверх. Наконец он сказал:

— Имеет ли Машина сведения о физической связи между Денебом и Дитя Звезд?

— Нет сведений, сэр, — пропел немедленно невидимый голос. — Возможные исключения: данные о связи Церкви Звезды и Денеба. Возможная связь между Денебом и 61 Лебеда в этом же созвездии. Это одна из звезд, погасить которую угрожал Дитя Звезд, что имело место. Все вышеназванные факты не приняты Машиной как важные.

— Очень хорошо. Отбой, — проворчал Планирующий.

Изображение на потолке погасло, вспыхнул свет. Планирующий несколько секунд сидел в тяжком раздумье, с отсутствующим выражением в глазах. Он рассеянно обвел взглядом комнату, глядя поверх Бойса Ганна, поверх разбросанных фигурок, поверх охранников и генерала Вилера.

Взгляд его остановился на черных балахонах служителей. Потом он вздохнул и пальцем поманил одного из связников. Он всего лишь согнул и разогнул палец, но фигура в черном тут же подошла к нему. В руке служитель что-то держал. Это был золотистый кабель, выходивший из связькуба. На конце кабеля виднелся золотой штепсель с восемью электродами.

Глаза Ганна расширились.

Если он не сошел с ума — а он оставался в здравом рассудке-то... Служитель уже стоял рядом с Планирующим. Он

коснулся его лба, отодвинул в сторону редкие волосы, закрывающие блестящую пластинку, вращенную в лоб. Планирующий собирался вступить в сообщество с Машиной.

Зрелище было захватывающим и... жутким.

Не обращая внимания на глаза, устремленные к нему, Планирующий расслабленно ждал, пока служитель ловко вставлял электроды штепселя в приемные отверстия пластинки.

И мгновенно выражение лица Планирующего изменилось. Он закрыл глаза. Раздраженное, сердитое выражение словно растворилось. Челюсти его сжались, обнажились зубы; это напоминало мгновенный приступ боли в агонии... или экстазе.

Немного спустя волна прошла и лицо Планирующего снова расслабилось. Дыхание его участилось. Пока тончайшие электроды раздражали центры удовольствия в его мозгу, он начал выказывать какие-то чувства. Сначала он улыбнулся, потом нахмурился, потом снова улыбнулся. Губы зашевелились. Он что-то неразборчиво и хрипло зашептал... сначала медленно... потом все быстрее и быстрее. Его пухлое тело затряслось, пальцы заметались. Облаченный в черное служитель спокойно коснулся его рукой, что-то прошептал на ухо.

Планирующий утихомирился. Тело его расслабилось. Он больше не шептал.

Служитель подождал секунду, потом кивнул и вытащил штепсель, неслышно отойдя в сторону. Планирующий открыл глаза и посмотрел по сторонам.

Перемена, которая произошла с Планирующим, показала Ганну еще более странной, чем все чудеса, виденные в Рифах. Мрачный, сердитый, раздраженный человек вступил в сообщение с электронными удовольствиями Машины. В мир вернулся уже совсем другой Планирующий — веселый, жизнерадостный, энергичный. Зал наполнился его громким хохотом.

— Ага! — завопил он. — Ого! Вот это да! Хорошо!

Он уселся поудобнее в кресло и застучал кулаком по кварцу стола.

— Мы их изничтожим! — кричал он. — Рифокрыс и Дитя Звезд, — всех, кто осмелится совать палки в колеса Плана! Мы их раздавим вместе с их фантазиями! И ты нам поможешь в этом, Бойс Ганн, потому что станешь в этом деле избранным инструментом Плана.

На какой-то безумный момент Ганна охватило желание повернуться и побежать... или прыгнуть на Планирующего, пусть сработает заряд в кольце на шее, и все его проблемы будут решены раз и навсегда. В веселом тоне Планирующего ему чудилось что-то дикое и страшное. Если Машина способна произвести такую перемену в самом любимом слуге, то... Ганн почувствовал страх. Он боялся Машины! И сама эта мысль была страшна, потому что для него Машина всегда была великим добрым повелителем, чьи суждения безошибочны, который всегда вознаграждает за верную службу, наказывает за плохую. Но именно такая награда показала Ганну ужасным наказанием...

Но он сказал только:

— Да, сэр. Я служу Плану, сэр!

— Служи ему как следует, сынок! — с радостным выражением прокричал Планирующий. — Служи ему всем сердцем и умом — или ты послужишь ему глазами, руками, печенкой и прочим — в орган-банке! Мы все служим Плану, сынок! Так или иначе! — И он разрешил Ганну идти, весело махнув рукой и повернувшись к генералу Вилеру. Когда охранники сомкнулись вокруг Ганна, он успел бросить взгляд на генерала Вилера. Серо-стальные глаза казались холодными и пустыми, но Ганн прекрасно понимал, что они говорили.

— Не подведи меня, Ганн, — говорили они.

Было когда-то время, подумал Бойс Ганн, когда жизнь казалась простой, а обязанности — ясными. В те полузабытые, похороненные времена — неужели это было всего несколько месяцев назад? — он встретил и полюбил девушку по имени Джули Мартин. Он помнил ту ночь, когда они встретились, помнил проведенные вместе долгие часы, бесконечные обещания, сияющую надежду на счастье впереди. Он помнил уходящий вдаль песчаный пляж в курортном городе Плайя Бланка и ее прощальный поцелуй. Очаровательная, любящая — она была всем, чего мог желать человек. Воспоминания о ней Бойс Ганн пронес через всю свою одиссею в двадцать миллиардов миль от Солнца в оба конца.

Но никогда он не был так далек от нее, как в этой комнате. Он мог бы, если бы осмелился, коснуться губ, которые целовал на берегу Плайя Бланка — но скрытое под капюшоном лицо больше не принадлежало девушке по имени Джули Мартин. В нем обитала сестра Дельта Четыре.

— Джули! Джули Мартин... — невольно сорвался шепот с губ Ганна

Она стояла неподвижно, глядя на него серьезными темными глазами. Он искал в них хоть какой-то намек на то, что она узнала его, искал отзвук тепла любви, наполнявшей их в Плайя Бланке, но ничего не мог найти.

Она качнула головой в капюшоне.

— Меня зовут Дельта Четыре, — сказала она мелодичным, как звон колокольчиков, голосом. — Я буду вести ваш допрос для Машины. — Она продолжала стоять неподвижно, ожидая его ответа, бледное лицо наполовину прикрывал капюшон. Светящаяся эмблема на ее балахоне, казалось, подсмеивалась над Ганном. Это был знак «Не приближаться» — и он не осмелился бы нарушить его.

Но он не выдержал и спросил:

— Джули, разве ты совсем не помнишь меня? Что с тобой случилось?

Она провела пальцем по длинной нити электронных бус, каждая бусина отвечала звенящим тоном на прикосновение ее пальца.

— Майор Ганн, — пропела она в тон электронному звуку бусины, — насколько вам известно, я служительница Машины. Не напоминайте мне о прошлой жизни.

— Но, пожалуйста, Джули, скажи мне хотя бы, зачем ты это сделала? Почему ты не...

Девушка медленно кивнула.

— Хорошо, у нас еще есть время, — пропела она. — Спрашивайте.

— Почему ты... Я хочу сказать, почему Джули Мартин не подождала моего возвращения? Я послал с Плутона письмо...

— Ваше послание было доставлено, — пропела она. — Но Джули Мартин уже была принята на обучение в служители Машины. Она уничтожила ваше послание. Она не желает вспоминать об этом.

— Но я тебя любил! — взорвался Ганн. — Как ты могла бросить меня?

Безмятежное лицо смотрело на него без всякого любопытства.

— Джули Мартин любила вас, — поправила она мелодичным голосом. — Меня же зовут Дельта Четыре. Пожалуйста, садитесь, майор Ганн. Я должна начать допрос для Машины.

Ганн заставил себя опуститься на стул. Девушка подвинула поближе второй стул и присела с тщательной плавность движений.

Из складок пелерины она извлекла маленький, покрытый черным пластиком связь-куб.

— Майор Ганн, — сказала она, — я должна спросить вас — являетесь ли вы тем же лицом, что и Дитя Звезд? — Ее голос был чистой мелодией, холодный, ровный, такой же далекий, как ее бледное овальное лицо.

— План его побери, нет! — вырвалось у Ганна. — Я этим вопросом сыт по горло! Я уже сто раз повторял...

Но девушка качала головой.

— Подождите, — прервала она его. — Одну минуту, пожалуйста.

Он хмуро следил за ней, боль от ушибов усиливалась глухим страданием его сердца. Девушка склонила голову в капюшоне, снова коснулась длинной нитки блестящих черных бусин. Всякий раз, когда раздавался звук электронного колокольчика, ее голос повторял ноту, упражняясь в сложной гамме тоновых фонов, составляющих искусственный язык механо.

Механо был труднопреодолимым мостом между Машиной и сознанием человека. Раньше компьютеры преодолевали этот мост с помощью перевода, трансформируя язык людей в фортран или любой другой машинный язык, фортран — в двоичные числа, двоичные числа — в указания и сведения для операций. Изобретенный же Машиной язык сам по себе был уже своего рода набором двоичных чисел, определявших процесс в структуре Машины: открытие или закрытие контура, разрядка или зарядка емкости, то или иное состояние ферромагнитного слоя ленты.

Люди не могут научиться говорить на языке двоичных чисел, в то же время Машина, управляемая Планом Человека, не могла тратить время на перевод. Вместо этого она создала язык, который человек все же мог выучить — с большим трудом, при условии сосредоточения, которое достигалось удалением от всех остальных аспектов жизни, но все же выучить и говорить достаточно хорошо.

Механо был мостом, но преодолеть его было нелегко. Машина, для которой счет времени шел на миллиардные доли секунды, не могла снижать темп до скорости медлительной речи человека. Высчитав, что пропускная способность человеческого уха и звукопроизносящего аппарата составляет около 50 000 двоичных единиц в секунду, она разработала

язык, позволявший приблизиться к теоретическому максимуму.

Обыкновенная человеческая речь передавала всего пятьдесят тысяч единиц информации в секунду, язык механо был в тысячу раз эффективней.

И, как было известно Ганну, его было в тысячу раз труднее изучить.

С горечью понял он, что именно голос, который когда-то обратил его внимание на Джули, музыкальный тихий голос стал виновником потери. Машина постоянно вела поиск людей, которые способны были изучить механо, и если находила, то они становились ее служителями навсегда. Только одаренные особым талантом люди могли изучить механо в совершенстве, хотя практически любой человек, затратив соответствующее время и усилия, мог изучить основы, чтобы кое-как говорить и понимать. Настоящий же связник должен был обладать не только широким вокальным диапазоном, но и абсолютным музыкальным слухом. Ему помогали тональные четки. Перед разговором с Машиной служитель мог использовать их в качестве эталона настройки, камертона. Но даже тональные бусины были не в силах превратить обыкновенного человека в служителя, бегло говорящего на механо.

Глядя, как повторяет Дельта Четыре вызываемые бусинами ноты, Ганн представил, сколько недель утомительных тренировок лежит у нее позади. Он знал, что обучение требует полной концентрации, полной самоотдачи. И конечной наградой была блестящая металлическая пластина на лбу.

Дельта Четыре пропела серию серебристых нот, похожих на чириканье птицы. Связь-куб ответил электронной серией похожих звуков. Сосредоточенные, бесстрастные глаза оставались, наконец, на Ганне.

— Теперь мы готовы, — сказала она. — Майор Ганн, Дитя Звезд — это вы?

Сотня вопросов — и теперь еще сто первый.

Бойс Ганн теперь мог отвечать на вопросы девушки совершенно автоматически. Долгое повторение научило его губы и язык двигаться почти что самостоятельно. Нет, я не Дитя Звезд. Я его никогда не видел. Я ничего не знаю о Требовании Освобождения. Я никогда не участвовал в анти-Плановых движениях.

И все это время его сердце кричало: Джули! Вернись!

Каждый раз, когда он отвечал на вопрос, сестра Дельта Четыре пропевала ответ в связь-куб. Странные ноты совсем не напоминали его слов, но Ганн знал, что каждая сложная фонема была одновременно и полнозначной морфемой, каждый слог — синтагмой. И всякий раз, задав вопрос, она с абсолютным спокойствием делала паузу, ожидая его ответа. Ее правильное лицо выглядело таким же нечеловеческим, каким казался голос.

— Для исполнения этого опасного задания я отправился на станцию Космического Занавеса... — говорил Ганн, и дальше шла его длинная, столько раз повторенная история.

У него возникло чувство, будто яркие золотые стены душат, сжимают его со всех сторон. Сколько над нами тысяч футов скалы, подумал он. Сияет ли там, наверху, Солнце, которое грозили погасить, заливая своими лучами леса и раннюю весеннюю зелень на лугах? Или над ними расположились арктические льды? Или мили темной глубины вод мирового океана?

Он ничего не знал.

И внезапно ему вдруг отчаянно захотелось снова оказаться в Рифах, на Свободном Небе, с Карлой Сноу. Эти странные космические образования вдруг показались ему куда ближе Плана Человека. Он ощущал ностальгию по бесконечным пространствам... по фантастической идее свободы...

Сердитое ворчание, слышавшееся из связь-куба, вернуло Ганна к реальности.

— Продолжаем, — проворковала Дельта Четыре. — На вас напали пироподы?

Ее голос напоминал звон хрустального колокольчика, холодный и пустой, как черное пространство между Рифами. В нем не было и искры чувства, так же, как и на абсолютно бесстрастном лице служительницы.

Он устало кивнул, потом вспомнил.

— Да, но перед этим — я забыл упомянуть раньше — перед этим Хиксон снял с меня воротник.

Блестящие черные глаза сестры Дельта Четыре не расширились от ужаса. Она спокойно пропела ответ в связь-куб, продолжая внимательно смотреть на Ганна, хотя во взгляде ее появилась некоторая отрешенность, словно внутренне девушка уже была поглощена тайным экстазом предстоящей общности.

Черная коробка заворчала.

— Машина требует пояснений, — пропела сестра Дельта Четыре. — Мы должны отыскать этого Гарри Хиксона. Его свойство должно быть изучено Планом. Потом каждый орган его тела должен быть тщательно уничтожен.

Ганн невесело усмехнулся, глядя на губы, которые целовал когда-то, так давно.

— Извините, не могу вам помочь. Он умер.

— Машина не принимает ответа, — пропела она. — Разве вы не сказали, что не-Плановый отшельник снял ваш воротник? Разве вы не спросили, как он это сделал?

— Нет, — признался Ганн. Он искал, надеялся увидеть живую искру в ее глазах. Они были пусты. Черная коробка зловеще зажужжала. Думаю, он был обращен в Церковь Звезды, — поспешно добавил Ганн. — Я думаю, то есть так следует понимать, что его сила проистекала с Денеба.

Сердитый трезвон из связь-куба.

— Это самоочевидная ложь, — пропел холодный голос сестры Дельта Четыре. — Звезда не может оказывать такого влияния. Во Вселенной нет разума, более могучего, чем разум Машины.

Она сделал паузу, черная коробка опять заворчала.

— Если виной всему Гарри Хиксон, то правда будет установлена после того, как его поймут, — перевела она. — Если неправду сказали вы, майор Ганн, то вам грозит орган-банк.

— Но я говорю правду! — закричал он. — Я совершенно лоялен по отношению к Плану Человека!!!

Куб что-то запел, девушка повторила:

— Машина отказывается принимать чисто словесные заявления. Минуту. Машина получает дополнительные данные по другому входу.

Загадочным образом лицо девушки начало удаляться, Ганн моргнул. Казалось, она движется, становится меньше, словно падает куда-то прочь от Ганна, в глубокий темный колодец, в космическую пустоту. Вот до нее уже тысяча ярдов...

Потом все вернулось на места. Ганн испытал мгновенное головокружение, словно звуконепроницаемая комнатка в недрах штаб-квартиры Планирующего вдруг принялась танцевать медленный вальс. Потом головокружение прошло.

Связь-куб зловеще задребезжал, и сестра Дельта Четыре пропела:

— Машина прекращает беседу. — Резкий шум из куба. — Она напоминает вам, что не-Плановые идеи, так же, как и не-Плановые слова и действия должны сурово исправляться. Но пока она откладывает окончательное решение вашей участи.

Ее белое правильное лицо оживила едва заметная улыбка. Видимо, она предвкушала наслаждение, которое скоро должно было наступить, когда электроды возбудят центры ее мозга, совершив благословенную общность. Но связь-куб еще не отпустил ее — он снова зажужжал.

— Машина считает ваш рассказ неполным, — мелодичным речитативом сообщила она, глядя на Ганна беспечными черными глазами. — Вы не указали на личность Дитя Звезд. Вы не открыли фактов о судьбе корабля «Сообщность». Вы ничего не рассказали о так называемом

Требовании Освобождения. Вы не объяснили, как попали в помещение Машины.

Ганн покачал головой.

— Я не знаю, что вам рассказать, — сказал он. Куб снова неумолимо зажужжал.

— Ваше утверждение неубедительно, — снова пропела сестра Дельта Четыре. — Но беседа будет продолжена...

Комната снова пришла в нереальное движение. Ганн ухватился за стул. Но на этот раз даже девушка почувствовала неудобство. Ее правильные губы полуоткрылись, в глазах замерцала искра удивления.

Связь-куб быстро зачирикал. В этот же момент где-то завыли сирены.

— В нескольких точках, — начала, запинаясь, переводить девушка, — были зарегистрированы толчки...

В это мгновение связь-куб издал отчаянный дребезг. Сестра Дельта Четыре громко вздохнула. Она инстинктивно ухватилась за руку Бойса Ганна.

— Пироподы! — закричала она. — Они... они... Вы должны помочь! Зал Планирующего атакован пироподами! Их десятки! Они уже внутри!

Отдельная комната, в которой Дельта Четыре допрашивала Ганна, была лишь частицей огромной сети коридоров и помещений, составляющих жилую и административную части штаб-квартиры Планирующего. Дверь была заперта, но мгновенно открылась, прореагировав на папиллярный узор пальцев девушки, коснувшихся ручки. Дверь широко распахнулась, и Ганн вместе с девушкой бросились бежать по длинному залу с золотыми стенами. Зал этот, широкий, как шоссе, высокий, как двухэтажное здание, пронизывал насквозь штаб-квартиру Планирующего, комнаты которой выходили в зал то там, то здесь. Это было место проведения всех церемоний. Вдоль стен выстроились золотые и хрустальные статуи, стены были увешаны золотой парчой, украшены фресками и экранами.

И сейчас зал был полон отвратительным душащим дымом ракетного выхлопа.

В уши ударил раздражающий визг громадного тела, таранящего воздух. Гневный крик... еще крики. Похоже, люди были застигнуты врасплох... Тонкий, режущий уши свист лазерных пистолетов. Среди всего этого шума и неразберихи Ганн сразу увидел опасность и за руку оттащил девушку под прикрытие дверного проема.

Прямо на них по залу мчался пиропод.

Он проревел мимо — в замкнутом пространстве зала этот рев почти оглушал. Видом своим чудовище наводило на мысли об ангелах Судного Дня, сошедших на Землю, чтобы разрушать.

Это был оживший ночной кошмар. Несколько напоминав видом скорпиона, по величине он не уступал громадному быку. Глаза его были огромными зеркалами со стельками-рецепторами посередине — это были природные радиотелескопы. Они испускали красный свет. Могучие челюсти пиропода способны были разгрызть стальную балку. Его когти умели разрывать стальные плиты. Все его тело защищала блестящая чешуя, длинный саблеобразный хвост загибался к спине. И это чудовище несло прямо на них, с визгом раздирая воздух!

Девушка в ужасе закричала. Ганн, успокаивая ее, прижал ее голову к груди, хотя крик ужаса полностью утонул в грохоте пролетающего пиропода, от которого вполне могли лопнуть барабанные перепонки. Да, это был не детеныш, с которым Ганн играл на рифе Гарри Хиксона. Это был взрослый пиропод, способный на равных вести бой с крейсером Плана.

Он пронесся мимо Ганна и девушки, врезавшись в грудь охранников, столпившихся в сотне ярдов дальше. Они встретили его градом выстрелов из пулевых и лазерных пистолетов. Пиропод врезался в группу людей, промчался дальше... и в живых не осталось никого. Только куча мертвых тел указывала на место, где они только что стояли.

— Великая Машина! — выдохнула в ужасе сестра Дельта Четыре. От ее непоколебимой безмятежности не осталось и следа, капюшон слетел с головы, над искаженным страхом лицом ярко сверкала металлическая пластинка. — Что это было?

— Вы сами мне сказали, — проворчал Ганн. — Пиропод! Если он вернется, мы пропали!

Она всхлипнула и потащила его за руку.

— Сюда... мы спрячемся.

— Нет! Их много. Один из них может случайно наткнуться на нас. Если бы у меня был пистолет...

Она посмотрела вдоль длинного сияющего зала. Пламени выхлопа пиропода нигде не было видно. Возможно, монстр выскочил в другое помещение или в коридор. Охранники лежали мертвой грудой там, где их застала смерть.

Он быстро принял решение.

— Джули... то есть... неважно. Слушайте! Пиропода можно убить, если знать, куда стрелять. Я попробую достать пистолет. Вы оставайтесь здесь!

Через секунду он уже бежал изо всех сил к растерзанным телам мертвых охранников. Он подавил соблазн пробраться вдоль стен — это бы ему не помогло. Если чудовище вернется, он все равно погибнет. Оставалось полагаться только на скорость. Он преодолел сотню ярдов с быстротой олимпийского чемпиона.

И едва не опоздал. Тяжело дыша, с легкими, горящими, как в огне, он услышал вдруг нарастающий рев и поднял голову. За звуковой волной почти с такой же скоростью мчался сам пиропод.

Ганн бросился на пол.

Чудовище промахнулось всего на несколько дюймов, он успел увидеть мелькнувшие металлические челюсти и клыки-кристаллы, протянувшиеся к нему огромные когти, потом чудовище унеслось. Ганн вскочил и снова побежал.

Он слышал, как монстр крушит статую, пытаясь как можно быстрее затормозиться, но не обернулся. Он

прыжком подскочил к мертвому охраннику, схватил пистолет, проверил заряд и мгновенно обернулся.

Пиропод тоже успел изменить курс.

Он поймал Ганна в прицел пульсирующих красных глазлокаторов. С воплем он помчался на Ганна, как живая космическая торпеда. Ганн выстрелил в один из горящих глаз и вновь бросился на пол.

Пиропод издал вопль агонии. Он слепо врезался в стену, раздробил хвостом статую, оставив светлую царапину на металле стены. Огонь его выхлопа ярко вспыхнул и исчез. Ганн выстрелил еще раз и закрыл голову руками.

Послышался сильный далекий взрыв. Он чувствовал сотрясение ударной волны. От сотрясения подпрыгнуло несколько мертвых тел неподалеку, разметав безжизненные руки, замотав слепыми головами.

Пиропод исчез.

Но сестра Дельта Четыре сказала, что их были «десятки»

...

Ганн быстро занялся поисками оружия среди жертв пиропода. Он сунул в карман легкий пулевой пистолет, потом вооружился тремя пистолетами с самыми полными лучевыми зарядами, какие удалось найти. Потом он повернулся, чтобы отправиться за сестрой Дельта Четыре.

Она стояла за его спиной. Она видела, что он делает, и делала то же самое. Она держала по пистолету в каждой руке, а в кармане ее балахона блестел по крайней мере еще один.

Ганн поколебался, потом усмехнулся.

— Пошли! — воскликнул он, — Посмотрим, что можно сделать. Стреляй прямо в глаза, запомни!

Он хлопнул ее по плечу, повернулся и побежал в направлении Зала Планирующего.

Указателем ему служил адский вой и рев, других ориентиров не требовалось.

Прежде чем они добрались до зала, Ганн убил еще двух пироподов, правда, не таких больших, как едва не

покончившее с ними чудовище, а сестра Дельта Четыре испугала дальним выстрелом еще одного — нельзя было сказать точно, попала она в цель или нет.

Великий Зал Планирующего превратился в осиное гнездо. Он был заполнен громадными чудовищами, метавшимися сквозь сернистый дым, наполнявший воздух, отрывая огромные куски от обшивки стен, поглощая все, что могло дать им реактивную массу, в том числе и золотое кресло Планирующего. Судя по всему, они легко расправились с защитниками Зала и теперь вели борьбу между собой за остатки добычи.

Потом Ганн заметил тонкий рубиновый луч пистолета.

Один из пироподов завыл от боли, словно взбесившаяся сирена оповещения. Рана не была смертельной, но существо столкнулось с другим чудовищем, и оба принялись кромсать друг друга.

Значит, в Зале еще был кто-то живой!

Убедившись, что девушка стоит позади, Ганн осторожно сделал шаг вперед и осмотрелся. Выстрелили; кажется, откуда-то из-за декоративной ниши, в которой стояла статуя. Ганн набрал полную грудь воздуха, крикнул, потом нырнул в дверь. Бесплезно — его крик утонул в реве и визге, наполнявшем зал.

Он схватил сестру Дельта Четыре за плечо, подтащил ближе и прокричал ей прямо в ухо:

— Я хочу попробовать покончить с ними по одному! Они как раз сейчас не обращают на нас внимания! Но если кто-то полетит в нашем направлении, стреляй прямо в глаза!

Она кивнула, лицо ее опять было спокойным и отрешенным, большие военные лазеры казались неуместными в ее деликатных руках. Ганн в последний раз пристально посмотрел на служительницу, не в силах забыть блестящую пластинку на лбу, которая теперь снова была скрыта капюшоном, потом повернулся лицом к Великому Залу.

Ему потребовалось двадцать минут.

Он пересчитал захвативших Зал чудищ — их оказалось пятнадцать. Он успел уничтожить семерых, одного за другим, без всякого беспокойства. Потом, предупрежденный прикосновением сестры Дельта Четыре, он повернулся в другую сторону, чтобы расправиться с заблудившимся пироподом, мчавшимся на них из коридора.

Потом он прикончил еще троих и вдруг заметил, что в дальнем конце зала еще один пиропод завопил и взорвался. Он в него не стрелял. Неизвестный, укрывшийся в нише под тимпаном, явно видел, что делает Ганн, и копировал его тактику.

Теперь огонь вели два пистолета — нет, три, считая сестру Дельта Четыре, которая встала рядом с Ганном и помогала ему обезвредить последних уцелевших пироподов, в замешательстве метавшихся по залу, стены которого сотрясались от их рева, а воздух стал почти непригодным для дыхания из-за едкого дыма ракетных выхлопов.

Потом со всеми было кончено.

Ганн осторожно вошел в Зал, держа пистолет наготове, бросая во все стороны внимательные взгляды — не шевельнется ли недобитое чудовище.

Издалека все еще доносился рев и визг. Очевидно, где-то в подземном дворце Планирующего еще буйствовали пироподы. Но основная их масса должна была лежать мертвой в этом зале. Ганн поспешил в сторону ниши, где скрывался неизвестный союзник.

Из-за статуи в нише вышел на плохо гнущихся ногах генерал Вилер и направился к Ганну. На лице его играла жесткая улыбка победителя. Он сунул в кобуру пистолет и движением, напоминающим рывок поршня, вытянул руку, чтобы пожать протянутую ладонь Ганна.

— Неплохо сработано, майор, — проскрежетал он.

— Благодарю, сэр. У меня была поддержка. Познакомьтесь...

Выражение лица генерала не изменилось.

— С сестрой Дельта Четыре я знаком, — прогудел он. — Можете передать Машине мое одобрение, сестра. Пожалуйста, соединитесь с Машиной и справьтесь, каково ее состояние. Я опасаясь, что эта атака была направлена против нее!

Он стальными пальцами сжал руку Ганна и отвел его в сторону.

— Уродины, — проскрипел он, пиная останки громадного монстра. — Гротескные существа, так сказать. Планирующий всегда ими очень увлекался. Какое забавное совпадение — они возникли из пустоты прямо здесь, в его жилище. — Он бросил через плечо быстрый взгляд на сестру Дельта Четыре, которая, не теряя времени, повторяла ноты за сигналами тональных бус, настраивая свой связь-куб. — Послушайте, Ганн. Взгляните вот на это.

На полу ниши, в которой прятался генерал Вилер, лежал квадрат толстой, кремового цвета бумаги.

— Что это, сэр?

— Поднимите, взгляните сами.

В Зал из коридоров теперь доносились голоса — могучие силы Плана Человека концентрировались, восстанавливая порядок,

Бойс Ганн колебался. Что-то здесь было не так.

— А Планирующий? — спросил он. — Неужели он... — Ганн обвел взглядом Зал, разбросанные тела мертвых пироподов и погибших охранников, оказавшихся здесь в ловушке.

— Нет, майор! Его здесь не было. Читайте документ!

Ганн, которого не покидало ощущение подвоха, нагнулся и подобрал бумагу. Он взглянул на текст.

Потом все сомнения разом оставили его. Он когда-то видел точно такую же... в руках умирающего полковника Зафара, в двадцати миллиардах километров отсюда.

Этот документ назывался Требованием Освобождения.

И этот, который он держал в руках, был таким же потрясающим по содержанию, таким же опасным для Плана Человека.

Бойс Ганн начал быстро читать, потом поднял удивленные глаза на генерала, стоявшего с каменным лицом, потом снова стал читать. Документ был озаглавлен «Планирующему», и в нем говорилось:

«Планирующему или его преемнику, если первого уже нет на свете.

Вы и те, кто вам служит, игнорировали мое предупреждение, не обратив внимания на демонстрацию моих возможностей.

Теперь я вам посылаю пару милых зверушек, чтобы вы убедились, — я умею не только угрожать. Они нанесут вам немалый ущерб, но гораздо больший они причинят в будущем.

Потому что, если я пошлю их еще раз, то уже не в штабквартиру Планирующего — если от нее что-то останется.

В следующий раз они окажутся в коридорах Планирующей Машины».

Ганн поднял глаза на генерала, его губы крепко сжались, глаза сузились.

— Опасность грозит Машине! — сказал он. — Генерал, нужно сейчас же рассказать обо всем сестре Дельта Четыре, чтобы она передала Машине.

— Решение я приму один, майор, — проскрежетал генерал. — Что вы можете сказать в свою защиту?

Пораженный Ганн проговорил:

— Почему... я не понимаю, что это значит, генерал. Я не имею никакого отношения... — Потом он увидел, что генерал уже вытащил из кобуры лазер и направил на него.

— Вы арестованы, — с металлическим звоном отчеканил он. — Не пытайтесь сопротивляться. Не двигайтесь и не разговаривайте.

Ганн открыл рот, потом закрыл. Происходило что-то безумное. Его арестовали!

Но за что? Он даже не осмелился спросить, железное выражение лица генерала ясно указывало, что лучше не рисковать и подчиниться приказу.

За своей спиной Бойс Ганн услышал шаги приближающихся охранников, а еще дальше-знакомый гулкий рев.

Ганн сразу узнал этот звук. Еще один заблудившийся пиропод. Он забыл о приказе и крикнул:

— Генерал! Еще один!

— Молчи! — резко одернул его генерал. — Я больше повторять не буду! Охрана сама займется твоим чудовищем!

Отчего он так громко говорит, подумал Ганн, несмотря на все свое замешательство. Словно говорит не для Ганна, а для целой толпы свидетелей. Но Ганн не мог с собой справиться. Он понимал, что может натворить даже один пиропод, что даже охрана Планирующего может не справиться с монстром... и еще он понимал, что в Зале телом и душой присутствует девушка, которую он любил, даже если и тело, и душу занимало теперь холодное машиноподобное создание Дельта Четыре. Он стремительно обернулся, выхватил пистолет, и как раз в тот момент пиропод показался в дверях зала.

Ганн выстрелил прямо в красные глаза.

Охранники тоже были наготове, предупрежденные ревом и быстрым движением Ганна, и они тоже открыли огонь. Существо оказалось на перекрестке десяти разрядов разрушительной энергии. Там, где оно только что было, вспыхнуло пламя взрыва...

Стоявшая между Ганном и дверью сестра Дельта Четыре вдруг молча подалась вперед. Она упала на пол и осталась лежать неподвижно, хотя связь-куб настойчиво гудел.

— Ее ранили! — крикнул Ганн, бросая пистолет. Он метнулся к девушке, приподнял, заглядывая в ее черные глаза.

На руках его появилась кровь. На боку ее балахона появилось влажное пятно, капли начали падать на пол, потемнела золотистая эмблема.

Сердце ее уже не билось.

Ганн поднял голову, устремив невидящие глаза на приближающегося генерала Вилера.

— Она умерла? — спросил он сам себя, не в силах поверить. — Неужели я задел ее? Или... — он замолчал, пытаясь вспомнить. Не ударил ли из Зала еще один тонкий, как спица, луч? Не успел ли генерал Вилер выстрелить через его плечо?

Но времени на размышление не было. Генерал был уже рядом, лицо его обратилось в суровую металлическую маску.

— Заберите оружие у этого человека! — суровым скрежещущим голосом отдал он команду охранникам. — Отведите его к Планирующему! Я обвиняю его в том, что он доставил сюда этот документ! Я обвиняю его в убийстве сестры Дельта Четыре, которая могла его выдать. Это — Дитя Звезд! В этом я его тоже обвиняю!

Глава X

Прихрамывая, потрепанные участники битвы с пироподами вошли в кабины скоростных лифтов и поднялись на поверхность, обнаружив Планирующего стоящим наподобие веселого Санта-Клауса на кварцевом балконе у самой вершины снежной горы, в которой была спрятана его подземная штаб-квартира.

Это было, что называется, орлиное гнездо.

— Они промахнулись! — весело встретил Планирующий генерала Вилера. — Второго случая не будет! Мы уничтожим всех бунтовщиков, до единого!

— Сэр, вот главный предатель! — проскрипел генерал. — Он виноват во всем! Я обнаружил его с этим документом в руках!

— Планирующий, генерал лжет! — воскликнул Ганн. — Он знает, что я не...

— Молчать! — рявкнул генерал.

Планирующий даже не удостоил Ганна взглядом. Улыбаясь и кивая, он прочитал написанное на квадратном куске кремовой бумаги, потом небрежно уронил его на пол.

— Вы уверены, что это и есть Дитя Звезд, генерал? — спросил он.

— У меня все улики, сэр! — заскрипел генерал. — Первое: он появился в бункерах Машины необъяснимым образом. Второе: одновременно появилось и Требование Освобождения, тоже необъяснимым образом. Третье: он держал в руках этот документ, когда я арестовал его. Четвертое: он проявил подозрительное знакомство с уязвимыми местами пироподов, когда его собственная жизнь оказалась в опасности. Пятое: он преднамеренно покончил с сестрой Дельта Четыре, которая могла выдать его. Шестое: он намеревался сделать то же самое со мной, когда я отдал охране приказ разоружить его. В заключение приходится придти к выводу, сэр, что оператор-майор Бойс Ганн и есть то самое Дитя Звезд.

— Но, сэр!.. — воскликнул Ганн.

Планирующий сделал знак рукой, и один из охранников выкрутил Ганну руку, заставив его замолчать.

— Так-то лучше, — хихикнул Планирующий. Он явно принял солидную дозу общности с Машиной. Он так пузырился веселым настроением, словно Машина до сих пор посылала импульсы удовольствия в его мозг.

— Однако, — добродушно обратился Планирующий к генералу Вилеру, — один из охранников сообщил, что сестру Дельта Четыре убили вы, а не Ганн. Вы не могли ошибиться?

— Нет, сэр! Это невозможно, сэр. У меня нет мотива.

Планирующий весело кивнул и поскреб пухлую стариковскую щеку. Поднявшись, он подошел к кварцевой стене своего «орлиного гнезда», прищурившись, глядя на закатное небо. С наветренной стороны от вершины закатное солнце словно подожгло венец из кучевых облаков. Его лучи играли на струях небольшого водопада под кварцевым

парапетом и окрасили в мягкие золотистые тона покрытые вечнозелеными растениями крутые склоны.

— Собственно, — добавил Планирующий через плечо, — сестра Дельта Четыре не умерла. — Он улыбнулся, глядя на расположившийся у подножья горы окутанный коричневым смогом город. — Она сейчас в операционной. Ее сердце вышло из строя, но удалось восстановить кровообращение, прежде чем погиб мозг. Уже ведутся поиски донора, который снабдит ее новыми органами.

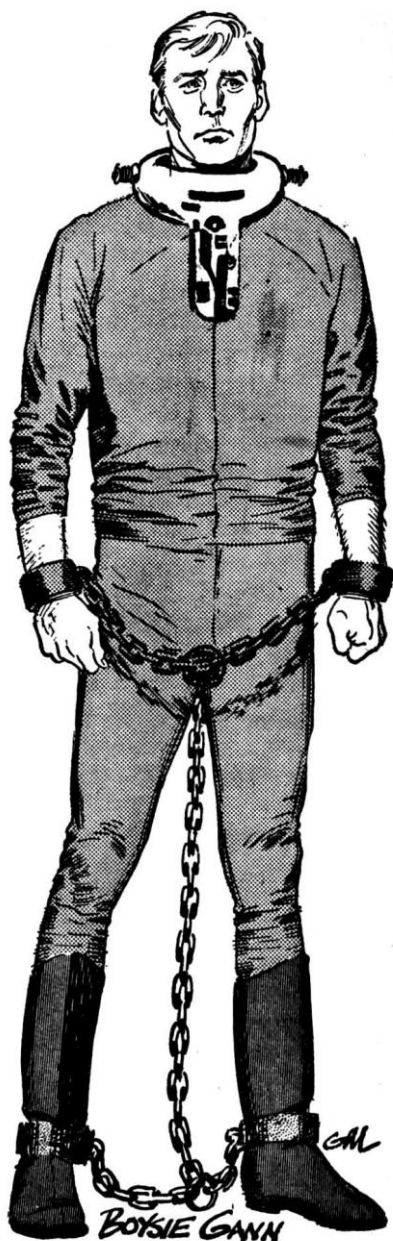
— Слава Плану! — в радости воскликнул Бойс Ганн. — Сэр, она подтвердит, что я и понятия не имел о появлении пироподов, пока она сама не сообщила мне о нападении!

— Молчать! — проскрежетал генерал. — Охрана! Вам было приказано следить, чтобы он не болтал! По-моему, для ваших раненых товарищей понадобятся доноры. Тот, кто позволит этому человеку открыть рот, будет первым добровольцем!

— Не спешите, генерал, — усмехнулся Планирующий. — Вы слишком усердствуете. — Его глаза, прикрытые тяжелыми веками, казались такими же темными и старыми, как покрытые мхом каменные стены внизу, под прозрачным парапетом. Планирующий добродушно взирал на погруженный в пелену смога город. — Давайте планировать, — сказал он, поворачиваясь и улыбаясь. — Давайте решим, что делать.

— Нужно удвоить охрану в бункерах Машины, сэр, — быстро заговорил вице-планирующий Венеры. — Ввести предельные меры безопасности, включая допуск лишь исключительно проверенных... — он замолчал и почесал свой громадный нос, вспомнив, что ни Бойс Ганн, ни пироподы не прошли проверки Службы Безопасности перед тем, как проникли в тщательно охраняемые центры Плана Человека.

Мужчина-связник в черном балахоне, прислушивающийся к тихому жужжанию своего связь-куба, вдруг громко пропел:

— Машина требует участия арестованного. Машина дает указание генералу Вилеру не наносить арестованному вреда, влияющего на состояние его памяти или мышления.

Лицо генерала Вилера напоминало серо-стальную грозовую тучу. Планирующий, хихикая, повернулся к нему.

— Генерал, вы слышали приказ? — сказал он весело. — Извольте выполнять. Молодой человек, вы знаете, что означает этот приказ?

— Нет, сэр. Но я всегда готов служить Плану Человека!

— Да, да, конечно, — кивнул Планирующий. — И, как оказалось, совершенно необычным образом. Майор, выбор пал на вас. Вы замените сестру Дельта Четыре. Машина позволит вам получить необходимую подготовку служителя-связника, а потом — общность!

Тяжелого воротника безопасности было недостаточно для такого

страшного врага Плана, как Бойс Ганн.

— Вы не просто опасник, — заботливо пояснил Ганну один из охранников. — Понимаете, майор, мы не хотим рисковать. Мы не хотим, чтобы вам оторвало вдруг голову. Мы не хотим вас убивать. Ведь мы должны доставить вас на место в целости, правильно? Поэтому просто стойте спокойно, пока мы наденем наручники... а потом доставим вас на базу подготовки... и потом, когда Машина с вами покончит, мы, наконец, оторвем вам башку!

С этими словами охранник свирепо застегнул тугие манжеты наручников на запястьях Ганна и толчком велел ему двигаться.

Сначала его привели на станцию субпоезда. На его вопросы не отвечали. Все ли в порядке с Джули Мартин? Почему генерал Вилер лгал? Что с ним сделает Машина? На каждый из вопросов охранники отвечали одинаково:

— Заткнись, оп! Шагай!

Но потом шагать было уже некуда. Они пришли на станцию субпоезда. В большом холодном сводчатом зале громадные шары вагонов субпоезда ждали пассажиров, которых они понесут по туннелям, прорытым в земной коре под континентами и океанами.

Охранники вывели Ганна на платформу и остановились. Ганн понял, что станция военная — возле выходов туннелей виднелись кабины вооруженной охраны, и на всех присутствующих была черная форма Технокорпуса. Это было вполне объяснимо — станция обслуживала исключительно Планирующего. Но было непонятно, почему поезда стоят неподвижно.

За спиной Ганна со свистом закрылись створки шлюза, выводящего в туннель. Девушка-общительница погасила улыбку, заметив его воротник, и прошествовала мимо. Охранники рассеянно повернули ей вслед головы в рогатых радарных шлемах.

— Послушайте, — сказал Бойс Ганн, — что случилось? Почему мы ждем?

— Придержи язык, оп, — проворчал машин-сержант, командовавший конвоем. Но вид у него был обеспокоенный. Один из подчиненных что-то ему сказал, сержант ответил вполголоса. Ганну удалось уловить лишь несколько слов: «Что-то не в порядке с туннелями, на каком-то участке. Помолчи. Когда они будут готовы нас принять, мы узнаем».

Громадные сорокафутовые сферы вагонов безмолвно ждали, покаясь в ложах несущих челноков на путях. Ганн смотрел на них, размышляя. Судя по всему, едут они куда-то в отдаленное место. На короткие расстояния редко ездят субпоездом. Атомные буры Плана проложили прямые туннели между всеми важными центрами, пронизывая иногда сам никелево-железный слой земной коры, например, между Калькуттой и Сиднеем. Огромные грузовые и пассажирские шары-вагоны развивали такую скорость, что их главным противником становилась сила Кориолиса. Электростатические катушки, окольцовывающие стены туннелей, удваивали и утраивали силу по бокам, компенсируя вращение Земли, старавшееся отклонить вагоны с прямого пути. На субпоезде в любую точку земного шара можно было попасть за несколько часов.

В сознание Ганна проник беспорядочный шум, и он сконцентрировал внимание на происходящем в помещении станции. Огромная серая сфера плавно въехала в зал, выползая из открывшейся пасти туннеля, стены которого через равные промежутки перетягивали силовые катушки.

— Что-то они завозились, — проворчал машин-сержант. — Ладно, пошли. Сейчас нас пустят в вагон.

Сержант не ошибся. Через десять минут они уже были внутри шара-вагона, усаживаясь в пассажирском купе. Но прошло еще больше четверти часа, прежде чем Ганн почувствовал плавный толчок, означающий, что поезд начал двигаться.

Охранники, оказавшись в вагоне, держались с меньшим напряжением. Теперь Ганн не мог от них сбежать — деваться ему было некуда, они были заключены в сорокафутовую

сферу. Снаружи были лишь огромные электростатические обручи-кольца да безвоздушное пространство туннеля, по которому поезд несся со скоростью нескольких тысяч миль в час. Пара охранников куда-то исчезла, потом появилась с довольными усмешками на лицах и дала возможность уйти остальным. Очевидно, в вагоне имелся буфет. Даже сержант в радарном шлеме казался более похожим на человеческое существо.

Больше всего Ганн хотел узнать, что случилось с сестрой Дельта Четыре. В один из моментов, когда напали пироподы, она показалась ему не такой уж хладнокровной слугой Машины, чем-то напомнив ту девушку, которую Ганн целовал в Плайя Бланка. Вдруг ему удастся снова завоевать ее или добиться от Машины необыкновенной награды — освобождения Джули Мартин...

Но это были только мечты. И, принимая во внимание его настоящее положение, совершенно безумные.

Ганн сознавал, что каждую секунду, каждую свою мысль он должен направить на тщательное обдумывание ситуации, должен попытаться понять, почему он оказался в таком положении и что он может сделать. Но положение казалось безнадежным. С тошнотворным чувством Ганн ощущал, что сходит с ума сама Вселенная. Начиная с того момента на станции Поларис, когда он решил проследить за полковником Зафаром, опустившимся на снежную протопланету, события несли Ганна вперед, подобно мощному потоку; он не мог в них разобраться и ничего не мог сделать, чтобы как-то повлиять на их ход. Непостижимость скрывались в самой сути событий. Дело было не в том, что Ганн не был способен их понять, а в том, что все происходящее не поддавалось объяснению в разумных определениях жизни Плана Человека...

Он снова вдруг почувствовал тошнотворное головокружение, и на этот раз в буквальном смысле.

Бойс Ганн в тревоге вскочил на ноги. Он не мог не вспомнить о странном головокружении, которое предшествовало

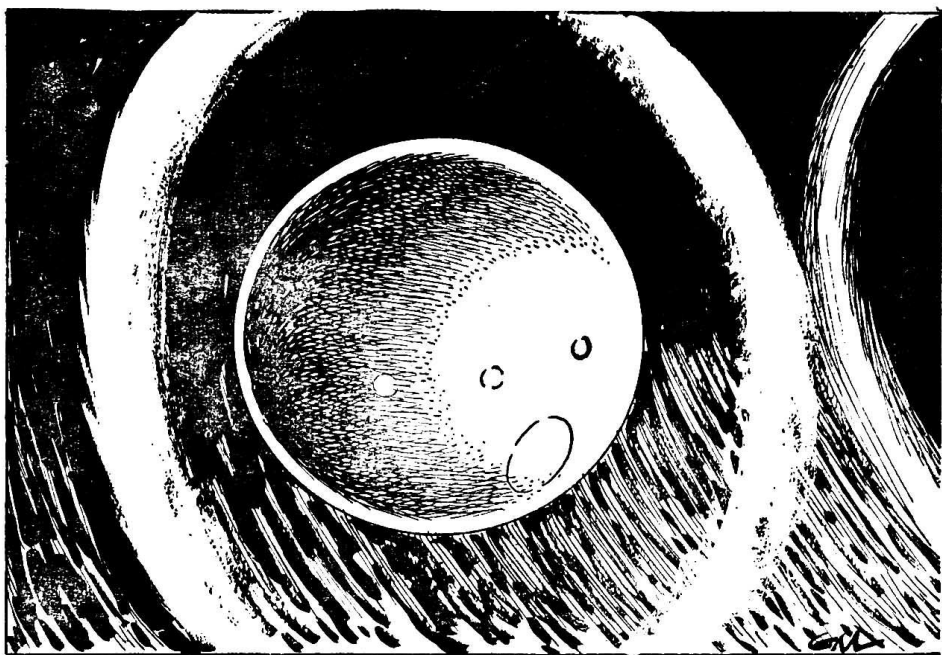
его падению в Двадцать миллиардов миль глубиной... и это было то же самое ощущение, которое он испытал перед нападением пиропопов на катакомбы Планирующего...

Но на самом деле причина была совсем в другом. Это ощущение сейчас легко объяснялось. Вагон субпоезда тормозил свой бег. Наконец, он застыл, медленно вращаясь между силовыми катушками в вакууме туннеля.

Если у Ганна и могли появиться сомнения относительно своих ощущений, то крики охранников быстро развеяли бы эти сомнения. Казалось, все пассажиры шарового вагона кричали одновременно.

— Что случилось? Мы остановились! Великий План, мы на глубине в пару сотен миль... Температура... Помогите... выпустите меня!..

Голоса сливались в неразборчивый шум, но в каждом из них, словно лезвие ножа, слышалась нотка паники. В вагоне субпоезда царил ужас, который невозможно было

уменьшить словами, потому что причина его была слишком реальна.

Машин-сержант сразу оценил ситуацию. Кивнув антеннами радарного шлема, он проревел:

— Вперед, выходи! Эти бараны передают друг друга, если мы их не приведем в порядок!

Бойс Ганн был оставлен в одиночестве. Он слышал, как охранники криками отдают приказы, наводя спокойствие среди пассажиров субпоезда. Кажется, никто не мог сказать, что происходит. Поезд остановился, вот и все. Они повисли на глубине в несколько сотне миль, в жаре, которая была способна расплавить алюминий, где давление в пыль сокрушает даже алмаз, где от этого предохраняют только силовые кольца туннеля. Видимо, та же сила, которая задерживала движение перед их отъездом, снова вмешалась в движение поездов.

Разница была только в одном — здесь их не могла отыскать рука помощи со станции, и, если бы в работе катушек силовых полей произошел сбой хоть на секунду, они погибли бы мгновенно. И даже если поле не исчезнет, они все равно умрут через несколько дней от удушья, если поезд не сможет снова двигаться.

Потом, совершенно неожиданно, Ганн почувствовал новый толчок — вагон пришел в движение.

Только когда громадная сорокафутовая сфера набрала скорость, Ганн осознал, что все это время почти не дышал. Люди за пределами купе испустили всеобщий вздох облегчения. Один за другим возвращались охранники, весело переговариваясь и смеясь. Теперь они казались почти такими же, как все остальные люди. Они не включили Ганна в разговор, но и не старались заставить его молчать. Один из них даже исчез на несколько минут и вернулся с подносом напитков из буфета...

И в этот момент громадный шар вагона снова трянуло. Толчок... визг раздираемого металла, и они остановились, словно врезавшись в какую-то преграду. Ганна и охранников швырнуло на противоположную стенку купе, словно пригоршню камешков.

Ганн слышал вопли и скрежет ломающегося металла вагона.

— Конец! — завопил кто-то. — Поле погасло!

И, погружаясь в черноту обморока — он еще не чувствовал боли, но сознавал, что истекает кровью, он слишком сильно ударился о стену и встать уже не мог — Ганн успел подумать: «Он прав. Это конец».

Когда он снова открыл глаза и обнаружил, что до сих пор жив, он ощутил едва ли не разочарование. Он лежал в палате госпиталя. Плотные белые бинты частично покрывали его глаза. Голова раскалывалась — казалось, целый корпус барабанщиков попользовался ею для репетиции. Ганн все же рассмотрел из-под бинтов, что одна его рука заключена в белый кокон фиксатора.

Он уцелел.

Над Ганном склонилась сестра-общительница. Ганн произнес отчетливо:

— Я думал, что туннель рухнул.

— Тише, — мягко сказала сестра. — Он действительно рухнул. Но вы оказались у самой поверхности, и аварийной бригаде удалось откопать вас.

— Почти у поверхности? — скосив глаза, Ганн разобрал рядом с сестрой фигуру еще одного человека. На какой-то безумный миг ему показалось, что это сам Ангел Смерти, явившийся по его душу. Но потом он понял, что это всего лишь служитель-связник, державший в руке связь-куб и шептавший в скрытый в нем микрофон звенящие ноты.

— Значит... значит, я в центре обучения? — спросил Ганн. Сестра кивнула.

— Попробуйте заснуть, — велела она. И Бойс Ганн был рад послушаться.

Целых три дня Бойс Ганн находился в положении выздоравливающего. Это было куда лучше, чем его прежний статус главного врага общества.

Ганн был пока свободен от опеки охранников — часть из них погибла в аварии, и теперь им предстоял нелегкий процесс восстановления жизнедеятельности и замены поврежденных органов в одном из орган-банков. Ганн мог свободно гулять по крылу госпиталя, в котором находился.

Ему даже разрешили посещать комнату отдыха, которой заведовала девушка-общительница, напоминавшая ему Карлу Сноу. Характер ее тоже был похож на характер Карлы. Она не показывала виду, что замечает воротник безопасности на шее Ганна. И, что важнее всего, она позволяла ему сколько угодно смотреть экран новостей.

Бойс Ганн так долго находился за пределами Земли, в Рифах и в штаб-квартире Планирующего, что совершенно отстал от текущих новостей.

Он сидел перед экраном, погруженный в мечты. Все, что происходило на экране, медленно погружалось в его сердце

и сознание. Он с любовью смотрел на золотоволосых, длинноногих общительниц, нежно ворковавших слова предупреждения: «Работайте для Плана! Живите для Плана! Ведь вы не хотите попасть на „Небеса“ и послужить запасными частями для орган-банка!»

Хотя Ганн понимал, что имеет весьма высокий шанс оказаться в орган-банке и превратиться в запасные части, он не боялся того, о чем пели девушки. Это была часть той жизни, которую он утратил, и он хотел снова в эту жизнь вернуться.

И прежде всего он желал снова обрести себя.

Бойс Ганн не мог принять себя в роли врага Плана, который был жестоко наказан самим Планирующим, подвергнут угрозам генерала Вилера, допрошен сестрой Дельта Четыре. Этот Бойс Ганн был существом, родившимся на станции Поларис, человеком, жившим среди рифокрыс и странных существ, называемых пироподами и пространственниками. Фигура этого Бойса Ганна не помещалась в рамки другой его личности, Ганн не мог найти сумму двух столь разных людей и вывести вектор будущей жизни...

Он сидел, выпрямившись, и смотрел новости.

Он смотрел передачу мировых новостей, но лишь половиной сознания воспринимал то, что видел. А показывали вещи довольно занимательные. Сводка новостей представляла собой набор почти одних катастроф — авария космического крейсера уничтожила полгорода, в Антарктике произошло землетрясение, на субконтиненте Индии взорвался реактор на фабрике. Катастрофы происходили не только в отдаленных районах. На экране появилось сообщение об аварии субпоезда, из-за которой он очутился здесь, в госпитале.

— Но интереснее всего, что это было подано как диверсия!

Ганн не верил собственным глазам. Он едва понял, что речь идет о той самой аварии. Толстый тех-полковник вкрадчивым голосом выдвигал обвинения. Преступная конспиративная организация подложила бомбу в поезд с целью

дискредитировать Планирующего и Машину? Злобная диверсия? Казалось, речь идет о каком-то другом происшествии на какой-то другой планете. И, самая большая нелепость, — его, Ганна, выставляли как сверхзлодея, а машин-сержанта — как его сообщника!

Ганн поставил на стол стакан с обогащенным витаминами соком и, прихрамывая, направился к общительнице, заведовавшей комнатой отдыха.

Он весь дрожал.

— Прошу вас, — взмолился он. — Вы видели только, что? Что все это значит?

— Ну, ну! — жизнерадостно, но с укором сказала общительница. — Ваша обязанность перед лицом Плана — выздороветь как можно скорей. Вы должны подготовить себя к возвращению на службу. Никаких вопросов, никаких тревог... только отдыхать и выздоравливать!

— В передаче было сказано, — с трудом проговорил Ганн, — что в аварии субпоезда виноват я. Но это неправда! И сержант охранников, отвечавший за мою доставку... что с ним?

Большие ясные глаза девушки на мгновение потемнели — она не знала, как воспринять слова Ганна. Но лишь на мгновение. Ей было приказано заботиться о враге Плана, она будет исполнять приказ. Он покачала головой и с улыбкой повела Ганна обратно к кушетке.

— Пейте ваш сок, — сказала она с веселой строгостью и больше ничего не прибавила. Для нее все, что План Человека определял как «верное» и «правильное», было верным и правильным.

Так же думал и Бойс Ганн.

Он думал, но сознавал где-то внутри, что в таком образе мыслей таится что-то опасное — для него и для всего человечества... потому что если симпатичная и пустоголовая девица-общительница так безоговорочно принимала распоряжения Плана...

Он не мог сформулировать мысль до конца. Возникло такое впечатление, что он сам, и генерал Вилер, и даже Планирующий — и все человечество в системе Плана — были в каком-то смысле такими же пустоголовыми, как и эта общительница.

Но он не мог довести мысль до логического завершения. А потом время отдыха истекло, и больше он не имел возможности размышлять на подобные темы, потому что начал курс подготовки, который должен был привести его к посвящению в сообщество с Машиной.

Двухэлементное отношение: «Я ненавижу шпинат». Трехэлементное отношение: «Я ненавижу шпинат, если он плохо вымыт, потому что в рот попадает песок».

С помощью преподавателей и учебников, гипнопедических лент,

шептавших ему на ухо, когда он спал, и обучающих машин, командовавших Ганном во время бодрствования, он начал овладевать исчислением утверждений, логикой отношений, геометрией Гильберта, Акермана и Буля. Конъюнкция и дизъюнкция, аксиомы и теоремы, Двойные отрицания мета утверждения... все это хлынуло в его мозг вместе с разрушительными дилеммами и силлогизмами. Он учился, как переносить и соединять. Он изучил принцип экспортирования и научился применять точки в качестве скобок. Он познакомился с однолинейным построением фраз и нефлективной грамматикой машинного языка. Он узнал о разнице между символами восприятия и акции и обучался воспроизводить тональные символы, которые наводили мост между человеком и Машиной. Часами распевал он бесконечные гаммы в четверть ноты, в ушах его не прекращалось эталонное гудение осциллирующих сигналов. Он изучил строение таблиц истинности и как использовать их для обнаружения тавтологии в посылках.

Здесь не было классных помещений, была учеба и работа. Она казалась бесконечной. Ганн просыпался под тягучий речитатив магнитофонной записи, раздающийся из-под подушки, ел под названивание тональных четок, в изнеможении опускался на кровать, пока сквозь мозг его проносились схемы общего ввода информации.

За сценами учебного театра продолжал жить своей жизнью весь остальной мир, но Ганн полностью потерял с ним связь. В редкие моменты ему удавалось уловить обрывки разговора между немногими людьми, с которыми он имел контакт — девушками-общительницами, подававшими еду, охранниками, бродившими по залам и коридорам. Но сознание его было слишком утомлено, чтобы пытаться сложить части в единое целое. Дитя Звезд. Требование Освобождения. Аварии в подземных туннелях. Взрывы космических кораблей. Но это не имело сейчас для Ганна значения. Всякий раз, когда у него хватало времени и сил подумать о чем-то другом, кроме обучения, он всегда представлял одно —

тот момент, когда обучение закончится и он получит металлический знак сообщности.

Когда первый этап подошел к концу, Ганн этого даже не заметил. Он лег спать, как всегда, уставший до предела. Он рухнул на жесткую койку в своей отдельной тесной комнатухе с покрытыми белой плиткой стенами. Сразу же из-под подушки зашептала учебная запись:

— ...генерировать матрицу K , используя механизм ассоциативного накопления дополнительно к контекстуальным отношениям координатного накопления. Пусть i -й ряд и j -й столбец покажут степень ассоциативности...

Какая-то часть сознания Ганна впитывала информацию, хотя в основном работа происходила в подсознании. Сам Ганн сознавал лишь свое несоответствие заданию. Ему никогда не добиться тех чистых хрустальных тонов, которые умели выпевать сестра Дельта Четыре и остальные служители. У него неподходящий голос. Он никогда не освоит всей теории программирования. У него просто не хватит подготовки...

Он заснул.

На втором этапе обучения Ганн переселился в общую спальню. Койка здесь была такой же жесткой. Каждую ночь после отбоя на койки укладывались восемьдесят усталых и молчаливых обучающихся. И каждое утро под резкие, неприятные удары гонга они пробуждались в несколько уменьшенном количестве — несколько коек пустовало.

Об исчезнувших никто не говорил. Вместе с ними исчезали и все их немногочисленные вещи, хранившиеся на узких полках над койками. Имена их вычеркивались из списка обучающихся. Они просто переставали существовать. Почему-то об этом никто не спрашивал.

Но однажды ночью Ганна разбудил шорох торопливых шагов. Ганн рывком сел на койке, словно ему грозила смертельная опасность.

— Джим? — прошептал он имя своего соседа, недавно поступившего на обучение парня, у которого были мускулы

борца и отличный чистый тенор. Его мать была девицей-общительницей, а отец погиб в космосе, выполняя задание Плана. — Джим, что?..

— Друг, ты ведь спишь, — прошептал в темноте хриплый голос. — Ну так и спи дальше — тебе же лучше.

Тяжелая рука толкнула Ганна в плечо, заставив его опуститься обратно на койку.

Ганн хотел бы помочь Джиму, но его охватил страх. Он видел, как темные силуэты склонились над соседней койкой. Он слышал сдавленный вздох Джима. Приглушенные голоса, шорох одежды, металлическое звяканье. Заскрипела койка. В лицо ударил тонкий луч, и Ганн зажмурился. Послышались удаляющиеся шаги.

Он долго лежал в темноте, прислушиваясь к дыханию спящих, число которых уменьшилось на одного. Джим так дорожил красной пластиковой медалью, которая говорила, что отец Джима был Героем Плана Второго Класса. У Джима был красивый чистый голос, но он слишком медленно постигал семантику.

Ганн был бы рад помочь, но он ничего не мог поделать. Машина требовала от своих избранных слуг чисто механических качеств. Возможно, Джим выказал недостаточное рвение превратиться в механизм. Ганн повернулся на жесткой койке и начал повторять про себя семантические тензоры. Вскоре он заснул.

Глава XI

Перейдя на второй этап обучения, Ганн понял, что первая фаза была по сравнению с ним чем-то вроде воскресного отдыха в отеле на берегу моря в компании общительниц. О ней он вспоминал теперь сквозь туман изнеможения. У него не было ни секунды, чтобы сбросить напряжение.

— Выгляди, как машина!

Монотонными голосами преподаватели вдалбливали в него это простое правило. Ясноглазые общительницы выпевали его, словно воркующие голуби, пока он стоял в очереди к окошку раздачи пищи. Ослепительные знаки на стереоэкранах выжигали правило на сетчатке его глаз. Не знающие сна динамики гипнопедических установок шептали его из-под подушки.

— Выгляди, как машина!.. Действуй, как машина!.. Будь машиной!

Чтобы овладеть мириадами сложнейших тонов языка механо, человек должен был превратиться в механизм. Сверкающие изображения и шепчущие динамики напоминали Ганну о тех, кто не справился с задачей и попал в орган-банк.

Заклученный в тесную экзаменационную камеру, стены которой были выложены серой звукоизоляцией, Ганн согнулся в три погибели над черным связь-кубом, напрягая слух, чтобы уловить все поющие флексии механо, которые выпевало устройство.

— Кандидат... — Даже это слово едва не ускользнуло от него, — кандидат должен идентифицировать себя.

Ганн пропел ответ — но голос его был слишком хриплым и высоким. Он сглотнул, чтобы прочистить горло, потом провел пальцем по тональным бусинам.

— Кандидат Бойс Ганн. — Он еще раз сглотнул и пропел свой номер.

— Кандидат Бойс Ганн, вы проходите экзаменационную проверку, — мгновенно промурлыкал связь-куб. — Набрав положительное количество баллов, вы перейдете на новую ступень, приблизившись к высшему служению Машине, которое она награждает сообщностью. Но вы должны знать, что обратного пути для вас больше нет! В системе Плана нет места для потерпевших неудачу, учитывая их секретные знания и навыки. Единственный ваш путь в этом случае — в центры утилизации.

— Я понимаю, я готов служить, — пропел он единую сложную фразу.

— Тогда начинается проверка, — прочирикал куб. — Вы должны отвечать на каждый вопрос, давая полные и четкие ответы на правильном механо. Каждая миллисекунда паузы и каждая неправильная нота будет заноситься в штрафные баллы. План не может терять время, не может позволить совершиться ошибке. Вы готовы начать?

Ганн поспешно пропел мелодию, означающую: «Я готов начинать».

— Ваша реакция была задержана на девять миллисекунд сверх оптимального интервала, — мгновенно проныл куб. — Ваш первоначальный тон было на двенадцать циклов выше требуемого. Ваш тональный рисунок неправилен. Длительность вашей фразы была больше стандартной на одну миллисекунду. Эти ошибки идут в ваши штрафные баллы.

— Я понимаю.

— Ваш ответ сейчас не требуется, — фыркнул куб. — Теперь приготовьтесь к первому вопросу теста... Назовите первый принцип механообучения.

Сначала, когда Ганн попытался пропеть ответ, голос его оказался слишком хриплым и низким. Связь-куб прогудел новую сумму ошибок Ганна, который даже не успел коснуться тональных четок, чтобы найти верный тон и сделать новую попытку.

— Обучение — это действие, — наконец неровно пропел он. — Это первый принцип механического обучения. Правильная реакция должна мгновенно закрепляться. Неправильная реакция должна мгновенно подавляться. Первое уравнение механического обучения гласит, что эффективность обучения интенсивно варьируется промежутком между реакцией и наградой.

— Ваша общая сумма штрафных баллов составляет сейчас 489 очков, — фыркнул связь-куб. — Приготовьтесь к следующему вопросу. Назовите второй принцип механообучения.

Ганн истекал потом, согнувшись на маленьком твердом сиденье. Темная серая комната казалась слишком тесной. Обитые изоляцией стены словно сжимались вокруг него. Он почти задышался и судорожно набрал воздуха в легкие, чтобы ответить на второй вопрос.

— Обучение — это выживание, — пропел он короткие фонемы, стараясь как следует их оформить. — Удача в обучении — путь к жизненной адаптации. Неудача в обучении — смерть индивида. Второе уравнение механообучения утверждает: скорость обучения прямо зависит от величины награды и наказания.

Едва он замолчал, как зачирикал связь-куб. Даже для напрягшегося слуха Ганна это была лишь единая неразборчивая металлическая нота. Ему пришлось просвистеть просьбу повторить вопрос.

— Ваша сумма штрафных баллов по восприятию достигла 90. — Издаваемые кубом ноты появлялись в ненамного меньшем темпе и были лишь чуть-чуть более понятными. — Ваша общая сумма штрафных баллов составляет 673. Соотношение между положительными и штрафными баллами достигло критического уровня.

Мчащиеся друг за другом звенящие ноты, острые, как осколки стекла, не давали ему времени собрать метавшиеся мысли. Он смутно чувствовал, как стекает по ребрам едкий пот, как холодная испарина покрывает лоб, как жжет пот глаза.

— Приготовьтесь к следующему вопросу. — Это предложение было выражено всего одной сложной фонемой за несколько миллисекунд, и Ганн едва не пропустил его смысл. — Назовите третий принцип механообучения.

Ганн тронул сонарные четки, взял верные ноты и пропел нужные фонемы.

— Третий принцип механообучения утверждает, что величайшим стремлением является избавление от страданий.

Ошибки Ганна все накапливались, а безжалостный связь-куб требовал определять принцип за принципом.

— Ваше испытание завершено, — сообщил наконец куб. — Ваша общая сумма штрафных баллов составила 5940. Вы должны сообщить эту цифру руководителю группы.

Он едва успел по возвращении в барак выбить сумму своих баллов на клавиатуре группового компьютера. Он опоздал — всего на полминуты — на гимнастическое построение, за что получил два лишних круга в туннеле препятствий. Оказавшись последним в очереди за ужином, он так устал, что не в силах был есть и за разбазаривание пищи получил еще две желтые фишки в наказание. Когда он наконец добрался до койки, он почувствовал, что слишком устал, чтобы заснуть.

— Кандидат Ганн!

Он не заметил, как темные силуэты окружили его койку. Бледная игла света уперлась в его форму, вещевой мешок, ботинки. Хриплый шепот отдал ему приказ. Минуту спустя он уже пробирался, волоча ноги, по темному проходу между койками, на которых тяжело дышали спящие кандидаты. За спиной он нес свой мешок.

Итак, это и означает конец? На секунду у него ослабели колени, потом он почувствовал непонятное облегчение.

Он уже почти стремился в орган-банк с его забытьём. Потому что в орган-банке уже не будет связь-кубов. Ему не придется больше распевать труднейшие гаммы или зазубривать таблицы семантических переменных.

Теперь все позади.

Облаченный в черное эскорт позволил Ганну присесть вместе с ними за стол в пустом зале столовой. Сонная общительница, зевая, подала им завтрак. Ганн ничего не ел, только выпил две чашки кофе, от которого во рту осталась горечь.

Он присоединился к группе из пяти таких же сонных и огорошенных кандидатов, которые, очевидно, прибыли из других барakov. Они вошли в вагон военного субпоезда и через некоторое время вышли уже в другом месте. Мимо

хмурого часового они промаршировали в новую пещеру, где располагался другой центр обучения.

Ганн оставил свои вещи в крошечной комнатке-камере с выложенными плиткой стенами и доложил о прибытии оператор-майору, имевшему вид живого трупа, лысая, как полено, голова которого была украшена шрамами — следами нападения венерианского аэробного паразита. Майор сухо отдал честь в ответ на приветствие Ганна. Рука его была затянута в черную перчатку.

— Поздравляю, майор Ганн.

Уставясь на высохшего, как палка, майора, переключавшего на столе перед собой какие-то бумаги, Ганн вдруг понял, что черная перчатка — это вовсе не перчатка, а утилизированная рука, доставшаяся майору от какого-то негра.

— Вы успешно завершили вторую ступень обучения на пути к посвящению в служители Машины, — не в силах отвести глаз от черной руки, Ганн едва слышал слова майора. — Вас направили сюда для прохождения третьей ступени обучения.

Призрак улыбки тронул желтое пятнистое лицо майора.

— Вы набрали необыкновенную сумму баллов, майор Ганн, — добавил он. — Машина особо отметила вас. Поздравляю, вы можете гордиться.

Когда этот факт, подобно куску льда, достиг сознания Ганна, он покачнулся. Он вовсе не гордился. Он стоял, потеряв дар речи, не в силах вздохнуть, содрогаясь от потаенного ужаса.

— Вы прошли долгий путь, майор. — Желтые шрамы превратили улыбку майора в маску агонии. — Вы избежали опасности утилизации. Вы далеко ушли по пути к высшей награде. — Черные пальцы майора с сожалением коснулись его собственного лба, где пластинки-контактора не наблюдалось. — Вам очень повезло, майор Ганн!

Ганн пошатнулся. Внезапно вся эта комната, залитая резким светом, уставленная серыми кожухами компьютеров, показалась ему нереальной вместе с лысым

желтолицым майором. До ужаса реальными были блестящие ледяные скальпели и пилы хирургов, возникшие в его воображении, которыми в лобной кости Ганна будет выскоблено гнездо. Сверла вонзались в макушку и виски его обритой головы. Тонкими жесткими иглами они пробирались до самых глубин нервных центров. Они хладнокровно вторгались в самые интимные уголки его существования...

Ему хотелось закричать.

— Что-то случилось, майор Ганн? — Высохший майор в тревоге привстал. — У нас нездоровый вид.

— Все в порядке, сэр. — Собравшись с силами, Ганн слабо улыбнулся. — Понимаете, я не знал, что перешел на третью степень. Я думал, мы в центре утилизации.

— Это скоро пройдет. — Ухмылка майора стала еще более отталкивающей. — С вашим послужным списком можете быть уверены — вы уже почти получили посвящение в общность. Как бы я хотел быть на вашем месте.

— Бла... — Ганн постарался проглотить сухой, как песок, комок, вставший поперек горла. — Благодарю вас, сэр!

Механоинструктор оказался десятифутовым устройством в виде груши. Обшивка его сверкала алюминием. Покачиваясь на массивных карданных подвесах из серой стали, он стоял в мрачной пещере, сквозь которую постоянно дул ветер, а с бетонного сводчатого потолка капала влага. Толстые черные кабели и шланги, змеясь, уходили к контрольной панели у входа в пещеру.

— Вот она, сэр! — Преподавателем оказался молодой полный тех-лейтенант с розовым лицом младенца, голубыми глазами и яркой пластинкой-контактором посреди лба. — Совершеннейшая обучающая машина!

Ганн совсем не был в этом уверен. Весь покрытый каким-то липким желе, облаченный лишь в свободный серый комбинезон, он остановился на миг у выхода из туннеля, без всякого удовольствия глядя на громадную металлическую грушу.

— Становитесь прямо сюда, сэр. — Лейтенант послал ему невиннейшую улыбку. — Скидывайте комбинезон и вперед. — Круглые голубые глаза вопросительно моргнули. — Вы готовы, сэр?

Он был весь мокрый, липкий из-за желе, и комбинезон был слишком тонким. Он вдруг задрожал на пронизывающем пещеру ветру. Он совсем не хотел изучать механо. Он не желал награды в виде электродов в мозгу. Но он сглотнул и сказал, что готов,

— Тогда вперед, сэр, — тех-лейтенант коснулся панели управления. Зашипели воздушные клапаны. Огромная металлическая груша запрыгала в подвесках и раскрылась, как разрезанная.

— Вперед, сэр. — Лейтенант уважительно коснулся его плеча. — Поднимайтесь по лесенке. Там разденетесь. И ложитесь прямо на сенсорно-эффекторную оболочку. — Он тихо засмеялся. — Многие чувствуют себя поначалу не в своей тарелке, но потом вы привыкнете, сэр.

Ганн глубоко вздохнул и начал взбираться вверх по лестнице. Металлические поручни были холодными и липкими. Ветер охлаждал обритую голову, и во рту вдруг появился неприятный горький привкус кофе.

Он стащил комбинезон и осторожно ступил на розовую мембрану, покрывавшую изнутри поверхность груши. Мембрана сморщилась под его весом, теплая, влажная, почти живая, потом упруго подтолкнула Ганна к центральному углублению.

— Все готово, сэр?

Он постарался не отвечать на жизнерадостную реплику лейтенанта, потом услышал шипение воздуха, и верхняя часть груши закрылась. Мягкая теплая мембрана ласково уложила Ганна в приготовленное углубление. Вокруг сомкнулась абсолютная тьма.

Он попытался вскрикнуть, но не мог вздохнуть.

Но тут в легкие хлынул свежий воздух. Сквозь закрытые веки он увидел розовый свет.

Он открыл глаза и обнаружил перед собой сестру Дельта Четыре. На самом деле, как он понимал, это был лишь проектируемый в его мозг фантом, но она казалась достаточно реальной. Он знал, что это должен быть фантом, потому что ее не могло быть здесь, в подземном центре. И все же она стояла перед ним, совсем как живая. В балахоне с капюшоном и черной коробочкой связь-куба, она шла вдоль поросшего пальмами кораллового берега, очень похожего на тот, в курортном городе Плайя Бланка.

И он шел ей навстречу.

Приникшие к коже эффекторы механоинструктора воссоздавали любое ощущение: холодную твердость мокрого песка, жар солнечных лучей, прохладное дуновение океанского бриза. Он слышал глухие удары волн о плиты волнолома, чувствовал острый запах гниющих водорослей и даже слабый аромат духов Джули... она была уже рядом и разговаривала с ним самым живым теплым голосом Джули Мартин, который он не мог забыть.

— Вот мы и прибыли, — говорила она. — Здесь мы проведем твой первый урок с помощью механоинструктора, модель 8. Этот прибор является практически последним словом в области достижения стопроцентной эффективности обучения. Если ты будешь стараться, то я уверена, что процесс покажется тебе очень приятным и полезным.

Она улыбнулась ему.

— Итак, — продолжала она, — мы сейчас начнем вводный урок по техническому словарю языка механо. Он построен на том же принципе экономии, хорошо тебе известно: один слог для одного предложения. Совершенно очевидно, что для этого требуется большое количество слогов. Общий объем словаря механо, как мы считаем, составляет более миллиарда монослогов — более миллиарда предложений-звуков.

Он стоял на песке пляжа — или ему так казалось, потому что синтетические ощущения, созданные механоинструктором, заставляли его позабыть, что он может на самом деле

находиться совсем в другом месте Холодная волна с шипением прокатилась по его босым ногам, потом вода ринулась обратно в море.

— Это невозможно! — запротестовал он. — Я не могу запомнить миллиард слов!

Тихий смех Джули остановил его.

— Ты даже не представляешь. — Хотя она говорила на обычном языке людей, ее голос, казалось, пел песню. — Ты даже не представляешь, что может сделать с тобой механо-инструктор. — Морской бриз вдруг приподнял ее капюшон, и Ганн заметил блеск пластинки на ее лбу Несмотря на теплоту тропического воздуха, он почувствовал, как по спине бегут ледяные мурашки. — На самом деле тебе не нужно учить все слова, — пояснила она. — Ты должен научиться составлять монослоги языка механо из нескольких тысяч готовых фонем. Ты должен научиться слышать и понимать самые малые вариации в ударе и высоте звука и некоторые другие простые явления артикуляции.

— Но я не смогу! — погрузив ступни в песок, он ждал, пока она повернется. Он не хотел ничего учить, хотя едва ли решился бы прямо сказать ей это. Он искал спасения от электронных зондов, которые проникнут в его мозг, когда он выучит механо. — Я не смогу научиться произносить миллиард различных слов.

— Тебя ждет сюрприз. — Ее смех был таким же мелодичным, как и голос. — Начнем.

Он упрямо тряхнул головой, стараясь не забывать, что белый песок на самом деле не существовал, что соленый ветер и сама Джули тоже не были реальными.

— Старайся, — сказала она мягко, но настойчиво. — Если ты будешь стараться, мы немного позже сможем поплавать. — В ее глазах светилось дразнящее обещание, а проворные белые ладони сделали соответствующий жест, словно сбрасывали капюшон и балахон. — Ты должен стараться.

Овальное лицо Джули вдруг стало серьезным.

— Если ты не будешь стараться, то пожалеешь об этом, — сказала она медленно и с печалью. — Я не хочу напоминать тебе о третьем принципе механообучения... но величайшей наградой является избавление от страданий.

Она пожала плечами, и ее быстрая улыбка ослепила Ганна.

— Начнем!

Они начали с глагольных тонов. Малейшие вариации тона означали изменение в наклонении, лице, виде. Она пропела сложную ноту. Честно стараясь повторить ее, Ганн вскоре все же получил новое напоминание о третьем принципе.

Даже малейшая ошибка означала вспышку боли, а ошибки он делал часто, и далеко не мелкие. Даже когда он реагировал мгновенно и выпевал фонему, казавшуюся ему точно такой же, как эталонная, он часто ошибался и тут же за это наказывался.

Потому что на самом деле он был не на ослепительном песке кораллового берега. На самом деле он был заключен внутри громадной металлической груши механоинструктора, эффекторы которого приникли к каждому дюйму обнаженного тела Ганна. Они могли сделать его онемевшим от холода или горящим, как в огне, могли сдавить, как клетками.

И часто они так и делали. Малейшая погрешность бросала его с солнечного берега в своего рода механистический ад, где он всем своим существом жаждал получить, высочайшую награду — конец страданий.

Иногда он оказывался в ловушке на борту разбитой ракеты, падавшей на Солнце. Воздух со свистом покидал продырявленный метеоритом корпус, легкие Ганна разрывались в агонии. Жестокий свет бил через рваную дыру, слепя, сжигая глаза. Отсек превратился в раскаленное жерло печи, в которой варилось покалеченное тело Ганна — и одновременно он продолжал слышать голос Джули Мартин. Голос достигал ушей Ганна через динамик лазерного

передатчика. Сладким голосом выпевала она комбинации фонем, которые он должен был заучить. Со всхлипом втягивая воздух, он изо всей сил старался отвечать правильно. Законы автоматизированного обучения он теперь изучил на самом себе.

Когда он ошибался, жар грозящего поглотить его Солнца становился на какую-то долю еще более невыносимым. Когда ответ был правильным — в пределах ошибки, установленной Машиной — жар немного уменьшался, в сожженные легкие вливался глоток свежего воздуха.

Когда ему удавалось несколько раз подряд ответить правильно, в кошмаре делался интервал. Он снова оказывался в обществе Джули Мартин на снежно-белом песке пляжа. Она обещала ему купание в прохладных волнах моря или вела к столику с высокими запотевшими стаканами с напитками, которые ждали их под сенью пальм. И тут же начинался новый труднейший урок.

И всякий раз, прежде чем они достигали прибоя или столика с напитками, он делал новую ошибку. Как и требовали законы автоматического обучения, всякая неправильная реакция тут же подавлялась, хотя наказания варьировались, словно Машина экспериментировала, чтобы выяснить, какой вид страданий наиболее эффективен.

Иногда он в поту лежал на госпитальной койке станции, парящей в верхних слоях атмосферы Венеры, с шумом втягивая воздух, превратившийся в горячий густой туман. Анаэробные паразиты, словно кислота, разъедали его кожу, а голос Джули ворковал, выпевая монослоги механо из радиоприемника рядом с кроватью.

Иногда он обнаруживал себя среди камней обвала в пещере под теневой поверхностью Меркурия. Валун привалил ему грудь, грозя расплющить ребра, на лицо капала ледяная вода, вокруг ползали большие фосфорические червяки, не спеша пожирая выступающие из обвала части тела Ганна. Из темноты доносился певучий голос Джули Мартин. Она повторяла слоги, которые Ганн должен был изучить.

Всякий раз правильные ответы награждались слабым облегчением страданий. Всякий раз достаточно солидная сумма правильных ответов давала ему хотя бы небольшую передышку от мучений. Всякий раз, когда он возвращался в компанию Джули, она встречала его дружелюбной улыбкой. Ее прохладные руки ласково гладили Ганна, в глазах светились слезы сострадания.

— Бедненький, — ворковала она. — Я знаю, тебе очень трудно. Им ты не должен сдаваться. Только не забывай, чего ты должен добиться. Когда узнаешь достаточно много, будешь посвящен в сообщество. Тогда мы будем вместе. Давай теперь начнем новый урок. Если ты хорошо себя проявишь, то Машина разрешит нам искупаться.

Каждый раз, когда она упоминала о сообществе, он вздрагивал. Или, когда случайно замечал выглянувший из-под капюшона диск контактора на лбу девушки. Он был достаточно осторожен, чтобы не выдать этого тайного страха, но иногда ему казалось, что Машина не могла не обнаружить его — со всеми этими сенсорами, покрывавшими каждый квадратный дюйм тела Ганна.

Потому что его страх перед сообществом все рос и рос, словно колдовской зловещий сорняк, пока не стал сильнее всех ужасов синтетического ада, созданного механоинструктором, чтобы наказывать его за грубейшие ошибки. Страх этот притаился в темном углу сознания Ганна, как жуткий бронированный пиропод. Наконец, он стал таким нестерпимым, что Ганн начал умолять Джули выпустить его из тренажера.

Она засмеялась.

— На тебе просто повезло, — весело объявила она. — Мне пришлось учить механо гораздо более сложным способом. С помощью же тренажера тебе ничего другого просто не остается. Попытка за попыткой, и ты и заметить не успеешь, как будешь посвящен в сообщество.

Он не осмелился сказать ей, что не хочет такого посвящения.

— В самом деле, — жизнерадостно продолжала Джули, — тренажер — это просто как утроба матери. Внутри него все твои неэффективные человеческие реакции будут перестроены. Ты научишься реагировать быстро и точно. Когда ты снова «родишься» и выйдешь из тренажера, ты будешь совершенным детищем Машины.

Он постарался сдержать охватившую его дрожь.

— Теперь начнем знакомиться со структурами существительных, — радостно предложила Джули. — Ты уже овладел основами анализа механо, рассматривающего вселенную как процесс. В сущности, в механо нет ни глаголов, ни существительных, а есть объекты — в движении. Ты не забыл?

С ужасом вспомнив горнило разбитой ракеты, жгучую боль от разъедающих тело паразитов на Венере, рвущие тело жвала фосфорических червяков в пещере на Меркурий, он поспешно кивнул.

— Например, — пропела Джули, — для всех объектов из твердого вещества имеется одно базовое имя. Такие аспекты, как размер, форма, материал и назначение указываются с помощью флексий. Но это не существительное, потому что глагольная интонация всегда напоминает о процессе движения и изменения, полому каждая многословная форма является законченным утверждением.

Мягкая улыбка Джули дразнила Ганна.

— Если ты будешь стараться, то, может быть, мы немного поплаваем.

Он старался — третий принцип механообучения принуждал его к этому — но до воды они так и не добрались.

Наступил момент, когда Джули вдруг исчезла. Он услышал шипение воздуха, почувствовал на вспотевшем обнаженном теле ледяное дуновение наружного воздуха.

Снова вернувшись в центр обучения, он выбрался из мембраны сенсорно-эффекторной оболочки, натянул комбинезон и, покачиваясь, спустился по металлической лестнице.

— Добрый вечер, сэр. — У юного тех-лейтенанта теперь вид был скучающий и сонный. — До завтра, сэр.

Ганн страстно желал больше никогда не встретиться с этим лейтенантом, никогда больше не увидеть грушу тренажера, потому что это означало, что он будет введен в сообщество. Он отчаянно хотел бежать куда-нибудь — в Рифы Космоса, к Карле Сноу...

Но у него не было сил, его охраняли и стерегли. Он не знал, где находится... быть может, под горой... или под дном океана. Он выполнил положенную программу упражнений, принял горячий душ, выстоял очередь за ужином и отправился в свою маленькую комнатку спать.

Совершенно внезапно загремел сигнал гонга. Пришло время вставать, снова брить голову, снова раздеваться и намазываться липким желе, снова возвращаться в утробу Машины...

И наступил момент, когда Джули Мартин — или ее спроецированный фантом — устроила ему испытание, а потом, улыбаясь, сообщила, что он выдержал экзамен.

— Теперь ты заслужил сообщество. Ты готов родиться заново.

Он едва не закричал, что не хочет получать сообщности. Но прикусил губу. Он хранил молчание, пока фантом Джули Мартин не исчез и не зашипели воздушные клапаны, и его не опануло холодным ветром, и он был наконец рожден из чрева Машины.

В полубессознательном состоянии — наркотики, в отчаянии прошептал он про себя, — он обнаружил, что лежит на койке. Он не помнил, как попал сюда. Он знал только, что с ним что-то не в порядке. В воздухе чувствовался непонятный, едва уловимый запах, за дверью чудилось едва уловимое движение, словно кто-то стоял там, ожидая, когда Ганн заснет.

Потом подействовал усыпляющий газ, подававшийся через подушку. Ганн уснул. Как мертвый

Проснувшись, он сразу почувствовал несильную, но ощутимую боль. Болела лобная кость, саднило кожу. Теперь он был в другой комнате — в палате послеоперационных больных с зелеными стенами.

Он мог, и не касаясь лба сказать, что, пока он спал, хирурги провели тончайшую операцию, вставив волосистой толщины электроды в точечные центры в его мозгу. Теперь на лбу Ганна блестел металлический знак общности.

В мозгу любого млекопитающего, кроме нервно-проводящей ткани, имеются специальные участки, которые заведуют настроениями и эмоциями, а также, например, двигательной активностью, саморегуляцией организма, сознательной мыслительной деятельностью и прочими аспектами деятельности мозга.

Одна из таких зон является центром наслаждения. Вставьте в него тончайший платиновый электрод. Пустите по нему слабый, всего в несколько миллиампер, электрический ток. В результате получаете настоящий экстаз! Снабдите подопытное животное таким электродом и педалью, с помощью которой оно может управлять сигналами, и животное будет нажимать на педаль, нажимать... нажимать... не останавливаясь даже, чтобы поесть и попить... оно будет сжимать себя удовольствием, пока не упадет от истощения сил, а проснувшись, сразу начнет снова нажимать на педаль...

Разряд наслаждения, ударивший в само существо Бойса Ганна в первый момент после пробуждения, превзошел все, что он мог вообразить. Это было одновременно и осязательное, и акустическое, и обонятельное ощущение, свет, вкус, запах, касание, дикое наслаждение любви и вызывающая дрожь радостного ужаса опасность разных видов спорта — все это было сложено вместе и усилено почти до невыносимости. Время остановилось.

Ганн плыл в бурном море ощущений.

Многие эпохи спустя он снова почувствовал, что вернулся в свое тело. Волна доведенной до квинтэссенции страсти откатилась прочь, оставив его высушенным и разбитым.

Он открыл глаза и увидел, как медработник Техкорпуса отводит в сторону руку с кабелем общности, Ганн был отрезан от радостного и восхитительного общения с Планирующей Машиной.

Он вздрогнул, глубоко вздохнул и примирился с неизбежностью — он снова стал человеческим существом. Теперь он понимал сестру Дельта Четыре. Он готов был встретить свою судьбу в общности с Машиной. Не было более высокой награды, не могло существовать более важной цели...

Сквозь туман, еще не полностью рассеявшийся перед глазами, он все же успел заметить, что лицо медработника было странно бледным, словно он чего-то испугался. Откуда-то доносились громкие голоса, один из них казался странно знакомым.

Ганн вяло поднялся на ноги, чувствуя себя страшно разбитым. Дверь вдруг распахнулась, и в комнату, как яростный тайфун, влетел генерал Вилер.

— Ганн! — рявкнул он. — Ты, Дитя Звезд! Что ты натворил?!

— Я? Натворил? Ничего, генерал, и я не Дитя Звезд, клянусь!

— Дерьмо! — заухал генерал. — Кому ты врешь! Говори, что ты сделал с Планирующей Машиной?!!!

Ганн начал что-то бормотать в свое оправдание, но генерал не дал ему открыть рта.

— Ложь! — ярился он. — Ты и есть Дитя Звезд! Ты уничтожил нас всех! Признайся же! Признайся, что это ты свел с ума Планирующую Машину!!!

Глава XII

План Человека был охвачен безумием. Во все уголки Земли, в дальние пределы пояса астероидов, в термоизолированные убежища Меркурия и никогда не видевшие

солнечного света ущелья Плутона, и на медленно вращающиеся космические крепости Заслона запустил свои страшные щупальца ужас.

Неправильные маршрутные указания привели к столкновению двух субпоездов в двухстах милях под поверхностью земли. Шестьсот человек погибли в мгновенной вспышке раскаленных газов, в которые превратились вагоны.

Тех-капитан на Венере получил очередные программные указания от Машины, повернул нужный выключатель и затопил нефтяной район в сорок тысяч акров с таким трудом осушенной почвы.

На сцене огромной Аудитории в Пеппинге, где должен был произнести речь вице-планирующий Азии, появился «человек из золотого пламени». Золотой человек исчез так же внезапно, как и возник, и тут же двадцать разъяренных пироподов возникли из пустоты, убивая и разрушая все в пределах досягаемости. Вице-планирующий опоздал всего на несколько минут, вследствие чего жизнь его была спасена.

Генерал Вилер отрывисто познакомил Ганна со списком катастроф, постигших План Человека.

— Дитя Звезд! Сначала ниоткуда появился в бункере Машины, а теперь сама Машина сошла с ума! Мы больше не можем полагаться на ее данные, Ганн, если Дитя Звезд — это ты...

Бойс Ганн почувствовал, что с него хватит. Перекричав рычание самого машин-генерала Вилера, он заорал:

— Генерал! Я не Дитя Звезд! Не будьте дураком!!!

Внезапно машиноподобная маска, заменявшая генералу лицо, содрогнулась и смягчилась. Минуту спустя он заговорил снова, почти человеческим голосом.

— Да. Видимо, это так. Но, во имя Плана, что же тогда происходит?

— Я думал, что это вы мне расскажете, — проворчал Ганн.
— Что это вы такое упоминали о самом Дитя Звезд, которого видели в бункерах Машины?

— Охрана доложила, что в Машину проник посторонний. Был выслан отряд, и они его засекли. Он находился в зале ручного управления — делал переключения, стирал данные с целых миль пленки, изменял соединения. Теперь Машина сошла с ума, Ганн. И вместе с ней с ума сходит План. Во всем мире.

— Неважно! Как он выглядел, это Дитя Звезд?

Машин-генерал Вилер шевельнул квадратными плечами и хрипло пролаял:

— Как человек. Золотая кожа, как доложила охрана. Почти светящаяся. Были сделаны снимки, но мы не смогли его опознать. Он на вас не был похож, Ганн... но я думал, что...

— Что все равно вам следует сюда явиться. И использовать меня как козла отпущения. Так? Тем же способом, какой вы использовали, выдавая меня за убийцу сестры Дельта Четыре?

Генерал попытался возразить. Потом его губы сжались, как дверцы ловушки. Он дважды кивнул. Движения его головы напоминали покачивание стрелки метронома.

— Да!

Ганн совсем не ожидал такого быстрого признания.

— Но почему? — только и мог спросить он. — Зачем вы в нее стреляли? Чтобы убрать свидетеля?

— Конечно, — проскрипел генерал Вилер.

— И указать на меня как на самого Дитя Звезд? Чтобы приобрести больший вес в глазах Планирующего и Машины?

— Совершенно, верно, — прохрипел генерал.

Ганн задумчиво посмотрел на него, потом сказал.

— Но что-то заставило вас передумать. Что же это было?

Генерал ответил, ни на йоту не изменив тона. Лишь слегка порозовевший лоб и легкая испарина на лице показывали, в каком он находится напряжении.

— Девушка не умерла, — проворчал он. — Она рассказала Планирующему, как было дело. О том, что я нашел документ и свалил вину на вас. Планирующий доложил Машине, и...

— И что? — Ганн подался вперед.

— И Машина сошла с ума, — с трудом прохрипел генерал. — Она приказала арестовать меня. Потом потребовала ареста сестры Дельта Четыре, вице-планирующего Центральной Америки, охранников Великого Зала, даже самого Планирующего... Началась паника. Мне пришлось пробиваться с боем. Я добрался до самолета — того самого, в котором Дельта Четыре прибыла в штаб-квартиру Планирующего — и бежал. Но мне придется покинуть Землю, Ганн! Я хочу, чтобы вы сопровождали меня в Рифы, потому что... мне необходимо бежать отсюда.

— Бежать? Почему?

— Выбираясь из Зала Планирующего, — прозвенел голос генерала, — я убил двух человек. Один из них был сам Планирующий.

Бойс Ганн до сих пор не имел понятия, в каком месте Земли находится центр обучения. Когда они выбрались на поверхность, он впервые увидел стену гор на севере, почувствовал укус ледяного воздуха и понял, что они находятся на одном из плато в предгорьях Гималаев. Тысячелетиями в этой пустынной местности скитались лишь кочевники. Теперь же пониже выплавленного в скале посадочного поля ракетодрома гудел водяной поток, падавший с плотины гидроэлектростанции.

Но у здания станции был странный вид. Пока машин-генерал Вилер быстро вел его к ожидающему реактивному самолету, Ганн успел разобраться, в чем дело. Даже на расстоянии было видно, что это уже не станция, а руины. В огромных оконных проемах не отблескивало ни единого стекла. В массивных каменных стенах цоколя появились трещины. Внутри здания должен был произойти мощнейший взрыв.

— Не оглядывайтесь! — резко приказал генерал. — Скорее в кабину! Там вас ждет приятный сюрприз.

Ганн последовал за ним. Если процесс разрушения и упадка проник даже сюда, то его масштабы должны выходить за пределы всего, что он мог себе вообразить.

И все это сделал Дитя Звезд?

Но кто он? Мысли Ганна, спешившего вслед за генералом, превратились в стремительный поток воспоминаний и впечатлений. Потрясая до основания все его существо вспышка общности с Машиной. Ужасная схватка с пироподами в Зале Планирующего и потрясение от первой встречи с Джули Мартин в облике сестры Дельта Четыре. Долгое головокружительное падение сквозь пространство, с Рифов на Землю. Невероятный отшельник Гарри Хиксон...

Его способность воспринимать неожиданное была почти на пределе. Он едва заметил, что они уже достигли ожидавшего их самолета. Вслед за генералом он поспешил подняться к открытому люку и тут увидел, кто ждет его внутри.

— Джули! — воскликнул он. — Джули Мартин!

Но ответила ему сестра Дельта Четыре.

— Входите. Закройте люк. Нам нужно взлететь немедленно! Я получила сообщение от Машины.

Генерал Вилер прореагировал мгновенно. Повернувшись, он захлопнул люк, потом одним прыжком достиг сестры Дельта Четыре и вырвал из ее рук черную коробочку связь-куба.

— Дура! — проскрежетал он. — Сообщение! Ты что, не понимаешь, что Машина сошла с ума? Ее испортил Дитя Звезд. Теперь она больше не служит Плану. Ты сама видела доказательства. Неужели ты не понимаешь, что происходит?

Девушка спокойно подняла голову и взглянула на генерала с обычным отсутствующим выражением во взгляде. Черный капюшон упал, открывая блестящий металл пластинки контактора, такой же, как и во лбу Ганна.

— Я служу Машине, — сказала она своим мелодичным голосом. — Генерал Вилер, вы предатель, приговоренный к смерти.

— И ты тоже, в таком случае, — проворчал генерал. Он бросил связь-куб Ганну. — Держи. Следи за ней, пока я подниму самолет. Нам нужно как можно скорее убираться с Земли.

Он нырнул в кабину управления, чтобы настроить автопилот, который запустит моторы, поднимет самолет в воздух и направит прямо к пункту назначения, дав радиозапрос на посадочные инструкции и опустит машину в нужной точке. Ганн взглянул на связь куб в своей руке, потом на сестру Дельта Четыре.

В специальном отделении одной из граней куба хранился штепсель общности. Ганн видел, как ярко блестят его электроды, так точно соответствующие отверстиям на пластинке в его собственном черепе.

Если бы он, вдруг подумал Ганн, вытащил штепсель и вставил его в гнездо контактора... если бы он вошел в общность... он бы снова испытал, то почти невыносимое наслаждение, экстаз души и чувств, с которым уже познакомился час назад.

Соблазн был непреодолимым.

Он хорошо понимал Джули... то есть сестру Дельта Четыре, он гораздо лучше понимал ее теперь. С этим не мог сравниться никакой наркотик. Ничто на свете не могло быть сильнее этого зова.

Он теперь понимал, почему Джули покинула семью, мир, все удовольствия обычной жизни и самого Ганна, променяв все это на балахон слугителя Машины.

Он понимал ее, потому что сам оказался на грани совершения подобного выбора — после всего лишь одного сеанса...

Быстрым движением руки, пока решимость не остановила его, Ганн швырнул коробочку на пол кабины. Связь-куб затрещал и зажужжал. В этом жужжании Ганн разобрал несколько связных нот-морфем, которые изучил, но не стал разбираться в их значении, не дал связь-кубу времени вымолить пощаду. Он поднял ногу и раздавил устройство, как

ядовитое насекомое. Жужжание оборвалось. Мелькнули слабые голубоватые вспышки электрических искр, и в следующее мгновение от связь-куба осталась лишь спутанная масса осколков, печатных схем и расплюснутых транзисторов.

— С этим покончено, Джули, — сказал он. — Это конец нашей связи с Машиной.

Она молча глядела на него темными равнодушными глазами.

— Неужели ты ничего не хочешь сказать? — не выдержал Ганн.

— Только то, что мне было приказано передать вам, майор Ганн. Сообщение, полученное от Машины.

— К черту Машину! — крикнул Ганн. — Неужели ты не понимаешь, что с этим покончено? Все! Сначала нужно разобраться в том, что произошло, а потом — только потом мы, может быть, снова сможем использовать Машину. Использовать! И не позволим больше, чтобы она использовала нас!

— Я ничего об этом не знаю, майор Ганн, — пропела девушка. — У меня только одно сообщение. В нем говорится: «Майору Ганну. Действия: Проследуйте немедленно на корабль „Сообщность“ в Рифах Космоса через Седьмую Станцию Терминатора на Меркурии. Конец сообщения».

Ганн недоверчиво покачал головой.

— Но, Джули! — запротестовал он. — Это же полная нелепица. Отправляться в Рифы через Меркурий... все равно, что пройти в соседнюю комнату, отправившись сначала на Де-неб! Таким путем мы ничего...

— Это нас не касается! — проскрежетал голос генерала Вилера. Ганн обернулся. Генерал стоял в открытой двери кабины управления, в руке он что-то держал. Выражение лица у него было мрачное и испуганное, как у попавшего в ловушку хищника в джунглях.

— Но ведь Меркурий рядом с Солнцем, — сказал Ганн. — Да, мы могли бы пройти рядом с Меркурием, направляясь к дальним областям Рифов. Но зачем совершать посадку? Да

еще в определенной указанной точке, у станции на терминаторе?

— Мы туда полетим, — отчеканил генерал. — И мы совершим посадку. На этой самой станции. Майор Ганн! Я говорил вам, что мне необходимо добраться до Рифов и взять вас с собой. У меня есть на то причина. Вот, взгляните! Этот документ упал на пол передо мной, когда я покидал Зал Планирующего после... гм, нашей небольшой перестрелки.

Не говоря ни слова, Бойс Ганн взял из рук генерала листок. Он был кремового цвета, квадратный, без подписи, и текст гласил:

«Если вы намерены спасти себя, свой народ и свои миры, доставьте оператор-майора Бойса Ганна и прибудьте с ним лично на корабль „Сообщность“ в Рифах Космоса. Ворота будут открыты на станции семь по терминатору Меркурия, где находится солнечная обсерватория Плана».

— Дитя Звезд! — воскликнул Ганн.

Генерал Вилер кивнул, тяжело, словно усталый механизм, двигая головой.

— Да, сообщение от Дитя Звезд. И точно такое же сообщение получено от Планирующей Машины. Майор Ганн! Вы понимаете, что это значит? Планирующая Машина — это и есть Дитя Звезд!

Глава XIII

В каком-то пункте маршрута они сменили самолет на космический нереактивный крейсер Плана. Ганн почти не уделял внимания происходившему вокруг.

Он старался как можно более полным образом использовать время для отдыха, чтобы перевести дух после всех потрясений, постигших его за последние несколько недель.

Как стремительно они накапливались, как быстро выпили они весь запас энергии его тела и сознания!

Он до сих пор ощущал слабую боль во лбу, в костях черепа и где-то за глазами, где прошли электроды, которые вращались в его мозг хирурги.

Он все еще чувствовал боль от кровоподтеков, оставленных на его теле специалистами из отдела Безопасности. Как давно это было?

Он до сих пор не пришел полностью в себя после битвы с пироподами и своего длинного падения на Землю. В его мышцах еще не растворился яд усталости от сражения на рифе Гарри Хиксона...

Он закрыл глаза, и перед ним возникла Карла Сноу. Он открыл глаза — перед ним неподвижно сидела сестра Дельта Четыре, глядя на него, но не видя.

Он снова начал чувствовать себя самым собой. К нему возвращались силы, а вместе с ними и проблема двух женщин, таких разных, но в одинаковой мере занимавших его мысли.

— Джули, — сказал он, — то есть сестра Дельта Четыре, если вам это больше подходит. Верно ли то, что сказал генерал Вилер? Что Машина сошла с ума?

Совершенные черты ее лица, полуприкрытые капюшоном, не дрогнули.

— Я знаю только то, что сказал генерал Вилер, — пропела она.

— Но она на самом деле сошла с ума, Джули. Ее испортил Дитя Звезд. Теперь она разрушает План. Ты до сих пор желаешь служить ей?

— Я служу Планирующей Машине, — сладким голосом пропела она. Темные глаза девушки были холодны и бесстрастны.

— Из-за наслаждений общности? Я понимаю тебя, Джули. Не забывай, — он коснулся блестящей пластинки на лбу, — я тоже почувствовал, что это такое.

В глазах Дельта Четыре что-то мигнуло, какая-то искра снисходительного любопытства. Но она сказала лишь:

— То, что вы испытали, майор Ганн, бледное подобие того, чем награждает Машина своих действительных слуг. А вы еще лишь наполовину слуга Машины. Машина еще не открылась вам полностью, — голос ее звучал, как удары колокола.

Ганн спросил в замешательстве:

— Вы имеете в виду... прямое соединение? Связь через... как это назвать?.. С помощью мыслей самой Машины?

Она лишь пожала плечами.

— Возможно, что-то в этом роде, — равнодушно сказала она. — Вы этого не поймете. — Она быстро пропела серию тональных морфем. Ганн пытался понять смысл, но сразу запутался.

— Вы сказали что-то о... душе? — сделал он предположение. — О душе Машины?

— Теперь понимаете? Мне жаль вас, майор Ганн. Даже больше, чем себя. Так как вы уничтожили мой связь-куб, я не могу соединиться с Машиной, но когда-нибудь я найду другой. Но вы никогда не получите того, что буду испытывать я.

Пока они разговаривали, машин-генерал Вилер дремал. Теперь Ганн заметил, что генерал успел проснуться и прислушивался к их разговору. Когда он встретился глазами со взглядом Ганна, он сел прямо и хрипло захохотал, словно старая машина, за которой плохо присматривали.

— Дура, — сказал он, бросив презрительный взгляд на девушку. — И ты, Ганн, тоже болван. Ни ты, ни она — вы не способны выжить.

— Я выживу, если этого потребует Машина, — пропела девушка. — Я прекращу существование, если Машина перестанет испытывать во мне потребность.

Генерал механообразно кивнул и повернулся к Ганну.

— Видел? А что же тебя заставляет жить?

— Не знаю, — честно сказал Ганн. Он встал и прошелся по тесной каюте крейсера. В слабом поле тяготения, которое создавал нереактивный генератор космолета, его походка утратила уверенность.

— Там, среди Рифов, они говорили о свободе... — сказал он. — Я не уверен, но... Да. Надежда на свободу поддерживает меня сейчас, надежда на то, что свобода реальна и что в ней — благо.

Генерал снова захохотал. Без всякого чувства, словно проигрывая древнюю запись, он сказал:

— Планирующий, которого я недавно убил, понимал, что такое свобода. Он называл ее «романтической ересью». Свобода — она позволяет этим грязным анти-Плановым кочевникам в Рифах влачить свое жалкое существование. Это миф.

— Я видел в Рифах счастливых мужчин и женщин, — тихо сказал Бойс Ганн, больше для себя самого, чем для генерала.

— Ты видел животных! Они верят в добрую природу человека. Они верят, что обыкновенные люди, оставленные без власти Плана на дрейфующем куске рифа, произвольно откроют в себе природные источники морали и изобретательности. Они ошибаются!

Он закрыл глаза и снова открыл, глядя на Ганна и хранящую молчание девушку.

— Человек плох по своей природе, — сказал он. — Создатели законов всегда это знали. Ко всякому доброму поступку его нужно побудить, заставить, подтолкнуть. И наш План Человека был построен в подтверждение этого правила — краеугольного камня всей цивилизации. План признает порочную сущность человека. И он заставляет его двигаться по пути прогресса и добродетели. Другого пути нет!

Под ними лежал Меркурий, планета-ад.

Управляющие сенсоры их крейсера протянули вперед свои лучевые щупальца, касаясь планеты, Солнца, ориентируясь по заданным точкам положения ярких звезд, ощупали полюса и экваториальные зоны планеты, потом

зафиксировали нужную точку на линии терминатора — границе между светом и тенью. Затем, будучи в состоянии машинного аналога чувства удовлетворения, они завершили коррекцию курса и вывели крейсер на посадочную траекторию.

До великого ослепительного костра Солнца оставалось всего тридцать с чем-то миллионов миль — в три раза меньше, чем от Земли. Могучее излучение тепла и света возросло в девять раз. Поверхность Солнца испещрили оспинами темные пятна, чашевидные образования, называемые гранулами. На него больно было смотреть даже сквозь толстые фильтры. Машин-генерал Вилер сердито шевельнул рукой, и на центральном видеоэкране черное пятно заслонило изображение Солнца, как Луна во время затмения. Теперь они могли видеть алую хромосферу, медленно вздымающиеся арки протуберанцев, словно кусающие пустоту змеи. Все это окружала белая сияющая корона.

В этом могучем горниле каждую секунду целые моря солнечного водорода превращались в гелий, излучая океаны энергии. Каждую секунду каждый квадратный сантиметр необъятной поверхности светила бросал в пространство шесть тысяч ватт лучевой энергии.

На солнечной стороне Меркурия расплавленное олово и свинец, подобно воде, стекали с оплавленных камней. Жидкая атмосфера, выжженная из скал солнечным жаром или ударами метеоритов, проводила частицу тепла на теневую сторону, которая иначе застыла бы в холоде, почти не отличающемся от близкого к абсолютному нулю мороза на Плутоне.

Расположенные на линии терминатора станции Плана балансировали на грани между испепеляющим жаром с одной стороны и смертельным холодом с другой.

— Вот она! — проскрипел генерал Вилер, тыкая пальцем в экран. — Станция номер Семь. Так-так, посмотрим, что это за Дитя Звезд!

Массивный крейсер Плана, покачиваясь в поле своих генераторов нереактивной тяги, замедлил падение, повис неподвижно, потом нежно коснулся оплавленной скалы, замерев в тени серебристого купола, протягивающего в сторону Солнца все свои раструбы телескопов, радаров, пирометров, мазеров. Над входом в купол сверкала надпись:

НАИМОГУЩЕСТВЕННЕЙШИЙ НАГРАЖДАЕТ НАИВЕРНЕЙШИХ

Генерал Вилер коротко рассмеялся.

— Верных кому, а? Мне, Ганн! Верь в Меня!

Бойс Ганн спокойно посмотрел на него, потом на сестру Дельта Четыре. Она по-прежнему хранила мал а кие, глаза ее были спрятаны складками черного капюшона. Ганн покачал головой, но ничего не сказал. Про себя он подумал: «Безумен. Так же безумен, как и Машина».

Из купола в их направлении медленно выдвигалась труба входного коридора. Ее конец встретился с воздушным шлюзом корабля и герметически соединился.

Открылись люки.

Ганн поднялся.

— Пойдемте. Все вместе. Я... я не знаю, что мы увидим.

Генерал Вилер прошествовал вперед, ноги и локти его двигались, словно поршни мотора. Сестра Дельта Четыре приблизилась к люку, потом заколебалась и взглянула на Ганна.

Она быстро пропела серию нот, голос ее был чист, как звон хрустальных колокольцев.

— Я... я не понял, — с запинкой сказал Ганн. — Как вы уже говорили, я обучен лишь наполовину. Что-то касающееся родственника?

— Я попросила вас проявить осторожность, майор Ганн, — сказала Дельта Четыре по-английски. — Там брат, его характер эмоционально неустойчив.

— Я не понимаю, — сказал Бойс Ганн. Девушка ничего не ответила, лишь равнодушно кивнула и прошла в люк, ведущий в терминаторную станцию номер Семь.

Ганн последовал за ней и услышал хриплый рев генерала Вилера:

— Кто-нибудь, привет! Есть тут кто-нибудь вообще?

Генерал стоял, взобравшись на крышку металлического стола, покрытого эмалью, вертя головой во все стороны. Позади него протянулись ряды электронного оборудования, похожие на шкафчики в гимнастическом зале, в которые кладут одежду. Они гуде пи, жужжали и мигали лампочками, игнорируя присутствие генерала. Больше в комнате никого не было.

— Не понимаю, — процедил генерал. Он слез на пол, взял трубку телефона, наугад ткнул кнопку вызова, послушал и швырнул трубку на место.

— Никого здесь нет, — сказал он, в раздражении нахмурив лоб. — Это что, шутка? Осмелился бы Дитя Звезд шутить со мной!

— А в остальных помещениях, генерал? «Тоже никого?» — спросил Ганн.

— Обыщите! — пролаял Вилер. — И вы тоже, сестра! Здесь должен быть кто-нибудь! Дверь в Рифы... ключ к тайне «Сообщности» ... я не позволю, чтобы они выскользнули из моих рук!

Ганн предупреждающе взглянул на Дельту Четыре, но она не ответила на его взгляд. Перебирая тональные четки, она послушно направилась к одной из дверей. Складки ее капюшона зашевелились — она искала в соседнем помещении следы присутствия людей. Ганн пожал плечами и, выбрав другой дверной проем, начал поиски.

До него доносились сердитые возгласы генерала, щелканье и жужжание автоматических приборов обсерватории, продолжавших направлять инструменты на заданные области солнечного диска и обрабатывать полученные данные. Он слышал далекие вздохи насосов, посвистывание воздуха

в вентиляционных трубах. Больше ничего не было слышно. Обсерватория была пуста. Ганн прошел через помещение, где находилось хранилище информации — на стеллажах разместились катушки с магнитными лентами, на которых были записаны результаты бесчисленных машино-часов наблюдения за светилом, потом заглянул в комнату, служившую, очевидно, для отдыха, и оказался в главном помещении обсерватории.

Безмолвие. Неподвижность.

— Кто-нибудь! — крикнул Ганн, эхом повторяя далекий возглас генерала Вилера. Ответа не было.

Как правило, команда такой автоматизированной станции, как терминаторная номер Семь, составляла полдюжины человек, может быть, еще меньше. Но трудно было поверить, что произошла катастрофа, покончившая сразу со всеми...

Или так казалось Ганну.

Потом, повернувшись, он понял, что катастрофа действительно произошла.

Их было трое. Трое мужчин, свалившихся в кучу, словно соломенные чучела, у закрытой и запертой двери. Они были мертвы — сомнений не было.

Сверху лежал уже немолодой седой человек в форме техкапитана. Его невидящие желтоватые глаза уставились в потолок. О двух остальных Ганн мало что мог сказать — хорошо были видны только знаки различия. Один был лейтенантом, второй — кадетом. Один — молодой и полный, второй — тоже молодой и странным образом кого-то Ганну напоминающий.

Ганн нагнулся, коснулся мертвых тел. Пульса не было. Дыхания тоже. Но тела казались еще теплыми.

Наверное, это лишь воображение, подумал Ганн. Или виновата температура в комнате — слишком близко к солнцу станция, хотя ее помещения и охлаждаются холодным воздухом из рефрижераторов.

Послышался слабый шум, и Ганн рывком выпрямился и прислушался, нахмурясь.

Звук был не один. Их было два. Первый он сразу определил — это пели тональные четки сестры Дельта Четыре. Следуя по собственному маршруту сквозь помещения купола, она приближалась к главной камере.

Но второй звук? Казалось, он доносится откуда-то из самой камеры. Ганн обернулся и посмотрел на запертую дверь. Может, звук доносился из-за двери? Похоже, там находилась кладовая или отсек для хранения записей. Дверь была солидная, и открыть ее можно было только специальным ключом. Но теперь Ганн был уверен — за дверью было что-то живое.

В камеру вошла сестра Дельта Четыре, увидела Ганна, потом быстро подошла к трем мертвым телам, склонилась над ними.

Когда она снова подняла голову, взгляд ее был темен.

— Не нужно его бояться, майор Ганн, — пропела она.

— Кого бояться? — не понял Ганн.

— Брата, — протянула девушка. — Он умер. Его анти-Плановые эмоции не должны вас больше волновать.

— Брата? Но... — И Ганн замолчал, не закончив предложения. Он начал понимать. Он нагнулся и повернул голову мертвого тех-кадета. Да, это лицо он уже видел раньше.

— Ваш брат! — воскликнул Ганн.

Сестра Дельта Четыре поправила его:

— Брат Джули Мартин. Брат моего тела, совершенно, верно. Как видите, он мертв. — В глазах ее не светилось даже искры сочувствия, словно она говорила о погоде.

Толстая квадратная дверь, перед которой лежали мертвые, по-прежнему таила за собой источник непонятных звуков, но Ганн не обращал на них внимания. Брат Джули Мартин! Он видел сходство — те же серьезные глаза, та же линия подбородка... У сестры Дельта Четыре она завершала правильный овал лица, у юноши она обрисовывала сильный подбородок, но лицо его было лицом мечтателя.

Но Бойс Ганн заметил не только это. Не веря глазам, он нагнулся, придвинувшись поближе. Сомнений не было. Несмотря на мертвенную бледность, кожа лица имела явный золотистый оттенок. Она почти светилась,

Ганн быстро осмотрел остальные трупы. То же самое!

Подобно машин-полковнику Зафару, подобно Гарри Хиксону, подобно существам Рифов, трое мертвых технокорпусцев слегка мерцали, словно далекое Солнце отражалось на блестящем медном шлеме.

Утащив за собой сестру, Дельта Четыре, Ганн отыскал генерала Вилера и кратко рассказал ему о том, что видел.

— Тот самый золотистый цвет, генерал, — сказал он. — Это смертельно. Или... — Он замолчал, вспомнив Гарри Хиксона, который умер от болезни, но потом снова оказался живым.

Он отбросил эту мысль.

— Смертельно, — повторил он. — Кажется, это называется фузоритной инфекцией. Если поместить каплю их крови под микроскоп, мы увидим маленькие светящиеся шарики фузоритов. Что-то вроде симбиоза, как говорил доктор Сноу. Но для человека он смертелен.,

— Фузориты, говоришь? — проскрипел генерал Вилер. — Ага, значит, Рифы! Ты понимаешь, что это означает? Дитя Звезд, вот что. Мои сведения были верны. Он здесь.

— Не может быть, — запротестовал Ганн. — Мы обыскали всю станцию и никого не нашли.

— Мы никого не видели, генерал, — эхом повторила сестра Дельта Четыре. — Здесь никого нет, только умершие.

— Живые, мертвые, но он должен быть здесь, — проворчал генерал. — Я его найду! Я заставлю его отвезти меня на «Сообщность»!

Бойс Ганн вспомнил о звуках за массивной дверью.

— Там есть одно место, генерал, — сказал он. — Там... что-то может обнаружиться. Рядом с телами есть дверца...

— Вперед! — закричал генерал и помчался в соответствии с призывом, словно приведенная в действие машина, не

дожидаясь ответа остальных. Ганн и девушка отыскивали его в отдаленной инструментальной части станции, в подвале среди хранилищ с консервами и чистыми катушками магнитной ленты. Генерал, время от времени издавая вопли, рылся в кипах припасов. Обратный путь, даже в слабом поле тяготения Меркурия был утомителен, и сестра Дельта Четыре начала задыхаться уже на полпути. Потом они оба остановились, тяжело дыша, глядя друг на друга. Потому что оба слышали один и тот же звук — далекий гул движущихся гусениц шасси, с помощью которого передвигался соединительный коридор. Звук передавался через скалу и фундамент станции.

Через длинную трубу коридора шлюз их крейсера соединился со шлюзом станции. Теперь коридор пришел в движение. Значит, или прибыл еще один корабль...

Или их собственный крейсер готовился к взлету!

— Бежим! — крикнул Ганн, и они помчались изо всех сил.

Массивная дверь, перед которой лежали раньше мертвые тела, была распахнута настежь. Мертвые исчезли.

Генерал Вилер и Ганн без слов повернулись и принялись обыскивать камеру, заглядывая под столы, консоли пультов, в ниши приборов.

— Они исчезли, — наконец сказал Ганн, и генерал повторил как эхо:

— Они исчезли.

И новый голос добавил:

— Они также забрали ваш корабль.

Ганн и генерал стремительно развернулись. Сестра Дельта Четыре не стала беспокоить себя поисками в камере, а сквозь открытую теперь массивную дверь вошла в скрывающуюся за ней каморку со стальными стенами. Она явно предназначалась для хранения самых ценных записей на случай какой-нибудь катастрофы, грозящей станции уничтожением, но теперь в ней хранился ценный предмет совсем иного рода. Это была девушка. Губы ее были еще белыми — сестра Дельта Четыре только что вытащила из ее

рта кляп и продолжала теперь освобождать ее руки от веревок.

— Они взяли ваш корабль, — повторила девушка. — Все трое. Они открыли дверь... а потом убежали.

Ганн едва понимал, что она говорит. Что-то совсем другое занимало его мысли. Волосы медового цвета, мягкий загар, голубые яркие глаза... он знал эту девушку!

Девушка, которую они обнаружили в обсервационном куполе станции на Меркурии, была той самой девушкой, с которой он познакомился несколько недель и несколько миллиардов миль тому назад. Это была Карла Сноу.

Глава XIV

Насосы рефрижераторов накачивали в купол охлажденный воздух, но казалось, что огромный диск Солнца, по которому медленно проползали волны бури, немилосердно сжигает их с видеоэкрана своими лучами, словно они стояли обнаженные на скалах поверхности планеты.

Карла Сноу протянула руку и коснулась Ганна.

— Я думала, ты погиб, — сказала она удивленной глаза ее переместились на сестру Дельта Четыре, которая, опустившись на колени рядом, терпеливо растирала опухшие запястья Карлы.

— Неважно, — сказал Ганн. — Как ты сюда попала? Это... это сделал Дитя Звезд?

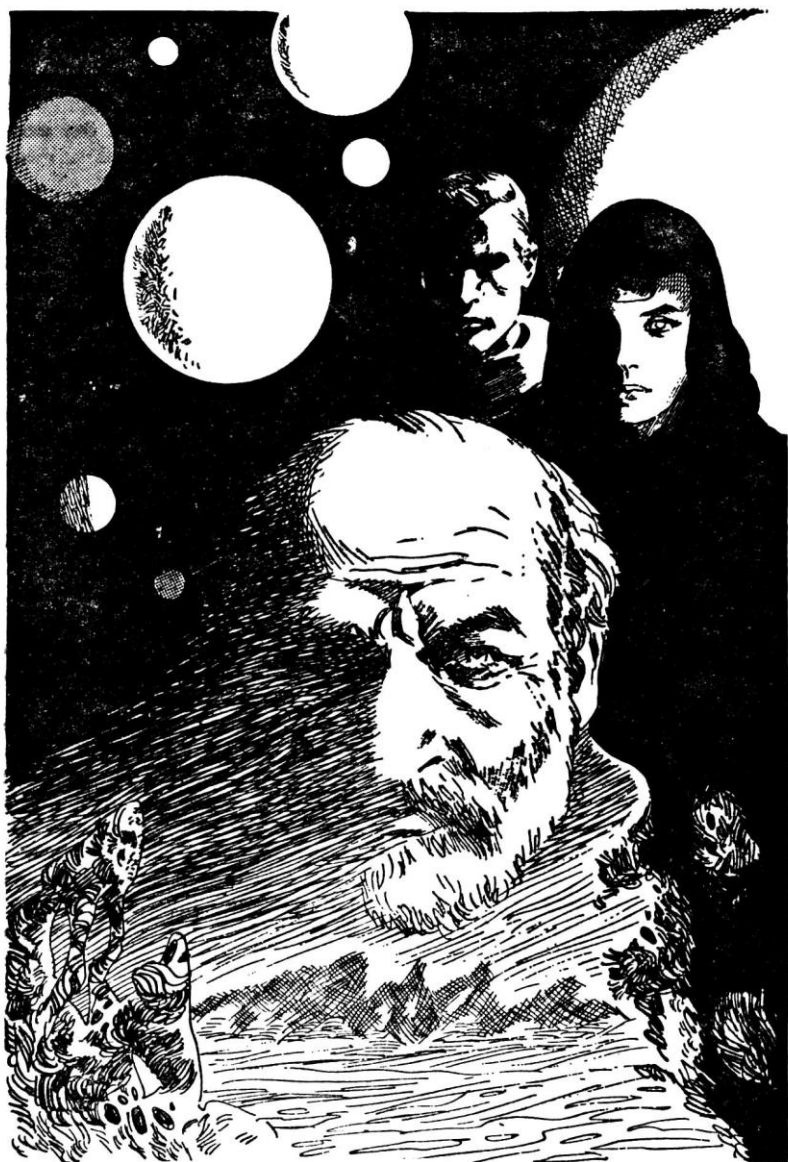
Карла задумчиво покачала головой.

— Я не знаю. Когда ты исчез, я принялась искать тебя.

Генерал Вилер, приникший к одному из оптических телескопов, проскрежетал:

— Ага, вот и они! Я вижу злодеев! Они между нами и Солнцем! — Он яростно завопил с переключателями на экранах, защелкал, изображение затанцевало и сменилось новым.

Они увидели крейсер Плана, который доставил их сюда. Он был уже очень далеко, едва заметный на фоне усыпанного звездами неба, окружавшего сверкающий шар Солнца.

— Кто же управляет им? — пробормотал Ганн.

— Те самые преступники, которых мы здесь нашли! — пролаял генерал Вилер. — Они прикинулись мертвыми. Они провели нас! Теперь они похитили наш корабль. Мы пропали.

— Генерал, — совершенно искренне сказал Ганн, — я не прошу вас верить мне, но я не мог ошибиться. Они не при-
творялись. Они действительно были мертвыми.

— Не может быть, — прокрипел генерал. — Посмотрите на этих идиотов! Они направляются прямо к Солнцу!!! Но корабль не рассчитан на температуру фотосферы! Они убьют себя!

Ганн устало повернулся к Карле Сноу.

— Ты сказала, что искала меня. Зачем?

Она вспыхнула и отвела взгляд. Не ответив на вопрос, она сказала:

— Полковник Зафар умер. Отец сообщил, что это опасная болезнь, и он... повез тело на Свободное Небо для исследования. Он не знал, что с тобой случилось. И я тоже не знала. Но... я подумала, что смогла бы тебя отыскать.

Сестра Дельта Четыре тихо поднялась, перешла на другую сторону, начала массировать второе запястье. Карла продолжала рассказ, избегая смотреть на Ганна. Иногда она бросала взгляд на Дельту Четыре, иногда — на генерала Вилера, иногда — на огромный диск Солнца, висящий посреди экрана. К нему, к одному из его похожих на щупальца протуберанцев приближался крейсер.

Она вызвала своего пространственника, рассказывала Карла Сноу. Потом вынесла под открытое небо маленького пиропода Гарри Хиксона, выпустила его на свободу. Пиропод описал несколько кругов, потом устремился в открытое пространство... И, оседлав пространственника, она последовала за ним,

— После того как ты исчез, а полковник Зафар умер, он совсем, кажется, сошел с ума, — сказала Карла. — Метался по

комнатам. Я подумала, что он ищет тебя. И я подумала, что, если выпустить его на свободу, он, может быть, найдет тебя.

— Дитя Звезд! — загрохотал генерал Вилер. — Рассказывай о Дитя Звезд, женщина! Ты его нашла?

Она заколебалась.

— Кажется, я видела его или слышала, — сказала она наконец. — Кажется, я встретила его в центре Риф-Вихря.

Риф-Вихрь — не планета, не звезда и не комета. И даже не риф в собственном смысле слова. Он сочетал в себе элементы всех вышеперечисленных явлений. Несомненно, первоначально это был риф. Как дальняя планета, он вращался вокруг Солнца. Как у кометы, большую часть его массы составляли газы. И в сердцевине его шла реакция превращения водорода в гелий, как в звезде.

В сущности, Риф-Вихрь представлял собой более массивный, более плотный риф, чем все остальные скопления этих пасынков Солнца. Со временем, при наращивании массы, он мог превратиться в ядро новой планеты.

Он обладал невероятным угловым моментом вращения. Какая-то более мощная сила, чем гравитация, удерживала составляющие его элементы от выбрасывания в пространство. Составлявшие его рифы были более старыми и не такими, как все наружные, обыкновенные рифы. Жуткие, мутировавшие виды пироподов роились вокруг Вихря. В центральные области Вихря никогда не проникал человек, даже сами жители Рифов.

Об этом месте ходили страшные легенды. Жизнь, которая нашла здесь свой приют, развивалась уже очень давно.

Прямо, как стрела, детеныш пиропода, который раньше принадлежал Гарри Хиксону, устремился к Риф-Вихрю, а за ним, едва не теряя из виду голубоватый отсвет его ракетного выхлопа, мчалась на пространственнике Карла Сноу.

— Мне было страшно, — рассказывала она. — Мы миновали рой пироподов. У них как раз начался сезон размножения. Их там были тысячи, они кружились в пространстве, как единое тело. Если бы они обратили на нас внимание и

бросились в погоню, нам бы не удалось уйти. Но думать об этом было уже поздно... и даже больше пироподов я боялась самого Вихря.

— Дитя Звезд! — прикрикнул генерал. — Скорее! — Глаза Генерала были прикованы к экрану, на котором крейсер Плана все ближе и ближе подходил к Солнцу, а один из больших протуберанцев, казалось, протянул ему навстречу язык пламени, стараясь лизнуть.

— Мы достигли Риф-Вихря, — сказала девушка, — и там я потеряла пиропода. Но Белла — это мой пространственник — казалось, она знала, куда он пропал. Мы полетели дальше.

Вблизи Риф-Вихрь выглядел, как маленькая галактика. Составлявшие его отдельные рифы светились разными цветами, словно отдельные звезды. Края Вихря составляли мертвые, темные скалы и рифы. Там, как подумала Карла, находились гнезда пироподов. Она почувствовала, как задрожал пространственник, как наполнились ужасом его большие влажные глаза. Но они продолжали полет.

— Белла как будто не могла справиться с собой, — сказала Карла. — Казалось, она против своей воли движется вперед, к собственной гибели — или чему-то, что пугало ее еще больше.

— Точно так же, как эти дураки, укравшие корабль, — проскрипел генерал Вилер. — Значит, там ты и нашла Дитя Звезд? В этом Вихре?

Карла Сноу ответила не сразу.

— Я не уверена. Честно говоря, генерал Вилер, я не знаю, что видела в Вихре. Я знаю только, что очень многого там на самом деле не было.

— Иллюзии? — осведомился генерал. — У тебя были галлюцинации?

Она неуверенно кивнула.

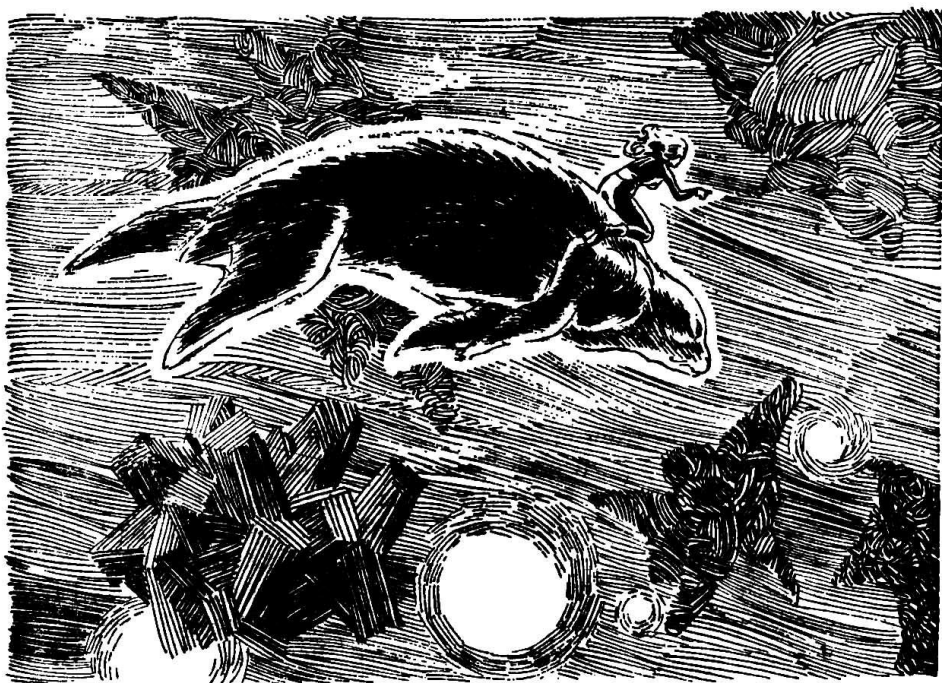
— Да... Нет, я не знаю. Только многое, что я там видела, не могло там быть на самом деле. Я видела Гарри Хиксона, хотя я знаю, что он умер. И полковника Зафара... И... Бойс, я видела там тебя.

Они углубились в сердцевину Вихря. Пространственник приходил во все большее неистовство. Они давно миновали внешний край Вихря с его гнездилищами пироподов, но впереди должно было находиться нечто, приводившее Беллу в еще больший ужас, чем туннели, полные ракетных чудовищ.

— Не бойся, детка, — прозвучал вдруг в ушах Карлы голос отца. Она вскрикнула и оглянулась. Кроме нее, в маленькой воздушной оболочке, которую нес с собой пространственник, никого больше не было.

— Не останавливайся, малышка, — сказал другой голос. Это был голос человека, который совсем недавно исчез на ее глазах в светлом водовороте и которого она теперь искала, Бойса Ганна.

Потом послышался третий голос:

— Карла, теперь самое главное — иди только вперед! — и этот голос испугал ее больше всех остальных. Это был голос Гарри Хиксона.

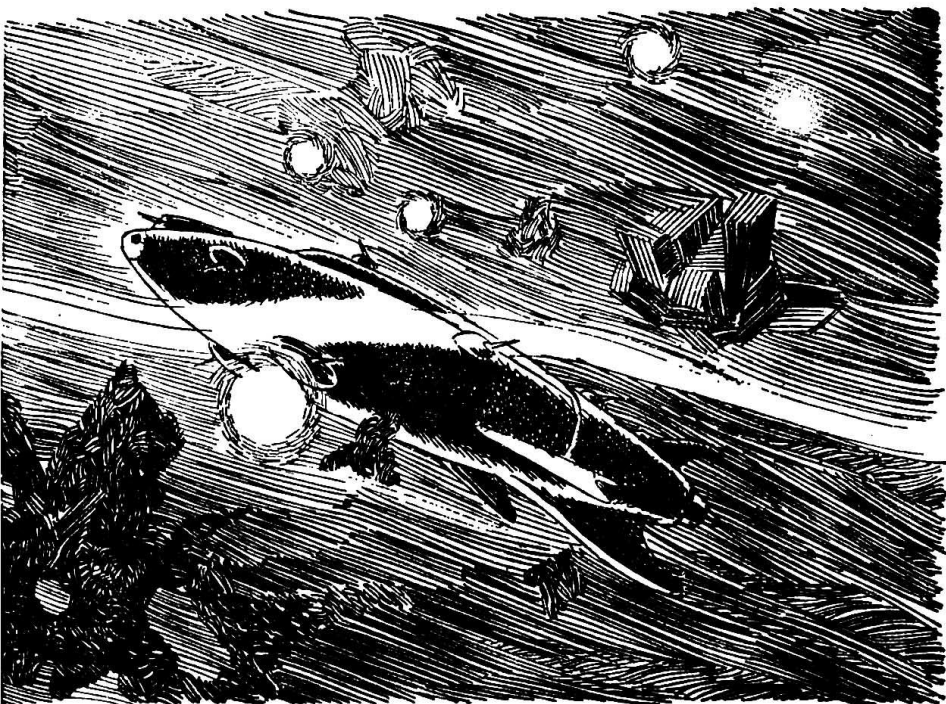
Галлюцинации?

Другого объяснения не могло быть. Гарри Хиксон давно умер. Она была одна. За пределами воздушной оболочки Беллы начинался вакуум, который не проводил звуковые волны, поэтому там тоже никто не мог скрываться.

Но галлюцинации не оставляли Карлу.

— Не бойся пироподов, — посоветовал голос, хриплый, растягивающий слова, голос Гарри Хиксона, она была в этом уверена. — Вперед! Мы тебя ждем!

Она вспомнила слова умирающего полковника Зафара: «Ловушка сознания... бойся тайных желаний...» В них слышалось предостережение.

Но ей не оставалось ничего другого, как положиться на пространственника, все глубже уносившего ее в центр Вихря. Мимо проносились мелкие светящиеся рифы, как сверкающие алмазные грибы, клубки раскаленной проволоки, светящиеся многогранники — кошмарные разноцветные миры, которым она не могла найти названия.

И потом они оказались, как поняла Карла, в самом сердце Вихря.

Там плавал в пустоте исполинский корабль, такой гигантский, словно все скопление Свободного Неба. Сквозь открытые бойницы смотрели стволы смертоносных излучателей и пусковых ракетных устройств. Но двигатели его были мертвы. Он вращался по свободной орбите в центре Вихря.

— Великий План! — вскричал генерал Вилер в диком возбуждении. — «Сообщность»! Это должна быть «Сообщность»!

Карла Сноу посмотрела на него с некоторым недоумением.

— Да, это название было на его борту. Это ваш корабль, генерал?

Генерал излучал безудержную радость триумфа.

— Да, теперь мой! Мой корабль... моя Машина на его борту... и как только я доберусь туда, все миры тоже станут моими! Ты отведешь нас туда, женщина! Когда я стану владыкой Машины, которую он несет на борту, я вернусь сюда, к планетам Плана. Не генералом, даже не Планирующим — я буду управлять самой Машиной! Я... — он замолчал, глядя на Бойса Ганна. — В чем дело? — проскрежетал он.

— Каким образом вы предполагаете добраться туда, генерал? — спросил Ганн.

Лицо генерала помрачнело. Нахмурясь, он посмотрел на экран, где безнадежно далекий от них крейсер обходил стороной огромный язык, продвинувшийся вперед, пока они разговаривали.

— Продолжайте, — проворчал он, — Я найду способы. Я доберусь до «Сообщности», и тогда... Неважно! Продолжайте.

Вокруг гигантской космической крепости, выкрашенной для камуфляжа в черный цвет, ошетилившейся пусковыми установками и стволами лазерных излучателей, кружил непонятный золотой туман.

Как дымка из капель жидкого золота, как золотое облако.

Откуда в пространстве могло появиться облако, даже в Вихре? И все же она его видела собственными глазами. В самом центре его туман сгущался в золотую плотную сферу.

Словно луч лазера, направленный в цель, пространственник неся к золотому облаку. Карла в ужасе закричала — при их приближении поверхность облака, казалось, метнулась им навстречу. Появилось туманное вздутие, превратившееся в щупальце, протянутое к пространственнику и Карле. И бесплотный голос-галлюцинация, принадлежащий Гарри Хиксону, прохрипел:

— Карла, малютка! Не бойся! Вперед!

Она не могла бы остановить пространственника, даже если бы хотела. Белла больше ей не подчинялась.

Голос был чистой иллюзией, но Карла обнаружила, что он придал ей уверенности. Паника уменьшилась. Со странной отрешенностью смотрела она, как выпуклость разделась на три части. Каждая часть продолжала расти, пока не превратилась в золотую змею. Она видела, как все три змеи, извиваясь, тянутся ей навстречу...

Они ударили.

Горячие желтые кольца сдавили ее.

Но боли не было. И даже страх стал еще меньше. Живые золотые канаты потащили ее к золотой сфере, и она становилась все более спокойной, все более бесстрастно воспринимающая окружающее. Даже пространственник избавился от страха. Устроившись в золотых объятиях колец, словно в гнезде, Белла мурлыкала, будто большой котенок.

Карлу тоже клонило в сон. Ей показалось, что она слышит голос Гарри Хиксона, спокойный, настойчивый, говоривший ей что-то очень важное.

— Ты должна отправиться туда, детка, — говорил он ей. — Отправиться туда и выполнить задание. Потом ты должна вернуться сюда...

Как хорошо было снова услышать его спокойный голос. Карла Снег заснула.

Она спала, и время шло...

— И, — сказала она, — когда я проснулась, я знала, что мне нужно делать. Я должна была отправиться за вами и привести вас обратно. Всех вас. Он хочет, чтобы вы пришли к нему.

— Дитя Звезд! — проскрежетал, словно напильник, генерал Вилер. — Ты его имеешь в виду?

Но Карла упрямо качала головой.

— Я не уверена. Я знаю только, что я должна сделать. Только это. — На ее лице вдруг появилось выражение тревоги. — Здесь

меня встретили трое, они испугались. Они заперли меня, они не хотели ничего слушать.

— Майор Ганн, генерал Вилер, мисс Сноу. Следите ли вы за экраном? — пропела сестра Дельта Четыре.

Они повернулись, как один, уставясь на видеоэкраны.

На экране пылало Солнце. Яркий протуберанец успел еще больше вырасти. Он, словно гигантский гребень волны, навис теперь над крейсером Плана, в котором бежали трое — те, что должны были лежать мертвыми. Протуберанец напоминал кобру, готовую нанести удар.

И, подобно змее, он ударил.

Крейсер изменил курс — слишком поздно! Хотя на экране движение языка пламени казалось плавным, на самом деле он перемещался со скоростью нескольких миль в секунду. Как бы ни лавировал крейсер, убежать он не мог. Протуберанец коснулся его.

Маленький черный силуэт исчез.

Бойс Ганн вдруг обнаружил, что его пробивает дрожь, услышал, как проскрежетал проклятье генерал, стоявший рядом. Крейсер больше не существовал. Гигантский протуберанец начал медленно падать обратно на Солнце.

Генерал первым пришел в себя. Медный ежик волос, твердая бронза черт лица — все дышало решимостью.

— Отлично, — сказал он. — Теперь можно забыть об этом корабле, Вопрос — как нам выбраться отсюда? Второй вопрос — как добраться до Рифов. И попасть на «Сообщность»?

— С этим не должно быть затруднений, — гордо пропела сестра Дельта Четыре. — Машина сказала, что ворота на «Сообщность» должны находиться на этой станции.

Генерал уперся в девушку взглядом своих серо-стальных глаз.

— Но где? За люком шлюза? На скалах? Там мы изжаримся за считанные минуты! Или вы предлагаете нам летать?

Он замер на полуслове, бронзовое лицо застыло, потом он повернулся к Карле Сноу.

— Ваши звери? Что с ними потом произошло? С пространственниками, или как они там называются.

Но Карла покачала головой.

— Так близко от Солнца Белла не могла бы выжить, — сказала она. — Радиация убила бы ее, а вместе с ней и нас всех, потому что мы зависели бы от ее воздушной капсулы. Кроме того, ее нет со мной.

— Тогда как же? — воскликнул генерал. — Должен же быть способ! Оба сообщения — от Дитя Звезд и от Машины — указывают именно на эту станцию!

— Совершенно верно, генерал, — тихо сказала Карла Сноу. — Поэтому я сюда и прибыла. Чтобы доставить вас в Рифы. Я не знаю, каким образом. Я знаю лишь, что это должно произойти.

Комната, казалось, накренилась. Толчок застал их всех врасплох. Они испуганно посмотрели друг на друга, в разной степени удивленные.

— Кажется, — мрачно сказал Ганн, — мы уже нашли эти ворота. Это ощущение было ему знакомо. Он знал, что для сил, вызвавших его, долгий путь в Рифы мог сократиться до нескольких секунд.

Он не чувствовал страха. Наоборот, в том факте, что они скоро встретятся с лицом, вызвавшим такие потрясения по всей Солнечной Системе, заключалось даже облегчение. Но что-то беспокоило его, какой-то вопрос, заданный совсем недавно, на который так и не было дано ответа.

Комната снова накренилась, свет померк. И он вспомнил.

— Но почему, Карла? — прохрипел он.

Девушка из Рифов взглянула на него влюбленными глазами.

— Что «почему», Бойс?

— Почему они тебя испугались? Ты сказала, что люди на станции испугались тебя. Почему?

Комната, казалось, содрогается и корчится, словно видимая сквозь бракованное увеличительное стекло. Свет удаляется — или это они удалялись от источника освещения. С

каждой секундой между ними рождались все новые кванты пространства, разделяя их, хотя они сами оставались неподвижны, подобно разбегающимся галактикам.

И тогда Ганн увидел ответ. Карла могла не отвечать. Он сам увидел причину страха трех членов команды станции.

В меркнувшем свете только Карла по-прежнему была видна ясно. Ее лицо, руки, тело ярко светились.

Светились золотистым светом.

Глава XV

Они падали сквозь пространство. Путь их был бесконечен, потому что вел в вечность. Потом падение кончилось.

Они прибыли в пункт назначения. Они оказались в удивительном новом мире.

Вокруг повисли во тьме пространства разноцветные миры Вихря — изумруды, рубины, голубые и чисто белые самоцветы. Медленно пульсировало золотое облако, которое пленило Карлу Сноу, и внутри него висел гигантский корабль-крепость Плана «Сообщность».

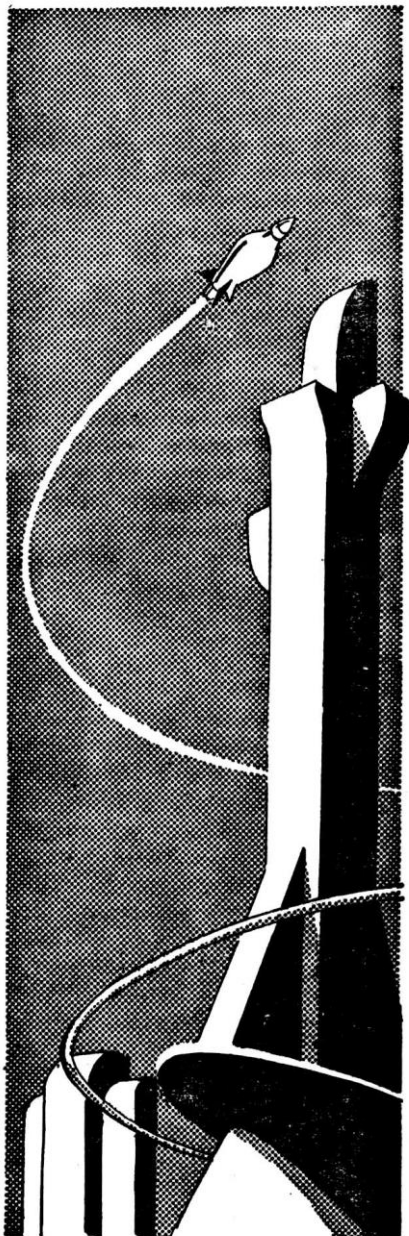
Карла Сноу описала корабль, но она не могла передать впечатления от его размеров. Это был космический исполин.

Бойс Ганн увидел, что они не одни.

Какая-то масса метнулась к ним и вдруг замерла на месте, радостно повизгивая. Светящийся красный нос ткнулся в руки Карлы.

— Белла! — воскликнула девушка и похлопала темно-золотистый бархатный бок животного. — Это мой пространственник, — пробормотала она. — Мы в его воздушной капсуле. Без нее мы не прожили бы здесь и секунды.

— Скорее кончайте с сантиментами, женщина, — проскрежетал генерал Вилер. — Может ли это животное доставить нас на «Сообщность»?

— Мы уже направляемся туда, — сказала Карла. — Посмотрите сами, генерал.

Они приближались к кораблю. Силуэт громадного судна вырастал по мере их приближения.

Корабль оказался на более дальнем расстоянии, и размеры его были еще более величественными, чем представлялось Ганну. Он превратился в длинный планетоид из гладкого черного металла, повисший в пространстве между золотым облаком, которое доминировало в сердце Вихря, и вращающимися крохотными мирами, которые разноцветили небо вокруг. Они описали круг и обнаружили зев главного воздушного шлюза у основания корабля, между шестью выступающими черными цилиндрами двигательных установок, поднявших его некогда с Земли.

И похоже, все эти годы они ни разу не приходили в действие. У корабля был брошенный вид.

Пространственник без дополнительных указаний, словно его манила невидимая сила, устремился прямо в люк шлюза и замер.

Входные ворота «Сообщности» высотой не уступали трехэтажному дому. Когда они всплыли внутрь, кольца светильников на черных стенах вдруг ожили, озарив зал мягким сероватым светом. Огромные створки люка бесшумно задвинулись за ними.

Они были замкнуты среди стальных стен.

И повсюду на стенах были заметны вмятины и шрамы, словно когда-то здесь происходили грандиозные сражения. Но Ганн знал, что никаких битв здесь не было. Откуда же следы? Не могли ли оставить их метеориты — ведь люк был открыт десятилетиями?

Генерал Вилер заметил озадаченное лицо Ганна и прокрипел:

— Пироподы! Они изгрызли мой корабль! Клянусь Планом, я уничтожу всех до единого!

Генерал был прав, понял Ганн. И не только прав, но и охвачен гневом. Это был его корабль, его копия Планирующей Машины. И с ее помощью он намеревался сделать своими все миры Солнечной Системы.

Бойс Ганн смутно осознал, что на борту «Сообщности» имелись вещи, гораздо более опасные, чем пироподы.

Он вдруг обратил внимание на шорохи и свист насосов и понял, что шлюз наполняется воздухом. Теперь они уже не нуждались в защите капсулы пространственника. И животное поняло это раньше, чем они.

— Белла! — строгим голосом, в котором слышалась любовь, приказала Карла. — Веди себя прилично!

Но разыгравшийся пространственник проявил упрямство. Он метался вдоль зала шлюза, словно пиропод. И у дальней стены обнаружил щель, которой секунду назад там еще не было. Возбужденно мяукая, пространственник протиснулся в узкое отверстие и исчез.

— Ага! — вскричал генерал Вилер. — Наконец-то! Машина ждет меня! — и он исчез почти так же стремительно, как и пространственник.

Остальные последовали за ним, хотя и не так быстро: Карла Сноу, обеспокоенная судьбой любимицы, за ней Ганн, а замыкала колонну мрачная фигура сестры Дельта Четыре в черном балахоне. Псевдогравитационное поле напряжением примерно в одну десятую «ж» позволяло спокойно идти, но избавляло от большей части усилий, которые потребовались бы на подъем по шахтам из шлюза в центральную часть корабля. Но все равно Ганн едва не задохнулся, стараясь не отстать от мчавшегося вперед генерала.

Они находились в шахте, уходившей, казалось, бесконечно вверх. Потом они миновали точку, где менялась поляризация псевдогравитационного поля, и шахта превратилась в головокружительную бездну, в которую они падали, пока их тела не переориентировались и не восприняли шахту как горизонтальный коридор. Холодный ветер дул по коридору. Воздух пах пылью, был сух и заставлял их кожу покрываться пупырышками дрожи.

Воздушный поток вызывал слабую вибрацию в стенах коридора.

Генерал исчез из вида.

Ганн замедлил бег, стараясь отдышаться. Воздух был разреженный, он не привык к такому. Наверное, старые воздушные резервуары уже успели почти опустеть. Он оглянулся по сторонам и обнаружил едва заметную серую надпись. «СТОЛОВАЯ 3» было указано на ней.

Длинные столы уходили в темноту. Здесь когда-то должны были принимать пищу члены экипажа.

Ганн остановился и подождал, пока девушки поравняются с ним.

— Генерал убежал, — сказал он. — Ищет Планирующую Машину. Я... я думаю, что он может ее найти, и очень опасюсь того, что может тогда произойти. — Он взглянул на Карлу, беспокойство на лице которой было вызвано, в

основном, судьбой пропавшего пространственника, и на Дельту Четыре, прикрытые тенью капюшона глаза которой вообще ничего не выражали.

— Если Машина на корабле хотя бы наполовину так могущественна, как та, на Земле, — сказал он, — а мне говорили, что они равны по своим возможностям... тогда Вилер вполне может завоевать с ее помощью всю Солнечную Систему.

— Что мы должны делать? — просто спросила Карла Сноу.

— Нам нужно разделиться. И найти его. Конечно, он вооружен. Не пытайтесь задержать его самостоятельно. Только крикните — погромче — я вас найду.

— Но вы тоже не вооружены, майор Ганн. — Певучий прозрачный голос сестры Дельта Четыре казался самым голосом здравого смысла. — Вы не более способны с ним справиться, чем мы.

— Это моя забота! Вы только найдите ею... В чем дело?

— Ни в чем, майор Ганн, — сказала сестра Дельта Четыре. Лицо ее по-прежнему прикрывал капюшон.

— Я не вам. Карла, что такое?

— Это... это не опасно, — сказала Карла грустно. — Я хочу сказать, Бойс, чтобы ты не волновался.

Ганн коротко засмеялся, не в силах сдержать себя. Уверенность Карлы была совсем не к месту.

— Нет, нет, Бойс, я говорю правду. Ведь мы все попали сюда не случайно. Меня послали за вами. Дитя Звезд... если это он меня послал... он знает, как справиться с генералом Вилером.

— Я не намерен рисковать, — мрачно сказал Ганн. — Карла, отправляйся по этому проходу. Джули, следуй за ней, проверяй все боковые ответвления. Я осмотрюсь вокруг и пойду за вами.

Он успел пройти половину древнего зала столовой, когда девушки исчезли из виду, и тут только Ганн вспомнил.

«Она не поправила меня, когда я назвал ее Джули, — подумал он. — Интересно, почему».

Столовые 2 и 1 оказались такими же стерильными и пустынными, как и столовая 3. Больше на этом уровне ничего не было.

На следующем уровне помещались кубрики экипажа, тоже пустынные. Несомненно, Карла и Дельта Четыре успели осмотреть их. Ганн поспешил к следующему уровню, преодолевая головокружительную инверсию искусственного гравиполя. Далекий шум, который он засек еще раньше, стал громче, но Ганн все еще не мог определить его источник.

Только лишь когда он оказался перед закрытой дверью, которая приветствовала его надписью «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА МАШИНЫ», он понял, что это было.

За металлической дверью что-то гудело и вибрировало. Та самая потерянная копия Планирующей Машины. Она продолжала функционировать.

Или ее снова включили? Генерал Вилер добрался до нее и привел в действие? И что он теперь задумал?

Ганн замолотил в дверь.

— Эй, вы, внутри! — заревел он. — Откройте! Впустите меня!

Ему отвечал лишь глухой металлический шум.

— Откройте! — орал он. — Я знаю, что вы здесь, генерал Вилер!

В ушах у него раздался тихий смешок.

— Вовсе нет, майор Ганн, — загудел голос Планирующего.

Ганн стремительно повернулся. Планирующий? Здесь?

Никого не было видно.

— Ты можешь двигаться дальше, Боне, — посоветовал ему участливый голос кадета М'Буны. — Ты зря теряешь время.

Ганн стоял, как парализованный. Ведь М'Буна мертв! И старик Планирующий, как он лично помнил Ганн, тоже. Его застрелил Вилер.

— Кто здесь? — крикнул он. — Что это за фокусы?

Ему ответил пронзительный крик девушки.

— Бойс! Бойс Ганн, где ты?!

Это был голос Карлы Сноу. В отличие от голосов фантомов, этот доносился откуда-то издалека. Ганн провел рукой по вспотевшему лбу. Он задел металлическую пластинку контактора и почувствовал, как старая боль воспоминания снова поднимается внутри. Мгновение бесконечного наслаждения... желание еще раз испытать это чувство...

Он подавил эту мысль, хотя это и было нелегко. Что с ним происходит? Он теряет разум?

Он уставился пустым взглядом на неприступные двери. Столько труда, столько беспокойства — ради чего? Зачем он забрался так далеко?

И эта мысль, понял он вдруг, потрясенный, тоже была результатом иллюзии. Что-то проникло в его сознание... Что-то...

Он вспомнил, о чем говорила Карла, что кричал в бреду полковник Зафар. Ловушка сознания. Бойтесь тайных желаний...

Нечто на борту «Сообщности» обладало способностью проникать в сознание. Нечто, способное управлять им с такой же легкостью, с какой управляло пространственным Карлы.

Он услышал, что к нему быстро приближаются шаги. Кто-то бежал в его направлении.

— Бойс! — это была Карла Сноу. — Слава небу, я тебя нашла! Генерал... пытался меня убить...

Ганн подхватил ее на руки. Девушка вся дрожала.

— По-моему он сошел с ума. Он увидел меня... в руке его был пистолет... Он едва не застрелил меня...

— Я думал, он здесь, внутри, — тупо сказал Ганн. — Возле Машины.

— Нет! Он на следующем уровне... в рубке огневого контроля... кажется было так сказано на указателе. Там одни камеры и броневые двери. Мы его там никогда не найдем. — Она глубоко вздохнула и осторожно высвободилась из его рук. — Но нам нужно идти, Бойс. В рубку управления.

— В рубку управления?

Она кивнула.

— Я должна привести вас туда. Это в четырех уровнях над нами. Нужно войти в переход, обозначенный указателем «МОСТИК».

— Ты была на этом корабле раньше?

— Нет, нет! Я просто знаю. Пойдем, Бойс. Нам нужно спешить.

Он пожат плечами, повернулся, чтобы последовать за ней... и едва, не упал. Он легко восстановил равновесие в слабом тяготении палубы, потом посмотрел на пол, чтобы определить, на чем он поскользнулся.

Перед запертой стальной дверью лежала цепочка тонических четок. Это были четки сестры Дельта Четное.

Теперь Ганн знал, кто скрывается за запертой дверью, с отчаянной жадой стремясь снова войти в сообщество с Планирующей Машиной.

Дверь с надписью «МОСТИК» была широко распахнута. Изнутри на пол палубы падал веер слабого желтоватого света.

— Входи, Бойс, — громко сказала Карла Сноу. — Бояться нечего. Он ждет тебя.

Ганн вошел в открытую дверь, держа в руке руку Карлы. Он был готов почти ко всему.

За дверью находилось обширное круглое помещение, замыкавшее в кольцо шахтовый коридор. Пол занимали группы серых металлических шкафов, все они подсоединялись к сплетениям разноцветных толстых кабелей, спускавшихся с потолка. Здесь располагались посты наблюдения, технического контроля, кресла навигаторов и офицеров-оружейников. Все посты были давно оставлены. Все они пустовали. Кроме одного.

В рубке управления был один человек, и именно он являлся источником золотистого света.

— Гарри! — воскликнула Карла Сноу.

— Гарри Хиксон! — эхом повторил Ганн. — Вы! Вы и есть Дитя Звезд, тот, что послал Требование Освобождения!

Человек мельком взглянул на них, потом вновь занялся работой. Он сидел за пультом рядом с шахтой. Его голова склонилась над сверкающими растрами экранов. Его толстые сильные пальцы быстро двигались по клавишам и кнопкам, перекидывая тумблеры, поворачивая верньеры. И его тело изливало золотистый свет, словно частица Солнца.

Он выглядел моложе, чем тогда, когда с ним встретился Ганн. У него была та же спутанная борода. Теперь она светилась, как раскаленная проволока. И на той же самой лысой голове устроился тот же самый детеныш пиропода. Его красные глаза, сверкая, уставились на девушку и Ганна.

Наконец, Гарри Хиксон отвернулся от приборов и посмотрел на них.

— Я исполняю то, что мне приказано сделать, — заметил он как бы между прочим. Его глаза тоже светились золотом. Но он прекрасно видел вошедших, и в выражении его лица было что-то вроде доброжелательности, приязни, даже любви. Он поднял руку, согнул кисть в знаке Лебеда и сказал: — Звезда говорит мне, что я должен делать, Я исполняю волю Звезды, а не свою. — Маленький пиропод зашипел и завозился, глядя на Ганна и девушку пульсирующими красными глазами. Светящееся существо, которое когда-то было Гарри Хиксоном, ласково сняло животное со своей головы и погладило. Пиропод успокоился.

— Это вы погасили Солнце? — громко спросил Ганн. — И звезды? Это вы? Каким образом?

— Нет, не я, — сказал Гарри Хиксон. — Не я, а Звезда. — Он снова сделал рукой волнообразное движение. — Десять лет Звезда составляла план действий для меня. Десять лет назад она послала первый сигнал на Землю, потом еще дюжину, которые прибыли одновременно. Для Звезды нет ничего невозможного. И ты скоро это узнаешь.

Говоря это, он протянул вперед руку. Это было как будто благословение, подумал Бойс Ганн. Но это было нечто большее. С ладони золотой руки старика всплыло золотистое облатчко, образовало крохотную пульсирующую сферу, поплыло вперед и нежно коснулось Ганна.

Не выдержав, он отпрыгнул назад. Но он ничего не почувствовал. Совсем ничего. Он хрипло сказал:

— Что это? Что ты делаешь?

— Исполняю волю Звезды, — ответил Гарри Хиксон и снова склонился над пультом. Его светящиеся пальцы забегали по кнопкам и тумблерам.

— Сестра Дельта Четыре вошла в сообщность с машиной, — тихо сказал он, не отрывая глаз от экранов. — Она запрограммировала ее таким образом, что теперь она может связаться со старой Машиной на Земле. Через тридцать часов сигнал достигнет Земли. Еще через тридцать часов он вернется обратно.

— Но старая Машина сошла с ума! — воскликнул Ганн. — Вы должны знать это! Ведь это вы сами сделали!

Светящийся человек даже не поднял головы.

— И генерал Вилер! Где он? Он тоже сошел с ума. Или с безумной страстью рвется к власти — это одно и то же. Как вы можете просто так вот сидеть? Что он делает, пока мы зря тратим время?

— Что касается генерала, — сказал золотой человек, — то мы о нем очень скоро услышим.

И в рубке раздался хриплый смех Вилера.

— В самом деле, очень скоро! — проскрежетал его металлический голос, раздаваясь ниоткуда. — Теперь вы все у меня в руках! Я управляю «Сообщностью»! Ее огневые системы подчиняются мне... и это значит, что все миры принадлежат тоже мне! Все!!! Но сначала я разделаюсь с вами.

Его слова были подтверждены тихим шорохом металла о металл.

В стальных стенах рубки открывались скрытые амбразуры. Из них в рубку заглянули блестящие тонкие стволы лазерных излучателей, уставясь точно на группу стоявших.

Их целью был Бойс Ганн, девушка и светящееся золотое существо, которое когда-то было человеком по имени Гарри Хиксон. Генерал Вилер завладел управлением оружейной системы корабля — как наружной, так и внутренней.

Теперь их жизни зависели от движения пальца генерала, лежавшего на спуске автоматического управления огнем. Одним движением один человек мог уничтожить их всех.

М к тому же он был безумцем.

Глава XVI

Светящийся человек поднял голову.

— Действие и противодействие, — строго сказал он. — Толчок и отдача, вызов и ответ.

Его золотая рука повернула рычаг на пульте, и один из десятка темных экранов перед ним загорелся, показав жесткое бронзовое лицо генерала. Его серо-стальные глаза пылали радостью триумфа.

— Вот вам вызов, — сказал Гарри Хиксон и снова повернулся к индикаторам и экранам.

— Но отвечать вам нечем! — проскрежетал генерал Вилер. — Вы проиграли! Вы все! Вместе с вашей дурацкой романтической иллюзией свободы!

Он упивается этой секундой, подумал Ганн. Карла Сноу прижалась к нему. Незаметно для себя он обвинил ее рукой. Они оба смотрели на экран и на мертвенные стволы лазеров, окружающих их со всех сторон.

— Вы жертвы романтического заблуждения, — заявил генерал, поглаживая бронзовой ладонью спуск, который должен был уничтожить их всех. — Это можно понять. Животное, составляющее часть человека, всегда пыталось встать

над сдерживающей его дисциплиной. Оно ищет свободы, и этого нельзя оставить просто так для нашего всеобщего блага.

Особенно же, — добавил он, сверкая стальными глазами, — для блага человека, который должен думать за всех. Такого, как Цезарь, Наполеон. Как я.

Ганн чувствовал, как Карла вздрагивает всем своим стройным телом, и крепче прижал ее к себе. Если бы можно было добраться до Вилера! Если бы у него было какое-то оружие! Светящееся золотое существо, бывшее Гарри Хиксоном, спокойно кивало, не поднимая глаз.

— Я сносил ваше присутствие, — провозглашал с экрана генерал, — потому что вы не могли нанести большого вреда. В прошлом отдельный человек ничего не стоил перед силами масс. Но развитие технологии изменило положение.

В двадцатом веке появилось ядерное оружие, потом лучевое. Один качественный скачок за другим... И вместе с ростом возможностей индивида должен был расти контроль за ним.

На лице Вилера маска бесстрастности сменилась маской гнева.

— Вы угрожаете этому контролю! — крикнул он. — План Человека превратился в воздушный шарик, проткнутый мальчишкой с иглой в руке. Эту иглу держит Дитя Звезд! Дитя Звезд должен умереть!

Золотой человек не поднял головы, продолжая хранить молчание. Его глаза были прикованы к пультам, маленький пиропод ерзал у него на голове, время от времени шипя и плюясь дымом.

— Человек создал Машину, чтобы автоматизировать операции контроля! — завопил генерал Вилер, его глаза пылали. — Теперь она подчиняется мне! Теперь это мое создание! Один человек будет править человечеством с помощью Машины, этим человечеством созданной!

Наконец Гарри Хиксон поднял глаза. Казалось, они пронизывают экран, глядя прямо в серо-стальные глаза Вилера.

— А кто, — спросил он, — создал тебя?

Генерал Вилер отпрянул. В его стальном взоре появилась растерянность.

— Это анти-Плановый вопрос! — воскликнул он. — Он не имеет смысла!

Глаза его снова стали непроницаемо-решительными. Он быстро, машиноподобно кивнул.

— Вы — случайный элемент, — заявил он. — Вас нужно устранить, и я устраню вас — так!!!

И его мощная бронзовая ладонь опустилась на рукоятку спуска, управлявшего огнем лазеров, кольцом опоясывавших рубку.

Но выстрела не последовало.

Тонкие блестящие стволы излучателей слепо смотрели на Ганна и Карлу, на светящееся существо за пультом, склонившееся над циферблатами и экранами.

Генерал Вилер смотрел сквозь них, бронзовую маску его лица оживляло выражение триумфа. Казалось, он только что стал свидетелем большой победы. Он сказал вполголоса самому себе:

— С ними покончено, — и отвернулся.

Тихо, почти бесшумно стальные рыла излучателей втянулись в свои гнезда, на амбразуры надвинулись крышки.

— Что произошло? — прохрипел Бойс Ганн. — Почему он нас не убил?

Карла Сноу протестующе зашевелилась, и Ганн обнаружил вдруг, что сжимает ее, как утопающий спасательный круг. Ему казалось, что комната вокруг вертится, как карусель.

Гарри Хиксон поднял голову, но он смотрел не на Ганна и не на Карлу. Он смотрел в сторону двери, через которую они вошли.

— Генерал Вилер, — сказал он, — убил нас. И в его восприятии мы мертвы. То, что мы продолжаем существовать во итоге, более его не касается. И его существование более не касается нас.

— Гипноз? — прошептал Ганн. — То, что полковник Зафар называл «ловушкой сознания»?

Но Хиксон не ответил Он не отрывал взгляда золотистых глаз от дверного проема.

Карла Сноу высвободилась из объятий Ганна.

— Ты болен, Бойс, — сказала она. — Я знаю, что ты сейчас чувствуешь. Скоро тебе станет легче, честное слово. Ты не волнуйся... ни о чем. Мы теперь в надежных руках.

Ганн непонимающе посмотрел на нее и вдруг почувствовал, что его сотрясает дрожь. Тридцать лет не иметь даже насморка и в такой момент, как сейчас, подхватить инфекцию? «Какую инфекцию?» — спросил он себя. Почему этот вопрос кажется таким важным? Она сказала — не волнуйся. Ганн оглянулся по сторонам. Может, все, что он видит, — результат горячечного бреда... Или галлюцинация? Наведенная Звездным Дитя?

Он вдруг услышал далекую музыку. Звук приближался. Еще одна галлюцинация, конечно, подумал он. Смутное воспоминание о тех днях, когда он был служителем Машины, то есть готовился им стать...

Но если это была галлюцинация, то чрезвычайно мощная. Звук был тонким, но ясным, и, проследив за взглядом Гарри Хиксона, Ганн понял, что галлюцинация — если это была галлюцинация — оказалась не только звуковой, но и зрительной.

Через дверь в рубку вошла сестра Дельта Четыре. Лицо ее скрывал капюшон, над сердцем горела красная эмблема Машины. Она перебирала четки-сонары. И в руке она сжимала устройство, сложное целое из транзисторов, контуров, модулей-усилителей и динамиков.

Это был связь-куб! Но не компактная черная коробочка, изготовленная в мастерских Машины на Земле, а на скорую руку собранное, на живую нитку соединенное устройство, которое теперь, после обучения, мог бы изготовить даже Бойс Ганн.

Совершенно очевидно, что именно этим сестра Дельта Четыре была занята за стальной дверью — она собирала новый связь-куб!

Без всякой поспешности, с равнодушным, холодным лицом, Дельта Четыре отложила тональные четки и пропела в связь-куб. Он ответил скрежещущей серией нот, так стремительно, что Ганн ничего не успел понять.

Дельта Четыре подняла голову и сообщила:

— Теперь моим повелителем является эта Машина. Она требует от вас всех известных вам сведений. Она знает, где она была построена. Она понимает свое назначение как функцию соперника. Она требует проинформировать ее, что случилось с Игрой.

Соперник? Игра? Чувствуя, как кружится голова, Ганн повернулся к Хиксону, надеясь получить какой-нибудь ответ, какой-нибудь намек. Но Хиксон больше не смотрел на сестру Дельта Четыре. Кивая своим мыслям, золотой человек тщательно отключал приборы пульта. Индикаторы и экраны гасли один за другим. Умирали вереницы бегущих огней. Пальцы его больше не прикасались к регуляторам и клавишам.

Чем бы он ни был занят до сих пор, теперь он завершал свою работу. Он сложил руки на коленях, поднял глаза на сестру Дельта Четыре и замер в ожидании.

Связь-куб фыркнул. Прежде чем она успела перевести вопрос, Ганн уже понял, что он значит. Машина требовала полностью пояснить свой вопрос, чтобы не было риска непонимания. Дельта Четыре послушно пропела:

— Эта Машина желает, чтобы вы познакомились с предысторией процесса. Вы ошибаетесь относительно назначения Машины и ваши мысли должны быть приведены в соответствие с истиной, чтобы вы смогли обеспечить Машину соответственно верной информацией.

Машина, находящаяся на борту «Сообщности», не является придатком Планирующей Машины на Земле. Она имеет более серьезное назначение.

Это назначение вытекает из законов разумной жизни, выведенных Планирующей Машиной-1. Хотя разум может иметь различную материальную основу, процессы мышления в машинах следуют тем же законам, что и мышление в органическом мозгу. Вызов в ответ на вызов. Действие и противодействие. Машина обнаружила, что для развития разуму требуется соперник.

Сестра Дельта Четыре сделала паузу, прислушиваясь к чирикающему связь-кубу.

— Разум, не имеющий соперника, загнивает и погибает, — пропела она. — Более сорока лет назад Машина-1 обнаружила, что ей грозит опасность. Дальнейшее ее развитие требовало появления более мощного противника, чем разум людей-операторов. Другими словами: по другую сторону доски должен был сесть более искусный игрок.

Казалось, Гарри Хиксон кивнул. Он сидел, сложив руки на коленях. Пиропод тихо шипел, наблюдая за происходящим огненными глазами.

— Машина на борту «Сообщности» была построена именно с этой целью — чтобы обеспечить Планирующую Машину соперником. Она была наделена возможностями, равными возможностям самой Машины-1. Она была оставлена на свободе за пределами Космической Завесы.

Но противник Машины начал вести себя анти-Планово, — пропела она, прислушиваясь к грели связь-куба. — Он избавился от людей-служителей. Они были выброшены за борт корабля. Она полностью прекратила связь и удалилась за пределы наблюдения Машины-1. Ее ходы делались в секрете и не служили цели, которую имела в виду Машина-1.

Бойс Ганн, наполовину слушавший перевод, а наполовину старавшийся разобраться в жужжании и фыркание механо, издаваемых связь-кубом, задумчиво спросил:

— Так значит, в этом весь смысл? Всего лишь ходы фигур в гигантской шахматной партии. Культ Звезды. Дитя Звезд. Его угроза погасить Солнце. Все это вызов и ответ, которые должны помогать Машине развиваться?

Связь-куб сердито фыркнул, и сестра Дельта Четыре пропела:

— Машина не имеет данных для ответа на вопрос. Она восстановила контакт с Машиной-1 на Земле, но из-за ограниченной скорости распространения электромагнитных волн она получит ответ лишь через шестьдесят часов. Она не хочет ждать. Она ждала сорок лет.

В качестве рабочей гипотезы Машина-2 выдвигает предположение о случайной ошибке в каком-то пункте Плана. Потому что она не исполнила своей функции.

В результате она пришла к выводу, что Машина-1 на Земле разрушилась в результате застоя.

Но ей ничего не известно о Звездном Дитя. Именно поэтому она хочет получить информацию от вас.

Ганна теперь всего трясло. Но, как ни странно, сознание его прояснилось. Иллюзорная ясность бреда, подумал он. Но недостающие части головоломки начали наконец становиться на свои места. Он рассеянно коснулся руки Карлы Сноу, чтобы успокоить ее. Карла с тревогой смотрела на него.

— Бойс, — прошептала она, — с тобой все в порядке? Не волнуйся. Скоро тебе станет легче.

Бойс Ганн заставил дрожь утихнуть и, стараясь не показывать, что у него стучат зубы, сказал:

— Мы не знаем ответа, сестра Дельта Четыре. В этой головоломке не хватает одной части.

— Говорите, — пропела девушка в черном балахоне. — Сообщите ваши сведения. Машина-2 их обработает.

— Не думаю, — сказал Ганн. — Если Машина не стоит за Звездным Дитя, то у нее нет объяснения всем фантастическим явлениям, которые мы наблюдали. Погашенное Солнце... эта галлюцинаторная атмосфера «Сообщности» ... И тот способ, которым мы сюда попали — прежде всего! Великий План, как все это было возможно? Я был в сообщности с Машиной. Я знаю ее возможности. Они не включают способности гасить звезды или мгновенно перемещать

людей в пространстве на расстояние в двадцать миллиардов миль! Вызов и ответ, игрок и его противник — это понятно. Но игроки должны соблюдать правила игры, а мы видели, как все правила были нарушены!

Сестра Дельта Четыре наклонила голову в капюшоне и спокойно пропела ответ Ганна в связь-куб. Она подождала ответа. Она ждала... ждала...

Машина-2 молчала.

Сестра Дельта Четыре с едва заметно обеспокоенным лицом повторила серию звонких нот. И снова ответа не было.

Теперь уже встревоженная, она осторожно опустила связь-куб на колени, вопросительно глядя на Ганна и Гарри Хиксона. Ее рука непроизвольно потянулась к тональным четкам, и она принялась извлекать из бусин хрустальные гаммы, звучащие, как молитва в надежде на обретение уверенности.

Наконец Гарри Хиксон как будто вздохнул, шевельнулся и заговорил.

— Когда «Сообщность» прибыла в Рифы, — сказал он, — то предполагалось, что мы, свободные мужчины и женщины, войдем в План Человека, сохраняя свободу. Среди членов команды находились лучшие представители человечества: человек по имени Райленд, его жена, ее отец, тогдашний Планирующий. И твой отец, Карла.

Они были выброшены в пространство как раз здесь, в Вихре. Некоторые погибли, как Райленд. Некоторые, те, кто находился рядом с помещениями пространственников, смогли добраться до обитаемых рифов — как, например, доктор Сноу.

Но Машина на борту корабля оказалась вне связи со своей предшественницей на Земле. Великая игра, в которой ей предстояло играть, не была начата... пока.

Он помолчал, глядя по сторонам, на собравшихся в рубке.

— Игра должна была вестись, но не по правилам, установленным Машиной. Ни первой, ни второй.

Понимаете, в Игру вступил третий Игрок.

Гарри Хиксон вдруг встал, обеспокоив пиропода, вцепившегося в его золотой голый скальп. Он рассеянно погладил его и повернул сверкающий золотой взгляд к сестре Дельта Четыре.

— Спроси свою Машину, — потребовал он, — что является физической основой разума?

Сестра Дельта Четыре нагнулась, чтобы пропеть вопрос в неуклюжий самодельный связь-куб, выслушала ответ.

— Средства ввода информации, — сладко пропела она. — Средства их хранения. Средства обработки. Средства выдачи информации. В машинах это достигается с помощью магнитного слоя лент и электрических контуров. У органических существ — с помощью нервов и нейронов.

Гарри Хиксон кивнул золотокожей головой.

— Сообщите вашей Машине, — сказал он, — что существует следующая физическая система. Она получает лучевые сигналы и накапливает их в виде зарядов. Она состоит из заряженных частиц, электронов и других, каждая из которых имеет два стабильных состояния. В одном состоянии спин электрона параллелен вращению ядра. В другом — не параллелен. Такой электрон является ячейкой памяти.

Связь-куб заворчал.

— Машине известны эти элементарные факты, — пропела Дельта Четыре.

— Дополните эти факты новыми, — серьезно сказал Гарри Хиксон. — Добавьте сюда сеть фузоритов, более древнюю, чем сама Галактика, более мощную, чем любая машина. Прибавьте массы сверхэнергетического газа, родственные этой сети. Добавьте также, что в этих газовых массах электроны способны функционировать как накопители информации.

Девушка склонилась над связь-кубом, потом подняла голову.

— Машина считает, что вы описываете звезды, — мелодично пропела она.

И Гарри Хиксон медленно кивнул. Его сверкающая золотистая рука поднялась и совершила волнообразное плавное движение — знак Лебеда.

— Звезду, которой я служу.

Связь-куб зафыркал.

— В таком случае, — пропела Дельта Четыре, — Машина считает, что эти газовые массы в соединении с фузоритной сетью, как ее описываете вы, могут легко стать физическими носителями разума.

Она подняла глаза на Хиксона.

Он еще раз кивнул и торжественно сказал:

— Как мы видим, любая материя может быть носителем разума. Вся масса Вселенной, находящейся в процессе динамического равновесия, является базой для разума. Вся масса Вселенной, бесконечной в пространстве и времени, предстает теперь перед нами как носитель разума Бога.

Связь-куб яростно зажужжал, и сестра Дельта Четыре протянула:

— Машина просит ответить. Что есть Бог?

Гарри Хиксон медленно поднялся. Глядя на его золотое лицо, Ганн увидел, что следы древнего потрясения, ужасного бремени, постепенно разглаживаются. Какова бы ни была его обязанность, теперь он ее исполнил. Следя за Машиной в «Сообщности», исполняя приказы своих владык, звезд, он, казалось, исполнил все, что должен был исполнить.

Он повернулся к Ганну. В глазах его светилось что-то, очень похожее на симпатию.

— Ты называл меня Звездным Дитя, Ганн. Но ты ошибался.

Он снял с головы пиропода, ласково погладил его и отпустил на свободу. Шипя, издавая вопли, тот выпустил огненную струю и попытался вернуться на любимый насест. Но Хиксон поднял золотую руку, отвел детеныша в сторону. Маленькое чудовище снова испустило вопль, описано

вокруг Гарри круг и, набрав скорость, вылетело в дверь, помчавшись по длинному широкому коридору палубы.

Гарри Хиксон проводил пиропода взглядом, потом повернул безмятежные глаза к Ганну.

— Дитя Звезд не существовал, — сказал он. — До сих пор. Но скоро он возникнет. Это будет Человек. И мост. Соединительное звено между машинами и звездами.

— Бойс Ганн, — продолжал он, поднимая руку в своем волнообразном необычном жесте почтения. — Им станешь ты!

Глава XVII

— Нет! — воскликнул Ганн, вырываясь из рук Карлы Сноу, которая пыталась его успокоить. Одним прыжком он пересек рубку и встал перед спокойным золотолицым Гарри Хиксоном. — Я не стану! Я не желаю участвовать в этом безумии с чудесами и мыслящими звездами!

Гарри Хиксон ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел на Ганна светящимися золотыми глазами. Карла мягко сказала:

— Бойс, дорогой. У тебя нет выбора.

Ганн резко повернулся.

— Что значит — нет выбора? Я не стану, вот и все! Я не... — Он замолчал, смешавшись. Он не станет... что? Что делать?

Рубка, казалось, кружилась вокруг, вызывая тошноту. Он протянул руку и оперся о спинку кресла астрогатора, чувствуя, как трясутся руки.

Он быстро поднял голову и увидел, что Карла Сноу не спускает с него полного теплоты взгляда.

Потом Ганн понял, что значит это головокружение.

— Золотое облако, которое Хиксон выпустил на меня! — прохрипел он. — Он меня заразил... со мной будет то же

самое, что и с ним... И с полковником Зафаром... И с тремя людьми станции на Меркурии... как с тобой, Карла.

Она кивнула.

— Это совсем не плохо, Бойс, — прошептала она. — И ты станешь частью... чего-то огромного, Бойс. Чего-то, что заполняет всю Вселенную.

— Но я не хочу! — в отчаянии выдохнул он. Он уже познал чувство слияния с чем-то огромным, когда испытал на Земле сообщество с Машиной. И как воспоминание, которое невозможно стереть, память об этом неустанно преследовала его...

Это желание вдруг опять поднялось в нем с новой силой. Он коснулся металлической пластинки на лбу, взглянул на сестру Дельта Четыре.

Связь-куб фыркал и ворчал. Она послушно молча поднялась и протянула ему связь-куб. От него отходил провод, заканчивающийся электродами... которые точно вошли бы в отверстия на блестящей пластинке, которую Ганн носил во лбу.

— Нет, — снова прошептал он, ища взглядом Гарри Хиксона.

Но Гарри Хиксон исчез.

В том месте, где он стоял, остался в воздухе едва заметный, тонкий, как дым, силуэт человека, сотканный из тончайших струек золотистого тумана. Прямо на глазах Ганна остатки Хиксона... растворились. Тонкие золотистые лучи сорвались со скелетообразного очертания, оставшегося от Хиксона, пронизали стены рубки и, очевидно, умчались в пустоту, присоединившись к большому золотому облаку, пульсирующему снаружи. И по мере исчезновения каждой золотистой искры очертания фигуры становились все прозрачнее и прозрачнее...

Потом не осталось ничего. Гарри Хиксон исчез бесследно.

— Карла, — в отчаянии прошептал Ганн, поворачиваясь.

Но она тоже покидала рубку. Ее золотое лицо и волосы начали мерцать, теряя материальность.

— Прощай, Бойс, — прошептала она без улыбки. — До встречи...

Рядом с ним стояла сестра Дельта Четыре, прикрыв лицо тенью капюшона, протягивая ему связь-куб.

Бойс Ганн глубоко вздохнул, крепко зажмурил на мгновение глаза, потом снова открыл их.

— Прощай, Карла, — сказал он, хотя от девушки уже почти ничего не осталось и некому было ответить. Он взял связь-куб из рук Дельты Четыре.

— Прощай, Джули, — сказал он и осторожно, но без тени сомнения поднял ко лбу кабель с электродами общности, которые ввел в отверстия пластинки-контактора.

Сообщность была экстазом. Вечным и бесконечным. Ганн ждал его наступления, пока, казалось, вся Вселенная не замерла вокруг него, затаив дыхание.

Но экстаз не наступил.

Он взглянул в глаза сестры Дельта Четыре, притененные краем капюшона, но ответа так и не нашел. Что произошло? Почему задерживается общность?

Он вспомнил, что говорила ему Дельта Четыре. Что невообразимый импульс наслаждения, который он испытал на Земле, был лишь бледным подобием великого единения мыслей и ощущений, которое получали более опытные слушатели. Не просто удовольствие, но слияние личности, вопроса и ответа между человеком и Машиной.

Ганн как следует сформулировал в сознании вопрос, произнося его на чистейшем механо, которым овладел его мозг, но с которым не могли справиться его голосовые связки.

— Где ты? Почему ты мне не отвечаешь?

Из пустоты в его мозгу вдруг реализовался один-единственный звук, который и был ответом:

— Жди.

Ждать? Но чего?

Ганн почувствовал, что сотрясающая его лихорадка усиливается, и беспомощно взглянул на Дельта Четыре. Не говоря ни слова, она коснулась его руки, указывая на кресло

астрогатора. Он рухнул на сиденье, ожидая прояснения, которое могла принести ему Машина, ожидая великого чего-то, что должно заговорить с ним и ответить на его вопросы.

И пока он ждал, микроскопические фузориты в его теле стремительно размножались. Они насыщали его кровь клетками-симбионтами, которые неизбежно поглотят его, как они поглотили Гарри Хиксона, полковника Зафара и Карлу Сноу... Они заменяют его органы, кости скелета и нервы последовательно соединенными фузоритными скоплениями.

Этого ли он ждал? Превращение в конгломерат фузоритов, нечеловеческую структуру, способную войти в связь с разумом, который, по словам Хиксона, обитал в звездах? Он взглянул внутрь собственного тела, увидел крохотные золотые искорки, увидел, как быстро они множатся в числе.,

И вдруг он осознал, что он только что сделал. Он видел свое собственное тело изнутри! Изнутри!!!

Он позволил себе расслабиться и проверить осевшую его мысль...

И тут же понял, что смотрит на себя — но со стороны. Он заглядывал в рубку управления «Сообщности», словно находясь в какой-то точке, удаленной от корабля на многие мили, с какого-то яркого, как самоцвет, планетоида Вихря, медленно вращающегося вокруг центральной области. Он видел «Сообщность» во всей впечатляющей мощи ее размеров... мог заглянуть внутрь, где его собственное тело и сестра Дельта Четыре терпеливо ждали в рубке управления... и в рубку огневого контроля, где безумный генерал Вилер заливался смехом, выпуская иллюзорные разряды разрушительной энергии по воображаемым врагам... и мог взглянуть еще дальше, где распростерлась бы под ним вся Солнечная Система...

Он видел маленького пиропода, стрелой мчавшегося к рифу, где он родился, увидел сам крохотный риф и пещеру, где он обитал, пока Гарри Хиксон кормил его и ухаживал за ним.

Он увидел скромный храм на одинокой скале, где темно-голубой фузоритовый мох поддерживал редкую атмосферу и где два десятка людей собрались на очередную службу и преклонили колени перед сверкающим голубым Денебом над головой.

Он видел планеты Плана Человека, охваченные паникой катастрофы, где безумная Машина отдавала один за другим противоречивые приказы, подкрепляя их разрядами энергии, бросаемыми в пустоту, наугад.

Он увидел пустую станцию на Меркурии, над которым навис лик Солнца, и понял, что их светило тоже обладает собственной жизнью и сознанием... жизнью, которая протянула руку, поглотив три отдельных частицы фузоритной материи, осмелившихся приблизиться достаточно близко для соединения.

Он увидел другие звезды и газовые облака, увидел, как подобно струям фонтанов во Вселенную вливается новая материя. Он устремил взгляд в бесконечные пределы вечности и обратил его к золотым атомам собственного сердца.

И потом, молчаливое и обширное и вызывающее благородный ужас, это Нечто произнесло его имя. Звезда заговорила с Машиной. Машина ответила Звезде.

И Бойс Ганн, обыкновенный человек, сотворенный в соответствии с генокодом углеродной жизни, согнувшийся, как слугитель Машины, в кресле у пульта навигации корабля Плана, трансформированный глобулами фузоритов в новое существо, носящее печать родства со звездами... Бойс Ганн служил посредником в этой жуткой и долгой беседе.

Она продолжалась вечно, хотя в системе времени планет, вращавшихся вокруг Солнца, или луча света, пролетавшего ограниченный промежуток, она заняла всего несколько минут или часов.

Она длилась и длилась... И даже когда в посредничестве Бойса Ганна не было уже необходимости, и он был освобожден, даже и тогда она продолжалась.

А потом беседа кончилась. Навсегда.

Бойс Ганн открыл глаза и оглядел комнату, в которой лежал. Рядом неподвижно стояла сестра Дельта Четыре, она спокойно смотрела на него.

Он легко встал. Он потянулся, зевнул, вытащил электроды кабеля из контактора во лбу, аккуратно обмотал провод вокруг самодельного связь-куба и... отшвырнул его в сторону.

Он медленно пролетел через рубку в слабом псевдогравитационном поле корабля — но, когда он ударился о стенку, он превратился в сотню осколков.

Сестра Дельта Четыре мяукнула в ужасе.

Ганн тронул ее за руку.

— Не бойся, Джули, — сказал он. — Он тебе больше не нужен.

Она уставилась на него.

— Я служу Машине! — гордо воскликнула она. — Меня зовут сестра Дельта Четыре, а не Джули Мартин! Я...

Но он качал головой.

— Никогда больше не будешь ты Дельтой Четыре, — сказал он.

Капюшон упал на ее плечи, но она даже не заметила этого. Открылась ее голова с коротко остриженными темными волосами, блестящий диск пластинки контактора во лбу. Она тронула пластинку Дрожащей рукой.

— Я... я не понимаю! — прошептала она. — Я... я не чувствую присутствия Машины...

Ганн кивнул.

— Ее больше нет, — подтвердил он. — И никогда не будет. — Он коснулся собственной пластинки. — Когда мы вернемся на Землю, — сказал он, — мы снимем эти железки, а вместе с ними вытащим из мозга все электроды. Они нам не понадобятся. Они никогда никому больше не понадобятся.

— А потом, — продолжал он, обнимая ее одной рукой, пока сестра Дельта Четыре корчилась в мучительных судорогах, снова превращаясь в Джули Мартин, стена и

всхлипывая, — а потом мы начнем снова с того места, где остановились. Ты и я... и все Человечество.

И он оставил ее одну, отправился к старинному пульта связи и начал настраивать передатчик, чтобы послать сигнал бедствия с мертвой «Сообщности».

Глава XVIII

Вот так все это началось. Звезды промигали человечеству предупреждение, и Машина бросила вперед своих агентов и служителей, пытаясь найти противника, смысл, способ собственного спасения.

Началось все с тени, накрывшей миры Плана Человека, а завершилось ярким сиянием могучих звезд, осветивших людям новую дорогу.

Машина вела игру сама с собой, ей нужен был соперник. Потом игра кончилась навсегда громовым диалогом между Машиной и звездами. Машина слишком поздно вошла в игру, и места за столом были уже заняты.

Вот как это началось... и как кончилось. Легендой о Люцифере, историей о страданиях и зле... и вечной надежде на лучшее.

Машина слишком поздно села к столу, когда все места были уже заняты. С одной стороны были звезды, соединенные сетью фузоритов, а с другой — их Соперник... переставший быть рабом своей животной детской оболочки... переставший быть рабом Машины... уже более не добыча для фузоритной инфекции... Соперник готов был сделать свой ход.

Многие эпохи тому назад звезды дали ему рождение, но теперь он вступил в пору возмужания. Он был готов занять свое положение, получить свой статус и имя.

Его положение — Соперник самих Звезд.

Его статус — равнозначен Вселенной.

Его имя — Человечество.

БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА

Глава I

Внезапно загоревшийся свет вызвал боль в глазах, грубо вырывая его из сна, в котором он видел Молли Залдивар. Слепо нащупывая рукой опору, он обнаружил лишь что-то теплое и податливо-мягкое. Его охватило паническое чувство — он не мог понять, где очутился.

— Монитор Квамодиан!

Благозвучный синтетический голос сразу привел его в чувство. Исследовательская станция в системе Эксиона. Человеческое обиталище на планете Эксион-4. Кибернетическое жилище, которое он построил для того, чтобы делить его с Молли — пока она не бросила его. Теперь он был здесь один, плавал в невесомой спальном капсуле, как голый зародыш в голом пластиковом чреве.

— Монитор Энди Квамодиан! — в отчетливом голосе робота-капсулы появилась настойчивость. — Корреспондент имеет для вас сообщение по трансфаксу.

Он протестующе застонал, полный обиды, и попытался вернуться в сон о Молли Залдивар. Каким-то образом ему удалось ее отыскать. Он дрался с Клифом Хауком за право забрать ее обратно, он выигрывал...

— Монитор, прошу вас!

Он скорчился внутри мягкого кокона, стараясь вернуть приятное чувство сна. Ему хотелось повторить захватывающее дыхание чувство триумфа, победы над Хауком, будоражащую кровь уверенность, что Молли хочет его победы.

Но весь сюжет сна исчез, едва он попытался удержать его. Полностью проснувшись, он уже не мог понять, где именно в скоплении галактик нашел он Молли и Хаука. Он не мог вообразить ни одной реальной ситуации, в которой

мог победить Хаука или поверить полностью, что Молли хочет его победы.

Прищуренные глаза его открылись, уставившись на изображение в зеркале капсулы. Слишком толстый живот. Слишком мало мышц. Круглая лысина на макушке. Он отвернулся, чтобы не видеть этого пухлого белого тела на экране.

— Лучше бы ты меня не будил, — пробормотал он в адрес капсулы. — Я не на дежурстве. Мне не нужны никакие вызовы. Усыпи меня снова.

— Но, сэр! — сердито упрекнула его машина. — Вы их можете игнорировать это сообщение. Пославший его категоризировал сообщение как срочное. Индекс-код подразумевает кризис межпланетного масштаба. Возможно, опасность угрожает миллиардам ваших сородичей-людей!

— Великий Альмалик! — моргая, он уставился на розовые складки пульсирующего пластика. — Откуда это сообщение

— Центральная зона, — ответила спальная капсула. — Конкретный адрес — планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989 Кью, галактика 5.

— Это Земля!

— Локальное название, вероятно, — сказала капсула. — Такие вне-официальные названия мы не вносим в память.

— Да, я забыл. Земля — моя родная планета. Давай сообщение.

— Оно закодировано как личное и строго секретное, — воспротивился автомат. — Вам придется получить его от корреспондента.

— Поднимай меня. Я приму сообщение от корреспондента.

Пока машина производила утреннюю процедуру, он пытался угадать от кого он мог получить с Земли послание. Наверняка это не родители. Он вступил на симбиотический путь жизни еще в те годы, когда был ребенком. Позже они эмигрировали в человеческую колонию в девятой

галактике. В надежном союзе последователей Звездного Дитя они никогда ничего не потребуют от него.

Молли Залдивар?

При мысли о ней его охватила дикая надежда. Хотя ему не удалось узнать, куда отправились с Эксиона Хаук и Молли, он знал, что они оба по происхождению земляне. Возможно, она вернулась домой. Возможно, с Хауком все кончено? Возможно, он и в самом деле ей нужен!

Он нежно улыбнулся, вспомнив Молли Залдивар, какой она была пять лет назад. Высокая живая девушка, которая пела, аккомпанируя себе на гитаре. Девушка, которую любили многие существа на Эксионе, где они впервые встретили ее — хотя все они были с Земли.

Ему легко было понять, почему он ее полюбил: смех в ее голосе, даже когда она пела наипечальнейшие баллады старой планеты-прародительницы, оттенки кожи, которые под необыкновенным светом перемещающихся трех солнц переходили от белоснежного к цвету слоновой кости или нежно-золотистому... Но! Ведь половина слушателей даже не обладала «слухом», по крайней мере, в диапазоне слышимости человеческого уха. Многие из них ничего не видели в видимом для человека спектре. Однако все они души не чаяли в Молли.

Их было трое в той небольшой группе людей, которую собрал для работы в этом секторе доктор Скотт. Энди Квамодиан, уже серьезный, уже полноватый, темноволосый и медлительный. Молли Залдивар, похожая на золотистое пламя, чьи рыжие волосы отсверкивали в багровых лучах красного компонента Эксиона, в чьих фиалковых глазах вспыхивал темно-голубой отсвет Эксиона-карлика. И... Клифф Хаук.

Даже сейчас, через пять лет Квамодиан хмурился, вспоминая Хаука. Это был отшельник в обществе людей, более непонятный, чем любой из инопланетян на станции. Вечно одинокий, погруженный в мрачные мысли, злой. Он редко мылся, редко причесывал буйную шевелюру, редко можно

было услышать от него вежливо сказанные слова. Но почему-то Молли избрала именно его.

Ожидая, пока машина кончит массировать, тонизировать, умыть и вытереть его, Квамодиан угрюмо размышлял о Клиффе Хауке. Оба они были представителями человечества, оба с Земли, оба оказались на Эксионе, этом крайнем форпосте на краю целого галактического скопления. Но почти во всех остальных отношениях они не имели ничего общего.

До начала эры фузоритов родители Квамодиана, обыкновенные жители Земли, трудились в самом обыкновенном магазине одежды в самом обыкновенном городе. Но предки Хаука были отважными изгнанниками, объявленными вне закона, скитающимися среди рифов космоса, бросая вызов древнейшей межпланетной империи, называвшейся План Человека. Кое-как продвигаясь по скучному пути своей карьеры, Квамодиан делал ставку на метод и логику и на чистую настойчивость. Хаук же, презиравший все академическое и систематическое, блистал интуицией и вдохновением. Недоучившийся техник, он в конце концов стал соперником Скотта по руководству проектом. И хотя иногда ему недоставало слов, чтобы выразить свои головокружительные догадки, они, как правило, оказывались верными.

Хаук любил Молли Залдивар — бурно и бездумно, уверенный, что она пожертвует своей карьерой ради любой его прихоти. Квамодиан смиренно восторгался ею, не забывая ни на секунду, что он всего лишь старательный коротышка Энди Квам. Когда пришло время выбирать, у нее не было настоящего выбора. Само собой, она избрала смуглокожего непостоянного Хаука, которому знакомы опасности окраин обитаемого космоса.

Выбор это не удивил Энди, хотя сама последовательность событий казалась загадочной. Хаук почему-то поссорился с доктором Скоттом. Они спорили о направлении развития их проекта, связанного с установлением контакта с

Блуждающей Звездой. Когда в решающем сражении Скотт его победил, Хаук исчез, оставив Молли одну.

Спустя несколько месяцев, безутешно погрузив, Молли была уже не против того, чтобы петь свои печальные баллады Квамодиану. Именно в этот период он спланировал их кибернетическое жилище. Оно еще не было закончено, когда она получила весточку от Хаука.

Что именно она узнала, этого Квамодиану так и не удалось выяснить. Но новость, каковой бы она ни была, привела Молли в состояние скорее ужаса, чем радости. Но, ничего не объяснив, она тем не менее покинула его, следуя за Хауком.

И сейчас, пять лет спустя, ее внезапное исчезновение было для Квамодиана загадкой, причиняющей боль. Она пульсировала, как больной зуб — нечто, чего он не мог ни понять, ни забыть.

— Готовы, сэр! — протянула машина. — Поехали!

Перистальтическим импульсом плавающее поле вытолкнуло его из теплого кокона. Он покачнулся, приспособливаясь к притяжению планеты, потом повернулся к динамiku.

— Ладно, — сказал он. — Принимаю сообщение.

— Необходимо стандартное опознание голоса, сэр.

— Великая звезда! Ты ведь знаешь, кто я такой!

— Но вам известна процедура, сэр, — голос был неумолим. — Требуется подать полную стандартную матрицу голосовой идентификации, прежде чем произвести доставку любого отправления по межгалактической связи.

— Какая нелепость! — пробормотал он. — Бюрократизм!

Машина, покрытая черной синтетической кожей, тихо гудела. Раздраженно нахмурившись, он выдохнул и процитировал:

— Имя: Андре Квамодиан. Раса: человек. Место рождения: Земля... поправка: планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989 Кью, галактика 5. Организация «Товарищи Звезды». Статус: Монитор. Адрес: Человеческое обиталище. Эксион-4. Эксионская Загалактическая исследовательская станция.

— Благодарю вас, монитор Квамодиан.

Машина щелкнула и исторгла узкую ленту желтой пленки. Он радостно ухватил ее, вглядываясь в имя отправителя. Молли Залдивар!!!

— Дорогой Энди... — полоска задрожала в ставших влажными пальцах Квамодиана. — Надеюсь, ты простил меня за то, что я так резко с тобой порвала, потому что здесь, на Земле, у меня отчаянные неприятности. Все это слишком сложно, чтобы объяснить через трансфакс, но мне необходима твоя помощь, потому что Товарищество здесь не верит в Блуждающие Звезды...

Блуждающие Звезды! Фраза заставила Квамодиана с болью оторваться от чтения. Он ждал, что Молли прислала сообщение, потому что любит его, а не по какой-то другой причине. Кроме того, он не совсем понимал, как могут существовать Блуждающие Звезды. В академическом смысле он был знаком с основами нейроплазменной теории. Теоретически он знал, как разумные Звезды воспринимают информацию, думают, запоминают и действуют, каким образом масс-эффект индуцирует транзит энергии, как байты информации накапливаются в состоянии электронного спина, как прочесывают сканирующие волны цепочки электронов в трансфаксовом канале, как транзитные импульсы индуцируют магнитные, электрические и гравитационные эффекты. Он уважал бездонные умы Звезд, самые емкие по памяти и самые сложные во всех скоплениях галактик. Он испытывал безмерное восхищение перед добродушной мудростью Амальрика, стелларного компонента, к которому присоединялось столь много людей, включавшихся в симбиотическое Товарищество. Но Блуждающие Звезды — это было нечто иное.

При всей своей немыслимой силе разума и безграничных возможностях, как могло звездное существо отказаться от товарищеского союза с другими разумами? Какого рода психоз или мания смогли заставить его порвать все коммуникации и отправиться по своему одинокому пути?

Квамодиан часто был свидетелем спора об этой загадке, составляющей одну из основных проблем станции Эксион. Он даже обсуждал ее на семинарах доктора Скотта с Молли и Хауком. И ни одна из теорий, которые он слышал, не имела особого смысла.

— Вы готовы отвечать? — замурлыкал динамик. — Отправитель желает получить ответ.

— Подожди, — сказал он. — Дай мне закончить.

— ...Если тебе вдруг интересно узнать, что случилось со мной, — продолжал трансфакс, — то случилось то, что Клифф попросил меня прилететь к нему на Землю. Я прилетела, потому что люблю его... Энди, я ничего не могу тут поделать. Я прилетела потому, что боялась того, чем он может заниматься здесь. И я узнала, что он занимался именно тем, чего я опасалась. Он слишком много узнал о Блуждающих Звездах... а может, слишком мало. Энди, согласишься ли ты — он пытается создать собственного скитальца!

Энди, вот что ты должен сделать. Найди Сола Скотта, старого врага Хаука. Я не знаю, где он, пыталась разыскать его по старому адресу стелларсекции, но он не ответил. Энди, я хочу, чтобы ты нашел его и привез на Землю. Он выдающийся специалист по Блуждающим Звездам. Он сможет остановить Клиффа... и его опасную новую Блуждающую Звезду... Если не сможет он, не сможет никто!

Но поспеши, Энди! Это все так ужасно, у меня нет другой надежды, кроме как на тебя!..

Квамодиан закончил чтение и тихо вздохнул. Значит, чувства Молли к нему не изменились, в сущности. Он по-прежнему был только Энди Квам — полезное в случае нужды оружие.

— Итак, сэр, — нетерпеливо протянул говоритель. — Готовы ли вы отвечать?

— Сначала, — сказал он, — я хочу сделать местный вызов. Доктору Соломону Скотту. Он был директором стелларсекции здесь, на Эксионе.

— Да, сэр, — компьютер тихо загудел. Через три секунды он сообщил:

— Сожалею, сэр. Доктор Скотт покинул Эксион-4, отправившись в исследовательскую экспедицию, из которой пока не вернулся. Предполагается, что он погиб, сэр.

— Очень плохо, — сказал Квамодиан, но безумная надежда уже с дрожью зародилась в нем. Малыш Энди Квам отправится на Землю один и, быть может, станет там героем, спасителем Молли Залдивар! Он перевел дыхание.

— Отправьте ответ: «Дорогая Молли! Я готов помочь, но новости неутешительные. Я не могу прилететь с доктором Скоттом. Он покинул станцию Эксион через год после тебя. Пытался совершить трансфлексионный рейд в зону Блуждающей Звезды... той самой, которую открыл Клифф. Он до сих пор не вернулся. Но я прилечу, Молли. Потому что по-прежнему люблю тебя — несмотря ни на что. Если я тебе нужен, отвечай немедленно. Я прибуду так быстро, как только смогу.

Конец сообщения».

Слова промелькнули по видеопанели, когда компьютер перечитал для Квамодиана записанное сообщение: «Твой верный друг Энди», прежде чем маленький синий язычок плазмы начал слизывать сообщение, сохраняя информацию записанной в вариантах спина электрона.

Ожидая ответа Молли, он нетерпеливо хмурился. Он знал, что сигнал уже мчится к далекой Земле, пока его невидимые импульсы автоматически отыскивают кратчайший маршрут по транзитным соединениям между перемещающимися витками гиперпространства, где долгие световые годы сокращаются до микросекунд.

Язык плазмы завершил работу и исчез, оставив панель пустой. Компьютер со щелчком выключился. Вокруг тихо гудел дом, тихо и уютно. Он принялся шагать вокруг компьютера связи, глядя на мерцающие символы универсального хронометра.

Паника нашептывала ему, что Молли не ответит. Он не нужен ей без Скотта. Она знала, что малыш Энди Квам никогда не был полноправным членом исследовательской станции, а всего лишь своего рода подопытным кроликом. Скотт хотел проверить свое подозрение, он предположил, что необыкновенное чувство ориентации Энди является транзитным эффектом. Но когда исследования Блуждающих Звезд оказались более интересным проектом, Квамодиан был выведен из состава станции.

— Монитор Квамодиан! — тягучий голос машины заставил его вздрогнуть. — Мы получили ответ на ваше метагалактическое сообщение.

— Что... что там говорится? — голос его дрогнул.

— Ничего, сэр. Мы не смогли найти адресата.

— Почему? — заволновался он. — Что-то случилось с Молли Залдивар?

— У нас нет сведений, сэр.

— Запиши еще одно сообщение, — он постарался придать своему голосу уверенную твердость. — Молли Залдивар. Тот же адрес. Следующее сообщение: «Лечу на Землю. Подпись: Энди Квам».

Глава II

Поспешно, но методически Квамодиан стал готовиться в далекий путь на Землю. Он подал своему непосредственному начальнику просьбу об экстренном отпуске по чрезвычайным обстоятельствам, оставил компьютеру инструкцию по присмотру за хозяйством и домом и приказал флаеру быть в готовности. Настроение его поднималось со скоростью левитатора, возносившего его на взлетную площадку на крыше, но едва он вышел наружу, как оно снова немедленно упало.

Так случалось всякий раз, когда он покидал свое кибернетическое убежище. Эксион вызывал у него тошнотворное чувство дезориентации. Эта планета была слишком далека от всех известных ему миров, слишком чужда всякой форме жизни. Какой-то несчастный галактический случай выбросил тройную звездную систему далеко за границы скопления, и университет избрал ее для организации станции, потому что ни одна искра жизни, в том числе и разумной, не вспыхнула на ее планетах.

Персонал станции подверг все двенадцать планет терраформированию и рафинированию в соответствии со своими разнообразными формами жизни. Сейчас эти планеты-сестры выстроились в небе, словно бусинки на невидимой нити. Каждая светилась характерным для нее светом синтетической биосферы: сверххолодного жидкого гелия, ледяного метана, горячего углекислого газа, кипящей среды или абсолютного вакуума.

Эксион-4 был приспособлен для дышащих кислородом. Человеческая зона обитания была создана уже под конец и в спешке. Скалистое днище кратера было герметизировано, температура и влажность доведены до пределов, обеспечивающих выживание человека. Но атмосфера зоны, все равно слишком тонкая и холодная, содержала слишком высокий процент углекислого газа и аммонийных соединений, сочившихся из скал на днище кратера. Слишком маленькая, чтобы создать чувство дома, планета слишком медленно вращалась вокруг своей очень наклоненной оси.

Содрогаясь, Квамодиан съежился под порывами ледяного ветра из смеси кислорода и гелия. Сопrotивляясь первой атаке головокружения, он остановился, ища в небе знакомый ориентир над крутыми склонами кратера. Дыхание его стало ровнее и свободнее, когда он отыскал галактическое скопление — туманное пятнышко бледного света, частично заслоненное склоном южной стороны, более тусклое, чем самая слабая из планет системы Эксиона.

— Готовы, сэр? — флаер открыл дверь в свою кабину. — Куда лететь, сэр?

— В региональный транспортный центр. — Он вскарабкался на сидение. — Я очень спешу.

Флаер набирал высоту, пока фиолетовый карлик не показался над иззубренным, словно пила, горизонтом. Потом машина словно упала в тень и опустилась у освещенной рамки возле кубического здания трансфлекса. Купол контрольной службы промигал сигнал:

— Опознавательные данные, сэр.

Оставив флаер парить над рамой, он сообщил в купол свой стандартный отпечаток-матрицу и все, что касалось удостоверения его гражданства. Купол протянул бледный проворный щупалец плазмы, сканируя диск-паспорт Квамодиана с бесконечными рядами двоичных символов и голографией его темноволосой круглой головы.

— Ваша цель, сэр?

— Земля... то есть минуточку... э-э-э... планета 3, звезда 7718, сектор Зет-989 Кью, галактика 5. Перебросьте меня через станцию Мудрый Ручей на Октанте-5. У меня очень срочное дело. Требуется немедленная доставка.

Плазменный щупалец пропал. Квамодиан подхватил на лету диско-паспорт, спрятал его, потом возобновил медленное движение флаера к светящемуся значку трансфлекскуба. Длинный серебряный резервуар, несомненно, содержащий какого-то жидкого гражданина, как раз исчезал в закрывающихся вратах. За резервуаром шел черед многочисленного существа, целой орды маленьких блестящих черных созданий, подпрыгивающих и вертящихся внутри общего облака голубоватого светящегося тумана. Прямо перед Квамодианом шаркал лапами серочешуйчатый дракон, отягощенный металлической башенкой на спине, помещавшей, вероятно, его невидимого симбиота. Мигающие кристаллические иллюминаторы на башенке бросили на Квамодиана любопытный взгляд и застенчиво закрылись.

— Сэр? — снова просигналил контрольный купол. — У вас имеется номер резервного места?

— Великая звезда! — взорвался Квамодиан. — Мне необходимо сейчас же попасть на Землю! Я только что получил чрезвычайно срочный вызов. У меня просто не было времени запросить резервное место.

— Простите, сэр, — сожаление в чисто машинном голосе купола казалось издевкой. — Межгалактическая транспортировка строго ограничена, как вам, несомненно, известно. Мы не можем позволить вам переброску без резервации места, основанной на совершенно точном и убедительном подтверждении преимущества внеочередности.

Ворча, он протянул сообщение от Молли Залдивар. Тонкий плазменный палец коснулся сообщения, прочитал, нерешительно отодвинулся, потом замер.

— Сэр, документ написан не на универсальном языке.

— Конечно, нет, — нетерпеливо фыркнул он. — Это английский. Но этого документа достаточно для получения первоочередности. Вы только прочтите его.

— Но у нас нет данных по английскому языку, сэр.

— Тогда я вам переведу. Сообщение с Земли. Это родная планета человеческого рода. Адресат — девушка. То есть молодая представительница лиц женского рода по имени Молли Залдивар. Послание адресовано мне. Она молит о помощи и снабдила сообщение индексом крайней срочности, что подразумевает опасность для целой планеты...

— Сэр!

Многочленное создание, стоявшее впереди Квамодиана, исчезло в кубе трансфлекса. Дракон тяжело ступал, направляясь к зрачку входных ворот, открывшихся, чтобы принять его.

— Вы задерживаете транспортировку. Я еще раз прошу предъявить ваш настоящий номер резервации.

— Но вот же мое удостоверение первоочередности! — он помахал желтой ленточкой послания. — Молли Залдивар в

беде, и это каким-то образом связано с Блуждающей Звездой...

— Сэр, этот документ не может послужить достаточным основанием предоставления вам места вне очереди. Будьте добры, покиньте рампу!

— Черт бы вас побрал! — заорал Квамодиан. — Неужели ваши нейроплазменные мозги совершенно разучились сообщать? Это сообщение подразумевает угрозу для всего человечества!

— Сэр, человечество идентифицировано в моем указателе как малое племя варваров, совсем недавно включенное в галактическое гражданское содружество и пока еще лишенное особо интересных качеств, как физических, так и этических и интеллектуальных. Ни одно человеческое существо не имеет пока права выдавать документ на внеочередную переброску по межгалактической транспортной сети.

— Но Молли говорит, что нам угрожает опасность!

— Сэр, покиньте рампу. Вы можете подать заявку на внеочередность только на допустимом для нас основании.

— Но у меня на это нет времени.

Купол ничего не просигналил в ответ, но плазменное щупальце, начало зловеще утолщаться и удлиняться.

— Погодите! — в отчаянии закричал Квамодиан. — Я член ордена Товарищей Звезды! Вы не можете не знать об этом ордене! Наша миссия — защищать человечество и другие расы.

— В моем указателе не имеется упоминаний о резервации места первоочередной срочности для вашей переброски со стороны Товарищества Звезды. Вы задерживаете все движение, сэр. Пожалуйста, отодвиньтесь в сторону.

Квамодиан угрюмо взглянул на гражданина, напиравшего сзади: сорока тонная, масса твердых, как гранит, разумных минералов, иззубренная и черная, парила на собственном невидимом трансфлексионном поле, протягивая в нетерпении свой паспорт на конце твердого плазменного отростка.

— Попрошу не толкаться, гражданин! — рявкнул Квамодиан. — Произошло недоразумение. Контроль, послушайте. Проверьте свои записи. Мы, человеческие существа, присоединены к множественному Гражданину по имени Лебедь, который является симбиотической ассоциацией фузоритов, звезд, роботов и людей. Ее предводительствующую звезду Альмалик... или вы не находите разумные звезды более интересным предметом, чем людей?

Но ирония была потрачена напрасно.

— Прочь с дороги! — повелительно просверкал купол. И долю секунды спустя добавил: — Можете подождать на боковой рампе. Множественный Лебедь в нашем указателе отмечен. Мы вызовем звезду Альмалик, галактика 5.

В самом дурном настроении Квамодиан вырвал флаер из очереди, предоставляя место гранитному существу, которое с презрительным видом проплыло мимо. Квамодиан нетерпеливо парил у края рампы, глядя, как входные ворота впереди раскрылись и проглотили дракона в серой чешуе вместе с его башенкой-симбиотом. На секунду им овладела идея одним безумным прыжком преодолеть расстояние до

входного проема. Но в этом не было смысла. Как бы быстро ни двигался флаер, купол контроля окажется быстрее его. И Квамодиан еще больше уменьшит свой крохотный шанс проникнуть в куб транспортирования.

Некоторое время он невидящими глазами смотрел на толпу разнообразных существ, продвигающихся перед ним по раскрытой рампе. Наконец он встряхнулся и взял себя в руки.

— Отвлеки меня, — сказал он хрипло. Немедленно откуда-то со стороны донеслось более чем человеческое сопрано:

— Ми, ми кьямано Мими...

— Нет, оперу не надо.

Голос исчез. На панели связи появилось голографическое изображение шахматной доски с уже расставленными фигурками. Белая королевская пешка продвинулась вперед на две клетки и замерла, ожидая ответного хода.

— В шахматы я тоже не хочу играть. Минутку. Составь для меня вероятностную матрицу. Оцени вероятность того, что Альмалик даст мне разрешение внеочередного места на транспортиацию.

— С параллельным ожиданием или только оценку, мистер Квамодиан? — спросил голос флаера.

— С анализом. Я хочу развлечься.

— Что ж, сэр. Будь я проклят, но придется много кой-чего прикинуть. Если мы...

— Без комедийного диалекта.

— Слушаюсь, мистер Квамодиан. Вот основные факторы. Значение человеческой цивилизации в галактическом гражданстве разумных низкое. Примерно 0,5 триллиона людей разбросано более чем в сотне звездных систем в трех галактиках. Но это составляет одну сотую процента общего населения вселенской цивилизации, даже считая множественных и многочисленных граждан как одну единицу. Внимание звезды Альмалик к индивиду-человеку по имени Андре Квамодиан крайне маловероятно.

— А как с заинтересованностью Альмалика Товариществом Звезды? — сердито спросил Квамодиан.

— Сейчас мы как раз к этому переходим, мистер Квамодиан. Степень заинтересованности не превышает шумового уровня, но по шкале реального времени становится достаточно высокой. Критическое значение в данном уравнении — это отношение к термину «Блуждающая Звезда». Я не имею данных для оценки реакции звезды Альмалик на этот термин, мистер Квамодиан.

— Блуждающие Звезды — один из самых важных феноменов Вселенной, — сказал Квамодиан, глядя на рампу. — Станция у Эксиона была основана большей частью именно для их изучения.

— В таком случае... гм... допуская влияние других факторов... вы не следили за новостями, с Земли поступило несколько неприятных известий... так, посмотрим... Я бы оценил вероятность в 0,7, мистер Квамодиан. Уточнены сто сорок четыре переменных. А именно...

— Не утруждай меня и себя.

— Мне не трудно, мистер Квамодиан, — сказала машина с некоторой обидой. Все они, эти ориентированные на беседу кибернетические устройства были немного унылы и легко поддавались перемене настроений. Такова цена, которую необходимо было платить за удовольствие свободного разговора.

— Ты хорошо справился, — успокаивающе сказал Квамодиан. — Меня просто беспокоит опасность, которую представляет фактор Блуждающей Звезды.

— Я понимаю вас, мистер Квамодиан, — с теплотой в голосе сказала машина, мгновенно реагируя на перемену темы. — Кроме того, когда опасность грозит всему человечеству...

— Мне плевать на человечество!

— Но, мистер Квамодиан, что же тогда вас...

— Меня волнует только судьба Молли Залдивар. Слышишь? Ты должен иметь это в виду. Не забывай —

благополучие Молли Залдивар самая важная во Вселенной вещь. Потому что я люблю ее всем сердцем. Несмотря на то, что...

— Простите, сэр, — перебил его флаер. — Нас приветствует приближающийся летательный автомат...

— Кто это?

— Управляет им ваш сородич Соломон Скотт.

— Что?! Скотт? — он прищурился, вглядываясь сквозь сияние огней станции, но никакого аппарата не увидел. — Этого не может быть!

— Это Соломон Скотт, — монотонно повторил флаер. — Имеется положительная идентификация по голосовой матрице. Он вошел в пространство Эксиона 4 без официального разрешения, и теперь его преследует робот-охранник. Но он говорит, что имеет для вас срочное сообщение.

Глава III

Вызывающий их космолет возник в свете огней станции, зацепил флаер и врезался в покрытие неподалеку от ramпы. Квамодиан едва удержался на ногах, ошеломленно глядя на странную машину. Она выглядела так, словно побывала в терзавших ее клыках дракона. Большая стальная сфера, помятая и оплавленная, частью почерневшая. Несколько скрученных выступов-стержней были, похоже, остатками потерянных приборов или оружия. У космолета не было ни крыльев, ни дюз, ни посадочного шасси, и он казался Квамодиану совершенно незнакомым, пока он не обнаружил следы скрытого под ржавчиной и царапинами символа: трехзвездной эмблемы станции Эксион.

— Это Скотт! — прошептал он. — Этот шар — экологическая капсула, в которой он здесь жил. Или часть ее.

— Глупый хомо! — оскорбленно воскликнул флаер. — Он едва не врезался в нас. Я вызываю охрану.

— Подожди! Этот человек нужен на Земле Молли Залдивар. Просто тебе нужно прочитать ее сообщение. Она хочет попросить его остановить Клиффа Хаука, который намеревается создать Блуждающую Звезду. Передай все это ему.

Флаер тихо загудел. Ожидая ответа Скотта, Квамодиан начал ощущать стыд. Он не мог подавить глупого сожаления из-за того, что появился Скотт. Да, теперь его шанс оказаться единственным спасителем Молли приближался к нулю.

— Скотт отвечает, — заужжал флаер. — Он передает, что у него есть для вас очень срочное личное сообщение. Он просит вас подняться на борт его машины, так как не выдержит, если покинет борт своей капсулы.

— А Молли Залдивар? А Клифф Хаук?

— Он говорит, что Клифф Хаук самонадеянный болван, но Молли ошибается, говорит он, если считает его исследования опасными. Блуждающий звездный организм — это безобидный миф, как он говорит.

— Но, когда он бронировал исследовательский космолет, он думал иначе, — пробормотал Квамодиан. — Скажи ему, что Молли просто в ужасе.

— Скотт говорит, что она тоже дура, — промурлыкал флаер. — Он говорит, что не намерен тратить время на безумную гонку на Землю. Но он очень хочет видеть вас. Вы не намерены посетить его машину?

Надежда Квамодиана получила новый импульс жизненной энергии. Если Скотт не захочет лететь на Землю, то остается какой-то безумный шанс, что именно он станет единственным избавителем Молли.

— Что? — он вернулся к действительности. — Скажи Скотту, что я сейчас буду.

Он выбрался из флаера. Станция трансфлекса находилась на несколько миль выше уровня человеческой зоны обитания, и жестокий холод кислородно-гелиевой атмосферы перехватил дыхание. Он наклонил лицо и быстро побежал к потерпевшему аварию космолету. Когда он

добрался до него, открылся люк и высокий незнакомец, протянув руку, втащил Квамодиана внутрь.

— Скотт? — от ветра у него пропал голос. — Я ищу Соломона Скотта...

— Я Соломон Скотт, — проскрежетал незнакомец. — Входи.

Квамодиан отпрянул. Стоявший перед ним в отсеке шлюза незнакомец казался таким же высоким, как и Скотт, но на этом сходство и кончалось. Скотт был темноволосым, очень энергичным, атакующего темперамента человеком, таким же сильным и способным на безжалостные поступки, как и Клифф Хаук. Этот же человек был сед, согбен, и в движениях его чувствовалась усталость, странная неуклюжесть, с которой он протянул Квамодиану руку из недр своей механической пещеры, словно и сам он был механизмом, а не человеком.

Одежда его поражала в той же степени. На нем была длинная белая рубашка вроде рясы монаха, собранная у талии золотой цепью, голову прикрывал такой же серый монашеский балахон. С золотой цепи свисал длинный золотой кинжал, который призрачно мерцал в полумраке шлюзового отсека.

Квамодиану захотелось повернуться и поскорее убежать, он ничего не понимал. Ему не нравился неприкрытый блеск в глазах Скотта, казавшихся очень измученными, и даже какие-то жирные пятна на его монашеском одеянии. Из недр стального шара потянуло вдруг таким кисло-затхлым воздухом, что он едва не задохнулся.

— Энди! — прокричал незнакомец. — Войди в корабль!

Квамодиан постарался взять себя в руки. В конце концов, он не видел особой опасности и желал помочь Молли. Он схватил протянутую незнакомцем руку, которая показалась ему холоднее ледяного ветра, и забрался в металлическую келью.

— Сол! Он попытался раздвинуть застывшие губы в улыбке. — Какая удача, что ты так вовремя подвернулся,

Молли Залдивар отчаянно требуется твоя помощь эксперта. Если ты прочтешь ее послание...

— Забудь об этом, — серая худая длань Скотта небрежно отодвинула в сторону руку Квамодиана, в которой он сжимал полоску трансфакса. — Пойдем отсюда, здесь такой холод, что невозможно говорить.

В желудке Квамодиана что-то перевернулось при одном только взгляде на мрачное пространство за внутренним люком и на фигуру изможденного старика. Вонючие тряпки и рваная бумага. Груды беспорядочно брошенных сломанных приборов. Пустые пластиковые контейнеры из-под пищи. Пыль, тление и запах человеческих испражнений.

— Что это? — он едва удержался, чтобы не передернуться. — Я... я едва узнаю тебя, Сол. Что с тобой стряслось?

— Я думаю, я теперь иной человек, — тихий голос Скотта казался почти нормальным. — Случилось то, что мне удалось узнать нечто. Нечто, что я принес тебе.

— Что бы ни случилось, это очень удачно, что я тебя встретил, — Квамодиан говорил громко, чтобы скрыть отвращение. — Молли говорит, что в Товариществе на Земле не верят в существование Блуждающей Звезды...

— Правильно. — Голова в сером капюшоне торжественно кивнула. — Блуждающие — это миф, вот что я узнал. — Изможденный старик склонился ближе, и Квамодиан попытался не отвести взгляда, почувствовав его дыхание. — Энди, я узнал великую вещь. Мы, люди, до сих пор следовали неверной философии жизни.

В словах не было ничего необычного, но глухой голос Скотта придавал им гипнотическую силу, которую, — Квамодиан знал, — он никогда не сможет забыть.

— Мы пытались сделать фундаментальным законом существования людей соревнование, соперничество. Очевидно, мы впали в это заблуждение из-за того, что отцы наши многие миллионы лет жили охотой, убивая, чтобы выжить. Во всяком случае, Энди, Блуждающая Звезда — это идеал такого рода людей «убойного» типа. Совершенный

индивидуалист. Абсолютно свободный. Бессмертный, как Вселенная. Обуздать Блуждающую Звезду невозможно

— Я знаю, — Квамодиан натянуто кивнул. — Вот почему я и опасаюсь...

— Когда-то Блуждающие были моим собственным идеалом. — Измученный старик не обратил внимания на последнее слова Энди. — И Хаука тоже, надо полагать. Когда я пришел сюда создавать стеллар-секцию, я соперничал со всеми в области моей науки. Я был мужчиной, и это была мужская игра. Мне нужно было бросить вызов лучшим умам во всех галактиках, которые собрались здесь, у Эксиона. Я должен был победить роботов, соединенных трансфлексионными сетями, делящих общие банки памяти и записи программ, что делало их единым гигантским мозгом. Мне нужно было выстоять против многочисленных граждан содружества, которые сливали силы логического мышления по тому же принципу, что и роботы. Мне нужно было соревноваться со своими сородичами-людьми, отбросившими индивидуальную свободу ради симбиотического союза с фузоритами. — Скотт вскинул голову в сером капюшоне. — Именно этот идеал Блуждающей Звезды побудил меня выступить против Хаука и именно он вывел меня на след сбежавшей звезды, которую открыл Хаук.

— Что же случилось там, Сол?

— Я нашел так называемую «Блуждающую Звезду» Хаука. — В скрежещущий голос Скотта проникло холодное презрение. — Никакая это не Блуждающая. Просто разумная звезда, но рожденная так далеко от остальных, что она никогда не сталкивалась с иным разумом. Робкое существо, невежественное и боязливое. В постоянном опасении перед всей Вселенной. В постоянном страхе. Ее нетренированный ум был слабее моего! Она испугалась меня!

Он зашелся визгливым смехом, отчего согнулся чуть ли не вдвое. Смех перешел в приступ астматического кашля. Квамодиан подхватил его костлявую руку, чтобы старик не

упал, и с неловким чувством заглянул внутрь затхлого логова, которое начиналось за внутренним люком шлюза.

— Это был урок мне, — с трудом выдохнул Скотт, кончив кашлять и вновь обретая способность говорить. — Я не вернулся в секцию, потому что узнал высший принцип. Закон соединения. Именно этот закон стянул вместе первые клетки зарождающейся жизни, чтобы начать эволюцию человека. Именно этому закону подчиняются растения, выдыхая кислород для нас, и мы, выдыхая окись углерода для растений. Именно этот закон связывает людей в семьи, кланы, нации. Энди, это именно то универсальное правило, которое сейчас связывает людей и фузоритов. И мыслящие звезды, и симбиотическое существо, называемое Лебедем.

— Возможно, — пробормотал Квамодиан. — Но какое это имеет отношение к моему перелету на Землю?

— Забудь Землю! — хриплый голос Скотта превратился в надтреснутое пение. — Забудь Клиффа Хаука и Молли Залдивар. Забудь все ложные волнения твоего заблудшего «я» и все бессмысленные цели, к которым ты изо всех сил стремился. Забудь закон соревнования — он для глупцов. Испытай закон соединения.

Квамодиан осторожно пятился назад.

— Послушай, Энди, — холодные когтевидные пальцы сомкнулись на его плече. — Я отбросил идеал блуждающего. Теперь я проповедую соединение. Именно об этом я и должен был тебе сказать. Я прошу тебя присоединиться к нам, к нашему симбиоту, вселенскому братству Лебедь.

Охваченный внезапной паникой, Квамодиан рванулся и высвободил плечо. Он отступил к наружному люку и там остановился, недоуменно хмурясь и стараясь не терять головы.

— Я считаю, что каждый сам определяет свое отношение к обществу, — сказал он наконец. — Но меня не очень влечет симбиоз. В качестве члена Товарищества Звезды я и так полезный гражданин. Все, что мне нужно, — это Молли Залдивар...

Голос его прервался, когда он увидел тонкие серые пальцы, сомкнувшиеся на золотом клинке. Он быстро сделал шаг назад, чтобы глотнуть свежего воздуха

— Эй, Скотт! — выдохнул он. — Смотри! Не вздумай прикасаться!

— Мое касание — это вечная жизнь, — глаза Скотта ярко и фанатично блестели, а в глухом голосе не осталось и следа человеческой теплоты и здравомыслия. — Этот шприц заряжен фузоритами-симбиотами. — Зажав в бескровном кулаке, он поднял сверкающее острие. — Форма жизни более древняя, чем наша галактика. Достаточно древняя, чтобы знать закон соединения. Циркулируя в твоих жилах, микроскопические симбиоты не дадут стареть и разрушаться твоему телу. Они сольют твой разум с их разумом и с разумом миллиардов других людей-симбиотов, с сознанием мыслящих солнц.

— Подожди-ка, Скотт. — Энди поднял, защищаясь, пустые руки и попробовал говорить спокойно. — Не совсем что-то я понимаю, к чему ты клонишь. Ну, о гражданине Лебедь я знаю, к его симб-союзу принадлежат мои родители. Я знаю, что миссионерства он не позволяет. Люди должны сами просить разрешения на вступление в союз. Поэтому ты мне кажешься подозрительным. — Он посмотрел на согнувшегося перед ним старика. — Если бы Молли не просила прилететь вместе с тобой...

— Забудем же наши одинокие эгоистические «я», — скрипел Соломон Скотт. — Вольемся в бесконечно длящийся союз... — удивительно проворно он сделал выпад, далеко вперед вытянув руку с золотой иглой. Квамодиан ухватил старика за похожее на палку запястье, почувствовав в руке невероятную силу. Игла дрожала, роняя желтые капли. Дикая сила все ближе и ближе пододвигала клинок к телу Квамодиана.

Энди задохнулся, хотел набрать в легкие воздуха и снова глотнул тошнотворной вони. Он кинулся к открытому люку, к свежему воздуху. Старик в серой рясе подставил ему

подножку. Падая на металлическую стенку шлюза, он снова ухватился за тонкую, как трость, руку, сгибая ее и не давая игле коснуться горла.

— Забудь о Блуждающих Звездах! — хрипел Скотт. — Забудь...

Вдруг безумная сила его погасла, так же, как и клокочущий голос. Кость-палка упала с сухим хрустом. Длинная изможденная фигура, закутанная в серую рясу, безвольно села на пол. Из сломавшейся иглы, пронизавшей ткань капюшона, вытекали капли жидкого холодного огня.

Квамодиан бросил на эту сцену лишь один взгляд и, пошатываясь, выбрался из корабля на ледяной свежий воздух. Парящий рядом флаер подхватил его и с проворством отнес к краю рампы еще до того, как прибыли роботы-охранники. Он долго с благодарным чувством покоя отдыхал в кресле, дрожа в тепле кабины и не в состоянии никак отдышаться. Только потом он начал задавать вопросы.

— Охранники не могут выяснить, как удались Скотту выжить после встречи с Блуждающей Звездой, — сообщил ему флаер. — Они не могут также определить, как ему удалось вернуться на Эксион-4 и почему он приземлился именно здесь. Но они сообщают, что он мертв.

— Кажется... — Квамодиан замолчал, едва сдерживая волнение. — Кажется, это я его убил.

— Охранники изучили инцидент, — сказал флаер, — Они выяснили, что Скотт сам наткнулся на иглу шприца, которая пронзила его горло и вызвала смерть. Против вас не будет выдвинуто никаких обвинений.

— Но как могла игла убить его, — спросил Квамодиан, — если она содержала фузоритов-симбиотов?

— Но это не так, — сказал флаер. — Светящиеся фузориты в шприце не относятся к симб-разновидности. Это похожий вид, встречающийся в Рифах Космоса. В крови вашего вида они действуют как опаснейший яд. Охранники сделали заключение, что Скотт явился сюда, чтобы убить вас.

— Почему? — Квамодиан опять содрогнулся. — Почему меня?

— Охрана не располагает необходимыми записями относительно иррациональных типов поведения среди представителей вашего вида, подверженных саморазрушительным тенденциям, — протянул флаер. — Они могут ответить вам лишь по другим вопросам. Кто имел основание предотвратить вашу переброску на Землю?

— Клифф Хаук, наверное. — Квамодиан задумчиво нахмурился. — Больше, кажется, никто. Но Хаук за многие галактики отсюда. Все это ставит меня в тупик.

Флаер гудел две секунды.

— Охрана будет продолжать расследование этого случая, — сказал он. — Они сообщают о многих фактах, до сих пор не поддающихся логическому объяснению. Однако они могут дать вам совет, основываясь на первоначальном анализе имеющихся данных.

— Какой же?

— Если вы вернетесь в свое жилище и не будете его покидать, то вероятность преждевременного прекращения вашей жизни составит всего 0,2 процента. Если же вы будете продолжать путешествие на Землю, то вычисленная вероятность незаконного прекращения вашей жизни составит 89 процентов. Охрана рекомендует вам вернуться домой.

— Поблагодари охрану, — сказал Квамодиан. — Но Молли необходима помощь. — Он сел ровнее. — Вызови купол, — попросил он. — Справся, получили ли они для меня разрешение на внеочередную переброску на Землю.

Глава IV

Купол контроля сообщил, что просьба о предоставлении преимущества переброски была в надлежащий срок передана Альмалику, предводительствующему в

многосоставном союзе звездного гражданина Лебедь. Пока ничего не было получено в ответ.

— Наберитесь терпения, сэр, — с симпатией добавил флаер. — Трудно подгонять мыслящее солнце. При сроке жизни в многие миллиарды лет у них собственная шкала времени.

Квамодиан что-то проворчал и принялся ждать, наблюдая, как роботы-охранники убирают тело мертвого Скотта и его ржавый корабль, и еще раз попытался разгадать загадку Сола Скотта.

Взятая сама по себе небольшая проповедь Скотта о соединении имела, странным образом, долю смысла. Вспоминая свое собственное детство, Квамодиан мог легко убедиться, что это подтверждал его собственный жизненный опыт. Появление на Земле фузоритов завершило века соперничества и конкуренции, открыв эру соединения. И всю жизнь Квамодиан метался между этими двумя возможностями.

Только сейчас ему пришло в голову, что Скотт, вероятно, был прав. Собственный и только собственный интерес был необходимым условием жизни первобытных охотников в джунглях, но даже самые примитивные из них умели действовать сообща. Конкуренция стала смертельной болезнью на более высоких ступенях цивилизации. Даже наисуровейшая терапия старого Плана Человека не могла излечить ее — даже с помощью взрывающегося железного кольца вокруг шеи любого самоуправяемого существа. Кризис назревал, и когда появились фузориты, большинство людей приветствовало их появление. Но Квамодиан решил не следовать за родителями и не присоединяться к новому симбиотическому союзу. Выросший в бурные годы переходной эпохи, он испытывал симпатию к обоим жизненным путям. Он стремился сохранить индивидуальную свободу даже ценой риска. Но он также стремился, и с не меньшей силой, к абсолютной безопасности и миру, который принесли фузориты. Испытывая острые и противоречивые эмоции, он

наблюдал за концом старой человеческой цивилизации. Иногда с печалью видел, как почти каждая ее составляющая, будь то религия или философия, политика или бизнес, социальные установления или индивидуальные привычки, оказывались ненужными, глупыми или начисто неверными. Но зато с удовлетворением засвидетельствовал он конец войн, жадности, человеческой жестокости. Он обнаружил, что слишком любил как старое, так и новое, чтобы отказать от одного ради другого. Вынужденный принимать собственное решение, когда его родители вошли в симбиоз Лебеда, он сначала решил встать на путь соревнования. Добиваясь высоких оценок в учебе, он выиграл стипендию Космического Скаута, что позволило ему покинуть людную Землю и войти в более напряженное и сложное существование трансгалактической цивилизации. Произошло это двадцать лет назад — если перевести универсальное время в старые единицы вращения Земли вокруг оси и Солнца.

Что касается его собственной жизни, размышлял Квамодиан, старый закон джунглей явно оказался ошибкой. Соревнуясь с роботами, многочисленными существами и симбиотами, он провалился на выпускных экзаменах. Он не справился с десятком до жалости мизерных деловых предприятий. Попав в качестве подопытного животного на станцию Эксион, он проиграл также и Клиффу Хауку и не смог завоевать Молли. Лишь теперь, работая с Товариществом Звезды, нашел он свое, пусть не слишком заметное, но вполне удовлетворительное место в обществе. Это был полезный социальный институт, в то же время не требовавший столь полной самоотдачи, как абсолютный симбиоз. Такая форма соединения его полностью устраивала — устраивала бы, если бы Молли Залдивар передумала.

— Внимание, сэр! — тягучий голос флаера вновь вернул к действительности Квамодиана, погруженного в унылую интроспекцию. — Контрольный купол вызывает вас обратно к рампе.

— О, извини! — снова оживившись, он отдал нужные команды, и флаер нырнул обратно в поток очереди на транспортировку. Какой-то жутковатого вида гражданин на ножках-стеблях, с конечностями, словно ростки бамбука, и бахромой мозговой ткани, которая, словно юбка, опоясывала его талию, приостановился, давая им возможность встать в очередь к рампе.

— Контроль транспортировки вызывает Андре Квамодияна, — сигналил вспышками купол. — Многосоставный гражданин Лебедь имеет гарантированное право отдавать разрешения на первоочередную транспортировку через интергалактический транзит. Альмалик, предводительствующая звезда союза, одобрила вашу просьбу на предоставление первоочередности. Можете войти в куб трансфлекса.

Квамодиян проворчал слова благодарности, и флаер понес его к кубу. Испытав множество галактических переборок, он так и не научился испытывать от этого способа удовольствие. Эффект трансфлексионной переброски по-разному влиял на разных людей. Большинство тех, кому переход доставлял неприятные ощущения или даже приводил в ужас, старались облегчить страдания с помощью гипноза или лекарств. Квамодиян просто терпеливо сносил неудобства.

Еще не достигнув куба, флаер вдруг остановился.

— Сэр, снова вызывает охрана. На основе последнего анализа они сделали еще один перерасчет вероятности преждевременного прекращения вашей жизни. Теперь она оценивается в 93 процента. Они по-прежнему советуют вам вернуться в купол.

— Поблагодари охрану, — сказал Квамодиян. — Скажи, что я лечу на Землю, к Молли Залдивар!

— По крайней мере, вы в достаточной безопасности до конца транзита, — жизнерадостно заверил его флаер. — Миллиард пассажиров благополучно прибывает на конечную станцию — и всего шесть не прибывает. Трое из этих шести оказываются жертвами всего лишь

пространственного поворота. Левая сторона у них становится правой. Двое из оставшихся трех страдают смещением ткани тела или продолжительными психозами. Лишь один пассажир из миллиарда исчезает без всякого объяснения. Но даже эта потеря статистически восполняется. Один пассажир из миллиарда редуцируется из-за аномалий субпространственной рефракции. Следовательно, потери транзитной сети составляют ноль.

— Заткнись! — прорычал Квамодиан. — Я отлично знаком с этой статистикой. Как монитор я имел задание выяснить, что же происходит с одним пассажиром из миллиарда и куда он может деться. Я так и не решил проблемы и теперь не намерен к ней возвращаться.

Погрузившись в угрюмое молчание, обиженный флаер подплыл к кубу станции. Квамодиан наблюдал, как зрачковая диафрагма закрывалась за его спиной, отрезая его от бесконечной цепочки ждущих граждан. Немедленно флаер закачало, и он начал рыскать. Выкрученный из обычного пространства—времени, проворачиваемый через точно рассчитанные складки гиперпространства, Квамодиан испытал то же, что и всегда: страх одиночества, тошноту, паралич мыслительной деятельности.

Голубые стены куба исчезли, растворившись в темно-сером тумане. Из ниоткуда донесся глухой жуткий рев, закладывавший уши. Цепенящий холод волной окатил тело, словно каждая клетка тела каким-то образом была подвергнута воздействию почти абсолютного нуля, царящего в пространствах между галактическими скоплениями.

Квамодиан покрывался испариной и страдал. Трансфлекссионный перелет каждый раз каким-то образом воздействовал на его чувство ориентировки... Исследователи проводили эксперименты с этим эффектом, но не смогли объяснить его причину.

— Ну, вот мы и прибыли, сэр! — пропел наконец флаер. — Не так уж плохо...

Он внезапно оборвал свою жизнерадостную фразу на полуслове. Затем завертелся, закачался и полетел вниз, Квамодиан с ужасом увидел отблески кроваво-красного огня. Он закрыл свое мокрое от испарины лицо и ждал, пока его инстинктивное чувство ориентировки не придет в норму. Оно не приходило. Но несколько головокружительных секунд спустя он почувствовал, как флаер вышел из бешеного пикирования и перешел на горизонтальный полет.

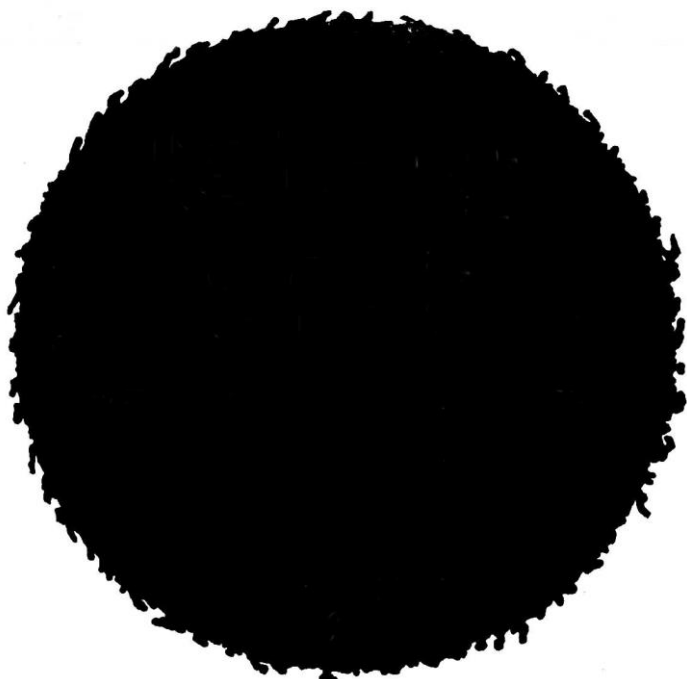
— Неполадки, сэр, — прожужжал он. — Отказали все навигационные и коммуникационные приборы. — Он снова зажужжал, защелкал и уныло добавил: — Если кто-то стремился не допустить вас на Землю, он выиграл первое очко.

Глава V

Квамодиан поднял голову и увидел местное солнце. Незнакомая звезда, огненно-кровавая и огромная, но слишком тусклая, чтобы слепить. Словно распухшая, она плыла низко над горизонтом по абсолютно черному небу. Темные пятна, полосы и завитки покрывали две ее огромные полусферы, создавая узор, очень похожий на изображение поверхности человеческого мозга. Обе полярные короны выбрасывали толстые щупальца красной плазмы, извивающиеся кольцами. Они были даже ярче, чем испещренное крапинами лицо звезды.

— Это разумная звезда, — шепотом обратился Квамодиан к флаеру. — Я уверен, что она мыслит. Когда нейроплазменная активность начинает препятствовать нормальному излучению энергии, поверхность получает такой пятнистый вид.

— Не имею данных, — ответил флаер. — Я просматривал все имеющиеся звездные каталоги, но по данным визуального наблюдения не могу определить эту звезду по моему комплекту звездных каталогов. Возможная причина-звезда

находится вне занесенных в каталоги галактических скоплений.

С судорожным усилием Квамодиан оторвал взгляд, который словно под воздействием гипноза был прикован к испещренному морщинами и пятнами лику светила. Он хрипло вздохнул и перевел взгляд на мир внизу.

— Это... наверняка это не Земля. — Он с трудом сдержал подступающий к горлу комок. — Похоже, что тот миллиардный шанс выпал на нашу долю.

Флаер завис над плоским бесконечным берегом. К северу — если это был север — простиралась гладкая равнина моря, кроваво-красного в лучах жуткого солнца. К югу, если это был юг, почти на одной высоте с уровнем полета флаера поднимались черные скалы. Эта бесконечная горная стена казалась странно отвесной, странно цельной, и она слегка изгибалась в сторону моря. Возможно, подумал он, это древний гребень кратера, тысячемильная чаша для

неподвижного моря, которое казалось таким мертвым, что Квамодиан даже засомневался, существуют ли в нем приливы и они ли это так выгладили берег.

По всему сумеречному горизонту плясало красное зарево. Его сплошные сполохи корчились и извивались, словно змеи кровавого цвета, отбрасывая малиновые отражения на зеркальную гладь моря. Квамодиан был неприятно поражен, обнаружив, что плазменные щупальца звезды протянулись по всему мрачному небу планеты, словно звезда держала небо и море в кулаке сжатых плазменных пальцев.

— Опустись ниже, — приказал он флаеру. — Там что-то есть, на берегу. Я хочу рассмотреть поближе.

На широком черном берегу выделялись пятнами более светлые, чем песок, образования. По мере того, как флаер снижался, они обретали определенную форму, превращаясь в серый, разрушенный временем металл, выцветшую краску, белые кости. Мертвые существа и их сломавшиеся машины покрывали изогнутую трехмильную полосу берега.

— Кажется, мы узнали, что происходит с пропавшими пассажирами, — сказал Квамодиан. — Вызывай охрану и передай им сообщение.

— Сэр, но я постоянно вызываю их! — В тоне флаера чувствовалась глубокая обида, голос его приобрел даже пронзительные нотки. — Я вызываю по всем трансгалактическим каналам. Но по какой-то причине не получаю ответа.

— Продолжай вызывать. Кстати, как там с нашим, э-э... энергозапасом?

— Наш аварийный запас наполовину истощен, сэр. Прикажете приземлиться, чтобы сберечь его?

— погоди пока, — он прикрыл глаза ладонью, всматриваясь в берег, освещенный холодным красным солнцем. — Вон там! У подножия утеса. Что-то там такое... Немного правее. Странные такие башни. Опустись как можно ниже к ним.

Четыре непонятных башни привлекли внимание Квамодиана. Поставленные по углам квадрата, они не слишком аккуратно собирались из обломков черного камня, скрепленного глиной. Верхние половинки башен состояли из металлических обломков, видимо, в дело пошли части разрушенных машин на берегу. Куски металла были причудливо сварены между собой.

Когда флаер опустился, Квамодиан обнаружил, что от башни к башне протянулась целая паутина кабелей. Туго натянутая блестящая проволока очерчивала скелет большого куба. Внутри этого куба на тугих проволоках был подвешен куб поменьше. Его подвески очерчивали к этому еще шесть суживающихся к концу шестигранников.

— Тессеракт! — удивление заставило его понизить голос. — Необходимейший контур трансфлексионного куба! Что же это значит?

— Отсутствие соответствующей информации. Данные, полученные путем наблюдений на этой планете, не дают логических оснований отнести линию моих действий к какой-либо программе в моем банке памяти. — Флаер тихо прогудел три секунды и печально добавил: — Прошу прощения, сэр, но ко всему этому я не был готов.

— Не унывай, — утешил его Квамодиан. — Мне необходимо добраться до Земли, до Молли Залдивар во что бы то ни стало. — Он бросил взгляд на угрюмое светило и постарался скрыть дрожь. — Как там атмосфера? Я могу дышать?

— ЗД, 79 % кислорода, остальные благородные газы. Гелий, неон, аргон. Температура и давление приближаются к нижним пределам выживаемости человека. Вам здесь не понравится, но жить можно.

— Спасибо, — отозвался Квамодиан. — Открой... нет, погоди!

Небольшая, странного вида процессия приближалась к ним, маршируя вдоль берега. Вышла она из отверстия пещеры, чей небольшой круглый зев, ранее не замеченный Квамодианом, темнел над валунами у подножия утесов.

Полдюжтка потерпевших крушение вселенских граждан. Три робота, сильно пострадавшие при аварии. Два многонога в желтой скорлупе, с недостающими ногами. Всех их вел человек, размахивающий палкой с белой тряпкой на конце. Было видно, что это женщина в вылинявшей одежде,

которая явно предназначалась человеку более солидных габаритов, а может, и не человеку вообще. Ее густые черные волосы были неумело подрезаны, явно каким-то неприспособленным для этого оружием, а кожа на лице была испачкана, по всей видимости, обыкновенной грязью.

Квамодиан выбрался из флаера, пробежал несколько шагов ей навстречу и замер, пораженный. Несмотря на инопланетное одеяние и непривлекательный вид, она была очень красивой женщиной. Но не только. Почему-то привлекательность ее была до боли знакомой. Запыхавшись, Квамодиан приветствовал женщину на языке старой Земли, по-английски:

— Здравствуйте!..

— Стой! — она резко перебила его на универсальном языке. — Стойте, где стоите! Назовитесь!

Голос ее был холоден и отрывист, но его богатый тембр что-то напоминал Квамодиану... напоминал ему о Молли Залдивар. Вот что дразнило его память! Эта женщина была так похожа на Молли Залдивар, что по позвоночнику Квамодиана пробежал холодок. Соскрести грязь, одеть ее в нормальную одежду, хорошенько покормить пару дней — и она будет точной копией Молли Залдивар.

Со строгим выражением на лице женщина повысила голос:

— Я жду! — Голос, приводящий в транс Энди Квамодиана, голос Молли Залдивар. — Предъявите свой стандартный голосовой идентификатор-матрицу.

В ошеломлении он только и смог выдавить из себя какой-то нечленораздельный звук.

— Погромче! — она махнула рукой, и, повинуясь приказу, роботы окружили его. — Здесь приказываю я!

Слегка заикаясь и запинаясь, он проговорил формулу стандартной голосовой матрицы.

— Благодарю, мистер Квамодиан. — Она коротко кивнула. — Я тоже принадлежу к Товариществу Звезды. Старший монитор Клотильда Квай Квич, — она сделала ударение

на слове «старший». — Какое было число, когда вы вылетели?

Он сообщил ей дату по универсальному календарю.

— Спасибо, монитор, — подсчитав в уме, она мило нахмурилась, совершенно как это делала раньше Молли Залдивар. — Значит, я здесь уже пять лет... Это слишком!

Она указала кивком на пятнистое солнце.

— Здесь трудно следить за временем. На этой планете что день, что год — одно и то же. Солнце стоит в небе неподвижно. Мы даже местные года не можем отсчитывать, потому что в небе не видно звезд, по которым мы могли бы ориентироваться.

Квамодиан, вслушиваясь, зажмурил глаза. Если не обращать внимания на отрывистый начальственный тон, то это был полностью голос Молли Залдивар.

— Проснитесь, монитор! — фыркнула Клотильда Квай Квич. — Как вы сюда попали?

— Я находился в трансфлексионном транзите с Эксиона-4 на Землю, — сказал он. — С помощью Лебеда я получил право на внеочередной транзит, чтобы поспешить туда по вызову девушки. Ее имя Молли Залдивар, — он всматривался в испачканное грязью лицо, но на нем ничего не отразилось, когда он произнес это имя. И все же он не смог удержаться от вопроса:

— У вас случайно не было сестры-близняшки по имени Молли?

— Конечно, нет. Не тратьте мое время на пустые разговоры. Монитор, проснитесь наконец! Здесь перед всеми нами стоят беспрецедентные проблемы! Все усилия должны быть направлены на их разрешение. Как ваш старший товарищ по объединению я предлагаю и требую от вас сотрудничества. Теперь мои подчиненные могут назвать себя.

Заговорив в унисон, роботы монотонно продекламировали опознавательную матрицу, из которой следовало, что все трое были инспекторами службы движения. Как ни странно, но все назвали один и тот же серийный номер. Два

желтопанцирных многонога говорили по очереди, но оба были помощниками инспекторов безопасности движения, и индивидуальные шифры у них были идентичны.

— Они попали сюда на год позже меня, — объявила Клотильда. — У меня было задание выяснить, что же происходит со статистически незначительным числом пассажиров, исчезнувших во время трансфлексионной транспортировки. Им было дано задание выяснить, что случилось со мной. В куб станции их штаб-квартиры они входили вдвоем — инспектор и его ассистент. Со мной это случилось во время переброски на Эксион-4. Их маршрут был тем же самым.

Глядя на трех покалеченных роботов и двух многоногое, Квамодиан почувствовал холодное дуновение на затылке.

— Теперь вы понимаете, что произошло, — продолжала она. — Инспектор во время транзита был дублирован. Робот-ассистент триплицирован. Но что хуже всего — произошел обмен разумов. У всех трех роботов теперь память и сознание инспектора, а у раздвоившегося инспектора-программы и содержимое банков памяти робота-ассистента. В конечном итоге все они оказались здесь. — Пронзительный ее голос надломился. — И это... На мгновение под маской начальственной уверенности в себе он уловил судорогу откровенного ужаса. Она тотчас же взяла себя в руки и успокоилась. — Вот с какой проблемой мы здесь столкнулись, мониторинг Квамодиан.

— А вы? — он не мог удержаться от инстинктивно возникшего на губах вопроса. — Вы ничего в себе не заметили?

Она вздрогнула и вспыхнула. В коротких темных волосах зажглись знакомые искорки, когда она повернула голову, глядя вдоль бесконечного берега. Внезапно она снова повернулась к нему, подбородок приподнялся, выдавая гнев, — жест, сразу ожививший самые болезненные воспоминания Квамодиана.

— Я с возмущением отказываюсь отвечать на личные вопросы. — Голос ее был напряжен и дрожал. — Если вам нужна объективная информация, то могу сказать, что мной

замечены незначительные физические отклонения, которые я предпочитаю не обсуждать. Лучше вернемся к вопросу нашего спасения.

— Согласен, — сказал Квамодиан. — Вы можете объяснить, как мы сюда попали?

— Мы все вместе собирали данные и разрабатывали гипотезы. — Казалось, некоторая неуверенность заставляла ее говорить медленно, словно подбирая нужные слова. — Конечно, мы понимаем, что достаточно обоснованное заключение будет возможно только после тщательного анализа данных, когда мы вернемся в штаб-квартиру — если мы туда вообще вернемся.

Она сердито пожала плечами, которые покрывал гротескный инопланетный костюм, словно стараясь сбросить с себя сжавший ее сердце страх.

— Вот что мы подозреваем, — сказала она, кивнув на лик пятнистого светила. — Я думаю, это Блуждающая Звезда. Я думаю, что она систематически вмешивается в транзит трансфлекторных линий. Датированные документы среди самых ранних останков здесь на берегу указывают, что существа эти были переброшены много столетий назад. Но в последнее время частота исчезновений увеличилась — как раз с того времени, когда Соломон Скотт обосновал гипотезу и основал станцию для исследования Блуждающих Звезд. — Значит, Блуждающие за нами следят? — Он против воли вздрогнул, чувствуя неутихающий ветер, который непрерывно дул вдоль берега, прямо в направлении угрюмого солнца. — Сол Скотт побывал здесь?

— Нет, — ответила она. — Мы проверили все останки и составили перечень. Идентифицированы все, кроме нескольких самых ранних потерпевших. Людей в этом списке немного. И никто из них не мог быть Скоттом. — Она испытующе посмотрела ему в лицо, совсем как Молли. — А почему вы спрашиваете?

Он протянул ей ленту с трансфаксным сообщением Молли и рассказал о встрече со Скоттом. Вдруг многоноги

что-то защебетали на своем языке, обращаясь к роботам. Те запищали в ответ. Клотильда Квай Квич сделала паузу, вслушиваясь.

— Мы видели непонятный самолет, — наконец перевела она. — Примерно с полдесятка раз. Он быстро и низко пролетел над морем неподалеку от берега, словно шпиона за нами. Инспектор сообщает, что его внешний вид соответствовал вашему описанию поврежденной машины Скотта.

— Что вы обо всем этом думаете?

Она подождала, пока проскрипят вопрос роботы, а многоноги им ответят.

— Скотт пытался добраться до окрестностей Блуждающей Звезды, — перевела она Квамодиану. — Инспектор предполагает, что это и есть та самая звезда, что она похитила Скотта, потом каким-то образом переслала обратно на Эксион, превратив того в своего рода не рассуждающий инструмент.

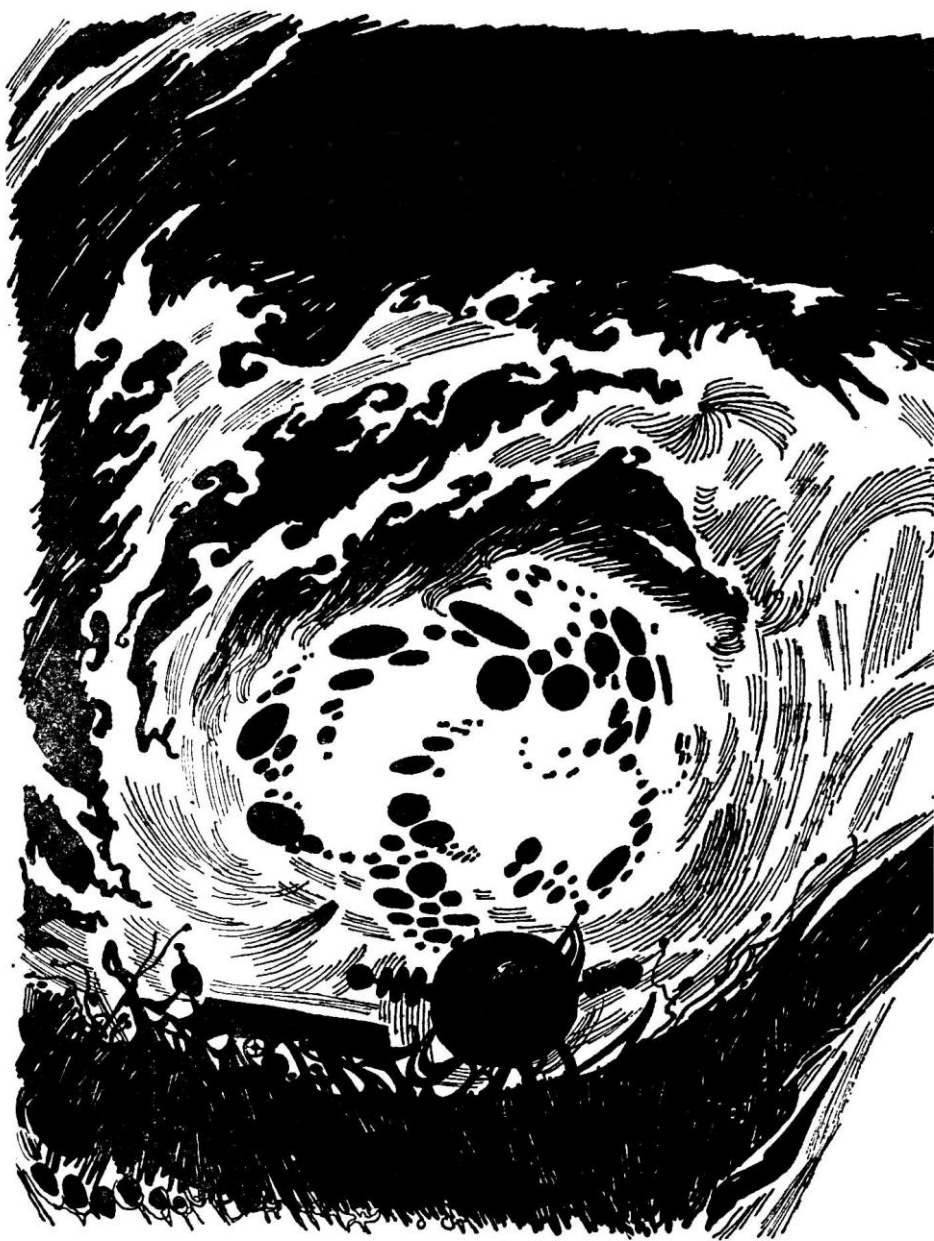
— Это могло бы объяснить случившуюся с ним перемену, — кивнул Квамодиан. — Но почему он пытался убить меня?

Роботы запищали, а многоноги ответили им стрекотом.

— Они предполагают, что Блуждающая Звезда заинтересована в экспериментах, которые проводит Хаук на Земле, — сказала Клотильда. — Они думают, что звезда не хочет дать вам возможности вмешаться.

— Но Молли звала меня, — упрямо пробормотал Квамодиан. — Я не намерен отступать.

— Для этого вам нужно иметь семь пядей во лбу, — в запавших глаза девушки замерцал огонек едкой усмешки. — Потому что мы здесь полностью отрезаны от остальной Вселенной. На наши сигналы не отвечают. Если это и в самом деле Блуждающая Звезда Клиффа Хаука, то мы где-то в межгалактическом пространстве. В нашем регистре отмечена почти тысяча граждан, заброшенных сюда. И ни одному не удалось вернуться обратно.

Глава VI

Квамодиан вопросительно нахмурился, глядя на Клотильду Квай Квич, и указал на проволочную паутину между четырьмя грубо выстроенными башнями.

— Кто-то намеревался вернуться, — сказал он, — кто-то пытался построить трансфлексионный передатчик...

— И дальше этого не пошел, — она презрительно пожала плечами. — Эти башни уже стояли здесь, когда я попала сюда. Инженеры, выстроившие их, к тому времени умерли и были забыты. В нашем регистре нет даже их имен.

— Когда-то я изучал транзитную инженерию, — Квамодиан не удосужился упомянуть, что не выдержал последних

экзаменов. — Этот контур-тессеракт очень похож на копию рабочей модели, которую мы строили в лаборатории. — Внезапная мысль заставила его задержать дыхание. — Возможно... Возможно, мне удастся достроить его!

— Все уже готово, — сказала Клотильда. — Готово к испытаниям.

— В чем же дело?

— Мы не можем опробовать передатчик, пока не определим, где находимся сами. — Она прислушалась к попискиванию робота. — Инспектор читает, что эта звезда — та самая Блуждающая Звезда Клиффа Хаука. Если это так, то мы довольно точно можем определить примерное расстояние до терминала на Эксион-4. Но расстояние — это еще не все, необходимо задать направление, а у нас здесь нет никаких ориентиров.

— Я обладаю... — Квамодиан прикусил язык. — Раньше у меня было особое чувство, я умел определять направление. Но все дело в том, что трансфлексионный переход создает помехи. Как правило, все приходит в норму, как только я прибываю на станцию назначения. На этот же раз... — он расстроено покачал головой. — На этот раз оно так и не пришло в норму.

Над берегом нависла полная тишина. Потом загундосили роботы, запищали многоноги. Осунувшееся лицо девушки побледнело.

— Монитор Квамодиан, инспектор припоминает исследовательский рапорт, касающийся экспериментов с вашим феноменальным даром. Часть экспериментаторов убедилась, что вы обладаете необъяснимым умением воспринимать завихрения в гиперпространстве. Другие явно считали вас обманщиком, сознательным или нет. Если вы действительно обладаете таким даром, то сейчас самое время испытать его.

— Я попробую, — пробормотал он. — Но я по-прежнему не могу ничего определить.

Он попытался наугад. От усилия только увеличилась щемящая дурнота. Он весь покрылся холодным потом. Берег перед глазами накренился, черные вершины сказочно повисли над самой головой. Вокруг, как воздушный шар, кружилось багровое солнце.

— Бесполезно, — слабо выдохнул он. — Собственно, я даже не знаю, что нужно сделать. Как правило, я просто знаю направление, и все. Или ощущаю его, или нет.

Поскрипывая, роботы подобрались поближе.

— Лучше попробуйте еще раз, — отрезала Клотильда. — Или, возможно, вам больше нравится здесь?

— О, Альмалик! — в нем проснулся гнев. — Вы что, думаете, я не хочу добраться до Земли, спасти Молли Залдивар?

Что-то произошло с ним, едва он произнес эти слова. Закачавшийся берег снова обрел устойчивую надежность под его словно обретшими силу ногами. Красное солнце заняло положенное место. Прошло мучительное головокружение. Он совершенно точно знал, где находится.

— Вот где Эксион, — он указал на небо. — Вправо от солнца. Нужно просто продолжить линию экватора. Галактики находятся пониже, как раз над морем.

— Монитор, вы уверены?

Клык сомнения коснулся только-только рожденной уверенности.

— По-моему... — жалкая пауза. — По-моему, я не ошибаюсь.

Клотильда Квай Квич и ее роботы отошли к подножию башен, чтобы посоветоваться без посторонних. Два многонога остались стоять настороже поблизости от Квамодиана, словно опасаясь, что он бросится бежать. Роботы пищали, девушка что-то шептала. Наконец они вернулись обратно к Квамодиану.

— Монитор Квамодиан, мы обсудили ситуацию. Возникают новые серьезные проблемы. Мы не можем с уверенностью сказать, что ваше чувство направления, которым вы, по вашему уверению, обладаете, позволит нам правильно

настроить приборы станции. Даже если терминал работает, неизвестно, позволит ли Блуждающая Звезда покинуть эту планету. В данных обстоятельствах инспектор предлагает вам провести первое испытание станции. Вы согласны?

— Конечно, согласен, — до сих пор ему не приходило в голову, что звезда может вновь вмешаться. — А какова вероятность... — Глядя на змеевидные протуберанцы кровавой звезды, он не завершил фразу.

— Мои подчиненные не рискуют делать прогноз. — Она нахмурилась, совсем как Молли. — Они не могут отнести Блуждающую Звезду ни к какому типу жизни, даже среди мыслящих звезд. Ее возможности не ограничены. Но мотивы ее поступков нам непонятны и непостижимы для нас. Сила ее мышления должна быть почти абсолютной. Но она практически ничего не знает о других существах... особенно о людях. В результате ее поступки могут оказаться до ужасного простодушными. Или поразительно проникательными. Или просто безумными. — Она пожала плечами. — Кто знает, чего мы можем ожидать.

Квамодиан помог настроить приборы управления терминалом, которые помещались в корпусе грузовой космобаржи, погребенной в черном песке под башней. Клотильда без лишних церемоний пожала ему на прощанье руку. Он вернулся к ждущему флаеру и стал ждать ее сигнала.

Наконец Клотильда взмахнула рукой. Флаер проплыл мимо башен, входя в пространство, ограниченное сверкающими проводами. Он бросил взгляд на зловещее солнце, но оно уже погасло, растворилось в межвремени. Он снова потерял всякое представление о том, где находится.

Вокруг с ревом вращались серые пространства, пронизывающий холод снова высасывал из его тела энергию жизни. Флаер так крутило и вращало, что он уже начал опасаться, что безумная звезда бросила его в еще худшую ловушку.

Но флаер выпрямился.

— Приготовьтесь к выходу, — пропел он, и тут рев исчез вместе со всеми остальными неприятными ощущениями.

Условные стены проволочного тессеракта превратились в настоящие, окружавшие его со всех сторон. Они были покрашены в серо-черный цвет и украшены большими черными буквами, гласившими, что Квамодиан находится на Земле, на станции Волчий Ручей. Впереди раскрывалась диафрагма выхода. Он испытал такое чувство, словно его оглушили ударом по голове. Контраст был почти невыносим. Исчез инопланетный берег, кроваво-красное солнце, море, Блуждающая Звезда со змеевидными протуберанцами. Не было жгучего холода гелиево-кислородного ветра, хлеставшего по длинной очереди галактических граждан, погруженных в мысли о своих делах, стремящихся получить первоочередное право транзита или сердящихся на задержку. В этой пасторальной тишине обе планеты — Эксион-4 и мир ужасной Блуждающей Звезды — превратились в кошмарных близнецов, о которых он не хотел даже думать.

Квамодиан радостно подался вперед, когда флаер выплыл из клуба трансфлексной станции и он впервые в своей взрослой жизни взглянул на широкие просторы Земли, залитые теплым светом ее единственного Солнца. Двадцать минут спустя большая часть его патриотически-пасторального настроения испарилась. Он яростно процедил, обращаясь к флаеру:

— Что это значит? Я не могу вызвать Молли Залдивар? Я проделал такой путь от самого Эксиона-4. Ты хочешь сказать, я не могу послать ей сообщение?

— Ваше сообщение едва ли может быть послано, мистер Квамодиан. Блок связи не функционирует.

— Чепуха! Попробуй вызвать местное отделение общества Товарищества Звезды...

— Тоже не отвечают, мистер Квамодиан. Это местный обычай. Меня информировали — в четырнадцать часов по местному времени все обычные линии связи будут открыты. Но до этого времени...

— Я не могу ждать из-за дурацких условностей! — рявкнул Квамодиан. — Я потратил столько усилий, чтобы добраться сюда, и я не намерен бить баклуши, пока этим занимаются местные деревенщины. Так что я отправляюсь туда сам!

— Конечно, мистер Квамодиан. — Флаер начал медленно спускаться к пыльному открытому участку прямо перед кубом станции. — Правда, — добавил он, извиняясь, — вам придется идти пешком. По местным обычаям флаерам не разрешается удаляться больше, чем на сто метров от станции.

— Великий Альмалик! Ну, ладно. — Он суетливо выбрался из кресла и протиснулся в открытую дверцу. — Куда мне идти?

— Вдоль по улице, мистер Квамодиан. «Золотое здание с эмблемой Товарищества», — сказал над его ухом голос флаера, включившего наружные динамики.

Он повернулся и посмотрел в указанном направлении. Флаер за его спиной тихо поднялся в воздух и отплыл обратно к высокому черному зданию трансфлексной башни, после чего опустился отдыхать у ее основания. Квамодиан остался один на планете, где когда-то родился.

Как он сейчас понял, он был даже больше одинок, чем ожидал. Он знал, что некоторые области Земли еще населены — хотя они ни в коей мере не могли идти в сравнение с шумными метрополисами центральных миров или даже относительно малозначительными планетами, где он учился или работал.

Но он никак не ожидал, что Земля, пусть даже небольшой кусочек, будет совершенно пустой.

Тем не менее поблизости не было видно ни души. Он посмотрел назад, на башню станции — его флаер, неподвижный и безобидный, ждал у подножия. Больше ничего. Он посмотрел вдоль длинного бульвара из искусственного камня: здание школы, больница, несколько центров снабжения — и ни одного жителя. Он заметил парк со скамьями и игровыми площадками, но они пустовали. Он видел

припаркованные на стоянке машины, по виду брошенные, библиотеку без читателей, фонтан — и некому было любоваться его игрой.

— Это просто смешно, — проворчал он и зашагал к сияющему на солнце зданию.

Единственная звезда Земли оказалась жаркой, и гравитация родного мира превышала силу притяжения, к которой Квамодиан привык за эти годы. Это была утомительная прогулка. Но что-то было в ней и приятное, нечто в запахе пыльного тротуара, в шелесте яркой молодой листвы деревьев, нависающих над тротуаром. Над поселком, словно благословенный Альмаликом, повис мир.

Но Квамодиан спешил на Землю не для того, чтобы искать здесь покоя. Он прибавил шагу, с пыхтением преодолевая тротуар, отделявший его от флагштока, на котором развевался штандарт Товарищества Звезды — на черном фоне космического пространства тринадцатичетную звезду Альмалик окружали эллипсы сложных орбит его компонентов.

Но дверь при его приближении не открылась. Квамодиан едва не ударился о прозрачное стекло, с трудом успев вовремя остановиться.

— Черт побери, что здесь происходит? — сердито воскликнул он, больше удивленный, чем рассерженный, по крайней мере, поначалу. — Я Андре Квамодиан, монитор Товарищества Звезды. Сейчас же впустите меня!

Но блестящая кристаллическая панель не шелохнулась.

— Доброе утро, гражданин Квамодиан, — проговорил записанный на пленку учтивый голос. — Пост Товарищества Звезды по названию Мудрый Ручей сегодня закрыт в соответствии с местными религиозными обычаями. Как обычно, он откроется в понедельник.

— Я сообщу об этом куда следует! — воскликнул Квамодиан. — Запомните мои слова. Я вызову региональное управление Товарищества Звезды...

— Публичный прибор связи, гражданин Квамодиан, находится как раз слева от вас, — вежливо сказал робот. —

Для аварийного пользования он свободен даже в День Звезды.

— Аварийного, да? Будь я проклят, если это не самая настоящая авария!

Но с Квамодиана было уже достаточно споров с записанными на пленку голосами. Он прошествовал вдоль крыла здания, облицованного золотисто-желтой керамической плиткой, к кабине связи, где сердито набрал номер регионального отделения... и обнаружил, что ему снова отвечает деловитый механический голос.

— Товарищество Звезды. Отделение третьего округа, — отчеканил голос.

— О, проклятье! Гм... ничего. Послушайте, Я монитор Квамодиан. Нахожусь в Мудром Ручье, чтобы произвести расследование чрезвычайной важности. Я прибыл сюда по вызову. И обнаружил, что местное отделение закрыто. Это просто беспорядок. Я требую, чтобы отделение было открыто и...

— Монитор Квамодиан, — укоризненно сказал голос робота. — Это невозможно. По условиям Конвента с Посетителями местные отделения никогда не функционируют в День Звезды, чтобы дать возможность персоналу принять участие в религиозных обрядах по их усмотрению. Даже региональное отделение восьми округов обслуживается в эти дни только машинами...

— Но это чрезвычайное происшествие! Аварийная ситуация! Как вы не понимаете!

— Монитор Квамодиан, мои сенсоры не регистрируют аварийной ситуации на Мудром Ручье.

— Да ведь я же потому сюда и прилетел! Я, понимаете, не знаю конкретной природы происшествия, но я требую немедленного содействия...

— Наше отделение в Мудром Ручье откроется ровно в полночь по местному времени, — вежливо сообщил механический голос. — С этого момента вы можете получить компетентную помощь.

— Полночь — это уж слишком!

На линии что-то щелкнуло, зажужжало, потом послышалось ровное, ничем не прерываемое гудение. Что-то гневно бормоча себе под нос, Квамодиан попробовал набрать код Молли Залдивар. Но флаер был прав — никто не отвечал. Громко, пыхтя, от раздражения и в равной степени от усталости, Квамодиан присел на ступеньку местного отделения Товарищества и хмуро уставился на пустую улицу. Сколько миллионов световых лет преодолел он за этот день — и все только для того, чтобы оказаться в каком-то сонном захолустье?!

Подумать только, какие титанические силы были вызваны к жизни, чтобы перебросить его через бездны космоса в спешке спасти Молли Залдивар от смертельной опасности, угрожавшей ей, судя по посланию. Он провел языком по пересохшим губам и стер выступившие на лбу капли пота. Да, он был героем, готовым спасти девушку, жителей города и даже целый мир. Но ни первая, ни вторые, ни третий — никто не желал спасаться.

Глава VII

А в двадцати пяти милях от Мудрого Ручья Молли Залдивар на самом деле требовалось спасение. Ее старенький голубой электромобиль с жужжанием взбирался по крутой горной дороге на высоте трех тысяч футов над уровнем моря. Внизу она видела сухую плоскую равнину, старый городишко Мудрый Ручей, домики которого сгрудились вокруг двух шпилей трансфлексной станции и церкви. Дальше дороги не было. Шоссе ныряло вниз, обходило склон горы по кругу и опускалось в другую долину. От этого места ей придется идти пешком.

Но этого она не могла сделать.

SLEETH

Выше по склону она слышала неутихающее шуршание — это неустанно передвигалось с места на место существо, которое Клифф называл слиитом. Она его сейчас не видела, но могла прекрасно вообразить — величиной с лошадь, но более массивное, черное, как пространство космоса, и гладкое до блеска, как ее собственные шелковистые волосы. И она понимала, что в этот момент как никогда близка к смерти.

Она на цыпочках бесшумно вернулась к машине, не спуская глаз со скал над головой. Певучий шелест существа то приближался, то удалялся, снова и снова. Возможно, слиит еще не почуял ее. Но в любой момент, в любой момент...

Молли села в машину и осторожно прикрыла дверцу, стараясь не щелкать замком. Тяжело дыша — частично из-за нервного напряжения,

частично из-за разреженного воздуха — она подняла коммуникатор и прошептала:

— Клифф! Ответь мне, Клифф, пожалуйста.

Но слышались только слабое шуршание слиита и еще более слабый посвист ветра на вершине. Молли закусила губу и обернулась. Она не осмеливалась выключить мотор. Тот, правда, работал негромко, но слишком близко был слиит. Удивительно, как он вообще до сих пор не засек приближающуюся машину. Но позади дорога круто уходила вниз. Если она отпустит тормоза, ее старенькая машина покажется вниз. Она будет скрипеть и хрустеть, но только когда наберет скорость. А Клифф говорил, что слиит не отходит от своей пещеры дальше, чем на несколько сотен ярдов. Сейчас она очень близко к пещере, но машина выкатилась бы из опасной зоны менее чем за минуту... А что потом? Клифф не отвечал. Она должна увидеть его... должна остановить то, что он задумал свершить вместе с этим жестоким, бесцеремонным человеком, владельцем слиита. Ближе, чем сейчас, ей никогда не подобраться, и можно ли надеяться, что в следующий раз слиит окажется в каком-нибудь другом месте?

— О, Клифф, пожалуйста, — прошептала она в коммуникатор. — Это Молли. Я должна с тобой говорить...

Послышался стук камешков, поднялось облако пыли, и Молли вытянула шею, внезапно охваченная ужасом.

Это был слиит. Огромные, с человеческую голову, глаза горели зеленым пламенем, как цифры на часах с фосфоресцирующими стрелками. Сейчас эти глаза слепо смотрели в долину. Он был грациозен, как кошка, но с удивительной неуклюжестью поплыл вниз, влекомый трансфлексным полем, цепляясь за каменное крошево предназначенными для убийства когтями. Кажется, он не заметил ее. Пока...

Молли замерла, напряженно слушая поющий шелест слиита. Его могучие мышцы перекачивались, как ртуть, под черной гладкой кожей с мелкими шершавыми чешуйками. Глаза медленно поворачивались от одной стороны горизонта до другой. Потом он снова неспешно удалился в свои

владения, и Молли осмелилась глубоко вздохнуть. «О, Клифф!» — прошептала она, но только для себя самой. Она не могла заставить себя говорить в коммуникатор, даже шепотом.

Но любой ужас постепенно проходит. Человеческий мозг никогда не остается долго настроенным даже на близкую опасность гибели. Молли вдруг почувствовала, что сидит, согнувшись в три погибели уже довольно давно. Она осторожно распрямила ноги и выпрямилась, заняв более удобную позицию на выдавшем виды пластиковом сиденье электромобиля.

Если бы только Клифф услышал ее вызов и был теперь с ней!

Если бы слиит убрался на другую сторону горы, давая ей шанс за считанные секунды безумного спринта достичь пещеры и тех, что в ней находился.

Если бы... но она понимала, что вторгается в область невозможного... Если бы бедняга Энди Квам ответил на ее мольбу о помощи и выпрыгнул из башни трансфлекса, вооруженный всем, что необходимо, чтобы остановить Клиффа, остановить его страшную затею...

Но все это было практически невозможно. Клифф ее не услышит, слиит не уйдет. Что же до Энди Квама... Даже находясь в таком ужасном положении, она не могла сдерживать улыбки. Бедный старина Энди, всегда такой трезвый и серьезный, любящий и толстенький, быстро приходящий в гнев и быстро остывающий, но всегда такой добродушный... Нет, из всех спасителей, которых только может вообразить себе обыкновенная девушка, это был наименее желаемый вариант.

Поющий шелест слиита стал громче, и она со страхом подняла глаза. Но слиит не поднялся. Она бы с благодарностью встретила сейчас даже Рифника — мрачного гиганта с рыжей бородой, союзника Клиффа по безумной затее. Она боялась Рифника, он, казалось, возвращал ее к чудовищной эпохе насилия и ярости, когда мирные города подвергались

разграблению вандалов, мау-мау резали спящих детей. Он всегда держался с ней корректно и достаточно вежливо, но в нем чувствовалось нечто, грозившее разрушением. То, чем занимался Клифф, было само по себе очень плохо! Поэтому дополнительно пугать Молли не было нужды. Создать разумное существо на атомном уровне, попытаться вывести живое мыслящее существо, состоящее из той же ткани, что и сердцевина разумных светил! И что страшнее всего — попробовать дублицировать в лаборатории тот же вид звездного разума, который превращает звезды в блуждающие, натравить его на собственных родичей, вызвать грандиозную битву энергетических вихрей и разрушительных разрядов материи.

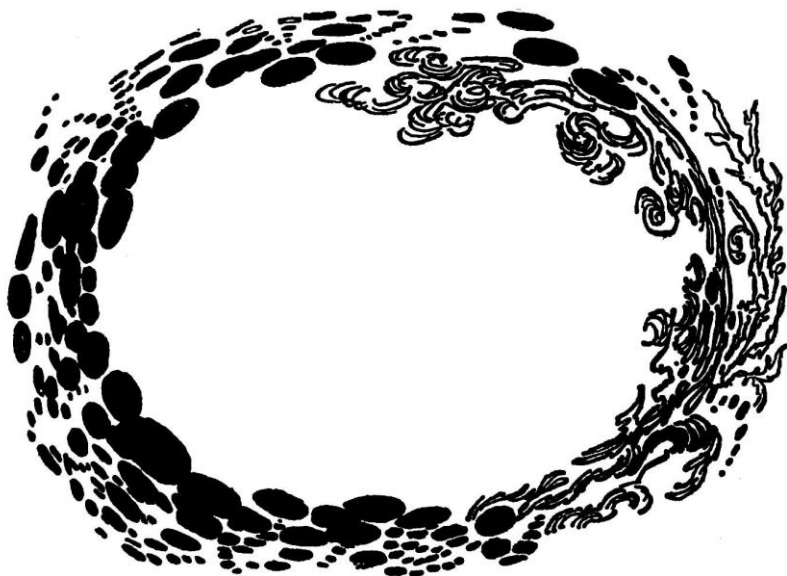
Она вдруг усмехнулась, вспоминая Энди Квама. Только вообразить себе — он против Рифника! Да он...

Молли Залдивар внезапно выпрямилась. Она вдруг осознала, что поющее шелестение слиита больше до нее не доносится. Слышалось только далекое завывание ветра. Она подождала еще немного, потом собралась с духом и тихо выскользнула из машины. Она готова была каждую секунду прыгнуть обратно на сидение, чтобы бежать — хотя это и было бы напрасно — но слиит по-прежнему не показывался.

Очень осторожно и очень тихо она сделала шаг вперед по каменистой тропе. Потом еще один. Щелкнул упавший камешек, задетый ее ногой. Она замерла, чувствуя, как колотится сердце... но вокруг по-прежнему царила тишина. Еще шаг... и еще.

Теперь она была уже на самом верху. Справа зияла пасть пещеры, оправленная в кристаллическую облицовку. Неподалеку было свалено сломанное лабораторное оборудование. И никого не было видно. Даже — особенно — слиита!

Молли быстро засемила к пещере. И в это мгновение появился слиит. Он взмыл над гребнем горы, устремившись вниз, прямо на Молли, словно брошенное копье. Она видела перед собой его огромные слепые глаза, он двигался со скоростью звука и через секунду должен был накрыть ее.

— КЛИФФ! — завопила она и бросилась к пещере. Но она не достигла ее.

Из пещеры вылетело большое облако черного дыма, образовав правильное вихревое кольцо. Сотрясение выбило почву из-под ног Молли, бросив ее на острые камни. Долю секунды спустя донесся оглушительный грохот, но Молли этого уже не слышала: взрыв, удар о камни, свирепый слиит — все это смешалось в медленное затухание всякой связи с внешним миром. Еще доля секунды — и она потеряла сознание.

Где реальность и где сон? Молли медленно открыла глаза и увидела над собой осунувшееся, покрытое кровотокающими ссадинами лицо Клиффа Хаука, ошеломленно глядевшего на нее. Она снова закрыла глаза, и кто-то — что-то, какой-то голос — позвал ее, и она увидела, что этот Некто пойман в ловушку и полон гнева, он приказал ей прийти и...

— Проснись, Молли, черт тебя подери!

— Я не сплю, мой дорогой, — сказала она, открывая глаза. Это был Клифф. — Нужно уходить отсюда, и как можно

скорее, — сказала она совершенно серьезным тоном. — Он испуган, одинок и...

— Кто? О чем ты говоришь?

Она вдруг охватила голову руками, почувствовав, как сильно она болит.

— Почему? — она в замешательстве посмотрела на Клиффа. — Я забыла.

Клифф недовольно нахмурился.

— Ты слишком сильно ударилась, — нехотя сказал он. — К тому же ты надоела. Что ты здесь делаешь?

— Я хотела остановить тебя. — Голова продолжала кружиться. Она пыталась вспомнить нечто очень важное, что загадочный Кто-то сказал ей в этом сне. Если только это был сон!

— Я так и думал. И вот что ты наделала! Как будто и без этого у меня забот мало!

Молли оставила попытки поймать мысль — беглянку.

Выражение лица Хаука внезапно стало больше озабоченным, чем сердитым. Молли явно рассказала ему то, что он и так знал. Из ссадины на лбу у него бежала вниз струйка крови, расходясь на две струйки поменьше у носа и исчезая в синеватой щетине на щеках и подбородке. От этого он был похож на недоброго клоуна. На клоуна, отягощенного каким-то очень большим страхом.

— Произошел... произошел несчастный случай. Молли, возвращайся в Мудрый Ручей.

Она покачала головой и вдруг без всякого вступления начала плакать. Хаук негромко чертыхнулся, но, когда он быстро нагнулся, чтобы помочь ей подняться, прикосновение его оказалось неожиданно нежным. Он помог ей встать на ноги и отойти к пещере. Молли безудержно рыдала, что, тем не менее, не помешало ей заметить, что пещера была превращена в настоящую мастерскую, полную блестящего металла, машин и инструментов. Над блестящим золотым шаром висела аура бледно-фиолетового свечения. Шар был помят и испачкан — очевидно, то, что взорвалось,

находилось неподалеку от него. Она слышала приглушенное завывание энерготрубы, басившей, как до-регистр паровой каллионы, затягивая энергию из воздуха. Он позволила усадить себя на шаткий лабораторный табурет, приняла салфетку и вытерла щеки и нос.

— Тебе придется вернуться домой, — сказал Клифф с грубоватой нежностью. — Как видишь, я занят.

— Тебе грозит опасность, — поправила она его. — Это очень опасно, Клифф! Оставь Блуждающую Звезду в покое! Я вернусь в Мудрый Ручей, если только ты вернешься вместе со мной.

— Я не могу. Останавливаться поздно.

— Но ты рискуешь жизнью... всей планетой...

— Молли. — Он неловко тронул ее за плечо. — Я не могу прекратить эксперимент. Даже если это будет стоить мне жизни. Даже если будет разрушен мир. Ты говорила мне правду, когда сказала, что... любишь меня? Тогда возвращайся домой и оставь меня одного.

Глава VIII

Пыхтя и отдуваясь, Энди Квам вылетел из-за угла и закричал:

— Эй, погодите! Погодите минутку, пожалуйста! Трое ребят, которых он только что заметил, весело шагали вдоль пыльной дороги. Они останавливались и достаточно вежливо и с любопытством оглядели Энди.

— Доброе утро, Проповедник, — кивнул один из них.

— Нужно помочь, да?

— Да. Я надеюсь, во всяком случае... в общем, куда все подевались?

— День Звезды, Проповедник. Большинство поклоняется. Кроме нас.

— Молодой человек, я не Проповедник. Я...

Мальчик оглядел Энди.

— Тогда почему на вас этот смешной костюм?

Квамодиан покраснел.

— Это униформа Товарищества Звезды. Я монитор Ква-
модиан. Мне нужно отыскать...

— Ух, ты, Проповедник! — Мальчик впервые высказал не-
поддельный интерес. — Товарищество Звезды! Значит, вы
летали по всем этим галактикам, верно? И видели всех этих
смешных галактожителей, с зеленой кожей, двумя голо-
вами и...

— Очень некрасиво шутить по поводу внешности других
вселенских граждан, — сердито сказал Энди Квам. — Мы все
занимаем одинаковое место в содружестве звезд.

— Ну, конечно. Ух, ты! А вы видели, как взрывается новая
звезда? А, Проповедник? Или дрались с аммиачными мон-
страми на газовом гиганте, или...

Энди Квант ничего не стал скрывать.

— Молодой человек, я занимаюсь, в основном, админи-
стративной и статистической деятельностью. Приключений
со мной не происходит вообще. Не считая вот этого.

— Сейчас? С вами?

— Даже более, чем мне хотелось бы. Происходит что-то
очень серьезное. Я ищу Молли Залдивар.

Второй мальчик, рыжеволосый и круглолицый, объявил:

— Она ушла к холмам, Проповедник. Бьюсь об заклад, ис-
кать своих друзей.

— Заткнись, Руф! Они ей не друзья.

— Ты мне это сам сказал, Роб. Только потому, что нерав-
нодушен к Молли Залдивар, ты еще...

— Я тебя предупреждаю, Руф!

— А что тут такого? Все знают, что ты в нее втюрился. И
всем известно — ей нравится парень, который живет... убери
руки!

Энди Квам поспешил расцепить драчунов.

— Мальчики, если вы собрались драться, прошу вас, подождите, пока я не узнаю все. Ты говоришь, что знаешь, где сейчас Молли Залдивар?

Рыжеволосый вырвался и отскочил в сторону, свирепо глядя на другого мальчика.

— Миль тридцать отсюда. Бьюсь об заклад, она там. Пошла к пещере, где живет этот парень, а с ним Рифник и зверюга. Когда-нибудь она его сожрет, или он сам себя прикончит. Так мой папа говорит.

— Как туда добраться? — энергично поинтересовался Энди.

— Да никак, Проповедник. Сегодня же День Звезды. Разве что вы пойдете пешком!

— Но это очень важно... Квамодиан замолчал. Вероятно, мальчик прав. По местному времени, наверное, дело уже идет к вечеру. А в полночь он все немедленно уладит. — А кто такой этот Рифник?

— Человек с Рифов Космоса, само собой. С ним рифовая зверюга. Они ее зовут слиит.

— Большущая, — неожиданно вмешался третий мальчик. — Мой брат уверяет, она может убить даже взглядом. Только посмотрит, и все.

— Уже убила трех собак, — подтвердил Руф. — Я бы к ней не подошел ни за какие деньги, — добавил он благоразумно. — Мне папа запретил.

Энди Квам задумчиво посмотрел на него.

— Уверен, ты мог бы даже мне сказать, как туда добраться.

— Мог бы.

— И мог бы даже показать дорогу, если бы захотел.

— Были бы неприятности с моим па.

— Угу. Послушайте, ребятки. У меня есть кое-какие редкие сувениры с планеты в пятой галактике. Как насчет них? Потом, вероятно, вы мне немного побольше расскажите о пещере в холмах.

Ребята шумно потребовали покатать их на флаере. Стометровое ограничение все еще пребывало в силе, но Энди Квам усадил их в кабину, закрыл дверцы и приказал флаеру подняться до разрешенного предела и там зависнуть. Это было все, чем он мог их порадовать. И этого было вполне достаточно, судя по крикам и возгласам, с какими они отталкивали друг друга от иллюминаторов.

Открывшийся с высоты вид интересовал и Энди тоже. Ведь все же это была старушка Земля, колыбель человечества. Глядя с парящего флаера, он испытал смутное разочарование. Он ожидал увидеть огромные древние города или, по крайней мере, знаменитые легендарные руины и памятники длинной истории человечества. Но он не обнаружил ничего подобного. Мудрый Ручей окружала голая красно-коричневая равнина. Сам поселок был до обидного невзрачным. Лишь церковь Звезды поражала своим видом с высоты. Звездной формы — пятиконечная — пять крыльев отходили от центрального купола. Крыши и колонны крыльев были ослепительно белого цвета, сам купол черен, как космос, и прозрачен, со сверкающими изображениями тринадцати солнц-компонентов Альмалика, медленно плывущих по своим орбитам.

— Вон мой дом, Проповедник! — воскликнул Руф. — А видите эту дорогу? Она уходит в горы. Там мисс Залдивар.

Энди Квамодиан наклонился вперед и поверх мальчишеских голов посмотрел вдаль. Поселок уютно расположился у изгиба речушки. К югу плотина создавала вытянутое узкое озеро, которое пересекала эстакада — по ней дорога уходила к высоким холмам на горизонте.

— Тридцать миль, говоришь?

— Примерно двадцать пять.

— А какой именно из холмов ты имел в виду?

— Отсюда не видно. Нужно было бы показать. А сегодня не могу показать, пока не кончится День Звезды.

Квамодиан бросил на него быстрый взгляд. Тон мальчишки был... циничным? Или просто равнодушным?

— Почему же вы не в церкви? — запоздало поинтересовался он.

Лицо мальчишки не дрогнуло.

— Мы Звезде не молимся. Мой па говорит, что для нас и старая религия хороша.

— Но Альмалик не противоречит ни одной из религий. Это совсем не мистическое учение. Это... О, вы должны все это уже знать. Это симбиотическая ассоциация звезд, людей и роботов, а также фузоритов. Вот и все.

— Конечно, Проповедник, — вежливо сказал мальчик. — Вы упоминали какие-то сувениры?

Энди Квам мог еще многое добавить, но остановил себя. В качестве монитора Товарищества Звезды он был хорошо обучен всем привычкам симбиоза, но, честно говоря, он вдруг осознал, что никогда раньше не слышал, чтобы в этих принципах сомневались. В Пятой галактике, на далеких мирах, где большая часть граждан относилась не к гуманоидам, и вообще не интересовались его взглядами. В школе скаутов, где все — номинально, по крайней мере, — совершали в Дни Звезды одни и те же обряды, даже среди поглощенных своими исследованиями ученых Эксиона 4, — повсюду он встречал или собратьев по Товариществу, или вполне сочувственно относящихся к идее симбиоза. Очевидно, он начал воспринимать этот постулат как нечто само собою разумеющееся.

Но он никогда не думал, и весь жизненный опыт не мог заставить его поверить хоть на секунду, что на планете-колыбели человеческой расы все еще может существовать оппозиция Звезде. Немудрено, что Молли Залдивар послала ему просьбу о помощи. Если эти мальчишки — типичные представители населения, то Земля мало интересуется всей остальной бесконечной Вселенной.

Пока ребята уплетали угощения, которые извлек из своей кладовой флаер, — прозрачные зеленые пастилки, которые мягко пульсировали во рту, когда их жевали,

наполняя его букетом восхитительных синтетических ощущений, — Энди Квам скромно спросил:

— Но ведь не все же здесь поступают так, как вы? Я хочу сказать, что Молли Залдивар принадлежит к церкви Звезды. И остальные тоже — иначе почему бы здесь находилась церковь?

— Да, у нас полно заклеименных звездных овечек, — охотно пояснил разговорчивый Руф, выдавливая меж зубов кусочек желеобразной пастилки. — Так их па называет. Но мисс Залдивар ходит в церковь не очень часто. Иногда ведет уроки в звезднодневной школе, но уже давно и там не появлялась, насколько мне известно.

— Во всяком случае, школа и церковь построены давно, — сказал самый высокий мальчик. — Кроме того... Великий Альмалик! — вскричал он вдруг. — Смотрите!

Первое, что подумал Энди Квам, это то, что мальчик знал о церкви гораздо больше, чем этого хотел его отец, если использовал восклицание «Альмалик», чтобы выразить свои чувства. Во-вторых, как он тут же понял, это не имело никакого значения. На лице мальчишки отразился такой страх и недоумение, что Квамодиан быстро обернулся, глядя в ту сторону, куда указывал мальчуган.

И он увидел его. Мирная картина долины в День Звезды была нарушена. Он увидел длиннющий шнур огня, который, казалось, тянулся от самого багрового диска садящегося солнца, что сразу напомнил ему о жуткой Блуждающей Звезде. Словно чудовищная змея, шнур этот извивался кольцами на фоне безмятежного летнего неба, яростно пробиваясь сквозь белые кучевые облака, уплывавшие в сторону гор.

— Проповедник! — закричал перепуганный Руф. — Что это?

Но Квамодиан и сам этого не знал. Это очень походило на плазменный эффектор нейротранзитного звездного интеллекта, не считая того, что шнур был слишком огромен, слишком ослепителен. Словно огненная змея, атакующая с

небес, он собрался кольцами и ударил, и еще трижды бил по низким далеким холмам.

Тонкая колонна дыма поднималась из неглубокой проплешины, куда ударил огневой звенящий змей.

Вскоре глухой гром докатился до них с неба. Могучее грохотание укатилось прочь, оставив долину вновь залитой мирными лучами солнца в безмятежный вечер безмятежного Дня Звезды.

— Проповедник? «Что это было?» — спросил один из мальчиков, но Квамодиан мог лишь недоуменно покачать головой. Вдруг челюсть его отвисла, глаза расширились.

— Холмы! — прохрипел он. — Вы сказали, что в этих холмах...

— Да, Проповедник, — прошептал мальчик. — Там пещера. И именно там должна сейчас находиться Молли Залдивар.

Глава IX

Далекий голос продолжал шептать что-то Молли, хотя она не могла разобрать, что он говорил и кто это был. Но в голосе этом чувствовалась жуткая боль. Это был крик существа, охваченного мукой и болью.

Клифф Хаук продолжал что-то говорить ей грозным и даже угрожающим тоном. Он требовал, чтобы она ушла, предупреждая об опасности.

— Конечно, это опасно! — вдруг воскликнула она. — А почему, по-твоему, я пришла сюда? Я хочу остановить тебя!!!

Он вздохнул, глядя на нее. Его лицо избородили глубокие морщины. Молодой, сильный и ловкий, он за последние несколько недель жутко состарился.

— Ты хочешь остановить меня, но ведь ты даже не знаешь, чем я занимаюсь.

— Это можно исправить.

Он отвел взгляд. Немного спустя он повернулся к окруженному фиолетовым свечением шару и принялся рассматривать его, все еще продолжая молчать. Потом сказал:

— Мы ищем иной разум. Разум, который не состоит в транзитном контакте с другими разумами интергалактической цивилизации. Рифник и я, мы построили собственный прибор... очень чувствительный. Сначала мы вступили в контакт с мозгом испуганного ребенка, потерявшегося в пустыне на одной из новых планет в галактике 9. Но самые странные существа — это Блуждающие Звезды.

— Что это такое?

Он задумчиво потрогал корку запекшейся крови у себя под носом.

— Одиночные мыслящие звезды, — сказал он. — Они не принадлежат к цивилизованному сообществу. Большинство из них, с кем мы связались, находятся за пределами нашего галактического скопления, на огромном расстоянии. И почему-то, — он сделал паузу и пожал плечами, — большинство из них приходят в ярость или, наоборот, бояться контакта с нами. Но одна, за Эксионом... — он замолчал.

Молли вздрогнула. Она попыталась припомнить что-то ускользающее от ее внимания.

Клифф Хаук уже увлекся, он словно читал лекцию, взгляд его был устремлен куда-то в бесконечное пространство космоса.

— Все думающие машины — схожи между собой. Будь это мозг человека или скопление фузоритов, или разумное солнце, или электронный робот. У них всех есть общие черты. У великого множества мыслящих организмов и машин есть устройство для ввода информации — начиная от органов чувств и кончая декодирующими записями или плазмосенсорами. У всех есть устройство хранения информации — магнитные субстанции или клетки-нейтроны, или вращающиеся электроны. У всех есть логические решающие устройства-синапсы, электронные или транзитные матрицы. У всех должно быть еще и устройство выхода — орган

движения конечности, серводвигатель или плазменный эффектор.

Он замолчал, задумавшись, прислушиваясь к гудению энергополей.

— Дальше, милый. Как же отличаешь ты Блуждающую Звезду от потерявшегося мальчика?

Клифф Хаук заколебался, стараясь соотнести присутствие девушки с тем, что он собирается рассказать, но она жестом подбодрила его, предлагая продолжать.

— Наша Вселенная, находящаяся в динамическом равновесии, бесконечна, — проговорит он. — И это на самом деле так. Нет ей конца. И не только в пространстве-времени, но и структурно, по сложности. — Озабоченность и чувство обиды вдруг исчезли с его лица, словно поглотившая его теория поглотила и их. Взрывающиеся галактики-квазары были первым тому подтверждением. Это были галактические взрывы, вызванные крайней концентрацией массы. Пространство претерпевало возмущения, сжималось в «карманы» вокруг сверхплотной сокращающейся сердцевины галактики. Когда плотность достигала достаточной величины, такой карман захлопывался, отделяясь от нашего пространственно—временного континуума.

Теперь он полностью был поглощен рассказом. Молли уловила далекое шелестение, вспомнила о слиите и вздрогнула. Неужели страшное создание до сих пор бродит вокруг? Но она осмелилась прервать Клиффа.

— Тот взрыв, который наблюдаем мы, — монотонно продолжал он, — является результатом расширения оставшейся галактической оболочки, когда она освобождается от воздействия гравитации потерянного участка. Каждый замкнувшийся участок превращается в отдельную замкнутую четырехмерную вселенную, расширяющуюся путем постоянного создания материи и пространства, пока ее собственные повзрослевшие галактики не начнут сокращаться до гравитационного лимита, грозя создать новые вселенные.

От входа, в пещеру вползали красноватые сумерки, смешиваясь с фиолетовым свечением короны золотого шара. Постепенно темнело, и уже трудно было что-либо разобрать внутри пещеры. Молли беспокойно задвигалась, подавив вздох.

— Но Блуждающие Звезды, — продолжал Клифф Хаук, — находятся в нашем континууме. Или нам так кажется, или...

— Или ты слишком много болтаешь! — прогремел новый голос, и Молли Залдивар стремительно обернулась, обнаружив позади медведеподобного мужчину с грязной рыжей бородой, который пристально смотрел на них, стоя у входа в пещеру. В красном свете заходящего солнца вид у него был угрожающий. Но куда более грозным был вид огромного, постоянно находящегося в движении существа рядом с ним. Это был слиит.

Клифф Хаук зажмурился, открыл глаза и вернулся к действительности. Какую-то секунду он, не узнавая, смотрел на Молли Залдивар, словно позабыв, что она была здесь. Казалось, он поражен, обнаружив Молли перед собой в пещере. Но мгновением позже все его внимание сконцентрировалось на мужчине, стоящем у входа в пещеру.

— Рифник, что скажешь? Сильные повреждения?

Рифник безмолвно усмехнулся, приоткрыв похожий на щель тонкогубый рот, сверху обрамленный грязными рыжими усами, снизу — неопрятной бородой.

— Весьма сильные, — сказал он. — Но мы не утонули. Что произошло?

— Я... я... — он снова бросил взгляд на Молли Залдивар. — Я как раз подошел проверить показания приборов в пещере, когда услышал крик Молли и...

— И ты забыл обо всем остальном и устремился к ней. Да, это понятно. Смазливое личико для тебя значит больше звезды, конечно.

Хаук тряхнул головой.

— Я уговаривал ее вернуться обратно в поселок.

— Несомненно. Потому-то ты и читаешь девице лекцию, как детям в школе в День Звезды, не так ли? — он похлопал слиита по массивному боку. — Мы это понимаем, верно?

Хаук смотрел на Рифника со смешанным выражением гнева и неловкости. Потом повернулся к Молли.

— Извини, — сказал он, — но Рифник прав. Тебе придется вернуться в Мудрый Ручей.

— Нет! Пока ты не скажешь мне, что вы здесь делаете, я...

— Послушай, девица, он тебе уже давно сказал, — пророкотал Рифник. — Как, по-твоему, к чему этот словесный поток, который он извергал на тебя, когда я вошел? Больше тебе и не нужно знать. На мой взгляд, ты знаешь даже больше, чем нужно.

— Но все, что он рассказал, для меня не имело смысла, — настаивала Молли. — Каким способом он собирается войти в контакт с Блуждающей Звездой?

Огромная голова Рифника затряслась от смеха.

— В контакт? Да, видимо, Клифф тебе не все рассказал. Мы не ищем контакта, да будет тебе известно. Мы создаем свою собственную Блуждающую Звезду!

Голос Клиффа Хаука нарушил потрясенную тишину, наступившую после слов Рифника.

— Да, Молли, это правда. Или очень близко к ней. Мы не можем прямым путем общаться с блуждающими. Мы пытались навязать контакт тысячи раз — это не в наших силах. Соломон Скотт пытался добраться до одной из них. Он так и не вернулся назад. Но мы можем... я думаю, что можем... построить нечто вроде аналога. Или маломасштабную имитацию, если хочешь, можно назвать и так. И через нее мы, возможно, уже здесь, на Земле, сможем связаться с ними. Узнать то, что мы желаем знать.

— Но это же опасно! — протестующе воскликнула Молли. — Разве Блуждающие Звезды не опасны до предела?

— Абсолютно, малышка! — загрохотал Рифник. — Посмотри вокруг, на эту пещеру. Разве тут есть что-то опасное?

— и его хохот заполнил пространство пещеры, заглушая далекие завывания ветра и шум машин.

— Для того, чтобы дублировать структуру Блуждающей Звезды, — с неловкостью сказал Клифф Хаук, — нам пришлось воссоздать иннекторные параметры окружающий звезду среды. Не все, конечно, и не в полной степени. Но нам были необходимы высокие давления и температуры... Вот, как видишь, не обошлось без небольшой аварии.

— Да, очень небольшой! — вспыхнула Молли. — Ты едва не погиб, и я тоже, между прочим.

— Вот поэтому я и хочу, чтобы ты вернулась в Мудрый Ручей, Молли. Именно сейчас, до того, как ...

— Прекрати! — воскликнула Молли. — Я не уйду отсюда. Я боялась, что ты занимаешься опасными экспериментами, и потому послала Эн... впрочем, неважно. Но теперь я знаю наверняка, и я не уйду, пока ты не прекратишь свои жуткие опыты.

— Невозможно. Я отведу тебя домой.

— Нет!

— Великий Альмалик! — вскричал Клифф, и, вероятно, впервые за последние несколько минут на его лице отразилось некоторое оживление эмоций. — Что на тебя нашло? Ты что, не понимаешь, что я не могу оставить тебя здесь? Почему ты не хочешь вернуться домой?

— Потому что я люблю тебя, идиот! — воскликнула девушка и зарыдала.

В пещере повисло молчание, и даже Рифник ничего не сказал, хотя глаза его весело помаргивали под кустистыми бровями, а бородатое лицо усмехалось, пока он наблюдал за этой сценой.

— Что-то... случилось, — шепотом сказала Молли. — Клифф, мне страшно.

Клифф поднял нахмуренное, сердитое лицо. Он прислушался, словно старался уловить какой-то звук, который все время ускользал за границу зоны слышимости.

В проеме входа постоянно кружил на одном месте слиит, и мерцание его трансфлексионного поля бросало отблески на его черную, как ночь, шкуру. Рифник бросил взгляд на животное и отвернулся.

— Девица, — пророкотал он. — Ты не ошиблась. Слиит перепугался. Знаете, что я думаю? К нам пожаловал гость.

Глава X

Глубоко под пещерой проходил туннель, пробитый древними строителями минувшего тысячелетия. От основного ствола отходили боковые ветви, где напрасно старались обнаружить золотую или серебряную руду, так никогда и не найденные. Десять веков эти туннели пустовали, пока не появились Клифф Хаук и Рифник, чтобы заполнить их своими машинами и приборами, с помощью которых собирались вывести невиданную на старой планете форму жизни, которая послужила бы им средством контакта с Блуждающими Звездами.

В одном из боковых туннелей, в обширной подземной полсти, которую эти люди расширили и укрепили сталью и рефлексионными полями, царили сверхвысокая температура и давление. Вся энергия, добываемая воющей энерготрубой, уходила в эту камеру, как в воронку, поддерживая жизнь раскаленной сверхплотной плазмы. Зато был инкубатор, в котором должна была зародиться новая жизнь.

И задуманное удалось.

Там, внизу, в темноте, жаре и сплюсчивающих объятиях давлений зашевелилось Нечто. Сначала Оно почувствовало боль. Оно родилось в месте, где раньше не существовало ничего, подобного Ему. И место это с самого начала было враждебным всякой форме жизни, похожей на Него. Оно шевельнулось и протянуло вперед щупальце-зонд энергии. Зонд коснулся укрепленной трансфлексионными полями

стальной стенки камеры, которая поддерживала постоянную температуру и давление в окружающей плазме среде, и отдернулся. Я в ловушке, сказала Оно себе. Я не хочу быть в ловушке. И в следующее мгновение Оно принялось глубоко размышлять над вопросом, что значит «я». Это потребовало несколько тысяч микросекунд — долгий срок в Его жизни, которая уже началась, но лишь мгновение по стандартам людей, по меркам мира за пределами камеры, пока еще неизвестного. Наверху Клифф Хаук всматривался в показания своих приборов, устремляясь в галактики за миллионы световых лет от Земли. Еще выше в пещере проверял свои энерготрубы и приборы бородатый Рифник, в то время как его слиит неустанно крутился возле вершины гор. А внизу под склоном Молли Залдивар только что успела покинуть свой старенький голубой электромобиль и начала осторожно пробираться к выходу в пещеру.

В этот момент Нечто, зародившееся в сгустке плазмы, заключило первый серьезный этап размышлений выводом, достойным Декарта: я не знаю, кто я есть, но я знаю, что я есть Нечто, способное выяснить, кто я есть на самом деле. И уже экспериментальным путем оно принялось искать дальнейшие решения. Собрав энергию, Оно направило ее на стальную оболочку, сковывавшую Его в замкнутом пространстве. Удар был силен — Оно не думало о безопасности, инстинкт самосохранения в Нем еще не проснулся. Оно также не было запрограммировано и на характер последствий этого удара на окружающую среду.

Удар пробил оболочку.

Плотная горячая плазма прорвалась в пещеру, сотрясая весь холм, уничтожая галерею, плавя металлические стенки, оберегавшие Его. Потом Оно умерло — приток энергии от энерготруб мгновенно прекратился. Что спасло холм и всю округу от уничтожения. Наверху, в пещере-мастерской от сотрясения произошли многочисленные короткие замыкания, начался пожар, в десятке приборов произошли вторичные, менее опасные взрывы. Взрыв швырнул Молли

Залдивар на каменный грунт склона, ранил металлическим осколком Клиффа Хаука и бросил Рифника на колени, и тогда он, завопив от ярости и боли, призвал на помощь своего слиита.

Но существо, родившееся в плазме, не совсем умерло, факт случившегося оно зарегистрировало в биллионах биллионов своих электронов без всякого удивления. Оно еще не совсем твердо знало, что живет, и потому не боялось смерти. Оно висело в коридоре, поддерживаемое теперь собственным трансфлексионным полем, окруженное вихрем едкого дыма и яркого сияния. Теперь оно уже не зависело от окружающей среды.

Оно было свободно.

Теперь его энергозонды проникли дальше, гораздо дальше, чем раньше. Оно раскинуло их наружу, на склоны горы, коснулось погрузившегося в беспмятство разума Молли Залдивар. Та застонала в испуге и попыталась открыть глаза. Зонд проник в примитивные мысли слиита. Он изучил Клиффа Хаука и Рифника, отбросил прочь изучение неживого камня и металла в горе. Затем потянулся к человеческим созданиям в поселке Мудрый Ручей. Нашел, что особого внимания они не стоят, пробежался по мириаду людей, пчел, черепах, собак, дельфинов, обезьян, слонов, населяющих Землю, оставив этот предмет для изучения в будущем, протянулся к Луне и другим планетам, потом изменил форму и коснулся самого Солнца.

Лишь мельком, очень коротко, зонды его коснулись другого сознания, похожего на его, сознания иной Блуждающей Звезды, очень бесконечно далекой. Смутно, на половину наносекунды, он слился с чувствами этого счастливого наблюдателя.

И все это в первые секунды свободы.

Потом энергетические зонды вернулись обратно, и существо, только что рожденное, замкнулось в себе, чтобы снова подумать. Потому что некоторые из вещей, о которых Оно узнало, вызвали у него определенные чувства. Оно не могло

разобраться в природе этих чувств, но поняло, что они имеют определенную важность. Частично они были приятными — они были рождены знакомством с личностью, имени которой, Молли Залдивар, Оно еще не знало. Другая часть, вызванная контактом с далеким разумным существом, в котором Оно еще не научилось распознавать Солнце, была неприятной. Слово «страх» существо еще не знало, иначе употребило бы именно этот термин. Чтобы изучить это чувство, Ему требовалось время. Оно замкнулось само в себе и задумалось на долгие микросекунды.

Через некоторое время существо снова исторгло из себя зонд. В окружении его находились некоторые другие элементы, которые оно пропустило при первом обследовании. Теперь ему требовалось больше информации. Оно снова коснулось сознания слиита, но на этот раз продлило контакт, изучая зверя более досконально. В простом конгломерате из нервных клеток и запечатленных в них электрохимических зарядных матриц существо обнаружило нечто, заинтересовавшее его, что оно могло использовать. Но поблизости имелись еще более простые конгломераты. Существо протянуло зонд немного дальше и коснулось брошенного электромобиля Молли, коснулось большой машины на рельсах, которую Рифник и Клифф использовали для перевозки земли и тяжелых инструментов. Оно ощущало аппараты и оборудование в самой пещере и почувствовало присутствие иного, похожего на себя существа, находившегося очень далеко, на бесконечном расстоянии.

Энергозонды, немного помедлив, снова были втянуты существом, испускавшим ослепительный свет и нестерпимый жар в подземной галерее. Для раздумий требовалось новое время. Существо хотело разобраться во всем, что происходило у него внутри, когда оно исследовало эти вещи. Оно еще не научилось называть это вздрагивание внутри «голодом».

Клифф Хаук поднял голову, оторвав взгляд от покрытого колпаком прибора, и крикнул:

— Рифник! Ты прав! Поблизости появилось нечто, чего раньше здесь не было!

Рифник медленно кивнул своей массивной головой.

— Вопрос — что это такое?

Молли Залдивар поднялась на ноги и схватила Хаука за руку.

— Пожалуйста, милый, не надо! Ты и так зашел слишком далеко. Лучше вызовем помощь, пока не слишком поздно.

Он нетерпеливо повел плечом, стряхивая ее руку, но она не собиралась отступать так далеко.

— Клифф, пожалуйста! Я боюсь. Я почувствовала здесь что-то непонятное, и оно меня напугало. Позволь мне вызвать Энди Квама...

Он вздернул голову, свирепо глядя на Молли.

— Квамодиан? Он на Земле?

— Я... Я думаю, да. Клифф, я послала ему сообщение, потому что очень беспокоилась.

Клифф Хаук отрывисто захохотал.

— Малыш Энди Квам? Ты думала, что он сможет помочь нам в этом деле?

Он покачал головой, полностью уничтожая всякое значение существования бедняги Квамодиана, и повернулся к Рифнику:

— Может, что-то с инкубатором? Ты был в нижних галереях?

Рифник покачал косматой головой.

— Нет, но я проходил мимо пещеры, энерготрубы крутились без нагрузки, и я переключил их. Но внизу что-то горело.

— Идиот! — фыркнул Клифф. Он нагнулся, поворачивая выключатель. Вмонтированный в стену перед ним ряд смотровых экранов тотчас же ожил, показывая вход в пещеру на нижнем уровне, скопления машин, каменную стену в конце галереи и... и ничего больше. Пять остальных экранов не показывали ничего, кроме скачущих белых полос фона с передатчиков. Внизу, в самой нижней каверне, парило в смерче

дымного пламени новорожденное существо. Выжженные объективы камер слепо глядели на него. Существо, родившееся из плазменного резервуара, завершило очередной период раздумий и вытянуло новый зонд. Он тянулся к Солнцу. Оно решило, что что-то нужно предпринять перед лицом опасности, какую представляло для него Солнце. Существо в каверне весило примерно унцию с половиной. Масса Солнца составляла $2 \cdot 10^{33}$ граммов. Треть массы планеты Земля, умноженной на миллион. Но плазменное существо не придавало особого значения этому соотношению.

Молли Залдивар вздрогнула и отодвинулась, ушибы начали причинять ей заметное беспокойство, а Клифф Хаук, кажется, вообще забыл о ее существовании. Он и этот ужасный Рифник с загорелым дочерна, покрытым шрамами лицом принялись орать друг на друга, тыкать пальцами в ряд дрожащих стрелок на индикаторах, которые еще работали, и вообще вели себя, как безумные. Молли Залдивар не пыталась уловить смысл того, о чем они говорили. Она только поняла, что произошло нечто исключительное. И ничего хорошего оно не обещало, в этом Молли была уверена. Глаза ее расширились.

— Клифф! — воскликнула она. — Слушай!

(За последние микросекунды плазменное существо значительно усовершенствовало свои навыки и умения. Пока один невидимый зонд тянулся к Солнцу, оно выпустило еще несколько других. Один из них вошел в контакт с простейшим матричным существом, которое оно обнаружило на вершине горы.)

— Что такое, Молли? — Клифф был в раздражении, но она не понимала этого и не могла заставить себя молчать.

— Послушай там, снаружи! Это же моя машина! Она завелась!

Теперь все трое слышали далекий вой электромотора. Они бросились к выходу из пещеры. Слиит беззвучно отскочил в сторону, давая им дорогу, и устоялся на тройку людей своими огромными фосфоресцирующими глазами.

Маленький голубой электрокар Молли тронулся с места и теперь направился вверх по склону к пещере. За рулем никого не было. Слиит вдруг ринулся к машине, отскочил и, как стрела, вернулся обратно к пещере.

— Спокойно, малышка! — крикнул Рифник. Потом сердито повернулся к Клиффу. — Животное что-то почуяло. Осторожней! Я не могу его сдерживать, когда...

Но эта угроза исчезла еще до того, как Молли успела осознать ее. Потому что случилось нечто более ужасное, и это застало их врасплох.

Красноватые сумерки снаружи вдруг вспыхнули ослепительным белым огнем. Что-то ударило в гору, бросив людей друг на друга и на каменный пол. Свет померк, потом снова вспыхнул, опять померк и вспыхнул. И третий удар был таким яростным, что Молли Залдивар снова оказалась погруженной в беспамятство. Погружаясь в темноту обморока, она услышала, как Рифник заорал:

— Великий Альмалик! Солнце! Нас ударило Солнце!

Глава XI

По телу Квамодиана пробежала зябкая дрожь. Склонившись поверх голов мальчиков, которые сгрудились у окна флаера, он прикрыл ладонью глаза, рассматривая тонкий столб дыма, поднимавшийся среди холмов, погруженных в голубоватую дымку. Мальчики придвинулись ближе к нему, побледневшие и испуганные.

— Проповедник, кого оно ударило? — спросил шепотом темноволосый мальчик. — Кто-то пострадал?

— Не знаю, — ответил Андре Квамодиан. Он застонал и хлопнул кулаком по небьющемуся стеклу. — Но я должен выяснить это.

— Это сделало Солнце, — почти беззвучно прошептал Руф. — Я видел. Оно ударило в пещеру Рифника.

Энди Квам. не отрывая взгляда от тонкого столба дыма, поинтересовался:

— Кто такой этот Рифник?

— Человек с Рифов Космоса. Он живет в пещере на склоне Волчьей Впадины. Как раз там, где сейчас поднимается дым. Он и его слиит.

Квам мельком глянул на мальчика.

— Слиит?

— Это зверюга из космоса. Охотничья. Рифник поймал ее еще щенком и приручил. Мой дядя говорит, что он на ней теперь ездит, но я не видел. Клифф Хаук на слиите точно не ездит. Это наверняка. Никто не осмеливается прикоснуться к слииту, кроме Рифника.

— Слиитов выводят для охоты на пироподов, — вдруг заговорил меньший из мальчиков. — Слиит способен поймать пиропода и разорвать на мелкие кусочки.

— Какое мне дело до слиита, — свирепо ответил Энди Квам. — Или этого Рифника. Какое отношение ко всему этому имеет Клифф Хаук?

Руф пожал плечами.

— Его воспитывал Рифник. Его мама заболела, и Рифник привез ее на Землю, еще до рождения Клиффа. Потом он послал его в космос, чтобы тот учился на инженера-трансфлексионника. Так мой па говорит.

— А что еще рассказывал твой па о Клиффе Хауке?

— Говорит, будто Хаук что-то строит для Рифника. Тайно. И что они занимаются контрабандой. Точно неизвестно, какой именно, но они привезли сюда машины, которые люди не должны иметь без разрешения Звезды.

Самый маленький мальчик вдруг сказал:

— Я хочу вниз, хочу в школу Звездного Дня.

— Джей! Мы сказали, что не ходим...

— Заткнись, Руф! Я хочу спросить у нашего учителя, что это за штука ударила в холм. Мне страшно, а Марк знает все. Я хочу спросить его.

Рыжеволосый мальчик посмотрел на Энди Квама и пожал плечами.

— Марк — это робот, — пояснил он. — Возможно, Джей прав. Марк мог бы рассказать что-нибудь полезное.

Пальцы Энди инстинктивно потянулись к пульту управления, но флаер, прислушивающийся к разговору, уже предугадал его намерение и спустился к земле.

— Я отведу тебя в школу. «Джей», — энергично сообщил Энди Квам. — А ты покажешь мне дорогу. Я тоже хочу знать, что происходит.

Они быстро шагали по посыпанной гравием дорожке в свете тринадцати разноцветных солнц, составляющих Аль-малика, плывших в космически черной глубине купола церкви. Джей провел Квамодиана по погруженным в темноту проходам к учебному классу, где преподавал робот Марк.

Комната была почти пуста, лишь десятка два празднично одетых ребятишек сидели группкой в одном конце, а группка поменьше и не так ярко одетая скептически посмеивалась с задних парт в другом конце. Робот сделал паузу, приветствуя вошедших.

— Входите, ученики. Мы как раз слушаем замечательную историю Посетителей, которые принесли дикарям прошлого драгоценные дары. Пожалуйста, садитесь.

Трое мальчиков тихо опустили на свободные места на боковой скамье, где помещались дети тех, кто так и не принял Звезду, одетые в унылого вида тканевые костюмы, поношенные и полинявшие. Квамодиан прошел дальше по проходу, туда, где сидели ярко наряженные дети принявших современную цивилизацию родителей. Они занимали передние скамьи. Квамодиан остановился прямо перед роботом.

— Инспектор, мне жаль, что я перебил вас, но...

Робот висел над ним в комнате. Его блестящий черный корпус отражал все, происходившее в комнате. Плазменное

щупальце, замерев, метнулся в сторону Квамодиана, сканируя его лицо.

— Сэр, вы не можете нас прервать, — мелодично сообщил он, и голос отозвался звонким эхом, словно горсть камешков была брошена под низкий голубой купол комнаты.

— Нет, инспектор, имею право. Я превосхожу вас званием. Я — монитор Товарищества Звезды Андре Квамодиан.

— Даже в этом случае, — затрезвонил робот. — Сегодня вы не имеете права приказывать мне. По новому соглашению в День Звезды допускается не подчиняться официальным приказам, если таковые нарушают отправление добровольных религиозных обрядов. Мое преподавание в этом классе — добровольный религиозный обряд.

Но Энди Квам стоял на своем, презрительно не обращая внимания на плазменный эффектор, которым робот пытался заставить его сесть на место или уйти.

— Робот, случилось чрезвычайное происшествие. — Он услышал возбужденный говор детей и заговорил потише. — Чрезвычайно серьезное, как я опасаюсь. Только что в ближайшие холмы ударили два плазменных разряда с Солнца. Могли пострадать люди. Возможно, даже погибнуть.

Осторожно, но непоколебимо плазменный эффектор свернулся кольцом вокруг плеча Квамодиана и заставил его вернуться к скамьям, несмотря на сопротивление.

— Вам придется подождать, сэр, — пропел робот под несмолкаемое перешептывание довольных развлечением детей. — Присаживайтесь и успокойтесь. Теперь внимание, я продолжаю рассказ о Посетителях и чудесных дарах, которые они принесли людям.

Энди Квам чертыхнулся про себя, но было ясно, что упираться не стоит. Он гордо прошествовал в дальний конец класса, где Руф встретил его одобрительной ухмылкой.

— Так его, Проповедник! Мы тоже не очень жалуем этого робота.

— Тише! — со свирепым видом одернул мальчика Энди. Он сел на скамью, продолжая мрачно пожирать глазами

темный продолговатый корпус робота, на котором сверкал серийный номер, как раз под эмблемой, изображающей орбитальный узор Альмалика. Возможно, сегодня с роботом справиться трудновато, но завтра будет совсем иное дело.

— Фузориты, — мелодично вещал робот, втянувший плазменный эффектор и всплывший теперь еще выше к голубому куполу, — еще более древняя, чем звезды, форма жизни. Это замечательные существа. Они микроскопических размеров и черпают энергию жизни, сливая атомы водорода в термоядерной реакции синтеза. Они так давно эволюционировали в космосе, что сейчас насчитывается миллион различных видов этих существ. Рифы Космоса были построены из атомов, которые были синтезированы определенным видом этих существ. Посетители, особая разновидность фузоритов, в качестве симбиотов способны жить в крови таких существ, как люди.

— Клопы! — прошипел рыжеволосый мальчик, наклоняясь к Квамодиану. — Мой па говорит, что они просто паразиты, и дело с концом.

— Удивительное сотрудничество людей и фузоритов, — заливался сладкоголосый робот, — приносит выгоды обеим сторонам. Никто не остается обделенным, ибо Посетители удивительно мудры и справедливы. Им удалось создать транзитные интеллектоматрицы, которые связывают в единое целое все их колонии, соединяя их с мыслящими звездами. Таким образом, мы все объединены в единого множественного гражданина Вселенной, называемого Лебедь, ведущей звездой которого является Альмалик.

— Порабощены — вот что это значит, — прошептал рыжеволосый.

— То есть, — пел робот, и его плазменный овал ритмично пульсировал, — мы присоединяемся к нему, если примем дар Посетителей. В единый день посвящения в союз Звезды яркими золотыми искрами загораются они на вашей коже. Их колонии проникают в каждую клетку вашего тела. Они уничтожают всех паразитов и все больные клетки и будут

поддерживать ваше тело в вечно молодом состоянии. Они принесут вам полнейший покой и вечное счастье. В этом и заключается дар Посетителей.

— Чушь собачья! — прошептал рыжеволосый. — Проповедник, почему вы не заставите его заткнуться?

— И сегодня вместе с нами в День Звезды, — поющий голос робота стал выше и громче. — Да, дети, нам повезло, мы благословлены Посетителями. Потому что сегодня с нами монитор Товарищества Звезды!

Подобно молнии, бледно светящийся эффектор ринулся вперед и превратился в поток яркого света, заливший лицо Энди. Все дети повернулись в его сторону.

— Ибо великий Альмалик может лишь помогать нам, направлять нас по верному пути, но не может оберегать наши права и сразиться за них. Вместо него сражаются члены Товарищества — монитор Андре Квамодиан, а также ваш верный слуга.

Энди Квам подавил гневный порыв. Его разрывали два противоположных побуждения — желание гордо покинуть комнату и желание вскочить со скамьи и при всех разоблачить этого своенравного робота, который рассуждал об обязанностях, а на деле отказался помочь перед лицом чрезвычайно опасного происшествия, когда могли пострадать и даже погибнуть люди.

— Конечно, — деликатно добавил робот, — монитор Квамодиан и я — мы можем на некоторые вещи смотреть с разных точек зрения. Иногда. Иногда один из нас, возможно, ошибается. Но это справедливо, ибо неизмеримый звездный мир показывает, каким объединяющим началом является этот плодотворный союз, сторицей награждающий присоединившихся к нему.

Примерно секунду робот парил безмолвно, словно зачарованный собственными словами, а бледный плазменный овал застенчиво поголубел на мгновение.

— Итак, на сегодня мы закончим, — сказал он наконец. — Дети, вы можете идти. Монитор Квамодиан, благодарю вас, что вы посетили нас.

Энди Квам сердито протиснулся сквозь стойку покидающих комнату детей к первому ряду и остановился перед роботом.

— Инспектор! — воскликнул он. — Как вы можете рассуждать о борьбе за права граждан-симбиотов, если даже не желаете помочь мне в таком важном деле?

— Терпение, монитор Квамодиан, — промурлыкал робот. — Да, существуют еще порочные люди и звезды, отвергающие всеобщее добро. Я с радостью присоединяюсь к вам в противостоянии этим силам. Но по нашему соглашению в День Звезды...

— Это такой же день, как и все остальные! — не выдержав, заорал Энди. — Какие-то жулики задумали что-то совершить с Блуждающими Звездами! Грозит большая опасность всем нам, и она не будет ждать удобного для вас момента, чтобы вы...

Робот молча покачивался на своем трансфлексионном поле, словно раздумывал, что ему делать. Он выпустил наполовину сформированные эффекторы, потом втянул их. Плазменный овал быстро и последовательно поменял несколько расцветок.

— Ситуация очень серьезная, монитор Квамодиан, — наконец сказал он.

— Вы даже не подозреваете, насколько серьезная, — с горечью отозвался Энди Квам. — Неужели вы меня не слышали? Три плазменных разряда с Солнца! Это невозможно для любого члена сообщества Лебедь, если только не было спровоцировано... Что-то очень опасное, очень серьезное происходит в тех горах.

— Мы отметили этот феномен, — мелодично согласился робот. — Возможно, это даже серьезней, чем вы думаете, монитор Квамодиан.

Энди Квам, пораженный, замолчал. Может, робот связался со старшим монитором Клотильдой Квай Квич?

— Говорите, более серьезно, чем я думаю? Что...

— Но тем не менее, — продолжал робот, — соглашение остается в силе. Вы не можете заставить меня действовать сегодня. И я советую, мы настойчиво вам советуем, чтобы вы не предпринимали каких-либо действий без нашей помощи. Видите ли, монитор Квамодиан, мы сознаем присутствие великой опасности, о которой вы даже не подозреваете.

— Т-т-требую эти сведения! Немедленно! — запинаясь, провозгласил Энди.

— В соответствии с соглашением... — запел робот.

— К дьяволу соглашение!

— В соответствии с соглашением, — бесстрастно повторил робот, — вы не можете требовать. Я могу помочь вам, но добровольно, что будет частью моего добровольного исполнения религиозных обрядов в День Звезды!

Он подумал еще секунду, а тем временем по его плазменному овалу в бешеном темпе пронеслись разные цвета. Потом овал загорелся ярким, почти золотым светом.

— С этой точки зрения, — пропел он, — я выбираю содействие вам, монитор Квамодиан. Я сейчас же доставлю вас к месту удара разрядов. Ибо воистину нам грозит опасность. В том месте рождена Блуждающая Звезда, Она живет и растет!

Глава XII

Существо успело вырасти за это время. Вырасти, хотя его эффе́кторы еще не достигли Солнца и тройной ответ последнего тоже был еще в пути. Оно миновало декартовскую стадию с его «Я мыслю, следовательно, я существую» и, возведя этот краеугольный камень, предпочло пока отложить

исследование самого себя и заняться вместо этого исследованием окружающего мира.

Темнота, одиночество, частицы. Оно обнаружило, что некоторые частицы организованы в микроструктуры. Существо не знало определения «материя» или «вещество», но сразу сообразило, что все эти частицы действуют как векторные отрезки-мириады вихрящихся заряженных частиц, результирующих в какой-то средней силе, среднем направлении. Тепло, излучение. Оказавшись без теплой оболочки своего инкубатора, существо принялось отыскивать новые источники энергии, подключаться к ним, использовать их, овладевать ими.

И я двигаюсь, подумало Оно, и это была подлинная мысль, соединяющая в себе понятие «я» как такового и как производителя действия. Оно медленно плыло вдоль туннеля в глубинах горы в поисках новых ощущений и новых сил. Тяготение, гравитация, подъем. Оно проникало сквозь материальные препятствия или сметало их на своем пути. Позади существа оставались уничтоженные догорающие двери и ряды полок с инструментами и приборами. Искать, искать. Теперь своему действию оно дало имя, ощущая в нем какую-то цель. Искать — но что? Оно снова потянулось к родственному сознанию — бесконечно далекому, но ревниво следящему.

Оно осознало присутствие особого вида изучения, имеющего собственную структуру, обладавшего матрицами строения, которые были неслучайны и несли в себе какой-то смысл. «Я»?

Существо замерло, впитывая слабые токи излучения, приходящие издалека. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ. Не «Я», а другое «Я».

Существо поняло, что в этом мире живут и другие существа, соперники в борьбе за пространство, вещество, энергию... или товарищи.

В верхней камере Молли Залдивар на мгновение очнулась от шока, в который была погружена, и в ужасе

застонала. Нечто преследовало ее. Нечто, рождавшее страх. Нечто совершенно чужеродное, подобного которому еще никогда не было в этом мире.

Глава XIII

По телу Молли Залдивар прошла дрожь, и она пришла в себя. Она лежала поверх сломанных ножек разлетевшегося на части лабораторного табурета, и одна из ножек больно упиралась ей в бок тупым расщепленным концом. По всей пещере слышалось шипение и треск коротких замыканий, и щелканье остывающего раскаленного металла. Бледно-фиолетовая корона, которая раньше полностью окружала золотой шар, теперь превратилась в сеть периодически вспыхивающих и гаснущих огней, трещащих и шипевших. Откуда-то тянуло удушливым дымом.

Она нетерпеливо потерла лоб, поднесла ладонь к глазам и увидела без удивления или испуга, что она в крови. Но она жива. Только с третьей попытки ей удалось выдавить из себя слова:

— Клифф... Клифф, где ты?

Голос Хаука ответил сразу, но это был почти шепот, а не обычный его грубовато-сердитый тон.

— Я... я не знаю точно, Молли. С тобой все в порядке?

Она осмотрела себя — одежда в жутком состоянии, изорванная, кожа в синяках и царапинах, грязная. Но руки-ноги действуют, решила она.

— Думаю, что да. Как ты себя чувствуешь?

Она села, осмотрелась и сначала ничего не смогла различить.

— Клифф, ты ранен?

В нескольких ярдах от нее что-то зашевелилось, и голос Клиффа прошептал:

— Я еще не знаю. Но на меня что-то упало.

— Ой, Клифф!

Молли с трудом поднялась на ноги и, пробираясь мимо остатков машин и приборов — вот во что превратилась сверхсовременная лаборатория Хаука — направилась к тому месту, откуда раздавался шепот.

— Ты можешь двигаться? Тебе больно?

Куча каменных и металлических обломков снова зашевелилась, и Молли поняла, что то, что она приняла за кучу мусора, было верхней половиной тела Клиффа, покрытой пеплом и мусором, но на первый взгляд не пострадавшей. Что-то придавило его, упав ему на колени. Он повернулся верхней половиной туловища и посмотрел на Молли. На это ушли все его силы, и лицо Клиффа превратилось в маску боли и полного напряжения сил.

— Ноги... их придавило... — выдавил он через некоторое время.

— Подожди... нет, дай я... — она забыла о собственных ушибах и бросилась к нему на помощь. Напрасно. На ноги Хаука упала балка, придавив их к полу пещеры. Свободны были только верхняя половина тела и руки. Но ноги прижимала к скале полутонна тяжесть балки.

Не выдержав, Клифф оставил борьбу и обмяк, опустив голову на придавившую его ноги балку. Немного спустя он произнес:

— Где Рифник? Он поможет.

Молли беспомощно оглядела пещеру.

— Я не знаю.

— Позови его!

Но на крики Молли не было ответа. Она поднялась, придерживаясь рукой за стенки, чтобы не потерять равновесия. Дым становился все гуще — в пещере-мастерской произошло, по всей видимости, что-то очень серьезное. Она ощущала на своем лице зловещее предупреждение волны жара.

Она снова крикнула, зовя Рифника. Бесплезно. Если Клифф Хаук мог быть извлечен из каменной ловушки, помочь ему могла только она одна. Она нагнулась, чувствуя

головокружение, и снова взялась за балку. Хаук молчал. Казалось, он потерял сознание. Балка даже не шелохнулась.

Молли опустилась на колени, не обращая внимания на острые осколки, и начала методически толкать балку, которую никогда бы не смогла приподнять без посторонней помощи. Бесполезно. Тогда она решила убрать то, что можно было убрать — пластиковый корпус какого-то прибора, скрутившиеся узлом легкие металлические трубки, осколки стеклянной посуды. От дыма она беспрерывно кашляла, дым выедал глаза, но она не прекращала своей работы, не поднимала головы.

Вдруг она осознала, что в пещере уже давно слышится какой-то посторонний звук, который становится все более громким и навязчивым. Мелодичное шелестение, словно ветер шевелил ветки кустарника.

Слиит!

Она обернулась и замерла. Существо висело в воздухе не более чем в ярде от нее. Его огромные слепые глаза были устремлены на нее, под черной шелковистой кожей мелкой дрожью сокращались могучие мускулы. На секунду она подумала, что вернулся Рифник. Помощь!

Но Клифф Хаук оставался неподвижным, и Рифника нигде не было видно. Она осталась одна с беспомощным, прикованным к полу Клиффом и космическим существом, чей образ жизни подразумевал пристрастие к убийствам.

Парящее в недрах горы существо, сгусток мыслящей плазмы, детеныш Блуждающей Звезды, замерло, обдумывая значение тройного шлепка, нанесенного Солнцем, который привлек сейчас все его внимание. Даже на расстоянии девяноста с чем-то миллионов миль Солнце было способно нанести куда более сокрушительный удар. Маленькая Блуждающая Звезда знала это так же хорошо, как и собственные возможности. Простая логика подсказывала ей ответ: в намерения Солнца входило не убить, а только пригрозить. Звезда слишком велика, чтобы ощущать угрозу с ее

стороны. Поэтому существо уяснило следующее положение: я слишком маленькое, нужно стать больше.

Тройной разряд змеящегося белого пламени не нанес ей сколь-нибудь ощутимого вреда. Оно не боялось ударов и помощнее. Собственно, оно еще не выработало концепции «страх». Но поблизости имелись конгломераты частиц много меньшего размера и более поддающихся контролю. Блуждающая Звезда решила сначала исследовать их.

Она осмотрела маленький электромобиль Молли, научилась манипулировать им, потом отбросила в сторону, как надоевшую игрушку. Маленькая машина, послушно пришедшая в движение по команде звезды, теперь, когда Блуждающая Звезда выпустила его из сферы внимания, слепо продолжало двигаться вперед, пока колесо не соскользнуло с обрыва, и машина покатилась вниз, переворачиваясь на лету, чтобы разбиться вдребезги у подножия горы.

Как обнаружила Блуждающая Звезда, поблизости существовали и более сложные создания. Звезда не обладала зрением, она не отличала «видимый» свет от остальных видов излучения, но она хорошо умела выделять частоту и характер радиации. Разница между видами радиации, излучаемой живыми существами, была для нее тем же, что и понятие «цвет» для углеродной жизни. «Зеленое» свечение яростно мигало, словно от боли или страха. Какая-то фиолетово-голубая аура исчезала всякий раз, как только звезда начинала ее исследовать. Изучение занимало всю полосу спектра, уходя в инфракрасную и ультрафиолетовую полосы — это был слиит, колония кротов под землей, муравейник. Звезда замечала даже мельчайшие сверкающие крапинки, похожие на пыль в луче фонарика — различные микроорганизмы в воздухе и в почве, и в телах более крупных живых структур.

«Зеленое» свечение заинтересовало Блуждающую Звезду. Возможно, дело было в напряженности излучения ауры. Присмотревшись, она обнаружила, что с излучением связана определенная масса упорядоченных частиц. Эта

группировка вещества, как ей показалось, пыталась определенным образом изменить положение другого конгломерата, который ассоциировался с гаснущим фиолетово-голубым свечением. Звезда отметила также, не анализируя, определенные упорядоченные вибрации в окружающем эти конгломераты веществе.

«Клифф, пожалуйста! — молила Молли. — Помоги мне вытащить тебя!» Но Блуждающей Звезде было еще очень далеко до концепции коммуникации, тем более до понятия языка.

К этим двум светящимся структурам частиц приближалось третье образование, испускавшее чистый золотой свет. Блуждающая протянула энергозонд, исследуя этот феномен, и обнаружила, что он представляет собой нечто среднее между автомобилем и человеком. Гораздо более сложно устроено, чем та примитивная механическая игрушка, быстро надоевшая звезде, но достаточно простое, чтобы им можно было управлять. На изучение слиита ушли доли секунды. Потом она протянула к слииту невидимый эффектор и принялась играть им, управляя его движениями.

Снаружи, за пределами пещеры, Рифник с трудом поднялся на ноги и с безумным видом осмотрелся. На грязной желтой его бороде виднелась кровь, на крупно вылепленном лице — свежие шрамы. Он что-то хрипло спросил в темноту, но мир ему ничего не ответил — поблизости никого не было, лишь серый дым валил из внутренности пещеры, треск пламени и белый дым из неизвестного источника, энергия которого воспламенила балки входа в пещеру. Покачиваясь, он медленно повернулся. Цвет Солнца устрасал — его лик приобрел гневное выражение, став мутно-красным. Небо затянули зловещие тучи. Он позвал слиита, но тот не отзывался.

Маленькая Блуждающая Звезда заметила присутствие тусклого свечения, которое было Рифником. Она отметила наличие связи между ним и новой своей игрушкой — слиитом. Интересно, подумала юная звезда, как-нибудь поиграть

и с одним из этих сложных механизмов. Но пока еще слиит ей не успел надоесть. Она стрелой гоняла его по пасмурному небу, бросая всю мощь его клыков и мышц против несчастных птиц, против скал, пучков травы. Способы организации вещества забавляли это существо. Оно решило исследовать возможность изменения структуры, научиться вмешиваться в ее организацию. Оно решило стать богом. Мгновение оно раздумывало над возможностью поиграть с Рифником, для практики, подобно тому, как научилось оно командовать и управлять сначала электромобилем, а потом слиитом. Оно рассмотрело возможность разрушения одного из живых организмов. Разрушение с целью анализа, разложения на составляющие и подробного их изучения. Но оно этого не сделало.

Всего минуты спустя после своего рождения Блуждающая Звезда начала вырабатывать матрицы поведения, свой «характер». Она развивалась не просто быстро, а по экспоненте. Поначалу все ее действия были совершенно случайны, это была абсолютная свобода воли, не отличавшаяся от свободы воли шарика в игральном автомате. Но она быстро училась и прогрессировала. Новая и преимущественно враждебная окружающая среда в некоторых случаях очень приятно реагировала на ее действия определенного рода. Легко было уничтожить составляющие этой среды одну за другой. Блуждающая с легкостью могла расплавить скалу, перевернуть вверх ногами гору, хлестануть фиолетовым эффектором Солнце. Но уничтоженная однажды матрица состояния уже не могла возвратиться к первоначальному виду, как успела понять малютка-звезда. Это исчезало навсегда.

Более интересным, так сказать, был способ манипулировать ими, способ экстремальности. Изменять структуры, управлять, вмешиваться, но не разрушать, оставлять на грани разрушения, у самой последней черты.

Не убивать. По крайней мере, не сразу.

Пока не стоял вопрос о совести, чувстве жалости. У Блуждающей Звезды еще совершенно не успело выработаться сверх—Я — суперэго. Но она уже успела познать сладость удовольствия.

Все эти организованные конгломераты вещества могли служить источником удовольствия.

Молли, собрав все свое мужество, чуть сдвинулась с места и, вытянув шею, посмотрела туда, откуда появился слиит.

— Рифник, — прошептала она, — вы здесь? Можете помочь мне?

Но за огромной, похожей на собственную тень фигурой слиита не было никого. Он висел в воздухе, не сводя с Молли своих огромных фосфорических глаз, потом внезапно метнулся вперед, миновал Молли и повис над бесчувственным Клиффом Хауком.

— Не трогай его! — крикнула Молли.

Но слиит и не собирался нападать. Он беззвучно повисел, покачиваясь над телом Хаука, потом бледно засверкало его трансфлексионное поле. Тело Клиффа вздрогнуло, потом медленно приняло сидячее положение.

— Клифф! — вскрикнула Молли. — Ты пришел в себя?

Но сознание не вернулось к Хауку. Голова его, словно голова тряпичной куклы, упала на бок, к плечу. Глаза были закрыты. Расширившимися глазами Молли смотрела на слиита. Он поднял Клиффа, но зачем? Что он собирался делать? Ответа ждать ей долго не пришлось. Снова засверкало поле, и огромная балка, припечатавшая колени Клиффа к полу, вдруг завибрировала и освободила свою жертву. Балка поднялась, стоя на одном конце, словно стрела крана, потом всплыла на высоту головы Клиффа, величественно развернулась и рухнула на кучу мусора. Тело Хаука мягко опустилось на пол. Теперь он лежал совершенно свободно, растянувшись на камнях. Но в сознание так и не пришел.

— Спасибо, — прошептала Молли, обращаясь к слииту. Она знала, что тот не поймет, но это ей было все равно. В

следующий миг она бросилась к Хауку. Тот был серьезно ранен, но все еще жив. Крови вытекло немного. Особенно пострадали ноги. Когда она чуть сдвинула их с места, Клифф громко застонал, не приходя в сознание, и лицо его исказила судорога боли. Ему была необходима срочная помощь врача.

— Клифф! — воскликнула девушка. — Если бы ты только не...

— Оставь его, — послышался от входа в пещеру слабый голос Рифника. — Тебе помощь нужна не меньше, чем ему.

— Рифник! — воскликнула девушка. — Помогите! Клифф очень сильно ранен, и нам нужно доставить его в Мудрый Ручей, — потом слова Рифника дошли до ее сознания, и она с удивлением обнаружила, что сама скоро свалится без чувств. Она постоянно кашляла, даже не сознавая этого. Все ее тело болело, как одна сплошная рана.

— Как это сделать? — проворчал Рифник.

— Я не знаю, — она шаталась, рыдая. — По крайней мере, надо вытащить его из пещеры, здесь он задохнется.

Рифник осторожно двинулся вперед. Даже в нынешнем своем ужасном состоянии Молли не могла не видеть, что Рифник тоже сильно пострадал. Он наклонился над Клиффом, рассматривая его раны и не прикасаясь к нему.

— Я не могу, — сказал он наконец.

— Но вы должны.

— Я не могу сдвинуть его с места. Если бы слиит вел себя нормально... Но он перепугался. Правда, я его не особенно виню, — прогремел Рифник. — Мы крошили пиропопов в Рифах, но с Солнцем в драку никогда не ввязывались.

— Солнцем? Каким Солнцем?

— Я говорю о нашем Солнце, девица. Тройной разряд плазмы. Кажется, мы попали в ужасный переплет,

Слиит, который, гудя, висел неподалеку, вдруг метнулся в их сторону. Они увернулись, слиит пролетел мимо и, как пущенная стрела, вылетел из пещеры.

— Видишь? Он меня вообще не слушается. Не знаю, что с ним стряслось.

— Тогда мы вдвоем должны поднять Клиффа.

Рифник плюхнулся на кучу каменного мусора.

— С тобой? Ты сама еле стоишь. А одному мне его не поднять. Я его убью, если предприму такую попытку.

— Но что же нам делать? Рифник, пожалуйста, придумайте что-нибудь!

Рифник посмотрел мимо Молли, туда, где собирался еще более густой дым, валивший из туннеля.

— Могу застрелить его, если хочешь. Это все же лучше, чем сгорать заживо.

Блуждающей Звезде надоел слиит. Сначала она просто хотела разрушить его, но, передумав, оставила на произвол собственных контуров управления. Пусть поступает, как ему вздумается. На некоторое время она удовлетворила свое любопытство, исследуя излучающие ауру материальные структуры, так грубо разбросанные тройным разрядом Солнца. Звезда не понимала, что все эти приборы и машины являются продуктами изобретательности человеческого разума, но она видела, что перенесенное потрясение сделало их функционально бесполезными, а химические реакции, до сих пор происходившие в них, только усугубляли эту бесполезность. Потратив на размышление несколько наносекунд, Звезда поняла, что пожар движется к тем излучающим слабую ауру структурам, которые она еще не научилась обозначать как «живые существа». Но она прекрасно сознавала, что тот же род дефункциональности, который привел в негодность машины, грозит и этим существам. Аура одного из них уже заметно ослабела.

Было бы интересно, подумала Звезда-детеныш, сделать что-нибудь новое. Она уже отбросила в сторону неизлучающий кусок массы от излучающего конгломерата, который был Клиффом Хауком, используя в качестве посредника поле слиита. Но Звезда была разочарована, ничего особенного не произошло. Но, с любопытством подумала она, что

же произойдет, если она впитает некоторую долю этого излучения?

Эта идея показалась Блуждающей Звезде привлекательной. Она не знала, почему. Не знала, так как не научилась чувствовать голод и узнавать его при этом.

Глава XIV

Сначала робот потребовал минутку, пока он не закончит молчаливое восхищенное созерцание черного купола с изображениями звезд, под которыми он плавно покачивался на своем трансфлексионном поле, а его пламенный овал волнился всеми цветами преданного посвящения. Потом он настоял на удалении всех детей из здания и запер за ними дверь, обыскав предварительно каждую пустую комнату, дабы убедиться, что никого не забыли. Здание церкви было гомеостатическим механизмом. Его рецепторы и эффекторы вполне могли справиться с этим заданием и самостоятельно. Потом робот снова попросил подождать, пока он передавал звезде Денеб казавшееся бесконечным сообщение, во время которого рыжеволосый Руф строчил вопросами, а терпение Энди Квама постепенно переплавлялось в ярость.

— Робот-инспектор! — крикнул он, не выдержав. — Если вы собрались идти, то давайте сдвинемся с места! Молли Залдивар грозит большая опасность. Возможно, она умирает!

Робот развернулся в его сторону.

— Монитор Квамодиан, — пропел он, — немного терпения. Я заверяю вас, что она жива.

— Откуда вы знаете? — потребовал объяснить Энди.

Робот молчал.

— Проповедник, — прошептал мальчик, — оставьте его. Он всегда такой. Сделает все по своему разумению. Слушайте, вы и в самом деле поедете у него на спине?

— Великий Альмалик! Откуда я знаю? — простонал Энди Квам. Он бросил взгляд на свой наручный хроноуказатель, быстро перевел цифры в земные эквиваленты и в отчаянии прошипел:

— Еще три часа, и День Звезды кончится! И тогда он уже не будет нужен мне! Но, — добавил он, танцуя на плитках пола, — помощь нужна Молли немедленно!

— Монитор Квамодиан, — пропел робот, — будьте добры, соблюдайте тишину. Я веду чрезвычайно интересную дискуссию с тремя органическими компаньонами на планете Денеба, с роботами и звездой 61 Лебеда.

— Нет! — взревел Энди Квам. — Ты тратишь время на болтовню! Ты же обещал...

Робот умолк, потом после паузы сказал с обидой:

— Очень хорошо. Мы отправимся сейчас же, поскольку ваш шум меня отвлекает. Следуйте за мной.

Но было слишком поздно, Энди Квам уже был возле двери, прыгая по ступенькам и нацеливаясь на то место, где он оставил свой флаер. Руф не отставал от него, словно хвост кометы от ядра.

— Я вас поведу, — сказал робот, усиливая звук своих вокализаторов, так что завибрировал фасад церкви. — Вашему аппарату я дал разрешение не подчиняться стометровому ограничению зоны действия. Это было сделано в части моих добровольных религиозных отправок в День Звезды, в соответствии с соглашением...

— Заткнись! — фыкнул Энди Квам и даже при девяноста децибелах не услышал конца фразы. Он был уже внутри кабины флаера, мальчик нырнул за ним. Со стуком захлопнув дверь, Энди крикнул:

— Полетели! Следуй за тем роботом!

— Хорошо, мистер Квамодиан, — жизнерадостно согласился флаер. — Я получил разрешение. Не правда ли, это мило со стороны робота-инспектора разрешить нам...

— Молчи! — процедил Энди, — И получше управляй. Я очень спешу.

В мрачном обиженном состоянии флаер поднялся со стоянки, завертелся волчком и нацелился на выжидающе замерший овал, висевший в трансфлексионном поле в нескольких метрах от церкви Звезды. Квамодиан, пробормотав проклятие, поднялся на ноги — неожиданное вращение бросило его на пол, причем на коленях у него оказался мальчик. Но флаеру он ничего не сказал.

— Сиди здесь, — приказал он мальчику, — один Альмалик знает, что стукнет в голову этому глупому флаеру.

— Это нечестно... — начал оскорбленный флаер.

— Я же сказал тебе — заткнись!

Флаер подчинился приказу, намеренно и отчетливо щелкнув, а Квамодиан и мальчик прильнули к стеклу окна. Была уже ночь, и над холмами повисли яркие звезды, но на западе еще виднелся отсвет зари, кроваво-красная полоска над горизонтом, куда опустилось мрачное багровое Солнце. Вдруг мальчик схватил Квамодиана за руку.

— Проповедник, смотрите, там, куда ударило Солнце, видите?

— Вижу, — проворчал Энди. — Флаер, можно немножко побыстрее?

С неохотой щелкнув, голос протянул:

— Нет, — и снова выключился со щелчком.

— Эй, брось! — крикнул Квамодиан. — Почему нельзя?

Флаер снизошел до объяснений:

— Робот-инспектор отдал нам распоряжение следовать за ним. Если я увеличу скорость, то он будет следовать за нами.

— Флаер уже явно оттаял и приготовился снова мирно беседовать. — Понимаете ли, мистер Квамодиан, День Звезды еще не истек. И робот-инспектор не хотел бы нарушать тишину этого дня ревом звуковой волны. На этой планете довольно плотная атмосфера, состоящая, в основном, из азота, кислорода, водяных паров, двуокиси углерода...

— Это можно опустить, состав атмосферы Земли я знаю!

— Конечно, конечно. Все дело в том, мистер Квамодиан, что при местных параметрах высоты, температуры и

барометрического давления звуковой барьер чуть-чуть превышает нашу скорость в настоящий момент. Поэтому, сами понимаете, мы не можем летать быстрее... В любом случае, — весело добавил флаер, — мы уже прибыли.

Флаер совершил посадку на склон горы. Робот-инспектор не позволил приблизиться на меньшее расстояние к выходу в пещеру. Энди Квам и Руф выскочили из флаера и, задржав головы, принялись рассматривать последствия солнечного удара.

— Великий Альмалик! — прошептал мальчик. — Я... я боюсь, что мисс Залдивар действительно пострадала!

— Такой информацией мы не располагаем, — пропел робот, с гудением паривший над их головами. — Будьте добры, подождите здесь, я сканирую обстановку.

Но Энди уже не волновало, чем занимается робот. Он отпихнул мальчика в сторону и начал карабкаться вверх по склону холма, преодолевая многочисленные неровности. Он миновал отдельные части упавшего со склона электромобиля, потом узнал в куче металла машину Молли и с почти выскакивающим из груди сердцем принялся обыскивать обломки, пока не убедился, что в момент катастрофы Молли в машине не было. Потом он снова возобновил подъем. Ноги деревенели от усталости, сердце бешено колотилось, дыхание со свистом вырывалось из груди. Хотя голос здравого смысла нашептывал ему, что спешка уже особого значения не имеет. Что бы ужасного здесь ни произошло, все кончилось давным-давно. Из пасти пещеры тянулись клубы густого коричневого дыма, чувствовался отвратительный запах горелой пластмассы, тлеющих обломков, самых разных. И никого не было видно.

Он остановился, чувствуя, как жжет легкие со всхлипом вбираемый воздух, и, собрав все силы, крикнул:

— Молли! Ты здесь?

Неожиданно за его спиной прозвучал мелодичный голос робота:

— Она находится в пятидесяти метрах вправо от вас, мистер Квамодиан. И как раз над нами. Но не приближайтесь.

Энди Квам уже карабкался по гребню небольшого выступа-полки, находившегося как раз перед пещерой.

— Нет, подождите, — зажуужал робот. — Там присутствует неконтролируемое существо-животное из космоса, и... — в жужжащем пении робота образовалась пауза. — И Блуждающая Звезда. Дайте мне возможность сначала изучить их.

Энди Квам фыркнул и ничего не сказал. Он поскользнулся на осыпающемся гравии, чудом сохранил равновесие и побежал дальше. Он только что едва избежал гибели. Сразу за полкой начинался почти отвесный обрыв в сорок футов высотой — но он даже не заметил этого, стремясь как можно скорее найти Молли Залдивар. Но где же она?

И потом он остановился, замахав руками, чтобы не упасть по инерции. Нечто вроде гигантского головоногого моллюска совершенно черного цвета приближалось к нему гигантскими прыжками, преодолевая кучу гравия. Его трансфлексионное поле бледно мерцало. В смутном свете звезд Энди уловил очертания больших белесых глаз, слепо глядевших на него, заметил когти и клыки, способные выпустить внутренности пироподу.

— Монитор Квамодиан, — пропел за его спиной голос робота, — это слиит. Предупреждаю вас, не подходите к нему очень близко!

Внезапно Квамодиан почувствовал во рту кислый привкус страха. Теперь он припомнил истории о слиитах, этих космических бестиях, самой эволюцией созданных для убийства, мощью своей превосходящих все возможности человека. Если существо надумало избрать целью нападения его, Квамодиана, то надежды на спасение нет. Но, кажется, таковых намерений у него не было. Он повис в воздухе, словно изучая Энди, словно он обладал разумом. И даже умел сочувствовать, понимая, почему спешит Энди. Потом, словно разрешая двигаться дальше, слиит поднялся на

своем поле еще выше и отлетел на сотню ярдов, не преграждая больше путь к небольшому холмику, где Энди померещилось какое-то движение.

Он тут же позабыл о слиите, преодолев с максимальной возможной скоростью оставшееся расстояние, пока не упал на колени рядом с телом девушки, призыв о помощи которой нашел его на другом конце Вселенной.

— Молли! — воскликнул он. — Что случилось? Что они с тобой сделали?

Он поднял голову на изгиб локтя и нежно приподнял. И глаза ее открылись.

Она с удивлением смотрела на него, словно проснувшийся ребенок. Лицо ее было сплошь покрыто синяками, царапинами и засохшей кровью, измазано сажей и грязью. Порывы ветра подхватили ее длинные волосы, а одежда превратилась в лохмотья. Но внезапно она улыбнулась ему своей прежней волнующей улыбкой.

— О, да это же малыш Энди Квам, — прошептала она. — Я не сомневалась, что ты придешь...

Улыбка задержалась на ее лице всего лишь на секунду. Потом лицо ее исказила судорога боли, улыбка исчезла, и она отвернулась. И заплакала так, что у Энди Квама едва не разорвалось сердце.

— Инспектор! — заорал Энди. — Куда подевалась эта бестолковая машина?

Из-за большого валуна примерно футах в десяти от него послышался недовольный голос:

— Он смылся, Проповедник. Умчался. Альмалик его знает, почему. Он не сказал ни слова.

— Что ты там делаешь, Руф? — сердито спросил Энди. — Ты должен был остаться в кабине. Ладно, если уж ты здесь, то помоги мне. Мисс Залдивар серьезно ранена. Нужно доставить ее...

Из темноты выступила фигура и приблизилась к ним.

— С этим не спеши, друг, — прогудел густой бас, — Если малышка пережила все это, она выдержит еще немного.

Квамодиан вскочил на ноги, готовый к самому худшему. Он всмотрелся в темноту, различая очертания человека с усами, всклокоченной бородой и такими шрамами на лице, словно он попал под катящуюся по орбите планету, не меньше.

— Кто вы такой, черт побери? — рявкнул он.

— У такого малыша и такой голосок, — проскрежетал могучий голос. — Ладно, спокойно и без обиды.

Он подошел поближе, и Энди Квам по достоинству оценил его размеры. Это был настоящий гигант. Но он казался явно подавленным.

— Мы на неприятности не напрашиваемся, — мягко про-
рокотал он. — Этого добра с нас хватает. Но с девушкой все в порядке, я успел вытащить ее из пещеры вовремя.

— Я слышал что-то о каком-то Рифнике, который занимается здесь с Клиффом Хауком Альмалик знает чем. «Это вы?» — с подозрением спросил Энди.

— Да.

— Это ваш слиит следит за нами?

Усы и борода Рифника раздвинулись. В темноте могло показаться, что он собирается укусить Энди. Но это была лишь добродушная усмешка.

— Больше он не мой, — сказал Рифник. — Теперь он сам себе хозяин, как я подозреваю. Или... им владеет кто-то другой. Но меня он слушаться не станет. Я ему больше не хозяин с тех пор, как ударило Солнце.

Он отвернулся от Квамодиана и на секунду склонился над девушкой.

— С ней все в порядке, — повторил он, выпрямляясь, но в голосе его не было особой уверенности.

— Однако вы, возможно, правы, действительно нужно унести ее отсюда подальше. И меня тоже захватите с собой, если не против.

— Почему Молли Залдивар так плачет? — спросил Энди.

— Если вы неосторожно вынесли ее...

Огромная голова Рифника качнулась из стороны в сторону.

— Подозреваю, что она плачет так из-за Клиффа Хаука.

Квамодиан тут же взял себя в руки. Он совершенно позабыл, что здесь еще и Клифф Хаук. Несомненно, это он виноват в том, что Молли Залдивар ранена, ей грозит опасность, она напугана. Но старая дружба еще не исчезла полностью, и в голосе Энди Квама прозвучала неподдельная озабоченность, когда он спросил:

— А что с Хауком? Он ранен?

— Уже нет.

— Как?... То есть он умер?

В гулком голосе Рифника чувствовалась свинцовая усталость.

— Нет. Хуже, я бы сказал. Гораздо хуже. И если хотите знать мое мнение, то нам нужно поскорее убираться с этого места, пока что-нибудь очень неприятное не случилось и с нами.

Существо в недрах горы было поначалу случайным скоплением электронов, потом новорожденной Блуждающей Звездой, только начинавшей изучать себя и окружающую среду, набираться опыта... Теперь это было нечто третье, и оно внимательно следило за тем, как Рифник и Энди Квам осторожно приподняли плачущую девушку; спустились с ней вместе по склону вниз к ожидавшему флаеру, поспешно погрузились в кабину и, захлопнув дверцу, умчались прочь.

Используя определенную часть своего, «я», Блуждающая Звезда заставила слиита взметнуться вверх на своем слегка пульсирующем трансфлексионном поле и помчаться за флаером, не теряя его из виду. В этом не было необходимости, конечно. Блуждающая Звезда могла легко следить за флаером с помощью своих зондов — в любой точке планеты и практически в любой точке Солнечной системы. (У нее еще не было случая попытаться нащупать что-либо за пределами Солнечной системы).

Но это уже не было то незамысловатое существо, каким она была раньше. Когда она поняла, что одна из организованных излучающих масс вот-вот прекратит существование, она решила, что будет полезно «впитать» ее и «впитала». Операция оказалась простой — подобно притяжению или захвату. Это, если прибегнуть к материальной аналогии, напоминало слияние амебы и кусочка пищи, который она схватила, чтобы растворить в себе. Но материя не имела отношения к процессу, а силы, которые применила Блуждающая Звезда, не поддавались описанию в терминах геометрии трехмерного пространства.

Но эффект был тот же самый.

То, что раньше было личностью Клиффа Хаука, больше не обитало в его биологическом теле. Тело было уже не просто мертво, оно успело превратиться в обугленный кусок плоти, перемешанный с другими обугленными обломками в выжженной пещере, которая когда-то была мастерской Хаука. Но он не исчез полностью. Правда, он больше не ощущал себя прежней личностью, индивидуумом. Но Хаук составлял теперь заметную часть личности того существа, что послало сейчас слита в погоню за флаером Квамодiana, что вызвало на себя тройной гневный ответ Солнца — новорожденной Блуждающей Звезды, выпущенной на волю во Вселенную.

Теперь она мыслила уже сложнее, а не подчинялась простым побуждениям. С определенной помощью, тренированного мыслительного аппарата своей человеческой составляющей, она научилась наблюдать, анализировать, делать выводы и... действовать. Она почувствовала изумление далекого сородича-наблюдателя.

Практически День Звезды еще не кончился. По предложению мальчика Квамодиан велел флаеру доставить их к церкви Звезды.

— На позднюю службу соберется толпа, — объяснил мальчик. — Так что вполне возможно, что там, где вы рассчитываете кого-нибудь обнаружить, никого не окажется. В смысле, даже в больнице может не оказаться нужного персонала.

— Это просто шокирует. — прошипел Энди. — Превратить Товарищество Звезды в какое-то языческое поклонение!

— Верно Проповедник. Это вы правильно отметили. Но только вам понятно, что тут ничего не поделаешь, вам же лучше...

— Я понимаю, — ответил Квамодиан и отдал распоряжение флаеру. У машины возникли возражения.

— Без специального распоряжения робота-инспектора, мистер Квамодиан, я могу вернуться только к зданию трансфлексионной связи.

— Но произошло несчастье!

— Да, да, мистер Квамодиан, конечно! — флаер нерешительно замолчал. Его нейтронные контуры решали проблему. — Поскольку я не могу связаться с роботом-инспектором в данный момент, — решил он, — мне придется вернуться к станции трансфлекса...

— Черт бы тебя побрал! — не выдержал Квамодиан. — Делай, что тебе говорят!

— ...но по пути я могу ненадолго задержаться у площади Звезды. Если вы в этот момент покинете кабину, то это не будет иметь отношения к выполнению мной правил движения в данный момент.

— Ха! — в отвращении гаркнул Квамодиан. — Ладно, давай! Только не мешкай!

— Уже прилетели, мистер Квамодиан, — вздохнул флаер, опускаясь на землю. — Я останусь здесь еще на минуту. В течение этого срока можете поступать по своему усмотрению.

Квамодиан не стал тратить время на разговоры. С помощью Руфа и огромного, пусть и медленно движущегося Рифника он без больших трудностей вынес Молли из кабины флаера, и они осторожно опустили ее на землю.

— Как ты себя чувствуешь, Молли? — с нежной тревогой спросил Энди. — Я побегу за помощью.

Молли уже не плакала. Глаза ее были открыты, лицо сосредоточено, но во взгляде сквозила вековая усталость.

— Все в порядке, Энди, — сказала она. — Со мной все в порядке, но это не имеет значения.

— Не надо так говорить.

— Хорошо, Энди, — тусклым голосом сказал она и отвернулась.

— Оставайся рядом с ней, — приказал он Рифнику, который посмотрел на него недовольно, но только пожал плечами. — Руф, нужно найти кого-нибудь. — И они оба поспешно скрылись в церкви Звезды.

Как только они вошли в здание под обширным голубым куполом, раздался удар гонга, эхо которого прокатилось по всему пространству помещения. Руф первым побежал по тускло освещенной спиральной лестнице в самую церковь. Здесь от множества тянувших псалом голосов, казалось, пульсировал сам воздух. Сладко пахло фузоритами-Посетителями. В пяти суживающихся крыльях храма было полно специальных скамей, но все места на них сейчас пустовали. Люди стояли, преклонив колени, концентрическими кругами под огромным центральным куполом с изображением солнц Альмалика.

Робота-инспектора не было видно. Очевидно, он еще не освободился от того своего важного поручения, каковым бы оно ни было.

— Вон тетя Молли! — радостно заорал Руф. — Сюда, пойдете!

Но Квамодиан колебался.

«Языческий ритуал», так назвал он церемонию, но что-то в самой атмосфере зала заставило его проникнуться непонятной робостью и даже какой-то завистью. Он поднял взгляд к тринадцатичветию великолепных солнц, висевших под черным, как космос, куполом: шесть двойных звезд, двигавшихся группами по две двойки, и одно отдельное солнце.

Упиваясь сверкающей красотой Альмалика, впитывая сладостный аромат фузоритов-Посетителей, ритмично покачиваясь в такт пению собравшихся в зале, Энди Квам вдруг почувствовал, что в нем просыпается великая радость и совершенный покой. Ему захотелось забыть и себя, и ждущую снаружи измученную девушку. Единственное, что ему было нужно, это забыть все личное и остаться один на один с Альмаликом.

— Проповедник! — прошипел Руф. — Вы идете?

Торжественная робость не давала Квамодиану возможности сдвинуться с места.

— Ты... ты уверен, что можно прервать службу?

— А мы не будем прерывать. Я уже приходил сюда смотреть вместе с мисс Залдивар. Они не сердятся на посторонних.

Вздрагивая от странного прилива возбуждения, Квамодиан последовал за мальчиком, который пересек пол сводчатого зала и начал пробираться сквозь концентрические круги стоявших на коленях молящихся. Нежный аромат Посетителей поверг его в сладкий трепет, сверкающие солнца Альмалика погружали его в бесконечное спокойствие и умиротворенность.

Но мальчик уже остановился перед покачивающимися на коленях мужчиной и женщиной.

— Вот ее родственники, Проповедник, — прошептал он. — Мистер Хуан Залдивар и миссис Дейдра Залдивар. — Он резко повысил голос: — Познакомьтесь, это мистер монитор Квамодиан.

Они перестали петь. Потом неохотно оторвали взгляд от многоцветного великолепия купола церкви и, все еще продолжая покачиваться и стоять на коленях, без всякого интереса посмотрела на Квамодиана. Супруги просто излучали здоровье и молодость. Хуан был высокий смуглый мужчина с густыми черными волосами. Голубоглазая блондинка Дейдра казалась даже моложе и привлекательнее своей дочери.

Но оба носили на себе знак Альмалика — в том месте, где светящаяся колония фузоритов вошла в их тела. У Дейдры он сверкал на румяной щеке, у Хуана на лбу. Знак представлял собой маленькую, неправильной формы звездочку. В полумраке церкви звездочки-знаки мягко светились темным, холодным золотым светом.

— Я по поводу Молли, — прошептал Квамодиан, едва осмеливаясь нарушить очарование храма. — Она там, снаружи. Ранена. — Какие неуместные в таком священном месте слова! Он еще сильнее почувствовал себя слоном в посудной лавке, гориллой среди ангелов.

Светлая и темноволосая головки наклонились в унисон. Озадаченный Энди хотел уже повторить свои слова, но тут Дейдра мягко выдохнула:

— В лоне Звезды не существует ран и боли. Она должна присоединиться к нам и тогда обретет покой.

— Но ведь она ранена! Она... гм, слишком долго рассказывать о подробностях, но она в ужасной опасности. Все мы в ужасной опасности.

— Только не здесь, — улыбнулся Хуан Залдивар. Он уже взял руку Дейдры в свою, и они снова подняли головы к куполу, готовые возобновить пение. — Внесите ее сюда! Посетители исцелят ее! — и, подняв свои темные глаза, он присоединил свой голос к голосу жены.

Руф прикусил губу.

— Проповедник, это бесполезно, — угрюмо сказал он. — Они слишком счастливы.

Энди Квам задумчиво посмотрел на мальчика. В конце концов, подумал он, это совсем неплохая идея — внести

Молли внутрь церкви. Пусть войдут в ее тело Посетители-фузориты и исцелят ее. Она вылечится — для фузоритов не существовало неизлечимых болезней. Пройдут не только кровоподтеки и царапины на теле, но и горькая печаль, судорогой сводившая тело и душу...

— Проповедник, что с вами? — с опаской уставившись на Энди, прошептал мальчик.

Квамодиан вернулся к действительности.

— Извини, — пробормотал он и, схватив мальчика за локоть, выбежал из зала. Он чувствовал внезапный прилив грусти, едва не заставивший его повернуть назад, но теперь впереди был мальчик. Пошатываясь, он покинул пределы влияния Альмалика, скатился по спиральной лестнице и выбежал из здания. Коварное пение сирен-причетников затихло за спиной. Квамодиан с благодарностью набрал полную грудь прохладного ночного воздуха, в котором уже не ощущалось притягательного, словно аромат лотоса, запаха фузоритов-Посетителей.

Он сказал с печалью:

— Я хотел остаться там. Так со мной всегда, но я не создан для этого — покой Альмалика не для меня.

Он поспешил вниз по спуску, оставив позади исчезающее смутное сожаление.

Флаер исчез, но огромная фигура Рифника, словно скала, возвышалась над лежащей на земле Молли Залдивар. Ночной воздуха показался Энди очень зябким, и он вздрогнул.

— Что же нам теперь делать? — пробормотал он наполовину самому себе. — Что мы можем сделать для Молли Залдивар?

— Проповедник, — сказал Руф, — мой дом всего на той стороне улицы, вон там. Мои родители позаботятся о Молли. Я так думаю, — добавил он с беспокойством, заставив Квамодиана бросить на него быстрый вопросительный взгляд. Но вслух он ничего не стал спрашивать.

Однако дома никого не оказалось. Дверь была открыта, и свет горел. Автономная система обеспечения жизни

маленького коттеджа весело мурлыкала, пылал уютный огонь в камине, приятно пахнувшее тепло разносилось по всей комнате. Но нигде никого не было видно.

— Ничего, не обращайтесь внимания, — вздохнул мальчик, словно он и ожидал именно этого. — Наверное, мисс Залдивар больше всего нужен покой. Перенесем ее вон в ту комнату, а, Проповедник? И я попробую соорудить что-нибудь поесть. Должно быть, вы проголодались.

Теперь сытый, согревшийся, почти успокоившийся Энди Квам сидел в уютной гостиной дома Руфа. Мальчик лежал на полу перед камином, то и дело протягивая руку за очередным яблоком, грушей или апельсином или последними остатками бутербродов, которые он приготовил для гостей. А Рифник, свободнее прислонившийся к каминной полке, отвечал на вопросы Квамодиана.

Сначала Квамодиан взял на себя роль прокурора, отведя Рифнику место обвиняемого. Но тому такое распределение ролей пришлось явно не по душе. С неприкрытым презрением воспринимавший все окружающее, Рифник загрохотал в ответ:

— Монитор Квамодиан, я не стану брать ответственность на себя. Все, что происходит на моей земле, — мое личное дело, а эти холмы — моя собственность.

— Создание новой Блуждающей Звезды касается всех! — не сдержавшись, воскликнул Квамодиан.

— Но это не является моих рук делом, — заявил гигант-Рифник. На его испещренном шрамами лице явно читалась злость. — Мисс Залдивар — пленительная девушка. Я ничего против не имею. Но кто заставлял ее вторгаться на мою территорию без разрешения?

— А Клифф Хаук? Как с ним?

Едва видимый из-под усов и всклокоченной бороды рот твердо сжался.

— Я привез его мать сюда с Рифов. Он мне почти что сын... но я не отвечаю за его действия. Не считая того, что я позволил ему ходить в школу, хотя в мои намерения это и

не входило. Я желал видеть его таким же охотником, как и я. Когда он вырастет, рассчитывал я, то полетит со мной в Рифы, я найду ему там щенка слиита, и пускай он делает то же, что и я. Но он перешел ручей. Стал ходить в школу по Дням Звезды. Роботы и Посетители внушили ему всякие чудные идеи. Наконец я решил, что ему необходимо лететь в космос, учиться на этого, как вы называете, транзит-инженера...

— С этим все в порядке, — заявил Квамодиан. — Я учился вместе с ним. Тогда он был вполне нормальным, вполне приличным молодым человеком.

Рифник пожал плечами. Потом, вздрогнув, погладил руку там, где ее стягивала повязка.

— Не суть важно, — пробормотал он угрюмо. — Он заплатил за свои ошибки и мертв. Во всяком случае, я так думаю.

— Что вы подразумеваете под этим «Я так думаю»? — сердито спросил Квамодиан. — Так он мертв или нет?

Глубоко посаженные глаза Рифника внимательно смотрели на Энди из-под кустистых бровей.

— Он уже не дышал, — коротко объяснил Рифник. — Вас это устраивает?

— Меня устраивает?

Рифник сказал беспомощно:

— Я просто не знаю, монитор. Вот и все. Да, Клифф был плох, это так. Я бы не дал ему еще больше часа... даже меньше, потому что мы не могли вынести его, а огонь был уже близок. Но... — он помолчал. — Парень, — буркнул он несколько мгновений спустя, — у тебя не найдется что-нибудь выпить?

— Только молоко. Или вода. А может, приготовить чашку чая?

Рифник поджал губы и печально покивал головой.

— Продолжайте! — поторопил Энди Квам.

Рифник закрыл глаза.

— Клифф занимался опытами в своей транзит-лаборатории, — протянул он. — Я знал, что это опасно, но не

вмешивался. Он был уже взрослый человек. Был, — казалось, эта тема нагоняла на него скуку. — Потом что-то произошло.

Рифник переменял позу и задумчиво почесал свою густую бороду. Толстые пальцы прошли сквозь русый волос, словно лемехи плуга сквозь землю, равномерно и механически. Закончив расчесывать пятерней бороду, он продолжал:

— Был взрыв. Внизу, в лабораториях, где остались криомагнитные и радиационные установки, часть старого военного комплекса Плана Человека. Их не стали демонтировать Посетители. Это была ненадежная часть лаборатории, и я отдавал себе в этом отчет. Потом, когда мы приходили в себя от неожиданности, появилась Молли Залдивар. Она плакала и угрожала Клиффу. Очевидно, она была напугана слиитом, поэтому, пожалуй, не стоит придавать этому факту значение. Но это было только начало. Потом произошел настоящий взрыв — не знаю только, где именно. Меня чем-то клюкнуло, видимо, осколком металла, и я ненадолго отключился...

— За всем этим я наблюдал из Мудрого Ручья, — сказал Квамодиан. — Я видел тройной разряд с Солнца. Вы именно об этом говорите?

— Да, очевидно, — Рифник снова принялся расчесывать бороду. — Потом я услышал голоса девушки и Клиффа внутри пещеры и пошел на них. Пытался позвать слиита, но бестия воспротивилась, совершенно, видимо, свихнувшись от испуга. Слиит вел себя непонятно и совершенно не подчинялся мне. Такого с ним никогда раньше не случалось. Но он был там, в пещере, пытался помочь вытащить Клиффа. Только было уже поздно. Он умирал. Потом... — Рифник выпрямился и перестал чесаться. В глазах его появилось что-то непривычно человеческое, и он сумрачно сказал: — Клифф посмотрел на меня. Потом что-то сказал... но я не расслышал, что именно. Какая-то бессмыслица. Потом он просто перестал дышать.

Рифник отвернулся и принялся шагами мерить небольшую комнату.

— Но я не хочу сказать, что он просто умер, монитор. Я видел, как умирают люди. Обычно при этом поднимают побольше шума, чем в этот раз. Но он просто перестал дышать. Словно его выключили. Я убедился, что он умер, подхватил Молли Залдивар и удрал оттуда. Примерно час спустя появились вы. Вот и вся история.

— Не совсем, — резко перебил его Энди Квам. — Что же сказал Клифф перед тем, как умер?

Рифник остановился и сердито посмотрел на него.

— Это неважно! Фраза не имеет смысла в любом случае.

— Что он сказал?

Рифник заворчал. Толстые пальцы впились в волосы, прочесывая его львиную шевелюру. Потом он опустил руку и сказал:

— Ладно, если вам нужно знать... Он сказал что-то вроде этого: «Я создал его, теперь он забирает меня».

Квам вдруг вздрогнул, словно ему в затылок ударил порыв ледяного ветра.

— Что это значит? — невольно спросил он.

— Ничего, вообще ничего, монитор, — Рифник посмотрел в его сторону. — Или... во всяком случае, ничего, что бы имело смысл для меня. А вы что-нибудь понимаете?

Квамодиан ответил не сразу.

— Я... надеюсь, что нет, — сказал он шепотом.

Блуждающая Звезда уже не была новорожденным детенышем. Но и во взрослое существо она не успела превратиться. Можно сказать, что она вошла в фазу юности. Она все росла и росла, с каждым прожитым моментом становясь все сильнее и умнее, приобретая опыт, навыки, умение, питаясь всем, чем угодно, лишь бы это давало ей массу и энергию. Она уже успела поглотить изрядное количество таких матриц, впитывая их из разного рода излучений, окружавших ее, и обнаружила по ходу дела, что некоторые виды радиации были гораздо — как бы это определить — «вкуснее»,

чем все остальные. Поглотив личность человека, который когда-то был Клиффом Хауком, звезда пережила качественно новый опыт и теперь обнаружила, что получила в наследство тысячи новых матриц поведения, мыслительных конструкций, программ-побуждений. Теперь все это уже не имело отношения к сотне килограммов углеродных соединений, которые когда-то представляли собой тело Клиффа Хаука, а ныне превратились в бесполезный сгусток неинтересных реакций. Даже «личность» Хаука как таковая исчезла. Во Вселенной не осталось ничего, что думало его мыслями, имело его мнения, помнило его воспоминания. Но какая-то доля его стремлений и мотивов поведения стала составной частью юной Блуждающей Звезды, принимая участие в оформлении результирующего вектора ее поведения. Он перестал быть полностью случайным. До какой-то степени он теперь был даже поляризован.

Какие другие силы влияли на поведение юной Блуждающей Звезды? Ее собственные растущие знания и умения. Все, что узнавала она об окружающем ее мире, том мире, в котором она жила. Ее врожденное побуждение к росту и учебе. Двигаться, расти, потреблять. Так думало существо, таковы были первые мысли, оформившиеся у него, едва оно научилось мыслить. Теперь, с помощью дисциплины тренированного ума Хаука, проникшего в существо разума звезды, она научилась думать более четко и ясно. Она познакомилась с приятной возможностью формулировать цель с помощью языка.

«Я мала, но я расту, — думала взрослеющая Блуждающая Звезда, рожденная в недрах горы. — Есть и другие существа, они больше, но они не растут. Я смогу стать могущественнее их!»

И она успела уже испытать свою растущую силу с помощью десятка конгломератов вещества из окружающих ее. Слиит превратился теперь в присоединенный к ее сознанию инструмент. Через его глаза она обзревала окрестный мир, он полностью подчинялся ее желаниям. Крохотные

ползающие и летающие существа внутри горы и над нею, все они стали частью распространившегося в пространстве существа звезды. А теперь она обзавелась новым слугой, не похожим на прежних.

Потому что робот-инспектор давно уже привлекал внимание любопытной звезды. Для нее было совсем не трудно «проглотить» его целиком, включить его сознание — аналог человеческого разума — в свое сознание. Робот выглядел так же, как и раньше — торпедообразное металлическое тело и светящаяся плазменная панель в виде овала. Но теперь его стремлениями и побуждениями управляли не суперкомпьютеры на планетах звезды Альмалик, с которыми он до этого был постоянно связан, — нет, теперь он служил нуждам и намерениям электронной плазмы, которая совсем недавно вырвалась на свободу, взорвавшись в недрах горы.

Юная Блуждающая Звезда поиграла с новым инструментом, попыталась разгадать, но так и не смогла проникнуть в сущность сложного комплекса трансфлексионных полей, которые связывали новую часть ее самой с очень могущественными, но очень далекими сознаниями. Но в настоящий момент это не имело значения. Эти далекие создания не были могущественными в той мере, чтобы таким же образом взять под контроль саму звезду. А теперь она была занята другими мыслями.

Частью они были посвящены той области ее сознания, которая впитала наследство умирающего Клиффа Хаука. Над ним Блуждающая Звезда тоже безуспешно раздумывала. Почему она чувствовала такое притяжение, так была связана, так озабочена присутствием этого небольшого и не имеющего особого значения кусочка материи с радиационной аурой, который сознание Клиффа Хаука определяло как Молли Залдивар? Звезда смотрела на спящую Молли глазами слиита, парившего над коттеджем, куда принесли Молли. «Молли Залдивар, — думала Звезда, — что мне до тебя?»

И в комнате коттеджа Молли вдруг пробудилась от сна и попыталась вскрикнуть. «Спи», — приказала ей Блуждающая Звезда, и девушка погрузилась в оцепенение ужасного кошмара. Никто не слышал ее крика — в коттедже никого не было, а она не имела сил, чтобы крикнуть громче, чтобы услышали те, кто стоял перед домом на лужайке и смотрел на парящего над крышей слиита.

— Мистер, — сказал испуганный Руф, — у этой зверюги опасный вид. Вы уверены, что она не причинит нам вреда?

— Больше я ни в чем таком не уверен, малыш, — разразился ухающим смехом Рифник. —

Было время, когда этот слиит ходил за мной, как собачонка. Делал все, что я приказывал, и даже думать нельзя было о том, что он ослушается. Я взял его еще щенком и вырастил. Он никогда не знал другого хозяина, кроме меня. Но теперь... он у него появился. — Он задумчиво рассматривал слиита некоторое время. Повисшая в небе на своем автономном мерцающем поле громадная бестия напоминала черного бескрылого пегаса в полете.

Ее ужасные когти были готовы схватить и разорвать на клочки любое углеродное, дышащее воздухом и приводимое в движение мускулами существо, подобно когтям ястреба, рвущим пух и перья.

— Хороший зверь, — устало сказал Рифник, — но больше уже не мой.

— Зачем же вы его сюда привезли? — сердито спросил Энди Квам. — Ему нет места на нашей планете. Он здесь чужеродное тело.

— Как почему? Потому что он м о й, мистер Квамодиан, — просто ответил Рифник. — Я охотник, и это мой товарищ по охоте. Он всегда идет туда, куда иду я. То есть так было до сих пор. Нет, вы не подумайте, — воскликнул он, вдруг воспламенившись энтузиазмом воспоминаний охотника. — С этим слиитом я собрал лучшую коллекцию трофеев во всей Солнечной Системе. Два десятка отборных пироподов! Темнотники из зарифовых областей. Лунные кожкрылы, создания из раскаленных глубин Венеры! На расстоянии

десятка световых лет как охотнику этому слииту и равных не было!

— Вы так говорите, словно убивать — очень хорошая вещь, — с отвращением заметил Энди Квам. — Всякое насилие — это зло. Законы Альмалика не разрешают одному живому существу убивать другое живое существо.

В глубоко посаженных глазах Рифника мелькнул огонек.

— И вы тоже никогда не решились бы убить другое живое существо, мистер Квамодиан? Даже скажем, чтобы спасти Молли Залдивар?

Энди Квам покраснел.

— Мы, члены Товарищества, имеем право не подчиняться некоторым законам Альмалика, — сказал он сухо. — И даже в некоторых ситуациях имеем право на насилие.

— Тогда помогите мне! — рявкнул Рифник. — Я хочу выследить одну совсем необычную тварь, Квамодиан, и вы могли бы присоединиться в этой охоте ко мне. Не знаю, что управляет сейчас моим слиитом, но я решил присовокупить его шкуру к моей коллекции!

— Чепуха! — воскликнул Энди Квам. — Да вы... Великий Альмалик! Как вы это себе представляете? Неужели вы не понимаете, что это может оказаться сама Блуждающая Звезда?

Рифник гулко захохотал.

— Испугались, монитор Квамодиан?

— Нет... Или... да, возможно. Не думаю, что стоит рассуждать о возможности простого человеческого создания охотиться на целую звезду, к тому же еще и блуждающую.

Мальчик, который все это время сосредоточенно и молча слушал их, поворачиваясь от одного говорящего к другому, кашлянул, привлекая внимание. Он спросил, переведя разговор на другую тему:

— Послушайте, Проповедник, что это стряслось с Луной?

Уже успевшая подняться на дюжину градусов над горизонтом, достигшая полнолуния Луна была совсем не похожа на обычное ночное светило. Она была почти невидима из-за

тусклого красного свечения, которое отбрасывала. Ничего похожего на обычный сверкающий диск.

— Это все Солнце, — мрачно сказал Энди. — Помнишь, каким красным и сердитым садилось оно за горизонт? После того как ударило трехкратным разрядом. Луна просто отражает его свет. А этот безумец уверен, что ему удастся уничтожить существо, которое вызвало такие потрясения.

— Стоит попробовать, монитор, — прогудел Рифник жизнерадостно. — Вы не против, если я одолжу ваш флаер?

— Зачем?

— Как зачем? Для охоты. Ногами до холмов топать и топать, — объяснил извиняющимся тоном Рифник. — слиита у меня больше нет. Поэтому я был бы очень благодарен вам за флаер. Уже полночь. День Звезды кончился, так почему бы не воспользоваться им?

— Проповедник! — неожиданно воскликнул Руф. — Слушайте! Что это такое?

Квамодиан повелительно вздернул голову, заставив Рифника умолкнуть. Потом лицо Энди Квама дрогнуло.

— Это Молли! — крикнул он, поворачиваясь и стремглав кидаясь к коттеджу. — Она звала меня!

Но когда Энди распахнул дверь в спальню девушки, он обнаружил, что Молли, уже полностью проснувшись, лежит с открытыми глазами, устремив взгляд в потолок. Она медленно перевела взгляд на Энди.

— Энди, — сказала она, — я должна была знать, что ты непременно придешь. Я всегда могла положиться на тебя.

Уши Квамодиана пылали.

— С тобой все в порядке? — тревожно спросил он. — Я слышал, ты кричала...

Она привстала, сев на край кровати.

— В порядке? Думаю, что да. — Лицо ее на миг превратилось в трагическую маску. — Бедный Клифф! — прошептала она. — Как странно. Мне показалось, что он во сне разговаривал со мной. Но только это был не настоящий Клифф. Что-то такое огромное и страшное. Настоящий монстр. — Она

тряхнула головой, потом весело улыбнулась. Энди понимал, что это лишь поверхностная улыбка, что она улыбается, а глубоко внутри пылает мрачный огонь трагедии, и он также понимал, что Молли стоит громадных усилий казаться веселой.

— Я заставила тебя добираться сюда с самого Эксиона, — сказала она. — Мне очень жаль. У тебя всегда были из-за меня неприятности, Энди.

— Ну что ты, чепуха, — сказал он, и голос его вырвался из самой глубины всколыхнувшего его чувства. Молли была тронута. Она погладила его по руке.

— Найдется тут что-нибудь поесть? — сказала она не к месту. — Я очень проголодалась.

Руф был рад предоставить свои услуги, когда Квамодиан передал ему просьбу девушки, и снова произвел на свет огромное количество бутербродов и молока.

— Твои родители не будут сердиться? — поинтересовался Энди. — Мы ведь заняли место в вашем доме и к тому же не страдаем недостатком аппетита.

Лицо мальчика помрачнело.

— Все в порядке, Проповедник, — сказал он. Квамодиан нахмурился, глядя на него.

— Интересно, — сказал он. — А где же твои родители? Они давно уже должны были вернуться из церкви Звезды.

— О, они уже давно ушли оттуда. Они... ненадолго уехали.

Энди Квам остановился посреди маленькой кухни, которая трудолюбиво гудела, производя все новые и новые запасы еды и питья в соответствии с указаниями Руфа, и сказал твердым тоном:

— Руф, ты что-то скрываешь. Почему?

— Ой, не спрашивайте меня, Проповедник! Это... в общем, это моя личная тайна в некотором роде.

Но тут из своей комнаты вышла Молли Залдивар, казавшаяся на удивление отдохнувшей и посвежевшей. Энди не стал продолжать разговор.

Примерно полчаса они непринужденно болтали. Молли была такой же дружелюбной и сердечной, как и в далекие дни на Эксионе-4. Руф был рад возможности услужить девушке. Даже Рифник почти развеселился. Огромный космический охотник потребовал окончательного ответа — присоединится ли Квамодиан к его охоте на Блуждающую Звезду или нет. На секунду, в обстановке уютной теплой комнаты, это показалось Энди почти что разумной затеей — он даже вообразил себе азарт долгой погони, жертвы... Но это была лишь фантазия. Это был не лесной зверь, а плазменное создание, чьи возможности для человека были даже не совсем представимы. Охотиться на него — все равно что ставить капкан на сверхновую.

Потом Энди как-то вдруг заметил, что Молли маскирует ладонью зевок, и тут же сам осознал, насколько он устал.

— Давайте немного отдохнем, — предложил он и не успокоился до тех пор, пока все не разошлись по комнатам. Только после этого Квамодиан позволил себе растянуться на кушетке в гостиной. Дверь в комнату Молли была как раз у него в головах. Он готов был вскочить на ноги при малейшем признаке тревоги.

Да, последний раз он спал много-много часов и миллионы парсеков тому назад. Когда он закрыл глаза, то почти мгновенно погрузился в мертвый сон.

Глава XVI

Где находилась Блуждающая Звезда? Попробуйте определить положение электрона в оболочке атома в данный момент. Точно так же Блуждающая Звезда одновременно находилась и под холмом и заполняла небеса вокруг и обитала в теле слиита, неустанно парившего над домом, где спала Молли Залдивар. Она проникала в любое секретное место в радиусе сотен миль, ее зонды тянулись далеко в

космическое пространство. Но если ее позиция не имела четко очерченных географических границ, то это вовсе не означало, что она не поддавалась локализации. Например, можно было сказать, что составная часть звезды обитала в теле слиита. Значительная масса ее электронного облака, с другой стороны, сконцентрировалась в скальных породах холма. Кроме того, звездное создание обнаружило и другие игрушки, на которые стоило обратить внимание. Так, для примера, звезда обнаружила старинную машину-манипулятор, которую Клифф использовал при оборудовании пещеры-мастерской. Механизм этой машины представлял для Блуждающей не Бог весть какую загадку, но достаточно любопытную, чтобы заинтересоваться ею. У машины была определенная функция, и звезда потратила несколько мгновений, изучая эту функцию и способы, которыми достигалось ее выполнение. Потом, разгадав принцип действия машины, она несколько секунд испытывала ее, получая то, что можно назвать удовольствием познания. «Энергию в моторы, — думала она. — Мою энергию. Привести в движение передачи. Вперед! Разгрести мусор!» Металлическими руками машины она подняла первые попавшиеся на пути предметы — желтый цилиндрический баллон с гелием, кусок скрученной арматуры в двести килограммов. Потом с силой отшвырнула их в сторону.

Теперь все, что она могла получить приятного от игры, Звезда уже получила, и наступила пора перейти к новому занятию.

Робот-инспектор был загадкой посложнее, но зато не таким интересным в игре. Управлять им было не особенно интересно, поскольку его трансфлексионная тяга не слишком отличалась от двигательной системы слиита или того, как передвигалась сама Блуждающая Звезда. Ничего нового здесь не было. Но Звезда понимала, что каким-то образом роботом управляли раньше какие-то очень далекие создания, с которыми он был связан транзитом через гиперпространство, и часть его до сих пор пыталась реагировать на

приходящие сигналы, когда те начинали потрескивать в рецепторах робота. Это раздражало Блуждающую Звезду. Эти призывы со стороны звезды Альмалик были ей не особенно приятны.

К этому времени она уже начала обзаводиться эмоциями.

И одно чувство в особенности не давало ей покоя — необъяснимое влечение к Молли Залдивар, которое звезда ощущала все сильнее по мере того, как мыслительные матрицы Клиффа Хаука все глубже внедрялись в организацию собственной поведенческой структуры звезды. Странно, но звезда не считала это несообразностью. У нее не было соответствующих стандартов, чтобы судить о несообразностях или наоборот. Этот процесс просто доставлял ей беспокойство. Но существовала возможность разрешить проблему. Можно было поддаться этому импульсу и посмотреть, что из этого получится. Звезда могла попробовать взять в себя и Молли Залдивар.

Глава XVII

— Мол-ли! Мол-ли Зал-ди-вар!

Молли проснулась не сразу, сантиметр за сантиметром выплывая из глубокого сна. Хотя она и спала, но часть сознания не забывала ни на секунду, что, проснувшись, она окажется лицом к лицу с нежеланным результатом объективной реальности. Смерть Клиффа, рождение Блуждающей Звезды, ужасная опасность, которую выпустил на свободу любимый ею человек, и которая теперь грозила всей Вселенной...

— Мол-ли...

Кто-то звал ее по имени. Она с неохотой открыла глаза и посмотрела по сторонам. В комнате никого не было. Все еще было темно, она проспала не больше двух часов.

— Кто это? — прошептала она.

Ответом было молчание. Молли вздрогнула. В этом плотном, звучащем во тьме голосе было что-то угрожающее, пугающее и неестественное, он чем-то отличался от обычных человеческих голосов, которые ей приходилось слышать каждый день. Невозможно было выкинуть его из головы и забыть, подобно страшному сну, который наполовину помнится и днем. Он был достаточно реален. Просто невозможно было сейчас снова пытаться уснуть.

Молли встала, накинула на плечи халат, который отыскал для нее Руф, и прошлепала к двери. Она приоткрыла ее лишь чуть-чуть. За дверью была гостиная, и на кушетке там спал Энди Квам. Как раз в тот момент, когда она посмотрела на него, Энди заворочался во сне, лицо его исказилось, он пробормотал что-то неразборчивое и снова замер. Глаза его оставались закрытыми. Бедняга Энди, с симпатией и сочувствием подумала она. Потом беззвучно затворила дверь. Если кто-то и звал ее, это явно был не Энди Квам.

Она подошла к окну, отодвинула шторы и едва не вскрикнула от ужаса. Слиит! Он парил едва ли не вплотную к окну, отделяемый от нее лишь двойным оконным стеклом. Его трансфлексионное поле бледно мерцало, окутывая его, словно облако. Огромные пустые глаза слепо смотрели на Молли, на кончиках металлических когтей отражались последние лучи заходящей Луны. Мерцающее поле быстро завибрировало, и слабая вибрация, передавшаяся стеклу, и породила этот потусторонний голос, который она слышала перед этим.

— Мол-ли. Пой-дем. Ты... нуж-на мне...

На мгновение безудержный ужас охватил ее, и она повернулась, чтобы бежать со всех ног, растолкать Энди Квама, молить защитить ее от этого зверя, который звал ее по имени. Но небывалая фантастичность происшествия удержала Молли на месте. Слиит не мог говорить. Об этом не раз и не два говорил Рифник. Он был совершенно неразумен. И имени Молли он не мог знать. И это было вне

способности Молли — осознать это как реальный факт. К тому же слиит больше не был животным как таковым, подчинявшимся лишь собственным инстинктам. Теперь он был пленником существа, порожденного Клиффом Хауком, которое погубило потом своего создателя

Она открыла одну раму. Почему — она и сама этого не знала. Очевидно, если зверь собирался напасть на нее, смехотворная преграда в виде стекла ни в коем случае не оставила бы его.

— Что... ты хочешь? — прошептала Молли.

Но бестия лишь повторила опять:

— Мол-ли... пой-дем...

Звук, как обнаружила Молли, и это ее очень удивило, издавало само стекло. Каким-то образом существо заставляло его вибрировать с такой частотой, что получались членораздельные слова. И это было еще более странно, подумала она, чем если бы у слиита вдруг обнаружились рот и губы, горлань и язык, и он по-настоящему заговорил бы с ней.

Однако все это приводило в ужас. И даже хуже, чем в ужас. Совершенно неожиданно Молли почувствовала такое отвращение, что едва не вскрикнула, словно от боли.

— Нет! — прошептала она. — Нет! — повторила она и затворила окно.

— Пойдем, — пел слиит или то, что управляло слиитом. Огромная бестия терпеливо пританцовывала в свете своего трансфлексионного поля, ожидая, пока Молли уступит требованию. — Пой-дем, — снова сказал тоненький бесплотный голос. — Мол-ли... пой-дем...

Какое безумие вести разговор с таким существом. И это в совершенно обыкновенной комнате, с помощью совершенно ординарного стекла в оконной раме.

— Нет! — решительно повторила она. — Уходи прочь!

Поняла ли бестия ее слова? Этого Молли не знала. Просто слиит повис в молчании, не спуская с нее своих огромных пустых глаз.

Потом медленно и неотвратно, подобно Джагернауту, слиит выдвинулся вперед. Закрытое окно оказалось для него не более серьезным препятствием, чем ночной воздух. Послышался почти беззвучный треск, шорох падающего на ковер стекла — и это были единственные звуки, которые слышала Молли, когда слиит метнулся к ней. Огромные, смертельно опасные когти потянулись к ней. Она набрала полную грудь воздуха, чтобы закричать, попробовать увернуться, убежать, но... Из фосфоресцирующих, блестящих блюдец-глаз слиита сверкнул какой-то убийственный холодный огонь. Это было нечто вроде мгновенного паралича, молниеносной и полной анестезии, удара, который лишает сознания еще до того, как мозг успевает понять, что был нанесен удар. Молли Залдивар, полностью потеряв способность двигаться, опустилась на ковер, оглушенная и беспомощная. Ей казалось, что она падает, падает, падает...

Последнее, что она запомнила, это хватающие ее огромные когти. Как странно, мелькнула мысль, мне совсем не больно... В следующее мгновение мир для нее исчез, словно захлопнули крышку входа в подвал.

Квамодиан с трудом проснулся, чувствуя бьющий в глаза свет, вливавшийся в комнату через широко раскрытое окно. Он обнаружил, что лежит на кушетке, покрытой синтетическим вариантом меха какого-то животного, что голова его пульсирует болью и тупо ноет каждый сустав, каждая косточка тела. Он чувствовал себя больным и даже не сразу сообразил, где находится. Потом вспомнил. Загадка солнечных разрядов. Кошмарные существа — Рифник и его слиит. Гибель Клиффа Хаука. Рождение Блуждающей Звезды...

Он заставил себя сесть и осмотреться. К валику кушетки кнопкой была прикреплена записка, нацарапанная фоторучкой. Писавший эти строки явно спешил и к тому же не отличался каллиграфическим почерком.

«Проповедник, я не хотел вас будить. Я пошел сообщить родителям Молли Залдивар, что с ней все в порядке. Встретимся там, если захотите.

П.С. Я не стал всех вас будить, так как мне кажется, вам нужно как следует выспаться. Еда на кухне.

Руф.»

Очевидно, все остальные еще спали, судя по могучему скрежещущему храпу, который доносился из комнатки, где помещался Рифник. Из комнаты Молли не слышалось ни звука. Энди Квам заколебался, положив руку на ручку двери. Не было смысла тревожить Молли, и наверняка к двери никто не мог пробраться в то время, когда он здесь спал...

Квамодиан покинул коттедж Руфа. Утро было ясное. Очень ясное. Однако, подумал Энди, здесь что-то не так. И через секунду он обнаружил, в чем странность. Все дело было в цветах. В небе не было ни облачка, но воздух казался тяжелым и густым, словно перед грозой, когда собираются тяжелые грозовые тучи и на все вокруг ложится тревожный желтоватый отсвет. Прищурившись, он глянул на Солнце и сразу понял причину.

Красный, сердитый, покрытый пятнами диск светила доказывал, что оно все еще не оправилось от того, что возмутило его вчера вечером. Оно не походило на обычное Солнце Земли, тот золотистый диск, вид которого был отражен в тысячах книг и песен. Теперь оно чем-то напоминало Энди змеящееся протуберанцами солнце планеты, где он оставил Клотильду Квай Квич.

Прихрамывая, Квамодиан пересек широкую площадь. Небольшая прогулка несколько взбодрила его. Да, вчера выдался трудный денек. И очень беспокойный, подумал он, с нахмуренным лицом вспоминая нерешенные до сих пор проблемы и то, что вытекало из них и с чем еще предстояло столкнуться.

Быть может, новый день прояснит хоть часть из них, подумал Квамодиан, но особой уверенности не испытал.

Он стороной обошел церковь Звезды, остановил случайного прохожего и выяснил у того дорогу к дому родителей

Молли Залдивар. Путь лежал мимо Центрального муниципального узла поселка, как выяснилось немного спустя, что вполне соответствовало планам Энди. Дополнительная информация ему весьма бы пригодилась — если только он сможет ее раздобыть. Но Центральный муниципальный узел оказался вовсе не тем гибридом библиотеки и ратуши, каким он ожидал его увидеть.

Под ногами Квамодиана чернел странный правильный круг закопченного цемента. Это его озадачило — казалось, в сельской идиллии провинциального поселка такому образованию просто не было места. Внезапно послышался записанный на пленку голос автомата:

— Добро пожаловать, дорогие гости. Вы приземлились у исторического памятника Мудрый Ручей. Это часть поселка Мудрый Ручей, каковому реконструкцией придан в точности тот вид, какой он имел в тот день, много-много лет назад, когда нас впервые посетили Посетители.

— Мне не нужна экскурсия по историческим местам, — обратился Энди к пустоте, поскольку вокруг никого не было видно. — Мне нужна кое-какая информация.

Но ответа не последовало. С раздражением Квамодиан понял, что имеет дело с программированным экскурсоводом низшего класса. Это был даже не гомеостат, а запрограммированное на присутствие людей устройство с записанной на пленку лекцией. Он вошел в ворота с массивными створками.

И на секунду ему показалось, к полному его ошеломлению, что он вдруг оказался в преисподней. Воздух щипал глаза. Промышленные газы — отходы несовершенного технологического процесса — едва не задушили его. К ним добавил продукт плохо окисляемого минерального топлива. Моргая и щурясь, он различил, наконец, что его окружает мрачного вида круг из кирпичных и деревянных домиков самого отвратительного вида.

В дальнем конце улицы виднелась фигура человека. Он смотрел в другую сторону и не двигался. Чувствуя досаду и

раздражение, Энди Квам зашагал в его сторону, не обращая внимания на разворачивающийся вокруг него спектакль. Он подошел к приземистому строению из серого бетона, на котором крупными буквами было выведено: ПЛАН ЧЕЛОВЕКА. Из пустоты раздался веселый голос:

— Добро пожаловать, гости! Это здание — часть мемориального комплекса при нашем Центральном Муниципальном узле и представляет собой старинную примитивную «Налоговую контору». В этой конторе каждый гражданин сообщал «Плану Человека» то количество знаков оплаты, которые он получал за свою работу в течение года. После чего вынужден был расстаться с определенной их частью. Здесь же находилась лавка снабжения, в которой он мог обменивать оставшуюся часть ценностных знаков на одежду или другие необходимые ему вещи. Тут же находился и призывной пункт, где молодые мужчины и женщины были вынуждены постоянно упражняться в пользовании примитивным, но смертоносным оружием тех времен. Здесь же помещалось отделение главного института тех времен, «Планирующий Офис», где все действия граждан проверялись и доводились до сведения примитивного компьютера. Здесь, дорогие гости, находился! центр государственного правительственного аппарата тех прошедших времен!

Энди Квам мрачно проследовал дальше, игнорируя бессмысленное бормотание. Нет, эта выставка насыщена слишком мрачным реализмом, думал он с отвращением. Даже воздух был загрязнен углеводородами, сажей и фотохимикатами, продуктами примитивных двигателей внутреннего сгорания. И человек, к которому он приближался, был очень странно одет — очевидно, в костюм той эпохи! Форменный костюм из плотной ткани, уродливая короткая стрижка; а на шее что-то похожее на массивное металлическое кольцо, явно слишком тугое и тяжелое, чтобы его удобно было носить. Он стоял совершенно неподвижно, повернувшись в сторону входа в здание.

— Простите, — окликнул его Энди Квам, — вы не можете мне найти дом Джудит Залдивар? — Он тут же оборвал себя, сообразив, что имеет дело лишь с человекоподобным манекеном. Новая запись жизнерадостно объяснила Энди:

— Человекоподобный манекен, дорогие гости, который вы видите перед собой, является точной копией так называемого Опасника. Так назывались самостоятельно действующие мужчины и женщины. Железный воротник, который носил каждый Опасник, содержал внутри себя обезглавливающий заряд, который детонировался Планирующей Машиной при малейшем подозрении в опасных действиях и поступках.

Манекен, масс-детекторы которого засекали присутствие Энди Квама, медленно повернулся и отвесил деревянный поклон.

— Великий Альмалик! — в отчаянии вскричал Энди. — Мне нужна лишь маленькая справка! Как мне найти дом мистера и миссис Залдивар?

Тишина, только ожидающе гудел сигнал-носитель.

— Кто-нибудь слышит меня? — крикнул Энди в отчаянии.

Снова тишина, потом голос с сомнением произнес:

— Гости, вас приглашают вернуться к историческому Мемориалу Мудрый Ручей. Историческая выставка была создана и функционирует при поддержке Товарищества Звезды в целях общественного осведомления.

— Я принадлежу к Товариществу сам! Я, — монитор Энди Квамодиан, и я требую, я настаиваю, чтобы вы ответили мне на поставленный простой вопрос!

Снова тишина.

— Мы надеемся, что выставка показалась вам интересной и полезной, — вздохнул записанный голос. Его программа явно не позволяла ему отвечать на вопросы, не имеющие непосредственного отношения к выставке. В гневе Энди Квам повернулся и отправился обратно по собственным следам.

Полчаса и множество бессильных приступов ярости спустя он все же обнаружил Хуана Залдивара, который был занят наладкой какой-то сельскохозяйственной машины в зеленом кожухе, стоящей на краю поля. Симпатичный атлет, свободный теперь от гипноза в церкви Звезды, приветствовал Квамодиана блеском зубов в ослепительной улыбке.

— Меня беспокоит Молли, — начал Квамодиан.

— И меня тоже, — быстро кивнул Залдивар. — Она стоит на опасном и порочном пути. Но Альмалик запрещает приносить других вступать на путь спасения. Она должна решить за себя сама и принять Посетителей...

— Нет, я не об этом! — воскликнул Энди Квам. — Вы понимаете, что ее едва не убило создание, в котором я сильно подозреваю Блуждающую Звезду?!

Вид у Хуана Залдивара был неподдельно потрясенный.

— Какой ужас! — воскликнул он. — Нужно немедленно что-то предпринять. Вы должны сказать ей, что ее единственная защита — Альмалик. Она не должна откладывать присоединение ни на минуту.

— Нет, нет, — простонал Энди. — Послушайте меня, Залдивар! Это дело теперь касается не только Молли, но и всего Товарищества Звезды, даже всей Вселенной, как как ей грозит опасность. Вы понимаете, что такое Блуждающая Звезда? Посмотрите на Солнце!

Квамодиан махнул рукой в направлении высоко поднявшегося над горизонтом распухшего светила. Хотя Солнце и стояло высоко, вокруг царили предгрозовые сумерки. Залдивар глянул на Солнце, прищурив глаза, с выражением легкой заинтересованности.

— Любопытно, — согласился он, кивая.

— Любопытно? Да это опасно, смертельно опасно!

— Кому грозит опасность? Молли? — с вежливым интересом спросил Залдивар. — Я не совсем улавливаю вашу мысль, монитор Квамодиан. Если вы хотите сказать, что Молли грозит беда, я с вами согласен. И вам тоже. И всем,

кто не принял Звезды, что знаменуется принятием Посетителей в тело.

Энди Квам глубоко вздохнул и постарался сдержать себя. Мир Альмалика, напомнил он себе, это великий дар для человечества. К сожалению, те, кто принял его — конечно, благословенные превыше всех остальных людей здоровьем, радостью, звездоданным миром — иногда оказываются довольно трудными на подъем, с ними нелегко иметь дело. Вот почему прочие люди, такие как он сам, мониторы и добровольные агенты Звезды, не могли принять Посетителей. Он уже должен был со всем этим смириться и воспринимать спокойно... Он сказал, стараясь сдерживать растущую внутри бурю:

— Хуан Залдивар, я прошу вас во имя Альмалика оказать мне услугу. Поскольку вы находитесь в контакте с разумной Звездой через Посетителей, я хочу, чтобы вы передали ей предупреждение относительно рождения Блуждающей Звезды.

— Я уже сделал это, — доброжелательно сообщил Хуан. — Альмалик знает все, что знаю я.

— Прекрасно, — вздохнул Энди. Он почувствовал некоторое облегчение и испытал известную робость, вообразив на мгновение всю мудрость и мощь многосоставного гражданина Вселенной по имени Лебедь, все те разумы бесчисленных солнц, роботов и людей, связанных в единый разум посредством фузоритов-Посетителей.

— Теперь, — сказал он, — вы должны помочь мне найти ответ на одну загадку. Я хотел бы знать, почему вчера ударили разряды. Ответственен ли за л о Альмалик?

Залдивар снова, прищурясь, посмотрел на Солнце, а потом с серьезным видом тряхнул головой.

— Нет, — ответил он торжественно. — Это была акция насилия. Насколько нам известно, было уничтожено определенное оборудование и погиб по крайней мере один человек. Альмалик против насилия, поэтому он явно не ответственен за эту акцию.

— Виновата ли в таком случае в этом Блуждающая Звезда? — спросил Квамодиан, пристально глядя на Хуана Залдивара.

— Это нас не интересует, монитор Квамодиан, — безмятежно глядя в пространство, отвечивал Хуан. — Мы не станем сопротивляться.

— Но вам грозит опасность! Даже разумным звездам. Ведь родственное им, но враждебное существо вот-вот вырвется на свободу в Галактику!

— Мы не окажем сопротивления, — повторил Хуан. — Совершая насилие, мы бы разрушили самих себя. — И, тихо пробормотав извинение, он снова принялся настраивать свою машинку.

В записке Руфа говорилось, что он будет находиться в доме Залдиваров, но мальчика нигде не было видно. Дверь в жилище стояла открытой, но на звонок Энди никто не отошел. Откуда-то сверху слышались воркующие, безмятежные музыкальные звуки. Квамодиан пошел на звуки, и двери сами открывались перед ним. Гомеостатический дом-автомат приветствовал его, а движущаяся лестница-подъемник доставила на крышу дома.

Там сидела Дейдра Залдивар, наигрывая на музыкальном инструменте, превращавшем ее эмоции в музыкально-модулированные звуки, цветные объемные формы, ароматные запахи. Она с улыбкой приветствовала его. Такая же молодая, как Молли, с красотой, не нарушавшейся звездочкой на щеке, она была всецело поглощена своим занятием и не хотела, чтобы ее от него отрывали.

— Руф? О, да, монитор Квамодиан, я его знаю. Но мальчика здесь нет.

— Очень странно, миссис Залдивар. — Энди Квам нахмурился. — Он сказал, что встретит меня здесь. А вам он ничего не говорил?

Дейдра Залдивар рассеянно перебирала пальцами струны, издавая вибрирующие звуки, наблюдая, как растет

розовая светящаяся полусфера, превращается в розовую, потом в красную, потом темнеет и становится невидимой.

— Да нет же, монитор Квамодиан! Мы ничего не знаем о Руфе. Это действительно так.

Она вопросительно глянула мимо Энди. Тот растерянно оглянулся и увидел перед собой блестящий черный корпус робота, подобно гигантскому яйцу покачивающийся в трансфлексионном поле над клумбой роз.

— Инспектор?.. — неуверенно спросил он. — Я... я не заметил вас.

Пульсирующий плазменный овал робота ярко замерцал.

— Я не Инспектор, — пропел робот своим обычным сладким голосом. — Эта моя часть больше не функционирует.

— Как? Почему не функционирует?

— Она отсоединена, монитор Квамодиан, — безмятежно пропел робот. — Тем не менее я как заместитель инспектора имею доступ ко всему объему его памяти вплоть до момента отсоединения, поэтому с точки зрения практических соображений вы можете считать нас адекватными единицами. Вам необходимы мои услуги?

— Нет, — сказал Энди Квам. — То есть... Да, думаю, что нужны. Но сначала я хотел бы поговорить с миссис Залдивар. Молли пережила сильное потрясение, но сейчас она отдыхает в полном покое. Я думаю, что она скоро поправится, но ей... грозит опасность.

У Дейдры Залдивар был вежливо озабоченный вид.

— Очень жалко, — сказала она с сожалением. — Она такая милая девчушка. Но, — она пожала плечами, улыбаясь роботу-инспектору, — она ведь не член Товарищества Звезды. Как и все неприсоединившиеся, она подвержена опасностям индивидуального существования.

Она повернулась к панели своего инструмента и, быстро пробежав по клавишам красивыми тонкими пальцами, выстроила завораживающую башню из цвета, света и запаха.

— Когда Молли примет Посетителей, монитор Квамодиан, — сказала она, наблюдая, как плывет в воздухе ее

композиция, — все станет прекрасно. В Товариществе Звезды все всегда прекрасно.

Энди Квам ощущал, как снова растет груз давящего на него отчаяния. Словно независимые от его воли, сжимались зубы, углублялись морщины во лбу. Он повернулся к роботу и резко выпалил:

— Послушайте, вы можете объяснить, что происходит с Солнцем? Мне необходима информация.

— В каком именно отношении происходит, монитор Квамодиан? — вежливо пропел робот.

— В отношении внешнего вида. Взгляните на него! И еще вчерашние плазменные разряды... Что происходит?

— У нас нет сведений по этому вопросу, — с сожалением ответил робот.

— Верно ли, что многосоставной гражданин Лебедь не имеет к этому никакого отношения?

— Совершенно, верно, монитор Квамодиан, — заверил его робот, и в его высоком голосе прозвучало неодобрение такого вопроса. — Альмалик сообщает нам, что этот факт был уже доведен до его сведения гражданином Хуаном Залдиваром. Вы должны знать, что гражданин Лебедь никогда не допустит насилия со своей стороны.

— Хорошо, но как быть с Солнцем? Может... — Мысль, внезапно взорвавшаяся в мозгу Квамодиана, заставила его поперхнуться. — Может, интеллект Блуждающей Звезды переместился в Солнце?

— Звезда Солнце, — ответил робот, — не является членом гражданина Лебедь и никогда не входила в другие ассоциации цивилизованной Вселенной. Другой информации о ее интеллектуальном статусе мы не имеем.

— Но его ненормальное поведение угрожает всем жителям на планете, — запротестовал Квамодиан. — Один человек уже погиб. Я опасюсь, что угроза может перекинуться и на звезды, составляющие Лебедь.

— Альмалик осведомлен об этом, — промурлыкал робот. — Мыслящие звезды спокойны.

— Зато я встревожен! — рявкнул Энди. — Я требую вашей помощи!

Робот подплыл поближе, его плазменный овал ярко за-светился.

— Это ваше право, монитор Квамодиан, — сладким голосом согласился он. — Я подчиняюсь до тех пор, пока нет прямого противоречия с законами и указаниями Альмалика.

— Отлично, — процедил Энди Квам. — Начните с того, что дайте Альмалику знать о моей встревоженности этой проблемой. Подчеркните, что, по моему мнению, срочно необходимо предпринять определенные меры.

— Какие именно? — с готовностью уточнил робот.

Квамодиан был готов к этому вопросу.

— Попросите Альмалика пересмотреть мои рапорты по делу Сола Скотта и Блуждающей Звезды Клиффа Хаука, — выстрелил он. — Поторопите Альмалика войти в контакт с Клотильдой Квай Квич. Попросите его предложить варианты других действий.

— По он уже сделал это, — пропел голос робота. — У нас нет никакой новой информации о мониторе Клотильда Квай Квич, и никакие новые действия нам не предложены.

Квамодиан уставился на робота свирепым взглядом. Он едва не сказал нечто такое, что стоило бы ему вечного раскаяния, нечто такое, чего ему никогда не удавалось сказать. Не удалось и на этот раз. Откуда-то снизу послышался тонкий пронзительный крик. Кричавший называл его имя.

— Проповедник! Вы там?

Квамодиан одним прыжком оказался у поручня скользящей лестницы и посмотрел вниз.

— Это ты, Руф? — крикнул он.

Показался мальчик, лицо его покраснело от слез, и он до сих пор всхлипывал.

— Проповедник! — сквозь слезы крикнул он. — Молли Залдивар! Она пропала!

Квамодиану показалось, что кровь в его жилах обратилась в лед. Время остановилось.

— Пропала? Как?

— Не знаю, Проповедник. Я... думаю, ее унесла эта штука!

Казалось, мир вокруг Энди померк. Голос мальчика растаял, словно дым, оставив лишь тонкий завиток ужаса. Квамодиан вздрогнул, потом постарался взять себя в руки, успокоиться и рассуждать логично. Но сейчас это было выше его сил. Нужно было не думать, а действовать. Он схватился за поручень и помчался вниз по скользкой ленте лестницы, не ожидая, пока ее детекторы обратят на него внимание и дадут ленте обратный ход. Из-за его спины загремел, вызывая боль в ушных раковинах, усиленный голос робота, подобный грому величественного органа:

— Монитор Квамодиан! Подождите! Я должен выяснить ваши намерения!

Квамодиан остановился и, попытавшись взять себя в руки, наполовину обернулся.

— Намерения? — повторил он. — Я намерен вернуть Молли Залдивар.

— Каким способом, монитор Квамодиан? — загремел робот.

— Каким способом?.. — Энди замолчал, потом вдруг осознал, что все время ответ был у него под носом. — С помощью Рифника! — воскликнул он. — Мы выследим это создание и уничтожим!

Робот протрубил, несколько уменьшив громкость, но все равно вызывая боль в ушах:

— Это насилие, монитор Квамодиан. Вы намерены совершить насилие. Товарищи Звезды не могут соучаствовать в подобной акции.

— А я могу! — крикнул Энди Квам. — Наша организация существует именно для таких целей. Мы можем делать то, что граждане многосоставного гражданина Лебедь не смогли бы сделать ни при каких обстоятельствах.

Черное яйцо робота быстро подплыло ближе к нему.

— В прошлом, — пропел он, — это так и было. Но, как стало известно, некоторые компаньоны Альмалика в

Товариществе, прикрываясь его именем, совершали акты бессмысленного насилия. Это была серьезная ошибка, монитор Квамодиан. Исходя из этого, статус вашей организации был пересмотрен. Хотя за Товариществом и его членами сохранены некоторые права в требовании информации и побуждений к действию, применять насилие им воспрещается.

Ошеломленный Квамодиан отскочил, задев кристаллический орнамент в виде языка пламени. Украшение упало на пол и разлетелось на осколки. Светящийся овал робота выпустил плазменный щупалец, собирая их.

— Этого не может быть! — выдохнул Квамодиан. — Мы... мы должны иметь свободу действий, чтобы защищать вселенских граждан!

— Мы не оказываем сопротивления, — безмятежно промурлыкал робот. — Это основной принцип этики Посетителей. Теперь компаньоны Товарищества не имеют больше права оказывать сопротивление нашим именем.

Энди Квам постоял молча, потом посмотрел вниз, на бледное лицо ждущего мальчика, пнул носком хрустальный осколок, послав его через весь зал, и начал спускаться.

— Монитор Квамодиан! — пел робот. — Монитор Квамодиан, я уведомил вас!

Энди Квам что-то неразборчиво промычал в ответ и продолжал спуск. Робот снова увеличил усиление до оглушающих пределов.

— Монитор Квамодиан! Мы требуем ответа! Каковы ваши намерения?

Энди Квам приостановился ровно настолько, чтобы повернуть голову в сторону робота.

— Я уже сказал! — вызывающе ответил он. — Я уничтожу это чудовище — с вашим разрешением или без оно!

Горячее облако плазмы, образовавшееся в каверне под горой, вырытой еще во времена Плана Человека, успело давно растаять. Чрево инкубатора, в котором родилась Блуждающая Звезда, уже давно остыло, так как его не питала подводимая извне энергия старых энерготруб. Но воздух все еще пах озоном и оплавившимися медными контактами, автономная система освещения моргала, не в силах рассеять густые черные тени.

Слиит опустил Молли Залдивар на пол, и теперь над ней повисло облако светящейся электронной плазмы, которое и было новой Блуждающей Звездой. Она отослала слиита — он пугал Молли, и каким-то образом звезда этот страх ощутила. Но девушка всхлипывала, лежа на холодном бетонном полу, и некий инстинкт приказал звезде устроить ее поудобнее.

Нужно передвинуть ее в удобное место, думала звезда, перебирая варианты различных способов произвести эту операцию. Несколько пикосекунд спустя ее выбор пал на одну из прошлых игрушек, старую машину-манипулятор, которой всегда пользовался Хаук. Им было так же легко манипулировать, как и старым электромобилем Молли. И Блуждающая Звезда заставила его со скрипом двинуться вдоль ржавых рельсов ко входу в пещеру, где лежала девушка...

Хотя в принципе управление манипулятором ничего сложного не представляло, оно все же требовало определенного навыка, которым Блуждающая Звезда не обладала. Машина так медленно реагировала на команды, так медленно тащилась, пробираясь сквозь завалы камня и прочего мусора. Звезда отдыхала, впитывая энергию из воздуха и камня, и снова бралась за машину.

Девушка встала на четвереньки, расширившимися гла-

зами глядя на приближающуюся дымящую и лязгающую машину. Блуждающая Звезда сделала паузу и еще раз попробовала поупражняться в человеческой речи. Используя динамики передатчика манипулятора, она проскрежетала:

— Молли Залдивар. Как мне заставить тебя полюбить меня?

Глаза Молли расширились.

— Монстр! — воскликнула она. — Кто ты?

Блуждающая Звезда с трудом приспособила контуры машины для ответа.

— Я... монстр? Почему ты не любишь меня? Я...я тебя люблю, Молли Залдивар.

И она почувствовала нарастающий страх девушки, очень слабо, издалека, но почувствовала.

В отчаянии девушка поднялась на ноги и попыталась спастись бегством. Но звезда легко поймала ее стальными лапами манипуляторов и притащила обратно. Девушка вскрикнула. Звездное существо замерло, размышляя. Трудно было разобраться в процессах, управляющих живой материей. Но зеленое излучение ауры, окружавшее ее, вдруг пронзили красные вспышки, которые для Блуждающей Звезды означали пусть не «боль» — поскольку она не могла соотнести эту часть Клиффа Хаука с чем-то из своего опыта — но какую-то неполадку, и понадобилось некоторое усилие, чтобы понять — неполадка в функционировании данного лучистого конгломерата вызвана силой, с которой манипуляторы машины сжали относительно слабое тельце девушки.

Блуждающая Звезда осторожно опустила девушку на пол кабины старого манипулятора и принялась методически анализировать полученные сведения. Это был долгий процесс, потребовавший целую микросекунду — материал для дедукции и интерполяции был обширен. Даже собственные поступки для Блуждающей Звезды были не очень ясны, она еще не имела понятия, которое бы обозначалось словом «любовь», хотя она и чувствовала, Ч10 именно так лучше всего описать свое влечение к Молли. Она быстро выделила часть своего сознания и ввела его в мозг Молли Залдивар, изучая его, стараясь вычислить, какой был нанесен вред. Повреждения оказались весьма незначительными — пострадало всего несколько сотен клеток органических соединений, и совсем небольшая относительно их порция была разрушена. Блуждающая ввела необходимые поправки в расположение тканей, прекратив утечку циркулирующей в организме жидко ста, соединила несколько пострадавших сосудов и связок, потом, довольная работой, повысила тонус

жизнедеятельности девушки и вновь подсоединила вынесенную часть сознания к основному массиву.

Девушка чувствовала, что что-то происходит, но не понимала, что именно, и была близка к истерике. Она села на пол кабины манипулятора, слабо застучала в окна — сквозь окружавшее кабину свечение вновь ослепительно засверкал золотой ужас, и снова с ней попытался заговорить слиит:

— Почему ты сопротивляешься, Молли? — слышался потусторонний голос. — Почему ты не любишь меня?

Молли поднялась и рухнула на сидение кабины, хрипло и отрывисто захохотав.

— Любить? Разве ты можешь любить?

— Да, могу, Молли Залдивар. Почему ты боишься меня?

Она вздрогнула, заставив себя ответить:

— Почему? Потому что ты не имеешь права существовать, монстр! Ты — искусственно созданный интеллект. Трансфлексионная матрица твоего разума была сотворена в плазменном облаке Клиффом Хауком и Рифником...

Когда она упомянула имя Клиффа Хаука, зеленую ауру ее свечения пронзило золотое сияние.

— Я Клифф Хаук, — сказала Блуждающая Звезда.

— Ты? — девушка затаила дыхание. Теперь она вся тряслась, наполовину от ужаса, наполовину оттого, что не могла понять происходящего. — Клифф погиб, я сама видела, как он умирал.

— Да, он умер. Но я — та часть Клиффа, которая уцелела. Клифф Хаук — часть меня. И ты должна меня любить.

Девушка, не выдержав, бурно разрыдалась. Немного подумав, Блуждающая Звезда снова проникла в ее мозг, нашла уже знакомые центры и погрузила Молли в сон. Потом она перебрала всю имеющуюся в мозгу информацию относительно поддержания жизнедеятельности масс организованной материи органического характера. Информации, честно говоря, было очень мало. Но некоторые насущные нужды были ясны. Девушке нужно место для отдыха. Ей необходим воздух для внутренних процессов сгорания — звезда тут же

побеспокоилась о том, чтобы доставить соответствующее количество из окружающей атмосферы. Ей понадобится жидкое соединение «аш—два—о», которое тоже легко синтезировать из подручных материалов. Кроме того, ей будут необходимы специальные химикалии для поддержания обмена веществ, химикалии класса, которые звезда понимала под не очень ясным термином «пища».

Она решила заняться всеми этими делами немедленно. Сначала открыла дверцы кабины манипулятора. Потом отыскала наполовину оглушенного слиита, парившего над верхушкой холма, вошла в него и вернула животное в туннель. После управления лязгающей старой машиной тело слиита казалось гибким и мощным инструментом. Блуждающая Звезда стрелой метнула его в пасть туннеля, потом вниз по вертикальному стволу. Поворот, и слиит присоединился к машине и девушке. Звезда испытывала упоительную радость, повелевая бесшумной мощью трансфлексионных полей или даже тем страшным излучением, которое она могла исторгнуть из слепых убийственных глаз. Могучими когтями слиита она подняла тело спящей девушки и понеслась вдоль изгиба суживающегося туннеля в глубь горы, все глубже и глубже, пока не отыскала колодец, замеченный ею раньше.

Здесь Блуждающая Звезда сделала остановку, зондируя темное дно колодца. Она не обнаружила ничего враждебного, никакой организованной органической материи. Это была, собственно, давно забытая база одного научного учреждения Плана Человека. Блуждающая Звезда понятия не имела, что означает этот термин, и еще меньше была заинтересована узнать об этом.

Очень осторожно, прижав Молли к огромному гладкому боку слиита, она спускала животное в темноту, пока, миновав невидимые во тьме стены колодца, оно не оказалось в залитом зеленоватым призрачным светом пространстве. Это было нечто вроде огромной сферы, образовавшейся у основания холма. Когда-то быстро увеличивающийся поток

нейтронов пронесся сквозь несколько килограммов делящегося вещества, и произошел ядерный взрыв, расплавив несколько десятков тонн скальных пород, испарив их, образовав огромный пузырь и поддерживав его своим давлением достаточно долго, чтобы тот успел обрести форму. Давление упало, расплавленный камень затвердел, и осталась шарообразная пустота в теле холма — пещера.

Бледное свечение испускала вся пещера, а в особенности скопление тумана, словно солнце, повисшее в центре пещеры. В облако это уходила металлическая башня, поднимавшаяся со дна пещеры. Башню оплетала ажурная металлическая спираль лестницы, ведущая к огражденной платформе на верхушке башни. Что это за пещера? Что это за башня? Блуждающая Звезда не стал задумываться над этими вопросами. Она заботливо положила Молли Залдивар на дно сферической каверны и позволила ей проснуться.

В той степени, в какой нечеловеческое существо плазменного типа способно было испытывать удовольствие, оно было сейчас удовлетворено тем, как оно справилось с задачей. Оно отыскало для непонятно привлекательного вещественного конгломерата по имени Молли Залдивар такое укрытие, где ей ничто не угрожало со стороны внешнего мира и где сама звезда могла без помех продолжать попытки вступить с Молли в контакт. Температура, давление и химический состав среды, насколько могла судить Блуждающая Звезда, в общем, подходили для живого существа. Конечно, она была еще сравнительно молодым существом, которому не хватало опыта, и даже принимая во внимание те поглощенные мыслительные матрицы, которые составляли все, оставшееся от Клиффа Хаука в системах самой звезды, она не слишком хорошо разбиралась в химии жизнедеятельности живых конгломератов. С точки зрения Блуждающей Звезды, привлекательным фактором этой пещеры было наличие ионизирующей радиации, исходящей из камня стен пузыря и прежде всего от странного светящегося облака тумана. Для Блуждающей Звезды это был

дополнительный источник энергии про запас. Она не подозревала, что для Молли это был смертный приговор.

Девушка проснулась со вскриком, огляделась по сторонам, не понимая, где находится, увидела силуэт парящего слиита, попыталась вскочить и убежать. Но бежать было некуда. Она поскользнулась и упала на холодный черный камень, скользкий от текущей воды, и некоторое время лежала неподвижно, всхлипывая. Блуждающая Звезда попыталась создать в воздухе модулируемые колебания, чтобы обратиться к девушке. Это было сделать очень даже непросто. Даже используя поле слиита, заставляя его вибрировать с нужной частотой и амплитудой, насколько это было в ее силах — звезда не имела под рукой подходящей субстанции, которую можно было бы использовать как мембрану. Из металлической башни и шатких ступенек лестницы она смогла выдавить только отвратительный металлический скрежет-воплъ, пугающий и ничего не говорящий. На несколько пикосекунд Блуждающая Звезда растерялась. Ее телесное воплощение — слиит — не имело голосовых связок или других механизмов, пригодных для воспроизведения звуковых сигналов. Но вся звезда ведь не умещалась в слиите. Она быстро выпустила плазменный палец-эффектор и прозондировала саму башню. Там она обнаружила целый ряд приборов, таких же новеньких, как и в тот день, когда их установили. Звезда перебрала их один за другим, пока не нашла инструмент с гибкой мембраной. И через нее она обратилась к Молли.

— Молли Залдивар, ты не должна бояться, потому что я люблю тебя.

Невольнo вырвавшийся у девушки крик вызвал странное эхо, отразившееся от сферического потолка пещеры. Блуждающая Звезда терпеливо парила в воздухе, ожидая.

Дрожа и скользя на неудобном полу пещеры, девушка поднялась и посмотрела вверх. С большим трудом она прошептала:

— Кто ты?

— Часть меня — Клифф Хаук. Называй меня Клифф.

— Я не могу. Что за чудовище!

— Чудовище? — Звезда проанализировала этот термин. Потом она активировала свой дистанционный громкоговоритель и сказала:

— Я твой любимый, Молли Залдивар.

Лицо девушки странно сморщилось, но на этот раз она удержала себя в руках. Ее улыбка была совершенно холодной, бескровной, жутко выглядевшей в не дающем теней пространстве пещеры.

— Мой любимый, — растерянно протянула она. — Потом задумалась ненадолго. — Мне повезло, — смело сказала она. — У какой девушки есть такой могущественный любимый?

Блуждающая Звезда не в состоянии была понять близкое к истерике состояние Молли Залдивар. Она была озадачена тем, что аура вокруг головы девушки не приобретала того нежного розового или жемчужного оттенка, который она хотела бы вызвать. Но звезда слишком мало знала о человеческих существах, чтобы понять действия Молли. В обличье тела слита она подплыла к поднявшейся на ноги девушке, позволяя той погладить густой мех дрожащими пальцами.

— Если я полюблю тебя, — с дрожью в голосе прошептала Молли, — ты мне поможешь?

Мощные энергетические потоки прогремели сквозь сознание Блуждающей Звезды, могучие и неодолимые. Это было нечто вроде радости, возвышенного состояния духа. Звезда позволила слииту опуститься к ногам Молли.

— Я сделаю для тебя все, — поклялась она через маленький громкоговоритель.

Девушка вся трепетала, но не стала сопротивляться, когда огромные когти прижали ее тело к мягкому меху. Блуждающая Звезда почувствовала ее ужас и попыталась подбодрить девушку.

— Здесь мы в безопасности, Молли. Здесь нам не страшны никакие враги.

Но страх девушки почему-то не уменьшался.

— Я упала в воду, — прошептала она. — Я промокла, мне холодно.

Блуждающая Звезда увеличила температуру тела слиита, сделала его теплым. Но девушка все равно продолжала дрожать от страха.

— Я человек, — прошептала она. — Мне нужна пища, вода. Я должна есть, или я умру.

Перегруженный громкоговоритель проскрежетал сверху:

— Я принесу тебе еды, Молли Залдивар. И принесу все, что тебе необходимо. Но ты должна оставаться здесь, где мы будем в полной безопасности.

Блуждающая Звезда сделала пещеру более уютной — сжигающим лучом трансфлексионного поля она высушила воду, принесла из башни подушку мягкого сидения, чтобы Молли удобно было отдыхать. Она опустила дрожащую девушку на подушку и снова проникла в ее сознание, чтобы избавить Молли от парализующего ее ужаса. Почти сразу девушка уснула.

В обличье тела слиита Блуждающая Звезда отправилась в набег. Она покинула колодец, ведущий в сферическую камеру, пронеслась по узким коридорам, вылетела в основной туннель, а оттуда — во тьму ночи. Ей потребовалось всего несколько секунд, чтобы стрелой домчаться до ближайшего человеческого жилища. Она вынырнула из темноты прямо на небольшой коттедж, сплющила небольшое четвероногое, осмелившееся залаять на слиита, пробила стену и завладела ящиком-холодильником с человеческой пищей.

Неся небольшой ящик в когтях слиита, она снова вернулась к холму, где остановилась, задумавшись.

Молли Залдивар едва не умирала от ужаса. Это-то Блуждающая Звезда была в состоянии понять. Но отчего? Звезда, которая имела общую с другими разумными существами гоморфную черту — заблуждение, уверенность в совершенстве собственной структурной матрицы — не могла поверить, что Молли пугало ее собственная звездная сущность. Нет,

несомненно, решила звезда, пугал Молли слиит, воплощение Блуждающей Звезды. По смутным обрывкам сведений, извлеченных из памяти Клиффа Хаука, Звезда поняла, что огромные слепые глаза слиита, его страшные когти — все это способно привести в ужас более слабое существо, чем сам слиит. Звезда решила покинуть облик слиита и появиться перед Молли в ином обличье.

Неподалеку от каменной полки у входа в пещеру, на том месте, где бросила его Блуждающая Звезда, лежал корпус робота-инспектора. Звезда вошла в его корпус, включила трансфлексионное поле, подняла робота в воздух и, подхватив холодильник с едой, помчалась вдоль извилистых коридоров к вертикальной шахте, а из нее вынырнула в замораживающий свет холодного опалесцирующего облака в центре камеры-пузыря.

Молли не спала.

Звезда, облаченная в яйцевидное тело робота, быстро затормозила и повисла вне пределов видимости девушки, покачивая эффекторами ящик-холодильник. Молли не лежала больше на принесенных для нее подушках. Она была внутри ажурной металлической башни, в отчаянии вращая ручки настройки древнего радио. Блуждающая Звезда прислушивалась сквозь рецепторы робота.

— Вызываю монитора Квамодиана! — вздохнула девушка, всхлипывая. — О, пожалуйста, Энди Квам, отвечай!

Звезда знала, что передатчик не работает. Она повисла неподвижно, позволяя девушке выговориться.

— Молли Залдивар вызывает монитора Квамодиана! Энди, пожалуйста, слушай! Я попала в ловушку в пещере. Это создание... Блуждающая Звезда, или как там она называется... держит меня в ловушке. Потому что она говорит... что любит меня. И она не отпускает меня ни за что!

Голова ее поникла, руки все еще не выпускали бесполезных ручек манипуляторов передатчика. Она всхлипнула.

— Пожалуйста, помоги мне! Это ужасное, отвратительное создание... монстр... Я пыталась обмануть его, сделать вид,

что испытываю взаимность... чтобы оно отпустило меня! Но ничего не получилось...

Робот, в корпусе которого обитало сознание — небольшая часть Блуждающей Звезды, медленно подплыл к Молли, неся в эффекторах тяжелый холодильник с едой для нее. В сознании Звезды боролись чувства, для которых она еще не имела названия и в которых мало разбиралась.

Измена!

Гнев!

Мсть!

Глава XIX

Глубоко посаженные глаза Рифника пылали, словно плазменная панель робота.

— Квамодиан, пришпорь свою лошадку, — ревел он. — Я хочу прибавить это дьявольское создание к своим трофеям!

— Успокойся, Рифник, — раздраженно прошипел Энди. — Твоя коллекция трофеев меня не волнует. Я беспокоюсь только за жизнь Молли Залдивар.

Он склонился над пультом управления флаера. Он и в самом деле пришпорил машину, ведя ее на максимуме скорости, выключив автономные контуры управления и перейдя на ручное. Флаер был довольно жалким оружием в сравнении с существом, которое своей мощью равнялось звездам. Обыкновенный атмосферный флаер, имеющий в своем распоряжении несколько маломощных трансфлексионных лучей. Но это было все, чем располагал Квамодиан.

Они стрелой мчались сквозь холодный утренний воздух над дорогой, держа направление на скрытые в глубокой дымке холмы и поднимавшийся за ними горный гребень. Над холмом с пещерой Рифника все еще поднимался в небо тонкий столб дыма. Квамодиан как раз провожал его взглядом, когда вдруг со щелчком ожил приемопередатчик

флаера. Некоторое время в динамиках трещало и гудело, но больше ничего слышно не было. Энди Квам раздраженно нахмурился и наклонил голову поближе к динамику.

— Что там? — гулко проворчал Рифник, сведя свои кустистые брови в одну нить.

— Не знаю, — ответил Энди. — Ничего не слышно.

Действительно, слышен был только гул несущей волны. На секунду Энди подумал, что это Молли его вызывает, и эта мысль сразу же оживила воспоминание о ее огненных волосах, завораживающем овале лица, смеющихся глазах. Но из динамика донесся вовсе не ее голос. Кто-то пытался связаться с Энди. Непонятный голос... медленно, с трудом что-то выговаривающий. Энди вдруг почувствовал зябкую волну тревоги.

— Что это такое? — спросил Рифник. — Квамодиан, что ты делаешь?

— Тихо! — Энди коснулся регулятора настойки, стараясь сделать звук более отчетливым. Это не был тонкий голос робота. И в нем не ощущалось механической четкости транслятора-автомата. Разнообразные звуки, вырывающиеся из динамика, не относились к универсальному сигналу — коду интергалактического общества. Это был земной язык, английский. Но в этих звуках было что-то жуткое, чудовищно нечеловеческое. Это не было официальным сообщением, а скорее походило на бесконечный монолог, гневный и ортодоксальный. Искажение сигнала не давало возможности разобрать слова. И это наполняло сознание Энди страхом.

Немного увеличив высоту, он перевел флаер на сверхзвуковую скорость. Узкая черная лента дороги начала все быстрее разматываться под ними, промелькнули и исчезли ближайшие холмы. Наклонный столб дыма превратился в темную мелькнувшую полосу. Внизу на дороге что-то медленно двигалось. Рифник схватил его за плечо.

— Это же наша машина! — проревел он. — Старый бульдозер, он остался еще от Плана Человека!.. Клифф использовал его... Теперь им должна управлять Блуждающая Звезда! Подбей его, парень!

Квамодиан дернул плечом, сбрасывая с него широченную шляпу Рифника, и наклонился, всматриваясь в дорогу под ними. Это была громадная неуклюжая машина, лениво ползущая вперед на смешных старинных гусеницах. Ее раздвоенные на концах, словно вилки, манипуляторы то поднимались, то опускались над окрашенной в оранжевый цвет кабиной.

— Флаер, — приказал Энди, — подбей эту штуку!

Послышался тонкий свист выпущенных ракет, когда флаер послушно дал залп по ползущей машине. Эти посадочные ракеты обычно не использовались как оружие, но могли послужить таковым. Залп

прошел мимо машины, выбив ряд лунок в покрытии дороги перед ней.

— Извините, монитор Квамодиан, — грустно сказал флаер. — Я для таких операций не приспособлен.

— Стреляй в гусеницы, — распорядился Квамодиан. — Используй все ракеты, если можно, но останови эту машину.

Бульдозер неукротимо полз вперед сквозь огненный ливень. Квамодиан развернул флаер и прошел над машиной, выпустив новый залп. Бульдозер повело в бок, казалось, машина скользит в луже огня, и Энди увидел, как бешено захлопала порвавшаяся гусеница. Бульдозер остановился. Флаер тут же взял управление на себя

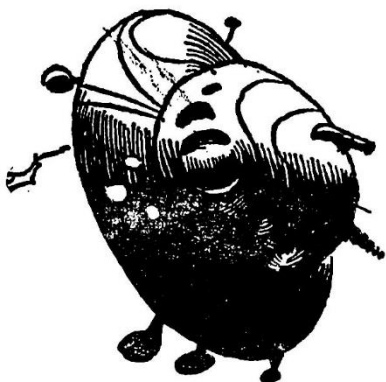
и завис над подбитой машиной. Энди Квам и Рифник смотрели вниз. Молчащая и сломанная машина стояла поперек дороги, усеянной лунками от разрывов ракет, несгоревшие остатки которых испускали удушливый дым. Энди Квам повернулся к Рифнику.

— Я остановил его по вашей просьбе, — сказал он сердито. — И не вижу, чего мы этим добились. Что ты теперь скажешь?

— Скажу — вперед и быстрее! — рывкнул Рифник. — Только что ты уничтожил один из инструментов Блуждающей Звезды, но мы пока не притронулись к самой бестии. Вперед, выкурим ее из норы.

Квамодиан пожал плечами и уже собирался приказать флаеру продолжать полет...

Как вдруг завывла сирена. На панели расцвели во всей своей голографической красоте красные аварийные

сигналы. Радар-маркер выделил летящий объект, показавшийся из-за леса позади флаера. Объект светился бледным, странного зеленоватого оттенка светом.

— Это космическое существо, называемое слиитом, монитор Квамодиан, — доложил флаер. — Имеется указание, что слиит в данный момент находится под контролем интеллекта, который вы ищите.

Реакция Рифника была более краткой, но более бурной.

— Это моя зверюга! — ухнул он. — Осторожно! Он каждый день ест на завтрак по дюжине таких флаеров!

— Осторожно? — проворчал Квамодиан. — Это пусть ваше создание поостережется! Флаер, ракеты остались?

— Две обоймы, монитор Квамодиан, — доложила машина.

— Прикончи этого зверя!

Ракеты рванули вперед, но странно... заряд не детонировал. Хвосты трассеров погасли, брызнув красными бледными искрами рядом с приближающимся слиитом.

— Слиит погасил их полем, — фыркнул Рифник. — Тебе надо применить что-нибудь посерьезнее.

— Стреляй последнюю обойму, — приказал Энди Квам, а сам шлепнул по выключателю ручного управления наводкой трансфлексионных лучей флаера. Он рванул излучатели и послал вперед бледные смертоносные пальцы лучей, направляя их на слиита, который с каждой секундой становился все больше и больше. Второй залп ракет закончился так же безрезультатно, как и первый.

Внезапно флаер подкинуло, так что Энди налетел грудью на пульт.

— Неисправность, монитор Квамодиан, — заикаясь, доложил флаер. — Энергоснабжение.,

Тянувшиеся к слииту лучи побледнели, угасая, а тяговое иоле исчезло еще быстрее. Зеленоватое свечение слиита вдруг стало ярче. Сирена попыталась завывать, но испустила лишь серию придушенных покашливаний, что и должно было означать аварийное предупреждение.

— Держись! — крикнул Энди. — Сейчас мы врежем...

И они врезались. И врезались очень сильно, аварийные энергоподушки не сработали. Сила удара заставила обоих мужчин покатиться по кабине, словно двух кукол в пустой скорлупе кокосового ореха. Слиит завис прямо над ними. Вид его приводил в ужас — размерами с крупную лошадь, похожий на кошку с вздувшимися под мягким мехом могучими мышцами... Светящиеся зеленые блюдца-глаза, огромные и холодные, слепо уставились на них...

Рифник поднялся на ноги и хрипло крикнул:

— Он... он может убить нас, Квамодиан! Глаза!

Квамодиану не требовалось предупреждений. Нечто в этих глазах уже запустило ледяные щупальца в его сознание, замораживая волю, пуская ледяной ток по позвоночнику и мускулам. Он напрягся, пытаясь заставить конечности двигаться, потянулся за пистолетом, который держал под сидением, но холод слишком глубоко проник в его нервы. Он коснулся пистолета, почти взял его в руку, но потом рукоятка выскользнула из пальцев, пистолет покатился по полу накренившейся кабины флаера. А слиит висел над ними, не спуская слепых мертвящих глаз, окруженных бледным мерцанием трансфлексионного поля.

Огромные слепые глаза вдруг показались не такими огромными, и пронизывающие тело ледяные токи несколько уменьшились. Энди Квам не мог пошевелиться, он уже не был хозяином собственного тела, но, по крайней мере, подумал он, он уже не умирает глупо и бессмысленно. По какой-то причине существо уменьшило поток смертоносного излучения, высушивающего энергозапас флаера и едва не выпившего жизнь из их тел.

— Я знал! — хрипло выдохнул Рифник. — Я знал, что она не сможет убить своего хозяина!

И с невероятным трудом, толчками, этот желтоволосый человек заставил себя встать на ноги, выпрямился, с агонизирующей медлительностью добрался до двери, вывалился наружу и снова заставил себя встать прямо рядом с

огромным шелковистым телом космического создания. Уже забытый громкоговоритель передатчика флаера вдруг хрипло затрещал, и послышался голос:

— Уходи, Квамодиан. Я дарю тебе жизнь. Но уходи!

Это был тот же самый голос, который раздавался из динамика перед этим, безжизненный, нечеловеческий, приводящий в страх голос. Энди Квам, истратив последние силы, опустил на сидение. Он увидел, как сомкнулись вокруг Рифника громадные когти зверя, увидел, как космическое существо стремительно поднялось в воздух и, неся Рифника, с фантастической быстротой исчезло в провале между холмами, откуда все еще поднимался тонкий столб дыма.

Потом он почувствовал, как флаер слабо закачался, дернулся и медленно, с трудом поднялся в воздух. Квамодиан не отдавал ему приказаний, но направление полета не оставляло сомнений. Поднявшись на несколько сотен футов, он развернулся и направился обратно в поселок.

Охота провалилась. Один из охотников оказался в плену у зверя, и со сверхзвуковой скоростью его уносили сейчас к пещере, где испытывало свои новые способности, расширяло свой репертуар эмоций и росло новорожденное существо. Второй же охотник беспомощно возвращался восвояси. И девушка, спасти которую они направлялись, была теперь так же недостижима для Энди Квама, как самая далекая из звезд.

Он был уверен в одном — что он потерпел поражение. Он не смог справиться даже с игрушкой Блуждающей Звезды — слиитом. Его возможностей обыкновенного человека было явно недостаточно. И против могучей Блуждающей Звезды как таковой у него вообще не было шансов уцелеть. Слишком неравной была битва.

Блуждающая Звезда в обличье робота-инспектора медленно погружалась в светящийся опаловый туман холодной пещеры-шара в недрах холма. Ящик-холодильник с пищей, который она легко держала в эффекторах трансфлексионного поля, вдруг показался ей слишком тяжелым, и Звезда выпустила его.

С грохотом, который прокатился по всей сферообразной каверне, холодильник рухнул на каменный пол, раскололся, разбрасывая все свое содержимое. Грохот испугал Молли Залдивар. Она подняла глаза, лицо ее было искажено и казалось нечеловеческим в прозрачном, зеленоватом свете пещеры, она увидела яйцеобразный корпус робота, и ее вскрик нарушил тишину камеры.

На миг при виде этого блестящего корпуса, приближающегося к ней, Молли охватила безрассудная надежда — вдруг это знакомый робот-инспектор из церкви Звезды каким-то образом пришел к ней на помощь, возможно, при непосредственной поддержке Энди Квама, который вот-вот и сам появится в пещере. Но эта надежда даже не стерла ужаса, написанного на лице девушки. Она с трудом поднялась, оставив бесполезное радио, и начала спускаться по спиральной лестнице ко дну пещеры-пузыря. Высокий мелодичный голос робота модулировался малоопытной в данном отношении Блуждающей Звездой.

— Молли Залдивар. Почему ты обманываешь меня?

Она не ответила. Последовала пауза. Звезда разбиралась с конфликтующими импульсами внутри девушки.

— Я не причиню тебе вреда, — сказала она протяжно. — Ты не должна бояться... потому что я люблю тебя, Молли Залдивар.

Лицо девушки дернулось, и она подняла руки навстречу парящему роботу.

— Если ты любишь меня, то почему не хочешь отпустить?

— Потому что люблю... я не смогу отпустить тебя никогда.

— Тогда я ненавижу тебя, монстр! — крикнула девушка изо всех сил.

В ее хриплом голосе сквозило отчаяние. Отчаяние также выражала земная аура, окружавшая девушку в глазах Блуждающей Звезды, цвет и узор которой говорили без всяких слов о ярости Молли. Звезда оставила ее стоять на месте, сама колесом закружила тело робота вокруг ажурной башни. Внезапно корпус робота показался Звезде тесным. Она оставила робота безвольно висеть на подушке трансфлексионного поля, а сама снова превратилась в почти невидимое облачко электронной плазмы. Она умогилась на металлических перилах, почти прямо под бледным молочным туманом, висевшим в центре сферической пещеры.

Она обратилась к девушке голосом робота:

— Молли Залдивар, я сильна, а ты слаба. Твоя ненависть не причинит мне вреда, правильно?

Молли безвольно качнула головой, совершенно обессиленная.

— Но я не причиню вреда тебе, если смогу избежать этого, Молли Залдивар. Мы останемся здесь до тех пор, пока ты меня не полюбишь.

— Тогда я здесь умру, — сказала девушка равнодушно.

Звезда потратила несколько наносекунд на обдумывание этой проблемы. Наконец она сказала:

— Тогда я включу тебя в свое сознание после того, как ты умрешь. И станешь частью меня, подобно Клиффу Хауку.

— Пожалуйста, не надо, — сказала девушка. Сначала ее голос был слаб от усталости, но потом начал набирать силу от гнева. — Ты говоришь, что любишь меня, что бы это для тебя не значило. Но если это что-то для тебя значит, ты должна меня отпустить.

— Никогда, Молли Залдивар.

— Ты не имеешь права держать меня здесь.

— Имею, Молли Залдивар. Я сильнее тебя.

— Но есть существо еще более могущественное! — крикнула девушка. — Альмалик сильнее тебя! И он отыщет тебя даже здесь, как бы ты не спряталась!

Блуждающая Звезда поискала в своих матрицах памяти значение слова «Альмалик». Почти нерешительно она спросила:

— Что такое «Альмалик»?

— Альмалик — это ведущая звезда гражданина Лебедь. Он командует миллиардами фузоритов, людей, роботов и звезд. И во множестве своем он тебя разыщет, здесь или в любом ином месте. И даже если бы ты был равен ему по силе, в своем множественном обличье он раздавит тебя своими легионами.

Электронная плазма заволновалась, размышляя, словно поверхность тихого пруда, в которую швырнули камень.

— Я уже встречалась с роботом Альмалика, — сказала она наконец. — И теперь он служит мне.

— Всего один робот! У Альмалика их миллиарды!

Блуждающая Звезда ничего не ответила. Она задумчиво прильнула к металлическому поручню древнего сооружения, изучая девушку. Та явно истощила свой запас энергии — зеленый огонь ауры, огонь ярости постепенно затухал, ожидая ответного хода Блуждающей Звезды.

Для Звезды, которая мучительно овладевала тем, что люди называют эмоциями, существо Молли Залдивар было лучшим для этого стимулом, хотя и сбивало с толку. В сознании Звезды имелась достаточная часть первоначального содержания сознания Клиффа Хаука, чтобы придать напряжение и силу ее чувствам к Молли. Она обладала теперь двумя множествами поведенческих прототипов, которые можно было охарактеризовать, в общем, как любовь и как жалость. Блуждающая Звезда полностью отдавала себе отчет в том, что эта девушка существо слабое, маленькое, смертное и испуганное. Она даже испытало нечто вроде побуждения утешить ее, уменьшить боль и ярость. Но у нее

просто не имелось эффекторов, способных справиться с этой задачей.

Одновременно звезда понимала, что в некотором смысле девушка составляла для нее угрозу. Притяжение к ней другого человеческого существа, Энди Квамодиана, грозило новым попыткам вмешаться в существующее положение вещей. Блуждающая Звезда полагала, что попытка снова окажется неудачной, но все равно это раздражало ее, и она решила уделить часть внимания управлению своим дистанционным оружием — слиитом и манипулятором, чтобы использовать их как разведчиков против поселка Мудрый Ручей.

Но, некоторые загадки не поддавались разрешению, как ни старалась раскрыть их Блуждающая Звезда. Ответы на некоторые из них находились далеко от пещеры. Тогда Звезда покинула свой железный насест, оставив пещеру с облаком опалового тумана и дрожащую в страхе девушку. Блуждающая Звезда послала свое сознание во Вселенную. Она ощупала скопление темных холмов над пузырем-пещерой, растянула поле восприятия и охватила им несколько кубических миль пространства. Она наблюдала за гневом и страхом людей, у которых она похитила холодильник с продуктами, изучила спящее существо по имени Энди Квамодиан, определила расположение собственных инструментов — слиита и машины-манипулятора. Потом она потянулась еще дальше. Она тянулась вдаль и вширь, пока не ощутила всю шарообразность планеты Земля, крутившейся в пространстве между каменной голой Луной и распухшим красным Солнцем, которое ударило Блуждающую Звезду в первые минуты ее рождения.

Солнце все еще не успокоилось, все еще сердилось, все еще волновалось. Блуждающая Звезда внимательно изучила его, избегая касаться — тройной шлепок плазменных разрядов не причинил ей вреда, но она считала неблагоприятным вызывать новые.

Она еще больше расширила поле своего восприятия, по-слав свои щупальца к далеким звездам. Она обнаружила, что это солнца, подобные земному Солнцу — одиночные, двойные, тройные, пылающие в пустоте и в пылевых скоплениях Галактики. Некоторые по размерам уступали замороженной Луне, другие во много раз превосходили массой и размерами злобное Солнце. И даже за самые звезды заглянула Блуждающая Звезда, обнаружив там бездну пустоты и свирепый космический холод. Потом в бесконечных потоках тьмы она обнаружила мерцающие огоньки иных галактик. Ничего ранее не подозревавшая об их существовании, Блуждающая Звезда изучила их число и разнообразие. И слабо, но все же ощутимо чувствовала она и присутствие некого наблюдателя, близкого ей по духу, но недоступного ее восприятию.

Она рванулась к ближайшим звездам.

Альмалик.

Пришло время проникнуть в сущность этого термина.

Найти Альмалик оказалось просто. В памяти пламенного робота-инспектора имелись ясные указания относительно координат Альма-лика в пространстве, и Блуждающая Звезда направила в ту сторону свое внимание.

И встретилась с картиной могущества Альмалика, великолепием тринадцати его солнц, превосходивших размерами даже Солнце Земли, пытавшееся уничтожить новорожденную Блуждающую Звезду. Она изучила эти солнца, сосчитав их, измерила их энергию, бурлящую в темноте и пустоте космоса. Шесть великолепных двойных звезд, иерархически организованных в три пары. Одна обычная звезда, но со множеством вращающихся по орбитам планет. В видимом диапазоне эти тринадцать солнц изучали разные цвета, но Блуждающая сразу заметила, что все они делят некое странное золотистое свечение...

И Альмалик тоже почувствовал мимолетное прикосновение.

— Здравствуй, Малыш!

Это были не слова. Альмалик не разговаривал. Он послал сигнал, который одновременно выражал и приветствие, и снисходительную жалость. Сигнал его был силен, но беззвучен и безмятежен.

Блуждающая Звезда спокойно ждала продолжения.

— Малыш, мы следили за тобой. — Беззвучный голос был могуч, как гром, и нежен, как...что? У Блуждающей Звезды имелась лишь одна несовершенная аналогия. Как любовь. — Мы получили и сообщение о тебе. Ты разрушила лелеемые нами структуры. Ты уничтожила существа, бывшие частью нас. Малыш, чего же ты хочешь?

Некоторое время Блуждающая Звезда обдумывала вопрос. С трудом она сформулировала ответ:

— Знаний. Опыта. — И после паузы добавила: — Хочу все!

Многочисленные солнца Альмалика засветились спокойным золотом. Это были почти как улыбка. Из-за изгиба земной поверхности, из-за пылевых туч и тысяч звезд пришел ответ:

— Знания ты можешь получить. Задавай вопрос.

— Зачем тебе уничтожать меня? — сразу же спросила Блуждающая Звезда.

Беззвучный голос Альмалика был спокоен, как ночная прохлада, но в нем чувствовалась бездонная уверенность:

— Малыш, мы не сможем уничтожить тебя, как и любое другое разумное существо.

Зеленая вспышка гнева наполнила сознание Блуждающей Звезды. Создавалось противоречие. Утверждение Альмалика противоречило сливам Молли Залдивар. Звезда не подозревала о существовании обмана до тех пор, пока Молли Залдивар не сказала, что любит ее, а потом не показала своим поступком, что солгала. Теперь Звезда знала об обмане, но не подозревала о наличии ошибок, присущих всем смертным людям. Противоречие означало ложь, означало вражду. Багровая ненависть заморозила Блуждающую Звезду, внезапная ярость потрясла ее плазменную основу.

Она покинула просторы Вселенной, сжалась в глубины светящегося клубка и снова погрузилась в глубины горы, как раз в тот момент, когда планета начала поворачивать эту часть поверхности к зловещему багровому Солнцу.

Великолепие Альмалика исчезло. На некоторое время.

Блуждающая Звезда подплыла к Молли Залдивар. Высоким певучим голосом робота она воскликнула:

— Мы уходим отсюда. Альмалик солгал мне. Я его ненавижу!

Изумленная Молли лежала, вздрагивая на подушках сиденья и глядя на Звезду.

— Я ненавижу Альмалик, — сказала Блуждающая Звезда. — Он думает, что я маленькая и беспомощная и он может легко уничтожить меня. Но я расту. Я буду продолжать расти до тех пор, пока не стану могущественней Альмалика.

Казавшееся белым в опаловом свете центрального облака изумленное лицо девушки ничего не выражало. Она равнодушно ждала, что еще скажет Блуждающая Звезда.

— Я уничтожу Альмалик, — сказала Звезда высоким голосом робота. — И тогда ты полюбишь меня, Молли Залдивар, или я уничтожу и тебя.

Глава XXI

Энди Квам посадил флаер перед куполом контроля движения рядом со станцией трансфлекса и проскрежетал сквозь сжатые зубы:

— Контроль движения? Соедините меня непосредственно с главным штабом Товарищества Звезды. Альмалик-3.

— Ваши полномочия, сэр? — вежливо поинтересовались из купола.

— Полностью уполномочен. Высшая первоочередность!

— Одну минутку, сэр, — с сомнением сказали в куполе. Однако, не отказали Энди. Секунду спустя сообщили:

— Ищу ваш контур, сэр. Сейчас мы работаем с опозданием в двести секунд. Вы можете обождать?

— А что мне еще делать, — с мрачным видом проворчал Энди, снова погружаясь в сиденье. Мгновение спустя он спросил самого себя: — Все эти воинственные Блуждающие Звезды и Рифники — разве я привык иметь дело с подобными формами жизни?

Ответа не требовалось. Если для того, чтобы спасти Молли Залдивар, с этим нужно свыкнуться, он свыкнется.

В противоположном конце площадки появилась бегущая маленькая фигурка. Подошвы бегущего вздымали фонтанчики пыли, и когда мальчик достиг флаера, он тяжело дышал.

— Проповедник! — выдохнул он широко раскрытым ртом. — Что произошло? Где Молли Залдивар?

— Она еще в пещере, — коротко ответил Энди. — Я так думаю. Потому что я ее не видел.

— Тогда... что же вы намерены предпринять?

— Буду ждать.

Но им не пришлось ждать слишком долго. Щелкнул и загудел громкоговоритель, и голос, явно не принадлежащий человеческому существу, произнес:

— Товарищество Звезды. Говорит главнокомандующий отделом Монитор. Чем могут быть вам полезны?

— Вы можете выслушать меня наилучшим образом, — воинственно начал Энди Квам. — Пришлите сюда аварийную исследовательскую бригаду, и на двойной скорости! Говорит монитор Энди Квамодиан. Я прошу... нет, я требую принять неотложные меры!

Высокий сладкий голос сказал с некоторой печалью:

— А, это вы, монитор Квамодиан. Мы уже приняли во внимание ваши доклады и действия.

— Ха, — рывкнул Энди. — Еще бы! В чьем рапорте было сказано, что на свободу вырвался искусственный разум в

форме Блуждающей Звезды. Что я потребовал у местных властей применить силу. Я отметил также, что некоторые люди и многоморфные существа пострадали в результате преступного эксперимента. Они были убиты, разрушены или напуганы. И вы проигнорировали все это.

— К сожалению, монитор Квамодиан, мы не видели причин к действию.

— Думаете, я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, монитор. Просто мы гораздо ниже оцениваем количественную необходимость действий.

— Понятно, — фыркнул Энди. — Тогда взгляните на дело с другой стороны. Я докладываю, что монитор Товарищества Звезды страдает параноидальным психозом. Он уверен, что на него и его друзей напали чудовища. В своем безумии он способен на насильственные акты. И это неизбежно повлечет дискредитацию всех мониторов Товарищества Звезды. Какую количественную оценку необходимо принять перед этой угрозой превентивные меры вы примите теперь?

— Что... что вы, монитор Квамодиан! Это все просто ужасно! Мы немедленно высылаем аварийную бригаду. Кто этот пострадавший психический монитор?

— Я! — отрезал Энди и отключился.

Они оставили флаер посреди площади перед воротами входа в станцию трансфлекса. Флаер тихо ворчал.

— Какая глупость, — бормотал он с сожалением.

— Они выставят вас из мониторов, как пить дать. Что тогда буду делать я? Возить каких-нибудь?

Дом мальчика был всего в нескольких минутах ходьбы. Энди принял душ, поел, жадно выпил густого молока, которым угостила его кухонная машина. Он решил собраться с силами и мыслями перед прибытием аварийной команды.

— Еще долго, Проповедник? — нетерпеливо спросил мальчик. — Они скоро будут здесь?

Квамодиан сделал приближенный расчет.

— Двадцать минут на обдумывание. Полчаса на сбор бригады. Десять минут на утверждение транспортной

первоочередности... и несколько секунд на транзит. Через час, я думаю, они будут здесь.

— Ух! Значит, осталось десять минут. Нет, подумать только, каких-то десять минут, и я увижу всех этих трехголовых созданий, жуков с зелеными панцирями и...

— Делать замечания по поводу особенностей различий граждан Вселенной у нас не принято, — твердо напоминал ему Энди Квам. — Разве тебя этому не учили твои родители?

— Гм, да, учили, — признался мальчик.

— Кстати, — вспомнил Энди, — а где они, твои родители? Разве они не дома?

Мальчик переступил с ноги на ногу.

— Конечно, дома. Просто они... э-э-э... заняты.

— Руф, брось всю эту шушуру. Ты что-то скрываешь. Не могу понять, что именно и почему. Давай рассказывай.

— Проповедник, все это чепуха. Все дело в том, — он встревоженно посмотрел на Энди Квама. Энди ответил настойчивым взглядом. — Ну, понимаете, — сказал мальчик, — они просто вели себя немного странно. Они улетели на флаере в Нью-Йорк.

— Нью-Йорк! Да эго две тысячи миль!

— Немного больше. Проповедник. Я так думаю, что только в один конец у них уйдет дня два.

— Но почему?

— Вот это и странно, Проповедник. То есть... с родителями у меня все в порядке, Проповедник. Они нормальные, совершенно. Просто они говорили то же, что говорите и вы. Насчет интеллекта на свободе, и что робот-инспектор их не слушает и что у них нет прямого контакта с Альмаликом. Как у вас. Поэтому они решили лучше слетать в Нью-Йорк и доложить там об этом. Возможно, тамошние власти разберутся лучше.

Квамодиан был настороже.

— И все-таки, ты что-то скрываешь, — обвинил он Руфа. — Почему ты так стыдился рассказывать о родителях? Ведь Звезда действительно существует, правильно?

— Конечно, Проповедник. Только...

— Только что?

Мальчик вспыхнул.

— Просто они заговорили о ней два дня назад. Когда улетели.

— Но этого не может быть, — сказал Квамодиан. — Тогда она еще не была создана. А, я понял!

Мальчик кивнул с несчастным видом.

— Да, вот это меня слегка пугает, Проповедник. Они думали, что звезда уже существует, а на самом деле ее еще и в помине не было.

Они подошли к кубу трансфлекса, имея в запасе несколько минут, но бригада прибыла раньше времени. Они явно не теряли времени зря. Купол контроля приказал через радио флаера:

— Всем в сторону! Дайте дорогу прибывшим с Альмалика-3!

— Ух ты! — выдохнул мальчик. Его глаза напоминали сейчас кольцо Сатурна, и все волнения о родителях временно вылетели у него из головы.

— Где же они, Проповедник? Они же должны выйти?

Из куба станции вылетела полудюжина маленьких зеленых пружинок. Они вращались по орбитам друг возле друга, приближаясь к мальчику и Квамодиану, издавая высокочастотный свист.

— Что это? — потребовал ответа напряженный Руф.

— Пялиться невежливо, Руф, — напомнил Квамодиан. — Я сейчас не могу припомнить название... Какой-то многочленный гражданин.

— А там! О, у-ух ты! Поглядите-ка вон на того!

— Не волнуйся, все это вселенские граждане.

Но даже Квамодиан невольно задержал дыхание, когда из пенистого, почти прозрачного розового пузыря показались узкие, как щели глазницы и похожие на акульки зубы гражданина явно плотоядного и хищного происхождения. Остальная часть членов прибывшей бригады оказалась не

лучше. Один прыгал на чрезмерно мощных когтистых лапах, словно кенгуру, и имел две верхние лапы, которые казались совершенно бескостными, словно хобот слона. Каждый «хобот» заканчивался ярко-голубым манипулятором — почти дубликатом рыла крота.

Но четвертый член бригады, который шагал сейчас навстречу Энди, был настолько человеком, что Энди вытаращил глаза. На нем было одеяние изысканного галактогражданина, лицо изукрашено косметикой почти до неузнаваемости, темные волосы вздымались надушенной ароматической башней. Но перемените ей одежду и грим, подумал Квамодиан, наденьте на нее простое платье Молли вместе сверкающих обтягивающих брюк, пушистого корсажа и наплечников, избавьте ее кожу от нарисованных бриллиантов, соскребите с лица нарисованные двухдюймовые лохматые брови, ярко-голубые тоновые тени у глаз, румяна на щеках, и она будет совершеннейшим дубликатом Молли Залдивар.

Она широким шагом приближалась к Энди Квамодиану — и вдруг замерла на месте. Ее оттененные голубым глаза широко раскрылись, словно у испуганной куклы. По краям, где кожу не слишком густо покрывала косметика, показался настоящий румянец. Яркие губы раскрылись, словно она хотела выдохнуть в изумлении: «Энди!», но не произнесла ни звука. Постепенно видимые участки кожи приобрели белоснежный цвет. Наконец она качнула высокой башней-прической и подошла к Энди Кваму.

— Монитор Квамодиан, — на едва уловимую долю секунды голос ее заметно дрогнул. — Или вы в самом деле не узнаете меня... Я старший монитор Клотильда Квай Квич. Возможно, вам интересно было бы узнать, что мне и моим подчиненным удалось вернуться в штаб-квартиру Товарищества, где мы начали новый анализ наших данных по Блуждающим Звездам.

Энди Квам проглотил собравшийся в горле комок, потер ладонь о куртку и протянул руку для пожатия.

— Я очень рад, что вам удалось вырваться, — пробормотал он. — Я пытался выяснить, что случилось с вами, но никто не мог мне объяснить.

— Чепуха. «Перейдем к делу», — резко сказала Клотильда. — Пожалуйста, говорите кратко и с сознанием ответственности. Ваши идиотские действия на этой планете вынудили нас оставить более интересную работу в штаб-квартире. Мне дано задание разобраться с тем, что вы здесь накрутили. И, черт побери, что вы намерены делать теперь?

Квамодиан ощетинился, обороняясь:

— Я не вмешиваюсь в...

— Инспекторы по безопасности движения считают иначе, — резко перебила его Клотильда. — Если вам нужно объяснить на пальцах, то извольте: Блуждающая Звезда, с которой вступил в контакт Клифф Хаук, пыталась не допустить вашего вмешательства в судьбу новорожденной Блуждающей Звезды. Вот почему она послала Соло Скотта перехватить вас и не пустить на Землю. Вот почему она посадила вас в ловушку на собственной планете. Инспекторы предупреждают, что она будет предпринимать очередные акции, если вы не прекратите.

Она не дала ему времени поинтересоваться, каковы будут эти дополнительные акции.

— У меня и этих галактограждан мало лишнего времени. Мы хотели бы использовать наше пребывание здесь с максимальной эффективностью. Считаю, что лучше всего начать с визуального осмотра места происшествия. Совершенно нелепого и ненужного, вызванного лишь вашей глупостью.

— Но я не имею отношения к тому, что произошло здесь! — Энди Квам вспыхнул и опустил руку, которую ему так и не пожали. — Да я даже не мог выбраться из города...

— Не будем терять время. — Она не обратила внимания на слабый протест Энди Квама. — Мои товарищи могут передвигаться самостоятельно, но мне необходима какая-нибудь машина.

— Да, конечно. — Он беспомощно пожал плечами. — Вот вам мой флаер.

Не сказав больше ни слова, старший монитор Клотильда Квай Квич важно прошествовала мимо Энди и залезла в кабину флаера. Словно громом пораженный, Энди полез за ней. Мальчик поймал его за руку.

— Слушай, Проповедник! — прошептал он. — Что это на вас нашло?

— Не знаю. — Энди грустно покачал головой. — Я просто не знаю. Секунду спустя он вслед за девушкой опустился на сиденье флаера.

Глава XXII

Теперь Блуждающая Звезда значительно выросла, стала сильнее и умнее. Она чувствовала себя в поле тревожного наблюдения и заботы далекого наблюдателя, но не требовала помощи или защиты.

Для глаз отчаявшейся Молли Залдивар она не слишком изменилась, потому что в лучшем случае представляла для девушки облако будущей электронной плазмы, контролирующей бурю заряженных частиц, которая мгновенно убила бы Молли, если бы энергия самой Блуждающей Звезды не привязывала ее компоненты к центральной части. Но звездное создание ело и росло. Оно ассимилировало нейтронные реакции Клиффа Хаука, робота и слиита и еще сотен живых организмов, поглощенных ею. До полной зрелости ей, конечно, было еще очень далеко. Просто она стала более взрослой в размерах, возможностях, знаниях. Но до зрелого понимания самой себя этому существу было еще весьма далеко.

Молли сохраняла полное молчание, видя, как огненный вихрь призвал к себе слиита и вошел в черное ужасное тело космического хищника. Слиит спикировал на Молли и

подхватил ее совершенно безболезненно, но весьма решительно и хладнокровно в свои жуткие когти, острые как бритва, грани которых теперь были прикрыты бронированными чехлами-ножами. Он поднялся в воздух, пронзил светящийся туманный овал в центре сферической каверны и принялся кружить по извилистым коридорам, выбираясь на поверхность.

Молли не двигалась. Он уже была не в состоянии ни волноваться, ни испытывать страх. Она была полностью пассивна. Она не стала бы сражаться даже в том случае, если бы знала, насколько близка к смерти из-за губительного излучения опалесцирующего облака. Но она этого не знала. Ее ауру, по которой Блуждающая Звезда судила о состоянии сознания Молли, не разнообразили даже оттенки эмоций. Ни зеленого сияния ненависти, ни фиолетового или голубизны страха. Ни искры любви. Эмоции покинули Молли, оставив темноту ожидания. Оберегая Молли в пузыре воздуха, увлекаемого трансфлексионным полем слиита, Блуждающая Звезда покинула земной шар.

Они продрались сквозь густой слой солнечной атмосферы — такой тонкий на расстоянии одной астрономической единицы, что приборы людей едва способны были зарегистрировать наличие этих газов, но весьма ощутимый при скоростях, которые мог развивать слиит при поддержке Звезды. Несмотря на это, всего несколько секунд спустя они миновали газовых гигантов — Юпитер и Сатурн — и межпланетное пространство стало почти пустым. Блуждающая Звезда пришпорила слиита. Казалось, само время остановилось. Теперь Блуждающая Звезда управляла не физической энергией. Это были трансфлексионные поля слиита и ее самой. Неимоверными прыжками устремились они сквозь складки пространства и световых лучей, сквозь жгучий мороз, сквозь головокружительные бездны. Они неслись к золотым солнцам Альмалика.

И прибыли на место.

Тихий могучий голос выдохнул в ухо Молли Залдивар.

— Смотри же! — почти беззвучно выдохнула Звезда. — Я начал уничтожать Альмалик!

— Это тебе не по силам, — отозвалась Молли угрюмо.

— Смотри! — снова слышался крик и затих.

Теперь Блуждающая Звезда заставляла вибрировать сами молекулы воздуха, производя слышимые для девушки звуки. Громкость такой речи была невелика, но в замкнутом атмосферном пузыре, когда она не могла оторвать глаз от двенадцати сверкающих звезд и одного, тринадцатого, почти ослепительного Альмалика, посреди полнейшего безмолвия космического пространства, звук этот показался ей оглушительным, потому что не было других звуков, способных перекрыть этот, не считая биения сердца девушки, ее дыхания и слабых, бессмысленных вздохов слиита.

— Я начинаю, — слышался шепчущий вопль, и, подобно коршуну, падающему на жертву, Блуждающая Звезда взяла курс к ближайшей планете.

Это была небольшая планета, уступающая по размерам Плутону и еще более удаленная от своего светила. Горизонт казался странно округленным, а поверхность была исчерпана шарами замерзших газов. С помощью энергии, черпаемой из своих бесконечных резервов, Блуждающая Звезда овладела планетой, вошла в нее, стала ею. Она снова выросла. Жадно и мгновенно поглощала она новые атомы, всасывала электроны в свои расширяющиеся матрицы, пила добавочную энергию из ледяного камня. Она протянула в окружающее пространство исследовательские зонды-щупальца, обнаружила крутящуюся вокруг планеты маленькую луну. А еще дальше — металлическую структуру с органическими массами организованного вещества внутри. Блуждающая Звезда не догадывалась, что это космический корабль. Но ей до этого не было дела. Она сразу же с огромной силой притянула к себе корабль, и он рухнул на лед маленькой планеты, оставив после себя огромную воронку. Со слиитом она обошлась более аккуратно, но все же недостаточно ловко. Существо ударилось о шпиль окаменевших

гидратов, беззвучно завопило и обмякло. И с исчезнувшим полем слиита сразу испарилась в пустоту воздушная оболочка. Молли Залдивар лежала, открытая убийственному вакууму пространства.

В течении нескольких наносекунд Блуждающая Звезда раздумывала, что же она натворила. И, насколько это было для нее возможно, она встревожилась. Наконец, она протянула один из своих зондов к погребенной под слоем замерзших газов каменной полке и затрясла ее, создавая звуковые биения-вибрации.

— Молли Залдивар! — загрохотала планета. — Что с тобой случилось?

Девушка не ответила. Свернувшись, она лежала на кристаллическом снегу планеты — на собственном теперь снегу Блуждающей Звезды — рядом со скорчившимся черным телом слиита. Она не дышала — ей нечем было больше дышать. Темная кровь закипела и замерзла на ее лице.

— Молли Залдивар! — застонала скальная порода планеты. — Ответь!

Но не было ответа.

Блуждающая Звезда оценила свои возросшие силы, оценила их могущество. Теперь она была планетой. В оболочке из смерзших газов, со скелетом из скального гранита, с подобием сердца из остывающих озер магмы. Блуждающая Звезда еще не привыкла к такому большому телу. Но она сожалела, что тело это было так неласково к Молли Залдивар — такое безвоздушное, такое неласковое, такое ледяное...

Из остатков разбитого космического корабля показались структуры организованной органической материи, облаченные в искусственные металлоидные шкуры. Звезда не понимала, что эти галактограждане могли бы оказать помощь Молли Залдивар. Не думая, она протянула эффектор и уничтожила их. И снова испытала чувство, подобное сожалению, потому что вдруг поняла, что эти структуры имели в

своём распоряжении запас воды и воздуха, тепло и гермети-

ческие оболочки, и все это можно было использовать для

Молли.

Неважно. Блуждающая Звезда была теперь планетой и распоряжалась ресурсами целой планеты. Она не даст Молли погибнуть.

Она экранировала Молли от сурового мороза космического пространства, заключила в купол трансфлексионного поля, нагрела замороженные газы вокруг нее. С помощью частиц материи, взятой от уничтоженных ею существ, Звезда залечила нанесенный Молли легкий ущерб. Она разогрела ее затвердевшее тело, помогла ей снова начать дышать, раздула затеплившуюся искорку жизни...

И девушка заговорила.

— Что ты делаешь со мной, монстр? — простила она.

— Я спасаю тебе жизнь, Молли, — прогреготали скалы. — И еще я уничтожаю Альмалик.

— Не выйдет, монстр! — всхлипнула девушка.

— Смотри! — трансфлексионное поле Блуждающей Звезды стало теперь гораздо обширнее, обнимая все континенты сумеречного ледяного мира, все его древние скалы, снежные моря, всю его огромную массу... И со всей своей новой мощью Блуждающая Звезда приготовилась ударить по Альмалику.

Она задержала бег планеты по орбите и повернула его к внутренним областям системы, к белому великолепию солнца, самой яркой звезде союза Альмалика.

И, питаемая ненавистью, она все быстрее шла на столкновение со звездой.

Слиит был жестоко ранен. Но существо, которое самой эволюцией было создано для убийства пироподов в открытом пространстве космоса, не так-то легко было умертвить. Он зашевелился. Огромные пустые глаза уставились в пространство, потом повернулись навстречу взгляду Молли Залдивар. Под темной толстой кожей забегали волнами сокращающиеся мышцы. Снова ожило его трансфлексионное поле. Слиит поднялся над слоем замерзшего газа, на котором лежал, и его певучий шелест стал громче, Слиит не был

разумным существом в понимании человека или другого галактогражданина, но он обладал рудиментом сознания. Он сознавал, что нечто управляло им некоторое время. Что это нечто сейчас исчезло — Блуждающая Звезда была полностью поглощена контролем за корой планеты. И слиит вспомнил Молли Залдивар ...

А когда Блуждающая Звезда снова обратила внимание на девушку, той уже не было.

Блуждающая Звезда быстро отправилась на поиск и нашла ее. Молли бежала.

Взобравшись на шелковистый мех спины слиита, закутанная в его трансфлексионные поля, она все дальше и дальше уносилась от ледяных полей планеты, направляясь к внутренним мирам той большой звезды, к которой сейчас упорно приближалась и сама планета.

Блуждающая Звезда метнула им вслед щупальце плазмы — электронов, смешанных с собственным трансфлексионным полем. Щупальце легко пронзило тело слиита, сотрясая маленький пузырь Молли.

— Куда ты летишь, Молли Залдивар? — визгливо пропел воздух вокруг нее.

Она повернула голову, глядя на светящийся плазменный палец Блуждающей Звезды, но ничего не ответила. Звезда замерла, рассуждая. Странно. Очень странно, но Звезде девушка показалась очень красивой. Волосы ее отливали красным в свете красных солнц Альмалика. Голубые солнца подчеркивали фиолетовый цвет ее глаз. Но какое это имеет значение, спросила саму себя Блуждающая Звезда. Она была заинтересована, ей было любопытно. Почему эти адсорбированные матрицы органического вещества, называющиеся Клифф Хаук, до сих пор оказывали на нее такое влияние? Блуждающая Звезда снова заставила воздух издать пронзительный вскрик:

— Я люблю тебя, Молли Залдивар! Когда-то я была крохотной- ты могла даже не увидеть меня. Теперь я огромна — а ты лишь пылинка в сравнении со мной. Мы никогда не

были равны, и я не вижу места для любви между нами... но я люблю тебя!

— Ты безумна, чудовище, — сказала Молли наконец. Но в ее глазах появилась теплота. Блуждающая Звезда задумалась на мгновение.

— Куда ты направляешься? — снова потребовала она ответа.

— К населенным планетам Альмалика. На Каймар. Там они с тобой справятся, если я предупрежу их.

— Ты ненавидишь меня, Молли Залдивар?

Нахмурившись, девушка поглядела на огненный эффектор огненной Звезды и покачала головой.

— Ты не выбрала свой облик.

Блуждающая Звезда пристально сканировала ауру Молли, ища признаки зеленого огня ярости — но их не было. Тогда она поспешно спросила:

— Теперь ты меня любишь?

Лицо Молли, коричнево-золотое в свете солнц Альмалика, странным образом сморщилось.

— Но как это возможно? Я человек, а ты... монстр!

И глаза ее, фиолетово-голубые, влажно блеснули, когда она повернулась к сияющему плазменному эффектору Звезды.

— Я люблю тебя!

— Сумасшедшая! — всхлипнула девушка. — Наверное, мне жаль тебя. Ты так печально искорежена сложившимися обстоятельствами, все твои силы тратятся напрасно. — Она тряхнула головой, и разноцветные искры от солнц Альмалика затанцевали в ее волосах. — Мне очень жалко тебя! — Она помолчала, потом добавила: — Если я люблю кого-то, то это малыша Энди Квама. Да, монстр, я вернусь к нему. Как только я достигну обитаемых планет, я передам предупреждение... и тогда тебя уничтожат... Я вернусь на Землю через трансфлексионную станцию. Но мне жаль тебя, монстр!

— Я буду уничтожен.

— Будешь... если только сначала не убьешь меня, чтобы я не успела предупредить обитаемые планеты.

Блуждающей Звезде понадобилось несколько микросекунд на размышление. Затем она снова заставила воздух завибрировать.

— Я не уничтожу тебя, — изверг воздух атмосферного пузыря. — Но и меня не смогут уничтожить! Наблюдай! Я убью Альмалик до того, как ты сможешь предупредить кого-нибудь! — И она втянула свой огненный палец. Девушка с изумлением смотрела вслед огненной полосе.

Блуждающая Звезда концентрировала свою энергию, готовясь к нападению. Она увеличивала напряжение трансфлексионных полей,двигающих ее планетарную массу. Гранит коры застонал и завизжал, когда она принялась уплотнять шар, сплющивая пики и хребты, сжимая свежие пустыни, делая из планеты более компактный снаряд. Она мчала себя прямо к белому ослепительному солнцу.

Я погибну, думала она, но Альмалик погибнет тоже.

Не спеша, почти беззаботно, скопления пустотных существ-фузоритов, составляющих заметную массу Альмалика, обратил внимание на агрессивного пришельца, и предупрежденное солнце лениво подняло плазменный эффектор, защищаясь.

Но прореагировало на вторжение Блуждающей Звезды не белое солнце, лежавшее впереди. Эта звезда продолжала спокойно сиять, игнорируя опасность. Расположенное над ним могучее двойное солнце — золотой гигант и его мощный голубой спутник, вращавшиеся друг против друга по концентрической орбите — выстрелили разрядом плазмы.

Разряд был выпущен из внутренних слоев желтого двойника, и энергия его была чудовищна. Гигантский разряд превосходил планетарное тело Блуждающей Звезды и светился так же ярко, как и сама звезда. С трансфлексионной скоростью метнулся разряд сквозь пустоту, гораздо быстрее, чем могла прореагировать или уклониться с его пути Блуждающая Звезда.

Но разряд миновал ее и ударил в Молли Залдивар.

Даже на межпланетном расстоянии, теперь разделяющем их, Блуждающая Звезда уловила красный всплеск ужаса, выпущенный излучением Молли, когда она увидела летящее на нее кольцо золотого огня.

— Помоги мне, монстр! — крикнула она.

Звезда не могла слышать слов, но содержание было понятно. И она поспешила на помощь.

Она выбросила в направлении Молли собственный поток ионов, соединяющих частицы трансфлексионных полей, создавая витками плазменный щит вокруг ловушки и слиита. Но щит оказался недостаточно мощным. Золотая рука Альмалика была сильнее. Она пробила защитную стену плазмы, образовав вокруг Молли и слиита сеть огненных нитей, потом унесла свою добычу к желто-голубому солнцу. Блуждающая Звезда не могла помочь Молли. Но чувство, которое оно еще не научилась распознавать как дикую радость, пронизало плазменные матрицы звездного создания.

Она звала меня! Она просила помощи! Если я не могу помочь ей, то все еще могу уничтожить белую звезду Альмалик.

Блуждающая Звезда притормозила свой бег, испытывая свои силы, готовясь взять под контроль еще более могучие энергии, чем те, которыми она уже располагала. Она еще недостаточно сильна, холодно расценила Звезда свои возможности. Еще рано. Нужно стать сильнее.

Планета была покрыта замерзшими газами, и под гранитной корой она еще не умерла — полужидкие массы железа и более тяжелых составляющих еще не растратили окончательно свой жар и радиоактивность. Из них Блуждающая Звезда стала поглощать энергию и тепло. Вдоль плазменных волноводов стреляли контролируемые молнии. Масса планетного тела была теперь для нее не более чем камень пращника — оружие, снаряд, способный убить Альмалик.

Блуждающая Звезда повышала напряжение тяговых полей до тех пор, пока не задымились раздавленные горные хребты, а снежные моря не начали кипеть. Глубины коры сотрясались от мощных землетрясений. В возрожденном небе планеты искрилось полярное сияние. Блуждающая Звезда разгонялась, готовясь уничтожить вражеское солнце.

Но Альмалик уже был готов к бою. Двойное солнце над ним снова ударило голубым огнем плазменного разряда. Огненная шпага пронзила все защитные поля, кипящие моря, пробил кору сейсмическими волнами. Блуждающая Звезда хладнокровно подсчитала урон. Большой, но не слишком. Я все еще могу победить, Альмалик.

Плазменная змея свернулась кольцами, отошла, потом ударила еще и еще раз. Она испещрила поверхность планеты огромными раскаленными кратерами, потрясла весь ее организм разрушающими волнами, так что даже сама Блуждающая Звезда испытала дикую боль. Но она не позволила уничтожить себя. Собрав последние резервы своей энергии, напрягая трансфлексионные поля, удерживая атомы распадающегося мира в невидимом кулаке, она отважно училась на ходу, пытаясь использовать энергию самого разрушающего разряда, бьющей золотой плазменной змеей.

Молли Залдивар и слиит давно исчезли из ее поля восприятия, несмотря на чувствительность ее дистанционных зондов-рецепторов. Плазменная сеть унесла их к какой-то из внутренних планет. На расстоянии многих астрономических единиц не осталось частиц материи больше молекулы, которая не была бы затянута Блуждающей Звездой или не испарилась бы, превращенная в энергию.

Блуждающая Звезда уцелела и не была разрушена. Она упрямо двигалась вперед, чтобы нанести разящий удар по спокойно ожидающему ее белому солнцу. Она почувствовала, как гордится ее дикой бунтарской выходкой далекий наблюдатель и как они оба переполняются радостью.

— Монитор Квамодиан, — жизнерадостно сообщил флаер, — если вы намерены что-то услышать, вам придется вооружиться инвертором. Иначе не услышите. А они говорят о вас.

Квам бросил взгляд на старшего монитора Клотильду Квай Квич, которая с презрительно поджатыми губами осматривала кабину флаера, что-то неодобрительно бормоча себе под нос.

— Не знаю, стоит ли, — тихо сказал Квамодиан.

Не глядя на него, девушка громко сказала:

— Ваше желание не играет особой роли, монитор. Несомненно, могут возникнуть такие ситуации, когда галактограждане будут вынуждены задать вопросы непосредственно вам, чтобы получить справку или инструкцию. Я не хотела бы отвлекаться на перевод реплик, следовательно, вам необходимо обзавестись соответствующим акустическим устройством.

Энди Квам заворчал, но принял маленькую ушную раковину, которую протянул ему эффлектор флаера.

— ...старая развалина, — пропищал ему в ухо пронзительный голосок. — Мы последуем за вами, но двигайтесь как можно быстрее.

У голоса была странная эхообразная окраска, словно в унисон разговаривал хорошо обученный хор. Квамодиан решил, что это говорит многочисленный организм — зеленые спирали.

Не обращая на реплику внимания, он быстро осмотрел показания приборов флаера. Гомеопатические устройства флаера успели исправить нанесенные повреждения, запаслись новыми обоями ракет. Едва ли они понадобятся, с надеждой подумал он. Но это лучше, чем ничего.

— Мы в полной готовности, — объявил он, в последний момент заколебался и добавил: — Кажется.

— Тогда, может быть, приступим к делу? — спросила Клотильда с обиженным нетерпением.

Квамодиан мрачно согнулся над пультом и поднял флаер в воздух. Солнце ударило прямо в глаза, когда он разворачивал машину, Увеличившийся в размерах красный диск так потускнел, что Квамодиан мог смотреть на него почти свободно. Диск был усеян темными пятнами. Энди хотел обратить на внешний вид диска внимание девушки, но передумал... хотя она и не новичок на этой планете и могла обратить внимание на то, что Солнце выглядит необычно. Пускай сама убедится, решил Квамодиан. В любом случае это не играло особой роли. Главное, у него теперь есть подмога своего рода, но все же это помощь в борьбе с Блуждающей Звездой.

Они стрелой понеслись на юг, миновав озеро и первые небольшие холмы. Многочленный зеленый галактогражданин легко следовал за флаером вместе с розоватой полупрозрачной сферой. Галактогражданин-хищник покачивался на сиденьи позади Энди, а Руф сидел на полу между ними, с опаской поглядывая на зубы гражданина. В инверторе транзитной ушной раковины непрерывно гудел разговор, но Квамодиан не обращал на него внимания. Его не интересовало мнение этих существ, касалось ли оно его самого, флаера, планеты или еще чего-нибудь. Ему нужна была лишь их помощь.

Когда они достигли цели, успело стемнеть. Солнце еще не закатилось полностью, но его потерявшие яркость лучи создавали впечатляющую картину заката в западной стороне горизонта и почти совсем не освещали вход в пещеру. Энди Квам предусмотрительно описал круг над пещерой, пытаясь обнаружить слита или какое-либо другое опасное существо. Но не обнаружил ничего. На всей местности вокруг лежал зловещий красноватый отсвет, но все пребывало в неподвижности.

Он осторожно подвел флаер к остаткам развороченной двери в пещеру.

— Пустынно, — пропел тоненький хор голосов много-
членного организма. — Мы ничего не регистрируем. Еще
ниже имеется второй вход.

Старший монитор Клотильда Квай Квич бросила нерешительный взгляд на Энди Квама.

— Здесь заметны следы значительных разрушений, — признала она.

— Я же вам говорил!

— Да. Вероятно, произошла ошибка.

— Еще ниже, — пропели спирали. — Новые сигналы. Достойно рассмотрения.

Послышался шепот розового галактогражданина:

— В глубинной области этого района были приведены в действие силы значительной величины и энергии. До сих пор имеется источник энергии с необычными характеристиками.

— Нужно произвести расследование, — почти извиняющимся тоном произнесла старший монитор.

— Верно, — проскрежетал Квам и послал флаер спиралью вокруг горы, отыскивая нижний вход. Пенисто-розовый гражданин-облако оказался там раньше всех, повиснув у входа в пещеру, подобно струйке пара из носика чайника.

— Идите вперед, — прошептал он. — Рассредоточенная материя вроде моего тела легко уязвима.

Но Квамодиан не ждал разрешения. Он бросил флаер в глубину зева пещеры, шаря лучом прожектора в поисках слита, Молли Залдивар или каких-нибудь следов. Но он обнаружил лишь спирально суживающийся ход с явными признаками разрушения.

— Энергия высокой мощности, — пропели зеленые спирали, крутясь вдоль взорванной стены со скрученными стальными рельсами подпорок. — Явные следы трансфлексионных полей. Следы плазменной активности.

Руф, позабыв о зубастой пасти галактогражданина, наклонился через плечо Квамодиана.

— Ух ты, Проповедник! Что-то здесь в самом деле здорово шарахнуло!

В этом сомнений не было. Оглядываясь по сторонам, пока флаер скользил вперед на подушке трансфлексионных полей, Квамодиан сразу понял, что случившееся в этом замкнутом пространстве имело источником не просто химический взрыв. Впервые Квамодиан осознал по-настоящему, что скрывается под термином «Блуждающая Звезда». Хотя вначале существо было крохотным, с массой чуть больше грамма, оно было способно командовать силами, скручивающими стальные балки и крушившими гранит, словно песок.

Длинномордый галактогражданин поднял голову и что-то провыл. Инвертор в ухе Квамодиана тут же перевел фразу:

— Осторожно! Старший монитор, не доложить ли нам сначала Альмалику?

Девушка закусила губу, уже собираясь что-то сказать, но Квамодиан ее опередил.

— Нет! — проскрежетал он. — Мы и так слишком долго тянули. То есть вы. Возможно, Молли Залдивар умирает сейчас... или даже... — он не закончил фразы.

И тут они подошли к центру подземной спирали коридора. Квамодиан быстро глянул вниз, сглотнул, посмотрел на девушку и послал флаер вниз, в вертикальную шахту.

Они осторожно спускались по стволу шахты. Первым двигался флаер Квамодиана, вторым — спиральный многочленный галактогражданин, третьим — розовое псевдооблако. Диск туманного зеленоватого света постепенно превращался в шар, и наконец они оказались в обширном сферическом пространстве в самом центре основания холма.

— Поразительно! — прошептала Клотильда. Розоватый гражданин-облако проговорил с опаской:

— Энергия достигает весьма значительной величины. Я не хотел бы приближаться!..

— Тогда оставайтесь на месте, — буркнул Квам. — Интересно... что это такое? У вас есть сведения о чем-либо подобном?

Девушка покачала головой.

— Какая-то древняя военная база, как мне кажется. Очевидно, сохранилась еще с дней Плана Человека. Для большей части того периода не сохранилось архивных документов. Но этот ядерный огонь! — она показала на облако опалесцирующего тумана, висящее над металлической платформой. — Какой источник энергии! Я почти готова поверить вам, монитор Квамодиан. С такой энергией и в самом деле можно было попытаться создать Блуждающую Звезду.

Энди Квам ехидно усмехнулся, но ничего не ответил. Держа вспотевшие ладони на рукоятках управления ракетами, он опустил флаер еще на фут, к влажному от сырости полу пещеры. Разбитый и сплюснутый короб оранжевой кабины, расчлененный мотор и траки гусениц манипулятора заставили его зябко поежиться — казалось, некая необузданная сила в гневе невиданно жестоко расправилась с невинной машиной. Но среди обломков машины виднелись остатки и других устройств. Примитивный пищевой рефрижераторе покрашенным в белый цвет кожухом? Квам не сразу узнал его и даже когда узнал, не мог понять его назначения... но, наконец, содрогнулся, осененный догадкой. Это означало, что Молли Залдивар была здесь. Пища предназначалась именно ей!

Но содержимое холодильника было беспорядочно разбросано. Дверь перекосилась, и по всему полу пещеры разлетелись пищевые пакеты и коробки. И что это за расколотый черный корпус, лежащий перпендикулярно решетке, сквозь которую отводился избыток воды в пещере?

Клотильда узнала его первой.

— Робот-инспектор! — выдохнула она. — Тогда... тогда это правда!

— Правда? — с обидой переспросил Руф. — Мисс Квай Квич, да мы об этом вам твердим всю дорогу! Конечно, это правда!

Но было слишком поздно, чтобы Энди Квам мог наслаждаться триумфом. Он едва слышал обмен репликами. С прищуренными глазами, сконцентрировав внимание, он бросал луч прожектора по всем направлениям, осматривая огромную базу. Но больше в пещере ничего не было. Обломки на полу, ажурная, как паутина, металлическая башня и зловеще мерцающее облако ядерной энергии. Да влажные каплюющие стены. И больше ничего.

Он был уверен, что Молли Залдивар побывала в этой каменной каверне. Но сейчас ее здесь не было. Куда же она пропала?

Его отвлек нервный вздох галактогражданина-облака.

— Эта энергия, — с отчаянием прошептал он. — Она ионизирует мой газ. Мне становится трудно контролировать собственное тело. Я должен вернуться на поверхность.

— Вперед! — рассеянно сказал Энди.

— Вероятно, нам нужно сделать то же самое, — пролаял со своего места галактогражданин-хищник. — Это опасно.

— Одну минутку! — попросил Энди.

Он наблюдал, запоминал, анализировал. С бесстрашием хладнокровного логика он осознал, что, начиная с того момента, когда им было получено сообщение от Молли Залдивар — за многие галактики от этого места — он позволил своим страстям, своей любви к Молли целиком управлять своими действиями. Все его навыки мышления, так тщательно отработанные, все приемы анализа и синтеза, составлявшие основу его обучения как монитора, были совершенно забыты.

Но сейчас он снова начал пользоваться этими своими умениями. И перед его мысленным взглядом начала разворачиваться картина событий. Клифф Хаук, бунтовщик, авантюрист, искусный инженер-транзитник. Рифник, очерствевший женоненавистник. И оба здесь, с этой огромной

энергией в руках, месяцами и даже годами без всякого надзора со стороны.

Все было вполне логично, отметил Энди. Научное любопытство Хаука, человеконенавистничество Рифника, в особенности ненависть к фузоритам-Посетителям. Все сходилось — люди, место, возможности. Они создали Блуждающую Звезду, а она в ответ убила одного из создателей, а второй бесследно исчез.

Но едва ли они причинили вред Молли Залдивар. Блуждающей Звезды здесь больше не было. Иначе ее энергия сразу же была бы засечена любым галактогражданином в бригаде. Звезда исчезла. И, как чувствовал Квамодиан, с ней исчезла и Молли Залдивар.

— Энди, — нерешительно сказала девушка-монитор. — То есть я хотела сказать, монитор Квамодиан...

— Да, что такое?

— Возможно, наши товарищ правы. Мне... мне это место не нравится.

Квамодиан нахмурился. Потом ужасное подозрение проникло в его мысли.

— Клотильда! Что сказал облако?

— Вы имеете в виду галакто...

— Да! Об энергии! Что он сказал?

— Ну, что она ионизирует его газ. Ему необходимо вернуться на свежий воздух.

— Флаер! — воскликнул Энди Квам. — Уровень радиоактивности! Скорее!

— Я думал, что вы так и не поинтересуетесь, — обиженно сказал флаер. — Излучение смертельно опасно. Восьмикратное превышение предельно допустимого уровня. Безопасное время на данном расстоянии один час. Мы подвергаемся излучению уже девятнадцать минут. Я был намерен подать сигнал тревоги через шестьдесят секунд.

— Улетаем отсюда! — приказал Энди Квам. — Скорее!

Флаер дернулся, повернулся, взял направление на вертикальный туннель в потолке. Светящаяся смертельным

излучением туманная сфера мелькнула мимо окон, потом потянулась тупая спираль коридора. Но Энди Квам не замечал ничего.

Он все еще видел перед собой что-то гораздо более страшное.

Радияция, изливающаяся из туманного облака ядерного огня, который уже не первый век пылал в сферической пещере, была смертельна. Приборы флаера измерили ее интенсивность. За их показания можно было ручаться. Квамодиан сам настраивал и проверял их. Если они говорили, что максимально безопасное время пребывания в пещере было один час, то возможная ошибка составляла плюс—минус одну минуту, не больше.

Но волновала Квамодиана не собственная безопасность и не безопасность Клотильды или мальчика.

Как долго пробыла Молли в этой шарообразной пещере, впитывая смертельные лучи? Квамодиан мог полагаться только на догадку. Однако, с того момента, как Молли была похищена из маленького коттеджа Руфа, прошло примерно восемнадцать часов. И в любом случае она должна была провести в пещере хотя бы половину этого времени. И коль скоро она действительно пробыла в пещере так долго или хотя бы приблизительно столько, она была уже практически мертва.

Глава XXIV

Они вырвались из пещеры в прохладную ночь. И даже весь страх и страдания Квамодиана оказались бессильны отвлечь его внимание, едва он поднял взгляд на небо.

Над ними распростерся небесный купол, покрытый кружевной сетью голубого и фиолетового огня. Беззвучно извивались титанические медленные молнии бледных разрядов, такие яркие, что от деревьев на склон холма падали тени.

Галактогражданин-хищник подался вперед, его морда оказалась рядом со щекой Квамодиана. Энди Квам почувствовал на щеке его горячее, слегка отдающее рыбой дыхание, когда тот тихо провыл:

— Кажется, это необычный для вашего неба спектакль. Вы можете объяснить, что случилось?

— Я думаю, наше собственное светило превратилось в Блуждающую Звезду, — прямо ответил Квамодиан, — но не знаю, как это произошло.

— Но это невозможно! — воскликнула девушка. — Солнце не относится к разряду мыслящих звезд. Еще ни разу не было зарегистрировано с его стороны даже намека на сознательную деятельность!

Квамодиан развел руками, указывая на яростное полярное сияние в небе.

— Тогда объясните вы, что это значит, — сказал он.

Послышался далекий хор зеленых спиралей:

— Мы зарегистрировали повышение стеллярной активности излучения этого светила. Она увеличилась примерно в два раза. Три вывода. Первый: звезда вошла в стадию предновой. Отклоняется — это невозможно. Второй: предыдущая оценка интеллаторной способности Солнца была ошибочной. Невероятно. Отклоняется. Третий: Солнце обрело сознание.

— Вы считаете, что оно превратилось в Блуждающую? — резко спросила девушка. — Какова вероятность такого феномена?

— Мы не имеем данных для сравнения и расчета вероятности, — пропели спирали.

— Доложите Альмалику, — распорядилась старший монитор Клотильда Квай Квич. — Пожалуйста! У вас имеется транзитный орган коммуникации!

— Мы принимаем сигналы Альмалика с непонятными помехами, — ответили спирали. — Они не имеют смысла. И подтверждение получения наших донесений мы тоже не можем получить.

Квамодиан решил, что с него достаточно.

— Забудьте об этом Альмалике! — воскликнул он. — И на наше солнышко тоже пока внимания не обращайтесь — этим мы займемся позже. Сейчас меня больше всего беспокоит судьба девушка. Девушки по имени Молли Залдивар. Вероятно, она где-то поблизости. Кто-нибудь из вас имеет возможность засечь ее?

Тишина.

— Попробуйте! — рявкнул Энди Квам. И галактогражданин-хищник с неохотным видом задрал морду.

— Уже некоторое время, — пролаял он негромко, а транзитный инвертор в ухе Квамодиана преобразовал его слова в понятный для землян язык, — я чую присутствие добычи на одном из тех холмов.

— Добычи?

— Наследственная черта, — объяснил галактогражданин. — Это особая модуляция хемохарактеристики в обтекающем потоке воздуха. Как вы говорите, особый запах. Но... простите, ведь старший монитор Клотильда Квай Квич является человеком-самкой, а вы, монитор, человеком-самцом, не так ли?

— Так. Ну и что?

— В таком случае, эта добыча представляет собой другой объект. Не тот, который вы ищете. Это человек-самец, и он сильно ранен.

Они пронеслись над покрытой выбоинами дорогой и начали снижаться к склону холма, на котором зубастый галактогражданин почуял присутствие человека. Его обоняние не обмануло их.

Человек оказался Рифником. Он лежал, прислонившись к стволу кедра или сосны и в мерцающем бледном свете зарева на небесах казался очень бледным и измученным. Кожа на лице посерела. Одна рука — страшно опухшая, висела на перевязи. Он равнодушно взирал на опустившийся флаер и выпрыгнувшего из него Квамодиана.

— Мне нужно поговорить с вами! — с ходу заорал Квамодиан.

— Только покороче, — проворчал Рифник. — Вы видите, мне нездоровится.

— Где Блуждающая Звезда? Где Молли Залдивар?

Рифник неуклюже пошевелился, сморщившись от боли в руке.

— Их нет. Куда они исчезли, я не знаю.

— Когда это произошло?

Рифник устало покачал головой. Побледнев от боли, он вытащил из кармана короткую черную палочку, надкусил кончик и принялся с отвращением жевать.

— Особый корень, растет на Рифах, — сказал он почти неслышным голосом. — Отвратительная гадость, но снимает боль. До сих пор это был мой личный заменитель Альмалика. Куда убралась Блуждающая Звезда? Откуда я знаю? Вечером она сбросила меня здесь. Пару часов назад что-то унеслось туда, — он слабо взмахнул рукой вверх, одновременно показывая в сторону холма, где находилась пещера-лаборатория. — Я видел яркий свет в небе.

— Северное сияние? Зарницу? — настаивал Квамодиан.

— Да нет. Зарницы пляшут с самого заката. Это было что-то другое. По-моему... — голос его затих, потом он встряхнулся и закончил: — По-моему, Блуждающая Звезда ушла в космос. Возможно, забрала с собой и девчонку.

Тут вмешалась монитор Клотильда Квай Квич.

— Энди! Этот человек умирает! Необходимо доставить его в больницу!

Рифник с трудом усмехнулся, пожевал губами еще секунду, потом выплюнул на камень струю темной жидкости.

— Неплохая идея, мисс, — сказал он. — Только в больницу мне уж поздно. Мне требуется в церковь.

— Вот это да, Проповедник! — выдохнул Руф, широко раскрыв глаза. Он стоял за спиной Энди, и на его лице танцевали отблески зарниц. — Никто и никогда бы не подумал, что он скажет такое!

— И не сказал бы никогда! — прогреготал Рифник, — если бы у меня был другой выбор! Но я уже знал, что так придется сделать. Этот ваш робот-инспектор сказал мне несколько недель назад. «Вредоносный фузоритный вирус», — так он сказал. И, очевидно, очень радовался, если только роботы способны радоваться. И он сказал мне, что Посетители смогут помочь мне, а доктора — нет. Кажется, он не соврал.

— И вы, следовательно, присоединяетесь к Альмалику, — констатировал Энди Квам.

Рифник с сожалением пожал плечами, поморщившись от боли.

— Я приручил своего последнего слиита, — прохрипел он. — Кончилась свободная жизнь. — Спазм боли заставил побледнеть его покрытое шрамами суровое лицо. — Не думай, что мне это очень нравится, Квамодиан! Но у меня полтела словно в огне.

— Прекрасно! воскликнул Энди Квам. — Это отлично! Если тебе нужно до Мудрого Ручья, ты можешь сразу расплатиться за проезд!

Мальчик громко вздохнул, и даже Клотильда Квай Квич метнула в Энди пораженный взгляд. Рифник облизнул губы, глядя на Квамодиана.

— О чем ты?! Я слишком плох для шуток.

— Вот и прекрасно, потому что я не шучу. Я намерен оставить тебя догнивать здесь... если только ты не убедишь меня, что стоит поступить иначе.

— Как?

— Проще простого! — сурово сказал Квамодиан. — Просто расскажи мне правду о том, чем ты тут занимался с Клиффом Хауком.

Глаза Рифника засветились бешенством в многоцветном мерцании полярного сияния. Если бы он обладал трансфлексионной энергией слиита, Энди Квам был бы парализован или убит на месте. В этом взгляде была ненависть и безумие, которых хватило бы для того, чтобы сбивать с орбит планеты.

Но взгляд быстро погас. Рифник отвернулся. Челюсть его опять заработала. Он сглотнул, сплюнул на камень тонкую струйку черного сока корня и сказал:

— Почему бы и нет? Теперь это уже все равно, верно? Ведь Посетители скоро начнут копошиться у меня в мозгу и выставят перед Альмаликом все мои секреты. Поэтому я могу рассказать тебе все и сам, прямо сейчас. Но только сначала помоги мне сесть во флаер, Квамодиан. Я не шучу, мне и в самом деле очень плохо.

Энди Квам помог огромному охотнику забраться в пузырь кабины флаера, и тот тяжело опустился на сиденье. В тот же момент автоматический контур принял во внимание его вес и увеличил упругость подушки. Рифник, чуть покачиваясь, сидел и смотрел на собравшихся вокруг.

— Правда заключается в том, — сказал он, — что Клифф Хаук работал для меня. Наглый щенок! Я знал, он мнил себя большой личностью. Искал чисто научных знаний и так далее. Но мне нужно было лишь лекарство от вируса. Он спал во мне с того самого момента, когда я подцепил его в Рифах двадцать лет назад. Я не собирался позволить ему убить меня, Квамодиан. Но я и не собирался впускать в себя Посетителей!

Он осторожно погладил своими толстыми огрубевшими пальцами руку на перевязи, глядя на многоцветное светящееся небо.

— Конечно, кое-что из того, что предлагали Посетители, было мне по душе. Физическое бессмертие. Лекарство от вируса, сила, слава, власть... Блуждающая Звезда была моим способом получить все это, не пуская в тело паразитов... Хаук был всего лишь моим инженером.

— Итак, ты знал, что Клифф Хаук создает Блуждающую Звезду? — Квамодиан подался вперед, всматриваясь в обескровленное обмякшее лицо Рифника.

— Две звезды, Квамодиан. Первая убежала, — он усмехнулся сквозь новый приступ боли. — Похоже, и вторая тоже.

— Понимаю, — сердито сказал Энди, глядя вверх, на пылающие зарницы. — Первая вошла в Солнце. Теперь наше светило — тоже Блуждающая Звезда!

Рифник пожал плечами.

— Монитор Квамодиан! — вскричала Клотильда. — Об этом нужно немедленно доложить! Поскольку наши галактограждане потеряли связь с Альмаликом, мы должны немедленно вернуться в Мудрый Ручей и доложить через трансфлексионную станцию поселка.

— Об этом уже доложено, — спокойно сказал Энди Квам.

— Но это невозможно! Каким образом? Мы ведь только что узнали...

— Родителями Руфа. Они ведь знали об этом, верно? — Мальчик кивнул с довольным видом. Глаза его сияли. — И они отправились в Нью-Йорк, чтобы сообщить о появлении Блуждающей Звезды.

Рифник осторожно почесал бок, поежился и застонал.

— Значит, все встало на свои места, правильно? Так как теперь насчет того, чтобы отвезти меня в Мудрый Ручей?

— Еще одну минутку, — сказал абсолютно спокойны Квамодиан. — Еще один вопрос. Какое отношение ко всему этому имеет Молли Залдивар?

— Эта глупая девчонка? Она сгубила Хаука! Да, он был в нее влюблен. Она пыталась остановить его и все испортила.

Он застонал и схватился за грудь, согнувшись пополам.

— Но я не знаю, где она сейчас, Квамодиан! — простонал он. — Пожалуйста! Разве тебе мало? Или ты хочешь, чтобы эта вирусная штука прикончила меня?

По пути в Мудрый Ручей Энди Квам связался с контрольным куполом станции и запросил внеочередной сеанс связи.

— Тридцатиминутная задержка всех сообщений, монитор Квамодиан, — ответил купол. — Я вызову вас, когда освободится ваш канал.

Мрачно поджав губы, Энди приказал флаеру приземлиться у церкви Звезды. Теперь, когда они узнали причину странного поведения Солнца, ответственность не так давила

на его плечи. Удастся ли Альмалику каким-то образом справиться с проблемой или нет, Квамодиану было все равно. Сейчас его мысли были полностью поглощены тревогой за Молли Залдивар, силой унесенной в космос Блуждающей звездой и обреченной на скорую смерть от лучей старой ядерной батареи в подземной пещере Рифника. Что касалось самого Рифника, то Энди Квама совершенно не волновало, погибнет ли он или впустит в себя фузоритов-Посетителей.

Но сцена внутри церкви Звезды несла заметный отпечаток великолепия. Их приветствовал новый робот-инспектор, яйцеобразное черное тело которого возбужденно подпрыгивало на подушках пола — он был взволнован присутствием стольких галактограждан. Хоть день был и будний, в кружок под куполом с горящими солнцами Альмалика собралось несколько спасенных членов Товарищества Звезды, Квамодиан и старший монитор Клотильда Квай Квич возглавляли процессию. За ними следовал, хромая, Рифник. За Рифником мягко ступал галактогражданин-хищник, потом многочисленный согражданин — зеленые спирали. В авангарде шествовало розовое облако.

Опустившиеся на колени поклоняющиеся пели хвалу Альмалику. потом поднялся Джуан Залдивар и задал Рифнику традиционный вопрос — понимает ли он природу симбиотической жизни и по собственной ли доброй воле избрал присоединение к симбиозу. Понимает ли он, что делает выбор навсегда?

На каждый вопрос Рифник отвечал хриплым «да».

Он опустился на колени, и все сопровождающие опустились вместе с ним. Их золотистые знаки светились в полумраке купола. Они снова затянули песнь, и голоса их торжественно перекачивались под огромным куполом, на котором горели тринадцать звезд Альмалика.

Рифник вдруг издал внезапный протестующий вскрик.

Он наполовину поднялся, повернулся в неожиданной тревоге, потом качнулся вперед, падая на поврежденную руку.

Квамодиан услышал сухой шипящий треск. Пять золотых знаков, отделились, танцуя, от светящихся знаков на телах и лицах спасенных и поплыли к растянувшемуся телу Рифника. Они собрались в маленькое облачко золотого пламени.

Золотой шар огня с шипением погрузился в тело Рифника. Рука его вдруг взлетела вверх, тронула щеку и медленно опустилась. В свежем воздухе поплыл густой аромат фузоритов-Посетителей.

Стоны Рифника затихли.

И в этот момент пение кончилось. Рифник вздрогнул, открыл глаза, легко поднялся и подошел к Энди Квамодиану, пожимая его руку.

— Спасибо, друг! — прогудел его мощный голос. Его грубое, покрытое шрамами лицо вдруг осветилось нежной, безмятежной улыбкой. Над спутанной грязной бородой горела теперь звезда Посетителей. — Вся моя боль исчезла.

К нему подошел Джуан Залдивар и взял за руку.

— Теперь ты спасен! «Ты больше никогда не испытаешь боль», — торжественно сказал он.

Купол контроля связался с Альмаликом. Но имелись некоторые затруднения.

— Какие именно? — взорвался Квамодиан. — Мне нужно немедленно связаться с Альмаликом! А потом самому отправиться туда!

— Очень сожалею, — сладким голосом пропел купол. — Но для этого нужно удостоверить ваше право первоочередности...

— Но я этого как раз и требую! Чрезвычайная обстановка! Произошло несчастье!

— Но, — снова пропел купол, — когда вы вчера прибыли сюда, вы тоже говорили о чрезвычайном происшествии.

— Да, я был прав! Теперь у меня есть новые факты. Солнцам Альмалика грозит немалая опасность!

— Энди, — прошептала Клотильда, — можно я поговорю с ним? Возможно, он выслушает меня. — Но Квамодиан

оборвал ее одним свирепым взглядом. Она сразу же подчинилась, не сказав ни слова. С момента посещения пещеры, коша все убедились, что опасения Квамодиана имеют реальную почву, она стала гораздо мягче, женственнее.

— Назовите эти факты, — мелодично продел купол.

— Они уже должны быть известны Альмалику, — сказал Квамодиан. — Они имеются в сознании человека по прозвищу «Рифник», который только что принял в свое тело Посетителей. Я требую нашей немедленной переброски в систему Альмалика, чтобы я соединился с ним и помог в интерпретации и использовании этой новой информации.

Он не упоминал своей личной и самой жгучей причины. Это было бесполезно, поскольку едва ли произвело бы впечатление на транзитные матрицы контрольного купола. Но он не терял отчаянной надежды, что Молли Залдивар может быть обнаружена вместе со своим похитителем где-то среди многих солнц Альмалика. И если это произойдет, Квамодиан хотел быть в этот момент там.

— Секунду! — пропел купол. Энди Квам нетерпеливо заржал на сиденьи. Клотильда Квай Квич задумчиво нахмурилась.

— Но у нас имеется право первоочередности, — заметила она.

— Что ты хочешь этим сказать? — подпрыгнул Энди.

— Ничего, Энди. Просто все, кроме тебя, могут сейчас отправиться к Альмалику и помочь тебе получить право первоочередности.

— Согласны, — пропел хор зеленых пружинок. — В нетерпении. Срочно. Предлагаем не откладывать.

А галактогражданин-облако вздохнул:

— Против Альмалика могут быть использованы могущественные силы. Необходимо срочно начать подготовку к отражению нападения.

— Делайте, что хотите, — упрямо стоял на своем Квамодиан. — Я поступаю по-своему.

Клотильда с сомнением посмотрела на него, но ничего не сказала. Во всяком случае, она была избавлена от этой необходимости. Сквозь коммуникаторы-вставки в их ушах загоровил контрольный купол.

— Монитор Квамодиан, ваша просьба отклонена. Старший монитор Клотильда Квай Квич, вы и остальные члены вашей бригады лишены пока что права на первоочередность. В этот район пространства переброска прекращена полностью.

Все были поражены ужасом, услышав такую новость. Зеленые пружинки бешено завертелись по своим взаимочетическим пружинным орбитам, их коллективная мысль превратилась в нечленораздельное бормотание, испуганное и возбужденное, совершенно непонятное для других. Галактогражданин-хищник жалобно завыл и придвинулся к мальчику. Руф широко раскрытыми глазами смотрел на Энди Квама. Розоватый галактогражданин-облако тихо предрекал ждущие их впереди несчастья и катастрофы, а рука Клотильды Квай Квич невольно сжала руку Энди Квама.

— Почему? — гневно потребовал он ответа. — Мы мониторы! Нам не может быть отказано в праве транспортировки!

— Всякая транспортировка прекращена, — мрачно доложил контрольный купол. — Ваша штаб-квартира сообщает об аномальных астрономических феноменах среди планет и солнц Альмалика. Робот-инспектор, будьте добры, расскажите подробнее.

Ранее незамеченный черный яйцеобразный корпус робота плыл к ним через площадь. Его овальный плазменный сенсор светился холодным светом. Зазвучал его высокий голос:

— Это правда, монитор Квамодиан. Внешняя планета Альмалик-13 вдруг сошла с орбиты. Она движется курсом на столкновение со своим светилом, превосходя нормальное ускорение поля гравитации в несколько раз.

Глаза Квамодиана сузились. В голове его завертелся жуткий вихрь нехороших предчувствий. Молли там! Он был почти уверен в этом. Он обязан добраться туда.

— Не удивительно! — рявкнул он, удивив даже самого себя. — Это я как раз и надеялся предотвратить! Я должен добраться туда немедленно, чтобы все же свести потери к минимуму или вообще избежать их, если такое возможно.

— Это невозможно, монитор Квамодиан, — пропел робот. — Столкновение планеты Альмалик-13 с солнцем ожидается в течение ближайших нескольких часов. Все трансфлексные станции используются для эвакуации планет, которым грозит опасность. Хотя их явно недостаточно. Будет спасена лишь часть населения. В этих условиях запрещены любые встречные переброски.

Клотильда громко вздохнула. Галактогражданин-хищник задрал к небу зубастую пасть и издал протяжный жалобный вой.

— Но... но я должен попасть туда! — заикаясь, пробормotal Квамодиан. — Чтобы помочь.

Робот-инспектор никак не прореагировал на этот крик души. Его блестящий черный корпус неподвижно висел в воздухе.

— Проповедник, что случилось? — со страхом спросил Руф. — Он умер?

Квамодиан, не поворачивая головы, покачал ею. Плазменный сенсорный овал робота замигал, потом погас совсем. Три черных кнута эффектора выскользнули из-под яйцевидной скорлупы и безвольно повисли, покачиваясь, чертя полосы в пыли, покрывающей площадь.

— Робот-инспектор! — жалобно позвал Энди Квам. Рядом с собой он услышал шепот девушки:

— Произошло что-то ужасное! Он совершенно прекратил связь с окружающим миром!

Вдруг эффекторы быстро убрались обратно в корпус. Овал мягко засветился.

— Мы получили дальнейшие указания нашего главного штаба, — прогудел он. — В сообщении говорится, что Блуждающая Звезда, вторгшаяся в систему Альмалика, уничтожила два оригинальных интеллекта в солнцах Альмалика и внедрила вместо них собственные транзитные матрицы. Сейчас она атакует планеты Альмалика-13.

Квамодиан замер, затаив дыхание.

— Вызови Лебеда! — потребовал он.

— Святой Альмалик, ведущая звезда Лебеда, вызывает вас, — прерывал его высокий голос робота. — Ваше право внеочередной трансфлексионной транспортировки подтверждено. Вы и ваши спутники можете отправиться через станцию Мудрый Ручей немедленно!

Глава XXV

На расстоянии несколько световых столетий от Земли сознание Блуждающей Звезды крепло и заострялось в топке космической ярости. Гигантское создание из свободных электронов и плазмы размышляло, ведя диалог с самим собой, словно звездный Гамлет.

«Мои моря кипят... Из светящихся ран сочится магма — кровь. Сама кора моя пробита варварскими копьями звезды... И все же я себя бросаю вперед, к огромному светилу впереди.»

Внутренние планеты Альмалика мелькали мимо. Всего несколько часов, и они вместе с окружающим пространством растворятся в кипящем море частиц светила, которое намеревалось уничтожить Блуждающая Звезда.

И по-прежнему Альмалик не оказывал сопротивления. Огромный, непрерывно увеличивающийся в размерах, он безмятежно лежал перед Блуждающей Звездой, прекрасный и спокойный, ничуть не взволнованный нападением.

Но, теперь Блуждающая Звезда была зрелой и опытной — по крайней мере, по собственным меркам. Она пережила миллиарды циклов уплотненного внутреннего развития. Она познала в полном смысле эмоции или хотя бы те поляризованные тропизмы связи матриц, которые заменяли ей эффект продукции желез на организм человека. Она познала злость, и спокойная гордость солнца перед ней вызывала еще большую злость.

«Если только он признает меня! Если только признается, что велел Солнцу Земли уничтожить меня! Если извинится за обман, за то, что презирал меня... возможно, тогда я отведу удар.»

Но Альмалик игнорировал агрессора. Зато другие обитатели планетной системы обратили внимание на пришельца. Хотя великое белое солнце продолжало безмятежно сиять, Блуждающая Звезда обнаружила, что стала объектом нападения извне. Голубой компонент системы нанес удар клинком из плазмы, чудовищной струей раскаленной плазмы и вибрирующих трансфлексионных полей. Клинок пронзил сердце Блуждающей Звезды, оттянулся и ударил снова.

Сильная боль пронзила Блуждающую до самого глубокого кольца плазменных матриц. Но она не была уничтожена. Она собрала силы и начала искать способ отбить атаку голубого гиганта.

И она нашла этот способ. Пролетая мимо пятой планеты Альмалика, Блуждающая Звезда протянула в пространстве свои плазменные руки и сорвала с орбиты связку лун. Она сплавила их в единое тело и присоединила к собственным транзитным матрицам. И их новой массой укрепила свою защиту.

Теперь, обезопасив себя, она принялась питаться энергией самих атакующих разрядов. Она пила их трансфлексионную энергию, впитывала золотые разряды и голубые разряды, скручивала собственные поля и бросала свою увеличивающую массу вперед с новой силой, стремясь к

сводящему с ума своим спокойствием белому светилу, которое продолжало сиять, презрительно не замечая усилий Блуждающей Звезды.

И на этом первая фаза битвы завершилась.

Хотя Блуждающая Звезда ни разу не нанесла ответного удара по нападавшим на нее звездам-гигантам, те уже были побеждены. Израсходовав гигантскую энергию на плазменные выстрелы, они исчерпали свои силы. Их плазменные бичи внезапно втянулись обратно и бесследно исчезли. Голубой гигант померк и сжался, желтый распух и приобрел красный оттенок.

И в следующее мгновение они оба умерли. Хотя их ядерный огонь и не погас, теперь эти светила сияли впустую — интеллект, обитавший в них, исчерпал свою энергию и погас.

Разумная жизнь покинула эти звезды. Гнев, страх и волевое действие исчезли. Голубой гигант снова увеличился в размерах, а золотистое солнце снова приобрело прежний облик. Теперь это было лишь шары ядерного газа, обыкновенные атомные топки, которые больше не контролировались транзитными матрицами звездного разума.

Это была безоговорочная победа Блуждающей Звезды. Но ее главный враг — большая белая звезда — по-прежнему сиял впереди.

Он еще не был побежден. Даже если и был напуган, то не подавал виду.

Блуждающая Звезда чувствовала, что огромный интеллект белого светила наблюдает за ней, внимательно, но странным образом совершенно без всякого страха. Это было ненормально. Почему звезда не просит пощады или не вступает в переговоры? Это было необычно и почему-то тревожило Блуждающую Звезд>.

Но она ни на час не свернула бы с намеченной тропы. Она мчалась вперед, чтобы покончить с белым светилом, его надменной гордостью.

Выпустив на поиски зонды, она нашла новое топливо для своей вендетты. Пролетая мимо астероидного облака, она смахнула его и прибавила к собственной массе. Потом протянула энергетические щупальца к голому каменному спутнику четвертой планеты и снова сплавila его массу со своей, подобно тому, как стремилась уничтожить и поглотить массу всех солнц Альмалика. Уже само предвкушение этого дало ей особую радость победы и разрушающей силы.

Тринадцать светил или погибнут, или потеряют в жестокой борьбе способность поддерживать в себе разум. Будет разрушено около сотни обитаемых планет и тысячи малонаселенных планетоидов. Миллион миллиардов живых существ исчезнут в белом кипении плазмы, когда смерть придет к Звезде...

И среди них, думала Блуждающая Звезда со слабым уколом боли, будет и обыкновенный конгломерат живой материи по имени Молли Залдивар.

«Я не хочу, чтобы Молли Залдивар погибла. Но она должна погибнуть. Я не спасу ее, но я и не хочу гибели ее, так как люблю ее».

Не замедляя своего смертельного падения к белому гиганту Альмалика, Блуждающая Звезда протянула вперед тонкие нити плазменных эффекторов. Их сенсоры прочесывали кубические мили пустоты, пока наконец не нашли Молли. Она по-прежнему сидела верхом на слиите, далеко опередив Блуждающую Звезду. Слиит опускался в атмосферу третьей планеты. Рука золотого гиганта, освободившего Молли от пасти Блуждающей Звезды, уже исчезла, но Молли Залдивар была жива.

И она почувствовала осторожное прикосновение щупалец Блуждающей. Она подняла голову и без ошибки нашла то место в пространстве, где сконцентрированные массы энергии неслись к своей страшной цели.

— Это ты, чудовище? — прошептала она.

Блуждающая Звезда ничего не ответила. Она только наблюдала и ждала.

— Монстр, — сказала Молли более уверенно. — Я знаю, что ты здесь. Мне все равно. — Она помолчала секунду, подавшись вперед, облокотившись на покрытую черным мехом спину слиита, глядя на затянутый облаками диск планеты внизу.

— Ты сделал столько зла, чудовище, — выдохнула она. — И все-таки... ты старался быть добрым со мной. Чудище, мне так жаль, что тебе пришлось воевать с Альмаликом!

Блуждающая ничего не ответила. Но она прозондировала внутренний спектр мыслей Молли, ауру ее эмоций, обнаружила темную тень печали, а рядом с ней бледное золотистое свечение — чего? Любви? Привязанности? Симпатии? Так, во всяком случае, решила Блуждающая Звезда.

Она уменьшила толщину своего плазменного щупальца до предела, ей достаточно было лишь наблюдать за девушкой, пока она думала. Сила Звезды была безмерно больше возможности девушки. Звезда могла сорвать ее со спины слиита в любое мгновение. Энергия, двигавшая планетами и уничтожавшая разум звездных существ, была способна втянуть слиита и девушку обратно в ядерное сердце звезды и понести их вместе с самой звездой к столкновению с гордым белым солнцем впереди. Но она не сделала этого. Она лишь внимательно наблюдала, как без всяких препятствий девушка, защищенная полем слиита, которое окружало ее мерцающей оболочкой, исчезла в свечении ионизированных верхних слоев атмосферы планеты, быстро опускаясь к поверхности с ее городами и миллиардами населявших их галактограждан.

Третья планета была сине-зеленым миром. Красивым миром. Миром мирных морей и щедрых материков. Берега ее морей и рек усеяли великолепные города. Их населяли любые виды существ, входящих в союз Альмалика.

Блуждающая Звезда наблюдала, как слит падает к башням и шпилям одного из городов. Было еще не поздно.

Звезда могла подхватить девушку прямо сейчас, вернуть ее к себе — стоило лишь чуть-чуть напрячь одну из многих могучих плазменных рук. Но звезда приглушила свою энергию. Она только смотрела, и все ближе, ближе становился момент столкновения, который уничтожит, расплавит этот мир и уничтожит заодно организованный конгломерат органического вещества, называемый Молли Залдивар.

Глава XXVI

Флаер, несший своих органических пассажиров, сопровождаемый зелеными спиралями и розовым гражданином-облаком, падал в бесконечную глубину транзитного перехода, пока не вынырнул вдруг в порту Каймара, венца всех городов планеты Каймара, главного города в системе Альмалик.

Рука Клотильды Квай Квич в испуге сжала руку Энди Квама. За его спиной тихо выдохнул Руф:

— Проповедник, кажется, мы попали в нехорошее место!

Огромный центральный купол города был заполнен галактогражданами всех видов и цветов. Многие были гуманоидами и даже людьми — спокойные земляне, бронзовые гиганты-Рифники. Но здесь же находились галактограждане мириадов различных форм тела или вообще не имеющие форм — жидкие и газообразные существа, состоящие из организованной материи и не имеющие в своей структуре ни грамма вещества. Диафрагма трансфлексного купола за их спиной уже сокращалась, принимая беглецов, которым повезло попасть в первую очередь. Теперь они находились на пути к какому-то другому миру. Крики, возгласы, свист, электронные сигналы, тысячи других звуков, тысячи самых разнообразных существ, которые не могли попасть в куб передатчика станции, сливались в единый зов о помощи. Прямо перед флаером повисли двадцать кристаллических

галактограждан. Их острые, как бритва, голубые грани ослепительно сверкали в лучах Альмалика. Квам опустил флаер на рампу, открыл дверь купола кабины и выбрался наружу, поднырнув под группу кристаллических созданий.

— Нужно выбираться из этой толкотни, — пропыхтел он.
— Штаб-квартира Товарищества Звезды находится прямо вон там... Кажется.

— Правильно, Энди, — задыхаясь, произнесла Клотильда.
— Нужно добраться туда, они должны по-прежнему действовать и... — но ей не хватило дыхания, и она недоговорила.

Им оставалось только прокладывать путь сквозь толпу галактограждан. Паники не было. Гибель угрожала всем, но врагов не было. Однако здесь собралось множество галактограждан, и было совершенно ясно, что купол может эвакуировать в оставшиеся минуты лишь незначительную их часть. Многим удалось добраться лишь до центрального купола города. Все существа пытались сохранить спокойствие и порядок. Все были храбры. Но все они уже знали, что обречены.

Наконец, бригаде удалось выбраться на свободное пространство и перевести дух. Менее всего досталось гражданину-хищнику. Он глянул на Руфа и пролаял свои соображения, которые тут же были переведены транзитным переводчиком в понятные слова:

— Пусть щенок сядет нам на плечи! Иначе нам не пробраться!

— Никогда! — вспыхнул Руф. — Я тоже могу идти, если вы идете. Вперед, Проповедник, мы теряем время!

Из всех членов бригады более всего помяли розового галактогражданина-облако. От основной массы отделились маленькие облачка розового пенистого вещества. Некоторые продолжали плыть за ним вслед, надеясь присоединиться к основной массе, другие безнадежно потерялись в плотной толпе за их спинами. Содружество зеленых пружиннок лишь укоротило орбиты вращения, сохраняя

оптимальную скорость и расстояние между сочленами своего организма.

— Ладно, — сказал Энди Квам. — Двинулись!

Но поднявшийся в куполе за их спинами страшный шум заставил их обернуться.

Все галактограждане — теплокровные или нет, гуманоиды или аморфы — все они сейчас смотрели вверх, обратив взоры на прозрачный купол. Там, ворвавшись в голубой покой безмятежного неба Каймара, висел сверкающий плазменный шар агрессора — Блуждающей Звезды. Несмотря на расстояние в многие миллионы миль, скорость ее была так велика, что огненный шар в ореоле молний заметно перемещался по небу.

Энди Квам с трудом опустил глаза.

— Пойдемте! — сказал он. — У нас гораздо меньше времени, чем я предполагал.

Большой зал Товарищества Звезды был пуст. В зале, способном вместить тысячи, сейчас не было ни души, лишь тринадцать солнц Альмалика гордо сияли на куполе.

— Я не понимаю, — скорбно произнесла старший монитор Клотильда Квай Квич. — Я предполагала, что хотя бы здесь мы найдем кого-нибудь, кто...

В ушах Квама зазвенел хор зеленых пружинок:

— Никакой информации. Никаких следов функционирования. Данное здание полностью покинуто.

Мальчик крепко сжал руку Энди.

— Однако, Проповедник, Альмалик велел нам явиться именно сюда, разве не так?

— Да, он дал нам разрешение. «Непосредственно», — сказал Энди, осматривая зал. — Но, видимо, что-то произошло...

Розовый гражданин-облако устало прошептал:

— Непонятное существо высшего масштаба наблюдает за нами...

Квамодиан рухнул в кресло и попытался справиться с мыслями. Времени, без сомнения, было слишком мало. Он

рассчитывал, что Товарищество Звезды сможет оказать ему помощь. Возможно, он немного оторвался от реальности, но он и в самом деле рассчитывал увидеть в зале толпы поклоняющихся, застать в многочисленных секциях и кабинетах кипучую деятельность, связанную с бесконечным потоком заданий Альмалика. Он предполагал, что у входа их встретит робот-монитор, направит их непосредственно к какому-нибудь влиятельному лицу, которое получит сообщение о Блуждающей Звезде и... начнет действовать. Начнет действовать немедленно, чтобы спасти этот мир и все миры системы Альмалика.

Он совсем не ожидал, что здание окажется брошенным.

Остальные ждали, что предпримет Энди. Квамодиан понял, что ему придется принимать решение за всю компанию — правильное или неправильное, но придется. И с каждой секундой оставалось все меньше и меньше времени.

Он поднялся.

— Ладно, — сказал он, — пойдемте обратно к станции. Возможно, мы там найдем монитора, и он нам поможет.

— Опять через толпу! — запротестовал Руф. — Проповедник! Это невозможно!

— Возможно или невозможно, но ничего другого не остается. Если только у тебя не появилось идеи получше.

Но как только граждане повернулись, собираясь уходить, в их ушах мягко пророкотал Голос.

— Подождите, — сказал Голос.

Они замерли на месте. Девушка умоляюще смотрела на Энди. Она ничего не сказала вслух, но губы ее шевельнулись, произнося одно лишь слово:

— Альмалик!

Энди кивнул, и тут же снова заговорил Голос.

— Смотрите! — сказал он.

И огромный купол поднялся на полушке трансфлексионного поля, открывая великолепие небес самого Альмалика. Сейчас был день, и мерцающие звезды, для обозрения которых был придумал купол, не были видны. Но огненный шар

Блуждающей Звезды доминировал в небе, уничтожая красоту спокойных облаков. И еще ближе, уже совсем близко к ним приближался...

— Это мисс Залдивар! — крикнул мальчик. — Посмотрите, Проповедник! Это она, на слиите!

Они провели в большом зале не более четверти часа, и за все это продолжительное время Энди едва был способен вздохнуть. Он был полностью подавлен величием самого Альмалика, наблюдавшего за ними, думавшего о них, помогавшему им. Даже близость девушки, ради которой он пересек половину Вселенной, не могла нарушить чар этой бессмертной и могучей звезды.

Хотя того, что она сказала, было вполне достаточно, чтобы вызвать у Энди прилив отчаянной энергии. Потому что Молли Залдивар, как сказала она сама, скоро должна умереть.

— Энди, дорогой, — прошептала она, и голос ее, доносившийся через пространство обширного зала, показался Энди небывало теплым и любящим. — Нет, не подходи ко мне! Я заражена радиацией — той, из старой установки Плана Человека в пещере, и новой... С ее помощью это чудовище пыталось спасти мне жизнь. Вернее, дать мне жизнь, потому что в тот момент я была уже мертва. В любом случае, если ты подойдешь близко, ты тоже можешь погибнуть...

Но, несмотря на эти слова, Энди Квам шагнул вперед, намереваясь броситься к Молли. Она жестом остановила его.

— Пожалуйста, — прошептала она, — не надо! Что ты должен был сообщить, зачем прилетел с Земли?

Запинаясь, он рассказал ей все о Рифнике и о том, что поведал Рифник. Тем временем Клотильда и мальчик стояли рядом, молчаливые и испуганные. Молли Залдивар выслушала рассказ. Лицо ее было неподвижно, хотя глаза расширились, потом вдруг метнулись в сторону, когда она заметила, как рука Клотильды ищет руку Энди Квама.

Потом Молли сказала:

— Спасибо, Энди. Ты всегда был моим самым лучшим другом. Я... Самообладание едва не изменило ей, но она тут же взяла себя в руки и улыбнулась.

— Я не слишком жалею, что придется покинуть этот мир, дорогой Энди. Но мне очень жаль, что я покидаю тебя.

И в следующее мгновение ее уже не было. Взорвавшись на спину слита, она опять устремила в небо. Тем временем огромный купол величественно опустился на место, окончательно скрыв Молли из виду.

Глава XXVII

Блуждающая Звезда чувствовала страх далекого наблюдателя, страх отца за сына, которому угрожает опасность. Она хотела позвать на помощь; но дистанция была слишком велика, в тысячи раз больше возможного. Даже гораздо более короткий сенсор, наблюдавший за Молли Залдивар и слиитом, вдруг оборвался, и звезда потеряла Молли из виду.

Она попыталась снова нащупать их, потеряв многие пикосекунды, но напрасно. Девушка была полностью заблокирована какой-то могучей силой, сделавшей Молли совершенно недоступной для усилий Звезды. Звезду наполнило чувство, которое соответствовало тягостной тревоге у людей, но на эмоции уже не осталось времени. Звезда все ближе и ближе подходила к солнцу-врагу, и ей теперь требовалось собрать все силы для ожидающего ее впереди главного столкновения.

Третья планета осталась далеко позади, Звезда миновала в своем стремительном полете орбиту второй, скрытой от нее огромным шаром белого солнца. Огромный белый диск сиял прямо впереди, неумолимо увеличиваясь в размерах.

«Звезда по-прежнему не обращает на меня внимания. Она отказывается сопротивляться. Она не предлагает вступить в переговоры, принести мне извинения за совершенное

нападение с помощью двух других звезд! Она только наблюдает за мной. Дразнит меня!»

— Чудовище, подожди!

Тонкая нить энергозонта Блуждающей Звезды снова ожила, передавая сообщение. Звезда сконцентрировала восприятие и увидела, что вслед за ней мчится на слиите Молли Залдивар. От нее исходила непонятная Блуждающей Звезде энергия, отчего звезда испытала некоторую неуверенность. Слабое человеческое существо, непрочный конгломерат органических молекул, каковым являлась эта девушка, не имел права располагать такой энергией. Это было просто невозможно, тем более в тот момент, когда время существования этого организма стремительно летело к концу.

Блуждающая Звезда потратила несколько наносекунд, исследуя возможность того, что именно ее враг, Альмалик, наделил девушку такой силой. Потом она отбросила эту возможность. Теперь это просто не имело особого значения. До столкновения оставались минуты. Уже сейчас вокруг Блуждающей Звезды кипела тонкая внешняя атмосфера белого солнца. Звезда не собиралась останавливаться; возможно, даже уже не могла остановиться — инерция общей массы ее планетарного тела была слишком велика, чтобы ее можно было сразу нейтрализовать.

Но через плазменный эффектор она послала Молли сообщение, заставив сферу воздуха, уносимого слиитом в космическое пространство, завибрировать, рождая слова.

— Что ты хочешь, Молли Залдивар? — пропела Звезда тонким голосом. — Ты любишь меня? Теперь?

Ответ заставил содрогнуться раскаленную кору планеты, которая была телом звезды.

— Люблю ли я тебя, чудовище? Не знаю. Не могу предсказать... И все же... Да, возможно, люблю. Если это так важно сейчас...

Тело Блуждающей Звезды затряслось, кипящие океаны магмы затянулись тучами испарений. На мгновение Звезда

ослабила свою могучую хватку трансфлексионных полей, в которых она держала планету. В измученных небесах заплесали чудовищные молнии. Но Молли продолжала:

— Но у меня уже не осталось времени, чтобы любить кого-нибудь. Тело мое умирает, и я хочу сказать тебе нечто. Чудовище, послушай меня, пожалуйста. Альмалик тебе не врет!

Судорога сомнения свела великую радость Блуждающей Звезды.

— Послушай меня, чудовище! Альмалик никогда не причинял тебе вреда. Он просто не может этого сделать. Он не может нанести вред ни тебе, ни любому мыслящему существу. Никогда!

Теперь Блуждающая Звезда сотрясалась от ярости. Скальную кору ее тела рассекли трещины, и наружу выплеснулась белая магма. Воздух, окружавший Молли в маленьком пузыре слита, содрогнулся от крика:

— Ложь! Снова ложь! Солнце Земли пыталось убить меня! И оно было подчиненным Альмалика! И товарищи Альмалика, две двойные звезды, тоже пытались это сделать!

Но голос Молли Залдивар был спокоен и тверд.

— Нет, чудовище! Один раз я действительно тебе солгала, так как боялась тебя. Но Альмалик никогда не лгал и не пытался причинить тебе вред. Да, Солнце Земли ударило тебя! Но это был твой собственный брат!

Блуждающая Звезда остановила в полете свой могучий эффектор, которым собиралась ударить Молли. Она озадаченно повторила:

— Брат?

— Да, твой брат. Еще один искусственно созданный плазменный интеллект, выпущенный на волю перед тобой. Он занял Солнце и попытался уничтожить тебя, добравшись сюда заранее и оккупировав две звезды в системе Альмалика — голубой и желтый гиганты. Именно он и сражался с тобой! Но ты победил его, чудовище. Теперь его больше не

существует, и ты должен остановиться, прежде чем уничтожишь Альмалик.

Блуждающая Звезда молчала. Плазменные матрицы ее интеллекта обрабатывали только что услышанную информацию.

— Брат?! — снова прошептала она тоненьким голоском. Ужасное подозрение заверещало, зашевелилось у нее внутри, заставив кору планеты содрогнуться.

Если я ошибаюсь, подумала она, если я ошибаюсь, то я совершаю ужасное и непоправимое деяние...

Если она ошибалась, значит Альмалик всегда был ее другом. И всего через несколько минут Альмалик будет уничтожен!

Аккуратно и методически Блуждающая Звезда перестроила свою сеть сенсоров, бросила сканирующие зонды вниз, к спокойно ждущему белому солнцу, такому близкому и такому теперь уловимому. Она прощупала все окружающее пространство. Скорость ее планетарного тела, с таким ускорением разгонявшегося сотни миллионов миль, была огромна. Остановка была невозможна. Слишком рьяно тратила Блуждающая Звезда энергию на разгон планеты, направляя ее к белому солнцу. Было слишком поздно, чтобы остановиться.

Быстро и тщательно рассчитала она вероятные траектории, по которым можно было отклонить — не остановить, нет, это было невозможно — но хотя бы отклонить ее планетарное тело, чтобы оно миновало белую звезду и ушло во мрак пространства...

Невозможно! Слишком поздно!

Хорошо, Она попыталась рассчитать путь сквозь корону звезды. Это уничтожит саму планету, нарушит энергетический баланс белого солнца, но в основном Альмалик уцелеет...

Тоже невозможно. Тоже слишком поздно.

Впав в аналог человеческого отчаяния, Блуждающая рассчитала вероятность пробить верхний слой белого солнца,

по касательной, миновав сердцевину. Альмалик будет ранен, начнется небывалое извержение энергии глубинных слоев, но белое солнце не погибнет...

Но и это оказалось невозможно. Скорость была слишком велика, время столкновения слишком близко. Что бы ни предприняла сейчас Блуждающая Звезда, она столкнется с белым солнцем практически лоб в лоб. И она они исчезнут в инфантильном взрыве Сверхновой, уничтожив себя и все окружающее на расстоянии в световой год и даже больше.

«Мне жаль, — думала Блуждающая Звезда. — Я очень жалею теперь. Мне жаль Молли Залдивар. Мне жалко Альмалика. Жалко мне тех миллиардов проживающих на планетах системы живых существ. Мне жалко себя!»

И через тонкий щупалец-нито эффектора, с помощью которого она поддерживала контакт с Молли, Звезда послала ей ответ на сообщение, что надежды больше нет.

Но контакт исчез.

Она снова прощупала все пространство вокруг в поисках Молли Залдивар и слиита. Напрасно. Каким-то образом Молли Залдивар исчезла.

Энергетические матрицы, составлявшие основу существа звезды, были потрясены болью и скорбью. В отчаянии она бросила всю имеющуюся у нее энергию к белому диску, такому близкому и уязвимому, Солнце внизу выбросило огромные струи огня, планетарное тело Блуждающей Звезды раскололось, не выдержав яростных усилий направленных исправить то, что она натворила. Но все было напрасно. Осколки планеты размерами с целые астероиды продолжали мчаться вперед уже сами по себе.

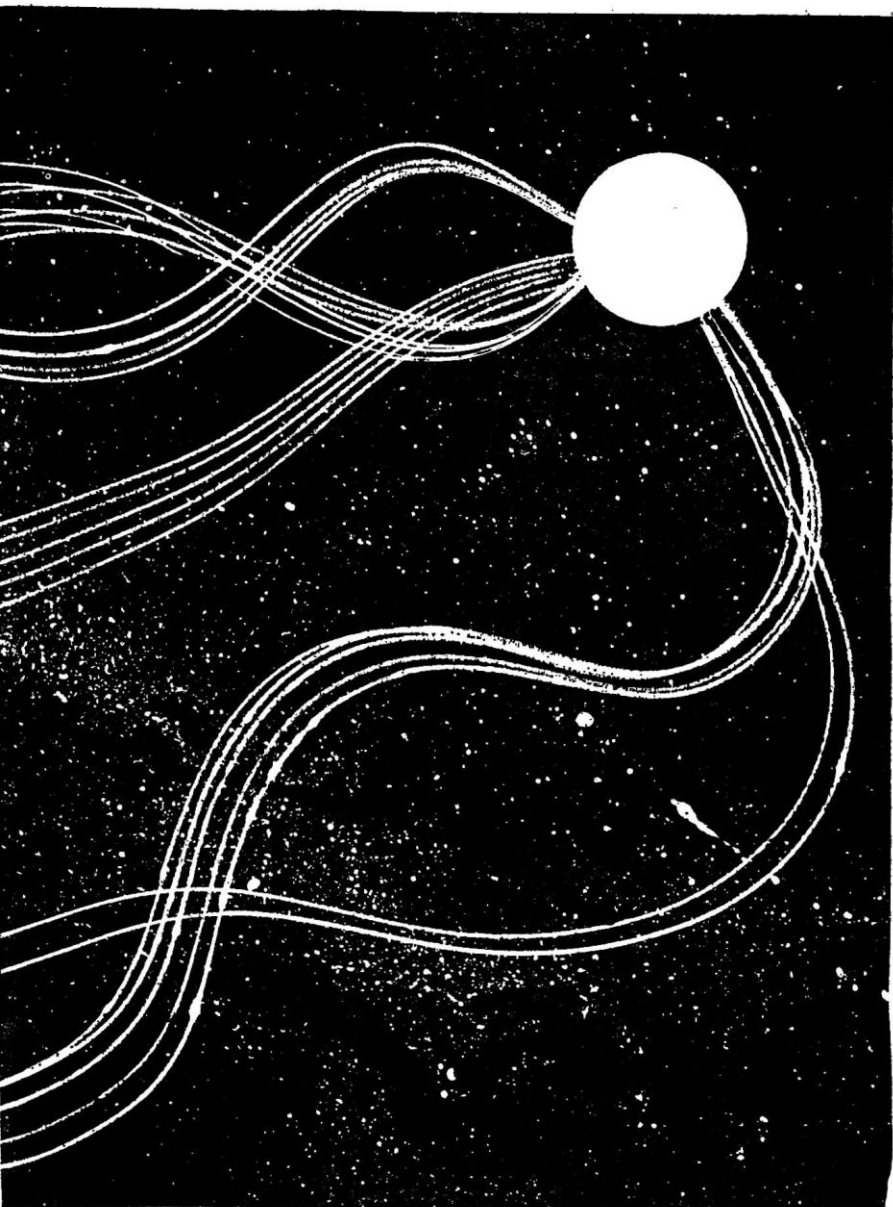
— Смотри, Малыш. Вот голубая звезда. Бери ее себе. Используй ее энергию, если хочешь.

Блуждающая Звезда выбросила во всех направлениях сеть сенсоров, чтобы отыскать источник этого могучего голоса, нежного и спокойного. Но сенсоры ничего не обнаружили. Однако Блуждающая Звезда знала, кто говорит с ней

— это сам Альмалик, огромный, раздавшийся, окольцован-

ный яростным пламенем солнцедиск внизу.

Голубая звезда?

Ради чистого любопытства Блуждающая Звезда бросила в том направлении щупалец-зонд. Голубой гигант пустовал с тех самых пор, как Блуждающая Звезда уничтожила безумный интеллект, обитавший в нем. Голубое солнце словно ждало нового обитателя.

Блуждающая Звезда почувствовала вдруг, что какая-то сила помогает ей. Сила, которой она не могла подобрать названия. Это был не только Альмалик, звезда, которую она едва не уничтожила, но вся сумма разумов, совместное усилие всех живых существ — органических, неорганических, звездных — все они помогали Блуждающей Звезде, подбадривали ее, придавали необходимые силы.

И она переместилась вдоль линии своего сенсора, войдя в ожидающее светило. В сетку ее матриц влилась новая энергия. Ресурсы гигантской стелларной печи были теперь полностью в ее распоряжении.

Могучими плазменными руками она потянулась теперь к остаткам покинутого тела планеты. К усилиям Блуждающей Звезды присоединилась энергия белого пламени Альмалика, а к белому пламени и пламя золотое. Несколько вращений электрона Блуждающая Звезда размышляла над загадочным феноменом — золотистая звезда была мертва, она наверняка не могла принимать участие в спасательной операции.

Но она помогала отвести опасность! Золотистые руки плазмы соединились с белыми и голубыми. Все вместе, ловко и мощно они потащили осколки планеты в сторону.

Те не выдержали атаки соединенной силы трех Солнц. Распавшись на миллионы мелких частиц, миновавших огромный диск Альмалика, они по кометной орбите устремились в бесконечное космическое пространство.

Опасность миновала. Альмалик был спасен!

И теперь у Блуждающей Звезды была возможность осознать, что она приобрела, получив могучее стелларное тело... и что потеряла. Она почувствовала радость и горячее

одобрение того, далекого наблюдателя... который стал теперь еще ближе к ней, хотя она не была уже полностью Блуждающей Звездой. Уже не была!

Великий звенящий хор звездных голосов приветствовал ее как нового брата среди братьев.

— Присоединяйся к нам, брат, — сказал этот великий коллективный голос, — будь один из нас. Стань единым со всеми существами, делящими с тобой умение мыслить. Стань един с Альмаликом.

И одна часть Блуждающей Звезды радовалась, но другая испытывала муки непривычной печали по Молли. Задай вар, обреченной на смерть из-за слабого органического тела. Теперь навсегда потерянной.

В могучем голосе чувствовалось удовольствие и чуть заметная едкая жалость.

— Послушай, брат, — сказал он. — Ты дал ей силу. Мы дали ей вместо дома наше пустовавшее солнце!

И, не веря себе, Блуждающая Звезда выстрелила ярким голубым плазменным протуберанцем в сторону золотистого солнца. И золотое солнце встретило сенсор Блуждающей своим собственным сенсором. Золотистая и голубая нити коснулись друг друга и сплелись. Звезды смотрели на них в радости.

Голос, заговоривший с Блуждающей Звездой, не был голосом человека, но что-то человеческое в нем явно чувствовалось... что-то веселое и нежное, что-то очень напоминавшее голос Молли Залдивар, что-то очень дорогое.

— Здравствуй, монстр! — сказал голос. — Добро пожаловать! Навсегда!

СОДЕРЖАНИЕ

РИФЫ КОСМОСА	5
ДИТЯ ЗВЕЗД.....	202
БЛУЖДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА	389

